

**ЛЕТНИЙ ПРИЛИВ
РАСХОЖДЕНИЕ
ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ**

**ЛЕТНИЙ ПРИЛИВ
РАСХОЖДЕНИЕ
ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ**

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

**Ш ЧАРЛЗ
ШЕФФИЛД**

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

CHARLES
SHEFFIELD

SUMMERTIDE
DIVERGENCE
TRANSCENDENCE

ЧАРЛЗ
ШЕФФИЛД

ЛЕТНИЙ ПРИЛИВ
РАСХОЖДЕНИЕ
ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ

акт
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕРМАК
Москва
2004

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

Ш53

Серия основана в 1999 году

Charles Sheffield

SUMMERTIDE

1990

DIVERGENCE

1991

TRANSCENDENCE

1992

Перевод с английского

*А.М. Булатова под редакцией Н.А. Науменко («Расхождение»),
Е.Ф. Левиной под редакцией Н.А. Науменко («Выход за пределы»)*

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Spectrum и Nova Littera Ltd.

Подписано в печать 4.12.03. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 40,32. Тираж 8000 экз. Заказ № 43.

Шеффилд Ч.

Ш53 Летний Прилив. Расхождение. Выход за пределы: Фантаст. романы: Цикл «Наследие Вселенной»: Пер. с англ. / Ч. Шеффилд. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 763 [5] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-022005-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9577-1002-4 (ЗАО НПП «Ермак»)

«Наследие Вселенной».

История о землянах, исследующих разбросанные по всей Галактике артефакты древней и загадочной цивилизации Строителей — артефакты, размеры которых превышают наше разумение и значение которых мы пока еще не в силах осознать.

История катастроф и невероятных приключений!..

История мужества, отваги и силы духа!..

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Charles Sheffield, 1990, 1991, 1992

© ООО «Издательство АСТ», 2004

ЛЕТНИЙ ПРИЛИВ

*Энни, Киту, Розе, Торис и всем,
чей возраст (средний)
шестнадцать.*

ПРОЛОГ

**1086 год Экспансии
(3170 год от Рождества Христова)**

Девяносто седьмой год молчания подходил к концу.

Почти столетие тишину внутри корабля не нарушало ничто — ни звуки человеческого голоса, ни человеческие шаги. Звездолет безмолвно скользил по заданному курсу, а его пассажиры застыли в криогенной пара-смерти, ледяном сне без сновидений. Раз в год их тела подогревались до температуры жидкого азота. Одновременно из центрального банка данных в их сознание поступала информация, собранная корабельными компьютерами, — воспоминания о столетнем межзвездном путешествии, за время которого их тела постареют лишь на день.

Пошли последние недели торможения, и настало время будить экипаж. Там, куда они летели, возможно, потребуются принятие таких решений, которые не под силу машине (правда, главному корабельному компьютеру, первому из всех ему подобных, снабженному карланским эмоциональным контуром, это суждение казалось необоснованным и оскорбительным).

Включилось первое разогревание. Внутренние сенсоры привычно фиксировали знакомые симптомы пробуждения: трепетание сердец, сменившееся ровной систолой, самый первый вдох и шепот заработавших легких. Сначала надлежало разбудить аварийную группу (свои краткие вахты они несли парами, по принципу «позже заснул — раньше проснулся»). И только после их подтверждения разбудят остальных.

Лишь один вопрос волновал первую пару, медленно всплывавшую из бессознательной глубины: достигнута цель или нет?

Компьютер был запрограммирован на их пробуждение только в трех случаях: если корабль достигнет наконец места своего назначения — Лакост-32В, заурядный желтый карлик спектрального класса G-2, лежащий в трех световых годах от розово-красного звездного маяка Альдебарана; на борту их эллипсоидного полукилометрового корабля возникнет какая-то проблема, одолеть которую компьютеру без помощи человека окажется не под силу; и, наконец, если сбудется то, о чем человечество начало мечтать, едва ступив на звездную дорогу...

...Каких только названий для него не придумали! М/П — ментальный перенос, межзвездное перемещение, мгновенное путешествие — или попросту гиперсветовой привод, который позволил бы резко ускорить темпы космической экспансии человечества.

Уже более тысячи лет исследовательские и колонизаторские корабли расползались по Галактике, расширяя сферу влияния Земли, и лишь сорок колоний появилось за это время, сорок островков, разбросанных по сфере диаметром в семьдесят световых лет с Солнцем в центре. Увы, каждый дюйм этого пространства преодолевался в пять раз медленнее света.

Но все колонии, большие и малые, далекие и близкие, неустанно искали решение проблемы сверхсвета...

Мужчина и женщина из первой разбуженной пары, преодолев столетнюю усталость, изучили данные о состоянии корабля и облегченно вздохнули. Аварии на борту не произошло, срочного сообщения о великом научном прорыве не поступило. Припозднившихся колонистов на Лакосте не ждет торжественная встреча с каким-нибудь отрядом сверхсветовых путешественников.

Впереди по курсу корабля уже был виден невооруженным глазом диск звезды, к которой они летели. Гравитационные возмущения ее траектории давно указывали на наличие у нее по крайней мере двух планет. Теперь же их существование подтверждалось прямыми наблюдениями, но кроме этих двух гигантов, вокруг своего светила вращались еще пять планет меньших размеров.

Женщина пришла в норму быстрее мужчины. Она первой поднялась из гибернационной капсулы Шиндлера и, пошатываясь, сделала несколько робких шагов, заново привыкая к

силе тяжести в 0,1 g, и направилась к внешним дисплеям. Открыв рот, она попыталась что-то сказать и тут же зашлась кашлем — но онемевшие голосовые связки все же заработали. Прокашлявшись, она наконец выговорила:

— Мы сделали это! Вот она.

Ослепительно золотой диск звезды Лакоста висел прямо в центре переднего экрана. Через пару минут к женщине присоединился мужчина, все еще вытиравший с лица защитный гель. Он прикоснулся к ее руке, выразив этим мимолетным движением радость, надежду, любовь. Они были не просто коллегами, но и партнерами в жизни.

— Пора будить остальных.

— Чуть позже, — сказала она. — Вспомни Каптейн. Сначала удостоверимся, что здесь есть кислород.

Трагическую историю звезды Каптейна знали все: восемь планет, считавшиеся первоочередными кандидатами на заселение, оказались на деле непригодными для обитания человека и лишены каких-либо полезных ископаемых. Первый отряд колонистов опрометчиво растратил свои ресурсы и не смог отправиться к новой цели...

— Мы в двух световых сутках, — продолжала она. — Можно начинать сканирование. Давай отыщем кислородную атмосферу, прежде чем будить остальных.

Корабельный компьютер воспринял эти слова как команду. «Один кислородный мир, — произнес его мягкий голос. — Вероятность жизни 0,92». Экран распахнулся вширь и сместился. Выросшая в размерах звезда ушла вверх, уступив место крохотной, с кончик иглы, точке, которая тут же стала увеличиваться.

«Четвертая планета, — произнес компьютер. — Индекс подобия земному изоморфизму 0,86; среднее расстояние — 1,22; средний разброс температур 0,89 — 1,04; наклон оси...»

— А это что за черт?

Компьютер смолк. Таких вопросов он не понимал.

В середине экрана виднелась планета. На поверхности сероголубого шара ясно просматривались широкие полосы и завихрения атмосферных потоков. Но помимо этих вполне обычных деталей вокруг нее проступила паутина туманных линий и ярких спиралей — казалось, планета лежит в колыбели, сотканной из бесчисленных полос света.

— Кто-то добрался сюда раньше нас... — Женщина замолчала, не закончив фразу. Между обитаемыми планетами постоянно действовала информационная сеть. Конечно, скорость передачи ограничивалась скоростью света, но все равно представлялось маловероятным, что еще кто-то, помимо них, послал исследовательский корабль к звезде Лакоста. И даже если этот другой корабль прибыл сюда раньше них, масштабы открывшегося им зрелища внушали сомнения в том, что все это успела создать колония за несколько лет.

Да что там лет — столетий!

— Общий вид!

Услышав эти слова, компьютер изменил картинку на экране. Изображение планеты съезжилось до размеров горошины, до яркой бусинки в середине экрана, и тогда стал виден окружающий ее нимб из огромных космических конструкций — сверкающая перламутровая оболочка, в которой, словно жемчужина в раковине, покоилась планета. Тонкие щупальца конструкций простирались во все стороны и, сужаясь, исчезали из виду.

— Это чужое, Тамара, — мягко произнес мужчина. — Это не мы.

Ни одно творение рук человеческих, включая орбитальные города вокруг Земли, нельзя было сравнить с этим по размеру и сложности. Некоторые спиральные нити, окружавшие, видимо, всю планету, были не менее четырехсот тысяч километров длиной и имели несколько километров в поперечнике. Такая конструкция должна быть крайне неустойчивой, поддерживая равновесие за счет тончайшего баланса гравитационных сил планеты, приливных возмущений и притяжения собственных частей. Но действительность оказалась иной.

— Пора будить остальных, — сказала Тамара.

— А что потом?

— Потом... — Она вздохнула. — А потом я не знаю что. Мы наконец нашли то, о чем мечтали, Дэймон. Нами найдены другие разумные существа, владеющие высокоразвитой технологией... Правда, если они смогли построить все это, — она указала на сверкающие конструкции в центре экрана, и ее голос от волнения дрогнул, — то почему не нашли нас? Ладно, полагаю, ответ мы узнаем через несколько дней.

Три недели спустя маленькие корабельные катера уже носились среди вен и артерий этого гигантского артефакта. Пят-

надцать дней главный корабль болтался на расстоянии пяти миллионов километров, ожидая ответа на радио- и лазерные сигналы в надежде на контакт с планетой. Но ответом было полное молчание. В конце концов они приблизились и начали непосредственное исследование.

Туманные нити на экране переплелись в колоссальную сеть — искусственное сооружение невероятных масштабов. Некоторые нити достигали поверхности планеты — этого необитаемого мира, внешне вполне пригодного для колонизации, другие, словно щупальца, простирались далеко в пространство с какой-то загадочной целью.

Но узнать назначение этого сооружения у его создателей оказалось невозможно. Внутри, как и на планете, никого не было.

Тамара и Дэймон Саваль отправились на катере осмотреть одно из волокон, гигантскую трубу из металла и полимеров в три километра шириной и пятьдесят тысяч километров длиной. Какие-то механизмы плавно двигались по внутренней его поверхности, но так медленно, что движение их едва угадывалось. Присутствие маленького катера никак не повлияло на их променады.

Тамара сидела у коммуникационной панели, поддерживая связь с кораблем.

— Они подтверждают результаты анализов метеоритных следов на поверхности, — сказала она. — Возраст по крайней мере десять миллионов лет, причем более трех миллионов лет сооружение необитаемо. Не вижу в этом ничего смешного.

— Прости. — Дэймон тряхнул головой. — Я подумал о старом парадоксе, сформулированном еще до Экспансии. Если инопланетяне существуют, где они? Двадцать дней назад мы считали, что инопланетян не существует. А теперь вопрос снова стоит перед нами. Где они, Тамми? Кто все это построил? И где строители?

Она пожала плечами. Вопросам Дэймона суждено было оставаться без ответа более трех тысяч лет.

Но пока они смотрели и удивлялись, антенны их корабля приняли слабенький сигнал от маленькой колонии на Эте Кассиопеи А. Из сообщения стало известно о новой увлекательной физической теории, в основу которой была положена статистика Бозе—Эйнштейна. Для подтверждения теории предлагалось провести тонкий и сложный эксперимент в глубоком

космосе, который оказался не по силам маленькой колонии с ограниченными ресурсами.

Но на Лакосте все думали только о Строителях, и это сообщение не привлекло к себе никакого внимания.

И напрасно. Строители давно канули в небытие, а путешествия со сверхсветовой скоростью были на пороге.

АРТЕФАКТ: КОКОН

ВКА № 1

Галактические координаты:

26223,489/14599,029/+112,58

Название: Кокон**Местоположение (звезда/планета):** Лакост/Саваль**Узловая точка Бозе-сети:** 99**Приблизительный возраст:** 10,464 ± 0,41 мегалет

История изучения. Кокон занимает особое место в истории человечества будучи первым артефактом, открытым людьми, и сравним в этом отношении с Рогом (см ВКА № 300), первым открытым кекропийцами. К. обнаружен в 1086 г.Э. колонизационным субсветовым кораблем, искавшим обитаемые планеты в системе звезды Лакоста.

Физическое описание. К. представляет собой трехмерный вариант привычных для нас орбитальных городов-колец, которые существуют во многих обитаемых мирах. Однако он намного превосходит, как по размерам, так и функционально, наши стандартные сооружения, вращающиеся в плоскости экватора. В состав артефакта входят сорок восемь Основных Стволов, соединяющих К. с поверхностью планеты на экваторе. Все Стволы на одной и той же высоте переходят в сплошное кольцевое сооружение — собственно К. Четыреста тридцать две тысячи внешних нитей тянутся от планеты на пятьсот тысяч километров. Нет двух идентичных нитей, но наиболее типичными являются полые цилиндрические трубы с внешним диаметром от четырех до восьми километров. Внешними наблюдениями установлено, что К. практически полностью экранирует поверхность Савалья.

Внутренние коридоры К. патрулируются Фагами (см ВКА № 1067). Исследователям необходимо постоянно следить за их передвижениями.

Физическая природа. При сооружении К. использованы сверхпрочные полимеры — стандартный конструкционный материал большинства артефактов Строителей. Отсутствие второго естественного спутника Савалья, несмотря на окаменелости, явно свидетельствующие о наличии в прошлом, двенадцать миллионов лет назад, двухспутниковых приливов, указывает на то, что исчезнувшая луна и послужила основным источником строительного материала для К.

Нити К. удерживаются в стабильном положении за счет баланса взаимного притяжения силами Кориолиса и давлением звездного излучения. Для объяснения этого механизма стабилизации не требуется никаких неизвестных научных гипотез, однако для разработки конкретной конструкции потребовалось бы решение такой сложнейшей многопараметрической системы уравнений, которая превосходит возможности лучших компьютеров всех галактических клайдов. Благодаря использованию Слона (см. ВКА № 859) за четыре стандартных года компьютерного времени было получено решение частной задачи, получившей название «Ограниченная проблема Кокона».

Предполагаемое назначение. Если принять за отправную точку масштабы конструкции, то становятся очевидными функциональные характеристики Кокона:

— Основные Стволы дают возможность транспортировать материалы с поверхности Савая и обратно с минимальными затратами;

— внешние нити позволяют с минимальными затратами запускать грузы в любую точку звездной системы Лакоста, используя обычный «принцип пращи».

Возможности К. огромны: в принципе ежегодно в космос может выводиться до одной пятидесятитысячной массы Савая, количество, достаточное для того, чтобы замедлить скорость вращения планеты и изменить продолжительность суток на две секунды.

Д. Лэнг
«Всеобщий каталог артефактов»,
4-е издание.

ГЛАВА 1

4135 г.Э. (6219 г. от Р.Х.)

ГДЕ Я?

Человек, повидавший пятьдесят планет и успешно выполнивший сотни опасных заданий, должен уметь, как кошка, инстинктивно извернуться и приземлиться на ноги в любой ситуации. Но в последнее время все пошло шиворот-навыворот, и с каждым новым поручением он чувствовал себя все более растерянным.

Ханс Ребка проснулся и лежал с закрытыми глазами, дожидаясь, пока место назначения и задача всплывут в его мозгу. И когда это произошло, смятение сменилось злостью.

Неделей раньше он находился на орбите вокруг Парадокса и готовился к выполнению одного из самых увлекательных и сложнейших заданий в своей жизни. Вместе с тремя коллегами ему предстояло войти в сферу Парадокса с новым защитным снаряжением и новым типом записывающей аппаратуры. В случае удачи они впервые получили бы информацию из Парадокса... возможно даже, неизвестные сведения о самих Строителях.

Ребка считал Парадокс самым загадочным и интригующим из всех сооружений Строителей. Темный сферический пузырь, пятидесяти километров в поперечнике, позволял без особого труда проникнуть внутрь себя, но при выходе стирал все увиденное из памяти и машин, и людей. Запоминающие устрой-

ства компьютеров оказывались пустыми, а люди возвращались с мозгом чистым, как у новорожденного.

В конце концов все попытки исследования были прекращены. Но в последнее время те, кто побывал в районе Парадокса, сообщали о некоторых изменениях. Внешний вид пузыря стал другим, а значит, то же самое могло произойти и с его внутренним состоянием. Новая попытка могла оказаться удачной.

Это было опасное задание, но Ханс Ребка горел желанием выполнить его. Он вызвался добровольцем, и командир отряда утвердил назначение.

И вдруг — вызов, всего за день до спуска в Парадокс.

— Альтернативное задание, — сообщил тонкий шепчущий голос, обезличенный частотным сдвигом при передаче по Бозе-сети, — в двухпланетной системе Добеллия. Отправляйтесь без промедления...

Искаженный пространством голос звучал совсем не властно, но сам приказ исходил из верховных органов власти Круга Фемуса. Задание касалось только одного Ребки, его спутникам надлежало продолжить исследование Парадокса. Поначалу то, что его так обособили, выглядело привилегией, особой честью. Когда же ему объяснили суть дела, пришла растерянность.

Он хорошо знал свои возможности: ему всегда чертовски здорово удавалось делать свое дело и превращать беспорядок в порядок. Он прекрасно соображал по ходу дела и мгновенно находил решения действительно серьезных проблем. Короче, он был типичным продуктом своего родного мира, Тойфеля.

Недаром его так называли — Тойфель, Дьявол. «Сколько ж надо человеку в прошлых жизнях нагрешить, чтоб на Тойфеле проклятом в наши дни рожденным быть?» Половина спирального рукава знала эту поговорку. Как и все планеты Круга Фемуса, Тойфель был беден природными ресурсами и особенно металлами. Один из ранних колонизационных кораблей сел на эту планету в силу крайней необходимости: отказали системы жизнеобеспечения. Заселенная с отчаяния, это была самая настоящая планета-изгой: слишком горячая, слишком маленькая, с едва пригодной для дыхания атмосферой. Продолжительность жизни уроженца Тойфеля (а большинство там просто не доживало до совершеннолетия) составляла едва ли половину среднего значения для Круга Фемуса и меньше трети для обитателей Четвертого Альянса. У родившихся на Тойфеле

инстинкт самосохранения развивался раньше умения разговаривать... иначе разговорные навыки могли не понадобиться.

Ребка, человек невысокого роста, с крупной головой и слишком большими для его тела руками и ногами, бледный и не слишком красивый, в детстве испытал недоедание и нехватку микроэлементов. Правда, ранние лишения не отразились на его умственных способностях. Еще в восьмилетнем возрасте он узнал, что такое неравные шансы, когда увидел изображения богатых миров Альянса, граничивших с Кругом Фемуса. Тогда в нем родился гнев. Ребка научился пользоваться им, контролировать и направлять его так, чтобы он служил его целям. Одновременно пришло умение скрывать свои чувства за улыбкой. К двенадцати годам все это вкуче с трудом помогло ему вырваться с Тойфеля и стать стипендиатом правительственной образовательной программы Круга Фемуса.

Ребка очень гордился своим послужным списком. Начав с нуля, он в течение двадцати пяти лет стабильно шел вверх: выполнял грандиозные терраформационные работы, превращая самые суровые и негостеприимные планеты в земной рай, мечтая то же сделать когда-нибудь и с Тойфелем; возглавлял опасные экспедиции в самое сердце зеркальных участков кометного региона, где в случае опасности помощи не дожидаться; пролетал так близко к звездам, что из-за рева помех пропадала связь, а сам корабль по возвращении полностью приходил в негодность, ободранный и оплавленный. Еще он возглавлял легендарную экспедицию сквозь Круглую Дыру, тороидальную пространственно-временную сингулярность, расположенную в спорной зоне между мирами Четвертого Альянса и Кекропийской Федерации.

Все это сделал он. И вдруг... при одной мысли о полученном приказе смятение исчезло, уступив место гневу, который продолжал оставаться его другом и помощником... вдруг его так понизили. Лишили важного дела и без словечка объяснения отослали в какой-то дальний никчемный мир в качестве то ли няньки, то ли отца-наставника ради кого-то, кто на десять лет моложе его.

«Да кто, в конце концов, такой этот Макс Перри?»

Он задал этот вопрос во время первого разговора, когда ему сообщали о задании, едва планетарный дублет Добеллия перестал быть для него лишь названием. Дело в том, что Добеллия представляла собой сухую дыру. Ее две планеты, Опал и Тектон, вращались вокруг второстепенной звезды, удален-

ной от главных центров этой ветви галактической спирали, и были почти так же бедны, как Тойфель.

Тойфель, Стикс, Обжигающая, Запустение, Ведьмин Котел — иногда Ребке казалось, что только нищета объединяет миры Круга Фемуса и отделяет их от более богатых соседей. Судя по отчетам, Добеллия была достойным членом этого «клуба нищих».

Ему передали досье Перри, чтобы он на досуге изучал его. По обыкновению Ханс Ребка стал знакомиться с ним немедленно. Особой содержательностью оно не отличалось. Макс Перри родился на такой же убогой планете, как и сам Ребка. Беженец с Обжигающей, он подобно Ребке быстро поднялся по служебной лестнице. По-видимому, он выполнял поручения правительства Круга. В ходе общей подготовки будущих лидеров, в соответствии с частью тренировочной программы, его послали на годичную стажировку в систему Добеллии.

Прошло целых семь лет, а он не возвращался. Когда ему предлагали повышение, отвечал отказом. Если на него оказывали давление с целью ускорить возвращение из Добеллии, он это просто игнорировал.

— Серьезное капиталовложение, — шептал отдаленный голос из космоса, — мы много лет учили и готовили его. Мы хотим, чтобы эти вложения в него оправдались... как оправдались наши расходы на вас. Установите характер его затруднений. Уговорите его вернуться или по крайней мере рассказать нам, почему он отказывается это сделать. Прямые приказы он игнорирует. На Опале и Тектоне в людях отчаянно нуждаются, и законы Добеллии запрещают их выдачу.

— Он мне ничего не расскажет. Зачем ему это делать?

— Вы поедете на Добеллию как инспектор и надзиратель. Мы специально организовали в рамках олигархической структуры более высокую должность его начальника. Ее вы и займете. Мы согласны, что Перри не откроет своих мотивов при обычном расследовании. Это уже пробовали. Используйте свои сильные стороны, всю свою изощренность, инициативу, — голос прервался, — вашу злость.

— Я не злюсь на Перри.

Ребка задал еще несколько вопросов, но полученные ответы ничего не прояснили. Задание все равно выглядело бессмысленным. Центральный комитет Круга Фемуса может разбрасывать свои ресурсы как ему угодно, но тратить попусту способности Ребки — глупая ошибка. И это не ложная скром-

ность, просто, по его мнению, здесь лучше подошел бы психиатр. Или этот способ уже применялся и провалился?

Ханс Ребка встал с койки и подошел к окну. Посмотрел вверх. После трехдневного путешествия через пять узловых точек Бозе-сети и последнего субсветового этапа он наконец шел на посадку на Звездном полушарии Опала. Название казалось издевкой — даже перед рассветом ни одной звезды здесь не было видно. В такое время года, незадолго до Летнего Прилива, просветы в облаках случались на Опале крайне редко. Приближаясь к планете, он видел только одинаковый со всех сторон светящийся шар и ничего больше. Весь этот мир представлял собой воду, и, когда Добеллия ближе всего подходила к своему главному светилу, Мэнделу, приливы достигали своего пика, и океаны Опала не знали и секунды покоя. Безопасно было лишь на Слингах, природных плавучих островах, состоящих из спутанных растений, покрытых слоем почвы, которые носило по поверхности Опала волею ветров и приливов.

Самые большие Слинги имели сотни километров в поперечнике. Космопорт Звездного полушария располагался как раз на одном из таких. Но размеры Слинга ничего не значили во время Летнего Прилива. Куда его понесет и уцелеет ли он, когда пойдут большие волны?

Если его родина, Тойфель, была Огнем, то Опал был Водой.

А как же Тектон, другая половина планетного дублета Добеллия?

Судя по тому, что он о ней слышал, то был ад. Ни в одном из отчетов он не встретил ни единого доброго слова о Тектоне. То, что происходило на Опале в период Летнего Прилива, называли ужасающим и грандиозно эффектным, но выжить там было можно. На Тектоне Летний Прилив был смертельным.

Он снова поглядел на небо и поразился, увидев, что оно посветлело. Опал и Тектон были приливно связаны друг с другом и вращались вокруг общего центра масс с бешеной скоростью. Сутки в системе Добеллии длились только восемь стандартных часов. За этими утренними размышлениями он не заметил, как наступил день. Он наскоро позавтракал, а затем аэрокар понес его на другое полушарие планеты, на сторону Тектона, к самой глупой и бесперспективной работе, которую когда-либо ему приходилось выполнять.

Ребка выругался, проклял имя Макса Перри и пошел к двери. Еще не встретившись с этим человеком, он уже успел невзлюбить его.

АРТЕФАКТ: ПАРАДОКС

ВКА № 35

Галактические координаты: 27312,443/15917,902/+135,66**Название:** Парадокс**Местонахождение (звезда/планета):** Дариен/Клейндинст**Узловая точка Бозе-сети:** 139**Приблизительный возраст:** $9,112 \pm 0,11$ мегалет

История изучения. Неизвестно, сколько раз открывали Парадокс, все сведения об этом утрачены. Известно, что в 1379 г.Э. Раттледж, Каминский, Парцен и Лу-Ян организовали экспедицию на двух кораблях для исследования участка аномальной рефракции, ныне известного как П.

Прибыв первыми на место, Раттледж и Каминский сделали в своем главном компьютере запись о намерении войти в сферу П. на исследовательском катере, оставив основной корабль на безопасном расстоянии. Прибывшие через пять дней Парцен и Лу-Ян обнаружили корабль и катер в отличном рабочем состоянии. Раттледж и Каминский находились на катере, живые, но изнуренные голодом и обезвоживанием. Кроме того, они не могли разговаривать и совершать даже самые простые операции. Последующие тесты показали, что в их памяти содержится не больше информации, чем у новорожденного младенца. Банк данных и компьютерная память оказались начисто стертыми.

После просмотра записей на этом корабле Парцен и Лу-Ян бросили жребий, чтобы решить, кому сделать вторую попытку войти внутрь сферы П. Выиграл Лу-Ян и спустился туда. Парцен не получал от него никаких сигналов, хотя, согласно предварительной договоренности, сообщения надлежало посылать каждые четыре часа. Лу-Ян вернулся через три дня здоровым физически, но с полностью уничтоженной памятью, хотя соматические (инстинктивные) реакции сохранились в неизменном виде.

В 1557 г.Э. П. был объявлен запретной зоной. Исключение делалось лишь для специально подготовленных исследователей.

Физические характеристики. П — сферическая область пятидесяти километров в диаметре. По внешней границе время от времени пробегают цветные блики, как на мыльном пузыре; эта поверхность то отражает, то пропускает излучение с различной длиной волны, судя по всему, случайным образом.

Сфера непроницаема в некоторых частях спектра (1,2 — 223 метра) и совершенно прозрачна в других (5,6 — 366 микрон). Как выглядит внутренность П., неизвестно.

Размер и внешний вид П. не являются постоянными. За время наблюдений изменения цвета и размера отмечались девять раз.

Физическая природа. Основываясь на данных просвечивания, принято считать, что П. имеет сложное внутреннее строение. Однако в распоряжении исследователей нет прямого подтверждения этой гипотезы из-за уничтожающей информации характера П. Большинство аналитиков считают, что П. — это четырехмерная экструзия в пространственно-временной континуум какого-то многомерного объекта, возможно, свернутого по части измерений 20-3-7-многообразия Айкром и Х'мирана.

Предполагаемое назначение. Неизвестно. Однако Скорлези предположил, что П. представляет собой «очищающую ванну» для крупных информационных артефактов Строителей, таких как Слон (см. ВКА № 859), перед их повторным использованием. Следует, однако, отметить несоответствие этого предположения размерам самого Слона (4000 x 900 км), если только не предполагается многократное прохождение подобных объектов через сферу П.

Д. Лэнг
«Всеобщий каталог артефактов»,
4-е издание.

ГЛАВА 2

36 дней до Летнего Прилива

Вторая смена рабочего дня только начиналась, а Берди Келли уже стало ясно, что она будет поганой. Новый начальник был еще далеко, в Звездном полушарии, но босс уже хмурился в угрюмом ожидании его неизбежного прибытия.

— Каким образом человек, который ни разу даже не посещал эту систему, окажется достаточно компетентным, чтобы контролировать путешествия между Опалом и Тектоном? — Макс Перри уставился на Берди несчастным взглядом. Берди оглянулся, увидев обтянутый подбородок Перри, подумал, что начальнику не мешало бы хорошенько поесть и день-два отдохнуть.

— Связь с Тектоном — это наша работа, — продолжал Перри, — мы ее шесть лет делаем. Что знает о ней этот Ребка, совершенно чужой здесь человек? Ничего. Они что там, в руководстве Круга, считают это таким простым, что любой идиот легко разберется в Тектоне? Мы знаем, как важен запрет доступа на Тектон. Особенно теперь, когда Летний Прилив на носу. А они представляют себе это?

Верди слушал поток жалоб Макса Перри и сочувственно кивал. Перри — хороший человек и босс добросовестный, но у него есть свои пунктики. И капитан Ханс Ребка, кто бы он ни был, жизнь Берди явно осложнит.

Берди вздохнул и откинулся на спинку своего плетеного кресла. Кабинет Перри находился на верхнем этаже самого

высокого здания в Тектонном полушарии Опала. Это было четырехэтажное экспериментальное строение, возведенное по проекту самого Перри. Берди Келли до сих пор чувствовал себя в нем неудобно. Его фундамент проходил сквозь слои грязи, переплетения живых и мертвых корней и нижнюю поверхность Слинга — к солоноватым водам опальского океана. Оно было уравновешено там полой камерой, и гидростатическое давление компенсировало вес здания.

И даже такое низкое здание не казалось Берди безопасным. Эти Слинги были не слишком прочными образованиями, и большинство зданий на Опале имели только один-два этажа. Последние шесть месяцев этот Слинг был закреплен на одном месте, но с приближением Летнего Прилива это становилось слишком опасным. Перри приказал, чтобы через восемь дней Слинг был освобожден и мог двигаться по воле прилива... Но не поздно ли?

Зазвенел коммуникатор. Макс Перри проигнорировал его. Он лежал в своем откидном кресле, уставившись в потолок. Берди вытер руки о свою потертую белую куртку, наклонился вперед и прочел сообщение на примитивном дисплее.

Он шмыгнул носом. Это сообщение вряд ли поднимет настроение Макса Перри.

— Капитан Ребка ближе, чем мы думали, сэр, — сказал он. — Он покинул Звездное полушарие несколько часов назад. Его аэрокар должен приземлиться с минуты на минуту.

— Спасибо, Берди. — Перри не шевельнулся. — Попроси, чтобы служба Слинга держала нас в курсе.

— Я это сделаю, командор. — Келли понимал, что его выгоняют, но решил не обращать на это внимания. — До того, как сюда явится капитан Ребка, вам надо взглянуть на это, сэр.

Положив папку на плетеную крышку стола между ними, Келли снова уселся и стал ждать. Торопить Макса Перри в его нынешнем состоянии не следовало.

Потолок комнаты был прозрачным и смотрел прямо в небо Опала, обычно затянутое тучами. Местонахождение дома выбиралось очень тщательно. Он находился почти в центре Тектонного полушария, где атмосферная циркуляция время от времени создавала просветы в облаках.

Сейчас в облачном покрове появился как раз такой краткий предсумеречный разрыв, и в нем был виден Тектон. Его поверхность находилась всего в двенадцати тысячах километ-

ров от Опала, и поэтому серо-фиолетовый шар Тектона нависал над Опалом словно огромная переспелая слива. С такого расстояния он казался вполне спокойным, но размытый ореол вокруг планеты, смягчавший ее контуры, говорил о бушующих там пыльных бурях.

До Летнего Прилива оставалось только тридцать шесть дней, меньше двух стандартных недель. Через десять дней Перри отдаст приказ об эвакуации с поверхности Тектона, потом лично проследит за этим. За последние шесть лет он был последним человеком, покидавшим Тектон при исходе, и первым возвратившимся после Летнего Прилива.

Для Перри это стало обязательным. И независимо от того, что захочет Ребка, Берди Келли был уверен, что Макс Перри постарается снова поступить так же.

Ночь уже наступала на Опал. Ее темная тень скоро создаст краткую псевдоночь, когда Тектон затмит Мэндел. Но Перри и Келли увидеть этого не смогут. Прорыв в тучах затягивался, съедаемый завитками быстро надвигающихся облаков. Вот далеко вверху блеснула последняя серебряная вспышка — это свет отразился от сверкающего узла Станции-на-Полпути и нижней части Пуповины. Затем Тектон исчез. Несколько минут спустя крыша над их головой покрылась звездным узором первых капель дождя.

Перри вздохнул, наклонился и взял в руки папку. Келли знал, что тот запомнил его слова, хотя и не слушал его специально. Но Перри понимал — если его «правая рука» говорит, что он должен просмотреть папку немедленно, для этого есть серьезная причина.

В зеленой обложке лежало три кратких сообщения, и в каждом просьба о разрешении посетить Тектон. В этом не было ничего необычного. Берди готов был ответить рутинным согласием, оговорив единственную задержку необходимостью утряски планов путешествия, пока не прочел, откуда шли просьбы. Тогда он понял, что их должен увидеть Перри, который наверняка захочет ознакомиться подробнее с ними.

Снова зажужжал коммуникатор. Как раз тогда, когда Перри сосредоточился на содержании папки. Берди Келли взглянул на новое сообщение и тихо вышел из комнаты. Прибыл Ребка, но Перри не обязан встречать его у лифта с приветствиями. Это может сделать и Келли. У Перри достаточно забот с этими просьбами о посещении. Все они пришли из-за преде-

лов Добеллии... Если на то пошло, из-за пределов Круга Фемуса. Одна была из Четвертого Альянса, одна из отдаленного района Сообщества Зардалу, настолько отдаленного, что Берди Келли никогда о нем и не слыхивал, а еще одна, самая странная из всех, была послана из Кекропийской Федерации, что совершенно беспрецедентно. Насколько Берди было известно, ни один кекропиец никогда не появлялся даже на расстоянии светового года от Добеллии. Еще более странным было то, что все заявители хотели посетить поверхность Тектона во время Летнего Прилива.

Возвращаясь, Берди Келли, прежде чем войти, постучал в дверь. Это сразу насторожило Перри.

Келли держал в руках другую папку и был не один. За ним стоял худой, плохо одетый мужчина, который осматривал все вокруг блестящими темно-карими глазами и, казалось, больше интересовался скудной и потрепанной обстановкой комнаты, чем самим Перри.

Первые же его слова подтвердили это впечатление.

— Командор Перри, рад встрече с вами. Я Ханс Ребка. Мне известно, что Опал небогатая планета, но ваша должность здесь наверняка заслуживает лучшей обстановки.

Перри положил папку на стол и вслед за гостем обвел глазами комнату. Это была одновременно спальня и кабинет. В ней имелись лишь кровать, три стула, стол обеденный и стол письменный. Все несколько побитое и явно не новое.

Перри пожал плечами.

— Мои потребности очень скромны. Этого более чем достаточно.

Прибывший улыбнулся.

— Я-то согласен. Но другие вряд ли с этим согласятся.

Независимо от того, что скрывалось за этой улыбкой, было очевидно, что по крайней мере часть высказанного Ребкой одобрения была вполне искренней. В первые же десять секунд знакомства с Максом Перри он смог отказаться от одной из мыслей, пришедших ему в голову при чтении его досье. Даже беднейшая из планет могла обеспечить весьма большую роскошь одному человеку, и некоторые люди захотели бы остаться на убогой планете ради сомнительных привилегий. Но в чем бы ни заключался секрет Перри, здесь его держала явно

не возможность жить роскошно. Он жил так же просто, как и Ребка.

Тогда, может быть, власть?

Вряд ли. Перри контролировал доступ на Тектон, этим его власть и ограничивалась. Пропуска для посетителей из других миров шли через него, но любой, если очень хотел, мог обратиться к более высокому начальству в совете Добеллии.

Так что же им двигало? Ведь что-то должно быть, всегда что-то есть. Что же именно?

Во время официального представления и обмена бессмысленными любезностями по поводу правительства Опала и аппарата Главного Координатора Круга Фемуса Ребка внимательно наблюдал за самим Перри.

И делал это с искренним интересом. Конечно, он бы с большим удовольствием занимался исследованием Парадокса, но, несмотря на все свое презрение к новому назначению, он заинтересовался поставленным вопросом.

Контраст между прошлой историей Перри и его нынешним положением был слишком разителен. К двадцати годам Перри стал координатором секции в одном из самых суровых миров Круга. Он умело и тонко справлялся со всеми проблемами и в то же время не был жестоким. Последнее его задание на Опале являлось почти формальностью, так сказать, последняя закалка металла, прежде чем его сочтут готовым к работе в аппарате Координатора. Он приехал сюда. И застрял. Просидел все эти годы на тупиковой работе, не желая оставить ее, утратив все свое честолюбие... Почему?

Сам человек не давал никаких намеков, по которым можно было разгадать загадку. Он был бледен и напряжен, но такую же бледность и напряженность Ребка видел каждый раз, глядя в зеркало. Оба они провели свои юные годы на планетах, где выжить — уже достижение, а преуспеть — просто невозможно. Выпуклая щитовидная железа Перри свидетельствовала о жизни в условиях дефицита йода, а тонкие кривоватые ноги позволяли диагностировать последствия рахита. В то же время Перри выглядел вполне здоровым. Это Ребка может легко проверить и непременно сделает в свое время. Но хорошее физическое состояние означало только, что проблема скорее из области психики, с чем разобраться труднее всего.

Наблюдение не было односторонним. Пока шел официальный обмен приветствиями, Ребка видел, что и Перри делает свои выводы.

Надеялся ли он, что новый начальник окажется человеком, уставшим от предыдущей работы, излишеств, или ленивым пенсионером? У правительства Круга хватало людей, искавших синекеры, праздных лентяев, готовых предоставить Перри полную свободу действий, лишь бы их самих не заставляли работать.

Видимо, Перри хотел поскорее узнать, с кем имеет дело, и поэтому сразу же после обмена приветствиями он попросил Келли удалиться и указал Ребке на один из стульев.

— Полагаю, вы вскоре приступите к выполнению своих обязанностей, капитан?

— Моя работа на Опале и Тектоне уже началась. Меня известили, что она началась с момента приземления в порту Звездной стороны.

— Хорошо. — Перри протянул ему зеленую папку и последний, четвертый документ, только что полученный от Келли. — Я просмотрел половину этих просьб. Буду признателен, если вы просмотрите их и выскажете свое мнение.

Другими словами, покажи-ка мне, какой ты сообразительный. Ребка взял документы и бегло проглядел их в течение одной-двух минут. Он не знал, в чем заключается проверка, но оплошать не хотелось.

— Все составлены вроде бы по официальной форме, — сказал он наконец.

— Вы не видите в них ничего необычного?

— Ну, пожалуй, в разнородности заявителей. Часто вы получаете просьбы о посещении Добеллии извне?

— Крайне редко, — кивнул Перри с вынужденным уважением, — а тут, капитан, мы получили четыре заявки в один день. Все хотят посетить Опал и Тектон. Представители трех основных объединений плюс член совета Альянса. Знаете ли вы, сколько обычно посетителей в год бывает на Добеллии? Человек пятьдесят... но они все из наших, из Круга Фемуса... И никто никогда не хотел посетить Тектон.

Макс Перри снова взялся за папку. По-видимому, Ребка удовлетворил какому-то его первичному критерию и был принят, поскольку манеры Перри несколько утратили свою официальность.

— Посмотрите на эту. Бог мой, она от кекропийца. Никто на Добеллии никогда не видел живого кекропийца. Я сам никогда их не видел. Никто здесь не знает, как с ними общаться.

— Не беспокойтесь. — Ребка снова сосредоточился на листах, лежавших перед ним. — У этой будет свой переводчик, но вы правы: если в год бывает всего пятьдесят заявок, то четыре за один день — это за пределами разумной статистики.

«И ты мне не сказал, что со мной их пять, — подумал он, — эти заявки получены одновременно с моим прибытием, а ведь для него я такой же незваный гость, как и те остальные».

— Так что же их интересует, командор? Я не обращал внимания на причины.

— Причины различные. Вот эта заявка, — Перри ткнул тонким пальцем в страницу, — пришла только что. Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Джулиус Грейвс? Он представляет Этический Совет Четвертого Альянса и, согласно этой бумаге, хочет прибыть на Опал для расследования дела о множественном убийстве, как-то связанном с близнецами с Шасты.

— Богатый мир эта Шаста. Очень далекий от Добеллии — во многих смыслах.

— Но если он захочет, то, согласно известным мне правилам, сможет отменить все, что мы решим здесь на месте.

— И наше решение, и решение кого бы то ни было на Добеллии. — Ребка взял у Перри заявку. — Я никогда не слышал о Джулиусе Грейвсе, но этические советы во всех звездных объединениях имеют очень большой вес. С ним будет трудно спорить.

— И он ничего не говорит о причине приезда сюда!

— Он и не обязан говорить. — Ребка снова проглядел заявку. — В его случае эта просьба — чистая формальность. Если он хочет приехать, его никто не остановит. А остальные? Что им нужно на Тектоне?

— Атвар Х'сиал, это кекропийка, сообщает, что ее специальность — эволюция организмов в экстремальных условиях. Тектон этому описанию, безусловно, соответствует. Она хочет отправиться туда и посмотреть, как приспособляются местные формы жизни к периоду Летнего Прилива.

— Она будет одна?

— Нет. С кем-то или с чем-то по имени Ж'мерлия. Лотфианин.

— Ладно. Это ее переводчик. Лотфиане — это еще одна форма жизни в Кекропийской Федерации. Кто еще?

— Еще одна женщина. Дари Лэнг из Четвертого Альянса.

— Человек?

— Как я понял, да. Заявляет, что интересуется артефактами Строителей.

— Я считал, что в системе Добеллии есть только один.

— Один. Это Пуповина. Дари Лэнг хочет на нее поглядеть.

— Для этого ей не надо отправляться на Тектон.

— Она пишет, что хочет поглядеть, как закреплен конец Пуповины на Тектоне. Это логично. Никто никогда не мог понять, каким образом Строители обеспечили регулировку ее длины при Летнем Приливе. Так что ее просьба разумна. Хотите верить, хотите нет.

Судя по интонации, Перри не верил. Ребка пришлось в голову, что у них есть по крайней мере одна общая черта... их цинизм.

— И наконец, Луис Ненда, — продолжал Перри, — из Сообщества Зардалу. Когда вы слышали о них в последний раз?

— Во время их последней стычки с Альянсом. Как он объясняет свое желание?

— Он не потрудился сообщить подробности, просто что-то об исследовании новых физических сил. Хочет изучать литосферные приливы на Тектоне. И тут есть приписка о теории стабильности биосферы в применении к Тектону и Опалу. О, и еще у Ненды с собой будет хайменопт в качестве ручного любимца. Вот вам и еще одно «впервые». Единственный хайменопт, которого когда-либо видели на Опале — это чучело в Музее естествознания. Сложите все вместе, капитан, каков результат?

Ребка ничего не ответил. Если только не лгали все характеристики на Перри, за этими грустными глазами скрывался ум тонкий и изощренный. Ребка ни на минуту не поверил, что Перри просил совета, потому что нуждался в нем. Он прошупывал самого Ребку, проверяя его интуицию и уравновешенность.

— В какое время они просят разрешения прибыть?

— Согласно вот этой заявке, Дари Лэнг прошла последний Бозе-узел три дня назад. Это означает, что она на последнем субсветовом этапе перед космопортом на Звездной стороне. Просьба о приземлении может поступить в любую минуту. Остальные, возможно, в нескольких днях пути отсюда.

— И что вы рекомендуете нам делать?

— Лучше скажу, чего не рекомендую нам делать. — В первый раз на худом лице Макса Перри появились какие-то эмо-

ции. — Мы можем позволить им посетить Опал, хотя в нынешний Летний Прилив это будет делом нешуточным, но ни при каких обстоятельствах не следует допускать их на Тектон.

«Это означает, — подумал Ребка, — что мой инстинкт там, на Звездной стороне, меня не подвел. Если я хочу выяснить, что держит Макса Перри на Добеллии, мне, видимо, придется сделать именно это: посетить Тектон во время Летнего Прилива. Что ж, ад так ад. Вряд ли это более опасно, чем спуститься в Парадокс. Но необходимо немного прошупать здешнюю обстановку, прежде чем забираться так далеко».

— Вы меня не убедили, — ответил он и увидел, как в светлых глазах Перри мелькнула настороженность. — Люди издавна приезжают увидеть Тектон. Они будут готовы дорого заплатить Добеллии за эту привилегию. А планетная система нуждается в любых доходах. Прежде чем мы откажем им в доступе, я хочу поговорить хотя бы с Дари Лэнг. Полагаю, мне самому, возможно, понадобится взглянуть на поверхность Тектона перед Летним Приливом.

«Тектон перед Летним Приливом». При этих словах на лице Перри появилось другое выражение. Грусть. Вина. Даже, пожалуй, тоска. Подходит любое из этих определений, но какое именно? Ребке хотелось бы лучше знать этого человека. Выражение лица Перри наверняка дало бы ответ на тысячу вопросов... тому, кто сумел бы понять его.

ГЛАВА 3

33 дня до Летнего Прилива

Ханс Ребка, прибыв на Добеллию, почувствовал злость и растерянность. Дари Лэнг, летевшая три дня спустя по субсветовому маршруту от конечной точки Бозе-сети к космопорту Опала, злости не испытывала.

Она нервничала, даже более того, была безумно напугана.

Большую часть своей жизни она занималась научно-исследовательской работой. Будучи археологом, она любила мысленно погружаться в прошлое, за семь миллионов лет до настоящего времени. Дари провела самый полный обзор всех

артефактов Строителей: отыскивала упоминания о них, составляла списки, сопоставляла и описывала каждый предмет или сооружение, обнаруженное на территории Четвертого Альянса, и старательно отмечала точное время каких-либо изменений в их внешнем виде или поведении. Но делала она это пассивно, не выходя из своего тихого спокойного кабинета на Вратах Стражника. Она знала наизусть координаты тысячи двухсот с лишним артефактов, разбросанных по всему рукаву галактики, и в любой момент могла сообщить последние новости о каждом из них. Однако ни одного из них сама она не видела, за исключением, конечно, Стражника, сияющее облако которого было видно с поверхности ее родной планеты.

А теперь она приближалась к Добеллии, куда ее никто и посылать-то не собирался.

— Почему мне нельзя поехать? — поинтересовалась она у прибывшего к ней с Миранды представителя Комитета Четвертого Альянса. — Это аномалия больше моя, чем чья-либо еще: я ее открыла.

— Это верно. — Легат Перейра, маленькая терпеливая женщина с орехово-коричневыми волосами и золотистыми глазами не казалась страшной, но Дари Лэнг было трудно смотреть ей в глаза. — С тех пор, как вы сообщили о ней, нами проведены проверки на каждом артефакте, и все подтвердилось. Никто не собирается оспаривать вашу славу первооткрывателя. Мы все признаем, что вы наш самый лучший специалист по Строителям и больше всех знаете об их технологии...

— Никто ни черта не понимает в их технологии! — Даже будучи крайне раздраженной, Дари не могла пропустить эту неточность мимо ушей.

— «Самый» — определение относительное. Скажем так: никто в Альянсе не знает больше вас о технологии Строителей. Очевидно, что вы лучше всех подготовлены, чтобы разобраться в сути этой аномалии, — голос женщины становился все ласковее, — но в то же время, профессор Лэнг, следует признать, что у вас слишком малый опыт межзвездных путешествий.

— Как вам прекрасно известно, у меня его вовсе нет. Но все, от вас до моего домохозяина Матра, говорят мне, что межзвездные путешествия сейчас почти безопасны.

Легат вздохнула.

— Профессор, мы имеем в виду не опасность путешествий. Оглянитесь вокруг. Что вы видите?

Дари подняла голову и оглядела сад. Цветы, виноград, деревья, воркующие птички, последние лучи вечернего солнца, пыльными полосами проникающие сквозь переплетение веток и листьев беседки. Все выглядело совершенно нормальным. Что, собственно, она должна здесь увидеть?

— Все отлично выглядит.

— *Здесь* и в самом деле все отлично. Вы прожили всю свою жизнь на Вратах Стражника, а это — планета-сад. Одна из самых лучших, красивейших и богатейших планет, которые мы знаем... Она гораздо лучше Миранды, где живу я. Но вы предполагаете отправиться на Тектон. В никуда. В маленький, грязный, унылый и опасный мирок ради дикой, несбыточной надежды, что найдете там новые сведения о Строителях. Можете вы привести мне хоть одно убедительное доказательство, что на Тектоне они есть?

— Вы знаете ответ. Мое открытие дает надежду на это.

— Какая-то статистическая аномалия. И вы хотите претерпеть неудобства и мытарства из-за статистики?

— Конечно, нет. — Дари почувствовала, что женщина говорит с ней снисходительно, единственное, чего она не терпела. — Никто не хочет неудобств. Но, легат Перейра, вы же признали, что в Четвертом Альянсе никто не знает о Строителях больше меня. Допустим, вместо меня поедет кто-то другой и из-за нехватки знаний потерпит фиаско там, где я добыюсь успеха. Как вы считаете, прошу я себе это?

Не ответив, Перейра подошла к окну и поманила Дари Лэнг. Она показала ей на медленно темнеющее небо. У горизонта сверкал Стражник, слоистый шар, миллион километров в поперечнике, отдаленный от них на двести миллионов километров.

— Допустим, я скажу вам, что знаю способ пробиться сквозь защитную оболочку Стражника и исследовать Пирамиду в центре него. Захотите ли вы отправиться со мной?

— Разумеется. Я изучала Стражник с детства. Если я права, то в Пирамиде находится библиотека всех наук Строителей... и, возможно, их хроники. Но никто не знает, как пробить экран. Мы пытаемся уже тысячу лет.

— Допустим, мы пробьем его.

— Тогда я поеду туда.

— Даже если это будет сопряжено с опасностями и неудобствами?

— Я все равно поеду.

Легат кивнула, молча села и сидела так несколько минут в гущавшейся темноте.

— Прекрасно, — произнесла она наконец. — Профессор Лэнг, о вас говорят, что вы разумный человек. Хочется думать, что я тоже. Если вы рискуете подвергнуться опасности Стражника, а это неизвестная опасность, то вы имеете право рискнуть и подвергнуть себя меньшим опасностям Тектона. Что же касается путешествия в систему Добеллии, мы, люди, создали Бозе-двигатель и хорошо знаем, как он работает. Мы знаем, как пользоваться Бозе-сетью. Ощущение поначалу пугающее, но опасность невелика. И, быть может, если вы воспользуетесь этой сетью для исследования вашей статистической аномалии, она в конце концов поможет найти инструмент, с помощью которого вы раскроете тайну Строителей. По-моему, я рассуждаю логично. У вас есть право совершить путешествие. Я поддержу вашу заявку.

— Благодарю вас, легат Перейра. — Вместе с ощущением победы к Дари пришел холодок, вызванный не прохладой ночного воздуха: она переходила от приятного теоретизирования к реальным действиям.

— Есть, однако, еще одна деталь. — Голос Перейры стал резким. — Надеюсь, вы никому за пределами Альянса не сообщили об открытой вами аномалии?

— Нет. Ни единому человеку. Я направила отчет только по официальным каналам. Этим никто здесь не интересуется, а я хотела...

— Хорошо. Постарайтесь и дальше вести себя так же. К вашему сведению, аномалия считается государственной тайной Четвертого Альянса.

— Тайной? Но ведь любой может провести такой же расчет. Почему?.. — Лэнг замолкла. Если она будет настаивать, что любой может сделать такую же работу, то потеряет преимущественное право на аномалию... и лишится поездки на Тектон.

Легат долго смотрела на нее и наконец кивнула:

— Помните, вы собираетесь отправиться в путешествие более чем за семьсот световых лет от границ Альянса. В каком-то смысле я вам завидую. Это путешествие длиннее всех, выпав-

давших на мою долю. Мне остается только пожелать вам доброго и безопасного пути и удачи в предстоящей миссии.

Дари с трудом верила, что победила. После стольких недель переписки со всеми инстанциями, после задержек и колебаний властей Четвертого Альянса... Все опасности Бозе-перехода перестали казаться страшными, после того как она отправилась в путь и сделала первый шаг по Сети. Первый переход вывел ее из равновесия не из-за тех ощущений, которые она при этом испытала, а из-за их отсутствия. Переход был мгновенным и неосязаемым, и это почему-то казалось неправильным. Человеческому мозгу требовался какой-то признак того, что он и корабль перенесены на сотню или больше световых лет. «Ну, хотя бы небольшое потрясение, — думала Дари, — тошнота или потеря ориентации».

Но после второго и третьего перехода эта озабоченность исчезла — Дари приняла тайны Бозе-перехода как данность.

Труднее всего оказалось побороть чувство собственной непригодности. Она не умела врать, никогда не умела. В системе Добеллии находилась структура, которую также приписывали Строителям: Пуповина. Это был один из малых артефактов, чьи назначение и принципы действия были очевидны. Она никогда не отправилась бы в такое долгое путешествие, чтобы всего лишь посмотреть на Пуповину. Никто бы этого не стал делать. Но именно это считалось официальной причиной ее визита, выдвинутой Альянсом.

Она была уверена, что кто-нибудь обязательно спросит ее, зачем она делает эту странную вещь. А врать она так и не научилась. Ее выдаст выражение лица.

Вид Добеллии несколько снял напряженность. Среди множества чудес, созданных Строителями, не существовало ничего равного этому природному образованию. Сорок или пятьдесят миллионов лет назад планетарный дублет Тектон — Опал вращался вокруг звезды Мэндел по почти круговой орбите. Миллиарды лет эта орбита была стабильной, не поддаваясь возмущениям маленького и отдаленного соседа Мэндела, в двойной звездной системе, Амаранта, и двух громадных газовых планет-гигантов, двигавшихся по своим эксцентрическим орбитам в пятистах и семистах миллионах километров дальше. Условия на обеих планетах Добеллии были вполне обычными, пока близкое схождение двух газовых гигантов не швырнуло один из них в сторону Мэндела. В этом путешествии безымян-

ный странник набрал такую скорость, которая вывела его за пределы звездной системы в пустоту.

Тем бы история и закончилась, но на выходе из системы Мэндела странник встретил Добеллию. Газовый гигант совершил сложный танец вокруг двойной планеты, сдвинул Опал и Тектон поближе друг к другу и изменил их совместную траекторию так, что нынешний периастрон стал гораздо ближе к Мэнделу. После этого гигант-шатун сгинул навсегда. Остались только Добеллия и второй гигант, Гаргантюа, орбиты которых продолжали медленно изменяться, что и позволило восстановить ход событий.

До Летнего Прилива, когда Добеллия и Мэндел находятся ближе всего друг к другу, оставалась всего пара недель. Если расчеты Дари Лэнг верны, это будет иметь особое, огромное значение для всего рукава галактической спирали. И для нее самой, чьи теории наконец подтвердятся.

Или окажутся ложными.

Она перешла на левый борт корабля и стала следить за приближением к Добеллии. Опал и Тектон бесновались в сумасшедшем головокружительном танце, делая три полных оборота за одни стандартные сутки. Она буквально видела их движение. Однако скорость понятие относительное. Приземление на посадочной площадке Звездного полушария Опала, несущегося с такой прытью, казалось делом трудным, но навигационные компьютеры четко выполняли свою обыденную работу.

Нет, настоящих проблем следовало ждать от людей, которые ее там встретят. Сам тон их разрешения прибыть на Опал звучал как-то зловеще: «Предоставьте полные данные о спонсоре. Назовите предполагаемый срок пребывания. Подробно изложите, что намереваетесь обнаружить, почему критично время вашего визита? Объясните, почему вы хотите побывать именно на Тектоне. Предоставьте данные о кредите или безвозвратный аванс. Подпись: Максвелл Перри, командор».

Неужели иммиграционная служба на Опале так враждебна ко всем гостям из внешнего мира?

Она все еще стояла у левого борта, когда корабль начал свой заключительный посадочный маневр. Они заходили со стороны Мэндела, и ей представилась возможность увидеть сразу обе планеты, залитые ярким светом. Дари знала, что Опал лишь слегка больше Тектона (средний радиус 5600 километров против 5100 у Тектона), но человеческий глаз говорил о дру-

гом. Покрытый тучами переливчатый шар Опала, немного похожий по форме на яйцо с большой осью, направленной на партнера, казался гораздо крупнее. Более темный маленький овоид Тектона находился совсем рядом — отполированный гелиотроп рядом с переливчатым драгоценным опалом. На диске Опала не было никаких деталей, а поверхность Тектона казалась шероховатой, на ней перемежались пятна пурпурного и темно-зеленого цвета. Дари попыталась разглядеть нить Пуповины, но с такого расстояния она была невидима.

Попасть в систему Добеллии можно было только через единственный космопорт, расположенный почти в центре звездного полушария Опала. На Тектоне вообще не было космопорта. Согласно ее сведениям, безопасный доступ на Тектон осуществлялся лишь через Опал.

Безопасный доступ на Тектон?

Идея хороша, но, вспомнив прочитанное о Тектоне в период Летнего Прилива, Дари подумала, что, наверное, надо было бы это формулировать иначе... другими словами... по крайней мере в это время года.

В отчетных материалах, имевшихся у Четвертого Альянса о мирах, контролируемых Кругом Фемуса, говорилось еще меньше добрых слов, чем нашлось у легата Перейры. «Отдаленные... нищие... отсталые... малонаселенные... дикарские».

Все звезды Круга Фемуса находились в регионе, прикрываемом тремя главными клайдами спирального рукава. Но в своем продвижении вовне и Четвертый Альянс, и Сообщество Зардалу и Кекропийская Федерация почти не обращали на них внимания. Ведь здесь нечего покупать, не о чем торговаться, даже красть нечего... словом, ничего такого, что оправдало бы поездку на них.

Разве только неприятности. Неприятностей в любом из миров Круга Фемуса хватало.

Дари Лэнг ступила с корабля на губчатую почву космопорта «Звездная сторона» и с беспокойством огляделась вокруг. Здания были низкие, как бы прилежавшие к земле, построенные из чего-то вроде плетеного тростника и высохшей грязи. Никто не встречал корабль с приветствиями. В описании Опала говорилось, что на нем мало металлов, мало деревьев и мало людей. Чего на нем много, так это воды, даже с избытком.

Когда ее туфли погрузились на пару дюймов в мягкую почву, Дари почувствовала еще большее беспокойство. Она никогда не бывала на планете, настолько насыщенной водой, и теперь осознала, что вместо земли и камня у нее под ногами лишь слабенькая корка Слинга. А дальше — двухкилометровый слой солоноватой воды. Здания недаром приникали к земле: если бы их сделали слишком высокими или тяжелыми, то они просто провалились бы.

Дари вдруг вспомнила, что не умеет плавать.

Экипаж привезшего ее корабля занимался своими делами, выполняя обычные послепосадочные процедуры. Она направилась к ближайшему зданию. Оттуда наконец появились и направились ей навстречу два человека.

Первое знакомство с Опалом выглядело малообещающе. Оба человека оказались худыми и низкорослыми, ниже Дари сантиметров на десять. Одинаковая темная форма имела поношенный и какой-то неопрятный вид. На расстоянии их можно было принять за братьев, из которых один лет на десять старше второго. Только вблизи стали заметны различия в их внешности.

У старшего мужчины была уверенная походка и добродушный спокойный вид. Выцветший капитанский значок на плече показывал, что из них двоих он старший не только по возрасту, но и по званию.

— Дари Лэнг? — спросил он, подойдя поближе, улыбнулся и протянул руку, но не для пожатия. — Я возьму ваши въездные документы. Капитан Ребка.

«Надо добавить эпитет «резкий» к списку слов, характеризующих обитателей Круга Фемуса, — подумала Дари, — а к описанию Ребки «неряшливый» и «потрепанный». Нет, «побитый» будет точнее».

На его лице было не меньше дюжины шрамов, самый большой из них шел двойной линией от левого виска к углу челюсти. И вместе с тем общее впечатление совсем не было неприятным, скорее наоборот. К своему удивлению, Дари ощутила легкую, но совершенно явную дрожь взаимного влечения.

Отдав свои бумаги, она произнесла обычные извинения за складки и грязь на своей форменной одежде. Грязь ведь нечто наружное, и, возможно, Ребка тоже испытывал неловкость за свой внешний вид.

Впрочем, младший мужчина был так же неопрятен и имел свои шрамы. Когда-то в прошлом ему сильно обожгло шею и одну сторону лица, а восстановительная хирургия здесь не преуспевала. В ее мире, на Вратах Стражника, этого бы не потерпели.

Возможно, шрамы от ожогов и лишили подвижности его лицо, выражение которого резко отличалось от выражения лица Ребки. Если манеры капитана были беспечными и привлекательными, несмотря на его неопрятность и неучтивость, то этот человек держался замкнуто и неприступно. Лицо его оставалось неподвижным и безучастным: казалось, он почти не замечает присутствия Дари, хотя она стояла меньше чем в двух метрах от него. Кроме того, Ребка находился в отличной физической форме, а другой выглядел нездоровым и подавленным, как человек, который нерегулярно питается или просто не заботится о своем здоровье.

Глаза его были как будто с другого лица. На молодом лице они резко выделялись своим мертвым безучастным выражением, бесцветные глаза человека, отрешенного от всего мира. Вряд ли он доставит Дари какие-нибудь неприятности.

Как раз когда она пришла к этому заключению, его лицо ожило, и он отрывисто произнес:

— Меня зовут Перри, командор Максвелл Перри. Почему вы хотите посетить Тектон?

Этот вопрос, заданный без всяких традиционных предварительных любезностей, которыми сопровождалось в Альянсе знакомство, полностью лишил ее самообладания и убедил в том, что эти люди знают... знают об аномалии, о ее роли в этом открытии и о том, что она здесь ищет. Ее лицо покраснело.

— Э-э... Пуповина, — она судорожно подыскивала слова, — я... моя специальность... я занимаюсь изучением артефактов Строителей. Всю жизнь. — Она остановилась и откашлялась. — Я прочла все известное о Пуповине. Но хотела увидеть своими глазами и выяснить, как работают ее крепления на Опале и Тектоне. И разобраться, каким образом Станция-на-Полпути меняет длину Пуповины во время Летнего Прилива. — Выдохшись, она замолчала.

Перри остался невозмутимым, но на лице у капитана Ребки появилась легкая улыбка. Вне всякого сомнения — он видит ее насквозь.

— Профессор Лэнг, — он начал читать въездные документы, — мы не отпускаем посетителей. Добеллия нуждается во

всех деньгах, какие можно заработать, но сейчас на Опале и Тектоне самое опасное время года.

— Я знаю, я читала о морских приливах на Опале и литосферных на Тектоне. — Она снова откашлялась. — Не в моем характере искать опасности.

«По крайней мере это правда», — подумала она. — Постараюсь быть очень осторожной.

— Значит, вы читали о Летнем Приливе, — Перри обернулся к Ребке, и Дари Лэнг отметила про себя, что между ними была какая-то напряженность, — как и вы, капитан Ребка. Но читать и испытать это в жизни совсем не одно и то же. Ни один из вас не представляет себе, что в этот раз Летний Прилив будет отличаться от всех, испытанных нами ранее.

— Каждый отличается от других, — спокойно заметил Ребка, но Дари Лэнг сразу почувствовала между ними конфликт. Ребка был старшим по возрасту и званию, но в отношении Летнего Прилива командор Перри его авторитета явно не признавал.

— Этот будет исключительным, — ответил Перри. — Нами и на Опале будут приниматься экстраординарные предосторожности, а что случится на Тектоне, я затрудняюсь предсказать.

— Несмотря на то что пережили шесть Летних Приливов?

Ребка больше не улыбался. Двое мужчин молча стояли лицом к лицу, а Дари смотрела на них. Она сознавала, что судьба ее миссии зависит от исхода их спора.

— Великий Парад Планет, — после краткого молчания произнес Перри, и Дари наконец услышала нечто понятное ей как ученому.

Она подробно изучила орбитальную геометрию системы Мэндела, когда работала над своим каталогом артефактов, и знала, что Амарант, карликовый спутник Мэндела, обычно находится настолько далеко, что освещает Добеллию лишь немногим больше других звезд. Однако один раз в несколько тысяч лет он подходит к Мэнделу на расстояние меньше миллиарда километров. Гаргантюа, оставшийся в системе газовой гигант, двигался в той же орбитальной плоскости, и у него тоже имелась своя точка наибольшего сближения с Мэнделом.

Критическое время Летнего Прилива на Добеллии обычно наступало в момент, когда Гаргантюа и Амарант пребывали далеко от Мэндела. Но все три траектории находились в резонансном блоке. В редких случаях Амарант и Гаргантюа при-

ближались к Мэнделу одновременно, а с Летним Приливом на Опале и Тектоне это совпадало еще реже. И тогда...

— Великий Парад, — повторил Перри, — когда все выстраиваются в один ряд в периастроне, а приливы на Опале и Тектоне самые большие, какие только возможно. Мы понятия не имеем, сколь велики они окажутся. Великий Парад случается только раз в триста пятьдесят тысяч лет. Последний происходил задолго до того, как люди поселились на Добеллии. Но следующий наступит ровно через тридцать три дня... менее чем через две стандартные недели. Никто не знает, что наделает Летний Прилив на Опале и Тектоне, но я уверен в одном: приливные силы на этот раз будут сокрушительными.

Дари смотрела на мягкий грунт под ногами, испытывая жуткое ощущение, что этот хлипкий грязевой плот из живых и мертвых растений уже начинает разрушаться под ударами чудовищного прилива. Каковы бы ни были опасности Тектона, наверняка лучше находиться там, а не на Опале.

— Так не будет ли всем безопасней находиться на Тектоне? — спросила она.

Перри покачал головой.

— Постоянное население Опала составляет около миллиона человек, что может показаться ерундой кому-то вроде вас, из миров Альянса, но для миров Круга — это довольно существенное количество. На моей родной планете живет менее четверти этого числа людей.

— А на моей меньше одной восьмой, — мягко сказал Ребка. — С Тойфеля многие уезжают при первой возможности.

— А знаете ли вы, какова численность населения на Тектоне? — Перри яростно сверлил глазами их обоих, и Лэнг подивилась, что сочла его спокойным и бесстрастным.

— Ноль, — помолчав, произнес он. — Ноль! Ну как, говорит это вам что-нибудь об условиях жизни на Тектоне?

— Но ведь на Тектоне есть жизнь. — Она хорошо изучила справочник.

— Есть, но людям там жить нельзя. Это местная жизнь. Ни один человек не выживет на Тектоне во время Летнего Прилива... даже обычного.

Перри становился все более настойчивым. Дари поняла, что ее попытка посетить Тектон провалилась. Он откажет ей в доступе, и она не приблизится к Тектону ближе космопорта на

Звездной стороне. И в тот момент, когда она так решила, с неожиданной стороны пришла помощь.

Ребка повернулся к Максусу Перри и ткнул тонким пальцем в затянутое облаками небо Опала.

— Наверное, вы правы, командор Перри, — тихо проговорил он, — но предположим, что чужаки прибывают на Добеллию из-за того, что должен произойти Великий Парад. Рассматривая их заявки, мы не подумали об этой возможности. — Он повернулся и уставился широко открытыми глазами на Дари Лэнг. — Это и есть настоящая причина вашего визита?

— Нет. Совершенно определенно нет! — Она почувствовала облегчение от того, что наконец дает четкий ответ. — Я ничего не знала о Великом Параде; пока командор Перри не упомянул его.

— Я верю вам, — улыбнулся Ребка, и ей вдруг показалось, что это так и есть, но тут же вспомнились слова легата Перейры о том, что никому из Круга Фемуса верить нельзя.

— Конечно, причины, по которым люди приезжают сюда, не имеют никакого отношения к делу, — продолжал он, — но от этого Тектон не становится безопаснее. — Он повернулся к Перри. — Я уверен, что вы правы относительно опасностей, подстерегающих на Тектоне во время Летнего Прилива. С другой стороны, передо мной поставлена задача максимально увеличить доходы Добеллии. В этом моя работа. Мы не отвечаем за безопасность посетителей. Мы ничего не должны им, кроме как предупредить об опасности. Если тем не менее они предпочтут продолжить свою поездку, это их дело. Детей здесь нет.

— Они понятия не имеют, что такое Тектон во время Летнего Прилива. — Лицо Перри покрылось белыми и красными пятнами. — Вы тоже это не представляете.

— Пока нет. — У Ребки изменилась манера держаться. Он явно стал боссом, отдающим приказания. — Я согласен с вами, командор. Со стороны профессора Лэнг будет безответственно посетить Тектон, пока мы не оценим опасность, но когда мы уточним ее и сможем толком понять, в чем она состоит... нам не надо будет становиться чресчур навязчивыми в своей опеке. Так что мы с вами отправимся на Тектон, а профессор Лэнг останется здесь, на Опале.

Он повернулся к Дари.

— А когда мы вернемся... что ж, профессор Лэнг, тогда я и приму решение.

АРТЕФАКТ: СТРАЖНИК

ВКА № 863

Галактические координаты: 27712,863/16311,031/761,157**Название:** Стражник**Местоположение (звезда/планета):** Райдер-М/ Врата Стражника**Узловая точка Бозе-сети:** G-232**Приблизительный возраст:** $5,64 \pm +/-0,07$ мегалет

История изучения. Стражник был открыт в 2649 г.Э. людьми-колонистами из сектора Ориона. Первая попытка осмотра осуществлена в 2674 г.Э. Бернардо Гуллемасом и экипажем исследовательского корабля D-33 тип «Циклоп». Никто не уцелел. Последующие попытки предпринимались в 2682, 2695, 2755, 2803, 2991 гг.Э. Никто не уцелел.

В 2739 г.Э. был установлен предупредительный маяк, а в 2762 г.Э. на ближайшей планете (Врата Стражника) основана станция слежения.

Физические характеристики. С. представляет собой почти сферическую недоступную область, немногим менее одного миллиона километров в поперечнике. Несмотря на видимое отсутствие внутренних источников энергии, С. слабо светится собственным светом (абсолютная величина +25) и виден из всех точек системы Райдер-М. Непроницаемая поверхность С. легко пропускает в обе стороны свет и другое электромагнитное излучение любой длины волны, но отражает все материальные объекты, включая атомные и субатомные частицы.

Испускает только фотоны, корпускулярная эмиссия отсутствует. Допускает лазерное просвечивание, в результате которого обнаружены разнообразные объекты. Наиболее интересным из них является так называемая Пирамида, правильный тетраэдр, который поглощает весь падающий на него свет. Если понятие расстояния внутри С. имеет физический смысл (есть данные, что это не так, см. ниже), то ребро Пирамиды равно приблизительно девяноста километрам. Не отмечено никакого повышения температуры Пирамиды при поглощении лазерного излучения вплоть до мощности в несколько гигаватт.

Лазерные измерения внутренних размеров С. указывают на его неевклидову структуру: минимальное время прохождения света через С. составляет 4,221 минуты вместо геодезического времени прохождения эквивалентного расстояния в свободном

от вещества пространстве 3,274 секунды. Время прохождения сквозь С. по нормали к «экватору» бесконечно или, во всяком случае, превышает тысячу лет. Нулевые красное смещение и угол отклонения лазерных лучей указывают на отсутствие массы внутри С., что противоречит вышеприведенным данным о его внутренней структуре.

С. находится на расстоянии в 22,34 астрономической единицы от светила системы Райдер-М, но не движется по орбите вокруг него. Силы гравитации и давление излучения или точно компенсированы каким-то неизвестным механизмом внутри С., или не действуют на эту структуру вообще.

Физическая природа. Согласно Волласкому и Дрюсу, С. создан на основе естественной аномалии пространственно-временного континуума и практически не связан с остальной Вселенной. Если это так, то он является одним из тридцати двух артефактов Строителей, использующих ранее существовавшие природные явления.

Топология С., по-видимому, соответствует метрике Риччи—Картана—Пенроуза для семимерного пространства.

Предполагаемое назначение. Неизвестно. Однако по аналогии с другими артефактами Строителей (см. Записи 311, 465 и 1223) можно предположить, что Пирамида является хранилищем информации с неограниченными объемами и временем жизни. Исходя из этого, выдвинута гипотеза (4130 г.Э., Лэнг), что Пирамида (а возможно, и вся структура С. в совокупности) является библиотекой Строителей.

Д. Лэнг
«Всеобщий каталог артефактов»,
4-е издание.

ГЛАВА 4

31 день до Летнего Прилива

Первая половина путешествия на Тектон проходила в полном молчании. Как только стало ясно, что Ханс Ребка настаивает на поездке и отговорить его не удастся, вся энергия Перри улетучилась. Он погрузился в странную летаргию и, сидя рядом с Ребкой в аэрокаре, отрешенно смотрел прямо перед собой. Перри слегка оживился, когда они пешком подошли к Пуповине, но только на то время, которое понадобилось, чтобы показать дорогу к пассажирской капсуле и включить последовательность команд на переход.

Внешность Пуповины с уровня моря впечатляла, но не подавляла. Она показалась Ребке высокой стройной башней, наверное, метров сорока в поперечнике. Она поднималась с поверхности Опальского океана, уходила в плотный слой облаков и скрывалась в них.

Главный ствол структуры был сделан из серебристого сплава; вверх и вниз по нему сновали огромные машины с пассажирами и грузами. Крепление механизмов осуществлялось с помощью электромагнитов, а приводили их в движение линейные синхронные моторы. Ребка не знал их устройства во всех деталях, но подобные устройства он видел в дюжине миров. Так переносились вверх и вниз люди и материалы внутри многокилометровых зданий или по орбитальным лифтам.

Гораздо удивительнее было сознавать, что Пуповина простирается в глубь океана до самого его дна и там каким-то

образом закрепляется. Но с этим ум еще как-то смирялся, а вот что он никак не воспринимал (по крайней мере ум Ребки), так это то, что Пуповина протянулась вверх на двенадцать тысяч километров — за облака, от Опала и до обожженной и бурлящей поверхности Тектона. Наблюдатель, находясь в капсуле, видел менее одной десятитысячной части всей этой структуры. При максимальной скорости космонавта около тысячи километров в час путешественники успевали увидеть за время пути два восхода солнца на Тектоне.

И теперь они направлялись именно туда.

Капсула была такой же высокой и широкой, как самые большие здания на Опале. Строители оставили ее абсолютно пустой. Люди настелили внутри полы, добавили внизу крепления для грузов и сделали контрольно-наблюдательный зал наверху.

Моторы работали бесшумно. Все, что удавалось услышать во время плавного подъема сквозь облачный слой, это свист воздуха и шорох атмосферных вихрей. Еще пять секунд — и Ребка впервые увидел Тектон с Опала. Он услышал, как рядом что-то буркнул Макс Перри.

Возможно, Ребка тоже что-то буркнул, потому что постоянный облачный слой Опала внезапно показался ему благословением. Его радовало, что вторую планету не видно с поверхности Опала.

Огромный Тектон висел в небе. Казалось, залитый солнцем крапчатый шар вот-вот упадет и раздавит их. Где-то в подсознании сидела мысль, что ни одна сила во вселенной такой вес не удержит, что привыкнуть к его виду невозможно. В то же самое время капитан просчитывал орбитальные скорости и соответствующие центробежные и гравитационные силы, успокаивая себя тем, что все они идеально уравнивают друг друга. Люди, наверное, день-два чувствуют себя неуютно под угрозой нависшего над их головами Тектона, но потом они привыкают к нему и не обращают внимания.

С такого расстояния никаких деталей не было видно, но Ребка понимал, что перед ним мир без больших морей и океанов. Он сразу подумал о терраформировании Добеллии, но не одного лишь Тектона или Опала, а всего этого дублета вместе. На Тектоне были металлы и минералы, на Опале — вода. Это будет огромная работа, но не больше и не тяжелее других, которые он проделывал, а начало ее — транспортная система — уже на месте.

Его взгляд скользнул вдоль нити Пуповины. Вверху она была видна, наверное, километров на сто. Станция-на-Полпути, расположенная на расстоянии четырех тысяч километров от них, в центре масс системы Тектон—Опал, выглядела как крохотный золотой узелок на невидимой нитке. Они достигнут ее часа через четыре. Хватит времени подумать.

А подумать надо о многом.

Ребка закрыл глаза и стал разбираться в своих заботах.

Сначала — Макс Перри. Всего после двух дней пребывания в его обществе стало ясно, что есть как бы два Макса Перри. Один — тихий, скучный бюрократ, какого можно найти в любой крысиной норе миров Круга Фемуса. Но иногда из-под этого облика проглядывала совершенно иная личность, энергичный и тонкий человек со своими твердыми взглядами. Этот второй Макс Перри, казалось, просыпался только от случая к случаю.

Нет, неверно. Этот другой Макс оживал тогда, и только тогда, когда речь заходила о Тектоне. Этот Макс, вероятно, и есть тот умный и решительный Перри, каким он был семь лет назад... когда его направили на Добеллию.

Ребка устроился поудобнее и постарался сосредоточиться. Итак, допустим, что у Макса Перри есть тайна, но стоит ли эта тайна того, чтобы срывать с задания более старшего и энергичного человека, каким является Ханс Ребка? Отрывать его от ключевого проекта, связанного с Парадоксом, чтобы он играл роль психолога-любителя на каком-то Опале?

Как-то все это не складывалось одно с другим. Если руководители Круга Фемуса и умели что-то хорошо делать, так это сберегать ресурсы, в том числе самые ценные из них—человеческие.

Поискем другой мотив, другую причину его назначения.

Ребка не был столь наивен, чтобы верить, будто его начальники расскажут ему все, что стоит за этим заданием. Они сами могли не знать всего. Он понял это на собственном опыте, когда работал на Пеликаньем Следе. Настоящий профессионал должен уметь действовать, не имея полной информации, и Ребка лучше всего справлялся с заданиями, когда во всем сам разбирался.

Терраформирование Тектона и Опала?

Его начальники должны были знать, что стоит ему увидеть планету-дублет, как он тут же начнет прикидывать и оцени-

вать оба этих мира на предмет терраформирования. Может быть, это и является истинной причиной его назначения сюда? Чтобы привести этот проект в движение.

И все-таки что-то тут не сцеплялось.

Значит, надо добавить еще переменных. Четыре группы миров заявили о желании посетить Тектон во время Летнего Прилива. Он мог поверить в то, что одна из заявок была простым совпадением: Совет Альянса не славился притворством, но четыре сразу... это не случайность.

Предстоящий Летний Прилив будет самым большим за все время. Может быть, ключ к разгадке в этом? Они все хотели здесь быть ради особого Летнего Прилива.

И снова общая картина не складывалась. Дари Лэнг сказала, что, пока Перри не объяснил, она не подозревала о необычности этого Летнего Прилива, его особенностях и размахе.

Ребка верил ей. И это доверие само по себе его смущало. На орбитальной станции около Парадокса он оставил свою женщину-спутника. Что бы там ни происходило в голове, но тело, по-видимому, искало ей замену. В первые же две минуты знакомства с Лэнг он почувствовал влечение к ней, поэтому ему хотелось ей верить вопреки обычной осторожности.

Лэнг не знала, что Тектону и Опалу предстояло испытать чудовищный Летний Прилив. Прекрасно. И все равно это не означает, что она та, за кого себя выдает. У нее может быть другая, гораздо более сложная роль.

Кто она по ее словам? Это легко проверить. Еще до отъезда со Звездной стороны он послал зашифрованный запрос по Бозесети в разведку Круга Фемуса с просьбой подтвердить, что Дари Лэнг действительно специалист по артефактам Строителей. Ответ будет ждать его после возвращения со Тектона. До тех пор вопросы, касающиеся Лэнг, надо отложить в сторону.

Но и других проблем хватало. Размышления Ханса Ребки были прерваны легким прикосновением руки. Он открыл глаза.

Макс Перри показывал вверх вдоль линии Пуповины. Тектон навис над ними, вдвое увеличившись по сравнению с тем, каким был в самом начале их пути. Но сейчас он был освещен лишь мрачным тускло-красным светом Амаранта. Сейчас Мэндел скрылся за этой планетой, и по мере приближения Летнего Прилива его карликовый спутник придвигается к нему все ближе. Скоро на Тектоне и Опале ночь совсем исчезнет.

Перри снова указывал на что-то, и Ребка понял — того сейчас интересует не Тектон. Они почти достигли Станции-на-Полпути, и казалось, что Пуповина здесь обрывается. Ребка видел разрыв, область, где цилиндрическая структура превращалась в сверкающую синюю точку. Они быстро двигались к ней, пока сияющее золото Станции-на-Полпути не заслонило Тектон.

— Что происходит? — спросил Ребка. — Я считал, что Пуповина идет от Опала до самого Тектона. — Ему следовало бы поволноваться, так как за стенкой кара была пустота, но Перри улыбался и, безусловно, не выглядел человеком, находящимся перед лицом беды.

— Так и есть, — ответил он. — Мы приближаемся к Вороту. Здесь нас переведут на другой путь и вновь соединят с Пуповиной на другой стороне Станции-на-Полпути. Пассажиры могут, если хотят, зайти в станцию... Она хорошо оборудована: там есть свет, пища, укрытие... но я не вижу в этом смысла. Если вам захочется, мы поближе познакомимся с ней на обратном пути.

Перри продолжал говорить, а в это время кар, в котором они находились, откатнулся от главного кабеля и стал проходить сквозь целый ряд воротец по соединяющим их рельсам. Ребка увидел целую цепь причалов, каждый из которых был достаточно велик, чтобы принять капсулу. Он оглянулся назад, на место, где главный кабель Пуповины исчезал в ничто, в яркой синеве, а затем несколькими километрами дальше вновь появлялся из небытия.

— Я не вижу никакого ворота.

— И не увидите. — Это вернулся второй Перри, энергичный и бодрый. — Мы просто так называем это место. Видите ли, Опал и Тектон вращаются по общей, почти круговой орбите, но разделяющее их расстояние все время меняется... разница доходит до четырехсот километров. Пуповина постоянной длины не выдержала бы, если бы не существовало чего-то вроде лебедки или ворота для подтягивания и отпускания кабеля. Именно это и делает Ворот.

— Эта дыра в пространстве?

— Вот именно. Она прекрасно действует во время Летнего Прилива, подкручивая излишек кабеля, чтобы он не затерялся на поверхности Тектона. И он устроен достаточно хитро, что-

бы не тронуть крепление на Опале. Но все это техника Строителей. Мы понятия не имеем, куда уходит кабель и откуда появляется и как он знает, что надо делать. Людям на Тектоне и Опале до этого нет дела, пока Ворот работает.

Нежелание Перри побывать на Тектоне исчезло, как только они оторвались от Опала. Когда они объезжали Станционную-Полпути, он заглядывал вперед, снова разыскивая в небе Тектон.

Капсула снова оказалась на Пуповине и начала набирать скорость. Они миновали центр масс Добеллии, и теперь им казалось, что они падают на Тектон: центробежная сила складывалась с притяжением Тектона. Темная планета в небе над ними росла не по часам, а по минутам. Они начали различать детали поверхности.

Рейка заметил еще одну перемену в Перри: его дыхание участилось. Он как зачарованный не мог оторвать сверкающих глаз от приближающейся поверхности Тектона.

Но что же такое там внизу? Рейка много бы дал, чтобы увидеть Тектон глазами Макса Перри.

На Тектоне не было водных пространств размером с море, но рек и маленьких озер там хватало. Вокруг росли специфические темно-зеленые и рыжие растения. Многие из них были жесткими и колючими, но кое-где они превращались в ковер пышных трав, мягких и упругих. Одно из таких местечек находилось на берегу едва ли не самого большого озера, неподалеку от подножия Пуповины. Естественно, человеку хотелось опуститься на траву и отдохнуть. Или (если их было двое) поискать там других удовольствий.

Задыхающийся голос Эми шептал ему в самое ухо:

— Ты знаешь все, ты специалист, не так ли?

— Насчет этого не скажу, — он чувствовал себя ленивым и расслабленным, — но, вероятно, знаю об этом месте не меньше других.

— Это то же самое. Так почему бы тебе не привезти меня сюда снова? Макс, ты ведь мог бы, если бы захотел. Ты же контролируешь доступ сюда.

— Я вообще не должен был тебя сюда приводить.

Ощущение власти. Первоначально он сделал это, чтобы показать ей свою новую власть, но когда они очутились на планете, появились и другие, более приятные причины. На Тектоне было еще безопасно, но в атмосфере уже появилась вулканическая пыль. Вечера, а они наступали каждые восемь часов, были неслыханно, невыразимо прекрасны: алые, пурпурные и золотые. Он ничего красивее не видел... не читал о таком и не слышал... и даже с закрытыми глазами продолжал видеть эти изумительные цвета.

Он так хотел показать их Эми... и у него самого не было сил оторвать от них глаза. Побывать еще немного. Он лег на спину и, широко открыв глаза, глядел и не мог наглядеться на этот потрясающий закат и диск Опала. Лежавшая рядом Эми отломала одну из мягких метелочек травы и щекотала его голую грудь. Через несколько мгновений она придвинулась к нему и, загородив собой Опал, посмотрела на него сверху вниз большими серьезными глазами.

— Ты сделаешь это, правда? Точно сделаешь. Скажи «да».

— Что сделаю? — Он притворился непонимающим.

— Привезешь меня сюда снова. Поближе к Летнему Приливу.

— Точно нет. — Он покачал головой. Он чувствовал себя властелином всего мира. — Это будет опасно, Эми. Не в такое время.

— Но ты же едешь сюда в «такое» время.

— Не в период Летнего Прилива. Я выбираюсь отсюда за-долго до него, пока еще не опасно. Здесь никто не остается.

— Значит, я уеду с тобой, когда опасности еще не будет. Ведь можно так?

— Нет. Не накануне Летнего Прилива.

Эми легла на него. Последний свет исчезал с неба Тектона. Он больше не видел ее лица. Оно исчезло вместе с угасающим светом.

— Можно. — Ее губы были совсем близко. — Скажи, что можно. Скажи.

— Нет, — повторил он. — Не накануне Летнего Прилива.

Но Эми промолчала. Она пустила в ход другие аргументы.

ГЛАВА 5

30 дней до Летнего Прилива

Дари Лэнг испытывала чувство глубокого... нет, не разочарования, а как бы опустошения. Так далеко заехать, собрать все силы для противодействия, для встречи с опасностью, с волнующими новыми ощущениями, а затем ничего не делать целыми днями, ожидая, когда другие решат, будет ли ей дозволено совершить последний, решающий этап путешествия. Да и неизвестно еще, позволят ли!

Никто в Альянсе и не рассчитывал на то, что ее задача будет легкой, но никто не мог предположить, что, когда она достигнет системы Добеллии, у нее возникнут проблемы с тем, как оказаться на Тектоне. До сего момента она вообще его не видела, разве что из космоса. Застряла на неопределенное время на Звездной стороне Опала, делать ей было совершенно нечего, поездки она могла совершать лишь самые короткие и не имела никакого влияния на дальнейший ход события.

Перри отдал в ее распоряжение целое здание по соседству с космопортом. Он уверял, что она может свободно ходить и ездить куда захочет, разговаривать с кем хочет и вообще делать все, что ей заблагорассудится.

Очень мило с его стороны. За исключением, правда, того, что в здании не было ни одной живой души. Еще он попросил быть готовой к встрече — сразу как только он вернется. Их с Ребкой не было уже несколько дней. Куда Дари, по его мнению, могла ездить? Что делать?

Она вызывала на экран компьютера карту Опала. Для человека, привыкшего к четкому расположению континентов на поверхности Врат Стражника, к четким границам вода—земля, эта карта казалась, мягко говоря, неудовлетворительной. Правда, контуры дна океана планеты были обозначены как постоянная географическая характеристика Опала, но, пожалуй, это была единственная его неизменная черта. Потому что для Слингов, как она обнаружила, были указаны только настоящее положение и скорость дрейфа — да и то лишь для самых крутых. Плюс оценки их толщины и предполагаемого времени жизни. В данный момент Дари стояла на слое почвы всего в сорок

метров толщиной. И величина его постоянно и непредсказуемо менялась.

Выключив дисплей, она потеряла ладонью лоб. Ей было нехорошо. Частично это могло быть связано с пониженной гравитацией, которая на Звездной стороне Опала достигала всего лишь четырех пятых от стандартной, но, возможно, какая-то доля приходилась и на дезориентацию, вызванную быстрым межзвездным путешествием. Результаты всех проверок утверждали, что Бозе-переход никак не влияет на физическое состояние людей, но она вспомнила обитателей древних «ковчегов», которые позволяли себе только субсветовые скорости и утверждали, что душа человека не может путешествовать быстрее скорости света.

Если это так, ее душе долго придется догонять тело.

Дари подошла к окну и посмотрела на облачное небо Опала, чувствуя себя очень одинокой и такой далекой от дома. Ей хотелось бы хоть отдаленно увидеть блеск Ригеля, ближайшего к Вратам Стражника сверхгиганта, но облака не расходились. Она чувствовала себя заброшенной и поэтому злилась. Ханс Ребка мог оказаться интересным человеком и, похоже, заинтересовался ею — она увидела искорку в его глазах. Но не для того она так далеко летела, чтобы ломать свои планы из-за прихоти бюрократа отсталого мира.

Эти чувства переполняли ее, и она больше не могла оставаться закупоренной в низком и тесном здании.

Лучше пройтись. Она вышла и обнаружила, что начал моросить дождичек. В этих условиях обследование Слинга пешком делалось затруднительным: вся поверхность его была в каких-то кочках и комках травы, мягкая почва едва прикрывала скользкую путаницу корней и стеблей, но дома она всегда ходила босиком, и пальцы ее ног найдут здесь достаточно зацепок. Дари нагнулась и сняла туфли.

За пределами космопорта почва стала еще более неровной, и идти было очень трудно, но ей требовалась физическая нагрузка. Она прошагала почти километр и собиралась идти дальше, когда из спутанной густой травы, в нескольких метрах впереди, раздалось сердитое шипение. Верхушки растений закачались и пригнулись под тяжестью какого-то большого и низкого тела.

Дари ахнула, отскочила назад и плюхнулась наземь, сильно ударившись о мокрую почву. Хожение босиком и вообще

всякое хождение неожиданно показалось ей дурацкой затеей. Она поспешила назад в космопорт и реквизировала аэрокар. У него был весьма ограниченный радиус полета, но на нем можно выйти за пределы Слинга и поглядеть на опальский океан.

— Вы можете не волноваться, — сказал ей инженер, отдавая аэрокар. Он показал, как пользоваться простыми рычагами управления, хотя ей это казалось лишним. — На берегу нет ничего вредного, и люди, селившиеся здесь, тоже ничего опасного не привезли. Не было никакой угрозы.

— Что же это было?

— Большая старая черепаха. — Это был мужчина высокого роста, с бледной кожей и в грязной спецовке. Беспечная улыбка демонстрировала отсутствие нескольких зубов. — Весит, наверное, полтонны. Все время ест, но только траву, кустики и тому подобное. Можно проехаться у нее на спине, она и не заметит.

— Местное животное?

— Не-а. — Краткий урок вождения аэрокара был закончен, но инженер не спешил уходить. — На Опале нет туземных позвоночных. Самое большое местное животное — что-то вроде четырехногого краба.

— А в океане есть что-нибудь опасное?

— Для нас с вами нет. Конечно, осторожность не помешает. Когда будете над океаном, обратите внимание на большой зеленый горб, почти под самой поверхностью воды, около километра в поперечнике. Это прудовик. Они время от времени портят лодки, но только потому, что не понимают их назначения, да только если они на них сами натыкаются.

— А если такой поднырнет под Слинг?

— Что же он, глупый, это делать? Они поднимаются подышать и на свету побыть: под Слингом этого нет. Давайте отправляйтесь и поищите прудовика... его увидеть — это настоящее приключение. Их много поднимается вверх в это время года. Если вам повезет, то встретите того старикашку. Еще несколько дней, и они уйдут. В нынешнем году они уйдут пораньше.

— А куда?

— В океан. Куда еще? Они знают, что идет Летний Прилив, и им хочется удобно и уютно устроиться до того, как все начнется. Должно быть, чувствуют, что в этом году ожидается особенно большой.

— А им грозит что-нибудь?

— Конечно, нет. Самое плохое, что случается, — это когда одного заносит слишком высоко и ему приходится посохнуть при отливе. А через два часа он уже плавает как ни в чем не бывало.

Он спустился с левого бортика аэрокара.

— Если хотите воспользоваться самым коротким путем к краю Слинга, летите низко и смотрите, куда направлены головы черепах. Прилетите куда надо. — Он вытер ладони грязной тряпкой, после чего они остались такими же черными, какими были, и улыбнулся Дари теплой и восхитительнейшей улыбкой. — Кто-нибудь говорил вам, что у вас чудо-походочка? Это факт. Если вам понадобится компания, когда вернетесь, я здесь живу рядом. Меня зовут Кэп.

Дари Лэнг взлетела, удивляясь поведению мужчин в Круге Фемуса. Или что-то такое таится в воздухе Опала? Нечто заставляющее мужчин глядеть на нее другими глазами? За двенадцать лет после совершеннолетия на Вратах Стражника у нее был всего один роман, она получила четыре комплимента и заметила полдюжины восхищенных взглядов. Здесь их было уже два на пару дней.

Что ж, легат Перейра советовала ей не удивляться ничему, что случится за пределами Альянса. А дядя Матр, узнав, куда она летит, откровенно заметил:

— В мирах Круга все помешаны на сексе. Им иначе нельзя, а то вымрут.

Больших черепах видно не было, но найти путь к краю Слинга оказалось легко. Она какое-то время летела над океаном, и ей посчастливилось увидеть чудовищную зеленую спину прудовика, поднимавшегося из глубины. С большого расстояния он выглядел как маленький, абсолютно круглый Слинг. До тех пор, пока на всей спине не открылись тысячи ртов и из каждого не поднялась с шипением струйка белого пара. Через десять минут эти отверстия медленно закрылись, но прудовик продолжал нежиться в теплой воде.

Дари впервые поняла, как идеально подходило к экологическим условиям приливного Опала такое формообразование, как Слинг. В мирах, подобных Вратам, приливы и отливы имели разрушительную силу, потому что воды океана, поднимаясь и опускаясь, наталкивались на неподвижность берегов. Но здесь все двигалось свободно, и Слинги бодро качались и плавали

по вечноизменчивой глади вод. По сути дела, хотя Слинг, на котором находился космопорт, должен был в эту самую минуту двигаться вверх и вниз, подчиняясь тяготению Мэндела и Амаранта, по отношению к поверхности океана он пребывал в полном покое. Нарушить это равновесие могло лишь какое-то большое третье воздействие.

И все формы жизни также были в безопасности. Если прудовика во время Летнего Прилива не занесет очень далеко, где отлив обнажает дно океана, он этот Летний Прилив и не заметит.

Дари подлетела к краю Слинга и посадила аэрокар на достаточном расстоянии от воды. Здесь дождя не было, и даже казалось, что намечается просвет в облаках, который позволит увидеть Мэндел. Она вылезла и огляделась. Странно находиться в мире настолько малонаселенном, что от горизонта до горизонта не видно ни одного человека. Но это ощущение нельзя было назвать неприятным. Она подошла поближе к краю Слинга. Его окаймляли растения с мягкими стеблями и длинными листьями. Они гнулись под тяжестью желтых плодов с кулак величиной. Если верить Кэпу, их можно есть, но рисковать зря не хотелось. Хотя ее микрофлору сразу по прибытии подстроили к формам жизни Опала, но микроорганизмы внутри нее, наверное, еще не кончили распределять между собой обязанности. Она подошла еще ближе к рваной границе Слинга, сняла туфли и наклонилась зачерпнуть пригоршню морской воды. Затем осторожно втянула с ладони несколько капель. Вода оказалась солоноватой, но не совсем похожей на морскую, по вкусу она скорее напоминала ее собственную кровь.

Она присела на корточки и задумалась о сложном химическом балансе на планете, подобной Опалу. Мир без континентов, рек и ручьев, которые могли бы выполнять задачу вымывания солей и оснований из глубоких твердых пород. Микроистечение природного метана и высших углеводов должно происходить здесь со дна моря с последующей абсорбцией всей массой воды. Весь баланс вода—земля был совершенно другим, нежели в мире, который она знала. Стабильно ли положение на самом деле? Или Опал и Тектон до сих пор не оправались после травматического шока давностью сорок миллионов лет, когда их швырнуло на новую орбиту?

Дари вернулась метров на сто назад и села по-турецки на упругую траву.

Высоко в облачном небе ярко блеснул Мэндел. Оставалось еще по крайней мере два часа до сумерек. Теперь, присмотревшись к Опалу поближе, она поняла, что это дружелюбный и ласковый мир, а вовсе не злая жуть, созданная ее воображением. Разумеется, люди могут здесь прекрасно жить, даже несмотря на Летний Прилив. А если Опал приятный, сильно ли Тектон от него отличается?

Но если ее предположения верны, то он должен очень отличаться. Она сидела, уставившись неподвижным взглядом в серый горизонт, на фоне которого не было видно ни лодки, ни другой земли, и в тысячный раз мысленно повторяла всю цепочку рассуждений, которая привела ее на Добеллию. Насколько убедительными были результаты этих размышлений? Ей ясно, что такое точное совпадение не случайно. Но если результаты так неоспоримы и убедительны для нее, почему больше никто не пришел к подобному выводу?

Ответ напрашивался только один. Ей помогло в размышлениях то, что она никогда не путешествовала между звездами, то, что она «домоседка». Человечество и чуждые ему по облику соседи привыкли думать в терминах Бозе-перехода. Старые геодезические расстояния между двумя точками теперь особого значения не имели, учитывалось лишь число Бозе-переходов. Только пассажиры «ковчегов» да еще, возможно, колонисты, которые медленно ползли по космосу, могли бы понять изменения в артефактах Строителей как отклики на сигнал, который распространялся из центральной точки по Вселенной со скоростью света. И только кто-то, так же замороженный Строителями, как она, мог бы спросить, а нет ли каких-то определенных точек времени и пространства, где сферические фронты этих волн пересекаются.

Взятый в отдельности каждый такой довод выглядел очень убедительно, но все вместе они полностью убедили Дари. К ней вернулся гнев: она *оказалась* в нужном месте или *окажется*, если переберется с Опала на Тектон. А вместо этого она застряла здесь, в этом сонном царстве.

Сонное царство. Едва эти слова успели прозвучать у нее в голове, как раздалось стрекотание. В небе появилось какое-то кошмарное существо и, опустившись прямо перед ней, протянуло к ней все свои шесть суставчатых лап.

Дари не закричала только потому, что голос ей не повиновался.

Существо приподняло две темно-коричневые лапы и встало на дыбы, нависнув над ней. Она увидела его темно-красное сегментированное подбрюшье и короткую шею, окаймленную яркими красно-белыми складками. Все это завершалось белой безглазой головой размером с две ее собственные. Рта не было, но из середины лица выходили тонкие усики и закручивались, прячась в мешок под складчатым подбородком.

Дари услышала серию пронзительных стрекочущих звуков. Желтые растопыренные рога посередине широкой головы изучающе повернулись к ней. Над ними разворачивалась пара светло-коричневых непропорционально длинных даже для такой головы антенн. Эти двухметровые веера слегка подрагивали во влажном воздухе.

Она вскрикнула и отскочила назад, споткнувшись о травяной пригорок, на котором сидела. В этот момент появилась вторая фигура, которая, скорчившись, застыла перед туловищем первой. Тоже членистоногое, почти такое же высокое, но с туловищем, похожим на палку не толще руки Дари. На узкой головке существа доминировали бледно-желтые фасеточные глаза без век. Они выдвинулись на коротких стеблях, чтобы рассмотреть ее.

Дари почувствовала мускусный запах, сложный и непривычный, но не отталкивающий, а мгновением позже второе существо открыло маленький ротик.

— Атвар Х'сиал приветствует вас, — мягко прозвучала искаженная, но вполне узнаваемая человеческая речь.

Другое существо промолчало. Когда прошло первое потрясение, к Дари вернулась способность сообразать.

Она видела их на картинках, по которым нельзя было определить, что в жизни эти существа выглядят такими большими и пугающими. Первый прибывший был кекропиец, представитель преобладающей расы на восьмистах мирах Кекропийской Федерации. Второй — низшее животное, по-видимому, служившее переводчиком. Утверждалось, что каждому кекропийцу для переговоров с людьми требовалось такое существо.

— Я Дари Лэнг, — медленно проговорила она. Для этих чужаков выражение ее лица, наверное, совершенно непонятно. На всякий случай она улыбнулась.

Наступило молчание, и опять она почувствовала незнакомый запах. Два жестких рога кекропийца повернулись в ее сторону. Она увидела, что внутри у них был целый пучок тонких спиральных трубочек.

— Атвар Х'сиал предлагает свои извинения через посредника. — Одна из суставчатых лап молчаливого кекропийца указала на животное у его ног. — Мы думаем, что, возможно, удивили вас.

На свете бывают преувеличения, но это было явным преуменьшением. Было очень неудобно и неприятно слушать слова одного существа из уст другого. Но Дари знала, что первичный мир кекропийского клайда — это облачный шар, вращающийся вокруг красного карлика. Их светило едва тлело, и в этой атмосфере царства мертвых кекропийцам так и не пришлось развить зрение. Вместо этого они «видели» эхолокацией, испуская высокочастотные звуковые импульсы из складчатого резонатора на подбородке. Ответный сигнал воспринимался желтыми открытыми рогами. Побочным преимуществом этого являлось то, что кекропийцы таким образом узнавали не только размер, форму и расстояние до каждого видимого объекта, но, используя эффект Допплера, также определяли скорость, с которой они движутся.

Но были и неудобства. Раз слуховые органы служили частью их «зрения», общение между кекропийцами осуществлялось другим образом. Они проделывали это химическим путем, «разговаривая» друг с другом испусканием феромонов, химических посланников, чьи разнообразнейшие составы позволили создать богатый и обширный язык. Кекропиец не только понимал, что ему говорили собратья, феромоны давали ему также возможность непосредственно воспринимать эмоции соплеменников. В развернутом виде антенны могли уловить и идентифицировать даже одну-единственную молекулу из многих тысяч носящихся в воздухе запахов.

Для кекропийца любое существо, не испускающее правильные феромоны, просто не существует как объект общения. Они могли их «видеть», но не чувствовали их. Такими «несуществующими» были для них и люди. Дари знала, что первые контакты с людьми не приносили никаких результатов, пока кекропийцы не привезли с собой другой вид существ из своей Федерации, таких, которые могли испускать и чувствовать феромоны так же хорошо, как владели звуковой речью.

* Она указала на это другое существо, которое повернуло один свой глаз, чтобы он смотрел прямо ей в лицо, а второй направило на кекропийца.

— А ты кто такой?

Наступило долгое недоуменное молчание. Наконец маленький ротик с длинными усиками антенн снова открылся.

— Имя переводчика — Ж'мерлия. У него очень низкий уровень умственных способностей, и для нашей встречи он значения не имеет. Пожалуйста, не обращайтесь к нему в его присутствие. Это Атвар Х'сиал хочет разговаривать с вами, Дари Лэнг. Я хочу обсудить вопрос о планете Тектон.

Судя по всему, Атвар Х'сиал использовала другое существо так, как в богатых мирах Альянса используют обслуживающих роботов. Но для того, чтобы выполнять перевод из одной системы знаков в другую, какой делал Ж'мерлия, потребовался бы очень сложный робот. Гораздо сложнее любого, о котором слышала Дари, за исключением, может быть, собственно земных.

— А что такое с Тектоном?

Кекропиец пригнулся еще ниже, уперев две передние лапы в землю так, что его слепая голова оказалась на расстоянии четырех футов от Дари. «Слава Богу, что у него еще нет клыков или жвал, — подумала Дари, — я бы не выдержала».

— Атвар Х'сиал специалист в двух областях, — проговорил Ж'мерлия, — она занимается формами жизни, существующими в экстремальных условиях, и Делателями Артефактов, которых вы называете Строителями. Мы прибыли на Опал всего лишь несколько коротких временных единиц назад. Мы давно послали заявку с просьбой посетить Тектон в период времени, близкий к Летнему Приливу. Разрешение на это до сих пор не дано, однако в Опальском космопорте мы поговорили с человеческим существом, которое сообщило, что вы отправляетесь на Тектон. Верно ли это?

— Пожалуй, это не совсем верно. Я хочу отправиться на Тектон, — Дари заколебалась, — и я хотела бы побывать там незадолго до Летнего Прилива. Но как вы нашли меня?

— Это просто. Мы следовали за аварийным маяком, он у вас на аэрокаре.

«Не в этом дело, — подумала Дари, — я имела в виду, как вы вообще узнали о моем существовании».

Но кекропийка продолжала:

— Скажите нам, Дари Лэнг, не можете ли вы способствовать получению разрешения на посещение Тектона для Атвар Х'сиал?

Неужели смысл ответа Дари потерялся при переводе?

— Вы не понимаете. Я, разумеется, хочу посетить Тектон. Но я не имею никакого влияния на выдачу разрешений для поездок туда. Это все в руках двоих людей, которые сейчас находятся на Тектоне и оценивают тамошнюю ситуацию.

Между слоями облаков блеснул Мэндел. Атвар Х'сиал задумчиво расправила свои черные надкрылья, открыв четыре нежных рудиментных крыла, покрытых красными и белыми удлиненными пятнами-глазками. Именно эти пятнышки, складчатая шея и феноменальная чувствительность к летучим химикатам заставила в свое время изучавших их зоологов обозвать их так вычурно — кекропийцами, — хотя у них с земной молью-кекропией было не больше общего, чем с остальными насекомыми Земли. Дари знала, что они даже не были насекомыми, хотя и имели с ними некоторые общие черты: внешний скелет, членистоногость и ряд метаморфоз от рождения до взрослой особи.

Темные крылья медленно подрагивали. Казалось, Атвар Х'сиал погрузилась в чувственное наслаждение теплом. Прошло несколько секунд молчания, пока просвет в облаках не закрылся, и затем Ж'мерлия произнес:

— Но ведь эти люди — мужчины. Вы же управляете ими. Разве не так?

— Я не управляю ими. Ни в коей мере.

Дари снова задумалась о том, насколько они с Атвар Х'сиал понимают друг друга. Казалось, разговор между ними никак не может получиться из-за перевода смысла от звука к запахам через чужого посредника, которому наверняка не хватало культурного уровня для понимания и того, и другого. У нее с Атвар Х'сиал тоже не было общих культурных традиций. Она знала, что Атвар Х'сиал — женская особь, но что означало это в рамках кекропийской культуры? Какую роль в ней играли мужчины? Трутней? Рабов?

Ж'мерлия издал громкий жужжащий звук, но не произнес никаких слов.

— У меня нет власти над людьми, которые принимают решения, — повторила Дари, говоря как можно отчетливей и медленней, — если они откажут в доступе на Тектон, я ничего не смогу с этим поделать.

Жужжание стало громче.

— В высшей степени неудовлетворительное положение, — проговорил наконец Ж'мерлия, — Атвар Х'сиал должна посе-

тить Тектон во время Летнего Прилива. Я совершила далекое путешествие и мечтала очутиться здесь. Немыслимо остановиться на пороге. Если вы не можете получить разрешения для нас, следует принять другие меры.

Большая слепая голова качнулась поближе, так что Дари смогла разглядеть на ней каждую пору и щетинку. Хоботок потянулся и коснулся ее руки. Он был теплым и немного липким. Она заставила себя не двигаться.

— Дари Лэнг, — сказал Ж'мерлия, — когда у существ есть общие цели, им следует работать вместе для их достижения. Какие бы препятствия ни стояли перед ними, они не должны отклоняться от своего пути. Если вы можете гарантировать нам свое содействие, то есть один способ, чтобы Дари Лэнг и Атвар Х'сиал посетили Тектон. Вместе. При наличии официального разрешения или без оно.

Может быть, Ж'мерлия неправильно понимал слова Атвар Х'сиал, а может, сама Дари не так поняла намерения кекропийки? Если же нет, то эта невероятная чужачка завлекала Дари в какой-то секретный сговор.

Она почувствовала настороженность. Но это чувство смешалось с азартом предвкушения грядущего. Кекропийка будто читала мысли Дари. Если Ребка и Перри согласятся пустить ее на Тектон, все будет хорошо и спокойно. Но если нет... что ж, тогда надо строить другие планы.

И не просто другие. Планы, которые помогут ей в достижении цели: побывать на Тектоне в Летний Прилив.

Дари слышала, как прокачивается воздух через дыхательные каналы кекропийки. Из хоботка Атвар Х'сиал сочились темно-коричневая жидкость, а безглазое лицо напоминало Дари лицо демона из страшного детского сна. Рядом с ней стояла черная восьминогая палка, Ж'мерлия, тоже как будто вышедший из того же кошмара.

Но людям пришлось научиться не обращать внимания на любой внешний вид. Два существа, одинаково думающие и стремящиеся к общей цели, не будут совсем чуждыми друг другу.

Дари наклонилась вперед.

— Хорошо, Атвар Х'сиал. Мне интересно послушать, что вы предлагаете. Расскажите об этом подробнее.

Она, конечно, не была готова согласиться, но ведь послушать-то можно.

ГЛАВА 6

29 дней до Летнего Прилива

Пуповина и скользящие вдоль нее капсулы находились здесь по крайней мере за четыре миллиона лет до того, как люди колонизировали Добеллию. Как и все сооружения Строителей, она была сработана на века. Система функционировала безупречно. Ее изучали, причем углубленно, но все анализы, многое рассказавшие о технологии Строителей, ничего не дали для выяснения их физиологии или привычек.

Например, надо ли было им дышать? Кабины делались открытыми, и в их конструкции не предусматривались шлюзы для сохранения воздуха внутри.

Требовался ли Строителям сон? Или физические упражнения? Там не было ничего даже отдаленно похожего на кровати, или на место для отдыха, или на какие-то средства, поддерживающие физическую форму, обеспечивающие развлечения.

Ну и наконец, должны же были Строители есть и испражняться. Но несмотря на то что путешествие с Опала на Тектон занимало много часов, там не было никаких устройств для хранения пищи или ее приготовления и никаких устройств для удаления отходов.

Инженеры смогли высказать лишь единственное осторожное предположение: Строители были *большими*. Капсулы представляли собой огромные цилиндры, двадцать метров в длину и почти столько же в поперечнике, пустые внутри. С другой стороны, не было ничего, свидетельствующего о том, что Строители пользовались ими сами: возможно, эти сооружения предназначались только для перевозки грузов. Но если это так, то почему капсулы снабдили внутренними пультами управления панелями, позволявшими менять скорость передвижения вдоль Пуповины?

Ну а пока историки спорили о природе и внешнем виде Строителей, а теоретики пытались хоть что-нибудь понять в их науке, более практичные умы решали, как заставить Пуповину работать на благо колонистов. На Тектоне имелись минералы и горючее. На Опале — ни того, ни другого, но зато там был пригодный для жизни климат. Транспортировочная система

между ними была слишком ценной, чтобы оставить ее невестребованной.

Колонисты начали с некоторых приспособлений, увеличивающих удобство путешествия между двумя планетами дублета. Они не имели возможности изменить размеры и форму капсул: как и большинство изделий Строителей, кабины были практически неразрушаемы и не поддавались переделке. Но их довольно легко удалось сделать герметичными, встроить воздушные шлюзы и оборудование для регенерации воздуха, простейшие кухни, туалеты и помещения для отдыха. Наконец, чтобы уменьшить неприятные ощущения, которые возникали у жителей планеты от вида высоты, прозрачные стены были закрыты панелями, которые можно было поляризовать, получая серую матовую поверхность. Для наблюдения оставалось только помещение на верхнем конце капсулы.

Когда они стали приближаться к Тектону, Ребка проклял это последнее новшество. При подъеме к Станции-на-Полпути и сразу за ней он наслаждался интригующим видом приближающейся планеты настолько, что готов был отложить на потом обследование самой Станции, этого артефакта Строителей. Он решил внимательно вглядываться в Тектон, выискивая все новые и новые подробности, до самого приземления. Однако за несколько сотен километров до поверхности планеты капсула непонятным образом перевернулась, поменяв верх и низ. И там, где он наблюдал Тектон, перед ним предстал неинтересный ему сейчас и поэтому раздражающий Опал с его вечно бегущими облаками.

Он повернулся к Максу Перри.

— А не можете ли вы снова перевернуть нас вверх ногами? Я ничего не вижу.

— Нет. Если только вы не хотите проползти остаток пути. — Перри уже нервничал в ожидании приземления. — Мы сейчас в любую минуту можем войти в атмосферу Тектона. Для лучшей аэродинамической устойчивости капсула должна располагаться полом вниз, или нам придется двигаться ползком. По правде говоря... — Он замолчал, и лицо его напряглось. — Послушайте.

Ребке потребовалось какое-то время, чтобы уловить слабый высокий свист, проходивший сквозь стены капсулы. Это было первое свидетельство контакта с Тектоном — его разреженный воздух сопротивлялся движению опускающейся капсулы. Скорость их снижения замедлялась.

Через пять минут добавился еще один сигнал: началось выравнивание давления. В капсуле слегка запахло сернистым газом. И тут же ее начало трясти и бросать воздушными потоками. Ребка почувствовал, как увеличивающаяся гравитация прижала его к мягкому сиденью.

— Еще три минуты, — сказал Перри. — Мы на последнем этапе гашения скорости.

Ребка посмотрел в его сторону. Они почти приземлились на планету, про которую Перри говорил, что она слишком опасна для посещения, но ни в голосе Перри, ни в выражении его лица не чувствовалось и тени страха. Была заметна некоторая нервозность, вполне объяснимая возбуждением и предвкушением встречи с домом после долгого отсутствия. Как же могло быть такое, если Тектон считался смертельно опасной ловушкой?

Кабина совсем замедлила ход и остановилась. Дверь бесшумно открылась. Ребка последовал за Перри наружу, чувствуя, что его подозрения подтверждаются. Они ступили на поверхность серо-голубой пыльной равнины, покрытой темно-зеленым кустарником и низкими тускло-желтыми лишайниками. Было сухо и жарко. В воздухе чувствовался довольно сильный запах серы. Менее чем в километре Ребка смог разглядеть блеск воды, окаймленной более высокими растениями, а рядом стадо низкорослых медлительных животных. Похоже, это были травоядные: они паслись.

Не было ни извергающихся вулканов, ни жутких подземных толчков, земля не дрожала. Тектон оказался сонной мирной планетой, дремлющей на солнцепеке. Его обитатели готовились выдержать еще более высокие температуры, сопровождающие Летний Прилив.

Прежде чем Ребка успел произнести хоть слово, Перри огляделся вокруг и озадаченно покачал головой.

— Не знаю, что здесь происходит. Я говорил, что нас ждут неприятности, и не шутил. Что-то тут чересчур тихо. А до Летнего Прилива, притом самого большого, какой когда-либо был, осталось меньше тридцати дней.

Ребка пожал плечами. Если Перри вел какую-то сложную игру, Ребка ее не понимал.

— Мне все кажется очень спокойным.

— Верно. Это и тревожит. — Перри обвел рукой равнину. — Так быть не должно. Я много раз бывал здесь раньше в это время

года. Я ожидал увидеть извержения и землетрясения, причем большие. Мы должны были ощущать подземные толчки, а в воздухе должно быть в десять раз больше пыли. — В его голосе слышалась искренняя растерянность.

Ребка кивнул и медленно повернулся на триста шестьдесят градусов, оглядывая все вокруг.

Прямо перед ними находилась гигантская нога Пуповины. Она касалась поверхности планеты, но не была закреплена на ней каким-то механическим устройством. Сопряжение осуществлялось электромагнитным полем, привязывавшим ее к богатой минералами мантии Тектона. Перри рассказывал ему, что это необходимо из-за нестабильности поверхности планеты во время Летних Приливов, иначе Строители сделали бы настоящее крепление. Но это было всего лишь предположением, и нельзя определенно сказать, так ли все на самом деле.

За Пуповиной, в той стороне, где в пыльном воздухе сидел за горизонт диск Мэндела, шла низкая сумрачная гряда пурпурно-серых холмов одинакового размера и стоявших на странно одинаковом расстоянии друг от друга. Судя по их резким очертаниям и крутизне склонов, они должны быть вулканического происхождения. Но Ребка не видел ни дымка, ни каких-либо следов свежих лавовых потоков. Он посмотрел пристальней. Земля у него под ногами была ровной, без всяких трещин или пролысин, которые говорили бы о недавних подвижках поверхности. Так это и есть Тектон? Великий и ужасный? Ребка спокойно спал в обстановке страшнее этой в десятки раз. Не говоря ни слова, он направился к озеру.

Перри поспешил за ним.

— Куда вы пошли? — Он нервничал, и было видно, что его тревога непритворна.

— Я хочу посмотреть на этих животных, если это не опасно.

— Нет, но дайте я пойду первым, — голос Перри звучал взволнованно, — я знаю местность.

«Все очень мило, — подумал Ребка, — за исключением того, что я не вижу ничего, что требовало бы каких-то особых предосторожностей».

Кое-где виднелись проплешины извергавшихся пород и мелкие обломки базальта — верный признак прежней вулканической активности. Почва была неровной, но Ребка сноровисто и быстро шел следом за Перри, не отставая почти ни на шаг.

Ближе к воде идти стало легче. По берегам кое-где виднелись языки упругой темно-зеленой почвы, прикрывшей сухие скалы. Мелкие животные, все позвоночные, разбежались в разные стороны при приближении чужаков. Травоядные не покидали своих мест, пока двое людей не оказались в нескольких метрах от них. Тогда они неторопливо направились к озеру. Это были многоногие радиальносимметричные животные с многочисленными ртами, расположенными кругом по бокам.

— Знаете, что у меня сидит в голове, как заноза? — внезапно спросил Ребка.

Перри покачал головой.

— Вот это. — Ребка показал рукой на растения и животных вокруг них. — Вы настаиваете, что люди не должны приезжать на Тектон накануне Летнего Прилива. Вы говорите, что они здесь не выживут. Предполагается, что я должен запретить Джулиусу Грейвсу посетить Тектон, и мы потеряем плату, причитающуюся за это Добеллии. Но они остаются здесь. — Его палец указывал на животных, медленно пробиравшихся к воде. — Они выживают, и вроде бы без особых хлопот. Что они делают такого, чего не могу я?

— Две вещи. — Они уже дошли до озера, и Перри почему-то успокоился. — Прежде всего они избегают оставаться на поверхности Тектона во время Летнего Прилива. Животные, обитающие на Тектоне, или умирают до Летнего Прилива, а их яйца проклеиваются по окончании лета, или же они прячутся на лето. Все эти травоядные — амфибии. Еще несколько дней, и они спустятся под воду озера, зароятся глубоко в ил на дне и заснут до тех пор, когда можно будет спокойно вылезти на поверхность. Мы этого не сможем сделать. По крайней мере вы и я. Возможно, кекропийцы смогут.

— Мы можем сделать что-то вроде этого, например, построить специальные жилища с куполами над озерами.

— Да, конечно. Мы можем, но сомневаюсь, что Дари Лэнг и остальные согласятся на это. В любом случае это только половина истории. Я ведь сказал, что они делают две вещи. Второе, что они делают, это *быстро* размножаются. По большому новому помету каждый сезон. Мы можем спариваться сколько хотим, хоть каждый день, но за ними нам не угнаться. — Перри ухмыльнулся, но радости в его ухмылке не было. — Им здесь по-другому нельзя. Смерть буквально подталкивает их, и они приспособляются, как могут. И даже несмотря на это, девять из десяти

погибнут во время Летнего Прилива. Хотите рискнуть в таких условиях? Разрешите Дари Лэнг и Джулиусу Грейвсу рисковать собой?

Это был сильный аргумент... если бы Ребка согласился с утверждением Перри о ярости Летнего Прилива. Но он до сих пор сомневался. Конечно, приближение к Мэнделу должно было вызвать сильное приливное воздействие на Тектон. Что совершенно неясно, так это степень предстоящего повреждения поверхности планеты. Флора и фауна на Тектоне прожили более сорока миллионов лет, испытав множество Летних Приливов и Великих Парадов. Почему бы им не пережить еще один?

— Пойдемте. — Ханс Ребка принял решение. Мэндел клонился к закату, и он не хотел пробираться к Пуповине в тусклом свете Амаранта. Его не покидала уверенность в том, что Перри сказал не все и что у него есть свои причины не пускать людей на Тектон. Но даже если Макс Перри прав, Ребка не соглашался с его стремлением закрыть Тектон для всех. Здесь ничто не свидетельствовало об опасности. Ничего такого, о чем следовало бы сообщить правительству Круга Фемуса.

Наоборот, все аргументы говорили против. Да, местные животные с трудом переживали Летний Прилив, но они не обладали людскими знаниями и ресурсами. После всего увиденного Ребка готов был сам побывать здесь во время Летнего Прилива.

— Наш долг предупредить людей о возможной опасности, — продолжал он, — но мы им не опекуны. Если они все же захотят приехать сюда, нам не следует их останавливать.

Перри почти не слушал его, оглядывая все вокруг. Хмурясь, он смотрел на небо, на землю под ногами, на далекую линию холмов.

— Этого никак не может быть, — произнес он недоуменно. — Куда оно все девается?

— Что девается?

— Энергия. Приливные силы накачивают сюда бездну энергии... с Мэнделом, Амаранта и Гаргантюа. И ничто не выходит наружу. Это значит, что накапливается внутри...

Его прервала вспышка красноватого света на западе. Оба посмотрели туда и увидели, что между ними и закатывающимся Мэнделом появилась линия темных фонтанов, стреляющих огнем и, видимо, расположенных в дальних горах.

Секунды спустя сюда долетел грохот. Землю затрясет позднее, но животные ждать не стали. При первой же яркой вспышке они побежали к воде, двигаясь быстрее, чем Ребка себе представлял.

— Выброс! Сейчас полетят камни! — Перри старался перекричать грохот, указывая на многочисленные столбы дыма. — Некоторые из них довольно горячи, а мы в пределах досягаемости. Пойдемте.

Он побежал в сторону Пуповины, а Ребка заколебался. Линия извержений была на редкость упорядоченной, их темные облачка распространялись от каждого третьего пика. Он быстро поглядел в противоположную сторону — будет ли вода безопасным пристанищем? — а затем последовал за Перри. Земля начала дрожать, заходила под ногами ходуном, так что он с трудом сохранял равновесие. Ребка замедлил шаг, и в этот момент раскаленная докрасна глыба величиной с аэрокар пролетела мимо него и, шипя, упала всего метрах в двадцати.

Перри был уже в капсуле, висевшей у подножия Пуповины с открытым нижним люком. Ребка бросился в него головой вперед, жертвуя достоинством ради скорости.

— Все в порядке. Я сел. Двигайтесь!

Перри умчался по лестнице и скрылся в ходовой рубке. Капсула пошла вверх еще до того, как Ребка поднялся и убедился в отсутствии ран и ушибов. Вместо того чтобы запереть люк на задвижку и последовать за Перри, он выглянул наружу.

Потоки лавы и каменные глыбы обрушились на местность, где они только что бродили. Раскаленная лава подожгла кустарник, и землю закрыли языки пламени. Время от времени раздавались удары по Пуповине. Это не опасно, если не высываться наружу. Он успеет в нужный момент захлопнуть люк.

Самыми уязвимыми оказались привезенные сюда аэрокары. Они аккуратным рядом стояли у подножия Пуповины. Их доставили с Опала для исследования местности и прочих нужд. Пока Ребка смотрел, дымящийся камень упал на крышу одного из них. Когда он, не коснувшись ее, отскочил, Ребка понял, что над аэрокарами растянута прозрачная пленка Строителей, содранная, наверное, где-то на Станции-на-Полпути.

Он оглядел горизонт. Капсула поднялась метров на двести—триста, и даже сквозь мутный воздух он видел сейчас всю равнину. Повсюду вплоть до далеких гор пылал огонь и поднимались столбы дыма. Ребка почувствовал терпкий запах,

смолистый и ароматный. Землю скрыла завеса горячего воздуха и пыли!

Было ясно, что район этого катаклизма ограничен цепочкой вулканов, лежавших между Пуповиной и садившимся на западе ярким диском Мэндела. Над каждой третьей вершиной поднимался столб пыли и дыма. Однако извержение уже шло на убыль. Багрово-оранжевые сполохи сквозь клубы дыма почти исчезли, все меньше камней летело в сторону аэрокаров. Травоядные давно исчезли, скрывшись, по-видимому, в спасительных глубинах озера. Они знают, когда им выйти наружу.

Перри бросил управление и сел на корточки рядом с Ребкой. Движение капсулы вдоль Пуповины прекратилось.

— Все в порядке. — Ребка приготовился закрыть люк. — Я убедился и не хочу брать на себя ответственность за допуск сюда людей во время Летнего Прилива. Давайте выбираться отсюда.

Но Перри задержал его руку и покачал головой:

— Мне бы хотелось вернуться.

— Зачем? Хотите, чтобы вас убило?

— Конечно, нет. Хочу хорошенько рассмотреть, что происходит, и по-настоящему понять.

— На Тектоне близится Летний Прилив, командор. Вот что здесь происходит. Начинаются извержения и землетрясения, как вы и говорили.

— Нет. Не так. — Перри говорил скорее задумчиво, чем тревожно. — Здесь какая-то тайна. Поймите, я же бывал на Тектоне в это время года много раз. То, что мы сейчас видели, это ерунда, легкий местный фейерверк. Активность должна быть гораздо сильнее, чем мы видели, чертовски сильнее. Поверхность была спокойной, когда мы прибыли, а должна была трястись все время. Да, извержение выглядело достаточно впечатляюще, но толчки были ничтожными. И вы видели, как быстро оно стихло. — Он показал наружу. — Посмотрите, все снова успокоилось.

— Я не планетолог, но этого и следует ожидать. — Ребка не мог понять, что у Перри в голове. Хотел он, чтобы люди оказались здесь во время Летнего Прилива, или нет? Теперь, когда, казалось, появились прекрасные доводы против посещения, Перри, очевидно, изменил мнение. — Вы ожидаете подъема напряжения и его разрядки. Внутренние силы собираются и

когда достигают критической величины, вырываются на свободу. За моментами затишья следуют моменты бури.

— Не здесь. — Перри наконец закрыл люк. — Не во время Летнего Прилива. Подумайте, капитан, это же не обычный планетарный вулканизм. Опал и Тектон делают полный оборот за восемь часов. С каждым оборотом их сжимают и тянут приливные силы Мэндела и Амаранта. При нормальных Летних Приливах они чрезвычайно велики, но Великий Парад придает им огромные масштабы, увеличивая... в сотни раз.

Он сел на низкий ящик и устался в стену. Через некоторое время Ребка поднялся в кабину управления и сам снова включил подъем. Когда он вернулся вниз, Перри так и не пошевелился.

— Давайте приходите в себя. Я вам верю. Приливные силы очень велики, однако это верно не только для Тектона, но и для Опала.

— Это так, — Перри наконец очнулся и поднялся на ноги, — но их влияние на Опале сглажено. Поверхность океана деформируется свободно, между приливом и отливом проходит четыре часа, а изменения морского дна — моретрясения, извержения — сглажены слоем воды над ним. На Тектоне-то нет толщи воды, и литосферные приливы не демпфируются ничем. В это время года подобные явления на Тектоне должны бы происходить постоянно. А должной активности нет. Вот так. Куда же уходит вся энергия?

Перри плюхнулся на свое сиденье и снова задумался, глядя в пустоту.

Когда скорость подъема капсулы начала увеличиваться и раздался легкий свист, сопровождавший ее движение через атмосферу Тектона, Ребка почувствовал странную неудовлетворенность. Он побывал на Тектоне, увидел все своими глазами. Действительно, здесь оказалось так опасно, как предупреждал Перри. И все-таки сам Перри Тектона не боялся. Совсем. Он захотел вернуться в разгар извержения!

Ребка пришел к заключению: если он хочет понять Перри, ему надо иметь больше данных. Он повернулся к своему младшему попутчику.

— Ладно, командор Перри. Пусть все выглядит не так, как вы ожидали. Не мне судить. Расскажите тогда, как обычно выглядит Тектон в это время года?

Вопрос оказался явно неудачным. Сосредоточенное выражение исчезло с лица Перри, его сменила бесконечная грусть. Ребка сидел в ожидании ответа, пока наконец не понял, что не получит его. Вместо того чтобы отвлечь Макса Перри от раздумий, вопрос только углубил их. Командор, казалось, погрузился в какие-то горькие воспоминания.

Воспоминания о чем? Несомненно, о Тектоне во время Летнего Прилива.

Ребка не стал больше ничего говорить. Вместо этого он выругался как следует и признал неприятную правду. Он не хотел этой работы, работы нянькой, работы, прервавшей самую интересную экспедицию всей его жизни. Его забрали с Парадокса, несмотря на отчаянное сопротивление, он не хотел на Добеллию, не хотел иметь ничего общего с Максом Перри, и его совсем не интересовала оборвавшаяся карьера мелкого бюрократа.

Однако гордость не позволяла бросить это задание, пока он не выяснит точно, что погубило этого человека. Было видно, Перри — человек сломанный, хотя это и не бросалось в глаза.

И еще одно было очевидно: нечто погубившее Перри находилось на Тектоне. На Тектоне в период Летнего Прилива.

Это означало, что и Ребке придется вернуться туда, на то место и в то время, где и когда, по всем свидетельствам, человеку выжить невозможно.

АРТЕФАКТ: ПУПОВИНА

ВКА № 269

Галактические координаты: 26837,186/ 17428,947/ 363,554**Название:** Пуповина**Местоположение (звезда/планета):** Мэндел/Добеллия (дублет)**Узловая точка Бозе-сети:** 513**Приблизительный возраст:** $4,037 \pm 0,15$ мегалет

История изучения. Открыт во время облета Мэндела автоматическим зондом в 1446 г.Э. Первый осмотр пилотируемым кораблем произведен в 1513 г.Э. (Добеллии и Хингклифф). Первое посещение в 1668 г.Э. (корабль типа «Скайскан», Ву и Танака). Впервые использован поселенцами Добеллии в 1742 г.Э. Система постоянно используется с 1778 г.Э.

Физические характеристики. П. представляет собой транспортную систему, соединяющую планеты системы Добеллии, Опал (первоначально Эренкнехтер) и Тектон (первоначально Кастельнуово). Это цилиндр двенадцати тысяч километров в длину и от сорока до шестидесяти метров в ширину, постоянно закрепленный на Опале (крепление на дне океана) и электромагнитно сопряженный с Тектоном. Сопряжение нарушается при прохождении Добеллии через периастрон. Это максимальное сближение происходит каждые 1,43 стандартного года.

Изменение длины П. осуществляется посредством Ворота, использующего локальную пространственно-временную сингулярность (предполагается, что это также артефакт), что позволяет П. автоматически подстраиваться к изменяющемуся расстоянию между Опалом и Тектоном. Ворот осуществляет также автоматический забор П. с поверхности Тектона во время максимального приливного воздействия Мэндела, так называемого Летнего Прилива. Система управления в настоящее время освоена на практике, но так и не установлено, какой сигнал или датчик включает Ворот (т.е. временной, силовой или какого-то другого типа).

Станция-на-Полпути (9754 км от центра масс Опала и 12 918 км от центра масс Тектона) позволяет осуществлять погрузку или выгрузку грузов, предназначенных для отправки в космическое пространство или прибывших оттуда.

Примечание. П. является одним из самых простых и понятных артефактов и поэтому не привлекает внимания серьезных исследователей технологии Строителей. Вместе с тем в ней есть свои

секреты, так как, несмотря на всю свою простоту, она является одним из самых поздних сооружений Строителей (возраст — менее пяти миллионов лет). Некоторые археаналитики предполагают, что это указывает на начало упадка цивилизации Строителей, приведшего затем к ее крушению и исчезновению с галактической арены более трех миллионов лет тому назад.

Физическая природа. Силовые кабели из бездефектного твердого водорода со стабилизированным мюонным соединением. Напряжения в кабелях соответствуют прочности космических конструкций человечества и кекропийцев, но не превосходят их.

Транспортные капсулы приводятся в движение линейными синхронными моторами с обычными приводами. Техника крепления капсул на кабеле неясна, но, по-видимому, использует те же принципы, что и пространственная сеть системы Кокона (см. ВКА № 1).

Природа Ворот также неясна. По всей видимости, это артефакт Строителей, а не часть системы Добеллии.

Предполагаемое назначение. Система транспортировки. До прибытия людей система бездействовала по крайней мере три миллиона лет. В настоящее время постоянно используется. В других целях, по-видимому, не применялась.

Д. Лэнг
«Всеобщий каталог артефактов»,
4-е издание.

ГЛАВА 7

27 дней до Летнего Прилива

Макс Перри предупреждал, что по мере приближения Летнего Прилива Тектон будет превращаться из иссушенной, но мирной планеты с высокой сейсмической активностью в содрогающийся ад потоков расплавленной лавы и растекающейся земли. Однако, вопреки его прогнозу, в этот год Великого Парада Тектон оказался... непредсказуемым. •

Опал, видимо, тоже изменялся. В гораздо большей степени, чем это сознавали жители планеты.

Эта мысль пришла Ребке в голову, когда они летели над Опалом, возвращаясь от подножия Пуповины к космопорту Звездной стороны, где их должна была ждать Дари Лэнг.

Шестью днями раньше полет над затянутой облаками планетой к Пуповине был скучным: ни малейшего ветерка и не на что смотреть, кроме сплошной серой пелены вверху и внизу. Теперь же, за двадцать семь дней до Летнего Прилива, аэрокар швыряло из стороны в сторону яростными ветрами. Восходящие воздушные потоки трепали плоскости и били в фюзеляж. Макс Перри приходилось поднимать аэрокар все выше и выше, чтобы уйти от проливного дождя, черных грозовых туч и вихревых воронок.

Итак, обитатели Опала были убеждены, что с ними ничего не случится, несмотря на более сильные, чем обычно, приливы.

Ханс Ребка не был в этом так уверен.

— Вы делаете большое упущение, — сказал он Перри, когда они начали спускаться сквозь разрыв в облаках к космопорту Звездного полушария, считая, что на Опале приливы будут такими же, как всегда, разве чуть побольше.

— Зато вы все драматизируете, — последовал холодный ответ.

Как только Тектон исчез в непроницаемом облачном небе Опала, в Перри снова взяла верх его вторая натура: хладнокровная, замкнутая, безразличная ко всему. Он не хотел обсуждать ни их приключение на поверхности Тектона, ни свои размышления по поводу того, что все это могло бы значить.

— Не берусь утверждать, что на Опале все будет точно так же, как раньше, — продолжал он, — но все-таки считаю, что не произойдет. Возможно, приливные силы окажутся слишком велики для некоторых самых больших Слинггов. Ну, расколются один-два... Тем не менее опасности для людей нет. Если понадобится, все выйдут в море и переждут Летний Прилив на воде.

Ретка прикусил язык, вцепившись в подлокотники своего кресла — аэрокар попал в воздушную яму, и одну-две секунды они провели в невесомости.

— Все может оказаться не так, — сказал он, как только сердце его вернулось на свое место.

Он снова испытывал желание покопаться в Перри, расшевелить его, посмотреть, на что и как тот будет реагировать. Это напоминало ввод данных в черный ящик с определенным набором вводов и контролируемым выходом. Делайте это достаточно часто, говорила теория, и вы определите абсолютно все функции ящика, хотя, возможно, не узнаете, почему он их выполняет. Но в случае Перри создавалось впечатление, что перед вами два разных ящика. В одном из них находился способный, вдумчивый и привлекательный человек, а в другом обитал моллюск, прячущийся в свою раковину при столкновении с определенными воздействиями.

— Эта ситуация напоминает мне происшествие на Пеликаньем Следе, — продолжал Ретка. — Слышали, что там случилось, командор?

— Если и слышал, то забыл.

Такой реакции Ретка вовсе не хотел, но у Макса Перри было оправдание: его внимание поглотила система автоматической стабилизации, обеспечивающая мягкую посадку.

— Их ситуация сравнима с ситуацией на Опале, — не унимался Ребка, — за исключением того, что там дело было не в морских приливах, а в соотношении биомасс растений и животных.

По прибытии туда первых колонистов все шло прекрасно. Но каждые сорок лет Пеликаний След проходил через кометный хвост. Мелкие частицы летучих веществ обычно до земли не долетали, испаряясь в атмосфере. Влажность увеличивалась на несколько процентов, а температура подскакивала на пару-другую градусов. Соотношение «растения—животные» резко падало, количество кислорода уменьшалось, но потом менее чем за год все приходило в норму. Ничего особенного.

Все так и считали. Так продолжали думать, даже когда местные астрономы предсказали, что при следующем прохождении Пеликаний След захватит на тридцать процентов больше вещества, чем обычно.

— По-моему, теперь я вспоминаю эту историю. — Перри демонстрировал вежливый, но прохладный интерес. — Это случай, который мы изучали до того, как я прибыл на Добеллию. Что-то там пошло не так, и они чуть не потеряли всю колонию. Верно?

— Ну, это зависит от того, с кем вы об этом говорили. — Ребка заколебался, насколько откровенно можно рассказывать. — Ничего нельзя было доказать, но я думаю, что вы правы. Они прошли по самому краю. Я-то вот что хочу подчеркнуть: случилось то, чего используемые физические модели не предсказывали. Более высокое поступление кометного вещества изменило биосферу Пеликаньего Следа и вывело ее на новый стабильный уровень. Содержание кислорода за три недели с четырнадцати процентов упало до трех. И оставалось таким, пока не подросла бригада терраформистов и не начала снова увеличивать его. Это неожиданное изменение убило бы почти всех, потому что за отпущенное им природой время они не могли ничего успеть, даже эвакуироваться.

Макс Перри кивнул.

— Знаю. Правда, один человек на Пеликаньем Следе все равно решил вывести людей задолго до кометного дождя. Он изучал изменения по окаменелостям, верно? Это классический случай: человек непосредственно на месте знал больше, чем догадывался кто бы то ни было на расстоянии нескольких све-

товых лет. Он, нарушив все инструкции своего начальства, заслужил звание героя.

— Не совсем. Его *обругали* за то, что он сделал это.

Аэрокар уже коснулся поверхности и подруливал к космопорту, и Ребка решил оставить эту тему. Сейчас не тот момент, когда стоит рассказывать Максу Перри, о ком шла речь. И хотя он получил публичное порицание, но потихоньку его поздравили за то, что он самовольно нарушил письменные инструкции Координатора Сектора. Тот факт, что его непосредственные начальники *намеренно* не ознакомили его с этими письменными инструкциями, никогда даже не упоминался. Это являлось частью философии правительства Круга Фемуса: аварийщики работают лучше, если знают не все. Снова и снова он приходил к убеждению, что ему сообщили не все факты перед заброской на Добеллию.

— Я хочу сказать, что с подобной ситуацией можно столкнуться и на Опале, — продолжал он. — Когда равновесие любой системы периодически нарушает какая-то сила, увеличение этой силы приведет не просто к большему отклонению от равновесия. Вы столкнетесь с бифуркацией, разветвлением, и за этим иное финальное состояние. Предположим, что приливы на Опале станут достаточно большими, чтобы взаимодействовать хаотически. У вас тогда будут повсеместные турбуленции, вихревые потоки, водовороты, смерчи. Возможно, чудовищные солитоны, единичные волны высотой в одну-две мили. Лодки такого не выдержат, и Слинги тоже. Сможете вы, если понадобится, эвакуировать во время Летнего Прилива всех? Я имею в виду не в море, а вообще с планеты?

— Сомневаюсь. — Перри выключил двигатели и покачал головой. — Я могу даже сказать более определенно. Нет, не сможем. Да и куда нам всех эвакуировать? У Гаргантюа четыре спутника почти таких же больших, как Опал, и у двух из них есть атмосфера, но это метан и азот, а не кислород... и на них слишком холодно. Единственное место для эвакуации — Тектон. — Он искоса взглянул на Ребку. — Полагаю, вы оставили идею, что кто-нибудь захочет отправиться *туда*?

Проливной дождь, сопровождавший их до самого космопорта, почти прекратился. Аэрокар остановился возле здания, в котором Перри поселил Дари Лэнг.

Ханс Ребка поднялся с сиденья и потер колени. Предполагалось, что Дари Лэнг ждет встречи с ними и, несомненно,

услышала приближение аэрокара, но около здания ее не было. Вместо нее там стоял высокий и худой, как скелет, мужчина с огромной лысой головой. Он вышел из-под нависающего карниза и уставился на приближавшийся аэрокар. Над головой он держал яркий зонтик. Сверкающая белизна его костюма, подчеркнутая голубым кантом и золотом эполет, говорила знатоку, что его материал соткан из тонких нитей дитрона.

Издаലെка он казался очень внушительным и элегантным, несмотря на обожженное жесткой радиацией до пурпурно-красного цвета лицо. Вблизи же стало заметно, что его губы и брови произвольно подергиваются.

— Вы знали, что он здесь будет? — Ребка незаметно показал большим пальцем в сторону новоприбывшего. Ему не надо было называть незнакомца. Членов советов Альянса видели редко, но их форма была хорошо знакома всем клайдам на всех мирах этого рукава галактики.

— Нет, но я не удивлен. — Макс Перри придержал дверь аэрокара, чтобы Ребка спустился на Слинг. — Нас не было шесть дней, а в его расписании значился именно этот отрезок времени.

Человек не двинулся, когда Перри и Ребка сошли на землю и поспешили укрыться под широким карнизом. Он сложил свой зонтик и стоял так с полминуты, не обращая внимания на стекавшие по его лысине капли дождя. Наконец он повернулся к ним.

— Добрый день, хотя погода не добрая. И, как я понимаю, будет еще хуже. — Его голос соответствовал внешности — густой и звучный, слегка грубоватый, но с изысканным акцентом жителя Миранды. Он выставил вперед левое запястье, на котором было навечно нанесено, кто он такой. — Я Джулиус Грейвс. Полагаю, вы получили уведомление о нашем прибытии.

— Получили, — сказал Перри.

В его тоне звучала настороженность. Присутствие члена Совета любого клайда сразу заставляло задуматься о своих грехах и осознать пределы своей власти. Ребка с интересом подумал, нет ли у Грейвса какого-то другого повода для посещения Опала. Одно он знал точно: члены Совета отчаянно заняты и не любят тратить время попусту.

— В поступившей информации не было данных о причинах вашего визита, — произнес он, протягивая руку. — Капи-

тан Ребка, к вашим услугам, а это командор Перри. Почему вы решили посетить систему Добеллии?

Грейвс не шевельнулся. Секунд пять он стоял молча и неподвижно. Наконец наклонил свою бугристую голову в сторону подошедших, кивнул и громко чихнул.

— Возможно, на вопрос лучше ответить в помещении. Я замерз. С рассвета жду здесь возвращения остальных.

Перри и Ребка переглянулись. Остальных? Возвращения откуда? •

— Они отбыли восемь часов назад, — продолжал Грейвс, — как раз когда я прибыл сюда. Ваш прогноз погоды извещает... — глубоко посаженные глаза затуманились, — что на Звездную сторону надвигается пятибалльный шторм. Для тех, кто не знаком с условиями жизни в Круге Фемуса, такие штормы могут быть очень опасны. Я беспокоюсь и хотел бы с ними поговорить.

Ребка кивнул. На один вопрос ответ он получил: к Дари Лэнг присоединились другие посетители Опала, не из Круга Фемуса. Но кто именно?

— Нам лучше проверить въездные декларации, — тихо сказал он Перри. — Посмотреть, что мы заполучили.

— Посмотрите, если хотите. — Грейвс уставился на него. Бледно-голубые глаза, казалось, видели Ребку насквозь. Советник плюхнулся на стул из желтого тростника и плетеного камыша, шмыгнув носом и продолжил: — Вообще-то вам смотреть ничего не надо, я могу вам сообщить, что к Дари Лэнг из Четвертого Альянса присоединились Атвар Х'сиал и Ж'мерлия из Кекропийской Федерации. После встречи с ними я проверил их всех. Они те, за кого себя выдают.

Ребка прикинул, сколько это занимает времени, и открыл было рот, но Перри его опередил:

— Это невозможно.

Грейвс посмотрел на них, и его кустистые брови вздрогнули.

— С момента вашего прибытия, по вашим словам, прошел всего один день, — проговорил Перри. — Если бы вы послали запрос через ближайшую точку Бозе-сети сразу по прибытии и вам мгновенно ответили, то на это ушло бы не меньше стандартных суток, то есть три полных опальских дня. Я знаю это, проверял неоднократно.

«Перри совершенно прав, — подумал Ребка, — и он сообразительнее, чем я себе представлял, но он делает тактическую

ошибку. Члены Совета не лгут и обвинять их в этом — только напрашиваться на неприятности».

Но Грейвс улыбнулся в первый раз с момента их встречи.

— Командор Перри, я благодарен вам. Вы облегчили следующую мою задачу. — Он вытащил из кармана безупречно белый кусок ткани, вытер мокрую макушку своей лысой головы и широкий бугристый лоб. — Вы спрашиваете, откуда мне это известно. Как я уже сказал, я Джулиус Грейвс, но в некотором смысле я также Стивен Грейвс. — Он откинулся на стуле, на секунду закрыл глаза, моргнул и продолжил: — Когда меня пригласили в Совет, мне объяснили, что я должен буду знать историю, биологию и психологию всех разумных и потенциально разумных существ во всем нашем спиральном рукаве галактики. Необходимый объем знаний превышал возможность человеческой памяти.

Мне предложили на выбор, если я захочу, вживить в меня неорганическую высокоплотную память, такую громоздкую и тяжелую, что мои голова и шея потребуют постоянной поддержки, что-то вроде подпорок. Такой способ любят члены Совета из Сообщества Зардалу. Или же я мог развить внутри себя мнемонического близнеца, вторую пару мозговых полушарий, разросшихся из моей собственной мозговой ткани и применяемых только для хранения и использования информации. Их нужно было встроить в мой череп, за корой головного мозга, слегка увеличив внутричерепное пространство.

Я выбрал второе решение. Меня предупредили, что поскольку эти полушария являются моей неотъемлемой частью, их способность к накоплению и хранению информации будет сильно зависеть от моего физического состояния. Я объясняю это, чтобы вы не считали меня необщительным, если я откажусь выпить или проявлю, казалось бы, чрезмерную заботу о своем здоровье. Мне следует быть крайне осторожным в отношении всех стимуляторов, используемых для отдыха и развлечения, иначе я нанесу ущерб мнемоническим поверхностям, а Стивен этого не любит.

Он улыбнулся, и когда снаружи раздался вой ветра, на его лице отразились какие-то противоречивые чувства. Ветер ударил в стены низкого здания, и они задрожали.

— Я не сказал вам еще, — продолжал он, — что у внутреннего мнемонического близнеца может проснуться сознание, вернее, осознание себя как личности. Это и случилось. Как я

уже говорил, я Джулиус Грейвс, но я также и Стивен Грейвс. Он источник моих сведений о Дари Лэнг и кекропийке Атвар Х'сиал. А теперь давайте перейдем к другой теме.

— Может Стивен разговаривать? — спросил Ребка.

Макс Перри, казалось, был спокоен. Один член Совета, сующий повсюду нос, уже достаточно плохо, а их тут оказалось двое! И всегда ли победителем оказывался Джулиус Грейвс? Судя по выражению его лица, в нем шла сильная внутренняя борьба.

Грейвс покачал головой.

— Стивен не говорит. Он не видит, не слышит, не осязает и не чувствует, если только я не переключу свои сенсорные вводы на передачу сведений на хранение. Однако Стивен умеет думать и утверждает, что лучше меня. Как он мне говорит, у него для этого больше времени. Я получаю от него мысли в форме возвращающихся воспоминаний. Я могу их переводить, и при этом многим кажется, будто с ними разговаривает непосредственно Стивен.

Он замолчал на какое-то время, а когда заговорил, его голос стал как-то гораздо моложе и живее:

— Привет. Рад очутиться на Опале. Никто не говорил, что здесь будет такая вшивая погода, одно хорошо — там, где я нахожусь, при дожде не промокнуешь.

Голос снова зазвучал глуховато и хриловато.

— Приношу свои извинения. У Стивена слабость к шуточкам и ужасное чувство юмора. Мне контролировать ни то, ни другое не удастся, но я стараюсь их не очень выпускать на волю. И признаюсь, стал очень полагаться на знания Стивена. Например, у него в памяти все сведения об условиях жизни на этой планете, а мои знания о ней явно недостаточны. Сожалею о своей лени. Теперь давайте вернемся к делу. Я сейчас на Добеллии по делу совсем не шуточному, и юмор здесь неуместен.

— Убийство, — пробормотал Перри после долгой паузы. Шторм приблизился и бушевал вовсю. Причем видно было, что Перри чувствовал себя очень неудобно, когда ветер завывал особенно громко. Не в силах усидеть на месте, он зашагал перед окном, поглядывая то на гнущиеся под бурей кусты и высокие травы, то на бегущие облака, красноватые от ржавого света Амаранта. — Убийство, — повторил он, — множественное убийство. Так сказано в вашей заявке на посещение Опала.

— Сказано. Но только потому, что я не хотел выдвигать более серьезные обвинения по Бозе-сети. — Джулиус Грейвс явно перестал шутить. — Точнее говоря, геноцид. Пожалуй, я пока скажу сдержанно: подозрение в геноциде.

Он спокойно огляделся по сторонам. Дождь вновь забарабанил по крыше и стенам. Двое других людей в комнате окаменели: Макс Перри застыл у окна, Ханс Ребка на краешке стула.

— Геноцид. Подозрение в геноциде. А какая разница? — наконец спросил Ребка.

— С некоторых точек зрения никакой. — Полные губы дернулись и задрожали. — Нет ограничений по времени и по месту при расследовании и того, и другого. Но у нас только косвенные улики, без доказательств и признания. Моя задача — найти прямые улики. Я собираюсь обнаружить их здесь, на Опале.

Грейвс полез в отделанный голубым кантом карман своей куртки и достал два стереокубика.

— Как ни покажется странным, вот обвиняемые в преступлении. Елена и Джени Кармел, двадцати одного стандартного года, родились и выросли на Шасте. Как видите, это идентичные сестры-близнецы.

Он протянул кубики обоим собеседникам. Ребка увидел двух девушек, загорелых и большеглазых, с приятными лицами, одетых в сочетающиеся цветом платья — рыжевато-зеленое и светло-коричневое. Но Макс Перри, похоже, увидел в этих картинках что-то еще. Он ахнул, как будто узнав кого-то, и, наклонившись вперед, схватил кубик. Секунд двадцать он не отрываясь смотрел на девушек, потом напряжение ушло, и он поднял глаза.

Джулиус Грейвс наблюдал за обоими. У Ребки внезапно создалось убеждение, что эти туманные голубые глаза ничего не упускают. Странность и эксцентричность, возможно, были искренними, а может быть, и напускными, но, во всяком случае, за всем этим стоял мощный, хотя и странный ум. Дураки членами Совета не становятся.

— Вы, кажется, знаете этих девушек, командор Перри? — спросил Грейвс. — Если вы с ними встречались, мне необходимо знать, где и когда.

Перри покачал головой. Его лицо стало даже как-то бледнее обычного.

— Нет. Просто на какое-то мгновение, при первом взгляде, я подумал, что они... что это кто-то другой. Женщина, которую я знал очень давно.

— Кто? — Грейвс подождал, а затем, поняв, что Перри больше ничего не скажет, продолжил: — Я не собираюсь ничего скрывать от вас и настоятельно прошу ничего не скрывать от меня. С вашего разрешения я позволю Стивену рассказать все остальное. У него самая полная информация, а мне трудно так говорить, чтобы чувства не захлестывали и не влияли на объективность суждений.

Подергивание прекратилось. Лицо Грейвса успокоилось, став молодым и более счастливым.

— Ладно, поехали, — проговорил он. — Печальная история Елены и Джени Кармел. Шапта — мир богатый, и там молодым позволяют делать все, что хочется. Когда близняшкам Кармел исполнился двадцать один год, им подарили космическую яхту «Летний сон». Однако вместо того, чтобы порхать по своей родной планетной системе, как большинство других молодых, они уговорили свою семью поставить на их корабль Бозе-систему и отправились в настоящее космическое путешествие. Посетили девять миров Четвертого Альянса, три из Сообщества Зардалу. На последней планете их маршрута они решили испытать «жизнь, как она есть», так было сказано в их передаче домой. Другими словами, с удобствами понаблюдать за жизнью отсталого мира...

...они приземлились на Павлине IV и поставили роскошную палатку. Пав IV — бедная болотистая планета Сообщества. Вернее сказать, бедная теперь, но бывшая достаточно богатой до того, как за нее взялись люди. Тогда, по ходу дела, оказалось, что им мешают местные жители, амфибии, так называемые берсии. Почти всех их уничтожили, но к тому времени и планету обобрали, так что промышлявшие там люди оставили ее. Уцелевшие берсии, которых было очень немного, получили статус «потенциально разумных» и стали считаться охраняемым видом. Наконец...

Грейвс остановился. Лицо его выглядело как маска с меняющимися выражениями. И даже не было понятно, кто говорит — Джулиус или Стивен.

— Были ли берсии разумными? — мягко сказал он. — Этого никто теперь не узнает. Нам известно лишь, что берсии

полностью истреблены. Две последние семьи уничтожены два месяца назад... Еленой и Джеки Кармел.

— Но ведь наверняка не нарочно? — Перри все еще продолжал сжимать в руках кубики с изображениями девушек и неотрывно смотрел на них. — Это, должно быть, произошло случайно.

— Очень может быть. — Судя по серьезному тону, слово снова взял Джулиус Грейвс. — Мы не знаем, потому что близнецы Кармел не остались для объяснений. Они сбежали и продолжали убегать, пока неделю назад мы не перекрыли для них Бозе-сеть. И теперь им бежать некуда.

Шторм забушевал с новой силой. Снаружи донесилось дикое завывание ветра, громкий рев сирены и стук дождя по крыше. Ребка мог бы и дальше слушать Грейвса, но Перри при первых же звуках сирены направился к двери.

— Приземление. Эта сирена означает, что кто-то в беде. Они с ума сошли, при шторме в пять баллов...

Он убежал. Джулиус Грейвс медленно поднялся на ноги. Его остановила рука Ханса Ребки.

— Они сбежали, — повторил Ребка. В залитом дождем окне он различил огни опускающегося аэрокара, который бросало из стороны в сторону и вверх-вниз. До земли оставалось несколько метров, и ему самому следовало идти туда. Но сначала он хотел удостовериться в одной вещи. — Они сбежали. И они прибыли... на Опал?

Грейвс покачал массивной, покрытой шрамами головой.

— Я тоже так думал и поэтому попросил допуск сюда. Стивен рассчитал траекторию их полета: она заканчивалась в системе Добеллии. Но когда я прибыл сюда, то сразу поговорил с диспетчерами космопорта. Они уверили меня, что никто не посадит корабль с Бозе-двигателем на этой планете без их ведома.

Снаружи донесся новый сигнал тревоги, и вспыхнули красно-оранжевые предупредительные огни. Люди что-то кричали визгливыми голосами. Глядя в окно, Ребка увидел, как аэрокар коснулся полосы, подскочил и, перевернувшись, ударился о землю. Ребка рванул к двери, но его удержал Грейвс, внезапно схватив за руку.

— Когда командор Перри вернется, я сообщу ему о новой просьбе, — тихо проговорил Грейвс. — Мы не хотим обыскивать Опал. Близнецов здесь нет, но они в системе Добеллии. А это может означать только одно: они на Тектоне.

Он склонил голову набок, словно в первый раз услышав вой сирены и скрежет рвущегося металла.

— Нам необходимо обыскать Тектон, и поскорее, но сейчас, кажется, есть более неотложные проблемы.

ГЛАВА 8

26 дней до Летнего Прилива

«Момент смерти. Вся жизнь проходит перед вашими глазами».

Дари Лэнг ощутила боковой удар ветра, когда колеса аэрокара коснулись земли во второй раз. Она увидела, как сломалось правое крыло, почувствовала, что машина оторвалась от полосы, и поняла: они переворачиваются. Раздался треск обшивки.

Внезапно черная земля пронеслась в каком-то футе у нее над головой. По лицу текла какая-то грязь, мешавшая дышать. Свет исчез, оставив ее в полной темноте.

Когда ремни безопасности врезались в грудь, боль проявила сознание. Она почувствовала себя обманутой.

Неужели *это*, пробегающее перед мысленным взором, и есть ее жизнь? Если так, то какой же несчастной и скудной она была. Все, что ей вспоминалось, это Стражник, то, как она не могла понять, что он, собственно, такое. Никогда не могла разгадать древнюю тайну, узнать, что случилось со Строителями. И все эти световые годы понадобились только для того, чтобы раздавить ее, словно жука, в грязи паршивой мелкой планетки?

Словно жука... Мысль о жуках принесла с собой легкое чувство вины.

Почему?

И тогда она, вися на ремнях вниз головой, вспомнила. Думать было трудно, но необходимо. Она жива. Жидкость, стекавшая по ее носу и заливавшая глаза, жгла неимоверно, но она была слишком холодной для крови. А как обстоит дело с остальными двумя пассажирами, с Атвар Х'сиал и Ж'мерлией? «Они не жуки, — подумала она. — Даже, пожалуй, она больше

похожа на насекомое, чем они. РАЗУМНЫЕ СУЩЕСТВА. Стыдись, Дари Лэнг! Неужели ты убила их своим паршивым пилотированием?»

Дари изогнула шею, чтобы поглядеть назад. С шеей было что-то неладное. Сильный удар обжег ей горло и левое плечо еще до того, как она повернулась. Она ничего не видела.

— Ж'мерлия! — Звать Атвар Х'сиал было бесполезно. Даже если кекропийка и смогла бы ее услышать, ответить ей бы не удалось. — Ж'мерлия!

Никакого ответа. Но какие-то человеческие голоса доносились снаружи. Они звали ее? Нет, их крики обращены друг к другу... Разобрать слова из-за свиста ветра было невозможно.

— Отсюда этого не сделать, — донесся мужской голос. — Крыша расколослась совсем. Если не выдержит эта стойка, их просто раздавит весом машины.

— Они и так погибли. — Это женский голос. — Посмотрите, как они ударились. Их же расплющило. Хочешь ждать подъемник?

— Нет. Я кого-то услышал. Подержи свет. Полезу внутрь.

Свет! Дари охватила паника. Темнота вокруг нее была абсолютной, чернее любой полночи, черной, как пирамида в центре Стражника. В это время года на Опале круглые сутки был свет от Мэндела и его соседа Амаранта. Почему же ничего не видно?

Она старалась проморгаться, но у нее ничего не выходило. С трудом протянула правую руку, чтобы протереть глаза. Левая рука куда-то исчезла. Она ее совсем не чувствовала, никакого даже легкого отклика, только боль в плече, когда пыталась ею пошевелить.

Протертые глаза сильно жгло, и все равно ничего не было видно.

— Господи, ну и каша. — Это был снова голос мужчины. Перед ней как будто что-то замерцало, вроде света фонарика перед закрытыми глазами. — Элли, их здесь трое... по-моему. Два чужака, они обнялись друг с другом. И тут всюду эта жидкость из насекомых. Не знаю, что тут у них чье. Боюсь их трогать. Пошли сигнал бедствия, попытайся найти в аэропорту или по соседству кого-нибудь, разбирающегося в анатомии чужаков.

Последовал слабый ответ, разобрать который она не смогла.

— ...Проклятие, не знаю. — Голос приблизился. — Ничего не движется, может, они все мертвы. Не могу ждать. Все по-

крыты черным маслом. Одна искра, и они превратятся в головешки.

Далекие голоса, не разобрать толком, но не одного человека.

— ...ничего не значит. — Голос прозвучал рядом с ней. — Их надо вытащить. Кто-нибудь, заберите сюда помочь.

Руки, схватившие Дари, старались не причинять боль, но когда они коснулись плеча и шеи, боль миллионами галактик закрутилась в черноте ее невидящих глаз. Она издала отчаянный вопль, который должен был всех оглушить, но получился похожим на кошачье мяуканье.

— Замечательно! — Хватка переместилась с плеча и стала еще сильнее. — Этот жив. Приходит в себя. Лови.

Дари протащили по грязной путанице корней и обломанных кустов. Комок слизистого, мерзко пахнущего мха забился в ее открытый рот. Ее начало мучительно тошнить. Когда торчащий корень впился в сломанную ключицу, ей вдруг пришло в голову, что она вовсе не обязана все это терпеть в сознании.

Наступило забытье. Наступило время прекратить борьбу. Время отдохнуть, найти убежище в успокоительной черноте.

Дари потребовался день, чтобы убедиться: *диалог* между человеком и кекропийцем невозможен без помощи Ж'мерлии или другого лотфианина-посредника, но общаться они могли.

Жесткий внешний скелет кекропийцев не позволял видеть «выражение лица» в человеческом смысле. Однако язык жестов использовался обоими видами разумных существ. Им просто надо было понять систему знаков друг друга.

Например, когда Атвар Х'сиал была уверена в ответе, который даст Дари на ее вопрос, то слегка отклонялась назад. Она также часто поднимала одну или две передние ноги. Когда не знала ответа и стремилась его узнать, нежный хоботок сокращался и складывался... чуть-чуть. А когда была очень взволнована или встревожена (разницу определить было трудно) каким-либо вопросом или замечанием, волоски и щетинки на ее длинных веерообразных антеннах выпрямлялись и становились как бы более прямыми и пушистыми.

Что и произошло, когда на сцене появился Джулиус Грейвс.

Дари знала о существовании Совета, об этом знали все, но она была слишком поглощена своими интересами, чтобы обращать на него какое-то внимание. И вообще у нее до сих пор

было довольно туманное представление о его функциях, хотя она знала, что в них входит рассмотрение этических вопросов.

— Но, профессор Лэнг, так и предполагалось, что о его функциях никто не будет знать ничего определенного, — сказал Грейвс.

Он улыбнулся, и улыбка на его хирургически расширенной, похожей на обтянутый кожей череп голове показалась ей просто угрожающей. Оставалось не совсем ясно, когда он прибыл в космопорт Звездной стороны, но время навестить ее выбрал очень неудачное. Они с Атвар Х'сиал закончили предварительное обсуждение и собрались поговорить конкретно: кто что будет делать, зачем и когда.

— Обязанности членов Совета все понимают весьма неопределенно, — продолжал Грейвс. — За исключением тех, чьи действия и делают необходимым существование Совета.

Лицо Дари снова выдало ее, она в этом не сомневалась. То, что они с кекропийкой собирались сделать, к Совету не относилось: не было ничего неэтичного в том, чтобы обойти бюрократию в интересах науки, даже если об этих научных интересах никто на Опале не был полностью осведомлен. Что там еще делали члены Совета?

Но Грейвс устался на нее своими туманными сумасшедшими глазами и наверняка прочитал в них, что она чувствует себя виноватой.

А если не прочитал в глазах, то, несомненно, заметил это по Атвар Х'сиал. Ее антенны стояли и были распушены так, что походили на щетки, а Ж'мерлия буквально тараторил, торопясь все высказать.

— Позднее, уважаемый Советник, мы будем счастливы встретиться с вами, позднее. Но в настоящее время у нас срочная, ранее назначенная встреча. — Атвар Х'сиал зашла так далеко, что взяла руку Дари Лэнг своей суставчатой ножкой. Когда кекропийка потащила ее к двери, наружу, где не переставая шел дождь, Дари в первый раз заметила, что нижняя часть ножки представляет собой подушечку, сплошь покрытую черными волосками, похожими на крючки. Дари не вытащила бы у нее свою руку, даже если бы захотела устроить сцену при Джулиусе Грейвсе.

Этот атавистический признак достался Атвар Х'сиал от далеких предков, которым, наверное, такие волоски-крючочки были нужны, чтобы цепляться за камни и деревья.

«Что ж, никто из нас не выпрыгнул из головы богини, — подумала она, — все мы имеем какие-то остаточные органы или ткани, следы эволюции».

Дари машинально посмотрела на свои собственные ногти. Они были грязными. Получается, что она тоже скатывается к мерзким привычкам Опала и Тектона.

— Куда пойдем? — прошептала она. Джулиусу Грейвсу потребуется феноменальный слух, чтобы разобрать ее слова на фоне дождя, но она была уверена, что он смотрит им вслед. Наверняка он раздумывает о том, куда они идут в такую отвратительную погоду. Она гораздо лучше чувствовала себя, когда его рядом не было.

— Через минуту поговорим. — Ж'мерлия, получив прямую сообщение нервных феромонов Атавар Х'сиал, подпрыгивала вверх-вниз, как будто промокшее насквозь покрытие взлетной полосы было раскаленным. Голос лотфианина дрожал от нетерпения. — Давайте в аэрокар, Дари Лэнг, в аэрокар!

Они вдвоем потянулись к ней, чтобы помочь подняться в него.

Она оттолкнула их лапы.

— Вы что, хотите, чтобы Грейвс подумал, будто происходит какое-то незаконное дело? — зашипела она на Атавар Х'сиал. — Успокойтесь!

Такая реакция позволила ей почувствовать собственное превосходство. Кекропийцы славилась своим хладнокровием и ясностью мыслей. Многие, в том числе сами кекропийцы, говорили, что в смысле силы интеллекта и умения мыслить они превосходят людей. И вот Атавар Х'сиал трепещет от страха, как будто они замыслили тяжкое преступление.

Двое чужаков втиснулись в аэрокар вслед за ней, подталкивая ее вперед.

— Вы не понимаете, Дари Лэнг. — Пока Атавар Х'сиал закрывала дверь, Ж'мерлия заставлял ее сесть в кресло пилота. — Это ваше первое столкновение с членом Совета великого клайда. Им нельзя доверять. Считается, что они занимаются только этическими вопросами, но это не так! У них нет стыда. Они считают себя вправе вмешиваться во все, даже в то, что их мало касается. Мы не можем ничего обсуждать в присутствии Джулиуса Грейвса! Он нюхом почувствует, в чем дело, вмешается и погубит все, что мы задумали. Нам надо улететь от него. Быстро.

И пока Ж'мерлия говорил, Атвар Х'сиал отчаянно махала ножкой, чтобы Дари взлетела... прямо в штормовые тучи, которые угрожающе заполнили все небо. Дари указала было на них, но тут же осознала, что кекропийская эхолокация на таком расстоянии их не «увидит». Даже несмотря на необыкновенные уши, мир Атвар Х'сиал ограничивался сферой диаметром всего в сотню метров.

— В той стороне, на востоке, плохая погода.

— Тогда летим на запад, — торопил ее Ж'мерлия, — или на юг, или на север. Но только взлетайте.

Лотфианин скорчился на полу аэрокара, в то время как Атвар Х'сиал прислонилась головой к боковому окну. Ее слепое лицо смотрело в никуда.

Дари повела аэрокар вверх по крутой спирали, пробиваясь к более прозрачным облакам слева. Если она сумеет подняться над ними, аэрокар сможет летать много часов.

Кстати, сколько? Ей не слишком хотелось выяснять это. Лучше продолжать подниматься, оставив шторм в стороне, и поискать спокойное место, где неподалеку от края Слинга она сможет сесть.

Два часа спустя она вынуждена была оставить эту мысль. Свирепый ветер не утихал. Они долетели до края Слинга и покружили над морем за его пределами в поисках другого места для приземления, но ничего не нашли. Хуже того, темная масса грозовых облаков следовала за ними. Плотная серая стена заняла три четверти горизонта. По радио аэрокара сообщили о надвигающемся пятибалльном шторме, но не удосужились объяснить, что это означает. Мэндел сел за горизонт, и они летели, освещенные только мрачным светом Амаранта.

Она повернулась к Атвар Х'сиал:

— Не вечно же нам здесь оставаться, и мне не хочется откладывать все до последней минуты. Я собираюсь подняться повыше, чтобы пройти над штормом. Затем мы, оставаясь наверху, повернем назад к космопорту. Самое лучшее место для приземления то, откуда мы вылетели.

Атвар Х'сиал согласно кивнула, когда Ж'мерлия перевел ей слова Дари. Кекропийка шторма не боялась, возможно, потому что не видела мчащихся черных туч, говорящих о его силе. Ее все еще беспокоил Джулиус Грейвс.

Пока они летели, Атвар Х'сиал через посредство Ж'мерлии полностью изложила свой план. Как только капитан Ребка

вернется, они узнают официальную точку зрения по поводу их предполагаемого визита на Тектон. Если разрешение не будет дано, они сразу двинутся на Тектонную сторону в аэрокаре, за аренду которого уже заплачено. Он спокойно ждал их на маленьком взлетном поле другого Слинга неподалеку от космопорта. Чтобы его достичь, им надо будет нанять местный аэрокар, чья дальность полета была настолько ограничена, что Ребке и Перри даже в голову не придет, куда они отправились.

Атвар Х'сиал с Ж'мерлией в качестве переводчика могла все это без труда устроить. Чего она сделать не могла и для чего ей действительно была необходима Дари Лэнг, так это реквизировать капсулу на Пуповине.

Она высказала все свои доводы, а Дари Лэнг, слушая ее вполуха, боролась со штормом. Ни один кекропийец ни разу не бывал на Опале. Появление же кекропийца на Тектонной стороне и попытка его влезть в капсулу Пуповины немедленно вызовет массу вопросов. Посадки в капсулу не дадут без проверки разрешения на посещение Тектона, а это опять приведет к Ребке и Перри.

— Но, — говорил Ж'мерлия, — вас воспримут совершенно спокойно. Мы уже подготовили вам вполне хорошие документы.

Складчатый хоботок Атвар Х'сиал немного сжался. Она наклонилась к Дари, ее передние лапки были сложены как в молитве.

— Вы же человек... и вы женщина.

Как будто это поможет! Дари вздохнула. Полного взаимопонимания между ними явно не получалось. Она же три раза повторила ей, что у людей женские особи не воспринимаются безоговорочно в качестве руководителей и авторитетов, но кекропийка не понимала этого.

Дари попыталась еще набрать высоту. Этот шторм представлял собой *ничто*. Им было необходимо над ним подняться и обойти тучи, но, несмотря на всю прочность и устойчивость аэрокара, радость при мысли об этом ее не охватывала.

— Мы знаем правильную последовательность команд управления восхождением по Пуповине, — продолжал Ж'мерлия. — Как только вы обеспечите нам посадку в капсулу, между нами и поверхностью Тектона преград не останется.

Слова эти должны были успокоить и ободрить Дари. Как ни странно, они произвели обратное действие и заставили ее задуматься. Кекропийка прибыла на Опал после нее, как же

тогда она смогла приготовить фальшивые документы на имя Дари Лэнг? И она все знала об управлении Пуповиной. Кто ей передал эти данные?

— Скажи Атвар Х'сиал, что до принятия окончательного решения я еще хорошенько подумаю.

Подумать и побольше узнать самой до того, как она согласится совершить совместную поездку на Тектон с Атвар Х'сиал. Этой чужачке, казалось, известно все о Добеллии.

За исключением, пожалуй, опасности штормов на Опале.

Они спускались, и вихревые потоки воздуха усилились до пугающих размеров. Дари слышала и ощущала, как чудовищный ветер бьет и швыряет их аэрокар. Она молилась только об одном: чтобы его автоматическая система стабилизации и посадки справилась с управлением лучше нее. Сама она суперпилотом не была.

Атвар Х'сиал и Ж'мерлия оставались совершенно невозмутимыми. Может быть, существа, чьи, пусть отдаленные, предки летали, спокойнее относились к воздушным путешествиям.

Дари к этому наверняка не привыкнуть. У нее все внутренней завязались узлом. Они прошли сквозь облака и опускались. Бушевала гроза, самая яростная из всех виденных ею когда-либо на Вратах. Видимость была не больше ста метров, и никаких ориентиров. Ей приходилось рассчитывать только на радиомаяки космопорта.

Если в этом потоке они вообще работают.

Сквозь переднее стекло смотреть было бесполезно: ничего не видно, кроме дождевых струй. Снижались они долго... слишком долго. Держась за рычаги, она вглядывалась в приборную доску. Высота — триста метров. Дальность маяка — два километра. До приземления им оставались какие-то секунды. Где же посадочная полоса?

Дари подняла глаза от приборов и на мгновение увидела приближающиеся огни. Они были прямо по курсу. Сбросив мощность, она позволила аэрокару планировать вдоль светящейся линии. Колеса слегка коснулись земли. Но тут боковой ветер схватил машину, поднял ее и понес, понес в сторону...

Все двигалось как в замедленной съемке.

Машина клюнула носом. Она увидела, как одно крыло чиркнуло по скользкой от дождя поверхности...

...пропахало борозду и согнулось... раздался треск, когда оно переломилось пополам... она почувствовала начало перво-

го кувырка аэрокара... и поняла, что лучшая часть посадки закончилась...

Дари Лэнг никогда раньше сознания не теряла. Она была так в этом уверена, что через какое-то время ее мозг придумал объяснение происходящему. Очень простое: каждый раз, когда она закрывала глаза, даже на мгновение, кто-то менял окружающую обстановку.

Сначала агония и унижение, когда ее волоком тащили по мокрой неровной земле. Там никакого пейзажа не было, потому что ее глаза ничего не видели.

(глаза закрываются)

Она лежала лицом вверх, а кто-то, склонившись над ней, обмывал ей голову. «Подбородок, рот, нос, — проговорил голос. — Глаза». Вдруг жуткая боль.

— Похоже на трансмиссионную жидкость. — Разговаривали не с ней. — Это ничего, она не ядовитая. Сумеете смыть ее с других?

— Ладно, — ответил другой человек, — но у большого трещина в скорлупе. Из нее сочится что-то, а зашить мы не можем. Что делать?

— Попробуйте заклеить липкой лентой. — Темная тень отодвинулась от нее. Холодные капли дождя брызнули ей в глаза, которые щипало.

(глаза закрываются)

Зеленые стены, бежевый потолок, шипение и урчание насосов. Компьютерная капельница на металлической стойке, от которой к ее руке тянутся трубки. Было тепло, уютно и просто чудесно.

«Неоморфин», — отдаленно прозвучало в ее голове. Его вводят под контролем компьютера, когда телеметрия показывает, что вам это необходимо. Мощный. К нему быстро привыкаешь. На Вратах его использование ограничено. Применяется только в специальных больничных условиях и только в сочетании с эпинефриновыми триггерами.

«Чушь, — сказала тело. — Чувствуешь себя изумительно. Да, в Круге Фемуса знают, как пользоваться наркотиками. Да здравствуют наркотики».

(глаза закрываются)

— Чувствуете себя лучше?

Идиотский вопрос. Она чувствовала себя отвратно. У нее болели глаза, уши, зубы и большие пальцы ног. Голова гудела,

и временами ее пронзала острая боль, начинавшаяся за левым ухом и доходившая до кончиков пальцев рук. Но этот голос она знала.

Дари пошевелилась. Тут же, как в сказке, у постели возник мужчина.

— Я вас знаю, — она вздохнула, — но не знаю вашего имени. Бедный вы человек. У вас нет даже имени. Так ведь?

— Есть. Меня зовут Ханс.

— Капитан Ханс Ребка. Тогда все в порядке, имя у вас есть. Вы очень привлекательны, если бы еще почаще улыбались. Но ведь вы вроде бы должны находиться на Тектоне.

— Мы вернулись.

— Я хочу на Тектон.

«Проклятый наркотик», — подумала она. Это действует наркотик, и теперь она знала, почему он считался запрещенным. Ей надо заткнуться, пока она не ляпнула чего-нибудь.

— Можно мне туда поехать, милый Ханс Ребка? Видите ли, мне очень нужно туда. Я правда должна там побывать.

Он улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Вот видите, я так и знала, что вам идет улыбка. Так пустите меня на Тектон? Что скажете, Ханс Ребка?

Она моргнула прежде, чем он успел ответить.

Когда она снова открыла глаза, он исчез, а в комнате оказалось значительное добавление. Справа над ней нависало какое-то сооружение из черных металлических трубок, напоминавшее строительные леса. В центре этого кубического сооружения висела упряжь, прикрепленная канатами к его углам, а в ней, обмотанное белой липкой лентой, находилось похожее на палку тело Ж'мерлии; его голова и тонкие ноги свешивались по сторонам.

Искривленное положение забинтованного тела, казалось, говорило о последней стадии агонии. Дари машинально огляделась в поисках Атвал Х'сиал, но кекропийки видно не было. Неужели симбиоз между ними был так силен, что лотфианин не мог пережить ее смерть? Неужели лотфиане гибнут, когда их разъединяют с кекропийцами?

— Ж'мерлия!

Она сказала это, не думая, так как все, что говорил Ж'мерлия, являлось всего лишь переводом феромонного языка Атвар Х'сиал. Глупо ожидать самостоятельного ответа от него самого.

Один бледно-желтый глаз повернулся в ее сторону. Знает, по крайней мере он жив и понял, что она здесь.

— Вы слышите меня, Ж'мерлия? У вас такой вид, как будто вам очень больно. Почему вы в такой ужасной упряжи? Если вы понимаете меня и вам нужна помощь, скажите.

Наступило долгое молчание. «Безнадежно», — подумала Дари.

— Благодарю за ваше участие, — проговорил наконец знакомый сухой голос, — но мне не больно. Эта упряжь была сделана по моей просьбе и для моего удобства. Когда это делали, вы были без сознания.

Неужели это действительно говорил Ж'мерлия? Дари машинально оглядела комнату.

— Кто со мной сейчас говорит, вы или Атвар Х'сиал? Где Атвар Х'сиал? Она жива?

— Жива. Но, к сожалению, ее раны гораздо тяжелее ваших. Ей требуется серьезная операция внешнего скелета. У вас сломана одна косточка и множество ушибов. Вы сможете свободно двигаться через три добелианских дня.

— А что с вами?

— Я ничто. Мое состояние значения не имеет.

Дари соглашалась с таким самоуничижительным поведением Ж'мерлии, когда считала его всего лишь бездумным передатчиком мыслей кекропийки, но здесь было разумное существо со своими мыслями и чувствами.

— Скажите мне, Ж'мерлия, я хочу знать.

— Я потерял два сустава на задней ноге... ничего особенного: они быстро отрастают... и еще у меня вытекло немного лимфы. Этим можно пренебречь.

У него были свои собственные чувства... а значит, и собственные права?

— Ж'мерлия...

Она замолчала. Не лезла ли она не в свое дело? Член Совета сейчас здесь, на этой планете. Собственно, именно то, что они убегали от него, и стало первопричиной их увечий. Если кто-нибудь должен заботиться о статусе лотфиан, так это Джулиус Грейвс, а не Дари Лэнг.

— Ж'мерлия... — Она все-таки не могла молчать. Интересно, через какое время наркотик выйдет из организма? — В присутствии Атвар Х'сиал вы никогда не выражаете своих собственных мыслей? Вы вообще ничего не говорите сами?

— Это верно.

— Почему же?

— Мне нечего сказать. И это будет неуместно. Еще до того, как я достиг второй формы, когда я всего лишь вышел из личинки, Атвар Х'сиал была названа моей хозяйкой. В ее присутствии я служу лишь передатчиком ее мыслей другим. Своих мыслей у меня нет.

— Это неправильно. Ведь у вас есть разум, знания. У вас должны быть свои права... — Дари замолчала. Лотфианин дергался в своей упряжи, стараясь повернуть оба глаза в сторону человека.

— Профессор Дари Лэнг, с вашего разрешения. Вы и все люди гораздо выше меня и вообще нас, лотфиан. Я не осмелюсь не соглашаться с вами, но позвольте рассказать вам историю нашу и кекропийцев. Можно мне это сделать?

Она кивнула. Однако, по-видимому, кивка было недостаточно. Он ждал, пока она не сказала:

— Очень хорошо. Расскажите мне об этом.

— Благодарю вас. Я начну с нас не потому, что мы важны, но только для сравнения. Наша родина — планета Лотфи. Она холодная, и небо над ней ясное. Как вы можете догадаться, глядя на меня, у нас отличное зрение. Каждую ночь мы видели звезды. На протяжении тысяч поколений мы пользовались этим только для того, чтобы определять время сбора той или иной пищи. И все. Когда бывало холоднее или жарче обычного, многие из нас погибали от голода. Мы могли разговаривать друг с другом, но не многим отличались от примитивных животных, ничего не знающих о будущем и о прошлом. Наверное, мы бы навсегда остались такими.

А теперь подумайте об Атвар Х'сиал и ее народе. Они развивались на темной-темной, закрытой облаками планете... и они были слепыми. Так как они видят эхолокацией, зрение для них предполагает наличие воздуха, передающего сигнал. Поэтому их ощущения не могут принять информацию, не связанную с их атмосферой. Они пришли к выводу о присутствии собственного солнца только потому, что чувствовали исходящее от него тепло. Им пришлось разрабатывать технологические процессы, что привело их к мысли о *существовании* света. И тогда они создали инструменты, чувствительные к свету и другим электромагнитным излучениям, чтобы обнаруживать их и измерять.

И это было только начало. Им пришлось направить эти инструменты на небо, и они сделали вывод о существовании других миров, расположенных далеко за их родной планетой и дальше солнца. В конце концов они признали существование

звезд, измерили расстояния между ними и стали строить корабли, чтобы достичь других планет и использовать их.

Они это сделали... все это... а мы, лотфиане, сидели на своей планете и спали. Мы более старая раса, но если бы они не нашли наш мир и не подняли нас, не пробудили в нас самосознание, понимание Вселенной, мы бы все так же сидели и спали, как животные.

В сравнении с кекропийцами или людьми мы — ничто. В сравнении с Атвар Х'сиал я — ничто. Когда светит ее свет, мой не должен быть виден, когда она говорит... для меня — честь быть переводчиком, передающим ее мысли.

Вы слышите меня, профессор Дари Лэнг? Это честь для меня, Дари Лэнг!

Она слушала... и очень внимательно. Но у нее снова все начало болеть, а контролируемая компьютером система лекарственных вливаний этого допустить не могла. Капельница снова начала работать.

Она заставляла свои глаза не закрываться. «Я ничто!» Какой комплекс расовой неполноценности. Но лотфианам нельзя позволять оставаться расой рабов... даже если они этого хотят. Она обязательно пойдет и доложит об этом, как только сможет пойти к нему.

К нему.

К кому?

Туманные глаза с сумасшедшинкой, она никак не может вспомнить, как его зовут. Она боялась его? Конечно, нет.

Ей следует сообщить об этом...

(глаза закрываются)

ГЛАВА 9

20 дней до Летнего Прилива

— Она не умерла и не умирает. Она выздоравливает. Естественная реакция кекропийцев на травмы и оскорбление действием — обморок.

Была середина короткой опальской ночи. Джулиус Грейвс и Ханс Ребка стояли у стола, на котором лежало неподвижное

тело Атвар Х'сиал. Часть боковой стороны темно-красного панциря была закрыта толстым слоем гипса и агглютината, которые, застывая, образовали блестящую белую раковину. Хоботок был сложен и надежно упрятан в подбородочную сумку, а свернутые антенны прикрывали широкую голову. Почти не было слышно посвистывания воздуха, проходящего через дыхальца.

— И по человеческим меркам такая реакция весьма эффективна, — продолжал Грейвс. — Выздоровление после увечья, если оно не убило кекропийца на месте, идет очень быстро. Самое большое — два-три дня. Дари Лэнг и Ж'мерлия считают, что Атвар Х'сиал уже достаточно выздоровела, чтобы вернуться к своей просьбе о посещении Тектона. — Он улыбнулся своей мертвой улыбкой. — Не очень приятные новости для командора Перри, а? Он не просил вас оттянуть все это, пока не кончится Летний Прилив?

Ханс Ребка скрыл свое удивление... вернее, попытался скрыть. Он уже начал привыкать к ощущению, что Джулиус Грейвс обладает неограниченными знаниями обо всех видах существ в этой ветви галактики. В конце концов, его мнемонический близнец был создан специально для этого, и с момента прибытия на место аварии именно Стивен Грейвс диктовал условия лечения Атвар Х'сиал: панцирь надо запечатать, ноги обмотать липкой лентой, сломанное надкрылье удалить совсем... оно быстро регенерируется... а раздавленные антенну и желтые слуховые рога надо оставить в покое, чтобы они за lànhили себя сами.

Что было принять труднее, так это его знание и понимание людей.

Ребке пришло в голову, что ему с Джулиусом Грейвсом следовало бы поменяться заданиями. Если кто-нибудь и мог понять, что превратило Макса Перри из восходящего лидера в человека безразличного к карьере, и проникнуть в непроницаемые тайны его мышления, то это, конечно, был Грейвс. Зато Ребка — человек, способный обследовать поверхность Тектона и найти близнецов Кармел, где бы они ни прятались.

— А вы что об этом думаете, капитан? — продолжал Грейвс. — Вы ведь побывали на Тектоне. Стоит разрешить Дари Лэнг и Атвар Х'сиал съездить туда после выздоровления? Или надо запретить им всякий доступ на Тектон?

Именно этот вопрос задавал себе Ребка. То, что сам Грейвс собирался поехать на Тектон, как бы его ни отговаривали, не обсуждалось вовсе. Перри будет сопровождать его и станет проводником. И хотя Ребка не высказывался по этому поводу, но он тоже собирался отправиться с ними. Этого требовала его работа, да и в любом случае на Макса Перри во всем, что касалось Тектона, полагаться нельзя: он слишком предубежден. Но как быть с остальными? «Тот путешествует быстрее, кто путешествует один».

— Я против этого. Чем больше посетителей, тем больше опасность, какими бы специальными знаниями в этом вопросе они ни обладали. И это относится не только к людям, но и к кекропийцам.

К кекропийцам в первую очередь! Он опустил глаза на лежавшую без чувств чужачку, сдержал дрожь и направился к дверям.

У него не было проблем с Ж'мерлией, несмотря на его приниженный вид и молящие желтые глаза. Но даже просто поглядеть на Атвар Х'сиал ему было неловко. А он считал себя человеком образованным и рассудительным. Было в этих чужаках что-то непонятное, из-за чего он их едва выносил.

— Что, капитан, кекропийцы вызывают у вас неприятное чувство? — Последовавший за ним Грейвс снова прочитал его мысли и констатировал факт, а не задал вопрос.

— Наверное, так. Не беспокойтесь: я к ним привыкну.

Он привыкнет... только не быстро. Очень уж это трудно. Вообще чудо, что люди и кекропийцы не ввязались с первой же встречи во всеобщую войну друг с другом.

«Что, несомненно, произошло бы, — подсказал Ребке его внутренний голос, — найдись нечто ценное, из-за чего стоило воевать. Кекропийцы выглядели как демоны. Если бы не то обстоятельство, что они искали для себя планеты вокруг красных карликов, а люди — подобие Солнечной системы, им бы не избежать столкновений друг с другом в своей ползучей экспансии. Однако автоматические зонды и медлительные «ковчеги» обеих рас искали совершенно различные типы звезд. И они разминулись на тысячи лет. Ко времени открытия людьми Бозе-передачи и обнаружения того, что кекропийцы уже пользуются той же самой сетью в этой ветви галактики, оба вида разумных существ уже были знакомы с чуждыми организмами. Это позволило им мирно сосуществовать с другим клей-

дом, который нуждался в ином звездном окружении, совсем отличным от их собственного, хотя это и вызывало внутренний протест.

— Шовинизм позвоночных — вещь обычная. — Грейвс пошел с ним рядом. Какое-то время он молчал, потом вдруг хихикнул. — И все-таки, по мнению Стивена, который говорит, что может так рассуждать, потому что у него нет ни позвоночника, ни внешнего скелета, скорее, мы должны считать себя пришельцами. По его словам, из четырех тысяч двухсот девяти миров, на которых, как выяснилось, есть жизнь, внутренний скелет развился только на девятистах восьмидесяти шести. В то время как членистоногие с внешним скелетом живут и процветают на трех тысячах трехстах одиннадцати. В соревновании на галактическую популярность Атвар Х'сиал, Ж'мерлия и любой другой членистоногий побьет вас, меня и командора Перри, не прикладывая рук. И даже, осмелюсь заметить, вашу профессоршу Лэнг.

Ребка зашагал быстрее. Не имело смысла указывать Джулиусу Грейвсу, что его Стивену грозила опасность стать несносным занудой. Конечно, знать все прекрасно... но неужели необходимо об этом постоянно талдычить?

Ребка не хотел признаваться себе в причине своего раздражения. Он терпеть не мог, чтобы кто-то знал больше него, но еще невыносимее для него было находиться рядом с человеком, который без всякого труда видел все насквозь. Никому не нужно знать, что у него появилась слабость к Дари Лэнг. Проклятие, он сам только-только начал это сознавать, когда вытаскивал ее из раздавленного аэрокара. Ребка воспринимал ее сложнее, чем досадное и нежеланное добавление к проблемам со Тектоном и Максом Перри.

Зачем только она явилась и усложнила жизнь? Ведь ее полная непригодность к жизни на Опале была очевидна. Она же ученая крыса, ей следовало и дальше сидеть в лаборатории и тихо заниматься своими расчетами. Придется присматривать за ней. Необходимо сделать что-то, чтобы она осталась на Опале во время его полета на Тектон.

Пятибалльный шторм окончился, и наступило редкое на Опале ночное просветление в облаках. Было около полуночи, но не темно. Амарант медленно приближался к Мэнделу. Он стоял высоко в небе, большой оранжевый диск. Еще два дня, и у предметов появится вторая тень.

Почти у самого горизонта маячил Гаргантюа, который тоже начинал свой спуск к жаркой топке Мэндела. Будучи пока всего лишь розовой точкой, он выглядел гораздо ярче остальных звезд. Еще неделя, и этот газовый гигант покажет свой круглый лик, исполосованный темно-коричневыми и бледно-желтыми штрихами.

Ребка направлялся к одному из четырех главных зданий космопорта. Грейвс все еще продолжал тащиться за ним следом.

— Вы направляетесь встречать Луиса Ненду? — поинтересовался советник.

— Надеюсь. Что вы знаете о нем? — Если уж Ребка никак не мог отделаться от Грейвса, то надо было использовать его обширные знания.

— Только то, что он вам написал в своей заявке, — сказал Грейвс, — плюс наши знания о гражданах Сообщества Зардалу... но их меньше, чем нам хотелось бы. Миры Сообщества не отличаются стремлением к сотрудничеству.

«Такую оценку можно назвать образцом преуменьшения», — подумал Ребка.

Двенадцать тысяч лет назад, задолго до начала человеческой Экспансии, наземные головоногие зардалу попытались создать нечто такое, на что не решились ни люди, ни кекропийцы: Сообщество Зардалу, настоящую империю из тысячи планет под безжалостным управлением с Дженизии — планеты, породившей клайд зардалу. Эта затея с треском провалилась, но, пожалуй, послужила предметным уроком для людей и кекропийцев, предостерегая от подобных ошибок.

— Луис Ненда в основе своей человек, — продолжал Грейвс, — но с некоторыми тамошними дополнениями.

— Умственными или физическими?

— Не знаю. Что бы они там ни сделали, это несущественно, так как нет никаких упоминаний ни о глазах на кончике пальцев или на затылке, ни о двуплостности, ни об отсутствии костей, ни, наоборот, о четверорукости или четвероногости, ни о гигантизме или ужимании... короче говоря, согласно въездной декларации, он мужчина нормального роста и веса. Конечно, на свете есть сотни изменений, которые никак не отражены в обычном опросном листе...

...а о его ручном любимце, которого он везет с собой, мне известно еще меньше. Это хайменофт, и совершенно ясно — еще один членистоногий, хотя он только отдаленно напоми-

нает земных *hymenoptera*, перепончатокрылых. Придется подождать, пока мы узнаем, чем он является для Ненды: игрушкой, сексуальным партнером или, может, едой.

«Ждать осталось недолго», — подумал Ребка. Вновь прибывший корабль уже сел посреди космопорта Звездной стороны, и его пассажиры проходили проверку на микроорганизмы в здании прибытия. Поскольку тесты на внутренних и внешних паразитов занимали лишь несколько минут, проверка новоприбывших скорее всего заканчивалась.

Ребка и Грейвс двинулись туда, где стояли в ожидании гостей Макс Перри и другие официальные лица из отдела прибытия.

— Долго еще ждать? — спросил Ребка.

Вместо ответа Перри махнул рукой в сторону закрытых двойных дверей с надписью «Дезинфекция», которые начали открываться.

По сравнению со всеми предположениями Грейвса и фантазиями Ребки Луис Ненда оказался удивительно обыкновенным. Коренастый, смуглый и мускулистый, он вполне сошел бы за жителя любого из миров Круга Фемуса. Его слегка неуверенную походку объясняло шестикратное изменение гравитации за последние несколько часов, но бодрость присутствовала в избытке, а в каждом движении сквозила самоуверенность. Выйдя из лаборатории экзобиологической проверки, он надменно оглядывал все вокруг свирепым взглядом налитых кровью глаз. Рядом, старательно повторяя все движения головы хозяина, топал маленький пухленький чужак. Завидев встречающих, Ненда остановился.

— Каллик! — Он потянул за упряжь, которая охватывала грудную клетку и брюшко хайменопта. — К ноге!

Затем, не глядя ни на кого, кроме Перри, он произнес:

— Доброе утро, командор. Надеюсь, вы увидите, что результаты моих анализов отрицательные. У Каллик тоже. Вот заявка на допуск.

Все разглядывали хайменопта. Джулиус Грейвс видел одного, когда, путешествуя, пересекал территорию Зардалу, но остальные знали их только по картинкам и чучелам.

Страшная репутация хайменопта с трудом увязывалась с его внешностью. Он доходил Луису Ненде только до пояса, имел маленькую гладкую головку, на которой преобладали мощные, похожие на капкан, жвалы и многочисленные пары

черных блестящих глазок, расположенных кольцом по периметру. Они двигались постоянно и независимо друг от друга, зорко наблюдая за всем вокруг.

Бочкообразное тело хайменопта покрывал короткий черный мех длиной один-два сантиметра, знаменитый хаймелон, прочный, водоотталкивающий и непроницаемый.

Чего не было видно, так это блестящего желтого жала, спрятанного в кончике тупого брюшка. Его полая игла впрыскивала нейротоксины, состав и силу которых хайменопт произвольно менял. Противоядия от них не существовало, ни одна сыворотка против них не работала. Не была видна и нервная система, которая обеспечивала хайменопту скорость реакции, в десять раз превышающую человеческую. Восемь пружинистых ног могли в две секунды перенести его на сотню метров на земле или поднять на пятнадцать метров в воздух при обычном тяготении. Воротник из хаймелона был большой редкостью, даже когда хайменоптов еще не объявили охраняемым видом.

— Добро пожаловать в систему Добеллии! — Тон Перри противоречил словам. Взяв у Луиса Ненды въездные документы, он просмотрел их. — В вашей заявке почти ничего не сказано о причине, побудившей вас посетить Тектон. Надеюсь, в этих бумагах сказано больше?

— Разумеется. — Манеры Ненды соответствовали походке. — Я хочу поглядеть, как это выглядит, когда земля вздымается приливом, а значит, мне нужно на Тектон во время Летнего Прилива. С этим какие-нибудь проблемы?

— Тектон во время Летнего Прилива опасен для жизни. А сейчас, когда Амарант так приблизился, опасен больше, чем когда-либо.

— Проклятие, мне плевать на опасность. — Ненда выкатил грудь вперед. — Мы с Каллик купаемся в опасности. Мы были на Джеллиролле, когда там произошла сверхвспышка. Девять дней провели в аэрокаре, вращаясь вслед за Джеллироллом, чтобы спрятаться в его тени и избежать удовольствия зажариться живьем. Мы выбрались оттуда, даже не загорев. А перед этим были на предпоследнем корабле с Каслмэйна. — Он рассмеялся. — Нам повезло. На последнем корабле не было запасов пищи, а они сорок дней ползли до Бозе-узла. Им пришлось есть друг друга. Но если хотите знать о настоящем приключении, то разрешите рассказать вам о случае на Мышиной Норе...

— Сразу после того, как мы рассмотрим вашу заявку. — Перри зло взглянул на Ненду. Даже одной минуты знакомства ему хватило, чтобы понять: такой тип вряд ли спокойно воспримет отказ в удовлетворении заявки. — Мы покажем вам ваше временное жилище. Затем некоторым из нас предстоит встреча, где необходимо присутствовать. Скажите, он питается как-то особо? — Он указал на хайменопта. — Что ему необходимо?

— Ей. Каллик — женская особь. Нет, она всеядна. Вроде меня. — Ненда рассмеялся без намека на шутливость. — Эй, надеюсь, я ослышался. Что это еще за «встреча, где необходимо присутствовать»? Я долго сюда добирался. Слишком долго, чтобы теперь ходить кругами.

— Посмотрим, что можно сделать. — Перри поглядел на Каллик. Услышав ярость в голосе Луиса Ненды, она выпустила из ножен пару дюймов желтого жала. — Я уверен, наши взгляды совпадут в одном: вы не хотите отправиться на Тектон, чтобы там погибнуть.

— Не забивайте себе голову этим. Нас убить не так-то легко. Подтвердите это разрешение на въезд и отпустите меня туда. Чтобы меня убить, понадобится нечто большее, чем Тектон.

«Может, и так».

Ребка наблюдал, как Перри распорядился увести новоприбывшего. Конечно, вне всякого сомнения, Тектон опасен, но... если самоуверенность является защитой, Луис Ненда всюду в безопасности. Быть может, это Тектон нуждается в защите.

— Я бы хотел послушать ваши рекомендации, командор.

«Но Перри на меня смотреть не хочет, — подумал Ребка. — Он думает, что знает мое решение. Но ошибается... потому что я сам его не знаю».

— Как вам известно, я против допуска на Тектон. — Голос Перри стал едва слышным, а лицо побледнело.

— Против допуска кому бы то ни было?

— Совершенно верно.

— Вы знаете, что у Грейвса есть право отменить любое наше решение? Он может в любое время, когда захочет, охотиться за близнецами Кармел на Тектоне.

— Такое право у него есть, и мы оба знаем, что он туда поедет. Но власть и это право не защитят его. Тектон во время Летнего Прилива убивает! — На последних словах Перри высил голос.

— Очень хорошо, а как насчет остальных? Они готовы заплатить Добеллии весьма значительную сумму за право посещения Тектона.

— Я дам им согласие на посещение Тектона... после Летнего Прилива. Дари Лэнг сможет изучать Пуповину, и не будучи на его поверхности. У Атвар Х'сиал будет целый остаток года, чтобы изучать поведение различных видов животных в условиях экологической напряженности.

— Они никогда не согласятся. Откажете в допуске во время Летнего Прилива и потеряете и их, и деньги, которые они заплатили бы Добеллии. Что вы думаете о Луисе Ненде?

Перри наконец посмотрел в глаза Ребке, и тон его изменился. Он даже улыбнулся.

— Он врёт, не так ли?

— Уверен, что так.

— И не очень умело.

— А ему все равно. Иначе он выбрал бы более подходящую историю. Мне показалось, что он последний человек в этой ветви галактики, кто заинтересовался бы литосферными приливами. Меня тянет пойти к Джулиусу Грейвсу и попросить его задать Ненде парочку технических вопросов по приливам, но это ничего не решит. Он приехал сюда издалека, почти за девятьсот световых лет... Если только это не вранье, как и все остальное, но он точно прибыл из Сообщества Зардалу, что по меньшей мере четыре Бозе-перехода. Есть хоть какие-то предположения относительно его реальных намерений?

— Абсолютно никаких. — Перри снова как-то стих и ушел в себя. — Но я не думаю, что врёт он один. Пришел ответ на запрос, который вы послали в разведку Круга насчет Дари Лэнг. Да, что она специалист по артефактам Строителей, однако у нее нет никакого повода спускаться на поверхность Тектона. Всю ее работу можно проделать здесь или на самой Пуповине. Правду она говорит или нет, мне все равно. Вы спрашивали мою рекомендацию, так вот я вам ее даю: никакого допуска для Лэнг, никакого допуска для Атвар Х'сиал, никакого допуска кому бы то ни было до того, как закончится Летний Прилив. А если Грейвс будет настаивать на другом, что ж, его дело.

— Вы позволите ему отправиться на Тектон одному?

— Господи, нет, конечно. — Перри был искренне шокирован. — Это все равно что убить его на месте. Отправлюсь с ним.

— Я так и думал. — Ребка решился. — И я тоже.

«И все не по делу, все по совершенно ложным мотивам, — подумал он. — Если я разрешу доступ на Тектон, то, возможно, узнаю, почему все так стремятся туда. Но если я в этом откажу, то выясню, насколько им этого хочется. И, вероятнее всего, заставлю некоторых принять свои меры, а способа справиться с этим я не знаю».

— Командор Перри, — продолжал он, — я принял решение и согласен с вашей рекомендацией. — Он внутренне улыбнулся при виде удивления, отразившегося на лице Перри. — Мы откажем в доступе на Тектон до окончания Летнего Прилива всем заинтересованным лицам.

— Уверен, что это правильное решение. — Перри великолепно владел собой, но наступившего облегчения скрыть не мог.

— Остается только один нерешенный вопрос, — сказал Ребка. — Может, нам бросить монетку, чтобы определить, кто будет сообщать эти плохие вести Дари Лэнг и Атвар Х'сиал? И, что всего неприятнее, Луису Ненде?

АРТЕФАКТ: ЛИНЗА

ВКА № 1023

Галактические координаты: 29334,229/18339,895/ — 831,22

Название: Линза

Местоположение (звезда/планета): Существует в свободном пространстве

Узловая точка Бозе-сети: 108

Приблизительный возраст: 9,138+/-0,56 мегалет

История изучения. Полная история Линзы, по-видимому, никогда не будет известна. Поскольку она расположена в пределах клайда зардалу, все ранние записи утрачены при крушении империи зардалу. Однако с учетом пристрастия зардалу к биологическим исследованиям и их относительного безразличия к физике представляется маловероятным, чтобы ими когда-либо предпринималось систематическое изучение Л.

Письменные свидетельства о Л. начинаются с наблюдений в 122 г.Э., но ее долго считали явлением внегалактическим. Открытие ее местного характера, принадлежности к этой спиральной ветви, произошло в 388 г.Э. в результате измерения параллакса некоторых звезд. Первое прямое приближение к Л. осуществлено в 2101 г.Э. Кустрой (полет в одну сторону), но никаких физических свидетельств ее материальности получить не удалось. Пэйнерл и Ула Х'сагта (2377 г.Э.), измерив поляризацию лазерного излучения, проходящего через область Л., подтвердили ее местоположение и составили карту ее границ.

Физические характеристики. Л. представляет собой фокусирующую область пространства 0,23 светового года в диаметре и, по-видимому, нулевой толщины (измерения угла скольжения были проведены с точностью до микрона). Фокусирует только свет с длиной волны 0,110–2,335 микрон, падающий на Л. в пределах узкого конуса (угол падения меньше 0,77 радиан). Есть, однако, некоторые свидетельства взаимодействия с излучением длиной волны более 0,1 светового года (низкая энергия этого излучения не позволяет с уверенностью выделить его на космическом фоне). Всякое другое электромагнитное излучение, все частицы и твердые объекты, все гравитационные волны проходят через Л. без заметных изменений. Фокусировка излучения ахроматическая для всех длин волн названного диапазона. В этом диапазоне Л. работает как устройство с дифракционно-органической эффективной апертурой в 0,22 светового года и фокусным

расстоянием 427 световых лет. С ее помощью производились наблюдения планет в галактиках, отдаленных более чем на сто миллионов парсек.

Физическая природа. Здесь приходится представить пере-чень того, чем Л. не является. Современные наука и технология не позволяют высказать сколько-нибудь достоверного суждения о том, что она собой представляет.

Л. не состоит из частиц, известных в настоящее время обита-телям этого спирального рукава галактики. Она не является про-странственно-временной сингулярностью, так как сингулярности такого рода не способны воздействовать на свет определенной длины волны и оставлять прочие формы вещества и излучения без изменений. По той же причине она не является ансамблем связанных гравитонов. Не обладает суперструнной или суперпет-левой структурой, так как не отмечалось никакой эмиссии — ни спонтанной, ни индуцированной.

Предполагаемое назначение. Неизвестно. Л. представляет собой макроинженерное сооружение Строителей, самое большое и самое загадочное. Однако специфический диапазон действия заставил некоторых исследователей этого артефакта предполо-жить, что именно он соответствует спектральному диапазону, вос-принимаемому глазами Строителей. Так как нет никаких свиде-тельств, что Строители обладали каким-то органом, эквивалентным глазу в человеческом или хайменоптском понимании, это допу-щение представляет лишь академический интерес.

Высказывались также предположения, что Л. необъяснимым образом осуществляет модулирование проходящего через нее све-та. Если это так, то ее действие как фокусирующей системы явля-ется лишь побочным эффектом истинного назначения этой струк-туры.

Д. Лэнг
«Всеобщий каталог артефактов»,
4-е издание.

ГЛАВА 10

18 дней до Летнего Прилива

— Войдите! — машинально крикнула Дари Лэнг, услышав осторожный стук.

Дверь распахнулась.

— Войдите; — повторила она и увидела, что посетитель вошел, вернее, частично вошел. В футах над землей в открытую дверь заглядывала круглая черная голова с кольцом блестящих глазок.

— Она ни черта не понимает, — произнес грубый голос. — Знает на человеческом языке лишь несколько команд. Заходи.

Хмурый коренастый человек со смуглым лицом широкими щагами вошел в комнату, толкая перед собой миниатюрного чужака. Жесткий ремень вокруг круглой груди хайменопта был прикреплен к черной гибкой трости в руке мужчины.

— Я Луис Ненда. А это... — он дернул тростью, — это Каллик. Принадлежит мне.

— Привет! Я Дари Лэнг.

— Я знаю. Нам надо поговорить.

Никого неприятнее она не встречала. Дари уже надоели грубые манеры в Круге Фемуса, но они были заразительны.

— Может, вам надо, но мне нет. Почему бы вам не убраться сразу?

Он неожиданно ухмыльнулся.

— Подождите. Где мы можем поговорить?

— Прямо здесь. Но я не понимаю зачем.

Он покачал головой и дернул большим пальцем в сторону Ж'мерлии. Лотфианин уже достаточно выздоровел, и его освободили от поддерживающей упряжи, однако он предпочитал оставаться там, где мог подвешивать себя для сна.

— А как насчет этого насекомого?

— С ним все нормально. — Она наклонилась и поглядела в глазную мембрану. — Он просто отдыхает и не помешает нам.

— Мне все равно, что он делает. То, что я хочу сказать, нельзя говорить в присутствии этого жука.

— Тогда, думаю, и мне не стоит этого знать. Ж'мерлия не жук. Он лотфианин и разумен так же, как и вы.

— Ну, это меня не впечатляет. — Ненда снова ухмыльнулась. — Некоторые люди говорят, что я безумен, как варниец. Пойдемте поговорим.

— Можете вы назвать хоть одну причину, по которой я бы этого хотела?

— Конечно. Я могу назвать их тысячу двести тридцать семь. Дари уставилась на него.

— Вы говорите об артефактах Строителей? Их открыто только тысяча двести тридцать шесть.

— Я сказал ПРИЧИН. И, ручаюсь, мы оба можем придумать по крайней мере одну причину для разговора, не являющуюся артефактом.

— Я не знаю, что вы имеете в виду. — Но Дари чувствовала, что лицо снова предательски ее выдало.

— Каллик, стой. — Луис Ненда сопровождал эти слова серией свистов и ворчаний. Затем обернулся к Дари. — Говорите хоть немного по-хайменоптски? Так и думал, что нет. Я велел ей пойти и покараулить жука. Выйдем наружу. Она придет за нами, если жук проснется и вы ему понадобится.

Он отцепил трость от ошейника Каллик и направился к двери, не беспокоясь, следует ли она за ним.

Что ему было известно? Что он мог знать? Логика подсказывала — ничего. Но Дари поймала себя на том, что следует за ним к выходу и дальше, по размякшей от дождя поверхности Слингга.

Центральная погодная служба Звездной стороны предсказала еще один большой шторм сегодня днем, но сейчас ветры стихли. На небе были одновременно Мэндел и Амарант, просвечивая сквозь тучи яркими расплывчатыми заплатками. Амарант быстро увеличивал свою относительную яркость. Зеле-

ные растения начали по краям отливать медью, небо на востоке приобрело рыжеватый оттенок. Луис Ненда уверенно шел по кустарнику... «Его-то гигантские черепахи не пугают, — подумала Дари. — Хотя сейчас они, наверное, уже благополучно в море или готовятся туда уплыть, стремясь избежать Летнего Прилива».

— Мы уже достаточно отошли, — окликнула она его. — Объясните мне, чего вы хотите?

Он обернулся и подошел к ней.

— Ладно, здесь подходит. Мне просто не нужны чужие уши. Вот и все. И, полагаю, вам тоже.

— Мне все равно. Что скрывать?

— Да? — Он улыбнулся ей, слегка задрал голову, так как был на полголовы ниже. — Забавно, а мне кажется есть что. Вы же Дари Лэнг, эксперт Четвертого Альянса по истории и технологии Строителей.

— Я не эксперт, но очень интересуюсь Строителями. Это не секрет.

— Это не секрет. Ведь вы достаточно знамениты, чтобы исследователи Строителей в Сообществе Зардалу знали о вашей работе и вашем каталоге. Вас все время приглашают на встречи и конференции, ведь так? Но говорят, что за последние двенадцать лет вы никуда не ездили. Тот, кто хочет видеть Дари Лэнг, должен поехать на Врата Стражника. Однако два месяца назад вас там найти не удалось. Вы внезапно снялись с места. И отправились на Добеллию.

— Я захотела осмотреть Пуповину.

— Разумеется. Все верно. За исключением того, что, согласно Каталогу Лэнг, ВКА 279...

— ВКА 269, — машинально поправила Дари.

— Извините, ВКА 269. Ну, все равно, там сказано... ничего, если я вас процитирую?.. «Пуповина является одним из самых простых и понятных артефактов и поэтому не привлекает внимания серьезных исследователей технологии Строителей». Помните, что вы написали?

— Конечно, помню. Что с того? Я свободна в своих поступках, я могу изменить мнение. И могу ездить куда захочу.

— Можете. За исключением того, что ваши начальники на Миранде допустили серьезную ошибку. Они должны были бы отвечать тем, кто спрашивает о вас, что вы отправились на Тантал, или Кокон, или Факел, или на одно из действительно

больших сооружений Строителей. А может быть, им стоило просто сказать, что вы уехали в отпуск.

— А что они сказали? — Ей не следовало спрашивать этого, но она хотела знать, что эти тупицы в центральном правительстве с ней сделали?

— Они ничего не сказали. Они замкнулись и всем, кто спрашивал, отвечали: не беспокойте нас, приходите через два месяца. Такого не говорят людям, если не желают, чтобы те не стали вынюхивать, в чем дело.

— Но вы же без труда нашли меня. — Дари почувствовала облегчение. Он был приставалой, но ничего не знал, и не ее вина, что он здесь оказался.

— Конечно, нашел. Мы вас нашли. Это было нетрудно, когда мы начали искать всерьез. Все Бозе-переходы регистрируются.

— И вы последовали за мной сюда. Чего теперь вы от меня хотите?

— Разве я сказал, что мы последовали за вами, профессор? — Он произнес ее звание так, что оно прозвучало как оскорбление. — Нет. Видите ли, мы уже направлялись сюда. И когда выяснилось, что вы тоже здесь, я понял, что нам надо встретиться. Пойдемте, дорогуша.

Луис Ненда взял Дари за руку и повел ее сквозь кустарник. Они дошли до какого-то барьера из переплетенных виноградных лоз и горизонтальных древоподобных стеблей, образовавших вместе что-то вроде длинной неровной скамьи. Под давлением его руки Дари опустилась на нее. Она устала, и ноги уже не держали ее.

— Нам надо держаться вместе, — повторил он. — И вам известно, почему, не так ли? Вы, Дари Лэнг, притворяетесь, но на самом деле все знаете чертовски хорошо. — Он уселся рядом с ней и фамильярно похлопал по колену. — Ну, давайте признавайтесь, пришел час исповедаться. Нам с вами, милочка, есть о чем рассказать друг другу. Кое-что по-настоящему интимное. Хотите, чтобы я начал первым?

«Если эти выводы так очевидны для меня, почему бы другим тоже не прийти к такому же заключению?»

Дари вспомнила, как сидела и размышляла об этом задолго до своего путешествия на Добеллию. Наконец она смогла ответить на этот вопрос. Другие пришли к такому же выводу.

Непонятно только, мог это сделать такой неотесанный, прямолинейный и неумный человек, как Луис Ненда.

Он не стал церемониться.

— Артефакты Строителей разбросаны по всей этой спиральной ветви галактики. Какие-то там у вас, на территории Четвертого Альянса, какие-то в Кекропийской Федерации, какие-то там, откуда я, в земле Зардалу. И один здесь, это — Пуповина. В вашем каталоге они перечислены все до единого. И вы пользовались универсальными галактическими эфемеридами, чтобы зафиксировать каждый случай, когда в каком-нибудь артефакте происходила перемена. В его внешнем виде, размере, функциях... в чем бы то ни было.

— Насколько мне это удавалось. — Дари только подтвердила то, что уже было написано в ее каталоге. — В каких-то случаях сведения крайне неполны и неконкретны, какие-то изменения наверняка вообще не зафиксированы. И подозреваю, что некоторые описанные изменения на самом деле не отражают реальность.

— Но вы показали наличие в среднем тридцати семи изменений для каждого артефакта, наблюдаемого около трех тысяч лет... и для артефактов на кекропийской территории, наблюдаемых девять тысяч лет. И никакой корреляции по времени.

— Совершенно верно. — Дари очень не нравилась его ухмылка. Она кивнула и отвела глаза в сторону.

Ненда сильными пальцами снова сжал ее колено. Рука у него была толстая и волосатая.

— Я слишком близко подошел к критической точке? Не грустите, милочка. Продержитесь еще немного, и мы дойдем до сути. Время этих перемен не коррелировало, не так ли? Но в одном из ваших докладов вы бросили любопытную мысль. Вспоминаете?

Сколько еще могла она тянуть? Если бы указания легата Перейры не были настолько четки и строги... «вы не должны никому вне Альянса ничего рассказывать о том, что обнаружили. Даже если покажется, что они это уже знают».

Она сбросила его руку.

— В своих работах я высказывала много разных мыслей.

— Да, мне говорили. И еще я слышал, что вы их так просто не забываете. Но в любом случае я освежу вашу память. Вы писали, что правильный способ корреляции времени перемен в артефактах несопоставим с универсальными галактическими

датами этих перемен. Следует рассматривать эти перемены, как отклики на сигналы, исходящие из общего центра и распространяющиеся со скоростью света. Так, через десять световых лет после того, как что-то случилось с артефактом, информация об этом станет доступна всюду на поверхности сферы радиусом в десять световых лет, центром которой является этот артефакт. Помните, как вы об этом писали?

Дари пожала плечами.

— И любые две такие сферы будут расширяться все дальше и дальше, пока не встретятся, — продолжал Луис Ненда. — Сначала они соприкоснутся в одной точке, затем, по мере своего роста, пересекутся, образуя круг, который будет становиться все больше и больше. Но когда мы имеем дело с тремя сферами, все происходит гораздо хитрее. По мере того как они начинают расти, их встреча возможна только в двух точках. Три или четыре сферы обычно не имеют общих точек. А когда у вас тридцать семь перемен в каждом артефакте, вам придется иметь дело почти с пятьюдесятью тысячами сфер, распространяющихся от центров, то есть от артефактов, со скоростью света. Каковы же шансы на то, что двенадцать тысяч тридцать шесть таких сфер, по одной от каждого артефакта Строителей, встретятся в одном месте? Вероятность этого ничтожна или, скажем точнее, пренебрежимо мала. Ее нельзя измерить. Но если все-таки вопреки всему они встретятся? Когда это произойдет? Звучит как вопрос о невероятном, не так ли? Но его нетрудно запрограммировать и попробовать вычислить ответ. Знаете, профессор Лэнг, какой будет ответ?

— Почему я должна знать это? — Изворачиваться было поздно, однако она все же попыталась это сделать.

— Потому что вы здесь! Проклятие, давайте бросим притворяться. Хотите, чтобы я произнес его по буквам?

Его рука снова легла на прежнее место, он заставил ее наконец разозлиться, в первую очередь своим тоном. У нее возникло желание ударить его.

— Вам вообще ничего не надо произносить по буквам. Вы... вы похотливый карлик. Вы, может, и пошли по моим следам, но это все, что вы сделали: пошли вслед за мной! Это была моя идея. Совершенно оригинальная. И уберите вашу мерзкую руку с моей ноги.

Он победоносно ухмылялся.

— Я и не говорил никогда, что это не ваша идея. И если вам не хочется дружить, я настаивать не буду. Все сферы сходятся, не так ли? Настолько точно, насколько можно просчитать, используя имеющиеся данные? Одно и то же время, одно и то же место. И мы оба знаем — какое. Поверхность Тектона во время Летнего Прилива. Вот почему вы здесь, и вот почему я здесь, и Атвар Х'сиал, и все, за исключением вашего дядюшки Джека.

Он поднялся.

— А теперь местные царьки говорят, что нам туда нельзя. Никому.

— Что?! — Дари вскочила на ноги.

— Вы этого еще не слыхали? Этот каменный болван Перри пришел ко мне час назад и сообщил об этом. Ни вам не видать Тектона, ни мне, ни жукам. Мы прибыли сюда, за тысячу световых лет, и теперь должны отсиживать здесь зад и пропустить весь спектакль.

Он яростно хлестнул черной тростью по громадному стеблю бамбука.

— Они говорят — нельзя. А я говорю — насрать на них! Понимаете теперь, Дари Лэнг, почему нам надо что-то делать? Необходимо объединить наши знания... если, конечно, вам не хочется просиживать здесь штаны и слушаться приказов этих недоносков.

Математика одинакова во всей вселенной. Но, пожалуй, больше во вселенной ничего такого нет.

Дари пришла к этому выводу через полчаса после разговора с Луисом Нендой. Жуткий человек! Человек, встречи с которым ей из всех сил хотелось избежать, но после обсуждения результатов статистического анализа (осторожно, неохотно, потому что каждый не хотел сказать собеседнику ни словечка лишнего) сходство выводов оказалось поразительным. И, разумеется, в каком-то смысле неизбежным. Исходя из одних и тех же посылок и тех же самых данных о расположении артефактов, они, естественно, пришли к тому, что есть лишь одна точка во времени и пространстве, которая всему этому соответствовала. Небольшие расхождения в окончательных ее координатах были следствием альтернативных критериев минимизации относительной ошибки или различных допустимых отклонений при решении нелинейных уравнений.

Они использовали почти идентичные подходы и пользовались аналогичными допущениями и критериями сходимости. Результаты расчетов, ее и Луиса Ненды, сошлись в пятнадцати значащих цифрах.

Или, скорее, пришла к выводу Дари еще через пятнадцать минут, одинаковые результаты получили она и тот, кто делал расчеты для Ненды. Они явно проделаны не им самим. Представления его о предмете разговора были слишком общими. Судя по всему, он отвечал за работу, но непосредственным исполнителем являлся кто-то другой.

— Итак, мы сошлись на времени, и оно должно быть за несколько секунд до Летнего Прилива, — сказал он, снова нахмурившись. — И еще нам известно, что это где-то на Тектоне. Почему вы не можете определить поточнее? Я-то думал, что мы сможем сделать это, когда сопоставим наши результаты.

— Вы хотите чуда? Мы имеем дело с расстояниями в тысячи триллионов километров и временным интервалом в тысячи лет. И мы добились неопределенности при установке местоположения меньше, чем в двести километров, и меньше тридцати секунд во времени. Я считаю, что это чертовски здорово. В сущности, это само по себе уже чудо.

— Может быть, так оно и есть, — он похлопал себя тростью по ноге, — и наша точка определенно находится на Тектоне, а не на Опале. Полагаю, это отвечает на мой второй вопрос.

— О Строителях?

— Пропади пропадом эти Строители. О жуках. Почему они рвутся на Тектон.

— Атвар Х'сиал говорит, что хочет изучить поведение различных форм жизни в условиях экологической напряженности.

— Угу. Экологическая напряженность... все это чушь. — Он двинулся обратно к зданиям космопорта. — Поверьте этому, и вы поверите в Потерянный Ковчег. Она здесь из-за того же, что и мы: ищет Строителей. Не забывайте — это и ее специализация.

Луис Ненда был неотесанным, грубым и отвратительным. Но как только он произнес это, все стало очевидным. Атвар Х'сиал приехала на Добеллию слишком хорошо подготовленной, у нее на все были планы, как будто она заранее знала, что заявки на посещение Тектона будут отклонены.

— А как насчет Джулиуса Грейвса? Он тоже специалист? Но Ненда лишь потряс головой.

— Старый молчун? Не-а. Я бы сказал, что он здесь по тому же делу, что и мы, но он член Совета, и даже если не верить половине того, что о них говорят... Я никогда не слыхал, чтобы хоть один из них врал. А вы?

— Никогда. И он, прибыв сюда, вовсе не собирался на Тектон. Он думал, что близнецы, за которыми он гоняется, будут здесь.

— Так что, может быть, он действительно не врет. В любом случае лучше о нем забыть. Если он захочет отправиться на Тектон, он туда отправится. Здешние начальники его не остановят. — Они уже подошли к зданию, и Ненда остановился перед самой дверью. — Ладно, мы поговорили о наших делах. А теперь самый главный вопрос. Что именно произойдет на Тектоне во время Летнего Прилива?

Дари уставилась на него. Неужели он ждет, что она ему ответит?

— Не знаю.

— Ну-ну, вы снова увертываетесь от ответа. Вы должны знать... или вы не потащились бы сюда.

— Вы все не так понимаете. Если бы я знала, что именно случится, или если бы у меня были какие-то мало-мальски подходящие предположения на этот счет, я никогда не уехала бы с Врат Стражника. Мне там очень нравится. Вы ведь тоже притащились издалека. Как вы думаете, что случится?

Он вперился в нее взглядом яростным и недовольным одновременно.

— Один Бог знает. Эй, вы же гений. Если не знаете вы, то уж я-то тем более. Вы действительно даже не догадываетесь?

— Не совсем так. Это должно быть нечто очень серьезное. Я уверена. Именно на Тектоне. Это то, что даст нам новую информацию о Строителях. Больше мне ничего не известно.

— Черт! — Он хлестнул тростью по влажной земле. У Дари было такое чувство, что если бы Каллик находилась рядом, то получила бы этот удар. — Так что будем делать, профессор?

Дари Лэнг беспокоил тот же вопрос. Ненда, казалось, готов был к сотрудничеству, а ее затягивала в эти игры жажда новых сведений и теории по поводу Строителей. Но у него вроде бы ничего такого нет... по крайней мере такого, чем он желал бы поделиться. Потом, она ведь уже договаривалась о совместной работе с Атвар Х'сиал и Ж'мерлией. Не работать же с ними всеми. Пусть определенной договоренности не было, нельзя даже упоминать Луису Ненде об этих разговорах с другими.

— Вы предлагаете нам сотрудничать? Потому что, если вы это...

Ей не пришлось закончить фразу. Он закинул голову и загоготал.

— Леди, зачем мне это? Когда вы сообщили мне, что ниче-гошеньки не знаете?

— Ну, мы же обменялись информацией.

— Конечно. Вы это умеете, этим и знамениты. Информацией и теориями. А как вы насчет того, чтобы соврать или обвести вокруг пальца? Как вы в действии? Ручаюсь, это у вас не получится. А именно это нужно, чтобы попасть на Тектон. Да и Тектон, по слухам, вовсе не курорт. Здесь моя работа закончена. Думаете, мне хочется нянчиться с вами, дорогуша? И говорить вам, куда бежать и где спрятаться? Нет, спасибо, дорогуша. Свое путешествие устраивайте сами.

Прежде чем она успела ответить, он вошел внутрь здания и двинулся в комнату, откуда они ранее вышли. Каллик и Ж'мерлия все еще находились там, они сидели, скорчившись, на полу, широко раскинув и переплетя свои многочисленные лапки. Между ними происходил обмен зловещими свистками и урчанием.

Луис Ненда грубо схватил хайменопта за ошейник, прицепил к своей черной трости и потянул к себе.

— Пойдем-ка. Я же приказал тебе: никаких драк. У нас есть дело. — Он повернулся к Дари. — Приятно было повстречаться с вами, профессор. Увижу ли я вас на Тектоне?

— Увидите, Луис Ненда. — Голос Дари дрожал от гнева. — Будьте уверены.

Он издевательски рассмеялся.

— Чудно. Я оставлю вам выпить. Если Перри не врет, это понадобится нам обоим.

Резко потянув за трость, он вытащил Каллик из комнаты.

Все еще кипя от негодования, Дари подошла к медленно поднимавшемуся с пола Ж'мерлии.

— Как Атвар Х'сиал?

— Гораздо лучше. Она будет полностью готова возобновить работу через один добелльский день.

— Хорошо. Передайте ей, что я решила и согласна с ней сотрудничать. Сделаю все, о чем мы говорили. Я готова отправиться на Тектонную сторону к Пуповине, как только она поправится.

— Я сразу же передам ей ваши слова. Это хорошие новости. — Ж'мерлия придвинулся ближе, изучая лицо Дари. — У

вас было какое-то неприятное переживание, Дари Лэнг. Этот человек причинил вам вред?

— Нет. Не физический вред. Но он причинил мне боль, разозлил и расстроил. Сожалею, Ж'мерлия. Для разговора мы вышли наружу. Мне казалось, вы спите, и я не предполагала, что это его животное станет вам угрожать.

Ж'мерлия уставился на нее и закачал своей жуткой головой в жесте отрицания, которому научился у людей.

— Угрожать? Оно? — Он указал на дверь. — Хайменопт?

— Да.

— Мне никто не угрожал. Каллик и я начали предразговор... первые шаги в изучении языка друг друга.

— Языка? — Дари вспомнила черную трость и ошейник. — Ты хочешь сказать, что оно может разговаривать? Что это не просто животное?

— Достопочтенная профессор Лэнг, Каллик, безусловно, может разговаривать. У нее никогда не было случая выучить хайменоптскую речь получше, потому что она редко встречает других хайменоптов, а ее хозяин не заботится о том, чтобы она больше знала. Но она учится. Мы начали менее чем с пятидесяти общих слов, а теперь у нас их сотня. — Ж'мерлия направился к двери, все еще подволакивая свою раненую ногу. — Извините меня, достопочтенная профессор. Я вынужден уйти, чтобы отыскать Атвар Х'сиал. Очень жаль, что Каллик покидает это место. Но, возможно, когда они снова придут, мы найдем возможность поговорить и поучиться.

— Прибудут? Куда они отправляются?

— Туда же, куда едут, кажется, все. — Ж'мерлия остановился на пороге. — На Тектон. Куда же еще?

ГЛАВА 11

13 дней до Летнего Прилива

Резкое сопротивление всегда создает проблему, но с отсутствием сопротивления справиться еще труднее.

Ханс Ребка чувствовал себя как боксер, который приготовился встретить удар, а тот так и не последовал. Подсознательно он все еще продолжал его ждать.

— Они пытались побороться? — спросил он.

Макс Перри кивнул:

— Разумеется. По крайней мере Луис Ненда. Но потом он объявил, что покончил с Добеллией и мы можем подавиться своими допусками, а он отправляется отсюда так скоро, как только возможно. И он уехал.

— А как насчет Дари Лэнг и Атвар Х'сиал?

— Лэнг не сказала ни слова. А что думает Атвар Х'сиал, узнать невозможно. То, что переводит Ж'мерлия, не создает впечатления гнева или волнения. Они отправились дуться на другой Слинг. Я их два дня не видел. Честно говоря, мне некогда было с ними возиться. Думаете, нам следует беспокоиться?

Они вдвоем стояли, ожидая капсулы, следующей на Тектон. Шли последние минуты перед тем, как ее подсоединят к Пуповине. В руках они держали свой багаж, по одной маленькой сумке каждый. Джулиус Грейвс суетился над своими двумя тяжелыми чемоданами около аэрокара, доставившего их со Звездной стороны.

Ретка размышлял над вопросом Перри. Целью его собственного назначения на Добеллию являлась только реабилитация Макса Перри. В принципе оно не имело ничего общего с членами других клайдов или с тем, как к ним здесь относились. Но на Опале все считали его старшим начальником, и он имел соответствующие этому положению обязанности. Как раз перед отбытием со Звездной стороны он получил от штаба Круга новое кодированное послание, но не надеялся, что оно ему очень поможет, каково бы ни было его содержание. Советы и указания, поступающие издалека, чаще прибавляли проблем, а не разрешали их.

— Я ожидал от них большей настойчивости, — наконец проговорил он. — Особенно от Луиса Ненды. Есть шанс, что, покинув Опал, он приземлится на Тектон прямо из космоса? Ведь у него собственный корабль.

— Помешать ему нам, конечно, не под силу. Но у него возникнут трудности при посадке, если только его корабль не приспособлен садиться и взлетать без вспомогательных устройств. Сесть на Тектон он еще сможет, но взлететь — никогда.

— А Дари Лэнг и Атвар Х'сиал?

— Это невозможно. У них нет корабля, пригодного для этого, и им не нанять межпланетник. О них можно забыть.

В ту же минуту Перри заколебался. Он не был полностью уверен в том, что сказал. В воздухе ощущалось что-то вроде затишья перед сильной бурей. И это не грозы, разряжавшиеся над Опалом каждые двадцать четыре часа.

Летний Прилив. Ожидание его, словно тень, тяготело над всем и всеми. До него оставалось тринадцать добелльских дней, Мэндел и Амарант нависали над Опалом, становясь все больше и ярче. Средняя температура поднялась на пять градусов. Темные тучи походили на расплавленную медь. За последние двенадцать часов даже воздух Опала стал другим. У него появился металлический привкус, так соответствовавший этому низкому небу. Носящаяся в воздухе пыль сушила губы, разъедала глаза до слез, раздражала нос, так что все время хотелось чихать. Мощные приливы приблизили морское дно к поверхности, подводные извержения и землетрясения выбрасывали едкие пары с пылью высоко в атмосферу.

Джулиус Грейвс, уже разместивший свои чемоданы на нижнем уровне капсулы, подошел к собеседникам и уставился в светящееся небо.

— Снова надвигается шторм. Самое подходящее время, чтобы покинуть Опал.

— Но худшее, чтобы отправиться на Тектон, — заметил Перри.

Они залезли в капсулу. Перри предъявил личную идентификационную карту и набрал сложную последовательность команд подъема.

Подъем начался, но все трое чувствовали себя неловко. Когда Перри тихо объявил Грейвсу, что доступ на Тектон закрыт до окончания Летнего Прилива, Грейвс так же спокойно заявил о своих правах члена Совета. Он все равно поедет на Тектон.

Перри указал на то, что Грейвс не вправе помешать официальным представителям планеты сопровождать его. На них лежит ответственность за него, нельзя допустить самоубийства.

Грейвс кивнул. Все были вежливы, но это никого не радовало.

Напряжение несколько ослабло после выхода капсулы из облачного слоя Опала. Теперь им троим было чем занять мысли. В верхней части капсулы находились раздвижные смотровые окошки, а над головами размещалось большое широкое окно, дававшее пассажирам прекрасный обзор. Когда сквозь

редеющие облака в небе проступил Тектон, все разговоры вообще прекратились.

Джулиус Грейвс поглядел на него, ахнул и больше не мог оторвать глаз от этого зрелища, Макс Перри бросил на Тектон один взгляд и ушел в себя, Ханс Ребка попытался не обращать внимания на окружающее и сосредоточился на предстоящей работе. Перри, возможно, все знал о Тектоне, а Грейвс владел информацией о любом предмете под тысячей солнц, и все-таки Ребку не покидало предчувствие, что ему придется вытаскивать их обоих.

Вытаскивать из чего? Или откуда? Он огляделся. У него дух захватило от увиденного, мысли смешались. Всего несколькими днями раньше он путешествовал по этой дороге на Тектон, но как все изменилось! Невероятно распухший Мэндел маячил слева. Созданная Строителями оболочка капсулы не пропускала опасного жесткого излучения и превращала сверкающий лик звезды в темный диск, испещренный швами и кляксами солнечных пятен и ярких вспышек. Он был так близок, что Ребке казалось, будто, протянув руку, можно коснуться его красно-коричневой поверхности.

Амарант, уже не карлик, стоял над Тектоном. Звезда преобразилась. У нее изменился даже цвет. Ребка понял, что это искусственный эффект: когда стекла иллюминатора капсулы изменили свою пропускающую способность, чтобы экранировать излучение Мэндела, они также видоизменили и спектр излучения Амаранта. Из оранжево-красного он превратился в тускло-багровый.

Даже Гаргантюа приблизился к точке randevу. Отражая свет и Мэндела, и Амаранта, газовый гигант разорся из далекой искорки в ярко-оранжевый огонек величиной с ноготь.

Участники парада заняли свои места, тяготение работало, вызывая нужные перемены: космический танец вот-вот начнется. Во время Летнего Прилива Мэндел и Амарант пройдут в пяти миллионах километров друг от друга, то есть, по космическим меркам, на расстоянии в ноготок. Гаргантюа пройдет около Мэндела со стороны, противоположной Амаранту, движимый по собственной орбите совместным притяжением обоих своих космических партнеров. А маленькая Добеллия, попавшая на этот парад гигантов, будет беспомощно болтаться в переплетении нитей динамической ткани тяготения.

Орбита Добеллии была стабильной. Не было никаких признаков, что Опал и Тектон разъединятся или что дублет улетит в бесконечность. Но, кроме этого, астрономы ничего не гарантировали. Обстановку на поверхности Опала и Тектона во время Летнего Прилива рассчитать невозможно.

Ребка не отрываясь глядел на Тектон. Этот тусклый серо-голубой шар стал самой привычной деталью неба. Со времени их последней поездки по Пуповине он особенно не изменился.

Или изменился? Ребка стал вглядываться внимательней. Не стал ли ореол вокруг планеты еще более размытым из-за пыли, которая сильнее насыщала тонкую кожуру воздушной оболочки Тектона?

Путешественников практически ничто не отвлекало от созерцания. Их подъем происходил с постоянной скоростью, и внутри капсулы это движение совсем не ощущалось. Лишь очень внимательный наблюдатель обратил бы внимание на золотой узелок Станции-на-Полпути, который медленно увеличивался в размерах. Их путешествие проходило не в невесомости: воздействующие на них силы плавно уменьшались, но единственным отрезком пути, где гравитация и центробежная сила уравновешивались, то есть наступала невесомость, был короткий участок в двух тысячах километров за Станцией-на-Полпути. А после него начинался настоящий спуск на Тектон, когда капсула действительно падала к Тектону.

Ребка вздохнул и поднялся. Очень легко дать заморозить себя этому космическому виду, подобно тому, как загнипнотизировал Тектон Макса Перри. И не только Перри. Он посмотрел на Грейвса. Советник прилип к иллюминатору.

Ребка подошел к лестнице и начал спускаться на нижний уровень капсулы. Камбуз был примитивным, но у них с момента отъезда со Звездной стороны крошки не было во рту. Будучи голодным, он привередничать не стал и нажал на кнопки, почти не глядя. Вкус и запах заказанного им супа значения не имели.

Из-за непрозрачных стен обстановка в нижней части капсулы была угнетающе спокойной. Ребка подошел к столу и выбрал для себя музыкальный отрывок. Сложная полифоническая музыка, сочиненная еще до Экспансии, зазвучала в его голове. Сплетающиеся голоса фуги как бы предвещали встречу Мэндела и его свиты. В течение десяти минут Ребка с удовольствием ел и слушал, наслаждаясь одновременно двумя старей-

шими и, пожалуй, самыми основными удовольствиями человечества. Неужели у кекропийцев, не имеющих музыки, нет какого-нибудь заменяющего ее вида искусства?

Когда пьеса закончилась, он с удивлением обнаружил, что неподалеку стоит Грейвс и наблюдает за ним.

— Можно мне? — Советник сел за стол и показал на пустую миску. — Как? Рекомендуете?

Ребка пожал плечами. Чего бы ни ждал от него Грейвс, но рекомендация, какой суп есть, вряд ли была первоочередной.

— Вам никогда не приходило в голову, — начал Грейвс, — как это, в сущности, невероятно, что мы способны почти без вспомогательных средств есть и переваривать пищу тысячи разных миров? Все составные элементы этого супа произведены на Опале, но ваш желудок без труда с ним справляется. Мы, хайменопты и эти существа из кекропийского клайда — все совершенно различны по своей биологии. И все же с помощью нескольких типов моноклеточных бактерий в наших кишках мы можем есть ту же пищу, что и они. Удивительно, не правда ли?

— Пожалуй.

Ребка ненавидел эти разговоры с Грейвсом один на один. Эти голубые с сумасшедшинкой глаза просто пугали его. Даже когда разговор казался общим, ему все равно чудились какие-то подводные камни. Кроме того, его все время сбивало с толку то, что он никогда точно не знал, с кем разговаривает: с Джулиусом Грейвсом или с его мнемоническим близнецом. У Стивена была склонность к бесчисленным фактам и глупым шуткам. Джулиус отличался тонкостью мысли и ничего не говорил прямо. Нынешний разговор мог быть просто общением, если разговаривал один, или хитроумным подходом к чему-то, если говорил другой.

Грейвс продолжал, ухмыляясь:

— Знаю, вы не считаете существенным то, что мы можем есть опальскую пищу или пищу Тектона. Но это очень много значит. Во-первых, это полностью расправляется с теорией, объясняющей, почему люди не вступили при первой же встрече в войну с кекропийцами. Люди говорят, что не стали воевать, так как не было предметов или ресурсов, нужных обоим. Но это чушь. Нам нужны те же, что и им, неорганические ресурсы вроде металлов и другое сырье. А они могут с помощью некоторых бактерий есть одинаковую с нами пищу. Если

возникнет нужда, люди смогут есть кекропийцев и наоборот. Значит, перед нами еще одна загадка.

Ребка кивнул, показывая, что слушает. Лучше было играть простого парня и не болтать лишнего.

— Мы смотрим на кекропийца, — продолжил Грейвс, — или лотфианина, или хайменопта и говорим: «Как чужды они нам! Как отличаются они от нас!» Но загадка совсем в другом. В противоположном. Мы должны бы спросить, почему все мы так похожи друг на друга. Как возможно такое, что существа из различных клайдов, зародившиеся в различных мирах, согретых солнцами самых разных спектральных классов, существа самого различного биологического строения, общественная история развития которых не имеет ни единой общей черты... Как могут они быть настолько похожи, что способны есть одну и ту же пищу? Как могут они быть так похожи по внешнему виду, что для названия живых существ с самых далеких звезд мы спокойно пользуемся названиями аналогичных земных насекомых: кекропийцы, хайменопты, хриземиды? Почему мы можем так или иначе разговаривать друг с другом и прекрасно все понимаем? Как это получается, что мы одинаково представляем себе нормы поведения? настолько, что единый этический совет смог принять правила, пригодные для всей ветви галактики. Как может все это быть? Впрочем, вся наша галактическая ветвь представляет собой сплошную загадку.

Рассуждения Грейвса к чему-то подводили. В этом Ребка не сомневался. Однако тому еще надо было многое высказать, прежде чем он дойдет до сути. В эту минуту он, казалось, полностью погрузился в философствование.

— Тайн и загадок чрезвычайно много, — разглагольствовал Грейвс. — Например, Строители. Что с ними случилось? Каковы были их физиология, история, наука? Каково назначение Линзы, Парадокса, Факела или Фагов? Из всех искусственных структур, созданных Строителями, Фаги, несомненно, самые бесполезные. Стивен, если дать ему слово, может часами рассуждать на эту тему.

Ребка снова кивнул. «Не дай Бог!»

— Есть и другие недавние загадки, которые я никак не могу разгадать. Возьмите, к примеру, зардалу. Несколько тысячелетий назад они правили больше чем тысячей миров. От подчинявшихся им существ мы знаем, что они были деспотичны и безжалостны. Но когда рухнула их империя, разве подне-

вольные виды не восстали? Разве не уничтожили они всех зардалу до единого? Геноцид. Но были ли их действия более варварскими, чем действия самих зардалу? И почему те правила именно подобным образом? У них что, были другие этические нормы, не похожие на наши? Если так, тогда они и есть чужаки, но мы никогда не узнаем, чем они нам чужды. Что сделал бы этический Совет Зардалу? Единый этический Совет принял единые правила...

Ребка увидел внезапную муку на морщинистом лице Грейвса, и его мысли вернулись к предыдущему рассуждению. Неужели, говоря об альтернативном моральном кодексе Зардалу, Грейвс подвергал сомнению кодекс, выработанный его Советом? Готов ли он подчиниться своим собственным правилам?

Грейвс явно не хотел смотреть Ребке в глаза.

— Я иногда размышляю над тем, не являются ли наши этические нормы всего лишь местными обычаями, такими же как форма наших тел и образ мыслей. Наука Строителей действительно чужда нам. Она не соответствует нашим представлениям о мире. Мы не знаем, ни как они строили, ни зачем. Вместе с тем наши ученые талдычат, что физические законы Вселенной едины... так же, как наши философы рассказывают, что законы этики универсальны! Я все время думаю, а не окажется ли этика Строителей такой же чуждой нам, как их наука? Или же наоборот, не исполнились ли бы они отворачивания к нам, увидев, как обращаемся мы со многими видами живых существ, не ужаснулись ли бы они нашим предрассудкам и ложности наших суждений? Я считаю, капитан, что нам надо выучить один урок, очень простой: правила, которые устанавливает любой совет, должны быть динамичными, то есть видоизменяющимися. Как бы ни воспринимали их обычные средние личности, они не могут быть вечными. Не надо высекать их на камне и отливать из стали. Необходимо все время изучать их и постоянно стремиться улучшить.

Внезапно Грейвс яростно глянул на Ребку, повернулся и пошел по пандусу на верхний ярус капсулы.

Ребка, оставшись сидеть, проводил его взглядом. В этих заключительных фразах было какое-то противоречие, как будто их произносили два голоса. Могло ли быть, что это спорили Джулиус и Стивен Грейвс, а Ребка был просто сторонним наблюдателем? Возможно, Джулиус хотел одного, а Стивен другого.

Это было нелепо, но не так уж невероятно. Не более, чем развитие отдельного сознания, индивидуальной личности у мнемонического близнеца. Если перспектива работать с Джулиусом Грейвсом на Тектоне казалась достаточно неприятной, то иметь дело с неустойчивой смесью Джулиуса и Стивена представлялось просто невозможным.

Антиподы, которые борются друг с другом за верховенство в одной общей голове?! Ребка встал, обратив при этом внимание на то, что палуба уже оказывала гораздо меньшее сопротивление его подошвам. Значит, вес его уменьшился на несколько фунтов. Должно быть, они приближаются к Станции-на-Полпути. Он направился к пандусу и стал соображать по дороге, сидит ли по-прежнему Макс Перри в оцепенении, разглядывая Тектон. Капитан все больше и больше чувствовал себя опекуном талантливых безумцев.

Во время первой поездки на Тектон Ребка рвался осмотреть Станцию-на-Полпути. Конечно, люди освоили и частично ограбили ее, но она все еще оставалась достижением техники Строителей, и поэтому интерес к ней не угасал. Однако, когда Макс Перри захотел проскочить ее, не заглядывая (его как будто несло мимо), Ребка в своем стремлении поскорее добраться до Тектона не стал с ним спорить.

Теперь же поскорее достичь Тектона было совершенно необходимо: до Летнего Прилива осталось тринадцать добелльских дней, всего лишь сто десять часов, и все-таки в этот раз Ребка настоял на посещении Станции.

— Посмотрите сами, — Перри показал на приборы—индикаторы состояния капсулы, — видите, расход мощности слишком высокий.

Ребка посмотрел, но никакого вывода сделать не смог. Грейвс тоже. Если Перри говорил, что дела идут как-то не так, приходилось верить ему на слово. Непосредственный опыт нельзя заменить ничем, а во всем, что касалось Пуповины, Перри превосходил остальных.

— Нам грозит опасность? — спросил Грейвс.

— Не сию минуту. — Перри задумчиво потер нос. — Но мы не можем рисковать и двигаться на Тектон, пока не узнаем, почему вырос расход мощности. Все главные приборы находятся на Станции-на-Полпути. Нам надо там остановиться и разобраться, в чем дело.

По его командам капсула свернула с невидимых направляющих и двинулась налево к занимавшей полнеба массе уродливой формы.

Когда люди впервые открыли Станцию-на-Полпути, она была сводчатым, почти совсем пустым склепом трех километров в поперечнике, без воздуха, с прозрачными стенами. Если человек в космическом скафандре приближался к ее стороне, выходящей на Опал, то чувствовал, что падает на нее. Сильный толчок переносил его во внутреннее помещение станции. Затем он дрейфовал дальше, двигаясь все медленнее и медленнее, пока его не останавливала противоположная стенка. Станция точно обозначала центр масс двойной системы Тектон—Опал.

Как использовали Станцию-на-Полпути Строители, оставалось непонятным, но большинству людей было на это наплевать. Они заполнили открытый шар герметичными комнатами с искусственной атмосферой и превратили их во временные жилища и склады для всякой всячины, начиная с теплых сапог и кончая сублимированной пищей. Подчиняясь какому-то древнему пещерному инстинкту, люди отдавали предпочтение закрытым помещениям и поэтому покрыли внешние стены блестящим непрозрачным монослоем. Спустя четыре тысячи лет с начала Экспансии они по-прежнему чувствовали себя неуютно в бесконечном открытом пространстве, находящемся за пределами Станции-на-Полпути.

Капсула прошла сквозь первый воздушный шлюз, а затем, как крот, стала осторожно двигаться вдоль темного коридора, такого узкого, что она едва в нем проходила. Двумя минутами позже она оказалась в цилиндрическом зале, по стенам которого на стеллажах плотно размещались дисплеи и приборные панели.

Перри выждал пару минут, пока сравняется внутреннее и внешнее давление, затем открыл люк капсулы и выплыл наружу. К тому времени, как остальные последовали за ним, он уже работал за одним из дисплеев.

— Вот, — указал он, — теперь ясно, в чем дело. Одновременно с нами по Пуповине движется еще одна капсула.

— Где? — Ребка впился взглядом в дисплей. На нем были изображения камер и мониторов по всей длине Пуповины. Но Ребка ничего не увидел.

— Нет, вы ее не увидите. — Перри заметил, куда смотрит Репка. — Утечка мощности уже прекратилась. Это значит, что вторая капсула больше не соединена с Пуповиной.

— Так где же она? — спросил Грейвс.

Перри пожал плечами.

— Найдем. Надеюсь, там кто-то дежурит. Я пошлю сигнал срочного вызова. — Он подошел к коммуникационному устройству и быстро набрал нужный код.

Через двадцать секунд на экране появилось лицо Берди Келли. Он задыхался, волосы его были взъерошены.

— Макс? Командор Перри? Что-то не так?

— Это ты нам скажи, Берди. Посмотри на утечку мощности за последние два часа. У нас в работе две капсулы.

— Все правильно. Нет проблем. Мы все проверили, энергии хватит.

— Возможно. Проблема не в этом. У этой второй капсулы нет разрешения.

На лице Берди отразилось недоумение.

— Разумеется, есть. У этой женщины было разрешение от тебя. Лично. Секунду.

Он на мгновение исчез с экрана и затем появился, держа в руке листок с какими-то записями.

— Вот твоя подпись... видишь? Прямо вот тут.

— Ты дал ей капсулу?

— Конечно. — Берди уже не оборонялся, его голос звучал скорее раздраженно. — У нее было разрешение, и она, должно быть, знала точный набор команд для движения по Пуповине. Если бы она их не знала, то они не поднялись бы даже на метр над уровнем океана.

— Они?

— Конечно. Мы решили, что вы все об этом знаете. Эта женщина, — Берди Келли заглянул в бумажку, — Дари Лэнг. С ней двое чужаков. Кекропийка и еще один, я точно не знаю, что за форма жизни. А что, собственно, происходит?

— Берди, это разрешение — фальшивка. Моя подпись подделана. — Перри посмотрел на другую панель. — Судя по приборам, они уже не на Пуповине.

— Верно. Они должны уже быть на Тектоне. Надеюсь, им там лучше, чем нам здесь. — Стена за спиной Келли задрожала и перекосилась, сквозь трещину раздался свист ветра. На

мгновение он отвернулся от экрана. — Командор, если вы больше ничего не хотите у меня спросить, я пойду.

— Снова шторм?

— Хуже обычного. Пять минут назад мы получили вызов по коммуникационной сети Слинггов. Слинг Паучок начинает разваливаться. Мы задействовали автокары, но они никак не могут сесть на Слинг, чтобы забрать людей.

— Иди помогай. Мы снова отправляемся в путь. Удачи тебе, Берди.

Берди Келли исчез.

Перри тоже. К тому времени, когда Ребка и Грейвс нагнали его, он уже закрывал шлюз.

— Они обогнали нас на девять часов, — сказал он. — Слишком близко к Летнему Приливу. Их может двадцать раз убить.

Он набрал последовательность команд спуска, и капсула двинулась по узкому коридору назад.

Ханс Ребка откинулся на сиденье и стал смотреть вперед, ожидая первого явления Тектона, когда они выедут со Станции-на-Полпути.

Он был как-то напряжен и одновременно странно удовлетворен. Инстинкт не подвел его. Удар, которого он ждал с той минуты, как Перри сообщил остальным, что Тектон для них под запретом, наконец был нанесен.

По крайней мере один удар.

Его предчувствие грядущих откровений не ушло совсем. Внутренний голос говорил, что это еще не конец и последуют новые удары.

АРТЕФАКТ: ФАГ

ВКА № 1067

Галактические координаты: Понятие неприменимо

Название: Фаг

Местоположение (звезда/планета): Понятие неприменимо

Узловая точка Бозе-сети: Все

Приблизительный возраст: Варьируется от 3,6 до 8,2 миллиардов лет

История изучения. Первые Фаги были описаны людьми во время исследования Факела в 1233 г.Э. Позже было установлено, что кекропийцы наблюдали Ф. и избегали контактов с ними в течение по крайней мере пяти тысяч лет. Первое проникновение людей внутрь Ф. осуществлено в 1234 г.Э. во время Мальстремского конфликта (уцелевших не было).

Детекторы Ф. получили широкое распространение с 2103 г.Э. и являются в настоящее время стандартным снаряжением исследователей, работающих на артефактах Строителей.

Физические характеристики. Все Ф. полностью идентичны внешне и, весьма вероятно, внутренне, хотя функции их варьируются. Ни один датчик (или исследователь) не вернулся из Ф.

Каждый Ф. имеет форму серого правильного додекаэдра с ребром сорок восемь метров. Поверхность его грубо текстурирована, с множеством сенсоров, расположенных по краям каждой грани. Внутри Ф. можно попасть через отверстия, открывающиеся в середине каждой грани. Туда захватываются объекты размером до тридцати метров в поперечнике и, по-видимому, бесконечной длины. (В 2238 г.Э. Соьер и С'крона скормили Ф. артефакта Дендрит фрагмент конструкции артефакта из твердого кремнезема. Цилиндр радиусом двадцать пять метров поглощался со скоростью один километр в день. Было поглощено четыреста двадцать пять километров названного материала, что соответствует полной длине фрагмента. При этом не было отмечено никаких изменений ни Ф., ни его физических параметров.)

Ф. способны к медленному поступательному движению со средней скоростью 1—2 метра за стандартные сутки. Никогда не наблюдалось движение Ф. со скоростью, превышающей один метр в час относительно места его расположения.

Предполагаемое назначение. Неизвестно. На принадлежность Ф. Строителям указывает только то, что они найдены на

более чем трехстах из тысячи двухсот сорока шести известных артефактов, и только на них. Они существенно отличаются по числу и масштабу от остальных сооружений Строителей.

Высказывалось предположение, что Ф. служат чем-то вроде мусорщиков общего действия, так как они, по-видимому, способны поглощать и ликвидировать любые материалы, сделанные всеми клайдами, а также все сделанное Строителями за исключением каркасов структур и параформ (внешней оболочки Парадокса, поверхности Стражника и полых концентрических труб Мальстрема).

Д. Лэнг
«Всеобщий каталог артефактов»,
4-е издание.

ГЛАВА 12

11 дней до Летнего Прилива

У Дари Лэнг появилось страшное подозрение, что она зря прожила половину жизни. Там у себя, на Вратах Стражника, она верила семье, утверждавшей, что она живет в лучшем месте Вселенной. Как говорила поговорка: «От Стражника до рая всего полшага». Будучи подключенной к коммуникационной сети и имея все для исследований, она не стремилась путешествовать.

Но сперва Опал, а теперь Тектон научили ее другому. Ей нравилась новизна всего, что она видела и испытывала, контакт с миром, где все так странно и волнующе. С момента выхода из капсулы на сухую пыльную землю Тектона она почувствовала, как все ее чувства обострились в сотню раз.

Первым сообщил ей об этом ее нос. В воздухе Тектона носилась мощная смесь запахов. Наверняка это был запах цветов, но не пышной экстравагантности цветочного богатства Врат Стражника. Ей пришлось их выискивать. И они нашлись, всего в пяти шагах от нее, крохотные лиловые и фиолетовые колокольчики, выглядывавшие из-под серо-зеленого жесткого, как проволока, дрека. Густая их поросль окаймляла края узкой длинной расщелины, слишком маленькой, чтобы ее можно было назвать долиной. От миниатюрных лепестков шел густой полуденный аромат, совершенно не соответствующий их размеру. Казалось, они так спешат расцвести, опылиться и дать семена, словно не могут ждать лишнего часа.

«Может быть, и не могут», — подумала Дари Лэнг, почувствовав, что на их одуряющий аромат накладывается зловещий сернистый запах отдаленных вулканических выбросов — свирепое дыхание Тектона накануне Летнего Прилива. Остановившись, она глубоко вдохнула воздух Тектона и поняла, что запомнит эту смесь запахов на всю жизнь.

Потом начала чихать. И чихала, чихала... В воздухе стояла тонкая пыль, раздражавшая слизистую оболочку носа.

Подняв глаза, Дари посмотрела вдаль на маленькую долинку с ковром из цветов, на равнину, на дымный горизонт в пятнадцати километрах отсюда. Там эффект присутствия пыли был виден еще лучше: если цвета земли вблизи были резкими охряными и темно-коричневыми, то на расстоянии эта палитра смягчалась серой дымкой до приглушенных, почти пастельных тонов. Сам горизонт не был виден, разве что на востоке глаз ее мог проследить или вообразить едва различимую линию вулканических пиков, красно-коричневых, зубчатых.

Высоко в небе стоял Мэндел. Пока она любовалась пейзажем, он начал медленно заползать за щит Опала. Блистающий полумесяц становился все меньше и меньше. В это время года затмение было лишь частичным, но и этого было достаточно, чтобы изменить освещение.

В цвета пейзажа начали вкрадываться более красные оттенки Амаранта, будто кровь сочилась в воздух. Поверхность Тектона приобрела мрачный оттенок подземного огня.

И тут же Дари услышала первый голос Летнего Прилива. Глухой рокот наполнил воздух, словно храп спящего гиганта. Земля задрожала. Она почувствовала ее колебание и приятное покалывание в подошвах.

— Профессор Лэнг, — раздался сзади голос Ж'мерлии, — Атвар Х'сиал напоминает вам, что нам еще далеко добираться, а времени мало. Если бы мы отправились в путь...

Дари вдруг осознала, что еще не сделала первого шага на землю Тектона, и Атвар Х'сиал и Ж'мерлия все еще стоят на лестнице капсулы. Когда Дари отодвинулась в сторону, кекропийка проползла мимо нее и застыла в неподвижности, мотая из стороны в сторону своей широкой головой. Ж'мерлия спустился и тут же скорчился за ее панцирем.

Дари наблюдала, как раструбы ушей поворачиваются из стороны в сторону, словно прослушивая все окружающее. Что «видела» на Тектоне Атвар Х'сиал? Что «слышали» ее чувстви-

тельные органы обоняния здесь, где каждая молекула воздуха имела свою историю?

Они уже обсуждали то, каким представляется мир, если информация о нем получена эхолокацией, но объяснения были какие-то неудовлетворительные. Самой лучшей аналогией, какую удалось подобрать Дари, пожалуй, был образ человека, стоящего на дне моря в таком месте, где вода мутна и света не хватает. Обзор у него будет очень невелик, не более десятка метров, и все выглядит одноцветным.

Но это была не совсем точная аналогия. Атвар Х'сиал воспринимала огромный диапазон звуковых частот и, несомненно, могла «видеть» отдаленное ворчание вулканов. Этим сигналам не хватало тонкого пространственного разрешения, какое давал ее сонар, но они наверняка фиксировались сенсорами.

И потом, были, вероятно, еще другие факторы, а может быть, и другие чувства, о которых Дари имела лишь туманное представление. Например, в эту самую минуту кекропийка поднимала один из своих передних члеников, указывая куда-то вверх. Неужели органы ее обоняния настолько чувствительны, что дуновение отдаленных запахов, даже их след, рассказывали ей о многом?

— Там есть животные, — перевел Ж'мерлия, — крылатые формы. Это предполагает еще один метод выживания во время Летнего Прилива, о котором командор Перри не упомянул. Оставаясь все время в тени и находясь постоянно в полете, они имеют шанс уцелеть.

Дари смогла разглядеть летающих существ, но лишь едва-едва. Они были длиной в полметра, с темными телами и легкими прозрачными крыльями, на вид слишком нежными, чтобы выдержать бурные вихри Летнего Прилива.

Гораздо вероятнее представлялась мысль, что они уже отложили яйца и в ближайшие несколько дней погибнут. Но Атвар Х'сиал была права в одном: люди знают о Тектоне слишком мало. Возможно, Макс Перри знал что-то еще, но не говорил.

И снова ей пришло в голову, что раскинувшаяся перед ними планета представляет собой особый мир, со своим очень сложным экологическим равновесием, мир сотен миллионов квадратных километров суши и мелких озер, где не было разумных обитателей — ни людей, ни кого-то другого. Здесь существовало бесчисленное количество животных и растений, и для того, чтобы их изучить и узнать, не хватило бы целой жизни.

«Все это верно, — подсказал ей здравый смысл, — но у нас нет для этого целой жизни. Необходимо закончить все наши исследования за восемьдесят часов и поскорее отправиться назад».

Предоставив Атвар Х'сиал продолжать ее слепое сканирование пейзажа, Дари решила обойти Пуповину и направилась к стоянке аэрокаров. Их там было восемь; они стояли рядком, под прикрытием защитной пленки из материала Строителей. Под ними было нечто вроде поддона, присоединенного канатами из силиконовых волокон к Пуповине, чтобы во время Летнего Прилива легко забирать аппараты с поверхности планеты.

Дари залезла в аэрокар и осмотрела его приборную панель. Как и предсказывала Атвар Х'сиал, машина была сделана людьми и ничем не отличалась от той, которой они пользовались на Опале. Она была полностью заряжена, и Дари легко справилась бы с управлением, разумеется, если им не придется снова столкнуться с таким же штормом, который чуть не уничтожил их в прошлый раз. При мысли об этом у Дари заняла поджившая ключица.

Она подняла раскрытую ладонь, определяя направление ветра. В эту минуту он скорее напоминал сильный бриз, тревожиться было не о чем. Хотя то тут, то там крутились пыльные вихри, видимость была неплохая: по крайней мере километра на три-четыре, что вполне достаточно для выбора места посадки и приземления, а лететь они могли и поднявшись над любой пыльной бурей.

Подчиняясь ее призыву, Атвар Х'сиал и Ж'мерлия забрались в машину и приготовились к полету. Дари, взлетев, резко пошла вверх, чтобы сразу достичь такой высоты, на которой меньше завихрений и пыли. Ж'мерлия присел на корточки рядом с ней в передней части кабины. Дари начала объяснять ему, как управлять аэрокаром, еще на Опале, и в случае необходимости он, вероятно, смог бы пилотировать этот кораблик. Однако очевидно, что ему и в голову не придет ничего подобного без прямого указания Атвар Х'сиал.

Дари попыталась поговорить с ним, но попытка не удалась. Она воображала, что после их разговора в палате, где они поправлялись после аварии, он будет вести себя иначе по отношению к ней. Она ошиблась. В присутствии Атвар Х'сиал он отказывался самостоятельно двинуться даже на шаг, и пер-

вые три часа их поездки открывал рот только по приказу кекропийки.

Лишь на четвертом часу полета Ж'мерлия сам, не понукаемый своей хозяйкой, проявил себя. Внезапно выпрямившись, он указал куда-то:

— Вон там, наверху.

Они курсировали на автопилоте, где-то в двадцати тысячах метров от поверхности Тектона, гораздо выше его атмосферы и за пределами всех пыльных бурь. Дари даже не смотрела вверх. Она оглядывала землю под ними, используя чувствительные сенсоры аэрокара. На пределе их разрешающей способности она заметила множество проявлений жизни на Тектоне. На испещренных озерами грядках холмов паслись громадные стада белоспанных животных. Они удалялись от возвышенностей и с неотвратимостью отлива неуклонно двигались к воде. Она наблюдала, как их плотная масса, разделяясь, обтекала валуны и каменистые гряды. Несколькими километрами далее холмистая местность кончалась, и становились различимы извилистые линии темной зелени, указывающей на существование влажного гравия в местах выхода пара. Сухие русла потоков оканчивались карманами, плотными зарослями каких-то растений, совершенно скрывающие от взгляда сверху дно каньонов.

В ответ на слова Ж'мерлии Дари подняла глаза, и он, перегнувшись через ее плечо, указал тонкой многосуставчатой рукой в черно-синее звездное небо.

Атвар Х'сиал что-то прошипела.

— Другой аэрокар, — перевел Ж'мерлия. — Нас выследили на Пуповине, и гораздо быстрее, чем мы ожидали.

Движущийся прямо над ними светящийся предмет следовал их курсом, но на большей высоте. Он быстро нагонял их. Предоставив автопилоту продолжать полет, Дари стала настраивать высокочувствительный сенсор, старалась получше разглядеть это новое явление.

— Нет, — проговорила она через некоторое время, — это не аэрокар. — Она дала задание маленькому бортовому компьютеру рассчитать траекторию объекта. — Он слишком высоко и движется быстро. И глядите... он становится ярче. Это не огни аэрокара.

— Тогда что же это?

— Это космический корабль. А такое яркое свечение означает, что он вошел в атмосферу Тектона. — Дари посмотрела

на экран компьютера, сообщавшего предварительные данные траектории космического корабля. — Нам лучше сесть где-нибудь и решить, что мы будем делать дальше.

— Нет. — Возражение Атвар Х'сиал выразилось в протестующем бормотании Ж'мерлии.

— Я тоже не хочу этого, — сказала Дари, — но придется, если только вы не располагаете сведениями, неизвестными мне. Компьютеру нужно больше данных, чтобы окончательно разобраться, с чем мы имеем дело, но предварительные данные он уже выдал. Корабль приземляется. Я не знаю, кто в нем, но он следует в нежелательном для нас направлении, почти туда же, куда летим мы сами.

Сумерки на Тектоне... если можно назвать сумерками внезапный и зловещий приход ночи, красной, как драконья кровь.

Мэндел взойдет через три часа. Амарант висел низко над горизонтом, и его красноватый диск закрывали тучи пыли. Только сверкающий Гаргантюа одиноко красовался посреди неба словно мраморный шарик, покрытый оранжевыми и лососево-розовыми полосками.

Аэрокар стоял на ровной полоске гравия, готовый взлететь в любую минуту. Дари Лэнг посадила его между двумя маленькими водоемами. На карте этот участок местности обильно украшали голубые пятнышки проточных озер.

Вскоре стало ясно, что карта врала по меньшей мере в одном. Атвар Х'сиал приникла к первому же из прудов и шумно всосала хоботком воду. Ж'мерлия объявил, что ее можно пить. Дари глотнула из того же источника и с отвращением стала плевать, удивляясь кекропийскому вкусу и обмену веществ. Вода была горькой и жесткой, сильно щелочной. Она пить ее не могла. Оставалось рассчитывать только на запасы в аэрокаре.

Вернувшись в него, Дари приготовилась ко сну. Напряженное, даже при автопилоте, путешествие вокруг Тектона страшно утомило ее. Хотя планета под ними казалась безвредной, она не осмеливалась расслабиться ни на минуту. А теперь, когда было можно отдохнуть, она не позволяла себе расслабиться.

Слишком многое надо было увидеть, слишком о многом поразмыслить.

По словам Перри, Тектон на пороге Летнего Прилива должен был представлять собой сущий ад, где земная кора трескается, вздымаясь и опускаясь, на поверхности бушуют пожары, растения высыхают на глазах от обжигающе жаркого воздуха, дышать которым почти невозможно. Животные должны были давно скрыться — или погибнуть, или спрятаться где-то глубоко под землей.

Вместо этого она и дышала, и ходила, и сидела, причем достаточно легко, а вокруг хватало признаков продолжающейся жизни. Дари вынесла свою раскладушку наружу, поставила около одного из озер в тени высоких камышей и стала слушать, как пробираются сквозь них, не обращая на нее внимания, какие-то мелкие животные. Судя по испещренности прибрежного песка дырками разной формы и разного размера, масса всевозможных существ устроила на берегу свои норы.

Когда вдали замерло грохотание вулканов, она даже расслышала, как они возились и шушали, зарываясь поглубже в сохнущую землю.

«Здесь очень тепло», — подумала она. Уход Мэндела с небосвода облегчения не принес. Капли пота стекали по шее в лужбинку на груди.

Она прилегла на свою раскладушку. Хотя Тектон казался вполне безопасным, она тревожилась по поводу предстоящего. Космический корабль, наверное, прилетел с Опала, чтобы забрать их. Продолжи они свой путь, их поймут и выдворят с Тектона. Если же они останутся на месте, то не достигнут своей цели.

Пока она раздумывала над этим, подошла Атвар Х'сиал и, что было удивительно, предложила еду: захваченные с Опала фрукты и воду. Дари взяла их и поблагодарила кивком — жестом, общим для обеих рас. Кекропийка кивнула в ответ и исчезла внутри аэрокара.

Дари начала есть, продолжая удивляться своим спутникам. Она ни разу не видела, чтобы кто-то из них ел. Возможно, как люди в некоторых мирах Альянса, они считали прием пищи интимной функцией организма. А может, были похожи на черепах Опала, которые, по словам служащих космопорта Звездной стороны, запросто существовали целый год на одной воде. Но тогда почему Атвар Х'сиал пришло в голову покормить единственного в их группе человека?

Она откинулась на раскладушке, натянула до подбородка водонепроницаемую простыню и стала глядеть в крутящееся над головой небо. Звезды здесь двигались очень быстро... На Вратах Стражника, с его тридцативосьмичасовым днем, движение звезд на небе было еле заметно. Где, в какой стороне небосвода лежал ее родной мир? Она разглядывала незнакомые созвездия. Там... или там... Мысли унеслись к звездам. Усилием воли она заставила себя вернуться в настоящее. Еще предстояло принять решение.

Продолжать ли им движение к месту, где по ее расчетам находится центр, фокус активности при Летнем Приливе? Можно полететь туда, зная, что и остальные тоже будут двигаться туда постепенно... с остановками...

Наверное, надо с остановками...

Дари погрузилась в сон без сновидений, такой глубокий, что ее не разбудил ни шум по соседству, ни вибрация. Наступил краткий рассвет, прошел день, и снова настала ночь, а за ней пылающий день. Шорохи зарывающихся в землю зверьков прекратились. Опал и Тектон завершили два полных оборота друг вокруг друга, и только тогда Дари проснулась.

Она просыпалась медленно. Амарант лил слабый свет. Прошла целая минута, пока сознание не подсказало, где она. Затем она почувствовала, что готова встать и оглядеться. Атвар Х'сиал и Ж'мерлии нигде не было видно. Аэрокар исчез. Небольшая кучка припасов и оборудования лежала под тонкой водоотталкивающей пленкой рядом с ее раскладушкой. Ничто вокруг, от горизонта до горизонта, не указывало на то, что здесь когда бы то ни было появлялись люди или чужаки.

Она упала на колени и стала перебирать оставленное имущество в поисках письма. Не было ни записки, ни пленки с записью, ни какого бы то ни было знака. Ничего, что помогло бы ей, кроме небольшого количества еды и питья, миниатюрного радиомаяка, ружья и фонаря-вспышки.

Дари посмотрела на часы. Еще девять добеллианских суток. Семьдесят два часа до худшего из всех Летних Приливов. А она оказалась на Тектоне одна, за шесть тысяч километров от спасательной Пуповины. Паника, которую она ощущала, покидая в первый раз Врата Стражника, снова охватила ее.

ГЛАВА 13

...Оранжевое зарево на горизонте тлело и тлело, горящая земля бросала свой отблеск на высокие облака пыли и сама освещалась ими. Они глядели и не могли наглядеться. В это время новый столб алого света вспыхнул на расстоянии не более километра и, становясь все выше, распустил свои дымные щупальца. Вскоре он дотянется до самого неба. Когда лава запузырилась почти у края кратера, он обернулся к Эми.

Несмотря на его предупреждения, она все еще стояла около машины. При виде того, как вспышка взрыва перешла в каленокрасное свечение лавы, она захлопала в ладоши, восторгаясь изумительными переливами цвета и изменчивостью форм.

Грозовые раскаты взрыва достигли дальних холмов и эхом вернулись обратно. Поток огня, показавшись на вершине, пополз к ним. Нет, не пополз, покатился, полился легко и стремительно, как бегущий ручей. Там, где он коснулся холодной земли, взметнулись белые фонтанчики пара и заиграли, засверкали...

Макс не мог оторвать глаз от ее лица. На нем был не страх, а только восторженное наслаждение ребенка на своем дне рождения.

В этом было все дело... Она воспринимала происходящее как праздничный фейерверк. Осторожность должен был проявить он... Свесившись с переднего сиденья аэрокара, он подергал ее за рукав.

— Забирайся. — Ему пришлось кричать, чтобы быть услышанным. — Нам надо в обратный путь к Стволу. Ты же знаешь, это пять часов лета.

Эми гневно взглянула на него и выдернула руку. Он так хорошо знал эти надутые губки.

— Не сейчас, Макс. — Он прочел слова по ее губам, потому что расслышать их было невозможно. — Я хочу дождаться, когда лава достигнет воды.

— Нет! — заорал он. — Категорически нет. Я больше не хочу рисковать! Там все кипит, и здесь скоро будет так же.

Она отходила, не слушая его. Он почувствовал теснение в груди, его бросило в жар, несмотря на воздушный экран, который задерживал холодный воздух в кабине. Это только воображение, он знал это... его сжигало в огненной топке беспокойства за нее. Но снаружи... снаружи жар был настоящим. Спотыкаясь, он выбрался из аэрокара и последовал за ней по дымящейся почве.

— *Перестань дергать меня. Я через минуту вернусь. — Эми оглядывалась кругом, чтобы впитать в себя все великолепие этого адского зрелища. Слава Богу, не было видно никаких признаков другого извержения, но оно могло начаться в любую секунду.*

— *Макс, ты должен расслабиться. — Она подошла к нему вплотную и кричала прямо в ухо. — Научись развлекаться. За все время, что мы здесь, ты только сидишь, как мешок, на Слинге. Дай себе волю, отдайся потоку жизни.*

Он взял ее за руку и потащил к аэрокару. После минутного сопротивления она позволила повести себя. Глаза ее были все еще устремлены на бешеную ярость вулкана, и она не смотрела, куда идет.

А затем, на расстоянии нескольких метров от машины, она вдруг вырвалась и, смеясь, побежала по дымящейся ровной поверхности раскаленной земли. Их разделяли лишь десять шагов, когда он устремился за ней. Но было уже поздно.

10 дней до Летнего Прилива

По словам Грейвса и Перри, все выходило просто. Ребка спорил, доказывая, что это невозможно.

— Посмотрите на цифры, — сказал он, когда их капсула мягко опустилась на поверхность Тектона. — Планетарный радиус пять тысяч сто километров, и лишь три процента поверхности покрыто водой. Это дает нам более трехсот миллионов квадратных километров суши. Триста миллионов! Подумайте, сколько времени требуется, чтобы обыскать один квадратный километр. Мы можем искать годами и так и не найти их.

— Мы не располагаем годами, — ответил Перри, — и я понимаю, что это большая территория. Но вы, кажется, решили, что мы будем вести случайный поиск, а мы поступим не так. Я могу, еще до начала поиска, большинство районов исключить.

— А я знаю, что близнецы Кармел будут избегать открытых пространств, — добавил Грейвс.

— Откуда вы можете это знать? — Ребка оставался скептиком.

— Потому что на Тектоне обычно безоблачно, — на Грейвса скептицизм спутника явно не действовал, — а в их родном мире Шасте существует система постоянного слежения за по-

верхностью планеты, обладающая высокой разрешающей способностью.

— Но на Тектоне ее нет.

— Нет, но близнецы-то этого не знают и считают, что на открытом пространстве их заметят и заберут, поэтому забьются куда-нибудь в укрытие и будут сидеть.

— Теперь я объясню вам, — продолжил Перри, — что заставляет сузить пределы поиска. На Тектоне есть только три места, где может искать убежище нормальный разумный человек. Мы начнем с этих трех районов... и уверен, что на них и закончим.

— Но если мы их там не найдем, — добавил Грейвс, — мы сможем расширить...

— Нет, не сможем, — оборвал его Перри. — Летний Прилив, советник. Меньше чем за восемьдесят часов он достигнет своего пика. И лучше нам в это время здесь не находиться. Ни вам, ни мне, ни близнецам.

Макс Перри перечислил три наиболее вероятных района: в высокогорных лесах нагорья Моргенштерна, на одном... или, точнее, в одном из Тысячи Озер, или в глубине зарослей Пятиконечной впадины.

— Это уменьшает площадь поиска в тысячи раз, — заключил он.

— И все-таки оставляет для осмотра десятки тысяч километров, — возразил Ребка, — причем тщательного осмотра. И не забудьте, что это не просто обычная задача по поиску и спасению потерпевших. Обычно потерявшиеся люди *хотят*, чтобы их нашли. Они помогают поискам как могут. Но близнецы не пошлют сигнала о помощи, пока условия не станут совсем невыносимыми. А тогда, вероятно, и сигналить будет поздно.

Насколько эти доводы убедили Джулиуса Грейвса, понять по его ухмыляющемуся лицу было нельзя. Пока Макс Перри занимался осмотром аэрокаров, Грейвс оттащил Ребку в сторону.

— Мне надо спокойно поговорить с вами, капитан, — доверительно произнес он, — буквально одну-две минуты.

Теплый пепел плавно опускался им на головы и плечи, словно бледно-серый снег. Почву уже покрывал почти сантиметровой слой. От низкорослых растений и мирных травояд-

ных, которых Ребка видел в первое посещение Тектона, не осталось и следа. Даже само то озеро исчезло под вулканическим пеплом. Вместо предсказываемых грохота и рева землетрясений планета хранила жаркое и мрачное молчание.

— Вы понимаете, — продолжил Грейвс, — что нам не обязательно оставаться вместе? Здесь есть свободные аэрокары.

— Я знаю, мы в силах прочесать в три раза большую территорию, если разделимся, — ответил Ребка, — но я не уверен, что хочу этого. У Перри уникальный опыт работы на Тектоне, а вы здесь никогда раньше не бывали.

— Ага! Вы думаете так же, как и я. — Грейвс смахнул чешуйку пепла с кончика носа. — Следует поступить следующим образом: Перри установил три области Тектона, где могут прятаться беглецы. Они расположены на больших расстояниях друг от друга, но у нас достаточное количество аэрокаров, чтобы в каждую из них поехать по одному. Это подсказывает логика. Но я вас спрашиваю, кому нужна логика? Нам нужен результат. — Он наклонился к Ребке. — Честно говоря, я беспокоюсь о душевном равновесии командора Перри. Скажите ему «Тектон» и «Летний Прилив», и у него глаза на лоб полезут. Мы не можем отпустить его одного. Что скажете?

«Я сказал бы, что вам с Перри нужны хорошие сторожа, но воздержусь».

Ребка знал, что сейчас последует. На него повесят Перри, то самое глупое задание, которое привело его на Добеллию, а Грейвс рванет без присмотра в дебри Тектона и, вероятнее всего, там погибнет.

— Я согласен, советник, — командору Перри не надо ехать одному, но еще не хотелось бы зря...

— Значит, мы с вами оба считаем, что мне следует отправиться с Перри, — продолжал Грейвс, не обращая внимания на слова Ребки. — Видите ли, если он попадет в беду, я смогу ему помочь. Никто, кроме меня, не сделает этого. Итак, мы с ним отправимся к нагорью Моргенштерна, в то время как вы прочешете Тысячу Озер... Перри говорит, что эта местность ближе и ее можно осмотреть быстрее. Если же никто из нас не найдет близнецов, тот, кто освободится раньше, отправится к Пятиконечной впадине.

Что делать, когда сумасшедший предлагает вам то, что вы и сами хотели бы сделать? Конечно, тревога не проходит, но... вероятнее всего, вы с ним согласитесь. В любом случае Грейвс

явно не собирался вступать в дискуссию. И когда Ребка снова подчеркнул, насколько вообще невелики шансы найти близнецов, советник только щелкнул пальцами.

— Пф-ф! Я знаю, что мы их найдем. Надо думать позитивно, капитан Ребка. Будьте оптимистом! Только так и можно жить.

«И умереть», — подумал Ребка, но возражать не стал. Грейвса переубедить не удастся, и, возможно, они с Перри стоили друг друга.

Это было одним из первых жизненных правил, которое Ребка выучил еще шестилетним ребенком в горячих соляных копях Тойфеля. Если кто-то предлагает сделать то, что ты хочешь, уходи... уходи, пока он не передумал.

— Очень хорошо, советник. Я отправлюсь, как только будет готов аэрокар.

Ребка улетел на полчаса раньше. Грузовой отсек в скоростных аэрокарах не был приспособлен для размещения больших и тяжелых ящиков. Грейвс долго пытался пристроить свой багаж и в конце концов оставил только маленький чемоданчик, положив остальное в капсулу Пуповины. Наконец он объявил, что готов отправиться в путь.

После взлета Перри включил автопилот и установил курс к нагорью Моргенштерна.

Они подлетели поближе и начали сканирование, прильнув к дисплеям.

— Примитивное оборудование, — заметил Грейвс. Когда он сосредоточенно разглядывал изображение на экране, лицо его подергивалось от напряжения. — Будь это машина Альянса, мы бы сидели, развалившись, и ждали сообщения машины о том, где она нашла близнецов. Здесь же все наоборот. Я должен всматриваться в эту штуковину и сообщать ей, что она видит. Примитив!

— Это лучшее, что есть на Опале или Тектоне.

— Я верю вам. Но вы когда-нибудь спрашивали себя, почему все миры этой спиральной ветви не так богаты, как Земля или старые околоземные колонии? Почему не каждая планета пользуется новейшими технологиями? Почему не на всех мирах число обслуживающих роботов превышает число людей, как на Земле? Почему не все они так же богаты? Все и в каждой колонии? Мы же умеем делать передовую технику. Тогда почему не на каждой планете она есть? А лишь на некоторых?

У Перри не было на это ответов, но он буркнул что-то, показывая, что слушает.

На самом деле он ничего не слушал. Пока Джулиус Грейвс разглядывал изображения, этой болтовней разразился Стивен. А Перри сам был занят, разбираясь с радиоприемником. Грейвс не верил, что близнецы Кармел пошлют сигнал бедствия. Перри придерживался другого мнения. С приближением Летнего Прилива близнецы, стремясь к спасению, захотят, чтобы их арестовали.

— А бедности Добеллии есть простое объяснение, — продолжал Грейвс. — И в основе его — коренные свойства человека. Рациональная раса, прежде чем перейти к другим мирам, удостоверилась бы, что предыдущий мир полностью развит и удобен для людей. Но нам этого не дано! Нас тянет дальше. Планета еще толком не обжита, не обустроена и наполовину, а уже новые космические корабли готовы в путь, искать следующие миры. Очень немногие говорят: «Подождите минутку, давайте сначала приведем в порядок этот мир и только потом пойдем дальше».

Он повнимательней взгляделся в пару экранов и покачал головой, как бы отбрасывая их за ненадобностью.

— Мы слишком любим повсюду совать свой нос, командор, — продолжал он, — у большинства людей порог терпения чрезвычайно низок, а любопытство чересчур велико. В этом кекропийцы такие же, как мы. И вот все богатства этой галактической ветви... и вся роскошь... достаются тем, кто сидит дома. Это странный парадокс, еще со времен до Экспансии: те, кто не создает богатства, ухитряются завладеть большей их частью, а те, кто делает всю работу, остаются почти ни с чем. Возможно, когда-нибудь это изменится. Может быть, еще через десять тысяч лет...

— Радиомаяк, — прервал его Перри, — слабенький, но маяк. Грейвс застыл на месте, не поднимая глаз.

— Невозможно, — голос его прозвучал резко, это снова был Джулиус Грейвс, — они не будут объявлять о своем присутствии на Тектоне. Не для этого они так далеко убежали.

— Посмотрите сами.

Грейвс по сиденью скользнул к нему.

— Как далеко это от нас?

— Далеко. — Перри определил расстояние и пеленг. — По правде говоря, слишком далеко. Этот сигнал не из района наго-

рья Моргенштерна. Источник где-то в четырех тысячах километрах от его края. Мы получаем ионосферное отражение, иначе мы бы его, возможно, не услышали.

— А это не в районе Тысячи Озер?

— Возможно. Пеленг не очень точный из-за помех, и расстояние трудно определить точно.

— Тогда это Ребка. — Грейвс хлопнул ладонью по пульту. — Должно быть, он отправился просто взглянуть, и не успели мы приступить к работе, как он уже погнал в беду. Еще до того, как мы...

— Это не Ребка.

— Откуда вы знаете?

— Это не его аэрокар. — Перри быстро просматривал данные. — И не один из наших. Не та частота и формат сигнала. Похоже на переносной передатчик, маломощный.

— Тогда это близнецы Кармел! И они, должно быть, в страшной беде, если запросили о помощи. Можете доставить меня туда?

— С легкостью. Мы просто пойдем на маяк.

— Сколько на это уйдет времени?

— Шесть или семь часов при максимальной скорости.

Говоря это, Перри смотрел на часы аэрокара.

— Сколько? — Грейвс проследил за его взглядом.

— До Летнего Прилива чуть больше восьми здешних дней.

Скажем, шестьдесят семь часов.

— Семь часов до Тысячи Озер, восемь — до Пуповины. Потом вверх и назад, на Опал. Времени хватает. Мы сбежим с Тектона задолго до самого худшего.

Перри покачал головой.

— Вы не понимаете. Тектон неоднороден, его внутреннее строение очень различно. В любом месте землетрясения могут начаться задолго до Летнего Прилива. Это здесь, на нагорье, мы не видим больших подвижек коры, но оказаться сейчас у Тысячи Озер — это кошмар.

— Ладно, вы такой же пессимист, как Ребка. Не может все быть так плохо, если близнецы Кармел там еще живы.

— Вот это вы правильно сказали. Если они еще там живы. — Перри возился около приборов, поворачивая аэрокар. — Вы забываете об одном, советник. Радиомаяки — вещь прочная... гораздо прочнее человеческого тела.

ГЛАВА 14

9 дней до Летнего Прилива

Система наведения взяла аэрокар на прицел задолго до того, как он появился в поле зрения, и Луис Ненда привел все орудия, надежно упрятанные в корпусе его звездолета, в полную боевую готовность.

Приближающийся аэрокар замедлил ход, как будто почувствовав исходившую от космического корабля угрозу. Он сначала двинулся в сторону, а затем вертикально опустился на каменистую возвышенность.

Ненда, держа руку на пульте управления огнем, наблюдал, как открывается люк.

— Кто это будет? — негромко пробормотал он на всеобщем языке, обращаясь больше к себе, чем к Каллик. — Делайте ставки, леди и джентльмены. Как зовут наших гостей?

Знакомая пара фигур показалась на клубящемся паром склоне. Обе были в дыхательных масках, но тем не менее узнать их труда не составляло. Удовлетворенно хмыкнув, Луис Ненда поставил орудия на предохранители.

— Годится. Открывай люк, Каллик. Окажи им некоторое гостеприимство.

Атвар Х'сиал и Ж'мерлия осторожно пробирались между серо-синими валунами, стараясь не поскользнуться на гладких камешках. Луис Ненда выбрал место посадки на самом прочном с виду участке поверхности. Хотя и тут имелись следы недавних подвижек почвы, и пыль вздымалась при любом движении. Глубокая зигзагообразная расселина шла от холма, где только что приземлился аэрокар, почти до середины расстояния между ним и космическим кораблем. Атвар Х'сиал продвигалась вдоль трещины, время от времени заглядывая через ее край и нюхая воздух, чтобы определить глубину. Расселина могла оказаться единственно возможным убежищем. Эта часть Тектона была совершенно безжизненной, и на десять километров вокруг не было никакого укрытия. Орудия космического корабля, расположенные на его куполообразной части на тридцатиметровой высоте, могли вести круговой обстрел и поразить любую цель в пределах видимости.

Низко наклонившись, Атвар Х'сиал вошла в нижний люк, но не из уважения к Луису Ненде, а потому, что ей пришлось протискиваться в отверстие, предназначенное для существ, ростом в два раза меньше. Оказавшись внутри, она сдернула дыхательную маску. Ж'мерлия сделал то же самое и слегка свистнул, приветствуя Каллик. Затем он поспешно скорчился у ног хозяйки.

Кекропийка выпрямилась и придвинулась к Ненде.

— Вы не стали обращать против нас свое оружие, — перевел Ж'мерлия, — решение мудрое.

— С вашей точки зрения? Не сомневаюсь, но что это за разговоры об оружии? — В голосе Ненды звучала насмешка. — Вы не найдете здесь оружия.

— Возможно, вы и правы, — передала Атвар Х'сиал через Ж'мерлию, — если их не обнаружила инспекция на Опале, наверное, и мы не сможем. — Широкая белая голова Атвар Х'сиал повернулась, чтобы осмотреть потолок. — Однако если вы дадите мне полчаса и разрешите осмотреть верхнюю палубу вашего космического корабля...

— О, думаю, что нет, — ухмыльнулся Луис Ненда, — это может оказаться забавным, но у нас нет времени на игры. Сейчас, когда Летний Прилив дышит нам в затылок, может, перестанем фехтовать на некоторое время? Я не буду спрашивать у вас, какими инструментами и оружием владеете вы, а вы перестанете волноваться о том, что есть на этом корабле. У нас есть более важные темы для разговора.

— А-а. Вы предлагаете перемирие? — Слова исходили от Ж'мерлии, но длинную переднюю ногу протянула Атвар Х'сиал. — Согласна. Но с чего мы начали? Как нам обсуждать возможности сотрудничества, не раскрывая при этом слишком многого из того, что знает каждый из нас?

— Для начала давайте отошлем их, — Ненда указал на Ж'мерлию и Каллик, — наружу.

Желтые раструбы рогов Атвар Х'сиал повернулись, осмотрели внимательно хайменопта, потом перешли к лотфианину, скорчившемуся около ее панциря.

— А там безопасно? — перевел Ж'мерлия.

— Не особенно. — Ненда вскинул кустистые брови. — Эй, а что вы хотите, карнавал на Примавере? Сейчас на Тектоне всюду небезопасно, и вы это прекрасно знаете. Ваш жук что, очень чувствителен к жаре и свету? Я не хочу его зажарить.

— Не слишком чувствителен, — безучастно перевел Ж'мерлия. — Если будет вода, Ж'мерлия сможет долгое время выдерживать жару и плохой воздух, даже без респиратора. Но как мы сможем общаться...

— Доверьтесь мне. — Ненда направил большой палец на Каллик и Ж'мерлия и дернул им в сторону люка. — Вон! Оба! — Он перешел на общий язык: — Каллик, захвати с собой побольше воды для Ж'мерлии. Мы скажем вам, когда можно будет вернуться.

Он выждал, пока двое инопланетян вышли наружу и люк закрылся, затем придвинулся к кекропийке и сел почти под ее панцирем. Он глубоко вздохнул и распахнул рубашку, обнажив грудь, сплошь покрытую серыми, похожими на родинки бугорками и глубокими оспинами. Закрыв глаза, он застыл.

— Потерпите. — Феромоны начали медленно сочиться в воздух. — Это нелегко... мне не хватает... давно не практиковался.

— А-а, — Атвар Х'сиал закивала своей слепой головой и направила рецепторы на его грудь, — как я понимаю, это наращение Зардалу. Слыхала о таком, но никогда не встречала в жизни. Можно спросить? Какой ценой, физически, это получено?

— Обычной. — Лицо Луиса Ненды выразило жестокое наслаждение. — Боль — вот цена любого наращения Зардалу. Это не важно, цель достигнута. Я хочу одновременно говорить и человеческим стилем, если не возражаете, чтобы точнее формулировать свои мысли.

— Но в этом нет никакой необходимости! — Кроме буквального значения слов, Луис Ненда уловил своими рецепторами презрение и насмешку Атвар Х'сиал. — Ж'мерлия абсолютно предан мне, как, полагаю, преданна вам Каллик. Они скорее умрут, чем расскажут кому-то о нашем разговоре.

— Это уж точно, скорее умрут. — Луис Ненда ухитрился передать смешок. — Я об этом позабочусь. Но я не знаю, насколько Ж'мерлия сообразителен. Что-то может выскочить случайно, особенно если задавать вопросы станет кто-то ловкий. Единственный способ по-настоящему сохранить секрет, это чтобы они его не слышали. — Смех перешел в недовольное ворчание. — Ладно, перейдем к делу и покончим с этим поскорее. Мне очень трудно.

— Нам надо договориться о порядке обмена информацией.

— Знаю. Вот что я предлагаю. Я делаю заявление. Вы можете согласиться, не согласиться или сделать свое заявление, но никто из нас не обязан отвечать ни на какие вопросы. Вот так. Факт: вас совершенно не интересует выживание жизненных форм в экстремальных условиях на Тектоне. Это все выдумка. Вы приехали сюда потому, что являетесь специалистом по Строителям.

— Перед вами я этого отрицать не буду. — Атвар Х'сиал выпрямилась в полный рост. Белые и красные складки под подбородком раздулись. — Я не просто специалист, а самый крупный специалист по Строителям во всей Кекропийской Федерации. — Феромоны донесли до Ненды ее гордость сильнее, чем выразили бы слова. — Я первая разгадала тайну Танта, я первая и единственная кекропийка, которая сумела выбраться живой с Факела. Я поняла все значение Летнего Прилива до того, как у Дари Лэнг хватило глупости опубликовать свою работу. Я...

— Ладно. Вы — жуть какая умница, я все понял. — Дыхание Ненды успокоилось. — Расскажите-ка лучше то, что мне необходимо знать, иначе мы пробудем здесь до Летнего Прилива и зажаримся.

— Хорошо. Вы здесь потому, что хотите узнать, что произойдет во время Летнего Прилива. Но, по-моему, это не ваша идея. Для этого вы слишком плохо знаете историю и науку. Кто-то еще сумел использовать идею Дари Лэнг и объяснил вам все значение этого времени и места. Интересно было бы знать, кто это сделал.

— Это звучит как вопрос, хотя и не в вопросительной форме. Но я вам отвечу. — Ненда дернул большим пальцем в сторону люка. — Каллик.

— Ваш хайменопт? Раб?! — Атвар Х'сиал была не просто поражена, она возмутилась. — Не подобает рабским видам заниматься работой, требующей такого высокого уровня знаний.

— А, чушь! — ухмыльнулся Ненда. — У нее есть мозги... пусть поработает ими на пользу. В любом случае ей доставляет удовольствие в свободное время читать и делать расчеты. Она увидела работу Лэнг, а потом провела компьютерные расчеты и определила время и место. Потом разволновалась и захотела с кем-то поделиться. Я запретил, объявив: «Так не пойдет. Мы этого никому не скажем, а сами отправимся на Тектон». И вот мы здесь. Мне хотелось бы сравнить наши выводы с вашими

по более специфическому вопросу. Давайте поговорим о том, что случится здесь во время Летнего Прилива.

— Похоже на вопрос. Я не буду на него отвечать.

— Ладно, тогда я сделаю заявление. Разрешите рассказать вам, что говорит на основании своего анализа Каллик, а потом вы прокомментируете это, если хотите. Она говорит, что Строители собираются вернуться... сюда, во время Летнего Прилива. Тем, кто будет при этом присутствовать, откроются секреты их технологии и причины их исчезновения. Ну, как вам это? Впечатляет?

— Это тоже вопрос, а не заявление, но я отвечу на него. Предположение Каллик вполне вероятно. Однако не безусловно. Не имеется никаких реальных свидетельств, что Строители появятся.

— Что ж, на эту лошадку можно сделать ставку. А чего Каллик не сказала... и что я сам додумал, и меня не удивит, если вы в этом меня опередили: тот, кто получит в руки ключ к технологии Строителей, будет очень могущественной фигурой в этой ветви галактики.

— Согласна. Это будет истинный куш.

— Для некоторых. Но ведь это же не единственная причина, по которой вы здесь оказались. — Ненда придвинулся еще ближе, даже постучал указательным пальцем по блестящему брюшку. — Факт: вы еще один фанатик Строителей, точно такой же, как Лэнг и Каллик. Вы считаете, что через семьдесят часов встретитесь со Строителями. Знаете, как называет Каллик этот Летний Прилив? Эпифания, то есть явление богов.

— Мое название этому — Пробуждение. Вы согласны, что это будет судьбоносное событие?

— Черт, даже не знаю. Что вы имеете в виду под судьбоносным? Я абсолютно уверен, что боги к нам не явятся. Все это очень проблематично, но выигрыш в этих скачках чересчур велик. Это игра. А я игрок и буду играть даже с такими малыми шансами на успех.

— Вы не правы. Нет здесь ничего проблематичного. Это случится.

Убежденность Атвар Х'сиал не вызывала сомнений, феромоны передавали ее очень сильно. Ненда знал, что тонкости такого общения ему недоступны. И задумался, умеют ли кекропийцы лгать своими химическими «посланниками».

— Этому уже есть свидетельства, — продолжала Атвар Х'сиал. — По всей ветви галактики артефакты в беспокойном состоянии. И указывают сюда.

— Эй, меня убеждать не надо. Я пролетел восемьсот световых лет, чтобы сесть на этой куче мусора, и плевать я хотел на артефакты. Можете забрать их все себе... Вы такая же чокнутая, как Каллик. А я... я удовольствуюсь несколькими огрызками технологии Строителей. Но у меня к вам другой вопрос. Почему вы пришли сюда ко мне, зная, что я могу разнести вас в клочья? Уж наверняка не для того, чтобы сопоставить свои умозаключения с моими и Каллик.

— А-а. Верно. Я пришла потому, что нужна вам. И потому, что вы нужны мне. — Атвар Х'сиал указала на левый борт и пустынные просторы Тектона за ним. — Если бы мы с вами были единственными разумными существами на этой планете, мы бы насладились тем, что одни узнаем новые технологии Строителей. Позже мы повоевали бы за обладание мощью Строителей, и я приняла бы этот бой.

— Вот и зря. Ладно, ведь я пока еще не знаю, почему вы пришли ко мне.

— Потому что сегодня мы не единственные на Тектоне. Здесь есть и другие существа, которые ради науки сделают эти новые знания общедоступными. А вы не ученый, вы авантюрист. Вы здесь ради личной выгоды.

— Чертовски верно сказано. И вы тоже.

— Возможно. — В феромонах Атвар Х'сиал появилась насмешливая нотка, и теперь Ненда знал, как ее прочесть. — И еще больше: мы с вами не хотим делить то, что дадут Строители. Ребка, Грейвс и Перри на Тектоне. Они ехали по Пуповине сразу за нами. Они не сохраняют полученные новые знания при себе. Нам надо что-то с этим сделать, но у нас нет никакой возможности узнать, где они.

— Я полагаю, что они последуют сюда. А как насчет Дари Лэнг? Она приехала с вами.

— Проблемы нет. Она... о ней уже позаботились.

Феромоны точно передали ее ледяную решительность. Наступило долгое молчание.

— Что ж, хорошо, — сказал наконец Луис Ненда. Голос его звучал мягко и тихо. — Ну и сукина же вы дочь!

Хоботок кекропийки затрясся.

— Мы стараемся удовлетворить запросы.

— Вы понимаете, что рискуете, рассказывая мне об этом?

— Думаю, — Атвар Х'сиал немного помолчала, — никакого риска нет. Во всяком случае, для того, кто читал и помнит историю Лации IV, я освежу ее в вашей памяти. На пути к Лации IV был ограблен корабль с медицинскими препаратами. Он так и не добрался до этой планеты, и без ингибиторов вирусной инфекции, которые он вез, на ней умерло триста тысяч человек. Виновником этого чудовищного преступления был низменный человек, сопровождаемый рабом-хайменоптом. Хайменопт умер, а человек сбежал, причем его так и не поймали.

Луис Ненда ничего не ответил.

— А что касается других людей, — продолжала Атвар Х'сиал, — мы не в силах установить их местонахождение. Меня особенно тревожит Грейвс.

— Он сумасшедший.

— Верно. И он читает мысли мои и ваши... без всяких переделок организма; он слишком опасен. Я хочу убрать его... хочу, чтобы все трое были убраны.

— Понятно. Но так же, как и вы, я не могу разыскать их на Тектоне. Каковы же ваши предложения?

— Они покинут Тектон перед самым Летним Приливом. Отходить они будут по Пуповине. Это был бы и мой маршрут отступления, если бы я не увидела прибытие вашего корабля и не поняла, что он приспособлен для путешествий в космическом пространстве.

— Да, я могу лететь на нем хоть до края галактики. Я понимаю, насколько удобным для вас он может оказаться: убраться с Тектона, не попавшись на глаза Грейвсу, но какая выгода от этого мне? Не хочу грубо выразаться, но я не фея-крестная. Почему я должен обеспечивать вам бесплатный отъезд с Тектона? Я говорил Каллик, что мы можем хорошенько осмотреть названное ею место на поверхности, но приход Летнего Прилива мы будем наблюдать с орбиты. Однако это о нас с ней. Почему я должен помогать вам? Я ведь не держу автобусную линию.

— Потому что я знаю все коды управления Пуповиной. Полностью.

— А мне что за дело? — Луис Ненда медленно поднял глаза на кекропийку как раз в тот момент, когда безглазая голова качнулась вниз.

— Вы не понимаете? — Феромоны придали сообщению аромат, усиливший смысл слов: удовольствие, триумф, дыхательная смерть.

— Понимаю. Все чертовски ясно. А вот как быть с ними? — Ненда махнул рукой в сторону окна. Ж'мерлия и Каллик все еще жались друг к другу на горячей земле, пытаясь укрыться в тени корабля от жарких летних лучей Амаранта. Оба они дрожали, и Ж'мерлия, казалось, старался успокоить хайменопта. — Я готов проделать то, о чем вы говорите, но ни в коем случае не потащу их с собой. Это лишние свидетели.

— Согласна. Мы в них не нуждаемся. То, для чего требуется чувствительность Ж'мерлия к полумикронному излучению, вы умеете сами.

— Вы имеете в виду способность видеть. — Ненда уже открыл люк и звал Каллик. — Слушайте, я не хочу оставлять на них мой корабль. По правде говоря, мне вообще не хочется оставлять корабль здесь. Мы полетим на нем к Пуповине. А Ж'мерлию и Каллик оставим здесь дожидаться нас.

— Я предлагаю сделать совсем не так. — Атвар Х'сиал распрямила ноги и теперь высилась над Нендой, как башня. — Нам не нужно, чтобы у них был доступ и к аэрокару.

— Если я велю, Каллик его не тронет. — Ненда подождал, пока кекропийка не уставилась на него. Феромоны молчали. — Ладно, я согласен с вами. Мы их здесь не оставим. Чем меньше риска, тем лучше... и я не уверен в вашем лотфианине. Как вы с ним справитесь?

— Очень просто. Мы дадим им сигнальный маяк, немного припасов и высадим их где-нибудь в удобном месте между точкой, где мы сейчас находимся, и подножием Пуповины. Когда мы закончим свою работу, то запеленгуем их и вернемся, подберем их, осмотрим участок, где состоится Пробуждение... и отправимся на орбиту до того, как на поверхности все станет дыбом.

— Предположим, что состояние поверхности окажется слишком плохим. Именно там, где мы их высадили. Что тогда? Перри клялся, что так и бывает. Не думаю, что он врал.

— Если состояние Тектона ухудшится слишком быстро, что ж... очень жаль. — Атвар Х'сиал стояла, отвернув голову, а Каллик и Ж'мерлия ждали у открытого входного люка. Оба раба дрожали от страха и напряжения. — Но вы ведь всегда сможете найти себе другого хайменопта. Ж'мерлия

вполне подходящий слуга... мне жаль лишиться его помощи... но, возможно, это придется сделать ради весьма большого успеха.

ГЛАВА 15

8 дней до Летнего Прилива

Естественно, Дари Лэнг села и расплакалась. Но как говорил ей когда-то в детстве дядька Матр, слезы ничего не решают. Так что, поплавав несколько минут, она вытерла глаза.

Поначалу она просто не понимала, что произошло. Зачем понадобилось Атвар Х'сиал, усыпив ее чем-то, бросить в этом пустынном районе Тектона, который они выбрали только потому, что здесь было удобно приземлиться для отдыха? В голову не приходило ничего, объясняющего исчезновение кекропийки.

Сейчас Дари Лэнг находилась за несколько тысяч километров от Пуповины, но слабо представляла, в каком направлении. Никаких средств передвижения у нее не было, оставалась только ходьба. Вывод напрашивался один: Атвар Х'сиал хотела, чтобы она затерялась на Тектоне и погибла во время Летнего Прилива.

Но если это так, то зачем оставлять ей запас провизии? Зачем снабжать дыхательной маской, воздушным фильтром и примитивным водоочистителем? И, самое непонятное, зачем оставлять около нее радиомаяк, который использовался для подачи сигналов бедствия?

Растерянность перешла в огорчение, затем в ярость. В далекие тихие дни на Вратах Стражника она и не предполагала, что будет испытывать подобные чувства, так как привыкла считать себя человеком рассудительным, гражданином логичного и упорядоченного мира. Злость к таким качествам явно нельзя отнести, она затуманивала мыслительные процессы. Но мир вокруг изменился, и Дари изменилась вместе с ним. Накал собственных чувств удивил ее саму. Если ей суждено умереть, она без борьбы не сдастся и будет сопротивляться до конца.

Присев на корточки, Дари тщательно осмотрела каждую оставленную вещь. Водоочиститель представлял собой ячейку

мгновенного испарения и обеспечивал получение чистой, пригодной для питья воды из сильнощелочной. При максимальной производительности ячейки получалось две пинты в день. Консервы в саморазогревающихся банках, оставленные в этой куче, просты и нейтральны по вкусу, питательны, и их должно хватить на несколько недель. Радиомаяк находился в рабочем состоянии, а водоотталкивающее покрывало могло защитить от жары, холода или дождя.

Вывод: если она умрет, то не от голода, холода или жажды.

По правде говоря, это было слабым утешением. Ей грозила смерть куда более скорая и ужасная. Воздух, и без того жаркий, с каждым часом становился все горячее. Каждые несколько минут она ощущала, как земля вздрагивает под ее ногами, словно засыпающий человек, который никак не может найти удобное положение. Хуже всего было то, что ветер крепчал и нес с собой едкую белую пыль, жгущую глаза и придающую всему неприятный металлический привкус. Маска и фильтр почти не помогали.

Она подошла к озеру и увидела прозрачное отражение Гаргантюа в темной воде. Планета становилась с каждым часом все ярче и все больше. До момента наибольшего приближения к Мэнделу было еще далеко, но уже виднелись три его самые большие луны,двигающиеся вокруг Гаргантюа по сильно возмущенным орбитам. Она буквально почувствовала, как силы притяжения Гаргантюа, Мэндела и Амаранта растягивают этих бедолаг в разные стороны. Эти же силы вцепились сейчас и в Тектон. Напряжения в коре планеты достигли огромной величины. Еще немного, и она начнет разрушаться.

Так зачем же Атвар Х'сиал, улетая, оставила пищу и защитные приспособления, если Летний Прилив все равно ее убьет?

Должно же быть какое-то объяснение случившемуся? Надо как следует подумать.

Она скорчилась у воды, выскивая местечко, хоть немного защищенное от летящей пыли. Если бы Атвар Х'сиал хотела убить ее, то могла легко сделать это, пока Дари спала. Однако оставила в живых. Почему?

Потому что Атвар Х'сиал нужно, чтобы она была жива. Ее присутствие оказалось нежелательным из-за какой-то интриги, но она понадобится кекропийке позже. Возможно, из-за чего-то, что Дари знает о Тектоне или о Строителях. Но что?

Поставим вопрос иначе. Что, по мнению Атвар Х'сиал, знала Дари?

Никакого разумного объяснения Дари в голову не приходило, но в данную минуту она в объяснениях не нуждалась. Новая Дари, родившаяся в этот день, решила, что причины поступков не так важны, как сами поступки. Сейчас ей всего важнее было то, что она оказалась отстранена от того, к чему стремилась. Отстранена или устранена на неопределенное время. Возможно, кто-нибудь когда-нибудь вернется за ней. Однако если она ничего не предпримет, то, несомненно, дождаться этого не успеет, умрет. Нет, этого не произойдет. Она не допустит.

Дари встала и оглядела окрестности. Один раз Атвар Х'сиал сделала из нее дуру с этой поездкой по Пуповине. Больше такого не повторится.

Озеро, около которого она стояла, располагалось выше примерно полудюжины сообщавшихся между собой водоемов разного размера (от сотни до четырехсот метров в поперечнике). Ручей, вытекавший из ближайшего к ней озера, водопадом срывался с двухметровой высоты в следующее.

Она поискала глазами на берегу какое-либо убежище. Судя по погоде, необходимо, чтобы оно было надежным: ветер усиливался, и тонкий песок проникал всюду, забивал рот, нос, уши... создавая на редкость неприятное ощущение.

Куда? Куда спрятаться, где укрыться? Ее решимость выжить (она выживет!) все возрастала.

Дари смахнула тонкую песчаную пудру с рук и тела. Землетрясения, конечно, представляют в будущем серьезную опасность, но сейчас самой большой угрозой были всепроникающие острые частички песка. Ей надо каким-то образом защититься от них. Как?

А что делают в таких случаях местные животные?

Вопрос этот возник, когда она глядела на берег озера, истыканный какими-то дырками, явно не случайного происхождения. В это время года животные Тектона не оставались на поверхности, уходя под землю или под воду. Она вспомнила огромные стада белоспинных существ, целеустремленно направлявшихся к воде.

Сумеет ли она сделать то же самое? Дно щелочного пруда не очень-то манило, но по крайней мере там ее пыль не достанет.

Но ведь она не сможет выжить на дне озера. Ей необходимо дышать. Туда никоим образом не удастся захватить запас воздуха.

Она забрела в воду до колен. Вода была приятно теплой, и чем глубже, тем теплее. Судя по наклону дна, на середине ей будет выше головы. Если она зайдет в озеро по шею, а нижний край маски и фильтра будут ниже уровня воды, и снаружи останется только голова... Это избавит ее от пыли.

Но сколько часов можно так простоять? Явно не столько, сколько нужно.

Она пошла вдоль соединяющих озера ручьев, спускаясь с одной скальной ступени на другую. Двухметровая высота первого водопада складывалась из нескольких маленьких порошков. Вода падала с них, переливаясь по скатанным камням, и наконец успокаивалась, попадая в самое большое озеро. Летящая пыль была хуже всего, пожалуй, на самом нижнем уровне.

Она пошла дальше. Это озеро, почти эллиптической формы, имело размеры по крайней мере триста метров в поперечнике и пятьсот метров в длину. Вода из него изливалась сильным потоком, образуя довольно большой водопад, шум которого она слышала шагов за сорок.

Подойдя на шум, она увидела трехметровую стену воды, вертикально падающую в следующее озеро. Взлетающие вверх брызги затуманили ей маску, но вымыли пыль из воздуха. Если она не найдет лучшего места, то потом вернется сюда.

Уже готовая направиться к следующему озерку, она увидела, что водопад стекает с нависающего скального козырька. И за ним есть пространство. Если она сможет пройти сквозь стремительно падающий поток воды так, чтобы ее не унесло, то окажется в убежище, защищенном скалой с одной стороны и водой с другой.

Дари приблизилась к водопаду сбоку и, прижавшись потеснее к скале, попыталась перебраться под струями воды дальше. Когда она углубилась в пенистые брызги, то поняла, что может осуществить свой замысел. Главный поток падающей воды шел мимо нее, изгибаясь аркой над ее головой и отбрасывая к утесу только капли и шум. Как она и надеялась, пространство там было.

Беда оказалась в другом: место это было чересчур мало. Она не могла стоять так, чтобы голова не попадала в поток. И лечь не могла: скальный выступ был слишком неровным. Кроме того, сюда летели брызги и все намокло.

Поначалу расстроившись, Дари одернула себя: чего она ожидала? Роскошных апартаментов, как на Вратах? Речь шла не о комфорте, а о выживании.

Завернувшись в покрывало, она свернется там, спиной к утесу. Большую часть еды и питья оставит снаружи, а когда будет нужно, вылезет из своей пещерки размяться и взять припасы. Там, внутри, можно снимать маску и фильтр, чтобы промывать их от пыли. Пусть там нельзя быть совершенно сухой и толком отдохнуть, но нельзя и замерзнуть. Если понадобится, она там долго проживет.

Три раза возвращалась она за своим снаряжением. В первые две ходки она перенесла к водопаду практически все, за исключением маяка, и долго решала, какие предметы ей взять с собой внутрь, а какие оставить снаружи.

С третьей ходкой было связано очень трудное решение.

Она может перенести радиомаяк к самой высокой точке над озером и, насыпав камни, водрузить на них, чтобы увеличить радиус его действия. Можно постараться увеличить мощность сигнала. Но добьется ли она еще чего-нибудь?

Ведь выбора уже, в сущности, нет. Если Атвар Х'сиал и вернется, дальнейшее будет зависеть только от нее. Кекропийка сама решит, что с ней делать: использовать, спасти или бросить здесь. Еще два месяца назад Дари смирилась бы с неизбежным, но не теперь.

Она завернула маяк в покрывало и занесла его в свою пещерку за водопадом. Затем построила покрывало так, чтобы оно защищало от брызг и ее, и прибор. Время было около полудня, и сквозь поток воды проходило достаточно света.

Медленно и осторожно она выключила маяк и разобрала его. Торопиться не следовало, да и чего-чего, а времени у нее хватало в избытке. Она знала, какие схемы ей понадобятся, но все равно пришлось импровизировать по ходу работы. Взяв высоковольтные шины, она подключила их через трансформатор к преобразователю частот и передатчику. Затем ей пришлось вспоминать давний курс нейроэлектроники. Нужное ей устройство было немногим сложнее нелинейного осциллятора, а в маяке имелось множество сопротивлений и конденсаторов двойного назначения. Испытать результат своих трудов ей было не на чем, но сами внесенные изменения были достаточно просты. Должно сработать. Главная опасность была в том, что генератор мог оказаться чересчур мощным.

Когда она закончила свою работу, Мэндел уже садился. Переделанный маяк вернулся наружу, на свою каменную насыпь, под песчаный ветер в красноватых сумерках Амаранта. Дари ак-

тивировала его и удовлетворенно кивнула, когда замигала контрольная лампочке, показывая, что маяк снова работает.

Осторожно перебравшись за водопад, она завернулась в покрывало и устроилась на уступе скалы. Острые камни впились ей в бока, дождем сыпались брызги, шум воды не утихал ни на мгновение. А Тектон, растягиваемый на дыбе приливных сил, вздрагивал, стонал, снова вздрагивал...

Неужели кто-то сможет заснуть в таких условиях? Дари пожевала сухариков, закрыла глаза и постаралась сосредоточиться на одной мысли: она *борется*. То, что ею сегодня сделано, — это, конечно, немного, но она сделала все, что могла.

А завтра она придумает что-нибудь еще, чтобы спасти себя.

С этой мыслью и недоеденным сухарем в руке она погрузилась в самый спокойный и глубокий сон со времени отъезда из дома.

У Ханса Ребки была еще одна причина для желания остаться одному. Как раз перед их отъездом с Опала он получил очередную шифровку от руководства Круга Фемуса. В суете и спешке отправления у него не было времени ознакомиться с ней, но когда капсула начала спускаться по Пуповине к Тектону, он быстро проглядел сообщение. Ему удалось расшифровать достаточно, чтобы к моменту посадки чувствовать себя весьма неудобно. И эта шифровка жгла ему карман, когда аэрокар нес его на Звездную сторону Тектона. Поставив машину на автопилот и не обращая внимания на развертывающуюся под ним картину, он взялся по-настоящему за работу над сообщением.

Вместо простых числовых и циклических шифров к инвариантно-сходящимся. Это делало разгадку передачи посторонними практически невозможной, но и своим читать ее становилось несравненно труднее, даже при хорошем знании ключа. Ребка почти целиком задействовал бортовой компьютер аэрокара и начал вытягивать символ за символом. Дело осложнялось также случайными потерями текста при передаче по Бозе-сети, что в сочетании с используемым для шифровки случайным криптонимом радости этой работе не прибавляло.

Текст содержал три независимых друг от друга сообщения. Через сорок пять минут терпеливого труда он расшифровал первое, после чего ему захотелось вышвырнуть все дискеты в иллюминатор.

* * *

...член Совета Альянса, направляющийся на Добеллию, носит имя ДЖУЛИУС ГРЭЙВС, а иногда, по-видимому, СТИВЕН ГРЭЙВС. Он был дополнен в свое время внутренним мнемоническим близнецом, предназначенным для расширения памяти. Но этот союз оказался нестандартным. Наши аналитики предполагают возможность неполной интеграции, что может привести к неустойчивому импульсивному поведению. В случае, если Грейвс прибудет на Добеллию и проявит поведенческие отклонения, вам следует предпринять действия для компенсации этих тенденций и нейтрализации любых нелогичных решений, которые он попытается осуществить. Просим иметь в виду, что этот член Совета обладает правом принятия личных решений, превышающим власть любого планетарного правительства. Вам надлежит работать с учетом этих ограничений...

«Спасибо, ребята! — Ребка скомкал бумажку и швырнул ее за плечо. — Он сумасшедший и может делать все, что ему вздумается, но я должен его контролировать и останавливать. А если я этого не сделаю, мне снимут голову! Чудесно!»

Это был еще один пример руководства на расстоянии, когда правительство пыталось контролировать события, происходящие за сотню световых лет от него. Ребка занялся расшифровкой второго послания.

На это ушел еще час. Особого толку от полученного результата не было, но по крайней мере в нем была информация, а не суровое требование совершить нереальное.

...Возможно, это не имеет прямого отношения к делу, но здесь широко циркулируют сообщения из различных независимых источников об изменениях в артефактах Строителей по всему спиральному рукаву. Структуры, считавшиеся стабильными и неизменными по свидетельствам людей и кекропийцев, а также по всем сохранившимся записям зардалу, проявляют функциональные отклонения и меняют физические свойства. Многие исследователи считают, что некоторые опасные артефакты могут оказаться теперь доступными для исследования и проникновения внутрь...

«Спасибо за информацию! — Ребка яростно уставился на компьютер, на экране которого светились эти отвратительные

слова. — Как будто они не помнят, что я собирался исследовать Парадокс как раз перед этим идиотским назначением. Перед тем как эти болваны сорвали меня оттуда».

...одновременно с исполнением других ваших обязанностей вам следует внимательно наблюдать за артефактом системы Добеллии, известным под названием Пуповина, и определить, не имели ли место какие-то существенные перемены в его функционировании или внешнем виде. До настоящего времени сообщений об этом не поступало...

Ребка повернулся и посмотрел туда, откуда летел. Пуповина давно исчезла из виду. Все, что просматривалось на горизонте, — это разорванная линия терминатора, словно нитка оранжевых светящихся бусин. Там начиналось грандиозное извержение. Он взглянул на землю, над которой летел. Там все было спокойно... перешел к третьему сообщению.

Оно с лихвой вознаградило его за два первых. Это был ответ на его, Ребки, собственный вопрос.

...кекропийка, отвечающая вашему описанию, интересуется эволюцией жизненных форм в экстремальных условиях, как вы и сообщали, однако она также известна как крупнейший специалист в области технологии Строителей...

...пользуется разными именами (Агтин Х'риф, Арьож Х'майнеа, Атвар Х'сиал, Агхар Х'саймай) и изменяет свою внешность. Ее можно опознать по сопровождающему рабу-переводчику из семейства лотфиан. Опасна и для людей, и для кекропийцев, ответственна за смерть по крайней мере двенадцати высших разумных существ и двадцати семи условно разумных.

Приложение: Луис Ненда (человек, по неподтвержденной информации, измененный) с планеты Карелла Сообщества Зардалу также направляется на Добеллию. Его сопровождает раб-хайменопт. Подробности неизвестны. Но с Кареллы сообщают, что Ненда также может представлять опасность.

Ни кекропийка, ни карланец не должны быть допущены в систему Добеллии.

Эту распечатку Ребка из аэрокара не выбросил: слишком быстро и слишком высоко он летел. Но ее он тоже скомкал и

швырнул за спину. Более трех часов потратил он на расшифровку этих сообщений, а получил только плохие новости.

Подняв голову, он уставился в лобовое стекло. Амарант находился у него сзади, и оперение аэрокара заслоняло его свет. Он поглядел на запад, чтобы поймать последний отблеск Мэндела, почти скрывшегося за темным диском Опала. Край яркого ободка уже нырнул за горизонт.

Вскоре его глаза привыкли к полумраку кабины, он сразу же заметил слабое мигание крохотной красной пуговки рядом с приборной доской. В тот же самый момент раздалось настойчивое «бип-бип».

Аварийная радиосвязь!

Кожу на затылке закололо от напряжения. Шестьдесят часов до Летнего Прилива. И кто-то или что-то там внизу, на зеленой поверхности Тектона, попал в беду.

Пеленг маяка выводил его на область Тысячи Озер, неподалеку от места, в котором, по мнению Перри, могли находиться близнецы Кармел. Ребка проверил заряд батарей аэрокара. Он был вполне достаточным. При полном заряде каждый аэрокар мог три раза облететь вокруг Тектона и еще сохранить немного энергии про запас. В этом смысле беспокоиться было не о чем. Он послал краткое сообщение Перри и Грейвсу, затем увеличил скорость аэрокара и, не дожидаясь ни одобрения, ни подтверждения, лег на новый курс.

Мэндел все еще был скрыт от глаз, но Гаргантюа стоял высоко в небе, и света его вполне хватало. Ребка смотрел вперед, ведя аэрокар над цепочкой круглых озер, вода которых буквально кипела. Волнение их поверхности очень подходило к его настроению. Нигде, от одного пустынного горизонта до другого, не менее пустынного, не было видно ни малейших признаков жизни. Наверное, чтобы их найти, необходимо заглянуть в воды всех Озер или в глубокие расщелины Пятикопечной впадины. Или еще глубже... самые живучие формы жизни прячутся под колеблющейся поверхностью Тектона. Хватит ли ума у близнецов Кармел поступить так же?

Но, может быть, он уже опоздал? Близнецы не были специалистами по выживанию в экстремальных условиях, а каждую секунду приливные силы, раздирающие планету, становились все сильнее.

Ребка снова увеличил скорость, разогнав аэрокар до предела. Больше сделать ничего нельзя.

Он снова погрузился в тревожные раздумья.

Гравитация, тяготение — самая слабая сила природы. Ядерные силы, электромагнитное взаимодействие и даже слабое взаимодействие, управляющее бета-распадом, превышают действие гравитации на много порядков. Два электрона на расстоянии ста световых лет отталкиваются друг от друга с такой же электрической силой, с какой притягиваются гравитацией два электрона, находящиеся друг от друга на расстоянии в полмиллиметра.

Но приливные силы еще слабее. Они вызываются всего лишь разницей в гравитационных силах, различием в притяжении одной и другой сторон тела. Если гравитация действует по закону обратных квадратов (удваивается расстояние — в четыре раза уменьшается притяжение), то гравитационные приливы — по кубическому (удваивается расстояние — сила уменьшается до одной восьмой, утраивается — сила приливного притяжения падает в двадцать семь раз).

Гравитационная сила прилива должна быть ничтожной. Но это не так. Она хватает миллиарды лун в галактике и заставляет их находиться всегда в одном и том же положении по отношению к их планетам, приливы бесконечно тревожат внутренности планеты, тянут, давят, снимают геологические напряжения, с каждым приливным циклом изменяют форму планеты, и еще рвут в клочья любой предмет, который падает в черную дыру. Так что каким бы крепким ни был пришелец, приливы растреплют его на мельчайшие субатомные компоненты.

Потому что этот кубический закон может легко быть перевернут: половина расстояния — восемь приливных сил, одна треть расстояния — двадцать семь приливных сил, одна десятая расстояния...

При максимальном приближении Добеллии к Мэнделу она находится на одной одиннадцатой своего обычного расстояния. И приливные силы, воздействующие на нее, в тысячу триста тридцать один раз больше.

Это и есть Летний Прилив.

Хансу Ребке все эти основополагающие сведения сообщил Макс Перри, и сейчас, пролетая над Тектоном, он снова перебирал их в памяти. Каждые четыре часа огромная невидимая рука гравитации Мэндела и Амаранта сжимала и тянула Опал и Тектон, стараясь превратить их почти правильные сферы в вытянутые эллипсоиды. А ближе к Летнему Приливу в систему

Добеллии накачивалась приливная энергия, равная по силе дюжине полномасштабных ядерных войн, причем не один раз в день, а дважды.

Ребка посещал в свое время миры, пережившие всеобщую ядерную войну. И, основываясь на этом своем опыте, ожидал увидеть планету с поверхностью, представляющей собой бурлящий и крутящийся хаос, само существование жизни в котором просто невозможно.

Ничего подобного! Он был озадачен и растерян.

Да, небольшие локальные извержения происходили... это было несомненно. Но когда он смóтрел на бегущую под его аэрокарром землю, то не видел ничего мало-мальски похожего на воображаемые им картины.

Что же было не так?

Ребка и Перри не учли факт, известный со времен Ньютона: гравитация — это сила, действующая на все тело в целом. Никакой известный материал не может от нее защититься. Каждая частица, где бы во вселенной она ни находилась, чувствует притяжение любой другой частицы.

Если ядерная война ограничивает свою ярость атмосферой, океанами и самым верхним слоем поверхности планеты, то приливные силы сжимают, тянут и скручивают каждый кубический сантиметр ее вещества. Хватку этих сил ощущают и верхние слои атмосферы, и каждый атом перегрëтого и сжатого ядра планеты.

Осматривая поверхность Тектона, Ребка не обнаружил свидетельств приближающегося Армагеддона. Ошибка его была естественной и легкообъяснимой. Ему следовало бы заглянуть поглубже, и тогда, возможно, в нем зародилась бы искра понимания истинной природы Летнего Прилива.

Когда аэрокар пошел на посадку, усилившийся ветер с визгом гнал по поверхности планеты настоящие пыльные волны. Ребка посадил его прямо в этот прибой, полагаясь, что микроволновые сенсоры предупредят его о слишком больших камнях, которые могут пропороть днище. Все прошло достаточно гладко, но тут возникла другая проблема: поисковый пеленгатор говорил ему, что аварийный маяк находится прямо перед ним, менее чем в тридцати метрах. Но детектор массы настаивал, что по крайней мере в радиусе трехсот метров нет ничего похожего по размерам на аэрокар или космический корабль.

Вглядываться в песчаную бурю было бесполезно. Прямо перед носом аэрокара, в какой-нибудь дюжине шагов, мир кончался стеной летящего песка и мелких камешков.

Ребка снова проверил пеленгатор. Сомнений в местонахождении маяка не было. Он прикинул направление и расстояние от дверцы аэрокара, посидел еще минут пять, прислушиваясь к вою и ударам песчаной бури, но надежда, что ветер хоть немного стихнет, не оправдалась.

Ветер продолжал дуть с прежней силой. Видимость никак не улучшалась. В конце концов Ребка надел очки, респиратор, теплозащитный комбинезон и осторожно открыл дверцу. По крайней мере такая обстановка была ему не в диковинку. Завывание ветра, перегретый и мерзкий на вкус, почти ядовитый воздух — все как дома. С этим он сталкивался в детстве на Тойфеле.

Он шагнул наружу.

Сила, с которой бил ветер с песком, казалась просто невероятной. Тонкие частицы проникали в самые крохотные отверстия его комбинезона, забивались в каждую складочку, впились в тело.

В первые же секунды он ощутил на губах похожую на тальк пыль, просочившуюся сквозь респиратор. Миллионы крошечных острых коготков впились в него, царапали, тянули за одежду. Он упал духом. Здесь было гораздо хуже, чем на Тойфеле. Неужели можно выдержать эту трепку хотя бы час? О пыльных бурях Перри, увлеченный своими вулканами и землетрясениями, его не предупредил. При такой активности атмосферных потоков этой планеты не надо было никаких землетрясений, чтобы сделать ее непригодной для жизни. Ветер с песком, под которым невозможно дышать и от которого никуда не убежишь, справится с любым смельчаком.

Удостоверившись, что страховочная веревка крепко привязана к корпусу аэрокара, Ребка наклонился вперед — буквально лег на ветер — и двинулся в путь. Маяк возник перед ним внезапно, когда до него оставалось меньше четырех метров. Неудивительно, что детекторы массы не зафиксировали его! Он был просто малюткой... самая маленькая сигнальная ячейка, которую ему когда-либо доводилось видеть, квадрат тридцати сантиметров и толщиной не более двух-трех. Из центра его торчала короткая толстая антенна. Стоял он на пирамидке из камней на маленьком пригорке. Кто-то позаботился, чтобы этот слабенький маяк был заметен издалека.

Кто-то. Но кто? И где этот кто-то сейчас? Если это близнецы и они оставили маяк, а сами пошли пешком искать себе убежище, то шансов выжить у них очень мало. Человек без специального снаряжения не пройдет в этом аду и сотню метров. Их задушит забивающаяся в легкие пыль.

Но, может быть, они оставили записку? В каждом маяке имеется специальный ящик для сообщений. Если они ушли не так давно...

«Мне просто хочется так думать», — сказал себе Ребка, снимая перчатку и протягивая руку к откидной панели у основания маяка. Он принял сигнал бедствия около часа назад, однако кто знает, сколь долго посылал маяк свои призывы до того, как их заметили?

Он сунул руку в узкое отверстие. Но как только кончики пальцев коснулись металла, его пронзила жуткая боль. Мучительный спазм пробежал по руке и дальше по всему телу. Все мускулы свело судорогой, причем так быстро, что он не успел даже вскрикнуть. Вытащить руку он не мог и, сложившись вдвое от боли, буквально прирос к маяку-ловушке.

«Нейрогенератор», — промелькнуло у него в голове, и тут же его настиг новый болевой удар, еще сильнее первого. Он не мог вздохнуть. Теряя сознание, он успел только с яростью подумать, какая же все это глупость — и его назначение, и этот дурацкий Тектон, и, главное, какой глупец он сам. На себя он разозлился больше всего.

Он проявил чудовищную глупость, и теперь это его убьет. Опасная Атвар Х'сиал свободно гуляет по Тектону. Он знал об этом еще до посадки и все-таки повел себя как ребенок на пикнике, не подумав даже о простейших мерах предосторожности...

«Я же хотел помочь».

Ну и что? Его рассудок отверг это извинение, когда волна боли скрутила его тело и обожгла мозг в третий и последний раз.

«Ты часто повторял: глупец, позволивший себя убить, помочь никому никогда не сможет...»

И теперь он никогда не узнает, как выглядит этот, черт бы его побрал, Тектон во время Летнего Прилива. Планета выиграла, а он проиграл.

Взметнув песчаную волну, ветер торжествующе взвыл над его бесчувственным телом.

АРТЕФАКТ: СЛОН

ВКА № 859

Галктические координаты: 27548,762/16297,442/-201,33

Название: Слон

Местоположение (звезда/планета): Кэм Х'птиар/Эмзерин

Узловая точка Бозе-сети: 1121

Приблизительный возраст: $9,223 \pm 0,31$ мегалет

История изучения. Открыт в ходе приборной разведки в 4553 г. до Э. Кекропийский исследовательский флот совершил первичный облет С. и его непосредственный осмотр в 3227 г. до Э. Участники той же экспедиции осуществили высадку и проникновение внутрь С., а также измерили его физические параметры (см. ниже). Последующие экспедиции совершили первый траверс С. (2068 г. до Э.), пытались наладить связь с ним (1997, 1920, 1883 гг. до Э. безуспешно), отбирали для исследования пробы его вещества (1882, 1551 гг. до Э.). При каждом последующем посещении отмечались медленные изменения физических параметров и внешнего вида. Постоянная кекропийская станция наблюдения (станция «Слон») основана на Эмзерине (на расстоянии четырех световых минут) в 1220 г. до Э. Наблюдатели-люди впервые появились на станции через 2900 лет, в 1668 г.Э. Этот артефакт находится под постоянным наблюдением в течение пяти тысяч стандартных лет.

Физические характеристики. С. представляет собой удлинённую аморфную газообразную массу длиной приблизительно четыре тысячи километров. Ширина его нигде не превышает девятисот километров. Однако фактически это не газ, а сложная структура, состоящая из взаимосвязанных стабильных полимерных волокон и проводящих каналов. Как целое, она обладает высокой электро- и теплопроводностью (некоторые части — бесконечной, т.е. являются сверхпроводящими).

Опыты по активному воздействию позволили установить, что С. реагирует на любое внешнее возмущение, но затем возвращается в первоначальное состояние со временем релаксации около двадцати лет. Физическое восстановление или ремонт производится за счет посекционного репродуцирования с использованием любых внешних материалов (например, кометных фрагментов), катболически и анаболически превращаемых в нужные компоненты. Местные перепады температуры выравниваются до температуры основного тела $1,63$ К, что соответствует применению в качестве

теплоносителя жидкого He-II. Механизм поддержания температуры ниже 2 К неясен.

Отверстия в С. (включая скважины после отбора образцов длиной до двадцати километров, а также сквозные продольные каналы) замещаются изнутри, с соответствующим небольшим изменением внешних размеров. Внешняя форма поддерживается постоянно. Впечатление о том, что С. аморфен, явно ложное. Если никакого вещества не добавляется или не удаляется из основного тела, размеры и форма С. остаются неизменными с точностью до долей миллиметра в любом направлении.

Предполагаемое назначение. Является ли С. живым существом? Имеет ли С. сознание? Споры об этом продолжаются по настоящее время. Сегодня общее мнение склоняется к тому, что С. является единственным действующим артефактом с ограниченной способностью к самовоспроизводству. Любая удаленная его часть медленно становится инертной по мере того, как уменьшается проводимость, и система теряет свой сверхстабильный характер. Если С. живое существо, то полный отклик его на внешнее воздействие слишком велик (сотни лет), что подразумевает чрезвычайно медленный метаболизм.

Независимо от того, обладает ли этот артефакт самосознанием, следует отметить как явление безусловное, что С. способен функционировать и как целое, и как фрагмент в качестве компьютерного устройства общего назначения. После пионерских работ Демерля и Т'рассига С. широко используется для решения задач, связанных с накоплением и хранением громадного объема информации и ее обработки со средней компьютерной скоростью.

Если С. является разумным и осознает себя как единое целое, то понятия «назначение», «цель создания» к нему неприменимы. Необходимы более тонкие тесты его способности к самосознанию.

Д. Лэнг
«Всеобщий каталог артефактов»,
4-е издание.

ГЛАВА 16

7 дней до Летнего Прилива

— Это похоже на охоту за сокровищами, — сказал Грейвс, медленно шагавший впереди с заложенными за спину руками и напоминавший сейчас задумчивый скелет на полуденной прогулке. — Старая игра детских праздников. Помните?

Макс Перри устался ему в затылок. Он вырос на планете слишком отдаленной и суровой, чтобы позволять себе роскошь детских игр и праздников. Главным сокровищем для него была еда. А самой замечательной игрой, о которой он только и мог сейчас думать, — несомненно, выживание.

— У вас есть улики и подсказки, — продолжал Грейвс. — Первая из них — маяк. Затем указатель, затем тайные пещеры. А затем... если вам повезет... само сокровище!

Аэрокар приземлился на разрушенном эрозией плато в пустынном районе между Тысячей Озер и внешней границей Пятиконечной впадины. Мягкие скалы были изъедены здесь глубокими туннелями и округлыми ямами, словно податливая глина, которую месил стареющий гигант, тыкая то туда, то сюда ревматическими пальцами. Эти метровые дыры были хаотично разбросаны по поверхности плато, некоторые почти вертикальные, глубокие, а некоторые такие мелкие и сглаженные, что их перешагнешь и не заметишь.

— Будьте осторожны! — Перри страшно не нравилась беспечность Грейвса. — Вы не представляете, как легко их края

осыпаются... и не знаете, что там на дне! Вся эта местность кишит разными тварями.

— Успокойтесь, здесь вполне безопасно. — Грейвс шагнул к краю одной из ям и тут же ловко отскочил назад, когда камень стал крошиться и скользить под его ногами. — Абсолютно безопасно. Это вообще не та яма, которая нам нужна. Идите за мной.

Он снова пошел вперед, обходя опасные участки. Перри следовал за ним на безопасном, как он надеялся, расстоянии. Они ожидали, что найдут рядом с маяком аэрокар, возможно, поврежденный при аварии, и были оба удивлены, когда там ничего, кроме самого маяка, не оказалось. Рядом с ним на белом меловом утесе была проведена черная стрела. Она указывала прямо на темный, круто спускающийся вниз туннель, у входа в который Грейвс остановился и заглянул внутрь. Рядом со стрелой была неуклюжая надпись: «Сюда!»

— Необычайно интересно. — Грейвс наклонился ниже. — Мне кажется...

— Не подходите так близко, — воскликнул Перри, когда Грейвс двинулся вперед. — Этот край... что, если он такой, как у той ямы?

— А-а, чепуха. — Грейвс попрыгал несколько раз. — Видите, твердый камень, как на Альянсе. Перед тем, как прибыть на Добеллию, я читал отчеты... на Тектоне нет опасных животных.

— Ну конечно, вы читали отчеты, а я их писал. Мы еще очень многого о Тектоне не знаем. — Перри осторожно подобрался к входу в туннель и заглянул вниз. Скала казалась достаточно прочной и старой. Для Тектона это хороший признак, означающий, что поверхность здесь вполне стабильна и выдержала не один удар Летнего Прилива. — Во всяком случае, дело не только в животных. Если там окажется грязевая яма, тоже ничего хорошего. Вы ведь не знаете глубины туннеля. Прежде чем лезть туда, давайте хотя бы прослушаем его.

Он поднял кусок белого камня с кулак величиной и бросил его вдоль туннеля. Оба они наклонились вперед, ожидая услышать удар по дну... Две секунды тишины, а затем глухой стук, протестующее фырканье и удивленный свист.

— Да-а! Это не камень и не грязевая яма. — Грейвс щелкнул пальцами и пополз вниз по крутому склону, светя фонариком перед собой. — Там внизу близнецы Кармел. Я же гово-

рил вам, командор, чего ждать... маяк, стрелка, пещера и затем... Ну и ну! Мы оба были не правы.

Перри, следовавший за ним в нескольких шагах, изогнул шею, стараясь заглянуть вперед. Узкий луч фонарика отразился от полоски блестящих черных глаз. Навстречу им по склону медленно двигалось маленькое, покрытое черным мехом тельце. Мех был густо припорошен белой пылью и казался серым. На их глазах хайменопт потерял среднюю секцию своего брюшка передней лапкой и отряхнулся, как собака при выходе из воды. Облако белой пыли поднялось к потолку туннеля.

Снова раздался свист и — клик-клик-клик — зацокали суставчатые ноги.

— Каллик выражает свое почтение и повиновение, — произнес знакомый шипящий голос, и из-за поворота туннеля появился Ж'мерлия. Он тоже был весь покрыт белым тальком. — Она хорошая рабыня и преданная служанка. Она спрашивает, почему вы бросаете в нее камни? Это приказал ее хозяин?

Узкое лицо лотфианина не было приспособлено для выражения человеческих эмоций, но в тоне его голоса звучали недоумение и тревога. Вместо ответа Грейвс скользнул по туннелю дальше, туда, где он переходил в маленькую пещерку с ровным полом, покрытым гипсовым песком. Он оглядел расширенное пространство и кучку предметов посредине.

— Вы здесь сидели в темноте?

— Нет. — Фасеточные глаза Ж'мерлии засверкали в свете фонарика. — Здесь не темно. Мы оба хорошо видим. Вам нужна наша помощь?

Перри, который не спеша следовал за Грейвсом по туннелю, протиснулся мимо него и, протянув руку, коснулся потолка.

— Видите это? Трещины. Недавние. Я убежден, что нам нельзя здесь долго оставаться. Что вы здесь делаете, Ж'мерлия?

— Как что? Ждем. Нам так велено. — Лотфианин обменялся серией быстрых свистков с Каллик, затем продолжил: — Наши хозяева привели нас сюда и велели ждать их возвращения. Что мы и делаем.

— Атвар Х'сиал и Луис Ненда?

— Конечно. Хозяева никогда не меняются.

— Значит, Ненда не улетел из Добеллии. Когда хозяева оставили вас?

— Два дня назад. Сначала мы ждали на поверхности, но условия там очень нам не понравились: слишком жарко, слиш-

ком открыто, слишком трудно дышать. А вот здесь, под землей, уютно...

— Уютно? Да ведь свод вот-вот обрушится! Когда они обещали вернуться?

— Они не сказали. Зачем им говорить это? У нас еда, есть вода, мы здесь в безопасности.

— Не стоит дальше расспрашивать, командор. — Грейвс закончил обследовать пещерку и, стоя на коленях, протирал глаза от пыли, летевшей при каждом движении. — Атвар Х'сиал и Луис Ненда никогда не сообщили бы свои намерения Ж'мерлии. Зачем это им, как верно сказал Ж'мерлия? Чтобы облегчить нам их розыск? — Он заговорил театральным шепотом. — Если они вообще собираются вернуться за ними! Возможно, они их просто бросили здесь. Но и это тоже не тот вопрос. А настоящий вопрос в другом. Я задаю его себе, и в голову приходит лишь один ответ, который мне очень не нравится. Куда отправились Атвар Х'сиал и Ненда? Куда они могли отправиться на Тектоне накануне Летнего Прилива? Почему они не могли или не захотели взять с собой Ж'мерлию и Каллик?

Как бы в ответ на этот вопрос пол пещеры дрогнул. Легкое землетрясение не разрушило свод, но взметнувшаяся белая пыль окутала всех четверых.

— Мне все равно... тьфу!.. куда они направились. — Перри с трудом сдерживал кашель. — Я беспокоюсь о нас и о том, что нам дальше делать.

— Мы отправимся дальше искать близнецов Кармел. — Грейвс снова тер глаза; выглядел он сейчас как цирковой клоун.

— Разумеется. А куда? И когда? — Перри все время ощущал, как бежит время, а Грейвс, видимо, на это не обращал внимания. — До Летнего Прилива осталось всего пятьдесят пять часов.

— Времени вполне хватит.

— Нет. Вы считаете, что у вас есть пятьдесят пять часов и до их истечения все будет в порядке. Это совершенно неверно. Всякий, кто останется на поверхности Тектона за пять или даже за пятнадцать часов до Летнего Прилива, может считать себя покойником. Если мы не найдем близнецов очень скоро... в ближайшие десять — двенадцать часов... они тоже умрут. Потому что нам придется прекратить поиск и возвращаться к Пуповине.

Слова Перри наконец стали доходить до советника. Грейвс выпрямился, склонил лысую голову и вздохнул.

— Ладно. У нас нет времени на споры. Давайте искать близнецов.

— А что с этими двумя? — Перри кивнул в сторону Каллик и Ж'мерлии.

— Естественно, они пойдут с нами. Атвар Х'сиал и Луис Ненда могут никогда не вернуться — или вернутся слишком поздно, или не смогут запеленговать маяк... вы же говорили, что сигнал его слабеет.

— Слабеет. Согласен, мы не можем просто оставить их здесь. В аэрокаре места хватит на всех. — Перри повернулся к Ж'мерлии и Каллик. — Пошли. Давайте выбираться отсюда.

Когда они не двинулись с места, он дотронулся до тонкой лапки Ж'мерлии и потащил его за собой к выходу из туннеля.

К его удивлению, лотфианин воспротивился.

— Приношу свои глубочайшие извинения, командор Перри. — Ж'мерлия уперся всеми шестью своими лапками и пригнулся так, что его тонкое брюшко коснулось каменного пола. — Люди гораздо более высшие существа, чем я или Каллик, мы это знаем и постараемся делать то, что вы нам велите. Но Атвар Х'сиал и Луис Ненда приказали нам оставаться на этом месте. Мы должны ждать их возвращения.

Перри обернулся к Грейвсу:

— Ну? Они не хотят делать то, что велю я. А ваше прямое приказание они выполняют?

— По всей видимости, нет. — Советник невозмутимо поглядел на Ж'мерлию. — Как? Выполните или нет?

Лотфианин передернулся и еще сильнее прижался к пыльному полу.

Грейвс кивнул.

— Вот вам и ответ. Видите ли, командор, мы ставим их в невыносимое положение. Хотя они приучены повиноваться нам, они не могут нарушить приказ своих хозяев. У них сильно развит инстинкт самосохранения, но они не видят здесь опасности. Однако у меня есть альтернативное предложение... которое, возможно, они примут. Оставить их здесь...

— Их нельзя здесь оставить. Они умрут.

— Не насовсем, но мы сейчас рядом с Пятиконечной впадиной; поищем там близнецов, а этих двоих обеспечим свежими батареями для их радиомаяка и потом вернемся за ними незави-

симо от того, будут успешны наши поиски или нет. К тому времени, возможно, Атвар Х'сиал и Ненда тоже вернутся. Если же нет, то как только станет ясно, что поверхность Тектона опасна, мы снова попытаемся уговорить чужаков поехать с нами.

Перри продолжал колебаться. Наконец он мотнул головой.

— По-моему, мы можем сделать лучше. — Он обернулся к Ж'мерлии. — Вам было приказано не покидать место, где Атвар Х'сиал и Луис Ненда вас бросили?

— Совершенно верно.

— Но вы уже покинули это место... когда спустились в туннель. Значит, у вас есть какая-то свобода передвижения. Как далеко вы с Каллик согласны отойти?

— Одну минутку, подождите, пожалуйста. — Ж'мерлия отвернулся от Перри и повел диалог свистками с хайменопткой, которая все это время совершенно неподвижно сидела на полу. Наконец он кивнул. — Это не столько вопрос расстояния, сколько времени. Отдалиться на несколько километров можно. Мы с Каллик согласны, что пешком нам далеко не уйти. Но если вы уверены, что мы сможем вернуться сюда часа через три-четыре, то мы готовы поехать с вами в аэрокаре на большое расстояние.

Грейвс покачал головой.

— Четырех часов будет недостаточно. Командор, как велика Пятиконечная впадина?

— Грубо говоря, что-то около ста пятидесяти километров в поперечнике.

— Близнецы могут быть и в ней, и на другой ее стороне. Я уверен, что мы найдем их, если у нас будет достаточно времени, но за несколько часов мы не успеем как следует просканировать местность. Нам придется все-таки оставить этих двоих здесь, а потом вернуться за ними.

Каллик вдруг разразилась свистом и серией возбужденных пощелкиваний.

— Но возвращение сюда все равно урежет время поиска. — Перри не обращал внимания на хайменоптку. — Если эти двое чужаков...

— С величайшим почтением, камандор, — вмешался Ж'мерлия, впервые в жизни прерывая человека. — Но со времени нашей встречи на Опале я обучал ее человеческому языку. Она уже понимает кое-что, хотя сама разговаривать еще не может. Теперь она спрашивает меня, правильно ли она поняла, что вы сейчас ищите других людей на Тектоне?

— Безусловно, ищем... если только когда-нибудь вылезем из этой пещеры! Поэтому хватит разговаривать, нам надо...

На этот раз его прервала сама Каллик. Подбежав к Перри, она встала на цыпочки и издала серию быстрых свистящих воплей.

— С величайшим почтением, — забормотал Ж'мерлия, прежде чем Перри успел открыть рот. — Она хочет сообщить вам, что на поверхности Тектона есть еще один космический корабль.

— Мы знаем. Тот, на котором Каллик и Луис Ненда прибыли сюда с Опала.

— Нет, не тот. Перед тем как приземлиться, хозяин Каллик из осторожности осмотрел планету, беспокоясь, что здесь устроена какая-то ловушка. Он заметил след космического корабля с Бозе-двигателем. Каллик говорит, что он похож на корабли Альянса, которые совершают переходы по Бозе-сети. Она считает возможным, что именно на этом корабле прибыли сюда люди, которых вы ищете.

Каллик снова зафыркала и засвистела. Ж'мерлия кивнул.

— Она говорит, что этот корабль всего в сотне километров отсюда, в нескольких минутах полета. Каллик спрашивает, интересуется ли он вас и хотите ли вы, чтобы она показала вам, где он?

ГЛАВА 17

«Сколько надо человеку в прошлых жизнях нагрешить, чтоб на Тойфеле проклятом в наши дни рожденным быть?»

Обязанности семилетних по воде определялись регламентом, точным и безжалостным.

Надень костюм, проверь баллон с воздухом, пристегни респиратор, подойди к шлюзу.

Предупреждение: открывать можно, только когда стихнет ветер на поверхности, за пять с половиной минут до первого света, после того, как ночные хищники спрячутся в свои пещеры. Будь на месте точно в срок, или в этот день еды не получишь.

Оказавшись снаружи: выброси вчерашние отбросы (время опорожнения 24 секунды), поднимись на двадцать четыре сту-

пеньки к источнику чистой воды, который бьет на середине утеса (33 секунды), вымой пластмассовые контейнеры (44 секунды), прополощи фильтры (90 секунд), заполни водой канистры (75 секунд), спустись (32 секунды), вернись в шлюз и выполни действия по его закрыванию (25 секунд).

Запас времени на ошибки: семь секунд. *Если на ступеньках или при открытом шлюзе тебя настигнет Ремулер-Точильщик, страшный предрассветный ветер Тойфеля, ты погиб.*

Ретка знал эти правила. И внезапно понял, что опоздал. Он едва мог в это поверить. Обычно, когда наступала его очередь идти за водой, он возвращался с утеса раньше отведенного времени, единственный, кому хватало времени и уверенности в себе, чтобы задержаться в шлюзе и в течение нескольких секунд, пока он не начал закрываться, посмотреть на суровый пейзаж Тойфеля, на колючую причудливую растительность. Слои, выходящие на поверхность утеса, еще нельзя было различить в темноте, но он знал, как они выглядят: тускло-пурпурные с серыми и бледно-красными прожилками. Полоска неба над ущельем светлела, предвещая восход. Он видел, как начинали бледнеть звезды, и высокие облака из черных становились розовато-серыми. Это было необыкновенно красивое зрелище. Оно всегда волновало его.

Но только не сегодня. Струйка родниковой воды еле сочилась, и канистры никак не хотели наполняться. Уже прошло почти пять минут, а он всё еще был на верхней ступеньке, и маска на лице все время запотевала. Он должен был уходить с наполовину пустыми канистрами. Сию же минуту.

«Время, отведенное на спуск, — 32 секунды, вернись в шлюз и выполни действия по его закрыванию — 25 секунд».

Он несся вниз по ступенькам, забыв об осторожности; он знал, что может произойти. Если Ремулер ударит, когда он будет еще на верхних ступеньках, его выдует из ущелья, как сухой листок, и никто никогда больше его не увидит.

Так случилось с Розамундой.

На половине лестницы рассветный ветер не так силен, но он сбрасывает свои жертвы в ущелье и бьет их о каменные столбы. Оттуда они достали тело Джошуа, вернее, то, что осталось от него после дневных хищников.

Если он доберется до последних, скажем, трех-четырех ступенек, ветер не сможет унести его самого, но он сорвет с него респиратор, оторвет его от перил, как бы он ни цеплялся за

них, и покатит в каверну с кипящей ядовитой водой, которая бурлит под родником. Ли болтало там девять часов, прежде чем удалось ее вытащить. Но не всю. Сварившееся мясо отваливалось от костей, и куски его проходили сквозь ячейки сети.

Еще двенадцать шагов. Ремулер настаивает. Осталось двадцать секунд, пылевые смерчи крутятся в ущелье, а вот и приглушенный вой еще далекого ветра и шум проливного дождя. Ноги скользят на ступенях. Если у шлюза кто-то стоит, у него еще есть шанс.

В преданиях Тойфеля говорилось, что если бросишь контейнеры с водой и ляжешь плашмя на пол, то может быть... только может быть... удастся сохранить на себе респиратор и дожидаться, пока шлюз не закроется совсем. Но Ребка никогда не встречал человека, поступившего подобным образом. А наказание за то, что вернулся без воды... или еще хуже, без канистр... было суровым.

Но не таким суровым, как смерть.

Еще шесть шагов до шлюза.

Время шло. Он бросил канистры. В ушах прозвучал странный жалобный крик, его тело подняло и потащило по каменной поверхности. Холодная вода обливала его голые руки и ноги. Респиратор сорвало с лица. По крайней мере смерть будет скорой.

Но он еще не был готов к смерти. Он пытался вернуться, вырваться у той силы, которая его держала, он тянулся руками к респиратору, стараясь схватить его и надеть.

Его скрюченные пальцы наткнулись на человеческие руки. Потрясение от этого было настолько велико, что несколько секунд он вообще не мог шевельнуться.

— Ханс! Ханс Ребка! — снова зазвучал призыв, и на этот раз он смог его понять.

Он открыл глаза, чтобы бросить прощальный взгляд на темное небо Тойфеля, но вместо бегущих по небу разорванных в клочья ветром розоватых облаков увидел перед собой мерцающий блеск текущей воды. На фоне этого потока, обрамленное им, над ним склонилось серое, в потеках грязи лицо с открытым от напряжения, задышающимся ртом.

Это была Дари Лэнг.

Когда Дари поняла, что она наделала, то готова была сесть и снова расплакаться.

Проснувшись, она выползла из своего водяного убежища и поспешила к маяку. Сквозь пелену летящего песка она увидела фигуру, лежавшую ничком на пирамидке камней, и первым ее ощущением была огромная радость. Это проучит Атвар Х'сиал! Больше кекропийка не будет никого так бессердечно бросать на верную смерть, даже не объяснив почему.

Но когда Дари подошла поближе, она увидела, что это вовсе не кекропийка. Это был человек... мужчина... Боже мой, это был Ханс Ребка!

Она закричала и рванулась к нему. Пыль Тектона была для него так же смертельна, как и для нее. Если он умрет, она никогда, никогда не простит себе этого.

Ханс, Ханс, прости меня!..

Он был без сознания и не слышал ее. Но это был обморок, а не смерть. Дари нашла в себе силы взвалить его на плечи... он оказался неожиданно легким... и понесла его в свое укрытие за водопад. И когда она опустила его на каменное ложе, глаза его открылись. Этот недоумевающий взгляд был самым прекрасным выражением, которое она когда-либо видела на человеческом лице.

В течение двадцати минут она наслаждалась, ухаживая за ним, как он отплевывался, чертыхался, высмаркивал пыль из носа. Было величайшим удовольствием просто сознавать, что он жив. А затем — она еще не успела до конца почувствовать, что он пришел в себя и может двигаться, — он вскочил на ноги и потащил ее за собой наружу.

— Здесь опасно, что бы вы ни думали о своей пещере. — У него ломило руку от кисти до плеча, разряд нейрогенератора до сих пор ощущался в каждом нерве. — Через несколько часов этот водопад станет кипятком. Идет Летний Прилив, Дари, и есть только один путь к спасению. Идемте.

Дари едва успевала за ним. Оказавшись возле аэрокара, Ребка стал быстро его осматривать. Через пару минут он покачал головой и сел на корточки.

— Не важно, куда делась Атвар Х'сиал и вернется ли она сюда обратно. Мы в этом далеко не улетим. — Он залез под аэрокар и провел рукой по решетке воздухозаборника. — Поглядите сами.

Пыльная буря стихала, но входные тракты двигателя забило песком. Когда Ребка вычистил его, поверхность металла оказалась изъеденной.

— Это из-за полета сквозь бурю и посадки здесь. — Он поставил решетку на место. — Думаю, что на один короткий рейс их хватит, но на большее рассчитывать нечего. Кроме того, мы не выдержим еще одну песчаную бурю. Если мы на нее напоремся, придется подняться выше и пережить наверху. Разумеется, если нам хватит энергии... и не будет чрезмерно сильного встречного ветра, иначе мы погибли.

— А как же близнецы Кармел? Вы же ищите их? — Дари Лэнг сидела скорчившись под аэрокаром. Она уже объяснила Ребке, почему поставила свою ловушку и как ее бросила Атвар Х'сиал. Он, казалось, принял эти объяснения спокойно и сразу же отбросил их, как маловажное в этот момент. Но ей было стыдно смотреть ему в глаза.

Она понимала, в чем дело. Ловушка была не столько призвана защитить ее от Атвар Х'сиал, если та вернется, сколько стать орудием мщения за то, что Атвар Х'сиал сделала. И на тебе! Ее торпеда сбилась с курса и ударила не того, кого надо.

— Мы не в силах помочь близнецам, — ответил Ребка. — Будем надеяться, что Грейвсу и Перри повезет больше, чем мне. Может быть, они их найдут или им поможет космический корабль, который вы видели с Ж'мерлией. Правда, я в этом сомневаюсь, если в нем тот, о ком я думаю.

— Луис Ненда?

Он кивнул и отвернулся, стремясь выглядеть спокойным и небрежным. Во-первых, он так легко попался в ловушку Дари, что его это смущало. Следовало проявить большую осторожность. Пять лет назад он все проверил бы на присутствие ловушек, а в эту попался, как дитя.

Во-вторых, за прошедшие годы он привык к тому, что его сны о детстве на Тойфеле — верный индикатор тревоги. Это подсознание предупреждало его о чем-то важном. Он видел эти сны только на пороге какой-нибудь беды и когда не знал точно, откуда она придет и в чем будет заключаться.

В-третьих... и это усиливало его беспокойство по поводу двух первых причин... За время, прошедшее с его посадки у радиомаяка, Тектон изменился. На первый взгляд казалось, что эта перемена к лучшему. Ветер стих, песчаные вихри улеглись, и теперь повсюду лежало сантиметровое покрывало из пепла. Даже гул далеких вулканов, казалось, стал тише.

Но это было невероятно! До Летнего Прилива оставалось менее сорока часов. Амарант висел прямо над головой громад-

ным кровавым глазом, Мэндел, дальше к западу, снова увеличился вдвое, а Гаргантюа стал настолько ярким, что был виден в полдень. Приливной энергии, потоком вливавшейся внутрь Тектона и Опала, хватило бы, чтобы раз и навсегда изменить их внешний вид.

Так где же эти изменения?

Конечно, даже на Тектоне энергия могла где-то скапливаться, она могла переходить в другую форму. Так, может быть, она накапливается внутри планеты за счет какого-то неизвестного физического процесса?

— Полагаю, можно остаться здесь и пересидеть все это, — сказала Дари Лэнг, оглядываясь по сторонам. — Давно здесь не было так тихо. Если не станет хуже, чем было...

— Нет. Станет гораздо хуже.

— Насколько хуже?

— Точно не знаю.

Это было явным преуменьшением. Он просто понятия не имел, насколько может все ухудшиться. Впрочем, это было не важно. «С Тектона нам надо убираться, — шептал ему внутренний голос, — или мы погибнем». Он радовался, что Дари не может слышать этот голос, но сам привык верить ему.

— Нам надо отправляться, — повторил он. — Сию же минуту, если вы готовы.

— Куда отправляться?

— К Пуповине, а затем на Станцию-на-Полпути. Там мы будем в безопасности. Но нельзя долго ждать. Пуповина запрограммирована подниматься с поверхности Тектона на время Летнего Прилива.

Она посмотрела на хронометр.

— Она поднимается за двенадцать часов до высшей точки Летнего Прилива, то есть через двадцать семь часов. А нам до нее одни добелльские сутки. У нас еще много времени.

Ребка захлопнул дверцу аэрокара.

— Мне нравится, когда у меня много времени. Поехали.

— Ладно, — улыбнулась она ему в ответ. — Но вы видели Тектон больше, чем я. Как вы думаете, что здесь произойдет по время Летнего Прилива?

Ребка глубоко вздохнул. Она старалась быть с ним ласковой и даже хуже: она решила, что он нервничает и нуждается в том, чтобы его успокаивали. И беда в том, что это соответствовало действительности. Он в самом деле слиш-

ком нервничал. Он не знал почему... возможно, оттого, что его уже разок крепко надули на Тектоне, когда он пренебрег опасностью, а она была. И повторять ошибку не хотелось. Каждый нерв, каждая клетка его кричали, чтобы он убирался с Тектона, и поскорее.

— Дари, я с удовольствием обменяюсь с вами соображениями по поводу Летнего Прилива, — он не сердился, что она поймала его в ловушку, пожалуй, даже зауважал ее за это, — но я предпочитаю заняться этим, когда мы будем на Пуповине, а еще лучше — по дороге к Станции-на-Полпути. Можете считать меня трусом, но эта планета пугает меня. Поэтому, пожалуйста, подвиньтесь и пустите меня к управлению...

ГЛАВА 18

5 дней до Летнего Прилива

«Летний сон» был очень хорошо спрятан.

Пятиконечная впадина представляла собой весьма заметную деталь рельефа Тектона. Стопятидесятикилометровая вмятина, вся заросшая буйной яркой растительностью, она была видна даже из космоса с расстояния в полмиллиона километров, как гигантская морская звезда, распластавшаяся зеленым пятном на сером пыльном теле Тектона. Впадина была также самой низкой точкой поверхности планеты. Пять ее долин расходились радиально, как простертые руки, из центральной низины, расположенной на восемьсот метров ниже уровня окружающей равнины.

Маленький космический кораблик приземлился рядом с серединой протянутой на север руки Пятиконечной, в том месте, где сплошное море растительности нарушалось черным плоским островком базальта. Но корабль сел около лысого верха покатой площадки и съехал почти к самому ее краю. От посторонних глаз его защищала молодая поросль. Размером не больше аэрокара, «Летний сон» прятался под пятиметровым навесом из листвы. Он был пуст, все системы жизнеобеспечения бездействовали. Только остаточное излучение Бозе-двигателя выдавало его присутствие.

Макс Перри стоял внутри брошенного корабля и с удивлением оглядывался по сторонам. Голова его почти касалась потолка, а вся каюта была не более трех метров в поперечнике. Крохотный камбуз располагался всего в шаге от входного люка; еще шаг — и ты уже у пульта управления.

Он оглядел дисплеи на пульте с двумя десятками разноцветных рычажков и индикаторов и покачал головой.

— Вот чертова игрушка! Я и не подозревал, что можно войти в Бозе-сеть на такой малютке.

— Считается, что нельзя. — Грейвс хорошо владел собой. Совсем здравомыслящим он не казался, но пальцы его стали меньше подергиваться, а выражение костистого лица не менялось с сумасшедшей быстротой. — Он был построен как туристическое судно для прогулок внутри планетной системы. Его конструкторы не рассчитывали, что сюда поставят Бозе-двигатель, и уж конечно, никто не думал, что его используют для стольких Бозе-переходов. Но это же Шаста: дети правят планетой. Близнецы Кармел уговорили родителей пойти на это. — Он повернулся к Ж'мерлии. — Не будете ли вы так добры сказать Каллик, чтобы она ничего не трогала, пока не произошло беды.

Маленькая хайменоптка подобралась к двигателю, сняла кожу и заглядывала внутрь. Услышав слова Грейвса, она обернулась.

— Не беспокойтесь, — перевел Ж'мерлия, выслушав серию шелчков и свистков. — С величайшим почтением Каллик сообщает, что, напротив, это устройство совершенно безопасно. Понимая, что такому невежественному существу не следует рассуждать о столь сложном предмете, как Бозе-двигатель, она все же уверена, что энергия этой ячейки исчерпана. Ею больше нельзя пользоваться. Сомнительно, чтобы корабль смог подняться отсюда даже на самую низкую орбиту. Она уже подозревала это из-за слабости сигнала, полученного на корабле ее хозяина.

— Это объясняет, почему близнецы так и не покинули Тектон, — бросил Перри, просматривавший компьютерный бортовой журнал. — Я восстановил последовательность их переходов по Бозе-сети, которая привела их на Добеллию. Они должны были сделать еще пару скачков и оказались бы уже на территории Зардалу, однако из-за отсутствия энергии застряли здесь. Они могли подзарядиться на Станции-на-Полпути, но

не догадались. А лететь на Опал побоялись, потому что там мы бы сразу засекали их появление.

— К сожалению, засесть здесь мы их не смогли. Так как же их найти? — Грейвс подошел к двери и заглянул в нее, шелкая суставами пальцев. — Я, знаете ли, заслуживаю порицания. Я полагал, что, когда мы найдем корабль, они окажутся рядом и наша работа на этом закончится. Мне в голову не приходило, что они совершат такую глупость и, оставив корабль, отправятся бродить по планете.

— С этим я могу помочь. Но даже если мы найдем этих беглецов, что вы с ними сделаете?

— Предоставьте это мне. В своей области я знаю, что делать и как. Все мы рабы стереотипов, командор. Считаю привычным простым, а непривычным таинственным. — Грейвс махнул худой рукой в сторону Пятиконечной. — Вот это для меня тайна. Они прячутся где-то там, но почему они покинули корабль с его пусть относительной, но все-таки безопасностью и отправились туда?

С корабля все выглядело как единая зеленая масса зарослей, пышных и совершенно непроходимых. Из-за подземных толчков они непрерывно раскачивались, и от этого казалось, будто они словно нервничают и как бы сознают, что происходит.

— Близнецы отправились туда, потому что считали, что там безопасно и никто их там не найдет. Но я найду их. — Перри бросил взгляд на часы. — Нам надо торопиться. Уже несколько часов, как мы ушли от маяка. Ж'мерлия, — он обернулся к настороженному лотфианину, — мы обещали доставить вас обратно через четыре часа. И сделаем это. Пойдемте, советник. Я знаю, где их найти... живых или мертвых.

Снаружи воздух казался густым и каким-то давящим. Здесь было градусов на десять жарче, чем на равнине. Черный базальт дрожал под ногами, горячий, трепещущий, как чешуйчатая шкура гигантского зверя. Перри двинулся вдоль края скалы, внимательно осматривая его.

Грейвс следовал за ним, непрерывно вытирая пот со лба.

— Если вы надеетесь обнаружить их следы, должен вас разочаровать...

— Нет. Следы воды. — Перри присел на корточки. — Следы потоков. На Тектоне множество и озер, и прудов. Местные животные неплохо переносят жару, но они пьют воду, которую ни вы, ни я пить не сможем. Как только близнецы Кармел покинули свой корабль, им понадобилась нормальная вода.

— Может быть, у них есть очиститель?

— Он им необходим... Чистая вода на Тектоне — понятие относительное. Так же как и мы, Елена и Джени Кармел пить здешнюю воду не смогут. — Перри провел рукой по гладкому камню. — Если они живы, то будут недалеко от воды. И не важно, куда они направились сначала. Если они вышли отсюда (а судя по тому, что «Летний сон» стоит здесь, так оно и было), то в конце концов придут к одной из промоин. Хотя бы к этой, она заметна издалека. Вон там дальше — другая, почти такая же четкая, но скальная площадка здесь слегка наклонена, и мы находимся на ее низкой стороне. Попробуем сначала поискать здесь.

Перри осторожно перебрался через край площадки. Грейвс последовал за ним, морщась от прикосновений к базальту. Камень нагрелся настолько, что обжигал едва ли не до волдырей. Перри быстро съехал по тридцатиградусному склону и, пробив стену пурпурных зарослей, скрылся из виду.

— Подождите! — Защищая глаза, Грейвс вскинул руки, которые тут же покрылись глубокими порезами от листьев с зазубренными краями. Но живая изгородь вскоре кончилась, и он оказался под деревьями, на нижнем ярусе Пятиконечной впадины. Потирая исцарапанную макушку, Грейвс поднялся на ноги.

Здесь царили голубовато-зеленые сумерки. Среди деревьев носились какие-то маленькие существа. Джулиус Грейвс решил было, что это насекомые или очень мелкие птицы, но, справившись у Стивена, узнал, что это псевдокишечнополостные, больше всего похожие на летучих медуз. Испугавшись пришельцев, они с громким писком скрылись в чаще. Грейвс поспешил за Максом Перри. Буквально через несколько метров под зеленым пологом стало еще жарче.

Перри шел вдоль каменного русла, протискиваясь между липкими желтыми стволами и торчавшими тут и там странными двухметровыми грибами. Откуда-то сверху на них обрушились тучи мошкар, облепившей незащищенные лица и руки.

— Они не кусаются, — бросил через плечо Перри. — Только не останавливайтесь.

Грейвс отмахивался от мошек, стараясь уберечь глаза, и гадал, почему Перри не захватил маски и респираторы. Он так задумался, что забыл, где находится, и тут же уткнулся Перри в спину.

— Что-нибудь обнаружили?

Перри, покачав головой, указал вниз. В двух шагах впереди сухое русло обрывалось в пропасть. Грейвс бесстрашно наклонился и заглянул вниз, но дна не увидел.

— Будем надеяться, что они не там. — Перри уже поворачивал назад. — Пошли.

— А если другое русло окажется таким же? — Грейвс снова захрустел суставами пальцев.

— Тем хуже. Тогда нам понадобится придумать что-то другое, а времени на это у нас нет. Придется беспокоиться о себе.

Чтобы не лезть снова по скальному склону вверх, они решили пробраться ко второй промоине прямо через лес. В стороне от водостока растительность была гуще. Прочные побеги бамбука, доходившие им до колен, царапали сапоги, прорезали насквозь ткань костюмов. Едкий сок, проникая в царапины и порезы, жег как огнем. Перри ругался, но не замедлял шаг.

Еще через двадцать минут он остановился и ткнул рукой вперед.

— Вот вторая промоина. Кто-то здесь проходил, и не один раз.

Серо-зеленая «осока» вдоль края сухого русла была примята. На раздавленных стеблях виднелись коричневые пятна высохшего сока.

— Может, это животные? — Грейвс наклонился потереть исцарапанные икры и лодыжки, которые начали безумно чесаться.

— Может быть, — Перри наступил на нетронутый стебель, чтобы оценить его прочность, — но сомневаюсь. То, что их расплющило, должно было весить примерно столько же, сколько человек, а животные, которые водятся в Пятиконечной, весят раза в четыре меньше. По крайней мере найти их теперь не составит труда.

Он двинулся по краю русла, стараясь не терять из виду протоптанную в траве тропинку. Зеленый сумрак становился все гуще, но след был хорошо виден. Он шел параллельно сухому руслу, постепенно сливаясь с ним. Еще тридцатью метрами дальше дорогу им преградили густые заросли папоротника.

Грейвс тронул Перри за плечо.

— Если вы правы, — тихо проговорил он, — с этого момента начинается моя роль. Давайте-ка я пойду вперед один. Я позову вас, когда понадобится.

Перри на мгновение взгляделся в его лицо, а затем пропустил Грейвса вперед. За последние пять минут тот словно изменился. Малейшая тень неуверенности исчезла, ее сменили сила, доброта и сострадание. Это было лицо другого человека — лицо Советника.

Осторожно ступая вдоль промоины, Грейвс дошел до зарослей и, остановившись в двух шагах от них, несколько секунд прислушивался, потом кивнул и обернулся к Перри. Выразительно подмигнув ему, он раздвинул стебли папоротника и шагнул в темную чашу.

Это наверняка были близнецы Кармел. Должны были быть. Они нашли их, хотя Перри, когда он, Грейвс и Ребка говорили об этом на Опале, считал поиск делом безнадежным. Что там говорит Грейвс этим забившимся в темный угол девчонкам?

Несколько минут в Пятиконечной казались часами. Жара и влажность с приближением Летнего Прилива стали здесь просто невыносимыми. Перри снова и снова смотрел на часы, не веря, что время движется так медленно. Хотя день был в самом разгаре и Мэндел продолжал прибывать, но вокруг становилось все темнее и темнее. Может, вверху бушует пылевая буря? Перри запрокинул голову, но через плотную многоярусную листву ничего разглядеть не смог. Зато внизу признаки активности Тектона были налицо: земля, покрытая плотным ковром переплетенных корней, вибрировала не переставая.

«Тридцать пять часов до пика Летнего Прилива».

Перри никак не мог отделаться от этого настойчивого тиканья, и вдобавок его начали мучить сомнения: они пообещали Каллик и Ж'мерлии вернуть их на прежнее место. Обещание было дано вполне искренне и без каких-либо условий. Но могут ли они сейчас пойти на это, зная, что Тектон вскоре станет смертельной ловушкой для всего живого, кроме единичных местных организмов?

Внезапно в глаза ему ударил яркий свет. Занавес папоротников раздвинулся, и появившийся из-за них Грейвс жестом поманил его к себе.

— Заходите. Я хочу, чтобы вы послушали и стали дополнительным свидетелем.

Макс Перри осторожно пробрался сквозь шуршащие листья папоротника. Изнутри темная чаша оказалась совсем не такой, как он ожидал. Папоротники образовывали лишь внеш-

нюю естественную изгородь, за которой стояла надувная палатка с пневмоподпорками. Когда Перри шагнул внутрь, его поразили ее внутренние размеры. Площадь пола составляла, наверное, не меньше десяти квадратных метров. Несмотря на то что стены сходились вверху, помещение оказалось весьма просторным. Устроились близнецы с комфортом. Помимо мебели, в палатке имелась какая-то система кондиционирования воздуха, поддерживающая температуру и влажность на вполне приемлемом уровне, однако, сколько Перри ни смотрел, ее он так и не обнаружил. Неудивительно, что сестры Кармел предпочли жить здесь, а не в тесноте «Летнего сна».

Стенки палатки были, по-видимому, полностью непрозрачными, или же свет включили только что. Но Перри лишь мельком взглянул на светящиеся трубки, упрятанные в складках пластика; его внимание привлекли обитательницы палатки.

Елена и Джени Кармел сидели у дальней стенки, положив руки на колени. Обе были одеты в рыжеватые комбинезоны, а их золотисто-каштановые волосы свободно падали на лоб. Первым впечатлением Перри, потрясшим его до глубины души, было то, что эти две совершенно одинаковые девушки невероятно похожи на Эми. Именно это сходство поразило его на Опале, когда он впервые увидел их фотографию.

Но здесь, встретив их лицом к лицу, он понял, что близнецы походили на Эми всего лишь одеждой и прической. Елена и Джени Кармел выглядели усталыми и подавленными, в них не было ни капли энергии и неукротимой самоуверенности Эми. Прежний загар давно сошел, сменившись нездоровой бледностью.

Даже их сходство друг с другом исчезло. Черты лица совпадали вплоть до мелких деталей, но выражение было совершенно разным. Одна явно была ведущей... быть может, она родилась на несколько минут раньше или оказалась немножко крупнее и сильнее.

Именно она встретила взгляд Макса Перри. Вторая сидела, опустив глаза, и только один раз мельком, из-под длинных ресниц, застенчиво посмотрела на него. Но с Грейвсом она, видимо, чувствовала себя свободнее и охотно повернулась к нему, когда он опустил полог палатки и сел напротив девушек, махнув рукой Перри, чтобы тот сел рядом.

— Елена, — он указал на более уверенную в себе девушку, — и Джени очень много перенесли. — Голос его звучал мягко, при-

глушенно. — Дорогие мои, я знаю, что вспоминать обо всем этом мучительно, но мне хотелось бы, чтобы вы повторили командору то, что рассказывали мне... и на этот раз мы все запишем.

Джени Кармел снова поглядела из-под ресниц на Перри и перевела взгляд на сестру, как бы спрашивая указаний.

Елена крепче сжала колени руками.

— С самого начала? — Голос у этой хрупкой девочки оказался очень низким и звучным.

— Нет. Вам не надо рассказывать, как вы выиграли поездку на Шасте... это все у нас есть. Я хочу, чтобы вы начали с вашего прибытия на Павлин IV. — Грейвс выставил вперед маленькую записывающую ячейку. — Как только вы будете готовы, можете говорить.

Елена Кармел неуверенно кивнула и откашлялась.

— Он должен был стать нашей последней планетой, — начала она наконец. — Последней перед возвращением на Шасту. Домой. — На последнем слове голос ее дрогнул. — Поэтому мы решили, что сядем подальше от людей. Мы купили специальное снаряжение, — она обвела рукой палатку, — вот это, чтобы иметь возможность жить с удобствами и ни от кого не зависеть. И мы посадили «Летний сон» на сухой торфяной холмик, островок посреди болот... Павлин IV весь покрыт болотами. Нам хотелось побыть вдаль от цивилизации, и мы разбили лагерь вне корабля.

Она замолчала.

— Это я виновата, — сказала Джени Кармел убитым голосом, более высоким, чем у ее сестры. — Мы посетили столько планет, видели столько людей, корабль оказался не таким уж большим... Я устала жить в тесноте.

— Мы обе устали. — Елена постаралась защитить сестру. — Мы разбили лагерь в тридцати метрах от корабля, почти на краю островка. Когда наступили сумерки, мы решили, что будет здорово стать совсем первобытными, как будто мы живем на Земле десять тысяч лет назад, и разжечь костер. Мы так и сделали. Было тепло и уютно, дождя не предвиделось, и мы решили, что будем спать снаружи. Когда совсем стемнело, мы забрались в спальные мешки и лежали, глядя на звезды. — Она нахмурилась. — Не помню, о чем мы разговаривали.

— Я помню, — сказала Джени. — Мы говорили о том, что это последняя наша остановка и как скучно будет снова ходить в школу на Шасте. Мы старались разглядеть на небе наше

солнце, но созвездия выглядели непривычно, и мы никак не могли определить, где наш дом... — Голос ее дрогнул, она посмотрела на сестру.

— И с этим уснули. — Елена говорила теперь не так спокойно. — А когда мы спали, пришли они. Они...

— Берсии? — подсказал Грейвс.

Обе девушки кивнули.

— Подождите минутку, Елена, — попросил он. — Я хочу внести в запись некоторые сведения относительно берсий. Они известны давно и легко проверяются. Итак, это были позвоночные, крупные и неповоротливые. Будучи автохтонным видом Павлина IV, эти ночные амфибии отличались очень сильной фотофобией. По образу жизни они напоминали некогда живших на Земле бобров. Как и бобры, они жили колониями и строили хатки. Главной причиной, по которой их считали условно-разумными, было сложное устройство этих хаток. Для строительства они использовали ил и стволы местных псевдодеревьев, которые растут на торфяных холмах-островках. Поэтому было практически неизбежно, что берсии появятся ночью на холме, где стояла палатка близнецов.

Он обернулся к Елене:

— Говорил вам кто-нибудь о берсиях до того, как вы разбили там лагерь? Кто они, как выглядят?

— Нет.

— А вам? — обратился он к Джени Кармел.

Она покачала головой и еле слышно добавила: «Нет».

— Тогда я добавлю для записи описание берсий. Все контакты с ними показали, что это кроткие и исключительно травоядные существа. Однако для того, чтобы перегрызть стволы деревьев, природа наделила берсий мощными челюстями и большими крепкими зубами. — Он кивнул Елене Кармел. — Пожалуйста, продолжайте. Опишите остаток вашей ночи на Павлине IV.

— Не знаю, когда точно мы заснули и сколько спали. — Елена Кармел бросила взгляд на сестру. — Я проснулась от крика Джени. Она...

— Я хочу услышать это от самой Джени. — Грейвс указал пальцем на вторую сестру. — Я понимаю, как вам тяжело, но все же расскажите нам, что вы увидели.

Джени Кармел побелела. Грейвс наклонился вперед и взял ее руки в свои. Он ждал.

— У Павлина IV одна большая луна, — наконец произнесла Джени. — Я сплю не так крепко, как Елена, и свет полной луны разбудил меня. Сначала я не смотрела по сторонам... просто лежала в спальном мешке, глядя на луну. На светлом диске выделялся странный темный рисунок, как кривой крест наверху пирамиды. Затем что-то большое заслонило луну. Сначала я подумала, что это облако или что-то подобное. Я понятия не имела, что оно близко, пока не услышала дыхания. И тут оно наклонилось надо мной. Я увидела плоскую темную голову и пасть с большими зубами и закричала.

— Прежде чем мы продолжим, — вмешался Грейвс, — мне хотелось бы сделать к записи одно легко поддающееся проверке добавление. На планете Шаста, родине Елены и Джени Кармел, сейчас нет опасных хищников. Но когда-то они там были. Самым большим и опасным среди них были четвероногие беспозвоночные. Хотя анатомически они не имели с берсиями ничего общего, внешнее сходство было весьма велико: примерно те же размеры, вес... Елена, что вы подумали, увидев, как один берсия наклонился над Джени, а остальные кольцом окружили ваши постели?

— Я подумала... подумала, что это скрайалы. — Она поколебалась, а затем слова полились с ее губ потоком.

— Конечно, когда я хорошенько рассмотрела их и как следует подумала, я поняла, что они не могут быть скрайалами. И вообще мы никогда не видели скрайала: они исчезли задолго до нашего рождения. Но во всех наших сказках и на картинках их полно, так что, когда я проснулась, то не сразу поняла, где я... увидела больших животных с зубами, одно из них рядом с Джени...

— И что вы сделали?

— Закричала, схватила фонарь и включила его на полную мощность.

— Вы знали, что берсии фотофобны и что свет большой яркости вызывает у них смертельный шок?

— Понятия не имела.

— Знали ли вы, что берсии, возможно, были разумны?

— Говорю вам, мы даже не слышали о берсиях. Мы узнали обо всем этом позднее, когда проверяли данные о планете на «Летнем сне».

— И вы также не знали, что эти берсии были последними взрослыми представителями данного вида и что их детеныши не выживают без взрослых?

— Нет. Мы узнали обо всем, когда вернулись в Капра-сити и услышали, что нас ищут и хотят арестовать.

— Советник, — вмешался Перри, поглядев на часы, — мы находимся здесь уже три часа. Нам надо возвращаться.

— Очень хорошо. На этом прервемся. — Грейвс убрал рекордер и повернулся к Елене и Джени Кармел. — На Шасте будет еще расследование и суд, и еще слушание на Миранде. Но могу вас уверить, что рассказанного вами достаточно, чтобы признать неумышленность деяния. Вы убили случайно и не знали, что убиваете, действуя в полусне под влиянием страха. Лишь одно мне совершенно непонятно: зачем вы сбежали? Но с этим можно подождать. — Он встал. — А теперь я должен вас задержать. С этого момента вы находитесь под арестом. И нам необходимо покинуть это место.

Близнецы переглянулись.

— Мы не поедem, — заявили они в один голос.

— Вы должны поехать. Здесь опасно. Всем нам здесь угрожает опасность.

— Мы останемся здесь и рискнем, — возразила Елена.

Грейвс хмуро уставился на них.

— Вы не понимаете. Командор Перри может объяснить подробнее, а я просто говорю вам: вы считаете, что находитесь в безопасности, но это не так, и если вы останетесь на Тектоне, вам не пережить Летнего Прилива.

— Тогда предоставьте нас самим себе. — Елена Кармел чуть не плакала. — Мы останемся. Если умрем, это будет достаточным наказанием, и все удовлетворится.

Грейвс вздохнул и снова уселся.

— Командор Перри, отправляйтесь. Забирайте остальных и улетайте. Я останусь с ними.

Перри не двинулся с места. Он вытащил из-за пояса станнер и навел его на близнецов.

— Эта штука может убить, но она действует и как парализатор. Если советник прикажет, мы заберем вас в аэрокар в бессознательном состоянии.

Девушки настороженно глядели на станнер, но Грейвс покачал головой.

— Нет, командор, — устало сказал он. — Это не выход. Вы же знаете, мы никогда не сможем втащить их на этот обрыв. Я останусь, а вы уезжайте и расскажите Каллик и Ж'мерлии, что здесь произошло. — Он устало откинулся и закрыл глаза. — И уходите быстрее, пока не поздно.

Где-то в вышине прогрехотал гром, как бы добавляя убедительности его словам. Перри посмотрел вверх, но с места не двинулся.

— Объясните мне почему? — продолжал Грейвс. Он открыл глаза, медленно встал и начал шагать взад-вперед по палатке. — Объясните мне, почему вы не хотите вернуться со мной. Вы считаете, что я ваш враг... или что правители Альянса жестокие чудовища? Вы что, действительно верите, будто вся система правосудия предназначена лишь для того, чтобы мучить и преследовать юных девушек? Что Совет не воспрепятствует плохому обращению с вами? Хотите, я дам вам честное слово, личное обещание, что, если вы поедете со мной, вам не причинят вреда? Только, пожалуйста, скажите мне, чего вы боитесь.

Елена Кармел вопросительно посмотрела на сестру и, когда Джени кивнула, выпалила:

— Нас подвергнут обработке. Реабилитации. Не так ли?

— Да, так. — Грейвс перестал метаться. — Но только для того, чтобы вам помочь. Она сотрет воспоминания о боли... Вы же не хотите до конца жизни вновь и вновь переживать случившееся на Павлине IV. Реабилитация — это не наказание, а лечение. Она вам не повредит.

— Этого вы гарантировать не можете, — возразила Елена. — Ведь реабилитация используется для лечения расстройств психики? Расстройств любого рода.

— Ну, обычно она фокусируется на каком-то определенном происшествии или затруднении, но при этом излечивает, конечно, и все остальные психические отклонения.

— Даже такое, которое мы отклонением не считаем? — Впервые инициативу в разговоре взяла Джени Кармел. — Реабилитация сделает нас «разумнее». Но ведь мы неразумны только в вашем понимании.

— Джени Кармел, я понятия не имею, о чем вы говорите, но никто на свете не разумен вполне, все немножечко безумны, — Грейвс вздохнул и потер лысину, — а я больше других. Но я охотно подвергнусь реабилитации, если это будет необходимо.

— А если вы не хотите избавляться от своего «отклонения»? — спросила Елена. — Если это что-то важное для вас, важнее всего на свете?

— Я такого себе представить не могу.

— Видите. А вы представитель Совета, и по вам можно понять, к какому выводу он придет, — сказала Джени. — Типичное «человеческое» мышление.

— Но вы же люди!

— Мы не обычные люди, мы другие, — возразила Елена. — Вы когда-нибудь слышали о Майне и Дафне Дергори с нашей планеты — Шасты?

Наступило недоуменное молчание.

— Не помню, — ответил Грейвс. — А что я должен был слышать?

— Это сестры, — продолжала Елена. — Близнецы. Мы знали их с раннего детства. Они наши ровесницы, и у нас очень много общего. Но их семья попала в космическую аварию. Почти погибли. Майну с Дафной и троих других детей один из членов команды в последнюю минуту выбросил на спасательной шлюпке в пространство, и они уцелели. Когда они вернулись домой, их подвергли реабилитации. Помогли забыть о пережитом ужасе.

— Ну разумеется. — Грейвс поглядел на Перри, который снова показал ему на часы. — И я уверен, что она прекрасно сработала. Разве не так?

— Она помогла им забыть аварию. — Джени была бледна как смерть, руки ее дрожали. — Как вы не можете понять? Они потеряли друг друга!

— Мы их очень хорошо знали, — снова заговорила Елена, — и понимали. Они были такими же, как мы, между ними была же близость. Но после реабилитации... когда мы встретились с ними снова... она пропала. Совершенно пропала. Они стали чужими друг другу.

— И вы сделаете то же самое с нами, — добавила Джени. — Поймите, это хуже смерти.

Грейвс на некоторое время застыл, а затем плюхнулся на стул.

— Так вот из-за чего вы сбежали с Павлина IV? Решили, что мы лишим вас друг друга?

— А разве это не так? — спросила Елена. — Разве вы не захотели бы сделать нас «нормальными», «независимыми»? Чтобы нам было «легче жить»? Разве это не вошло бы в задачи реабилитации?

— Боже мой! Боже мой! — Лицо Грейвса снова начало нервно подергиваться, и он закрыл его руками. — Неужели мы сделали бы это? Неужели? Да, сделали бы, сделали.

— Потому что такая близость и зависимость друг от друга «неестественны», — горько произнесла Елена. — Вы постарались бы вылечить нас, а мы не могли допустить этого даже в мыслях. Делайте что хотите, но живыми отсюда мы не уйдем!.. Нам не надо вашего лечения. Если нам суждено умереть, то по крайней мере мы умрем вместе.

Грейвс, казалось, не слушал ее.

— Слепец, — бормотал он, — я был слеп все эти годы. Пошел на поводу у собственной спеси и решил, что запросто пойму любого человека. Но разве ограниченный индивид способен проникнуть в душу каждого, какой бы простой она ни была? Хватит ли у него дара сопереживания? Сомневаюсь.

Он подошел к девушкам и протянул к ним руки, сложив их, как для молитвы.

— Елена и Джени, выслушайте меня. Если вы сейчас поедете со мной и согласитесь на реабилитацию для лечения душевной травмы, полученной вами на Павлине IV, вас не разлучат друг с другом. Не будет сделано никакой попытки «лечить» вашу потребность быть вместе и разрушить вашу близость. Вы сохраните вашу общность. Даю вам честное слово члена Совета Альянса. Можете на меня положиться.

Он уронил руки и отвернулся.

— Я знаю, что для вас довериться мне — это риск. Но, пожалуйста, поверьте мне. Обсудите это друг с другом. Мы с командором Перри подождем снаружи. Пожалуйста, поговорите... и скажите, что полетите с нами.

Близнецы Кармел улыбнулись — в первый раз с тех пор, как Перри вошел в палатку.

— Советник, — тихо произнесла Елена, — вы были правы, когда сказали, что не понимаете близнецов. Вам не надо выходить, а нам не надо разговаривать друг с другом. Каждая из нас *знает*, что чувствует и думает другая.

Обе девушки встали и разом сказали:

— Мы согласны. Когда выходить?

— Сейчас, — нарушил молчание Перри, на мгновение забыв о тикавшем в голове будильнике. Да, у Джулиуса Грейвса действительно есть дар общения с людьми, которого у него самого нет и не будет. — Нам надо отправляться сию же минуту. Мы пробыли здесь дольше, чем собирались. До Летнего Прилива осталось меньше тридцати трех часов.

Аэрокар поднялся с черной базальтовой поверхности.

«Слишком медленно, — отметил про себя Макс Перри. — Слишком медленно и тяжело. Интересно, какая у него предельная нагрузка? Похоже, мы висим на волоске».

Он ничего не сказал остальным, но его внутренняя напряженность словно передалась моторам, и аэрокар набрал нужную высоту и лег на обратный курс.

Судя по всему, остальные его тревоги не разделяли. Елена и Джени Кармел в полном изнеможении лежали в креслах и устало смотрели на пылающее небо. Грейвс снова обрел свою неукротимую жизнерадостность и через Ж'мерлию общался с Каллик, задавая вопросы о клайде зардалу и родной планете самой Каллик. Перри решил, что, по всей видимости, это Стивен пополняет свой запас информации.

Самому же Перри сейчас было не до разговоров. Он тоже устал... он не спал уже больше двадцати четырех часов, но нервное напряжение не давало ему сомкнуть глаза. За последние несколько часов атмосфера Тектона претерпела разительную перемену. Вместо прежней дымки от поднявшейся в воздух пыли небо затянули клубящиеся черные и рыже-красные тучи. Для полной безопасности им следовало бы подняться над ними, но Перри не рискнул пробивать облачный слой, в котором наверняка полно завихрений. Даже здесь, гораздо ниже облаков, им то и дело приходилось бороться с неожиданными и сильными порывами ветра, поэтому аэрокар летел сейчас лишь на половине возможной скорости. По небу зазмеились зигзаги молний, тускло-красные от наполнявшей воздух пыли. С каждой минутой тучи все ниже и ниже опускались к земле.

Перри поглядел вниз. Десятки озер и прудов кипели, уменьшаясь на глазах. Эта влага была нужна Тектону, чтобы закрыться слоем водяного пара от прямых лучей Мэндела и Амаранта.

Но от всевозрастающих приливных сил закрыться было нельзя. Земля вокруг озер начала трескаться и колыхаться. Условия на поверхности стремительно ухудшались по мере того, как аэрокар приближался к месту, где они нашли Каллик и Ж'мерлию.

Перри боролся с рычагами управления и думал о том, как трудно будет садиться в таких условиях. Сколько времени потребуется, чтобы высадить Ж'мерлию и Каллик и снова подняться на относительно безопасную высоту? А если Атвар Х'сиал и Луиса Ненды там не окажется? Неужели они бросят их одних на поверхности Тектона?

Лететь оставалось совсем немного. Через десять минут он должен будет принять решение.

А через тридцать часов придет Летний Прилив. Он рискнул и чуть-чуть увеличил скорость.

Впереди в небе появилось и стало разгораться красноватое сияние. Перри протер усталые глаза.

Может, это свет Амаранта, пробившийся сквозь облака? Но в облаках не было просветов. И свет шел откуда-то снизу.

Он пытался разглядеть, в чем дело, все уменьшая и уменьшая скорость, пока не понял. Когда сомнений не осталось, он обратился к своим спутникам:

— Советник Грейвс и Ж'мерлия. Пожалуйста, взгляните вон туда. Что это, по вашему мнению?

Но ответ он знал и сам. Несколько часов назад здесь началось грандиозное извержение. Там, где они подобрали Каллик и Ж'мерлию, вся земля стала оранжево-красной. Дымящиеся потоки лавы ползли по черной безжизненной равнине, на которой нигде, от горизонта до горизонта, не было места, чтобы приземлиться.

Перри ощутил, как дрожь первобытного ужаса пробежала по его телу... и еще он почувствовал облегчение.

Ему не пришлось принимать решение. Тектон сделал это за него. Теперь у них нет выбора: нужно лететь к Пуповине.

Цифры уже закрутились у него в голове. Отсюда — семь часов лету. Нужно немного прибавить про запас на непредвиденные изменения курса и скорости. Тогда получается, что на дорогу может уйти часов десять, а Пуповина поднимется с поверхности Тектона через восемнадцать.

Это дает им резерв в восемь часов. Они успеют, и еще останется время.

ГЛАВА 19

2 дня до Летнего Прилива

Шум означал неполадки. О том же свидетельствовала вибрация. Когда моторы аэрокара в хорошем состоянии, их гудение почти не слышно.

Дари Лэнг прислушивалась к предсмертным хрипам за спиной и чувствовала, как дрожит под ногами пол. Тряска усиливалась, и усиливалась быстро, становясь заметной даже на фоне постоянного рысканья аэрокара под ударами порывистого ветра.

— Далеко еще? — Ей пришлось кричать.

Ханс Ребка покачал головой, не отрывая глаз от приборной доски.

— Четырнадцать километров. Можем не дотянуть. Мы идем на последнем издыхании.

Они летели сейчас всего в тысяче метров над поверхностью Тектона; чуть ниже — и воздухозаборники забьет пылью. Земля еле просвечивала сквозь клубящуюся дымку и казалась какой-то призрачной.

Лэнг посмотрела вверх. Там, впереди, появилась тонкая вертикальная полоска.

— Я вижу ее, Ханс! — воскликнула Дари. — Это основание Ствола!

В тот же момент Ребка закричал:

— Что толку, мы теряем высоту.

Двигатели аэрокара начали чихать и захлебываться. Машина провалилась вниз, выровнялась и начала было набирать скорость, но фюзеляж опять заходил ходуном, и тошнотворное падение возобновилось. Они опустились в пылевой слой, и серебряная нить Пуповины скрылась из виду.

— Шесть километров. Четыреста метров. — Ребка успел засечь направление на Пуповину, но дальше им предстояло ориентироваться только по приборам. — Я ничего не вижу. Придется садиться вслепую. Проверь свои ремни и проследи, чтобы маска и респиратор плотно прилегали к лицу. Похоже, нас ждет хорошая встряска.

Аэрокары были прочными машинами. Они предназначались для полетов в любых погодных условиях и экстремальных ситуациях, но одного они гарантировать не могли: мягкой посадки на двигателях, буквально хрустящих от корундовой пыли. Альтиметр показывал двадцать метров, когда двигатели испустили дух. Ребка убрал закрылки, чтобы протянуть еще немного, но земля была слишком близко, а скорость слишком велика. В последний момент он крикнул Дари, чтобы она держалась крепче. Аэрокар ударился о землю, отскочил вверх, пролетел над скальным выступом, вполне способным разодрать ему днище, и, проскользив по нему несколько десятков метров, наконец остановился.

— Вот и все! — Они еще катились, а Ребка отстегнул ремни и стал помогать Дари. Бросив взгляд на микроволновой сенсор, он торжествующе улыбнулся: — Я почти дотянул — до подножия Пуповины всего полкилометра.

Состояние поверхности оказалось гораздо лучше, чем ожидала Дари. Правда, видимость снизилась до нескольких десятков метров, а вой ветра время от времени прерывался грохотом отдаленных взрывов. Но почва была ровной и более или менее спокойной: по ней вполне можно было передвигаться, за исключением, конечно, тех участков, где из земли, как обломки гигантских зубов, торчали ряды огромных, с дом величиной, валунов. Она пробиралась между ними следом за Ребкой и думала о том, как им повезло: если бы двигатель отказал чуть позже, их бы расплющило об эти острые скалы.

Она все еще не верила, что Тектон настолько опасен, как утверждал Перри, в ней еще теплилось желание задержаться и увидеть все своими глазами... Однако раз уж они прилетели к Пуповине, имело смысл этим воспользоваться. Дари вгляделась в мутную дымку. Пожалуй, полкилометра они уже прошли.

Она перестала смотреть под ноги и поскользнулась на толстом слое каменной пудры, обманчиво-надежном и скользком, как пролитое масло. Ребка тоже упал, подняв тучу пыли. Перевернувшись, с трудом поднялся на ноги и указал прямо вверх.

Здесь было затишье, и видимость улучшилась раз в десять. В небе над ними висел круглый диск, контуры которого были слегка размыты пылью, заполнившей верхние слои атмосферы. Пока они разглядывали его, он поднимался все выше, уменьшаясь в размерах.

Крик Ребки раздался, когда она сама уже поняла, что происходит:

— Ствол. Он поднимается.

— Но мы же добрались сюда раньше, чем рассчитывали.

— Знаю. Этого не должно быть. Он поднимается раньше обычного срока!

Пуповина на их глазах таяла в небе. Вокруг основания поднявшегося Ствола располагалась крытая площадка с аэрокарами. Дари знала их размеры и попыталась оценить, на какую высоту ушла Пуповина. Судя по всему, нижний ее конец поднялся уже почти на километр над поверхностью Тектона.

Она повернулась к Ребке:

— Ханс, наш аэрокар! Если мы вернемся туда и попробуем поднять его...

— Ничего не выйдет. — Он подошел и приблизил голову к ее уху. — Даже если нам удастся поднять аэрокар в воздух, мы не сможем причалить к Стволу. Мне очень жаль, Дари. Всю эту кашу заварил я. Я привез вас сюда, и теперь мы здесь застряли.

Он говорил громче, чем было необходимо, и, как будто стремясь опровергнуть его слова, ветер совершенно стих. Пыль в воздухе стала оседать, почва была спокойна, и Дари смогла разглядеть вдаль их аэрокар. Вверху виднелось основание Пуповины, столь же близкое, сколь и недоступное.

Хотя время для подобных мыслей было не самое подходящее, Дари решила, что горечь, прозвучавшая в голосе Ханса Ребки, сделала его еще привлекательнее. Уверенность в себе и компетентность — несомненные достоинства, но ответственность за другого тоже много значит.

Она показала вверх.

— Ханс, она не поднимается выше. Кто ее контролирует?

— Возможно, никто. — Он больше не кричал. — Команды могли быть заданы заранее. А может, это Перри и Грейвс... они могли поднять Ствол, чтобы отойти от поверхности. Возможно, они придерживают его там, ожидая нашего появления. Но нам к ним не добраться!

— Надо попробовать! — Он еще продолжал смотреть на Пуповину, а Дари уже направилась, спотыкаясь и скользя на пленке пыли, к аэрокару. — Если мы поднимем аэрокар и зависнем около площадки у основания Ствола, может быть, мы сумеем перескочить на нее.

Она сама удивилась своим словам. Неужели это она, Дари Лэнг? Там, дома, на Вратах Стражника, она избегала высоты, с дрожью объясняя родным и друзьям, что боится ее до ужаса. По-видимому, все на свете относительно. Сейчас перспектива прыжка с движущегося неисправного аэрора на Пуповину в километре от поверхности планеты нисколько ее не смущала.

Ханс Ребка последовал за ней, но лишь для того, чтобы схватить ее за руку и повернуть к себе лицом.

— Подождите минутку, Дари. Посмотрите.

Еще один аэрокар приближался с северо-запада, чуть ниже облачного слоя. Он пошел было на снижение, но, видимо, пилот заметил поднимающуюся Пуповину. Аэрокар выровнялся, а затем начал по спирали подниматься вверх.

Но в ту же минуту подножие Ствола снова двинулось вверх с еще большим ускорением. Двое на земле беспомощно глядели, как Пуповина скрывается в облаках, а преследующий ее аэрокар медленно набирает высоту. Похоже, аэрокар эту гонку проигрывал.

Дари обернулась к Хансу Ребке:

— Но если Грейвс и Макс Перри на Стволе, то кто же тогда в аэрокаре?

— Это, должно быть, все-таки Макс Перри. Я ошибался на счет того, что он с Грейвсом на Пуповине. Поднятие Ствола — это автоматическое сокращение Пуповины перед Летним Приливом, но он поднялся раньше срока. Значит, кто-то произвел перепрограммирование. — Он покачал головой. — Перри — единственный, кто знает коды управления Пуповиной. — Он увидел, как Дари изменилась в лице. — Разве не так?

— Нет. — Она отвела глаза в сторону. — Атвар Х'сиал знала их. Все. Я же рассказала вам, как мы выбрались с Опала. Это все моя вина. Я никогда не должна была соглашаться работать с ней. Теперь мы застряли здесь, а она там в безопасности, на Пуповине.

Ханс Ребка яростно поглядел на небо.

— Так оно и есть. Эта треклятая кекропийка. Когда мы летели, я все думал, на Тектоне она еще или нет. И Ж'мерлия должен быть с ней. Так что в аэрокаре, наверное, Перри и Грейвс.

— А может быть, близнецы Кармел.

— Нет. Им негде было достать аэрокар. В любом случае мы можем больше не гадать. Они возвращаются.

Аэрокар пробивался через облака, выискивая удобное место для посадки. Дари, отчаянно размахивая руками, побежала в его сторону. Пилот заметил ее и осторожно стал приближаться. Наконец аэрокар плюхнулся на брюхо в пятидесяти метрах от них, подняв своими двигателями небольшую пыльную бурю.

Дверца аэрокара скользнула в сторону. Ханс Ребка и Дари Лэнг с изумлением увидели, как из него появились двое людей — совершенно одинаковых и одинаково одетых, за ними следовали лотфианин и запорошенный пылью хайменопт. Последними вышли Джулиус Грейвс и Макс Перри.

— Мы думали, вы погибли!

— Мы думали, это вы на Пуповине!

— Где вы их нашли?

— Как вы сюда добрались?

Перри, Ребка, Лэнг и Грейвс говорили все разом, собравшись в тесный кружок у дверцы аэрокара. Двое чужаков и близнецы Кармел стояли поодаль, оглядывая безрадостные окрестности.

— Никаких действующих радиомаяков... мы слушали всю дорогу сюда, — продолжал Грейвс. Он уставился на Дари Лэнг. — У вас есть хоть какое-нибудь представление о том, что случилось с Атвар Х'сиал?

— Точно не знаю, но мы думаем, что она там наверху, на Пуповине.

— Нет, ее там нет. Там никого нет. Мы не смогли поймать Пуповину, но можем уверенно сказать, что там нет ни одной занятой капсулы. А теперь все это за пределами досягаемости аэрокара. Но расскажите лучше о себе. Я думал, Атвар Х'сиал оставила вас где-то на поверхности Тектона.

— Так она и сделала. Меня спас Ханс Ребка. Но, по-видимому, Атвар Х'сиал собиралась вернуться за мной: она оставила мне продукты, снаряжение и сигнальный маяк.

— Нет, все это оставил Ж'мерлия. — Грейвс махнул рукой в сторону лотфианина. — Он говорит, что Атвар Х'сиал не запретила ему помочь вам, и он это сделал. Он очень беспокоился о вашей безопасности, когда они вас там бросили. Он сказал, что вы плохо приспособлены к выживанию на Тектоне. А потом решил, что вы погибли, потому что не было слышно вашего маяка. Я уверен, что Атвар Х'сиал не собиралась возвращаться за вами. Вам надлежало погибнуть на Тектоне.

— А где Атвар Х'сиал сейчас? — спросил Ребка.

— Мы только что задали вам этот вопрос, — сказал Перри. — Должно быть, она с Луисом Нендой.

— Нендой?!

— Он прибыл сюда на собственном космическом корабле, — ответил Грейвс. — И оказывается, он может непосредственно разговаривать с кекропийцами. Каллик рассказала Ж'мерлии, что ему сделали изменения зардалу, которые позволяют пользоваться феромонным языком. Они с Атвар Х'сиал оставили Ж'мерлию и Каллик, а сами куда-то отправились.

— Мы думали, что они прибыли сюда. Атвар Х'сиал кто-то помог. Каким-то образом она раздобыла все команды управления и перепрограммировала Пуповину на более ранний от-

ход от поверхности. — Ханс Ребка бросил взгляд на Дари Лэнг и продолжил: — Она хочет, чтобы мы все погибли во время Летнего Прилива. Поэтому она и оставила там Ж'мерлию и Каллик: ей свидетели не нужны.

— Но мы услышали их сигнал бедствия и подобрали их. — Перри кивнул молчащим чужакам. — Я полагаю, Ненда и Атвар Х'сиал собирались вернуться за ними, но они бы не успели. Там теперь только море раскаленной лавы. Нам пришлось взять Ж'мерлию и Каллик с собой.

— Но если у Ненды есть корабль, — заметил Грейвс, — они с Атвар Х'сиал еще могут покинуть планету.

— А мы, к сожалению, не можем. — После приступа уныния Ребка снова стал самим собой и был полон энергии. — Пуповина ушла и не вернется до окончания Летнего Прилива. У нас на всех один аэрокар, потому что наш сломался. В любом случае аэрокар на орбиту не поднимется, так что толку от него мало. Командор Перри, нужно придумать, как нам здесь выжить. Мы застряли на Тектоне до возвращения Пуповины.

— Могу я повторить еще раз? Это невозможно. — Перри говорил негромко, но его мрачный тон придавал словам дополнительный вес. — С момента вашего прибытия на Добеллию я пытаюсь донести до вас один-единственный факт: «Человек не может выжить на поверхности Тектона во время Летнего Прилива». Даже обычного Летнего Прилива. И уж наверняка во время *этого* Летнего Прилива. Что бы вы ни думали, ничто не спасет нас, если мы останемся на Тектоне. Здесь пока довольно тихо, не знаю почему. Но долго это не продлится. Все оставшиеся на поверхности Тектона во время Летнего Прилива погибнут.

Планета словно услышала его: едва он замолчал, как раздался далекий рев и стон вздымающейся земли, грохот рушащихся скал. Спустя мгновение серия толчков сотрясла землю у них под ногами и подняла в воздух пыль. Все стали растерянно озираться, а затем инстинктивно кинулись в аэрокар, к его иллюзорной безопасности.

Дари Лэнг бежала последней, внимательно разглядывая семерых своих спутников.

Не слишком подходящая команда для игры в выживание. Сестры Кармел явно упали духом и смирились с поражением. Им пришлось многое пережить, и теперь они могли только выполнять чужие приказы. Перри и Грейвс, грязные и исцарапанные, выглядели не лучше, а изодранная в клочья одежда

делала их похожими на чучел. Икры у обоих были покрыты воспаленными порезами, а у Грейвса к тому же виднелись на лысине глубокие царапины. Хуже всего было то, что он все время улыбался и вообще вел себя так жизнерадостно, как будто все его невзгоды уже закончились. Возможно, так оно и было. Если кто-то и мог их спасти, то, конечно, не Джулиус Грейвс, а Макс Перри. Но после своего мрачного предсказания он снова погрузился в угрюмое молчание, словно у него перед глазами находилось что-то невидимое для других. Ж'мерлия и Каллик, казалось, выглядели нормально... но только потому, что Дари не знала, какие жесты и гримасы чужаков говорят об их боли и тревоге. Ж'мерлия тщательно отряхивал белую пыль со своих ног, пользуясь мягкими подушечками на передних конечностях. Его как будто не беспокоило ничего, кроме собственной чистоты. Каллик, быстро содрогнувшись всем своим телом, стряхнула с себя толстый слой пыли, вызвав бурю протестов со стороны других пассажиров аэрокара, после чего вытянулась во весь рост и с интересом стала за всеми наблюдать. Если у кого-то еще и сохранялся оптимизм, то, пожалуй, лишь у маленькой хайменоптки. К сожалению, общаться с ней мог только Ж'мерлия.

Дари поглядела на Ханса Ребку. Он явно был измотан, но все равно оставался самой главной ее надеждой. На лице у него отпечатались глубокие красные следы от маски и респиратора, а пыльные круги вокруг глаз делали его похожим на сову, но, поймав на себе ее взгляд, он сумел выдавить из себя улыбку и подмигнуть ей.

Дари втиснулась в аэрокар и кое-как закрыла за собой дверцу. Она не думала, что ей доведется когда-нибудь увидеть столько людей и чужаков в одном маленьком аэрокаре. По инструкции он был рассчитан на четырех человек. Близнецам Кармел удалось втиснуться в одно кресло, но Ж'мерлия скорчился на полу, откуда ничего не видел и почти ничего не слышал. Дари Лэнг и Макс Перри мест не хватило, и они остались стоять.

— Который час? — неожиданно спросил Ребка. — Я имею в виду, сколько часов осталось до Летнего Прилива?

— Пятнадцать, — ответил Перри еле слышно.

— Что же дальше? Мы же не можем просто сидеть и ждать смерти. Что угодно, только не это. Давайте обсудим наши варианты. Мы не можем добраться до Пуповины, даже если она

не поднимется выше. На Тектоне нет такого места, где мы могли быть в безопасности. Предположим, мы взлетим на максимальную высоту и попробуем пересидеть Летний Прилив в аэрокаре?

Каллик издала серию свистящих фырканий, которые показали Дари довольно презрительными, а Перри заставили очнуться от раздумий. Он покачал головой и мрачно произнес:

— Я об этом давно подумал. Запаса энергии в нашем аэрокаре хватит на восемь часов, и это при нормальной загрузке. Если даже мы оторвемся от земли (а я совсем не уверен, что это нам удастся сделать с таким количеством пассажиров на борту), то будем вынуждены сесть до пика Летнего Прилива.

— А если мы, наоборот, будем сидеть и ждать, пока до Летнего Прилива не останется четыре-пять часов, — предложил Ребка, — а потом взлетим? В самой плохой промежуток времени мы окажемся над поверхностью.

— Сожалею. Это тоже не работает. — Перри смерил взглядом Каллик, которая подпрыгивала на месте, сопровождая это шелканьем и свистками. — Нам не удастся продержаться в воздухе. Вулканы и землетрясения превращают атмосферу в кипящий котел. — Он обернулся к лотфианину. — Ж'мерлия, скажи Каллик, чтобы вела себя потише. И так тяжело думать, а тут еще этот шум.

Хайменоуптка подскочила еще выше и просвистела:

— С-с... с-суудно.

— Каллик просит меня, — сказал Ж'мерлия, — указать вам с величайшим почтением, что вы забываете о судне, космическом корабле.

— Корабле Луиса Ненды? — спросил Ребка. — Того, на котором прилетела Каллик? Мы не знаем, где он. Да и в любом случае Ненда и Атвар Х'сиал наверняка уже на орбите.

Каллик издала серию еще более громких свистков, отчаянно дергаясь всем телом.

— Нет, нет. Каллик нижайше напоминает о «Летнем сне», судне, на котором прибыли на Тектон близнецы Кармел. Мы точно знаем, где оно находится.

— Но его батареи пусты, — возразил Перри. — Помните, Каллик осмотрела двигатель, когда мы только нашли его.

— Один момент, пожалуйста. — Ж'мерлия протиснулся между Джулиусом Грейвсом и близнецами Кармел и съежился около хайменоуптки. Полминуты они пересвистывались и фыркали. Наконец Ж'мерлия поднял голову и выпрямился.

— Каллик приносит всем свои извинения за свою чрезвычайную тупость, но она неясно выразила свои мысли после осмотра корабля. Батареи Бозе-двигателя разряжены, и этот корабль не пригоден для межзвездных перелетов. Но там должно хватить энергии для одного местного перелета... скажем, одного прыжка на орбиту.

Еще до того, как Ж'мерлия закончил говорить, Ребка стал пробираться к креслу пилота.

— Какое расстояние до этого космического корабля и где он находится? — на ходу спросил он и начал изучать показания приборов.

— Семь тысяч километров по дуге большого круга, ведущей к Пятиконечной впадине, — Перри вышел из депрессии и протискивался мимо близнецов Кармел к Ребке, — но так близко к Летнему Приливу следует ожидать на всем пути сильного бокового ветра. Он будет только крепчать, и это добавит нам еще тысячу километров.

— Значит, у нас не будет запаса времени. — Ребка быстро произвел расчеты. — Нам хватит энергии на восемь тысяч километров, но в экономичном режиме, не на полной скорости. А если мы полетим медленнее, то проиграем во времени, и по мере приближения Летнего Прилива погодные условия ухудшатся еще больше.

— Это наилучший вариант. — Впервые после того, как они влезли в аэрокар, раздался голос Грейвса. — Но сможем ли мы оторваться от земли с такой нагрузкой? Мы с трудом долетели сюда, а у нас было на два человека меньше.

— И сможем ли удержаться в воздухе? — добавил Перри. — Сила ветра будет невероятной.

— Даже если Каллик права, — сказал Грейвс, — и на корабле осталось немного энергии, сможет ли «Летний сон» выйти на орбиту?

Но Ребка уже запускал двигателя.

— Это не лучший вариант, советник, — проговорил он, когда направленные вниз реактивные струи взметнули тучу белой пыли, сразу закрывшую окна. — Это наш единственный шанс. Чего вы хотите, письменной гарантии? Если в ближайшие пять секунд никому не придет в голову лучшей идеи, я выжму из этой колымаги все, на что она способна. Держитесь крепче. Будем надеяться, что двигатель нас не подведет.

ГЛАВА 20

1 день до Летнего Прилива

Когда аэрокар, качнувшись, оторвался от земли и начал медленно набирать высоту, Дари Лэнг почувствовала себя бесполезной. Она была просто добавочным грузом, балластом, и ничем не могла помочь ни пилоту, ни навигатору, сидевшим перед ней. Остро переживая свою беспомощность, она не могла и расслабиться и поэтому стала заново разглядывать своих спутников. Ведь они вместе спасутся или вместе умрут... И все это решится очень скоро, еще до того, как гигантская гантеля с Тектоном и Опалом на концах завершит полный оборот вокруг своей оси.

Внезапно Дари забыла об их подавленном виде и — словно время побежало назад — увидела их такими, какими они были давным-давно, до того как Тектон вторгся в их жизнь.

Елена и Джени Кармел сидели щека к щеке, маленькие заблудившиеся девочки. Они не смогли сами выбраться из леса и ждали, пока их спасут или, точнее, пока не появится чудовище. Перед ними согнулся в три погибели над пультом управления Ханс Ребка, маленький озабоченный мальчишка, пытающийся играть в слишком взрослую для него игру. Рядом с ним сидел Макс Перри, снова потерявшийся в старом несчастливом сне, который он ни с кем не хотел делить.

Только сидевший справа от Перри Джулиус Грейвс не желал молодеть. Лицо советника, когда он отворачивался от пульта, ни разу не показалось молодым. Казалось, в чертах его лица и его морщинах отразились тысячелетия страданий — история человечества, темная, злая и отчаянная.

Дари растерянно смотрела на него. Это был вовсе не тот легендарный член Совета Альянса, которого она ожидала увидеть. Куда делись его доброта, оптимизм, неукротимая энергия?

Она понимала: он изнемог от невероятного переутомления.

В первый раз Дари поняла, какое значение имеет усталость в решении человеческих проблем. Вот и она сама постепенно потеряла всякий интерес к разгадке тайны Тектона и Строителей и приписывала это тому, что все ее умственные и физические силы сосредоточились на простом выживании. Но теперь она винила в этом парализующие волю яды утомления и страха.

Такой же незаметно подкравшийся упадок сил сказался на всех них. Именно сейчас, когда сообразительность и быстрота реакции решали, жить им или умереть, они выдохлись и физически, и умственно. Все они (и она, разумеется, не была исключением) выглядели как зомби. Они могли на несколько секунд собраться с силами, сконцентрировать свое внимание, как она в момент посадки, но как только страх проходил, они снова впадали в какую-то летаргию. Обращенные к ней лица, даже сейчас, когда все стерли белую пыль, казались бледными и изможденными.

Дари знала, каково им. Ее собственные чувства были как будто заморожены. Она не испытывала ни страха, ни любви, ни гнева, и это, пожалуй, было самым страшным из того, что происходило с ней: какое-то безразличие к жизни и смерти. Ей было все равно. За последние несколько дней Тектон не сразил ее своей яростью, а вытянул из нее все человеческие страсти, обескровил ее душу.

Даже двое чужаков утратили свою живость. Каллик достала маленький компьютер и занялась какими-то расчетами. Ж'мер-лия казался без Атвар Х'сиал растерянным и заброшенным. Он все время вертел головой, словно ища хозяйку, и непрестанно потирал подушечками лапок свое покрытое чешуей тело.

Перри, Грейвс и Ребка сгрудились впереди, втиснувшись втроем на сиденье, рассчитанное на двоих. Близнецы и Ж'мер-лия сидели за ними. Им было, наверное, удобнее, чем всем остальным, а Дари Лэнг и Каллик сидели сзади, там, где обычно размещался багаж. Места для хайменопта там было вполне достаточно, но у Каллик была привычка время от времени отряхиваться, подобно вышедшей из воды собаке, чтобы счистить со своего короткого черного меха пыль. Дари то и дело чихала, пригибая голову, чтобы не удариться об изогнутую в этом месте крышу аэрокара.

Хуже всего было то, что сидящие сзади видели только клочок неба в переднем окне. Сведения об их продвижении или возникающих проблемах доходили до них в виде предупреждений и комментариев сидящих впереди, причем иногда слишком поздно.

— Очень сожалею, — крикнул Перри через две секунды после того, как аэрокар накренился под сильнейшим порывом ветра и провалился метров на пятьдесят в воздушную яму. — Крепко нас прихватило.

Дари Лэнг потеряла затылок и согласилась с этим тонким наблюдением. Она хорошенько стукнулась о твердый пластиковый потолок багажного отсека. Теперь у нее вскочит здоровенная шишка, если только она доживет до этого.

Наклонившись вперед, она обхватила голову руками. Несмотря на шум, опасность и мучительную неуверенность в будущем, мысли ее перешли совсем на другой предмет. Вся ее предыдущая жизнь на Вратах Стражника казалась теперь целиком искусственной. Сколько раз при составлении своего каталога артефактов она невозмутимо писала о некоторых экспедициях: «Никто не вернулся»? Это была аккуратная удобная формулировка, не требовавшая объяснений и раздумий... В ней отсутствовало ощущение трагедии происшедшего, а бесконечность субъективного времени оказывалась спрессованной в один краткий миг. Записи «Никто не вернулся» подразумевали простое исчезновение, группу людей, пропавшую мгновенно и бесследно, как пламя задутой свечи. Хотя гораздо более вероятными были ситуации, подобные нынешней: медленное угасание надежды по мере того, как каждая новая попытка на спасение оказывалась тщетной.

Настроение Дари портилось все больше. Смерть редко бывает быстрой, чистой и безболезненной, если только не происходит неожиданно. Гораздо чаще она оказывается медленной, мучительной и унижительной.

Спокойный голос вырвал ее из пут усталости и отчаяния.

— Приготовьтесь там, сзади. — Ханс Ребка говорил отнюдь не обреченно и не подавленно. — Мы идем слишком низко и слишком медленно. При такой скорости лишь впустую истратим энергию. Так что нам надо подняться выше облаков. Держитесь покрепче, предстоят не очень приятные минуты.

Держаться? За что? Но слова Ребки и его бодрый тон сказали ей, что не все еще перестали бороться.

Устыдившись самой себя, Дари попыталась вклиниться поглубже в багажный отсек, когда аэрокар стал пробиваться сквозь постоянно бурлящий нижний слой облаков. Яркое, почти осязаемое свечение снаружи сменилось тусклыми грязноватыми сумерками. Началась болтанка. Вихри налетали на них со всех сторон, швыряя перегруженное суденышко по небу легко и беспорядочно, как бумажную игрушку. Что бы ни делали Ребка и Перри с рычагами управления, аэрокар был слишком тяжел для успешного маневрирования.

Дари постаралась предугадать его движения, но раз за разом ошибалась. Она не могла понять, поднимаются они, падают или вошли в смертельный штопор. Удары различных ручек и выступов сыпались на ее голову со всех сторон. В тот момент, когда она уверилась, что следующий удар добьет ее окончательно, четыре суставчатые лапы крепко обхватили ее за талию. Дари дотянулась до мягкого толстого тельца и отчаянно вцепилась в него.

Аэрокар продолжал рыскать, нырять и дергаться, неуклонно поднимаясь все выше. Каллик толкнула ее, прижав к стенке. Дари погрузила лицо в бархатистый мех, согнула колени и стала сама толкать ее в ответ. Так, уперевшись друг в друга и в стенки аэрокара, они обрели новое устойчивое положение. Дари прильнула к хайменоптке всем телом, мечтая, чтобы эта езда по ухабам когда-нибудь кончилась.

— Мы почти у цели. Прикройте глаза. — Голос Ребки в интеркоме прозвучал за мгновение до того, как болезненные нырки и скачки прекратились. Полет стал более плавным, вместо рассеянного красно-коричневого свечения кабину затопил ослепительный свет.

Дари услышала справа громкое пофыркивание: Ж'мерлия ухитрился повернуться в своем кресле лицом назад.

— Каллик хочет принести свои нижайшие извинения, — произнес он, — за то, что она сделала. Она уверяет вас, что никогда в нормальных условиях не осмелилась бы прикоснуться к персоне высшего существа. И она просит вас благосклонно отпустить ее.

Дари осознала, что все еще цепляется за мягкий черный мех и сжимает хайменоптку в медвежьих объятиях, прижимая ее к стенке аэрокара. Хайменоптка была слишком вежлива, чтобы сказать об этом, но она наверняка понимала, что Дари просто запаниковала.

— Скажи Каллик, что она проявила большую доброту, держа меня, и очень помогла мне. Никаких извинений не требуется.

«А если я высшее существо, — про себя добавила Дари, — то не хотела бы знать, что испытывают низшие».

Однако несмотря на все свое смущение, Дари почувствовала себя лучше. Качка прекратилась, а свист воздуха, рассекаемого аэрокаром, говорил о том, что они теперь движутся гораздо быстрее. Даже ее собственные ушибы и усталость ощущались менее болезненно.

— Мы почти удвоили свою скорость, и сейчас полет будет более ровным. — Голос Ребки в интеркоме, казалось, откликнулся на ее изменившееся настроение. — Но нам пришлось нелегко, пока мы пробивались сквозь эти облака, — продолжал он. — Командор Перри произвел перерасчет наших запасов энергии. С учетом оставшегося расстояния мы сейчас почти на пределе. Нам надо быть экономными. Сейчас я слегка уменьшу скорость и выключу кондиционеры. Это ухудшит условия в кабине. Будьте готовы развернуть кресла назад и постарайтесь возместить потерю жидкости организмом.

Дари в голову не приходило, что ее ограниченное поле зрения может стать преимуществом. Однако по мере повышения температуры в кабине она поняла, какое это счастье сидеть в защищенном заднем отсеке. Люди впереди дышали тем же спертым воздухом, что и она, но к этому добавлялся невыносимый прямой свет.

Она не совсем понимала, чего это стоит, пока им не пришлось исполнить акробатический номер, чтобы поменяться местами в переполненном аэрокаре. Задача эта была по силам разве что цирковому человеку-змее. Дари оказалась на переднем сиденье рядом с окном. Впервые с момента отлета она видела не только крохотный кусочек кабины.

Они шли над верхней кромкой облаков, едва не задевая выступающие гребни, которые словно морские буруны ловили и отражали свет, ослепительно сияя золотом и багрянцем. Мэндел и Амарант стояли прямо над головой, и лучи их яростно били по аэрокару с силой, которую нельзя было почувствовать на защищенной облаками поверхности Тектона и Опала. Две эти звезды повисли в почти черном небе гигантскими ослепительными шарами. Даже при включенной на максимум светозащите аэрокара алые и желтые лучи этих звездных партнеров слепили глаза.

Пот ручьями тек по лицу Дари и насквозь промочил ее одежду. На ее глазах Мэндел и Амарант перемещались по небу. Все вокруг быстро менялось. Она ощутила убыстряющийся темп происходящего, увидев, как спешат к точке своего наибольшего сближения два солнца и две планеты.

Но не только они участвовали в этой игре.

Дари покосилась в сторону. Гаргантюа висел в небе, как бледная тень Мэндела и его карликового спутника. Но вскоре и это изменится. Еще немного, и Гаргантюа станет самым круп-

ным объектом в небе Тектона, подойдя к нему ближе любого другого космического тела в этой звездной системе и соперничая с Мэнделом и Амарантом в силе своего сокрушительного воздействия.

Она посмотрела вниз, гадая, что происходит сейчас под кипящим слоем облаков. Вскоре им придется снова пройти сквозь них, но не исключено, что поверхность планеты уже настолько изуродована, что места для посадки они не найдут. А может, и разыскиваемый ими корабль уже исчез, проглоченный новым разломом планетной коры.

Отвернувшись от окна, Дари закрыла утомленные глаза. Переносить это буйство света было чрезвычайно трудно. Жара в кабине и палящие лучи почти докончили ее. Еще мгновение — и она не выдержит.

Но выбора у нее не было.

Она поглядела налево. Рядом с ней скорчилась, вжавшись в пол, Каллик. За ней сидевший в кресле пилота Макс Перри держал перед лицом кусок непрозрачного пластика, чтобы как-то защититься от потока слепящего света.

— Долго нам еще? — раздался слабый хрип.

Дари не узнала собственный голос. Имела ли она в виду время, оставшееся до того, как они снова поменяются местами? Или придут к месту своего назначения? Или до того, как они все погибнут?

Впрочем, никакой разницы не было. Перри не ответил. Он просто передал ей бутылку с теплой водой. Она отпила глоток и заставила Каллик сделать то же самое. Потом она снова сидела, обливаясь потом, и терпеливо ждала, когда придет время меняться местами.

Дари потеряла счет времени. Она помнила, что по крайней мере три раза она терпела пытку передним креслом. Казалось, прошли недели, как вдруг Джулиус Грейвс потряс ее за плечи, предупреждая:

— Будьте готовы к болтанке. Мы опускаемся сквозь облака.

— Мы добрались? — прошептала она. — Давайте выйдем.

Она больше не могла ждать. Что бы ни случилось потом, она должна убежать от этой пытки поджариванием в излучении двух солнц. Они будут ей сниться всю оставшуюся жизнь.

— Нет. Не добрались. — В голосе Грейвса звучало то же нетерпение. Он то и дело вытирал пот со лба. — У нас кончается энергия.

Это привлекло ее внимание.

— Где мы находимся?

Но он уже отвернулся. Елена Кармел перегнулась к ней с заднего сиденья и ответила:

— Если не врут приборы, мы находимся очень близко. Почти у нашего корабля.

— Как близко?

— В десяти километрах. А может, и меньше. Они говорят, что все зависит от того, сколько времени мы продержимся в воздухе.

Дари больше не произнесла ни слова. Десять километров, пять километров... Какая разница? Она не сможет пройти и километра, даже для спасения своей жизни.

Но тут в ней проснулся удивленный внутренний голос и произнес: «Ну, разве только для спасения своей жизни... Если юная растерянная Елена Кармел сумела найти в себе силы, то почему ты сдаешься?»

Прежде чем она начала спорить сама с собой, они нырнули в облака. И через секунду у нее не осталось времени на роскошь внутренних распрей.

Ханс Ребка считал, что остатки энергии могут потребоваться ему позднее, и не собирался как-то смягчать условия полета. Во время стремительного спуска машину швыряло в небе, как пробку в штормовом море, но это длилось недолго. Меньше чем через минуту они пробили дно облачного слоя.

Все тянули и изгибали шеи, но, что бы ни ждало их впереди, назад дороги не было.

На месте ли еще космический корабль? И есть ли рядом твердая площадка для посадки? Или они избежали палящих лучей Мэндела и Амаранта только для того, чтобы погибнуть в раскаленной лаве Тектона?

Дари глядела вперед, не в силах ответить на эти вопросы. Земля внизу была скрыта от глаз густой завесой дыма. Они должны были находиться над склоном Пятиконечной впадины, но вполне могли оказаться в любой другой части планеты.

— Что ж, — тихо сказал Ханс Ребка, как бы обращаясь к самому себе, — хорошо, что нам не надо принимать решение. Посмотрите на счетчик энергии, Макс. Мы за красной чертой. Нам надо спускаться, хотим мы того или нет. — Он повысил голос. — Надеть респираторы.

А затем они поплыли в серо-голубом дыму, клубившемся и бурлившем вокруг аэрокара. Ветер ударил в них с колоссальной силой, и Ребка быстро заговорил снова:

— Мы приземляемся с отрицательной скоростью. Я собираюсь сесть как можно скорее, прежде чем нас унесет обратно к Пуповине.

— Где корабль? — спросил Джулиус Грейвс, сидевший рядом с Дари в тесном грузовом отсеке.

— Впереди, в двух километрах от нас. Мы его не видим, но, по-моему, он еще там. Я засек аномальное отражение на радаре. Мы не можем добраться до скального выступа, на котором находится корабль, так что приземлимся на склоне впадины. Готовьтесь. Высота двадцать метров... пятнадцать... десять. Приготовиться к посадке.

Мощный ветер внезапно стих. Дым вокруг поредел. Сбоку от аэрокара Дари смогла разглядеть землю. Она была безжизненной, но пар, как дыхание дракона, струился из многочисленных отверстий, рассеянных по склону Пятиконечной. Густая растительность, которую ожидала увидеть Дари, исчезла. Вокруг были только серый пепел да обуглившиеся стволы.

— Полтора километра, — прозвучал голос Ребки, спокойный и отрешенный. Высота — пять метров по альтиметру. Энергия кончается. Кажется, нам придется немного прогуляться. Три метра... два... один. Ну, давай, красотка. Не подведи.

До Летнего Прилива оставалось только три часа. Аэрокар коснулся дымящегося склона Пятиконечной впадины, так нежно и тихо, как спускающийся на травинку мотылек.

ГЛАВА 21

3 часа до Летнего Прилива

Счастливым себя Ханс Ребка не назвал бы, но последние несколько часов он испытывал глубокое удовлетворение.

С момента своего назначения на Добеллию он ощущал неуверенность в себе и в своих действиях. Его послали сюда выяснить, что неладно с командором Максом Перри, и помочь в его реабилитации.

На бумаге это выглядело очень просто. Но в чем конкретно заключалась его задача? Он был человеком действия, а не психоаналитиком. В его предыдущей деятельности не было ничего, что помогло бы ему в решении этой туманной проблемы.

Теперь все изменилось. Там, у Пуповины, он оказался с группой беспомощных существ (чужаков, неудачников, новичков, неумех) на руках, и у него появилось конкретное дело: доставить их на перегруженном и разряженном аэрокаре через половину Тектона и выйти на игрушечном космическом корабле на орбиту прежде, чем планета их всех убьет.

Возможно, задача эта была невыполнимой, но по крайней мере вполне четкой и ясной. И правила ее решения тоже сомнений не вызывали. Он выучил их давным-давно на Тойфеле: «Добейся или умри, добиваясь. Пока не добился успеха, не расслабляйся. Пока не умер, не сдавайся».

Он устал, они все устали. Но то, что Дари Лэнг казалось свежими силами, на самом деле было выходом всей накопившейся в нем неудовлетворенности. Это помогало ему до сих пор, поможет пережить и Летний Прилив.

Как только аэрокар коснулся земли, Ребка выгнал всех наружу. Не важно, опасно там или нет. Лететь дальше аэрокар не мог.

Он указал на уходящий вниз дымящийся склон.

— Идти надо вон туда. Космический корабль там. — Затем, перекрикивая громовые раскаты, он позвал Перри, отрешенно глядевшего по сторонам: — Командор, ваша группа была здесь несколько дней назад. Видите что-нибудь знакомое?

Перри покачал головой.

— Когда мы здесь были, все покрывала растительность. Но этот выход базальта я запомнил. — Он указал на темный холм метров сорока высотой, верхушка которого скрывалась в сером дыму. — Нам надо подобраться к нему и залезть наверх. Там должен находиться корабль.

Ребка кивнул.

— Можно ждать каких-нибудь неприятных сюрпризов?

Несмотря на все свои недостатки, Перри по-прежнему оставался самым компетентным специалистом по Тектону.

— Пока ничего не могу сказать. На Тектоне их всегда хватало. — Перри нагнулся и приложил ладонь к камню. — Довольно горячо, но идти можно. Если низкой огонь выжиг всю растительность вокруг выхода базальта, мы без особого труда

доберемся до него. Без зелени все выглядит иначе. И сейчас гораздо жарче... несравнимо жарче.

— Тогда пошли. — Ребка махнул рукой вперед. Гром грохотал все сильнее, а окружающая обстановка не располагала к долгим разговорам. — Вы с Грейвсом показывайте дорогу. Затем вы двое. — Он указал на близнецов. — Я пойду последним, после всех.

Он не стал тратить время на обсуждения. Полет на аэрокаре оказался для всех сушей пыткой, и Ребке не было нужды спрашивать, смогут ли они пройти еще километр-два по этим ухабам. Когда они не смогут идти, он это увидит: они свалятся.

Поверхность в момент посадки была спокойной, но когда Перри и Грейвс двинулись вперед, Тектон содрогнулся от очередного всплеска сейсмической активности. Земля впереди вздыбилась длинными продольными складками, сбегающими вниз по склону впадины.

— Нужно идти, — крикнул Ребка, стараясь перекрыть треск и гул ломающихся утесов. — Мы не можем стоять и ждать.

Но Перри остановился и положил руку на плечо Грейвса, чтобы задержать его. Он обернулся и покачал головой, обращаясь к Ребке:

— Пока идти нельзя. Здесь интерференция волн двух землетрясений. Смотрите.

В пятидесяти шагах от них сошлись валы разной амплитуды и длины. Там, где они сливались, в пыльный воздух взлетали фонтаны земли и камней. Внезапно совсем рядом земля разверзлась. Края трещины разошлись и тут же сомкнулись; через несколько секунд от нее не осталось и следа. Перри ждал, пока основные подвижки не закончились, и только потом двинулся вперед.

У Ребки отлегло от сердца. Каковы бы ни были проблемы Макса Перри, но он не утратил свое чутье на опасности. Если он продержится еще километр, то главная его задача будет выполнена.

Спотыкаясь, они двинулись вперед. Земля снова содрогнулась. Горячее дыхание Тектона вырвалось из многочисленных трещин, и когда молния пронзила тучи тонкого пепла, небо над их головами на миг превратилось в гигантское живописное полотно. Раскаты грома и грохот землетрясения слились в общий гул, накатывающийся со всех сторон. Пошел теплый, насыщенный серой дождь, но, едва коснувшись горячей, разорванной приливом земли, он сразу обращался в пар.

Со своего удобного места в арьергарде их маленького отряда Ребка оценивающе поглядывал на своих спутников. Сразу за Перри и Грейвсом бок о бок шагали близнецы Кармел. За ними между двух чужаков, положив руку на покатуую спину Ж'мерлии, шла Дари Лэнг. Все держались отлично. Грейвс, Джени Кармел и Дари Лэнг прихрамывают, остальные шатаются от усталости... но все это мелочи.

Да, они нуждаются в отдыхе. Он угрюмо усмехнулся. В ближайшие же несколько часов они так или иначе отдохнут.

Самой большой проблемой была повышавшаяся температура. Еще градусов десять, и им придется замедлить шаг, или они просто свалятся от теплового удара. Дождь, который, казалось, должен был принести облегчение, стал таким горячим, что оставлял на коже волдыри. А поскольку они опускались в Пятиконечную впадину, дальнейшее повышение температуры неизбежно.

Но останавливаться нельзя. Если они пойдут медленнее или попытаются вернуться наверх в поисках какого-нибудь убежища, силы Летнего Прилива их просто уничтожат.

Ребка подгонял своих спутников, то и дело поглядывая вперед, чтобы не потерять в дыму базальтовый утес, к которому они шли. До него оставалось уже не более нескольких сотен метров, и дорога казалась нетрудной. Еще шагов сто — и обломки скал и вздыбленная земля, так затруднявшие ходьбу, останутся позади, а за ними простиралась коричневая площадка, ровнее которой Ребка на Тектоне ничего не видел. Она походила на дно высохшего озера — все, что осталось от неглубокого водоема, полностью выкипевшего за последние дни. Они преодолеют этот участок без особого труда. За этой неширокой площадкой земля плавно поднималась к основанию утеса, на вершине которого они рассчитывали найти корабль.

Шедшие впереди Грейвс и Перри были уже в двадцати шагах от ровного участка. Массивный утес с плоской вершиной был настолько близок, что, казалось, до него можно дотронуться. И тут Макс Перри в нерешительности остановился. Ребка посмотрел на него и ругнулся, но Перри, опершись на большой иззубренный валун, внимательно вглядывался вперед.

— Двигайся, парень.

Перри покачал головой и, подняв руку, чтобы остановить шедших за ним, присел на корточки, осматривая почву. В тот

же самый момент Елена Кармел вскрикнула и показала на вершину утеса.

Небо почернело, но почти непрерывные вспышки молний давали вполне достаточно света. Ребка ничего не заметил в том месте, куда уставился Перри, за исключением легкого дрожания воздуха и размытых очертаний лежащего перед ними дна озера. Но взглядевшись туда, куда указывала Елена Кармел, он различил в разрывах клубящихся облаков пыли нечто знакомое — очертания маленького космического корабля. Он лежал на краю утеса и выглядел отсюда неповрежденным. Подъем туда будет нетрудным. Менее чем через пять минут они окажутся наверху.

Елена Кармел обернулась и прокричала что-то сестре, но ее слова утонули в раскатах грома. Ребка умел читать по губам. Она прокричала: «Летний сон!» — и с торжествующей улыбкой рванулась вперед мимо Грейвса и Перри.

Она находилась уже на площадке из высохшей грязи, на пути к подножию утеса, когда Перри, подняв голову, увидел ее.

На секунду он замер, а затем из его рта вырвался пронзительный вопль, слышный даже сквозь гул и грохот.

Елена обернулась на этот звук, и тут корка обожженной глины толщиной менее сантиметра треснула под ее весом. Фонтан черного пара и кипящего ила вырвался оттуда, окутав ее с ног до головы.

Она вскрикнула и замахала руками, стараясь сохранить равновесие. Но жижа, бурлившая под хрупкой поверхностью, давала опоры не больше, чем горячий сироп. Прежде чем кто-либо успел шевельнуться, Елена провалилась по пояс. Она закричала от чудовищной боли, когда кипящая грязь сомкнулась вокруг ее ног.

— Наклонись вперед! — Перри распластался на хрупкой корке, чтобы не продавить ее, и пополз к девушке.

Но боль помешала Елене Кармел последовать его совету. Он двигался слишком медленно, а она тонула слишком быстро. Перри был еще в трех шагах от нее, когда кипящая грязь дошла ей до шеи. Она испустила последний жуткий крик.

Перри бросился вперед по трескающейся поверхности, чтобы схватить ее за волосы и еще поднятую руку. Он дотянулся до нее, но удержать не смог.

Она погружалась все глубже. Ничего уже не сознавая от болевого шока, она не издала ни звука, когда обжигающая грязь

залила ей рот, нос и глаза. Спустя мгновение она исчезла. Жидкая поверхность всколыхнулась, а через секунду стала такой же гладкой, как и прежде.

Перри пополз дальше вперед и по локоть погрузил руки в кипящую черную грязь. Рыча от боли, он пытался нащупать девушку, но ничего не находил.

Остальные окаменели от ужаса. Внезапно Джени Кармел издала ужасный вопль и рванулась вперед. Джулиус Грейвс кинулся вдогонку и схватил ее, с трудом удерживая на самом краю кипящей трясины.

— Нет, Джени. Нет! Ты ей не поможешь, она погибла. — Он держал ее за талию, пытаясь оттащить на безопасное расстояние. Джени отчаянно сопротивлялась, но Грейвс не выпустил ее, пока не подоспели Ребка и Дари Лэнг, тут же схватившие ее за руки.

Джени все еще стремилась добраться до места, где исчезла Елена. Она протащила их к краю каменистого берега. Резко повернувшись, она потащила за собой Дари, и та наступила на треснувшую корку. Левая нога Дари по щиколотку погрузилась в грязь. Она закричала и повалилась на Ребку, едва не потеряв сознание от боли. Тот оставил Джени на попечение Грейвса, а сам стал вытаскивать Дари на берег.

Джени еще раз попыталась добраться до открытого участка жидкой грязи. Поверхность трясины, где засосало Елену, пузырилась и подрагивала, словно делая последний выдох. Но Перри с искаженным от боли лицом уже полз по предательской корке назад к спасительному каменистому берегу. Руки его не слушались, но он кое-как поднялся и телом стал отталкивать Джени от края.

Спотыкаясь, они выбрались на безопасное место. Джени затихла. Когда первый приступ отчаяния прошел, она закрыла лицо руками и разрыдалась.

Обняв одной рукой Дари Лэнг, Ребка оглядел всю группу. Они были ошеломлены смертью Елены, но его беспокоило другое. За тридцать секунд их положение из трудного превратилось в отчаянное. Дышать было почти невозможно, жара нарастала, а поверхность Тектона становилась все более и более активной. Они не могли себе позволить ни малейшей задержки.

Что же теперь делать?

Он заново оценил их положение. Раскаты грома, доносившиеся со всех сторон, стали потише, но из семерых людей и

чужаков здоровыми остались только четверо: он, Грейвс, Ж'мерлия и Каллик. Никто не знал, надолго ли хватит чужаков в таком пекле, но до сих пор они справлялись со всем и вели себя не хуже людей.

А как обстоит дело с остальными?

Перри пребывал в глубоком шоке и, насколько Ребка мог судить, не только физическом; он стоял неподвижный и безучастный, как робот. Но он выдержит. Он мог идти, и он пойдет. С другой стороны, он уже никому не поможет, а без помощи собственных рук ему будет сложно вскарабкаться на утес. Руки висели вдоль тела, сожженные по локоть, совершенно бесполезные, как два куска черного теста. Когда пройдет первый шок, боль в них будет чудовищной. Если повезет, это случится уже на борту «Летнего сна».

Дари Лэнг, безусловно, нуждалась в помощи. Нога ее была обожжена не сильнее, чем руки Перри, но она меньше привыкла к физическим страданиям и плакала от боли и потрясения. Слезы ручьем бежали по ее грязному лицу.

И, наконец, Джени Кармел. В физической помощи она не нуждалась, но эмоционально была раздавлена. Казалось, девушка едва сознавала, что рядом есть кто-то еще. Вряд ли она сможет помочь кому-то или принять помощь.

Эту оценку Ребка произвел автоматически.

— Советник Грейвс, вы помогаете Джени Кармел. Я помогу командору Перри, если ему будет трудно. Ж'мерлия и Каллик, профессор Лэнг нуждается в вашей помощи. Помогите ей, особенно когда будем взбираться на скалу.

«А теперь посмотрим, насколько крепок командор Перри», — подумал он.

— Командор, мы здесь не пройдем. Можете предложить другую дорожку к кораблю?

Перри очнулся. Он задрожал, поглядел на свои обожженные руки и осторожно отвел правую от тела. Он указал на левую сторону утеса, двигая рукой так, будто она стала каким-то чужеродным предметом.

— Когда мы были здесь в прошлый раз, мы спускались по промоине. Там только камни, никаких грязевых участков. Если мы ее найдем, то сможем по ней подняться наверх.

— Хорошо. Показывайте дорожку.

Когда они обходили смертельный котел кипящей грязи, Ребка посмотрел на вершину утеса. До нее было не более со-

рока метров, но расстояние это казалось неодолимым. Промоина была довольно пологой. Здоровые мужчины или женщины миновали бы ее за полминуты, но Перри потратил больше времени на первые несколько футов. Слишком медленно.

Ребка вышел вперед и положил руки на бедра Перри.

— Только иди. Не думай, что упадешь. Я с тобой. Если тебе будут нужны поддержка или толчок, дай знать.

Перед тем как Перри начал двигаться, он бросил взгляд на остальных. Джулиус Грейвс уговаривал Джени Кармел идти, и они неплохо справлялись. Ж'мерлия и Каллик отбросили мысль о том, чтобы поддерживать Дари Лэнг. Вместо этого они посадили ее на мохнатую спину Каллик, и хайменоптка карабкалась вверх по склону, а Ж'мерлия подталкивал их сзади и подбадривал Каллик лихими свистками и уханьем.

Земля под ними задрожала с новой силой. Ребка увидел, как аэрокар, на котором они прилетели, накренился и рухнул. Черный дым поглотил его и медленно, но неуклонно пополз в их сторону.

«Не все сразу, — сказал он себе. — Не оглядывайся и не смотри вверх».

Ребка сосредоточился на помощи Максу Перри: если тот упадет, они все покатаются вниз.

Спотыкаясь и скользя на мелких осыпях, они упорно карабкались вверх. Был один критический момент, когда Перри поскользнулся и упал ничком на камни. Боль пронзила обожженные руки, и он невольно застонал. Ребка помог ему подняться на ноги, и через несколько мгновений они снова карабкались по извилистой промоине.

Как только Перри сделал последние шаги и выбрался наверх, Ребка повернулся посмотреть, что происходит сзади. Грейвса шатало от изнеможения, он почти не держался на ногах, и Джени Кармел поддерживала его. Трое других были еще на полпути к вершине и продвигались очень медленно. Ребка слышал затрудненное пощелкивание и посвистывание Каллик.

Им придется справляться самим. Первоочередной заботой Ребки был космический корабль. В рабочем он состоянии или нет? Хватит ли энергии на полет к орбите? Перри подошел к «Летнему сну» и остановился около дверцы. Когда подошел Ребка, он беспомощно поднял руки. Пальцы его не слушались, и войти в корабль он не мог.

— Поторопи остальных... особенно Каллик. — Ребка рывком открыл люк, осознав внезапно, насколько *мал* этот кораб-

лик. Перри рассказывал ему, что он больше похож на игрушку, чем на звездолет, но такого Ребка не ожидал. Внутри «Летний сон» был не больше аэрокара.

Он подошел к пульту и облегченно вздохнул. По крайней мере с управлением у него проблем не будет, даже без помощи Каллик или Джени Кармел. Пультов проще этого он не встречал.

Затем он повернулся к дисплеям. Уровень энергии был удручающе низок. Что, если ее не хватит для выхода на орбиту?

Он поглядел на хронометр. Оставалось меньше часа до Летнего Прилива. Это и был ответ на его вопрос. Делать — плохо, а не делать — еще хуже. Как только все втиснулись в корабль, он приготовился к взлету.

Последними были Дари Лэнг и Джени Кармел.

— Закройте люк, — сказал им Ребка и повернулся к пульту управления. Он не стал смотреть, как выполняется его распоряжение, не было времени и на долгие проверки, обычно предваряющие выход в космос. Сквозь лобовое стекло он видел, как неумолимо приближается к ним стена пламени. Через несколько секунд она поглотит корабль.

— Держитесь крепче. Я снимаюсь на трех g.

«Если повезет, — подумал он. — А если не выйдет...»

Ханс Ребка включил двигатели на полную мощность. Звездолет задрожал, силясь оторваться от земли.

В течение какого-то показавшегося бесконечным времени ничего не происходило. И когда море огня уже настигало их, «Летний сон» застонал всем корпусом, подпрыгнул и взмыл в угольно-черное кипящее небо Тектона.

ГЛАВА 22

Летний Прилив

Через десять секунд после того, как ее нога погрузилась в кипящую черную грязь, нервная система Дари Лэнг отключилась. Она не ощущала ни боли, ни тревоги, ни печали.

Теоретически она знала, что Макс Перри получил более серьезные ожоги, но тем не менее он каким-то образом воз-

главлял их подъем по каменистому склону. Однако такое усилие и заинтересованность в происходящем были выше ее сил. Если она и сохраняла сознание, то только потому, что не знала, как его потерять. И добралась наверх к кораблю вместе со всеми лишь потому, что Ж'мерлия и Каллик не оставили ей выбора. Они подняли ее и понесли, заботясь о том, чтобы ее поврежденные ступня и шиколотка не касались земли.

Это состояние самоизоляции кончилось мучительным образом... когда они приблизились к входному люку. Как только Каллик осторожно и нежно положила ее на землю, боль током пронзила ее ногу.

— С извинениями и крайним сожалением, — тихо произнес Ж'мерлия, приблизив свои темные жвала к ее уху, — но вход рассчитан только на одного. Необходимо входить по одному.

Они кладут ее на землю и говорят, чтобы она шла своими ногами, когда боль сделалась невыносимой! Неужели она должна будет встать на обожженную ногу. Она начала просительно объяснять чужакам, что не сможет этого вынести... Но было поздно. Она уже стояла, балансируя на одной ноге, перед входным люком.

— Торопитесь, — крикнул из корабля Макс Перри.

Дари бросила на него ненавидящий взгляд и увидела его руки в волдырях, лопнувших до кости от удара о камни при подъеме к кораблю. Он наверняка чувствует себя гораздо хуже, чем она. Дари стиснула зубы, приподняла левую ногу, схватилась за дверную раму и запрыгнула внутрь корабля. Там едва хватало места для уже вошедших. Как-то она ухитрилась пробраться к боковому иллюминатору и устроилась около него, по-прежнему стоя на одной ноге.

«Что же делать? Не могу же я бесконечно так стоять?» Мысль о том, что надо коснуться ногой чего бы то ни было, приводила ее в ужас.

Ответом стало объявление Ребки, что он стартует на трех г. Слова эти привели ее в отчаяние. Она едва стояла при обычной тяжести. Значит, ей придется лечь, и тогда три г безжалостно вдавят ее больную ногу в пол.

Прежде чем она смогла что-то выговорить, к ней протиснулось короткое тельце Каллик. Хайменоптка приблизилá свое мягкое брюшко к искалеченной ноге Дари и издала несколько тихих свистков.

— Нет! Не прикасайтесь! — в панике воскликнула Дари.

Она попыталась отодвинуть ногу в сторону, но из тельца Каллик высунулось блестящее желтое жало и вонзилось в нижнюю часть ее икры. Дари вскрикнула и упала навзничь, ударившись головой о ящик с запасным снаряжением за креслом пилота.

Она не успела шевельнуться, как начался подъем.

Дари обнаружила, что лежит плашмя, и нога ее прижата к металлическому полу. Ее больная нога! Она собралась закричать, открыла рот и внезапно поняла, что единственная часть ее тела, не испытывающая никакой боли, — это ступня. И икра. Укол жала Каллик лишил это место всякой чувствительности.

Она откинулась назад и повернула голову, чтобы ее увеличивающийся вес пришелся на щеку и ухо. На полу лежала груда тел. Прямо перед собой она видела Каллик, ее мохнатое брюшко служило изголовьем Джени Кармел. Сразу за ними лежал Джулиус Грейвс, но она смогла разглядеть лишь его лысую макушку рядом с блестящим черным черепом Ж'мерлии. Корабль пилотировал Ребка; в соседнем кресле находился Макс Перри, но его закрывал от нее ящик и спинка кресла.

Сделав огромное усилие, Дари повернула голову в другую сторону. В футе от нее был боковой иллюминатор, и она посмотрела в него. Невероятно! Они ведь уже несколько минут как стартовали, а их корабль все еще находился под облачным слоем Тектона. Вспышка молнии выхватила из темноты поверхность планеты, покрытую сетью разломов. Ее захлестывали волны оранжево-красной лавы, вздымавшейся, как океанские валы. Вся планета была в огне, словно грешник, обреченный на вечные муки. Затем корабль вошел в облака черной пыли, такие плотные, что она не могла разглядеть даже контрольные экраны, расположенные всего в футе от нее.

Корабль встряхнуло. Дари беспомощно привалилась к Каллик, и обе они заскользили по полу, пока не столкнулись с Джулиусом Грейвсом. Еще мгновение, и все трое покатались обратно и притиснули Дари к стенке. Она все еще лежала в этом положении, прижатая к полу весом всех, кроме Ребки и Перри, когда «Летний сон» неожиданно вынырнул из облаков Тектона. В иллюминаторе блеснуло невыносимое золотое сияние, но его тут же смягчили светозащитные экраны.

Дари повезло. Когда взрыв ослепительного света ударил по кораблю, ее голова находилась под брюшком Каллик. Все остальное на несколько секунд просто ослепило.

У сидевших впереди Ребки и Перри были защитные экраны, но они сидели лицом к свету, стараясь вывести корабль на орбиту в условиях, на которые он не был рассчитан. Поэтому только одна Дари, повернувшись к иллюминатору, чтобы бросить последний взгляд на оставшуюся за кормой корабля планету, увидела все, что произошло потом.

«Летний сон» поднимался над противоположным Опалу полушарием Тектона. Слева, у самого горизонта, маячили диски Мэндела и Амаранта. Светозащитные экраны смягчили их яркость, и они выглядели как светящиеся круги с темными разводами: сверкающие диски звезд-двойников были испещрены пятнами. Приливные силы заставляли их рвать друг друга точно так же, как они рвали Опал и Тектон. Прямо над головой, как бледный призрак, сиял Гаргантюа, этот гигант, чей отраженный свет защитные экраны делали слабым и нематериальным, почти потусторонним.

Из какой-то точки у края Гаргантюа (Дари не была уверена, находилась ли эта точка на планете или вне ее) к Тектону внезапно протянулся сверкающий голубой луч, яркий и тугий от сдерживаемой энергии.

Дари видела, как он движется. То был не луч обычного света, невидимый космической пустоте, а плотный, почти материальный огненный шнур. Там, где он ударил в облака, закрывавший поверхность планеты пылевой слой мгновенно испарился. Круглый участок поверхности Тектона, диаметром примерно километров в сто, осветили лучи Мэндела и Амаранта. Эта сочащаяся расплавленной лавой площадка стала деформироваться и превращаться в кратер. Образовался темный туннель, на глазах становившийся все глубже и шире. Вскоре Дари увидела, как из глубин планеты полетели расплавленные камни, образовавшие вокруг кратера зубчатый вал.

Движение космического корабля уносило Дари прочь от туннеля, а угол зрения был слишком мал, чтобы увидеть его дно. Не обращая внимания на боль во всем теле, она нагнулась поближе к иллюминатору. С набирающего высоту корабля Тектон казался огромной облачной бусиной, повисшей на стержне голубого света. Там, куда ударил этот луч, в бусине темнела дыра, окаймленная кольцом расплавленной лавы.

Дальнейшие события произошли так быстро, что Дари с трудом восстановила потом их точную последовательность.

Когда благодаря вращению Тектона за горизонтом скрылся Мэндел, а потом и Амарант, из открытого космоса ударил второй голубой луч, встретившийся с идущим от Гаргантюа. Сколькo Дари ни смотрела, она так и не смогла разглядеть, откуда он пришел: луч становился вдали все тоньше, пока не исчезал окончательно.

Новый световой стержень вошел в просверленный в коре Тектона туннель и расширил его — но не постепенно, а разом, лишнее вещество буквально выплеснулось оттуда. Узкие лучи красного и синего цвета ударили в пространство из точки пересечения первых двух. В тот же самый момент из глубины туннеля медленно выползли два серебристых шара.

Они выглядели совершенно одинаковыми, каждый, наверное, с километр в поперечнике. Поднявшись над Тектоном, они неподвижно зависли, один под другим, покачиваясь, как два прозрачных пузыря, наполненных ртутью.

Голубые лучи изменили цвет. Тот, который шел от Гаргантюа, стал ярко-шафрановым, другой налился лилово-красным огнем. Пульсации, пробегавшие по ним, участились. И когда это произошло, более высокий шар двинулся вдоль лилово-красного луча с нарастающей скоростью. Какие-то доли секунды, и он исчез. Дари так и не смогла сказать, ушел ли он из поля зрения, мгновенно набрав огромную скорость, или же таинственным образом растворился в пустоте. Едва он исчез, пропал и лилово-красный луч.

Второй шар все еще покачивался около Тектона. Через несколько мгновений и он медленно пополз вдоль шафранового светового стержня. Но двигался он лениво, как бы нехотя. Дари без особого труда следила за тем, как серебряный пузырек ползет вдоль шафранового луча, словно металлический паук, взбирающийся по собственной паутинке. На этот раз она не спускала глаз со светящейся сферы.

А затем внезапно что-то случилось с ее зрением. Звезды вокруг яркого шарика закачались и сдвинулись со своих мест. Сам шар исчез, став черным пятном, вокруг которого звезды слились в какую-то кольцеобразную радужную гроздь. На месте исчезнувшей сферы осталась чернильная точка, центр этого сверкающего звездного кольца, которое продолжало подниматься по желтому световому лучу.

Пока она разглядывала эту дыру в космосе, «Летний сон» совершил головокружительный разворот и ринулся вперед с

максимальным ускорением. Дари услышала, как вскрикнул в пилотском кресле Ханс Ребка. Яркая фиолетовая струя реактивного выхлопа прочертила звездное небо и двинулась наперез «Летнему сну».

Повернув голову, Дари увидела пикировавший на них космический корабль с характерными тупыми обводами. Так строили только в Сообществе Зардалу. На носу корабля внезапно распахнулись замаскированные бойницы.

Его мишенью был «Летний сон»! На таком расстоянии промахнуться невозможно.

Дари с ужасом увидела, как лучевые пушки полыхнули огнем; еще мгновение — и их кораблик разлетится в пыль. Но случилось невероятное: лучи бластеров отклонились от директриссы. Они прошли стороной, совершенно не задев «Летний сон», и, искривившись в пространстве, притянулись к черной сфере, висевшей на золотой нити.

Трассы выстрелов, продолжавшиеся светиться, словно огненные силовые линии, соединили корабль Зардалу с поднимавшимся шаром, а затем начали сокращаться. Звездолет медленно пополз к радужному кольцу, как будто темная сфера сматывала в клубок яркие нити лучевого залпа.

Но корабль Зардалу не собирался сдаваться. Включив двигатель на полную мощность и окутавшись ярко-фиолетовым пламенем, он попытался уйти от темной сингулярности. Дари почти физически ощущала борьбу гигантских сил, схватившихся в чудовищном поединке.

Космический корабль проигрывал. Захваченный кривизной поля, он двигался вдоль скручивающихся силовых линий, сближаясь с поднимавшейся сферой. А сама эта сфера двигалась все быстрее и быстрее. Дари показалось, что эта черная пустота всосала в себя корабль Зардалу, а еще через мгновение она метнулась по темному шнуру вверх и исчезла.

«Летний сон» продолжил свой путь вокруг Тектона. Гаргантюа опустился за горизонт, а вместе с ним исчезли все следы пульсирующего желтого луча.

— Не знаю, заинтересует ли это кого-нибудь, — сухой голос Ребки заставил Дари очнуться и вспомнить, где она находится, — но я только что посмотрел на хронометр. Пик Летнего Прилива был десять секунд назад. И мы на орбите.

Дари повернулась, чтобы взглянуть на Тектон. Под ними тянулись бесконечные темные облака, а за ними, из-за горизонта, вставал серо-голубой шар Опала.

Летний Прилив! Он прошел. И оказался совсем не таким, каким она его себе представляла. Она посмотрела на остальных, лежавших на полу кабины и протиравших глаза, и ощутила ужасное разочарование. Все увидеть... и ничего не понять! Это посещение Тектона во время Летнего Прилива ничего не прояснило и оказалось напрасной тратой времени и человеческих жизней.

— Хорошей новостью является то, что мы вышли на орбиту, — снова заговорил Ребка, и Дари по его голосу поняла, как он устал. — А плохой — то, что кульбиты, которые нам пришлось выделывать несколько секунд назад, истощили наш и без того небольшой запас энергии. За это нам, по-видимому, следует благодарить Луиса Ненду и Атвар Х'сиал. Я понятия не имею, что там происходило и что случилось с их кораблем, да и знать не хочу. Надеюсь, Ненда и Х'сиал свое получили, но сейчас у меня нет времени думать об этом. Я беспокоюсь о нас с вами. Без запаса энергии мы не сможем приземлиться на Опале, Тектоне или любой другой планете. Командор Перри пытается сейчас рассчитать траекторию полета к Станции-на-Полпути. Если нам повезет, мы сможем там пересечь на Пуповину.

«Пытается рассчитать траекторию, — подумала Дари. — Как он это делает? У него же не осталось рук, только обожженные куски мяса».

Но он сделает это, руками или без них. Если бы у него была обожжена нога, как у меня, он шел бы на ней. Бежал бы, если бы понадобилось. Ханс Ребка говорит о везении, но пока его им явно не хватало. Им пришлось добиваться всего собственными силами.

Я больше никогда не буду подсмеиваться над Кругом Фемуса. Его жители грязны, неприглядны, бедны и примитивны, но в Ребке и Перри (и в других, наверное, тоже) есть что-то такое, отчего все остальные граждане Альянса кажутся рядом с ними какими-то полуживыми. В них есть воля к жизни, упорство и бесстрашие...».

А затем из-за анестезирующего и слегка дурманящего действия жидкости, введенной ей Каллик, она начала погружаться в дремоту. Но Дари Лэнг никогда не переставала размышлять, даже когда ей это очень хотелось. Вот и сейчас ее мозг напомнил ей: «Пуповина. Мы отправляемся на Пуповину».

Самый незначительный артефакт Строителей. Так считала она, так считали все. Ничего собой не представлявшее соору-

жение, игрушка по меркам Строителей. Но именно в это место, на этот несущественнейший из всех артефактов, и на это самое время, пик Летнего Прилива, указывали остальные артефакты Строителей.

Почему? Почему не на такие поразительные сооружения, как Парадокс, или Стражник, или Слон, или Кокон, или Линза?

«Да, здесь есть какая-то серьезная загадка, — подумала Дари, — головоломка, над которой стоит покорпеть. Забудем, в какую кашу мы попали, подумаем лучше об этой тайне. Я ничем не могу помочь Ребке или Перри, да это и не нужно. Они сами обо мне позаботятся, так что давай-ка поразмышляем. Подумаем о тех двух шарах, вылетевших из глубин Тектона. Как долго они там находились? Почему они там были? Куда они отправились? Почему они выбрали именно этот момент для своего появления и что заставило черную сферу захватить с собой корабль Зардалу?»

Все эти вопросы остались без ответов. По мере того как нейротоксин Каллик разносился током крови по организму, Дари все глубже погружалась в забытие. На размышления времени не оставалось. Пропали былые сосредоточенность и энергия, мысли беспорядочно перескакивали с предмета на предмет. Еще мгновение, и ее поглотит наркотический сон.

Но в последний момент, за секунду до того, как ее разум растворился в размытой пустоте, на Дари снизошло озарение. Она постигла суть Тектона и Летнего Прилива! Теперь она понимала его назначение и, возможно, их роль во всем этом. Она тянулась к этой мысли, стараясь ее удержать, закрепить в своей памяти.

Поздно. Все еще продолжая бороться, Дари незаметно для себя погрузилась в глубокий сон.

ГЛАВА 23

Ребка проснулся, как просыпаются беспокойные животные: мгновенно вынырнул из крепкого сна и насторожился. И сразу же его охватила паника.

Он допустил роковую ошибку — позволил себе расслабиться. Кто управляет кораблем?

Кроме него, с этим мог справиться разве что Макс Перри, но с его руками за рычаги не возьмешься. Они могут врезаться в Опал, упасть снова на поверхность Тектона или затеряться в глубинах космоса.

Затем, еще не открыв глаз, он понял, что все в порядке.

Кораблем никто не управлял. В этом не было нужды. Он находился не на «Летнем сне», вне всяких сомнений. Потому что не было невесомости. И его не трясло и не швыряло в разные стороны, как бывает при входе в атмосферу. Вместо этого он ощущал небольшую силу тяжести, создаваемую постоянным ускорением, ускорение в несколько десятых g что указывало на капсулу, движущуюся по Пуповине.

Он открыл глаза и вспомнил последние часы их полета. Они петляли вокруг Станции-на-Полпути, как пьяные матросы, — самое жалкое сборище людей и чужаков, которое когда-либо видели в системе Добеллии. Он вспомнил, как до крови искусал губы и пальцы, чтобы не уснуть и не дать глазам закрыться. Пять долгих часов он выслушивал почти бессвязные указания Перри и как мог выполнял их, пока они тащились вдоль Пуповины. С помощью крошечных вспомогательных двигателей системы ориентации (в которых еще оставался небольшой запас энергии), он кое-как причалил к самому большому причалу на Станции.

Он вспомнил, как они подходили к нему... позор для любого пилота. Это заняло в пять раз больше времени, чем положено. И когда наконец, подтверждая стыковку, на пульте вспыхнул зеленый огонек, он откинулся в кресле и закрыл глаза, чтобы дать им немного отдохнуть.

А потом?

А вот потом в памяти у него пробел. Он огляделся по сторонам.

Наверное, он заснул в ту же самую секунду. Кто-то перенес его на Станцию, а затем в пассажирский отсек капсулы. Его пристегнули ремнями безопасности и оставили спать.

Он был здесь не один. В нескольких футах от него в легком гамаке покачивался Макс Перри; его изуродованные руки лоснились от восстанавливающего геля. Он был без сознания. За ним виднелась Дари Лэнг, ее пышные каштановые волосы были зачесаны назад и завязаны на затылке. Левая нога была оголена до колена, на обожженных ступне и лодыжке розовела искусственная кожа. Она дышала тихо и легко, бормоча

иногда что-то сквозь сон, словно стараясь проснуться. Сейчас, когда с ее лица ушли тревога и страх, она выглядела двенадцатилетней девочкой. Рядом с Дари лежала Джени Кармел. Судя по всему, она находилась под действием транквилизаторов, хотя видимых травм у нее не было.

Ребка посмотрел на свои часы: после Летнего Прилива прошло двадцать три часа. Весь этот фейерверк на Тектоне и Опале благополучно ушел в прошлое. А он на семнадцать часов выпал из жизни.

Он потер глаза и заметил, что лицо его больше не покрыто грязью и копотью. Кто-то не только перенес его в капсулу, но и умыл его и переделал в чистую одежду, а затем оставил спать дальше. Кто это сделал? Кто оказал помощь Перри и Дари Лэнг?

Это вернуло его к самому первому вопросу: кто хозяйничал в лавке, когда четверо из них лежали без сознания?

Он кое-как спустил ноги на пол и обнаружил, что не может расстегнуть ремни безопасности, и даже после семнадцати часов отдыха пальцы его не слушались. Если Дари Лэнг выглядела как школьница, то он чувствовал себя столетним инвалидом.

В конце концов Ребка освободился и покинул этот импровизированный госпиталь. Сначала он хотел разбудить Перри и Лэнг (она все еще продолжала что-то протестующе бормотать), но потом решил не делать этого. Перед пересадкой искусственной кожи им почти наверняка дали общий наркоз.

С трудом одолев небольшую лесенку, он оказался в ходовой рубке. Сквозь прозрачную крышу капсулы виднелась Станция-на-Полпути. И как бы подтверждая, что капсула спускается на Опал, в отдалении висел Тектон, сумрачный, закрытый темными облаками.

Десятиметровые стены рубки были сплошь покрыты экранами дисплеев. У пульта управления сидел Джулиус Грейвс, а по бокам у него расположились Ж'мерлия и Каллик. Все они в задумчивом молчании следили за приборами. Изображения на дисплеях показывали поверхность планеты... но это был Опал, а не Тектон.

Ребка застыл на пороге и в ужасе уставился на экраны. Все это время они думали только о Тектоне, совершенно забыв о том, что Опал также испытал воздействие самого большого Летнего Прилива за всю историю колонии. Лучи радаров, проникая сквозь облачный покров, показывали огромные участки

морского дна, обнаженного тысячеletним отливом. На илистом дне повсюду виднелись мертвые гороподобные прудовики, раздавленные собственным весом.

Другие кадры показывали Слингi, разрушенные волнами высотой в милю, промчавшимися по поверхности океана, вздыбленными приливными силами.

Безучастный голос диктора говорил о жертвах: половина населения планеты заведомо погибла, большинство — в последние двадцать четыре часа, одна пятая пропала без вести. Но еще до того, как было полностью подсчитано количество жертв, началось восстановление, и каждый житель Опала участвовал в этой работе.

Из этих передач Ребке стало ясно, что людям на Опале дел хватает. Там будет не до них.

Он прошел вперед и слегка похлопал Грейвса по плечу. Советник дернулся от этого прикосновения, повернулся в кресле и радостно ухмыльнулся:

— Ага! Вернулся из Страны Снов! Как видите, капитан, — он ткнул худой рукой вверх, а потом в сторону экранов, — наше решение провести Летний Прилив на Тектоне, а не на Опале оказалось не таким уж неразумным.

— Если бы мы, советник, остались во время Летнего Прилива на поверхности Тектона, мы бы превратились в пепел. Нам повезло.

— Нам повезло больше, чем вы думаете. И задолго до Летнего Прилива. — Грейвс указал на Каллик, которая одной лапкой манипулировала изображениями на экранах дисплеев, а другой вводила данные в карманный компьютер. — По словам нашего друга хайменопта, Опал пострадал сильнее Тектона. После взлета Каллик каждую свободную минуту производила расчет энергетического баланса. Она согласна с командором Перри: во время Великого Парада поверхность Тектона должна быть гораздо более активной. Пока мы там находились, эта энергия так и не была высвобождена полностью. Там работал какой-то особый механизм накопления энергии приливных сил. Если бы не он, планета стала бы непригодной для обитания задолго до того, как мы ее покинули. А так вся эта бездна энергии пошла на достижение неизвестной цели.

— Советник, Тектон и без того принес достаточно бед. Елена Кармел погибла. Не исключено, что Атвар Х'сиал и Луис Ненда тоже погибли.

— Скорее всего.

— Рад это слышать. Не знаю, помните ли вы это, но они во время Летнего Прилива были на орбите вокруг Тектона и пытались сбить нас. Они получили по заслугам. Но почему вы так уверены, что они погибли?

— Дари Лэнг видела, как корабль Ненды потащило к Гаргантюа с ускорением гораздо большим, чем то, которое могут выдержать люди или кекропийцы. Их должно было просто расплющить.

— Двигатели корабля Ненды работали на полной мощности. Никакое местное поле его бы не удержало.

— Капитан, если вы хотите поспорить по этому поводу, вам следует поговорить с Дари Лэнг. Случившееся видела она, а не я.

— Она спит.

— Все еще? Когда Ж'мерлия стал перевязывать ей ногу, она снова потеряла сознание, но ей давно уже полагалось бы проснуться. — Грейвс раздраженно мотнул головой. — Ладно, а вы чего хотите?

Ж'мерлия нерешительно тянул его за рукав, а рядом с ним возбужденно подпрыгивала и свистела Каллик.

— Со всем возможным уважением, советник, — Ж'мерлия опустился перед ним на колени, — но Каллик и я не могли не слышать ваших слов капитану Ребке... о том, что хозяин Ненда и Атвар Х'сиал покинули Тектон, а затем их потащило в Гаргантюа и раздавило ускорением.

— К Гаргантюа, мой лотфианский друг. Возможно, даже не к самому Гаргантюа. Профессор Лэнг очень на этом настаивала.

— Приношу свои извинения, я, конечно, должен был сказать к Гаргантюа. Уважаемый советник, возможно ли Каллик и моей ничтожной персоне на несколько минут оторваться от выполнения своих обязанностей?

— О, конечно, идите. И не раболепствуйте, вы же знаете, я это ненавижу. — Грейвс махнул рукой и, когда чужаки направились на нижний уровень капсулы, обернулся к Ребке:— Ну, капитан, если только вы не хотите снова свалиться и заснуть, я предлагаю тоже сойти вниз и посмотреть, как обстоят дела с командором Перри и профессором Лэнг. Времени у нас достаточно. Пуповина еще несколько часов не позволит нам сойти на Опал. А наша официальная работа в Добеллии завершена.

— Ваша — возможно. Моя — нет.

— Будет закончена очень скоро, капитан. — Ухмыляющийся скелет был, как всегда, раздражающе небрежен и самоуверен.

— Вы даже не знаете, в чем состоит моя настоящая работа.

— Нет знаю. Вы были посланы выяснить, что неладно с командором Перри, понять, что удерживает его в Добеллии на этой тупиковой работе... и вылечить его.

Ребка опустил в кресло перед приборной доской.

— Какого дьявола? Откуда вы все это знаете? — В голосе его звучало скорее недоумение, чем раздражение.

— Из вполне очевидного источника... от командора Перри. У него есть друзья и свои источники информации в правительстве Круга Фемуса. Он узнал, зачем вас сюда послали.

— Тогда он должен также знать, что я ничего не выяснил. Я же сказал, что мое задание не выполнено.

— Неверно. Ваша официальная работа почти завершена. Осталось сделать совсем немного. Видите ли, капитан, я знаю, что случилось с Максом Перри семь лет назад. Я подозревал это до того, как мы прибыли на Тектон, и подтвердил это, когда расспрашивал командора под воздействием транквилизаторов. Все, что для этого потребовалось, — задавать правильные вопросы. И теперь я знаю, что делать. Доверьтесь мне и послушайте.

Джулиус Грейвс выбросил свое длинное тело из кресла и подошел к монитору. Он вытащил из кармана мемочейку размером с кусочек сахара и вставил ее в гнездо.

— Конечно, это только запись. Но вы узнаете голос, хотя он и звучит значительно моложе теперешнего. Я отослал память Перри на семь лет назад. Это только фрагмент. Нет смысла делать глубоко личные страдания общим достоянием.

...Эми даже в такую жару оставалась глупенькой и проказливой. Смеясь, она побежала впереди меня назад к аэрокару, который должен был отвезти нас обратно к Пуповине. До него оставалось всего лишь несколько сотен метров, но я уже устал.

— Эй, помедленней. Я ведь тащу все снаряжение.

Она крутанулась в пируэте, дразня меня.

— О, Макс, давай не отставай. Учись развлекаться. Тебе же не нужно все это барахло. Брось его. Никто не заметит, что его нет.

Я невольно улыбнулся... несмотря на усиливающийся шум и то, что я взмок от пота. На Тектоне было очень жарко.

— Не могу я этого сделать, Эми... это государственное имущество. За него надо отчитываться. Подожди меня.

Но она только рассмеялась. И, пританцовывая, побежала прочь... на странную площадку, над которой дрожал от жара воздух, на хрупкую мерцающую почву Летнего Прилива...

Прежде чем я успел подойти к ней поближе, она исчезла. Просто так... в какую-то долю секунды. Ее проглотил Тектон. Все, что мне осталось, это боль...

— Там есть еще дальше, но это уже ничего не добавляет. — Грейвс остановил запись. — Ничего такого, о чем нельзя догадаться. Эми погибла в расплавленной лаве, а не в кипящей грязи. Макс Перри снова увидел этот дрожащий от жара воздух там, в Пятиконечной впадине... но не успел спасти Елену Кармел.

Ханс Ребка пожал плечами.

— Даже если вы узнали, что загнало Макса Перри в его скорлупу, это ведь не самая трудная часть моей работы. Предполагается, что я должен его вылечить, а я не знаю, с чего начать.

Ребка понимал, что ощущение провала и бессилия — явление временное, всего лишь побочное следствие его усталости после дней напряжения, но это не делало его менее реальным.

Он уставился на один из дисплеев, где был виден перевернувшийся вверх дном Слинг, расколотый волнами. Все, что можно было разглядеть, это черную скользкую грязь, из которой беспорядочно торчали спутанные корни. Вряд ли кто-нибудь уцелел, когда этот Слинг перевернулся.

— Как? — продолжал он. — Как вытянуть человека из семилетней депрессии? Я этого не знаю.

— Конечно, не знаете. Это моя специальность, а не ваша. — Грейвс резко повернулся и направился к лестнице. — Пойдемте, — бросил он через плечо. — Пора посмотреть, что происходит внизу. По-моему, эти несносные чужаки затевают мятеж, но сейчас мы не будем обращать на них внимания. Сейчас нам надо поговорить с Максом Перри.

Кажется, Грейвс снова сходил с ума. Ребка вздохнул. Где же те добрые старые дни, когда он летел сквозь тучи Тектона и гадал, переживут ли они следующий порыв ветра? Следом за Грейвсом он спустился вниз, на пассажирский уровень капсулы.

Ж'мерлии и Каллик нигде не было видно.

— Говорю вам, — сказал Грейвс, — они внизу, в грузовом трюме. Эти двое точно что-то задумали. Помогите мне тут, я один не справлюсь.

С помощью недоумевающего Ребки советник перенес сначала Макса Перри, а затем Джени Кармел на верхний уровень капсулы. Дари Лэнг, все еще что-то бормотавшую, оставили внизу, по-прежнему в ремнях безопасности.

Грейвс посадил Макса Перри и Джени Кармел в кресла лицом друг к другу и закрепил их в этом положении.

— Подложите еще бинтов под ремни, — сказал он Ребке. — Смотрите не коснитесь обожженных рук Перри... и помните, я не хочу, чтобы кто-то из них смог освободиться сам. Я вернусь через минуту.

Грейвс в последний раз спустился вниз. Когда он вернулся, в правой руке у него были два струйных шприца для подкожных инъекций.

— Дари Лэнг просыпается, — сказал он, — но сначала позаботимся об этих. Это не займет много времени. — Он сделал укол Перри, а затем Джени Кармел. — Теперь можем начинать. Раз, два, три...

Укол подействовал очень быстро. Не успел Грейвс сосчитать до десяти, как Перри вздохнул, помотал головой и медленно открыл глаза. Безучастным тусклым взглядом он обвел помещение и вдруг увидел Джени Кармел. Он застонал и снова закрыл глаза.

— Вы проснулись, — укоризненно произнес Грейвс, — так что не пытайтесь заснуть снова. У меня проблема, и мне нужна ваша помощь.

Перри потряс головой, не открывая глаз.

— Через несколько часов мы прибудем на Опал, — продолжал Грейвс, — и жизнь начнет приходить в норму. Но на мне лежит ответственность за реабилитацию Джени Кармел. Вскоре начнутся официальные слушания дела на Шасте и на Миранде, но они не должны помешать программе реабилитации. Она начнется немедленно. Смерть Елены Кармел чрезвычайно осложняет эту программу. Я считаю, что для Джени будет просто губельным вернуться сейчас, до того, как она начнет выздоравливать, на Шасту, полную воспоминаний о сестре. С другой стороны, сам я должен вернуться на Шасту, а затем отправиться на Миранду для участия в официальных слушаниях дела о геноциде.

Он замолчал. Перри все еще не открывал глаз.

Грейвс наклонился вперед и понизил голос:

— Это ставит передо мной два вопроса. Где должна начаться реабилитация Джени Кармел? И кто будет следить за процессом реабилитации, когда меня не будет рядом?

Мне потребуется ваша помощь, командор. Я решил, что программа реабилитации Джени Кармел начнется на Опале. И я собираюсь назначить вас ее опекуном на время этого процесса.

Наконец Грейвс пробился через безразличие Перри. Тот дернулся, едва не порвав ремни. Его налитые кровью глаза широко раскрылись.

— Какого черта! Что это вы несете?

— По-моему, я выражаюсь достаточно ясно, — улыбнулся Грейвс. — Но я могу повторить. Джени останется на Опале еще по крайней мере на четыре месяца. Вы будете отвечать за ее благополучие, пока она здесь.

— Вы не имете права.

— Боюсь, вы ошибаетесь. Спросите капитана Ребку, если мне не верите. В подобных ситуациях член Совета имеет право решать, как проводить срочную реабилитацию. И обязать любого помогать этому. Включая вас.

Перри яростно поглядел на Ребку, потом снова на Грейвса.

— Я не стану делать это. У меня есть своя работа... работа, занимающая все мое время. А ей нужен специалист. Я понятия не имею, как справляться с такими проблемами.

— Вы, несомненно, научитесь. — Грейвс кивнул в сторону соседнего кресла, где после меньшей дозы стимулятора медленно просыпалась Джени. — Она начинает нас слышать. В качестве первого шага можете рассказать ей об Опале. Помните, командор, она никогда не бывала на нем. А он на какое-то время станет ее домом. О нем вы знаете вполне достаточно.

— Подождите! — Перри старался освободиться от ремней и обращался к Грейвсу, который уже выпроваживал Ребку из помещения. — Мы же привязаны. Не оставляйте нас так. Поглядите на нее.

Джени Кармел не делала никакой попытки выбраться из своих ремней; слезы текли по ее бледным щекам, а она как зачарованная глядела на изувеченные руки Перри.

— Извините, — бросил через плечо Грейвс, когда они с Ребкой стали спускаться на нижний уровень капсулы. — Мы обсу-

дим это позднее, сейчас не могу. Нам с капитаном Ребкой необходимо срочно кое о чем позаботиться там внизу. Мы вернемся.

Ребка подождал, пока они не отошли достаточно далеко, а затем спросил Грейвса:

— Вы серьезно намереваетесь так поступить?

— Я говорил абсолютно серьезно.

— Ничего не получится. Джени Кармел еще ребенок. Раз Елена умерла, она тоже не захочет жить. Вы же знаете, насколько близки они были, как боялись расстаться, предпочитая умереть, лишь бы их не разлучили. А Перри сам сдвинутый. Он не сможет присматривать за ней.

Джулиус Грейвс остановился на нижней ступеньке лестницы. Он обернулся и поднял глаза на Ханса Ребку. Вопреки обыкновению лицо его не дергалось.

— Капитан, когда мне понадобится человек, чтобы поднять перегруженный космический корабль с разряженными батареями вроде «Летнего сна» с разваливающейся на куски планеты, я обращусь к вам. Вы отлично справляетесь с работой... со своей работой. Сделайте одолжение, допустите, что можно то же самое сказать и обо мне. Неужели нельзя представить, что я умею хорошо делать свою работу?

— Но это же не ваша работа.

— Это только доказывает, капитан, как мало вы знаете об обязанностях члена Совета. Поверьте, то, что я делаю, — работает. А может, вы хотите пари? Я утверждаю, что Макс Перри и Джени Кармел имеют больше шансов вылечить друг друга, чем вы, я или кто бы то ни был другой. Как вы заметили, она всего лишь ребенок, которому нужна помощь... А Перри — взрослый мужчина, отчаянно нуждающийся в том, чтобы помочь кому-то. Он наложил на себя семилетнюю епитимью за свой грех, за то, что разрешил Эми поехать с ним на Тектон во время Летнего Прилива. Неужели вы не понимаете? То, что он сжег руки, пытаясь спасти Елену, поможет его душевному состоянию. Теперь у него появилась возможность получить отпущение грехов. Так что ваша работа на Опале закончена. Вы можете ехать хоть сегодня. С Перри все будет хорошо. — Грейвс шелкнул пальцами и протянул Ребке руку: — Хотите пари? Назовите ваш заклад.

Раздавшийся сбоку сердитый голос избавил Ребку от необходимости отвечать.

— Не знаю, кого за это благодарить, и знать не хочу. Черт возьми, освободите меня! Мне надо работать!

Это пришедшая в себя Дари Лэнг пыталась высвободиться из ремней. От застенчивого Ученого-теоретика, прибывшего не так давно на Опал, осталось немного, однако практической сноровки ей по-прежнему не хватало. Силясь расстегнуть ремни, она так их запутала, что теперь висела вниз головой и едва могла шевелить руками.

— Оставляю ее вам, капитан, — неожиданно сказал Грейвс. — Пойду искать Каллик и Ж'мерлию.

Он нырнул в люк у боковой стенки помещения и исчез из виду.

Ребка подошел к Лэнг и стал распутывать ее ремни. Он все меньше и меньше понимал, что происходит. После их спасения с Тектона все, кроме него, должны были расслабиться, а вместо этого, как оказалось, у всех появились какие-то новые проблемы. Дари Лэнг явно была в ярости и куда-то торопилась.

Он протянул руку, подергал за один конец ремней, потом дернул за другой. Результат оказался превосходным. Ремни развязались, и Дари Лэнг тут же оказалась на полу. Он помог ей встать и был награжден удивительной смущенной улыбкой.

— Ну, почему же я не смогла сделать это сама? — Она испытующе наступила на больную ногу, пожалала плечами и наступила сильнее. — Последнее, что я помню, это как мы достигли Пуповины и Грейвс с Каллик делали мне перевязку. Долго я спала? Когда мы доберемся до Опала?

— Не знаю, сколько ты спала, но со времени Летнего Прилива прошло двадцать три часа. — Ребка посмотрел на часы. — Уже почти двадцать четыре. Мы должны прибыть на Опал через пару часов. Если сможем приземлиться. Им там очень сильно досталось. Но торопиться некуда. У нас на борту полно еды и питья. В этой капсуле мы можем жить недели... можем даже, если понадобится, вернуться по Пуповине на Станцию-на-Полпути и оставаться там неопределенное время.

— Не пойдет, — покачала головой Дари. — У меня нет времени ждать. Я пришла в сознание всего несколько минут назад и все это время проклинаяю того, кто накачал меня наркотиками. Нам нужно спуститься на Опал, и там ты достанешь мне космический корабль.

— Чтобы отправиться домой? Что за спешка? Разве кто-то на Вратах Стражника знает, когда ты должна вернуться?

— Никто не знает.

Она взяла Ханса Ребку за руку и, опираясь на него, двинулась к миниатюрному камбузу капсулы. Там она села и не спеша налила себе горячего питья. Наконец она повернулась к нему.

— Ты меня не так понял, Ханс. Я не собираюсь на Врата Стражника. Я собираюсь на Гаргантюа. И мне нужна помощь, чтобы туда добраться.

— Надеюсь, ты не ждешь ее от меня? — Ребка посмотрел в сторону, все еще ощущая прикосновение ее пальцев. — Видишь ли, я знаю, что корабль Ненды затянуло туда и они погибли. Не хочешь же ты тоже погибнуть? Гаргантюа — это газовый гигант, замороженный мир. Мы там жить не можем. И кекропийцы тоже.

— Я не говорила, что корабль и сфера отправились прямо на Гаргантюа. Я так не думаю. По-моему, место, которое мне нужно, это одна из лун Гаргантюа. Но этого я не узнаю, пока не доберусь туда.

— Доберешься туда, и что? Отыщешь пару трупов? Кого интересует, что случилось с их телами? Атвар Х'сиал бросила тебя умирать, она и Луис Ненда бросили Каллик и Ж'мерлию. Если даже они живы (а ты говоришь, что нет), то не заслуживают помощи.

— Согласна. И я собираюсь последовать за ними вовсе не из-за этого. — Дари передала чашку Ребке. — Успокойся, Ханс. Выпей это и послушай меня. Я знаю, люди из Круга Фемуса считают всех жителей Альянса непрактичными мечтателями, так же, как мы считаем всех вас грубыми крестьянами, которым лень мыться...

— Ха!

— Но мы провели друг с другом уже достаточно времени... Достаточно, чтобы понять, что и то, и другое суждение просто чушь. Ты знаешь, что я по крайней мере умею наблюдать. Я ничего не выдумываю. То, что я сейчас расскажу, я видела, а не придумала. Все остальные могут упустить смысл происходящего, но я уверена, что ты сделаешь правильные выводы. Помни... сначала выслушай, потом подумай, потом реагируй... а не наоборот.

Она пододвинулась к Ребке, сев так близко, что ему ничего не оставалось, кроме как выслушать ее.

— Когда мы вырвались из облачного слоя Тектона, вы были слишком заняты пилотированием, чтобы оглядываться, а всех

остальных в кабине ослепил свет Мэндела и Амаранта. Поэтому никто не увидел того, что видела я: в Тектоне открылся туннель, очень глубокий. И оттуда появились два объекта. Один из них улетел куда-то далеко, перпендикулярно плоскости галактики. Я почти сразу же потеряла его из виду. Вы видели второй. Он полетел к Гаргантюа, и корабль Луиса Ненды унесло вместе с ним. Это очень важно, но главное в другом! Все говорили, что Тектон никогда не был перед Летним Приливом таким спокойным. Знаю, находясь там, внизу, мы считали его очень бурным. Но это было не так. Макс Перри постоянно твердил: «Куда девается вся эта энергия?»

Что ж, теперь мы знаем ответ. Она преобразовывалась и накапливалась, и когда наступил заданный час, недра Тектона раскрылись и извергли два тела... два космических корабля. Если подумать хорошенько, это были именно корабли.

Я видела, как это произошло, и меня осенило: я нашла ответ на вопрос, над которым билась много месяцев, еще на Вратах: «Почему Добеллия?»

Я имею в виду, почему для такого важного события выбрано такое незначительное место?

Мысль посетить Добеллию родилась у меня, когда я рассчитала время и место схождения сигналов, распространяющихся от всех артефактов. Решение было однозначным: Тектон во время Летнего Прилива. Но когда я высказала это предположение, все специалисты Альянса посмеялись надо мной. Они говорили: слушайте, Дари, мы согласны с тем, что в системе Добеллии есть артефакт — Пуповина. Но это такая мелочь! В ней все понятно; нет ничего таинственного или опасного. Нелепо думать, что вся активность Строителей сосредоточена на таком второсортном сооружении, в такой заброшенной и несущественной части галактики... прости, Ханс, но я цитирую; именно так думают в Альянсе о мирах Круга Фемуса.

— Не извиняйся, — пожал плечами, угрюмо ответил он. — Мы и сами о них так думаем и тем не менее живем здесь. Попробуй как-нибудь провести пару дней на Тойфеле... если выдержишь.

— Ну так вот, что бы они ни говорили о Круге Фемуса и Пуповине, с данными статистического анализа никто спорить не мог. Более того, они сами повторили мои расчеты и обнаружили, что все указывает на Добеллию и на Тектон во время Летнего Прилива. Им пришлось со мной согласиться. Беда была

в том, что и я согласилась с ними. Не было никакого особого смысла в том, что местом какого-то важного события оказывается Добеллия. Я сама написала в своем каталоге в разделе «Пуповина»: «...один из самых простых и наиболее понятных артефактов Строителей». Эти люди возвращали мне мои собственные слова.

Поэтому я была так озадачена, когда прилетела сюда. Я все еще недоумевала, когда ты вел корабль сквозь облака, пытаясь увезти нас с Тектона целыми и невредимыми. Я не видела никакого смысла в том, что Добеллия оказалась точкой схождения.

И вдруг я увидела, как пульсирующий светящийся луч протянулся от Гаргантюа к Тектону, и его недра разверзлись. Прежде чем потерять сознание, я поняла, что все мы упускали из виду нечто вполне очевидное.

Во всех галактических справочниках говорится примерно одно и то же: «Добеллия является одним из чудес природы в этом рукаве галактики». Их авторы не устают изумляться: «Разве не удивительно, что взаимодействие гравитационных полей Амаранта, Мэндела и Гаргантюа бросило Добеллию на такую тонко сбалансированную орбиту... орбиту, расположенную таким образом, что один раз в триста пятьдесят тысяч лет все звезды и планеты этой системы выстраиваются в одну линию точно во время Летнего Прилива? Разве это не поразительно?»

Да, это поразительно... если этому поверить. Но можно взглянуть на все это иначе. Пуповина — не единственный артефакт в системе. Добеллия сама является артефактом! Вся целиком. — Захваченная своими мыслями Дари снова потянула Ребку за руку. — Вся она была создана Строителями, была рассчитана ими таким образом, чтобы один раз в каждые триста пятьдесят тысяч лет Мэндел, Амарант и Гаргантюа приближались к Тектону и заряжали его приливной энергией. А что-то внутри Тектона всю эту энергию должно улавливать и использовать.

До того как я прилетела на Тектон, мне казалось, что там могут оказаться сами Строители... что они, может быть, даже появятся во время этого Летнего Прилива. Но это оказалось не так. Великий Парад послужил спусковым крючком для отправления этих сфер... кораблей... или не знаю чего... из Добеллии. Я не знаю, куда отправился первый шар... судя по тому, как это выглядело, куда-то за пределы галактики. Но у нас достаточно информации, чтобы проследить за вторым, тем, кото-

рый полетел к Гаргантюа. И если мы хотим побольше узнать о Строителях, мы и сами должны туда отправиться.

И поскорее! Пока не завершились события, происходящие сейчас около Гаргантюа. Иначе нам придется еще триста пятьдесят тысяч лет ждать второго шанса.

Дари сделала паузу, и Ребка задал наконец вопрос, который давно вертелся у него на языке:

— Ты предполагаешь, что Тектон открывается и из него что-то вылетает при каждом Великом Параде?

— Разумеется. Это является целью Великого Парада планет... он является спусковым механизмом и обеспечивает энергию, необходимую, чтобы вскрыть недра Тектона. И когда Тектон открывается...

Но теперь настала очередь Ребки.

— Дари, я не теоретик. Но ты не права. Если хочешь доказать, походи и поговори с Максом Перри.

— Он не видел того, что произошло, когда мы покинули Тектон.

— Я тоже не смотрел туда. У нас с Максом были на уме совсем другие вещи. Но когда я впервые прибыл на Опал, я кое-что узнал относительно истории этого дублета.

Историю Опала изучать труднее, потому что на нем нет постоянной суши. Но Перри показал мне анализы окаменелостей с Тектона. В первые годы колонизации Добеллии его изучали, потому что хотели узнать, достаточно ли стабильна поверхность, чтобы выжить там во время Летнего Прилива.

Она оказалась непригодной для людей... мы это испытали на себе. Однако на Тектоне уже была жизнь — в течение сотен миллионов лет, задолго до того, как планета вышла на свою нынешнюю орбиту. И любое недавнее вскрытие глубин Тектона... вроде того, которое ты видела... проявилось бы, как аномалия в осадочных породах.

Он потянулся к управлению дисплеями и включил картину звездного неба над капсулой. Мэндел и Амарант были видны оба, все еще огромные, но уже не такие яркие. При мысли о том, что в ближайший год они будут только убывать, сразу стало как-то легче. По мере того как эти звездные братья становились тусклее, справа в небе все ярче разгорался Гаргантюа. Но планета-гигант уже давно прошла свой периастрон, и ее оранжево-коричневый диск заметно уменьшился. Ни на Гаргантюа, ни на его спутниках ничто не указывало на источ-

ник того слепящего луча. Тектон висел над капсулой, поверхность его была темной и мирной.

— Видишь ли, Дари, ни в одном из слоев осадочных пород Тектона нет свидетельств глубоких пертурбаций, сопоставимых с теми, какие видела ты. Ни три года назад, ни триста лет, ни триста пятьдесят тысяч. Глубины Тектона были скрыты от глаз на протяжении всей прослеживаемой истории его поверхности. А это по крайней мере пять миллионов лет.

Он ожидал, что Дари будет подавлена его возражениями. Но она ответила ему еще уверенней, чем прежде:

— Ну, значит, этот Великий Парад был особенным. Тем важнее выяснить почему. Ханс, разреши мне подвести итог. Ты можешь хоть завтра вернуться к своей работе в Круге Фемуса. Но я на Врата Стражника не вернусь. Пока не вернусь. Я должна продолжить исследования и взглянуть на Гаргантюа. Я не могу, потратив всю свою сознательную жизнь на изучение Строителей и прилетев сюда, просто все прекратить сейчас, когда след еще горячий. Возможно, Строителей около Гаргантюа нет...

— Я уверен, что их там нет. Их бы обнаружили, когда впервые исследовали систему Мэндела.

— Но что-то там есть. Сфера, захватившая корабль Ненды, покинула Тектон не просто так. Она куда-то отправилась. Я должна найти корабль и поспешить туда. Иначе я потеряю их след окончательно.

Сама того не замечая, она все сильнее сжимала его руку.

— Дари, ты не можешь просто взять и броситься к Гаргантюа. Только не одна. Иначе ты просто убьешь себя. Внешняя часть системы Мэндела сурова и холодна. Перед ней пасуют даже опытные исследователи. А ты, пришедшая из уютного цивилизованного мира, такого как Врата Стражника...

Ханс Ребка замолк на полуслове. Сначала он попался в ее хитроумную ловушку и получил полную порцию нейрофореза. Затем она оттащила его в пещеру за водопадом и ухаживала за ним и заботилась о нем так, как никто никогда о нем не заботился. А теперь она снова заманивает его в ловушку. Ему следует быть осторожнее и не связывать себя никакими обещаниями.

— Я не знаю, где найти корабль, — сказал он. — Просить его на Опале бесполезно: после Летнего Прилива они и так еле-еле концы с концами сводят. Но я поспрашиваю людей и посмотрю, что можно сделать.

Дари отпустила его руку, но только потому, что ее мысли перешли на другой предмет. Ее хватку прервало раздавшееся с лестницы покашливание. В помещении снова появился Джулиус Грейвс. За ним шли Ж'мерлия и Каллик.

Грейвс пропустил Ж'мерлию вперед.

— Давай. Говори сам... это твоя речь. — Он повернулся к Хансу Ребке. — Я говорил вам, что у них на уме какая-то проделка. И я сказал им, что такого рода вещи я не решаю, хотя свое мнение обо всем этом у меня есть.

Ж'мерлия колебался, пока не получил крепкий тычок одним из острых локотков Каллик, сопровождаемый свистящим шипением, похожим на что-то вроде «с-с-скажи».

— Обязательно. Уважаемый капитан, — Ж'мерлия собрался склониться перед Ребкой, но его остановило угрожающее рычание Грейвса, — уважаемые человеки! Хайменоптка Каллик и я оказались перед очень серьезной проблемой. Мы просим вашей помощи, хотя ничем ее не заслужили. Мы бы не обращались к вам, если бы видели какую-то возможность сделать все, не прося вас помочь. Мы уже были для вас обузой. По правде говоря, нашими глупыми действиями на планете Тектон мы поставили под угрозу жизни всех...

На этот раз он заработал от Грейвса и рычание, и толчок в бок.

— Переходи к делу!

— Конечно, уважаемый советник. — Ж'мерлия пожал плечами в каком-то почти человеческом жесте извинения. — Дело в том, достопочтенный капитан, что хайменоптка Каллик и моя ничтожная особа считали, покидая Тектон, что Луис Ненда и Атвар Х'сиал погибли или решили... имея на это полное право... что не хотят больше пользоваться нашими услугами. Обе эти возможности глубоко нас огорчали, но у нас не было выбора — мы должны были принять их как данность. Сейчас нам следовало бы вернуться в свои родные миры и искать новых хозяев. Однако несколько минут назад мы услышали, что наши хозяева Луис Ненда и Атвар Х'сиал вырвались с поверхности Тектона.

— Это верно. — Ребка посмотрел на Дари. — Но профессор Лэнг видела, что случилось потом. Ненда и Атвар Х'сиал погибли.

— Я знаю, что вы так считаете. Но Каллик указывает, что, возможно, этого не произошло. Она делает замечание, что если

их космический корабль ускорялся под воздействием гравитационных сил, находящиеся внутри существа не испытали бы на себе никаких перегрузок... они находились бы в невесомости. Тогда их унесло живыми к Гаргантюа, против их воли, и, возможно, им нужна помощь. А в этом случае прямой долг хайменоптки Каллик и моей ничтожной особы последовать за ними. Они наши владельцы. Самое меньшее, что мы можем сделать, это не покинуть систему Мэндела, пока не убедимся, что они не хотят или не могут воспользоваться нашими услугами. И поэтому мы просим вас учесть все эти факты и со всем вниманием к возможности того, что... ох!

Ж'мерлия получил еще один тычок от Каллик, а желтый кончик ядовитого жала хайменоптки коснулся одного из задних суставов Ж'мерлии.

Он вздрогнул и скакнул на шаг вперед.

— Знаете ли вы, Ж'мерлия, — рассудительно произнес Грейвс, — что профессор Лэнг была какое-то время убеждена, будто вы не способны к самостоятельному мышлению и речи? Теперь она, вероятно, жалеет, что ошибалась.

— Прошу прощения, советник. Я привык переводить мысли, а не придумывать их. В заключение скажу, что хайменоптка Каллик и я обращаемся к вам с просьбой одолжить нам какой-нибудь корабль и просим разрешения нам последовать за нашими хозяевами, Нендой и Атвар Х'сиал, к Гаргантюа или туда, куда ведет их след.

— Нет, — сразу ответил Ребка, — определенно нет. Я отвергаю вашу просьбу. На Опале все заняты восстановительными работами; им некогда возиться с вашей экспедицией.

Каллик энергично защелкала и зачирикала.

— Но в этом не будет необходимости, — сказал Ж'мерлия. — Как указывает хайменоптка Каллик, нам не надо спускаться на Опал. Есть доступный космический корабль — «Летний сон». Он находится на Станции-на-Полпути. К нему будет легко вернуться и восполнить запасы его энергии. На Станции мы найдем нужные запасы провизии. Каллик и я уверены, что сможем управлять этим кораблем.

— С одним дополнительным пассажиром, — вмешалась Дари Лэнг. — Я лечу с вами.

Ребка вспыхнул:

— Ты покалечена. Ты слишком больна, чтобы лететь.

— Ерунда. Я поправлюсь по пути на Гаргантюа. Ты хочешь сказать, что обожженная нога помешала бы тебе выполнять свою работу, если бы ты оказался на моем месте?

— «Летний сон» не является собственностью Добеллии. — Ребка не стал отвечать на ее вопрос и попытался подойти с другой стороны. — Не в моей власти и не во власти Макса Перри разрешить вам использовать этот корабль.

— Мы с этим согласны, — Ж'мерлия вежливо кивнул, — разрешение, конечно, должно исходить от Джени Кармел, являющейся его владелицей.

— А почему вы думаете, что она даст вам свое разрешение? Джулиус Грейвс тихо кашлянул.

— По правде говоря, капитан Ребка, я уже обсудил этот вопрос с бедной Джени. Она говорит, что даже слышать не хочет об этом корабле. Он ваш на столько времени, сколько вы захотите им пользоваться.

Ребка уставился на советника. Почему, собственно, все решили, что он собирается с ними лететь?

— И все-таки нет, советник. При чем здесь то, что мы можем достать корабль? Не вижу никакой разницы.

Ж'мерлия наклонил голову и склонился совсем низко, а Каллик разочарованно засвистела. Джулиус Грейвс кивнул и тихо произнес:

— Безусловно, это решение принимать вам, капитан. Но не будете ли вы так любезны поделиться со мной ходом своих размышлений?

— Разумеется. Разрешите начать с вопроса. Вы знаете Луиса Ненду и Атвар Х'сиал. Отправились бы вы на Гаргантюа искать их тела?

Позиция Ребки была для него вполне ясной. Сама мысль о том, что надо разыскивать людей, которые пытались тебя убить, представлялась ему нелепой... Если только ты сам не собираешься убить их.

— Мне отправиться на Гаргантюа? — Грейвс поднял брови. — Конечно, нет. Во-первых, я обязан вернуться на Миранду. Моя работа здесь выполнена. Вдобавок я считаю Атвар Х'сиал и Луиса Ненду опасными преступниками. Если я полечу на Гаргантюа, чего я делать не собираюсь, так как считаю их мертвыми, то лишь для того, чтобы их арестовать.

— Очень хорошо. Я думаю точно так же, советник. Знаете ли вы, как Луис Ненда управлял ею? — Ребка указал на Кал-

лик. — Я вам расскажу. Кнутом и уздой. Он говорил, что Каллик его ручное животное, но никто так с любимцем не обращается. Она не была равной ему и не была его любимцем. Она забитая, униженная и легкозаменяемая рабыня. Он запросто бросил ее умирать на Тектоне. До приезда на Опал Каллик почти не понимала человеческой речи, но только потому что он лишил ее возможности учиться. И все-таки именно Каллик сделала все расчеты, показывающие, что во время Летнего Прилива произойдет уникальное событие. Это сделала она, а не Ненда! Она несравненно сообразительнее его. Разве не так?

— Совершенно верно. — На губах Джулиуса Грейвса блуждала легкая улыбка. — Пожалуйста, продолжайте.

— Не лучше положение и Ж'мерлии. С ним обращались как с вещью! Вы специалист по этике, и я удивлен, что вы не заметили этого раньше всех. Атвар Х'сиал превратила Ж'мерлию в ничто. Теперь он говорит свободно...

— Можно сказать и так.

— Но когда кекропийка была рядом, Ж'мерлия боялся слово сказать. Он был абсолютно пассивным. Все, что он делал, это передавал нам ее мысли. У него есть разум, но ему никогда не разрешалось им пользоваться. Как вы считаете, советник, сделали Луис Ненда и Атвар Х'сиал что-нибудь, чтобы заслужить такую преданность?

— Не сделали.

— И разве позволительно так обращаться с такими разумными и рассудительными существами, как Ж'мерлия и Каллик? Чтобы все их действия так жестоко контролировались?

— Это не только не позволительно, капитан, это нетерпимо. И я очень рад, что у нас с вами совершенно одинаковые взгляды. — Джулиус Грейвс повернулся к ожидавшим решения чужакам. — Капитан Ребка согласен. Вы взрослые разумные существа, и капитан говорит, что контроль над вашими действиями совершенно недопустим. Поэтому мы не можем диктовать вам, как поступать. Если вы хотите взять корабль и искать Луиса Ненду и Атвар Х'сиал, вы имеете на это полное право.

— Эй, подождите минутку! — Ребка увидел ухмылку на лице Джулиуса Грейвса и услышал торжествующий свисток Каллик. — Я этого не говорил!

— Сказал, Ханс. — Дари Лэнг тоже смеялась. — Я слышала это, и советник Грейвс прав. Если недопустимо, чтобы Ненда

и Атвар Х'сиал контролировали действия Каллик и Ж'мерлии, то и мы не вправе делать это. По правде говоря, это было бы даже хуже, потому что мы все сознавали бы...

Ребка оглядел стоявших вокруг: Джулиуса Грейвса с его безумными голубыми глазами, Ж'мерлию и Каллик с их непроницаемыми лицами и, наконец, Дари Лэнг с ее понимающей улыбкой.

Он ввязался в спор и проиграл по всем фронтам. И, как ни странно, не огорчился. В нем проснулось любопытство, какое он испытывал, когда планировали спуск в Парадокс. Да, впереди наверняка будет много проблем, но они зовут к действию, а не к психологическим манипуляциям в духе Джулиуса Грейвса.

И что они найдут на Гаргантюа? Этот вопрос оставался открытым. Луиса Ненду и Атвар Х'сиал, живых или мертвых? А может, самих Строителей? Или тайны, превосходящие тайны Опала и Тектона?

Когда за стенками капсулы раздался свист атмосферного воздуха, Ребка только вздохнул. До приземления осталось несколько минут.

— Ладно, советник. Мы спустим вас, Макса и Джени на Опал. Остальные отправятся обратно по Пуповине к Станции-на-Полпути и «Летнему сну». Но что будет там, на Гаргантюа...

— Об этом можно только догадываться, — сказала Дари. — Не горюй, Ханс. Это похоже на Летний Прилив и немножко на саму жизнь. Если знать все заранее, не стоит и в путь отправляться.

РАСХОЖДЕНИЕ

*Все той же Банде Четырех и всем, кто достиг (в среднем)
чудесной поры семнадцатилетия.*

ГЛАВА 1

— Закрой левый глаз. Прекрасно. Теперь правый и держи его закрытым, пока я не скажу «готово», а затем открой и одновременно улыбнись.

— Можно мне говорить?

— Подожди секунду. Готово.

— Светло-голубой глаз открылся. Тонкие губы раздвинулись, демонстрируя ровные белые зубы. В течение нескольких секунд Сью Андо изучала ослабившееся лицо, а затем повернулась к своей ассистентке.

— Сейчас именно на это надо обратить внимание. Такая улыбка пугает даже кекропийца. Верх надо округлить, это сделает ее более дружелюбной.

— Я позабочусь об этом. — Вторая женщина что-то пометила в своем компьютерном блокноте.

— Можно мне говорить?

Андо утвердительно кивнула стоявшему перед ней обнаженному мужчине:

— Валяй. Нам как раз надо снять твои речевые характеристики. И прекрати улыбаться — у меня мурашки бегут по коже.

— Прошу прощения. Но зачем вы собираетесь повторять все? В этом нет необходимости. Меня тщательно проверили перед отправкой с завода на Персефоне и пришли к заключению, что мое физическое состояние идеально.

— Надеюсь. Бракованных мы не берем. Но это было месяц назад, а сейчас я изучаю произошедшие в тебе перемены. Вживленный компьютер всегда имеет адаптационный период, а тебя

отправят очень далеко. Местные жители, возможно, никогда не видели виков. Если у тебя возникнут проблемы со стабильностью, ты не сможешь сходить в магазин, чтобы тебя поднастроили, как это делается здесь, вблизи Солнца. Ну, ладно. Еще один тест, а потом мы доставим тебя в центр инструктажа. Глядя на меня, подними одну ногу.

Как только босая ступня оторвалась от пола, Сью Андо влепила прекрасный удар кулаком в незащищенную челюсть. Рука мужчины двинулась вверх, чтобы закрыться, но слишком медленно. Костяшки пальцев Андо врезались в подбородок.

— Черт возьми! — Она пососала начавшие опухать суставы. — Вот это удар. Ты почувствовал его?

— Конечно. У меня прекрасное сенсорное оборудование.

— Не говоря уже о прочной коже. Ну, теперь ты понял, что я имела в виду, когда говорила об адаптационном периоде? Еще месяц назад я ни за что бы не приблизилась к тебе на расстояние вытянутой руки. Тебе надо на порядок улучшить рефлексы. Сегодня после инструктажа мы этим займемся. Для этого нам придется на несколько минут вынуть твой мозг.

— Если вы настаиваете. Однако я должен отметить, что моя внутренняя конфигурация рассчитана на непрерывный сенсорный поток.

— Это мы тоже устроим. Я пушу нервный жгут от мозга к позвоночнику, и ты сохранишь все сенсорные каналы за исключением считанных секунд, необходимых для подсоединения к разъемам.

— Это весьма ценно. Можно мне говорить опять?

— Боюсь, нам уже не остановить тебя. Так что давай, болтай сколько хочешь. Речь будет твоим главным средством общения.

— Именно это меня и беспокоит. Не понимаю, почему информация должна поступать таким неэффективным способом. Я полностью совместим по системе подключения с информационной сетью. При помощи нервного жгута я в состоянии принимать и посылать миллионы единиц информации в секунду. Человеческие существа мучительно медлительны. Совершенно нелепо обмениваться сведениями с другой сущностью столь примитивным образом.

Сью Андо улыбнулась, заметив выражение лица своей ассистентки.

— Я знаю, Ли, ты считаешь, что мне следует понизить уровень его грубости. Ты не права. Там, куда он направляется,

раздражение по поводу неэффективности станет одним из стимулов для выживания. — Она повернулась к невозмутимой мужской фигуре. — Ты действительно способен посылать и принимать информацию быстрее нас, но лишь при обмене с другим компьютером. Тебе же предстоит отправиться в систему Добеллии. Она бедна и слабо развита; сомневаюсь, что там кому-то приходилось видеть вживленный компьютер. Им не по карману устройства, позволяющие осуществлять прямой инфообмен. Твоими источниками информации будут люди, или, возможно, другие органики. Пусть мы медленны и глупы, но тебе от нас не отделаться. Привыкай к этому, и побыстрей.

Она снова повернулась к Ли Боро.

— До инструктажа еще надо что-то сделать?

Ли сверилась со своим списком.

— Температура тела на несколько градусов ниже нормальной, но мы это так и оставим. Ионный баланс прекрасный. Имя. Надо дать ему какое-нибудь, прежде чем продолжать.

— Можно мне говорить?

Сью Андо вздохнула.

— Если это необходимо. Только учти, мы уже опаздываем.

— Я буду краток. Другое имя ни к чему. У меня уже есть полный идентификатор. Я — Вживленный Компьютер 194, серия Красный-Пять, Талли-Лайн, модель с улучшенными конечностями.

— Знаю. У меня также есть полный идентификатор — Сью Ксантиппа Харбсон Андо, человек женского пола, место рождения — Европа, Четвертый Альянс, клайд Земли, но мне даже в голову не придет использовать его в качестве имени — он раза в три длиннее, чем надо для общения. Твое имя будет... — она сделала паузу, — красивым и простым. Вживленный Компьютер Талли. В.К. Талли. Ли, как тебе? В. Красный Талли, если уж он так хочет соблюсти все формальности.

Ли обратилась к своему компьютеру.

— Никем не занято. Я создам изоморфизм между именем В. Красный Талли и полным идентификатором. — Она набрала необходимые команды. — Для краткости В.К. Талли. А мы будем звать тебя просто Талли. Хорошо?

— Можно мне говорить?

Сью Андо вздохнула.

— Теперь уже нет. Пора в центр инструктажа. Ну, ладно. В чем загвоздка? Тебе не нравится это имя?

— Идентификатор, предложенный вами, вполне удовлетворителен. Однако меня смущают два других момента. Во-первых, я понимаю, что на мне нет одежды, а ваши тела прикрыты.

— Боже мой. Ты что, стесняешься?

— Я так не думаю. Ментоструктура, соответствующая состоянию, обозначаемому как стеснение, у меня отсутствует, но я хочу знать, следует ли мне носить одежду в системе Добеллии.

— Только если там ее носят. Ты будешь делать все, что там принято. Весь смысл твоего вживления — максимальная совместимость с местными жителями. В чем твоя вторая проблема?

— Меня вживили в мужскую форму человека. Почему?

— По той же самой причине. В основном ты будешь общаться с людьми, поэтому мы решили, что тебе лучше иметь человеческий облик. А вырастить твое тело из человеческого ДНК-шаблона гораздо проще, чем создать какую-то неорганическую форму, имеющую близкое сходство.

— Вы лишь частично ответили на мой вопрос, объяснив, почему я имею человеческую форму. — В.К. Талли показал на свои половые органы. — Но, как видите, я вживлен именно в мужское тело. Женское тело, а именно такое носите вы и Ли Боро, выглядит менее громоздким и требует меньше пищи в качестве горючего. Поскольку мне придется есть, я хотел бы знать, почему меня облекли в более крупную и менее эффективную форму.

Сью Андо внимательно посмотрела на него.

— Хм-м. Знаешь, Талли, у меня нет ответа. Я уверена, что у Совета имелись для этого причины, возможно, связанные с местом, куда ты направляешься. Ты это сможешь выяснить на инструктаже. Я знаю одно: сейчас менять тело уже поздно. Через три дня ты должен направиться по Бозе-сети к Добеллии.

— Можно мне говорить?

— Конечно, но не сейчас и не со мной. — Андо улыбнулась. — Ты и так уже опоздал на встречу с инструкторской группой. Ступай, В.К. Талли. Эксплуатируй уши инструкторов сколько захочешь.

Трое стандартных суток до отправки. Это — семьдесят два часа, или 259 тысяч секунд, или 259 миллиардов микросекунд, или 259 миллиардов триллионов аттосекунд. Сферический, величиной с грейпфрут, мозг В.К. Талли имел тактовый период во-

семнадцать аттосекунд. Трех дней вполне хватило бы, чтобы перебрать все мысли, способные возникнуть в мозгу каждого органического существа во всем рукаве галактической спирали.

Но чем дальше, тем сильнее Талли сознавал, что этих трех дней будет недостаточно. Пролетали часы, а данные, которые помогли бы решению поставленной задачи, поступали от его человеческих посредников с болезненной медлительностью — буквально, по капле. Возникли трудности с их интерпретацией, а также с теми всплесками, которые они вызывали в незнакомых контурах сомнения, установленных в В.К. Талли при вживлении.

Например ему сказали, что мужской облик выбран потому, что правительство Добеллии состоит в подавляющем большинстве из мужчин. Однако элементарный анализ человеческих поступков показывал, что в обществе, где преобладают мужчины, единственная женщина может добиться максимального результата. Как только органики ухитряются не замечать очевидные черты собственной истории?

Эти неизбежно возникающие загадки Талли откладывал на потом, собираясь поразмышлять над ними во время путешествия. Сейчас же он сосредоточился на более простом вопросе: территориальном делении галактики.

— Добеллия — это двойная планетная система, входящая в состав Круга Фемуса. — Легат Стенсиф, производивший инструктаж, прибыл с Миранды. Талли показалось, что выбрали его исключительно из-за плохой дикции и сумбура в мыслях. Он пристально смотрел на Талли из-под сердито нахмуренных бровей. — Ты знаешь что-нибудь о Круге Фемуса?

Талли кивнул.

— Двадцать три солнечных системы. Примитивные и бедные. Шестьдесят две обитаемые планеты, некоторые из них — пограничные. Они сформировали свободную федерацию миров на пересечении границ территорий Четвертого Альянса, Кекропийской Федерации и Сообщества Зардалу. Находятся они примерно в сотне парсеков от Солнца. У них есть единственный артефакт Строителей — Пуповина. Артефакт обнаружен в системе Добеллия.

Пулементный выброс информации окончился. Эти и миллионы других фактов о солнцах и планетах, находящихся в рукаве галактической спирали, хранились в памяти Талли задолго до того, как он обрел телесную форму, и он не понимал

причин этого экзамена. На самом деле необходимо было проверять только мотивацию, ибо именно этот недавний довесок к его внутренним состояниям потреблял триллионы циклов для самонаблюдения при подготовке даже неполных ответов.

Система Добеллия представляла собой две планеты-близнецца — Опал и Тектон, — бешено вращавшихся вокруг общего центра масс. Между собой они были соединены перемышкой длиной двенадцать тысяч километров, известной под названием «Пуповина». Орбита их общего центра масс вокруг звезды Мэндел имела большой эксцентриситет, в результате чего в периастроне возникали гигантские приливы как на Тектоне, так и на Опале. Это наибольшее сближение носило название Летний Прилив. Последний Летний Прилив был исключителен по своей силе из-за приближения партнера Мэндела — звезды Амарант — и газового гиганта — Гаргантюа, выстроившихся в один ряд в периастроне — так называемый Великий Парад Планет, происходящий лишь раз в 350 000 лет.

Очень хорошо. Талли знал и отлично понимал все это. Но грозные небесные катаклизмы не доступны во всей своей полноте ни логике, ни физике. Для воссоздания картины таких разрушений явно требовалось участие органиков.

— Вы сказали мне, что группа людей и чужаков собралась на Тектоне и Опале во время последнего Летнего Прилива, — обратился он к легату Стенсифу. — И они отправились туда добровольно. Но почему? Зачем кому бы то ни было понадобилось находиться там именно в тот момент, когда поверхности планет представляют наибольшую опасность? Им грозило разрушение.

— Есть основания полагать, что с некоторыми именно так и произошло.

— Но ведь наверняка ни люди, ни кекропийцы, ни лотфиане, ни хайменопты не хотят умирать?

— Конечно, нет. — Стенсиф находился в том состоянии, которое В.К. Талли охарактеризовал бы как дряхлость. Судя по всему, ему оставалось лет десять до перехода в категорию существ с непереходным внутренним состоянием. Во время разговора его руки слегка тряслись, и это была вовсе не функциональная дрожь. — Но люди, — продолжал Стенсиф, — и чужаки, как я полагаю, тоже, хотя толком не знаю их, рискуют, когда у них есть для этого адекватные причины. А там причины были у всех. Профессор Лэнг с Врат Стражника от-

правилась на Добеллию из-за своих научных интересов, связанных с артефактами Строителей и, собственно, Летним Приливом. Другие, как кекропийка Атвар Х'сиал и карланец человеческого происхождения Луис Ненда, отправились туда, по нашим предположениям, ради личной наживы. Лотфианин Ж'мерлия и хайменоптка Каллик — их рабы — с ними. Последние находились там только по приказу своих хозяев. Официальные органы на Тектоне представляли трое людей: командор Максвелл Перри, регулировавший доступ извне в систему Добеллии во время Летнего Прилива; капитан Ханс Ребка — спецуполномоченный Круга Фемуса по улаживанию конфликтов, посланный на Добеллию для контроля за Перри, и советник Джулиус Грейвс из нашего Четвертого Альянса, представляющий интересы Совета. Не хочешь ли записать все эти имена?

— В этом нет необходимости. Я ничего не забываю.

— Надеюсь, что так. — Стенсиф внимательно взглянул на В.К. Талли. — Это прекрасно. Так о чем это я? Впрочем, какая разница. Подробная информация о каждом присутствовавшем на Тектоне во время Летнего Прилива есть в архивах, причем там ее гораздо больше, чем у меня. Ни один из них не вернулся, несмотря на то, что Летний Прилив закончился несколько недель назад, — вот в чем главная загадка. Мы хотим, чтобы ты выяснил, почему они все там остались. Во время перелета на Добеллию тебе необходимо изучить досье каждого и сформировать свое собственное мнение об их желаниях и потребностях.

Желания и потребности! Именно этих функций не хватало в наборе внутренних состояний Талли; но если уж ему установили такое множество человеческих и не-человеческих реакций, необходимо научиться их имитировать.

— Можно мне говорить?

— Очевидно, большого восторга это у тебя не вызвало.

— Меня приводит в замешательство моя предполагаемая роль в данном вопросе. В самом начале я понял, что моя задача в системе Мэндела — оценить возникшие там проблемы на логической основе. Теперь я узнал еще по крайней мере о двух индивидуальностях, посланных туда же по тому же поводу. Ханс Ребка, согласно вашим собственным словам, — специалист по разрешению конфликтов, а Джулиус Грейвс — член Совета. Чем, по-вашему, я должен дополнить их присутствие?

— Рад, что ты задал этот вопрос. Это хорошее предзнаменование успеха твоей миссии. — Легат Стенсиф поднялся из своего

кресла и встал прямо перед Талли. Руки у него перестали трястись, да и сам внешний вид стал менее расхлябанным. — Будет лучше, если ты сам ответишь на этот вопрос. Поможет ли тебе, если я скажу что при выполнении данного задания твои слабости могут одновременно оказаться преимуществом?

После миллисекундного анализа Талли кивнул.

— Это возможно лишь в связи с тем, что я не органик. Моя слабость — отсутствие человеческих эмоций. Таким образом, неспособность оценить мотивацию и эмоции органических существ является моей силой. Вы наверняка предполагаете, что Грейвс и Ребка в своем решении остаться в системе Мэндел действовали под влиянием эмоций.

— Верно. Мы не можем это доказать, но подозреваем. — Легат Стенсиф положил руки на крепкие плечи Талли. — Ты разберешься во всем. Поезжай на Добеллию. Узнай все, что сможешь, и сообщи нам. Я больше не собираюсь рисковать очередной человеческой жизнью, выясняя, что произошло во время Летнего Прилива. «Хотя вживленный компьютер — тоже довольно дорогая штука».

В.К. Талли сделал этот вывод за микросекунды, но он не вызвал в нем никакой ответной реакции. Да ее и быть не могло. Раз у него нет человеческих эмоций, значит, набор его внутренних состояний не позволяет сомневаться в том, что потеря его самого вполне приемлема, в то время как потеря человека — нет. Но он начал структурировать свои первые имитационные контуры. Возможны ситуации, когда понимание человеческих эмоций окажется полезным.

СТАТЬЯ 14: ЛЮДИ

Распространение. Люди, а также их производные или видоизмененные формы обитают в трех основных регионах спирального рукава: в *Четвертом Альянсе*, в *Сообществе Зардалу* и в *Круге Фемуса*. Из них Ч.А. является самым крупным, самым старым и наиболее населенным. Он включает в себя все Ближнее Пространство — сферу диаметром в семьдесят два световых года с Солнцем в центре, изученную и колонизированную людьми на досветовых кораблях в те времена, когда Бозе-переход и Бозе-сеть еще не были открыты. В Ч.А. входят почти восемьсот населенных планет. Они лежат внутри эллипсоида с Солнцем в одном фокусе, простирающегося на семьсот световых лет по радиус-вектору от центра галактики. Сверхгигант Ригель приблизительно отмечает дальнюю границу Ч.А.

Л. — господствующие обитатели Ч.А. и составляют около шестидесяти процентов проживающих там разумных существ.

Круг Фемуса, напротив, состоит из небольшого количества бедных миров, на девяносто процентов населенных Л. и расположенных возле ближайшей к центру-Галактики границы Ч.А. К.Ф. покрывает регион, в котором пересекаются территории Ч.А., Кекропийской Федерации и Сообщества Зардалу. Показателем бедности данной группы миров служит тот факт, что ни один из больших соседей не проявил интереса к развитию К.Ф., хотя тот номинально находится под управлением Ч.А. и признает над собой власть Совета Альянса.

Л. Сообщества Зардалу не признают никакой центральной власти. Вследствие этого трудно судить об их численности и распределении. Эфрареци и Кэймфил считают, что человеческая часть разумного населения составляет там не более двенадцати процентов. Почти половина из них живет вблизи спорных границ с Ч.А. и Кекропийской Федерацией. Точное число миров, населенных Л. в С.З., неизвестно.

Физические характеристики. Л. представляют собой сухопутных двуполых позвоночных с четырьмя конечностями, обладающих двусторонней симметрией, с хорошо выраженными головой и туловищем. Верхняя пара конечностей претерпела изменения с целью обеспечить возможность хватания. Все сенсорные органы имеют слабую чувствительность — особенно обоняние и вкус. Грелаторный орган полностью отсутствует.

Человеческая форма восприимчива к модификациям и наращиваниям, степень отторжения чужеродных тканей — низкая. Мутационная способность Л. наивысшая среди всех разумных существ, что, однако, не является эволюционным преимуществом.

История. Центром происхождения человеческого клайда является планета Земля, которая вместе со своей звездой Солнцем служит началом относительной системы координат, используемой в данном каталоге. Человеческая история насчитывает около десяти тысячелетий до Экспансии и имеет письменные свидетельства давностью примерно в половину этого периода. К сожалению, стремление Л. к самообману, самоприукрашиванию и их безосновательная вера в собственное превосходство над всеми другими мыслящими формами, делают большинство этих письменных источников ненадежными. Серьезным исследователям рекомендуется искать альтернативные первичные источники информации.

Культура. Человеческая культура базируется на четырех основных элементах: сексуальных отношениях, территориальных правах, индивидуальном интеллектуальном превосходстве и потребности в групповом самоопределении. Модель Х'сирина, использующая данные признаки как независимые переменные, позволяет точно предсказать черты человеческого поведения. На основании этого анализа человеческую цивилизацию можно отнести ко Второму Уровню с крайне низкими перспективами перехода на более высокий уровень.

**«Всеобщий каталог живых существ
(подкласс: разумные)».**

ГЛАВА 2

Жизнь — это череда неприятностей, следующих одна за другой.

Берди Келли, пробиравшийся по жидкой грязи Слинга с подносом в руках и телеграммой между грязными пальцами и с трудом сохранявший равновесие, осознал это со всей силой и свежестью откровения. «Одна неприятность за другой!» Не успел его босс, Макс Перри, лечь в госпиталь реабилитационной хирургии, как Берди попал в няньки к советнику Альянса, прилетевшему с далекой Миранды. Перри, с его заикливостью на работе и болезненным пристрастием к поездкам на Тектон, выносить было нелегко, но Джулиус Грейвс почти ничем ему не уступал. А иногда он был просто невыносим — особенно когда сидел, разговаривая сам с собой, вместо того чтобы уже несколько недель назад улететь обратно на Миранду. Оставшись, он целыми днями слонялся по комнатам и пальцем не шевелил, чтобы помочь в восстановительных работах, а все предписания своего начальства о возвращении посылал к черту. Похоже, намеревался остаться здесь навсегда.

А впрочем...

Берди задержался у входа в здание и глубоко вдохнул воздух, наполненный запахом моря.

А впрочем, все это пустяки! Берди поднял глаза к пятнистому голубому небу с золотистым диском Мэндела, просвечивающим сквозь облака, затем окинул взглядом измочаленный кустарник, уже пустивший новые побеги. С запада налетел лег-

кий бриз, словно приглашая покататься под парусом. Все это было так чудесно, что казалось нереальным. Летний Прилив прошел, поверхность Опала возвращалась к обычному спокойствию, а Берди остался жив. Половине населения этого водяного мира повезло, увы, куда меньше.

Он и сам на это не надеялся. Неделей раньше, когда Летний Прилив достиг своего пика и гравитационные поля Мэндела и Амаранта разрывали Опал, Берди скорчился в носовой части маленькой лодки, с ужасом вглядываясь в бурлящую водную поверхность, вздымавшуюся стеной и вновь опускавшуюся.

Он понимал, что ему крышка. Радиосигналы предупреждали, что чудовище начало свой путь. Приливные силы породили гигантский солитон — одиночную волну высотой более километра, которая понеслась по поверхности Опала. Слинг за Слингом сообщали о скорости волны и ее высоте и тут же умолкали, разорванные в клочья.

Волна неотвратимо надвигалась. Берди распростерся на дне лодки, вцепившись в шпангоуты побелевшими от напряжения пальцами.

Нос лодки задрался вверх. Тридцать градусов, сорок пять, шестьдесят. Горизонталь и вертикаль поменялись местами. Берди уперся ногами в корму лодки, а руками крепко обхватил среднюю банку и основание маленькой мачты. Его поднимало вверх с двух- или трехкратной перегрузкой, словно он оказался в стартующей ракете. Стремительно несущаяся в двух футах от его носа вода улетала назад... Почти полминуты его лодочка — букашка на стене океана — возносилась все выше и выше, к темным облакам Опала. Казалось, целую вечность он парил в туманной мгле, пока лодка не выровнялась. И наконец она рухнула вниз, отчего у Берди в буквальном смысле слова душа ушла в пятки.

Вырвавшись из облаков, он увидел зрелище, от которого у него перехватило дыхание: впереди лежало обнажившееся дно океана, истыканное ушедшими в ил кораблями и огромными зелеными телами прудовиков, которые были раздавлены собственным многомиллионотонным весом. Затем его лодка стрелой понеслась вниз по длинному, покрытому пятнами пены склону, к этой безбрежной грязевой равнине. И тут Берди окончательно понял, что часы его жизни отсчитывают последние секунды.

Вторая, меньшая, волна, двигавшаяся наперерез первой, оказалась спасительной. Считанные метры отделяли его от беспощадного морского дна, но тут налетел порыв ветра, и лодку сотряс тяжелый удар. Он вцепился в снасти крепче прежнего и затаил дыхание, когда ощутил, что вновь поднимается вверх, влекомый бурлящим водоворотом теплого потока. Минута шла за минутой, а он все дышал и дышал — на целый час дольше, чем, как он сам полагал, позволяли человеческие силы; и вот Летний Прилив прошел, и хрупкая лодочка закачалась в спокойных водах.

Об этом надо будет рассказывать внукам, если только они у него когда-нибудь появятся.

Прежде он не задумывался о детях, но сейчас все изменилось. Прошло лишь несколько недель после Летнего Прилива, а жизнь уже набрала свое вновь. В течение следующего месяца каждая способная к деторождению женщина почти наверняка забеременеет, чтобы вернуть численность населения Опала к значению, достаточному для выживания.

Берди посмотрел вверх на ласковое голубое небо и вздохнул еще глубже, окончательно успокоившись. Истинное чудо, возможно, состояло вовсе не в том, что ему удалось выжить, дабы впоследствии рассказать свою историю, но в том, что такие же истории происходили и тут и там, по всей поверхности Опала. Некоторые Слинги, захваченные встречными течениями, сбились в кучу посреди бушующих водоворотов, когда по всем законам физики их должно было разорвать на части. Выжившие рассказывали об обломках, подвернувшихся им под руку в тот момент, когда собственные силы уже покидали их.

А может, им просто так казалось. Берди осенило. Возможно, они держались на плаву, как и он сам, причем столько, сколько требовалось, пока под руку не попадались какие-нибудь спасительные средства. Люди, жившие в системе Добеллия, легко не сдавались. Они просто не имели права себе это позволить.

Берди толкнул коленом плетеную дверцу одноэтажного строения, вытер налипшую на башмаки грязь о лежавшую на пороге циновку и прошел внутрь.

— Боюсь, все то же самое: прудовик вареный, печеный, жареный и еще кусочек прудовика в придачу. — Он поставил поднос на стол из плетеного камыша. — Придется нам какое-то время питаться этой дрянью, пока не починим рыболовные

лодки. — Сняв крышку с большого блюда, он наклонился вперед и принялся. Его нос сморщился. — Если только эта гадость не протухнет окончательно. По-моему, это время уже не за горами. Однако, прошу вас, угощайтесь. В холодном виде он еще противней.

За столом в кресле сидел высокий костлявый мужчина, с огромной лысой головой, обожженной радиацией до красно-лилового цвета. Его бледно-голубые глаза под кустистыми бровями остановились на Берди, и в них появилось задумчивое выражение.

Берди поехал. Он вовсе не ожидал, что его бодрый комментарий вызовет у Джулиуса Грейвса адекватную реакцию (такого прежде не случалось), но никакой причины выглядеть столь печально у этого человека тоже не было. Всего неделю назад Грейвс вернулся живым и невредимым из экспедиции на Тектон — место столь ужасное, что Берди и думать о нем не хотел. Советнику следовало бы излучать интерес к жизни и радость по поводу собственного спасения.

— Мы со Стивеном опять беседовали, — произнес Грейвс. — Он меня почти убедил.

Берди положил телеграмму и принялся за еду.

— Да неужели? Ну и что же он сказал?

Стивен Грейвс представлял еще одну загадку, которую Берди никак не мог постичь. Внутренние мнемонические близнецы, которыми пользовались многие члены Совета, были ему не в диковинку. Просто дополнительная пара мозговых полушарий, выращенных, а затем внедренных в человеческий череп и состыкованных с естественными полушариями посредством нового *corpus callosum*, мозолистого тела, запоминающее устройство повышенной емкости, пусть не такое быстродействующее, зато менее громоздкое, чем неорганический мнемонический блок. А вот чего от них никто не ожидал и (насколько Берди знал) чего они никогда не демонстрировали прежде — так это самосознания. Но мнемонический близнец Джулиуса Грейвса — Стивен Грейвс — не только обладал независимым сознанием, но временами, казалось, даже одерживал верх. Во многих случаях Берди предпочитал иметь дело именно с ним. Веселый и ироничный, Стивен располагал к себе, но незнание того, с кем ты говоришь в данный момент, обескураживало и, несмотря на то, что сейчас, казалось, господствовал Джулиус, Стивен мог заявить о себе в любой момент.

— Уже почти неделю я собираюсь с силами, чтобы вернуться на Миранду, — продолжал Грейвс, — и доложить о своих наблюдениях. «И чем скорее, тем лучше, приятель», — подумал Берди, но вслух ничего не сказал и, подняв телеграмму, принялся со стола вытирать грязь и засохшую черную жижу, невесть каким образом на нее попавшую.

— Все время я испытывал какое-то странное нежелание сделать это, — продолжал Грейвс, — и заподозрил, что моему подсознанию известно нечто отвергаемое сознанием. А теперь, как мне кажется, Стивен попал — образно говоря — в яблочко. Это имеет отношение к Пробуждению и к тем, кто отправился на Гаргантюа.

Берди протянул испачканную телеграмму.

— Раз уж речь зашла о Миранде, то вот — это пришло час назад. Я ее не читал, — спохватившись, добавил он.

Грейвс проглядел листок и, разжав пальцы, уронил его на пол.

— Согласно сообщениям, полученным мной после Летнего Прилива, — продолжал он, — Пробуждение артефактов завершилось. Уже несколько лет артефакты Строителей показывали признаки возрастающей активности по всему рукаву. Но теперь этому брожению пришел конец и в рукаве опять все спокойно. Почему? Мы не знаем, но, как отмечает Стивен, Дари Лэнг настаивала на том, что события нынешнего Летнего Прилива выходят, по своей значимости, за рамки планеты или даже данной планетной системы. Великий Парад происходит раз в триста пятьдесят тысяч лет. Лэнг не хотела заставлять человечество так долго ожидать нового Пробуждения, и я с ней согласился. Когда они с Хансом Ребкой решили последовать за сферой, поднявшейся во время Летнего Прилива из Тектона, я не возражал. Когда Ж'мерлия и Каллик захотели тоже отправиться на Гаргантюа, чтобы узнать, живы ли их бывшие хозяева, я обнадежил их и принял их сторону, хотя и чувствовал, что лезу не в свое дело. Моя задача состояла в том, чтобы возвратиться на Миранду и представить отчет по делу, ради которого меня сюда прислали. Но...

— Именно об этом и говорится в телеграмме. — Берди перестал разыгрывать невинность. — Они хотят знать, почему вы до сих пор здесь, и интересуются, когда вы вернетесь. Вас ждут большие неприятности, если вы не ответите.

Джулиус Грейвс не обратил на его слова никакого внимания.

— Какое поручение на Миранде будет хотя бы наполовину соответствовать по важности тому, что может произойти возле Гаргантюа? Стивен считает, что нас наверняка пошлют разбирать очередной межвидовой конфликт и этические дилеммы. Однако если Строители действительно объявятся на Гаргантюа, как настаивает на том Дари Лэнг, то величайшая межвидовая встреча в истории рукава спирали произойдет именно там. Этические аспекты в данном случае совершенно необычны и не имеют аналогов, а события может подтолкнуть появление Дари Лэнг, Ханса Ребки и двух слуг, несмотря на упредившее их прибытие Атвар Х'сиал и Луиса Ненды. В любом случае мне теперь все ясно. Необходимо реквизировать звездолет и лететь на Гаргантюа вслед за всеми остальными. Не стану утверждать с полной определенностью, но не исключено, что их контакты без сдерживающего влияния члена Совета возымеют разрушительные последствия. В связи с этим прошу вас найти корабль и подготовить его к полету на Гаргантюа...

Грейвс продолжал бормотать, но Берди его почти не слушал. Наконец-то они избавятся от бесполезного трутня, а именно таковым оказался Джулиус Грейвс, хоть он и член Совета. Если он хочет корабль, Берди должен его найти, хотя один Бог знает, как это сделать. Однако ничего тут не попишешь, потому что советники имеют право распоряжаться любыми местными ресурсами, которые посчитают необходимыми. Как бы то ни было, потеря корабля — достаточно малая плата за избавление от отвлекающего и заставляющего терять время Джулиуса/Стивена Грейвса.

— ...Мистер Келли, и как можно скорее.

Упоминание фамилии Берди вернуло его внимание к собеседнику.

— Что вы сказали, советник? Извините, я прослушал.

— Я сказал, мистер Келли, что понимаю, насколько сильно подействовало произошедшее здесь на всех жителей Опала. Поскольку космопорт на Звездной стороне выведен из строя, поиски исправного корабля, возможно, потребуют некоторой импровизации. В то же время, надеюсь, что подготовка к нашему отлету на Гаргантюа не затянется. Стандартной недели вам хватит?

— Нашему? — Берди решил, что ослышался; должно быть, он пропустил в монологе Грейвса самое главное. — Вы ведь это сказали, не так ли?

— Разумеется. Я знаю, что Гаргантюа и его спутники уже находятся в пяти миллионах километров отсюда и удаляются с каждой минутой, но они все равно являются частью системы Мэндел. Я обсуждал этот вопрос с командиром Перри и, несмотря на то, что его служебные обязанности на Опале не позволяют ему отправиться в это путешествие, он выразил уверенность, что присутствие там представителя правительства чрезвычайно важно, и издал приказ, предписывающий вам сопровождать меня на Гаргантюа в качестве его представителя.

Гаргантюа.

Сдохший неделю назад прудовик даже в лучшие времена не был столь противен на вкус. Берди отодвинул поднос, изо всех сил стараясь сохранить съеденное в себе. Он встал. Должно быть, он что-то сказал Джулиусу Грейвсу, перед тем как выйти из здания, но и даже под пыткой ему вряд ли удалось бы вспомнить, что именно.

Гаргантюа! Берди посмотрел вверх, в голубое небо Опала. Мэндел быстро клонился к закату. Где-то там, за ласковым голубым небом, где Мэндел превращается в едва различимую точку света, вращается газовая планета-гигант, окруженная промерзшей свитой своих спутников, пустынных, безжизненных и темных. Даже хорошо подготовленные экспедиции на Гаргантюа, ведомые опытнейшими космическими путешественниками Добеллии, несли там значительные потери. Внешняя часть системы слишком удалена, холодна и недружелюбна по отношению к человеческой жизни. По сравнению с ней Опал во время пятибалльного шторма казался безопасным и приветливым.

Берди огляделся. Все здесь было ему знакомо — от липкой теплой грязи под ногами и путаницы ползучих растений, начинавшейся в нескольких метрах от здания, до спин громадных черепах, переждавших Летний Прилив в океане и теперь неторопливо пробирававшихся сквозь молодую поросль в глубь Слинга. Берди знал здесь каждую травинку и любил это место всеми фибрами души.

Еще совсем недавно эта радующая глаз картина казалась ему чересчур идиллической. Теперь он так не думал.

ГЛАВА 3

«Летний сон» строился как прогулочная яхта для подростков и предназначалась для кратковременных внутрисистемных экскурсий. Все на его борту было рассчитано именно на это — от крохотных камбузов, санузла и грузового отсека до единственной пары узеньких коек. Установленный позже Бозе-двигатель крейсерского класса позволил этой игрушке совершать дальние межзвездные перелеты, однако это усовершенствование отразилось самым плачевным образом на объеме жилого отсека.

Его теперешние обитатели (по крайней мере, те из них, кто принадлежал к роду человеческому) считали эту громадину ненужной роскошью и проклинали на все лады. Перелет от Добеллии к Гаргантюа осуществлялся при помощи холоднокаталитического термоядерного двигателя, в этих условиях Бозе-двигатель оказался совершенно ненужным.

Шел второй день полета. Дари Лэнг и Ханс Ребка снова кое-как устроились на койках, где им приходилось лежать бок о бок.

— Слишком много ног, — мягко произнес Ребка.

Дари Лэнг кивнула. Она не жаловалась, но теснота действовала на нее куда сильнее, и Ребка знал об этом. Он вырос на Тойфеле — одном из самых бедных и удаленных миров Круга Фемуса. Лишения и дискомфорт были ему не в диковинку, он просто не замечал их. Дари же была избалована комфортом и изобилием Врат Стражника, одной из самых роскошных планет-садов, хотя до последних месяцев и не подозревала об этом.

— Для меня тоже много, — сказала она. — Шестнадцать ног — это уж чересчур. А для тебя многовато глаз.

Он моментально понял намек и, извиняясь, прикоснулся к ее руке. Лотфианин Ж'мерлия состоял, казалось, из одних ног и глаз. Восемь черных жестикулирующих конечностей росли из длинного трубообразного туловища, а узкая голова пряталась за большими, лимонного цвета фасетчатными глазами, торчавшими на коротких ножках-антеннах. Каллик была оснащена не хуже. Тело хайменоптки, короткое, толстенькое, покрывала черная шерстка; из круглого туловища торчало восемь похожих на проволочки ножек, а маленькую гладкую го-

ловку по периметру окружали бесчисленные пары блестящих черных глазок, Каллик и Ж'мерлия вовсе не стремились путаться под ногами, но во время их совместного бодрствования, передвигаться по маленькой кабинке, не спотыкаясь об их странные, выставленные в разные стороны конечности, не представлялось возможным.

Дари Лэнг и Ханс Ребка спасались на койках: лишь здесь оставалось свободное место. Однако и там уединение было лишь кажущимся, особенно по меркам Ханса Ребки.

Два месяца, прошедшие с тех пор, как Дари оставила свою тихую жизнь ученого-исследователя на Вратах Стражника, изобиловали удивительными открытиями; одно из них заключалось в том, что многие «факты» жизни обитателей отсталых и бедных миров Периметра не соответствовали истине. На Шасте каждый «знал», что стремление к размножению господствует на всех недонаселенных планетах Круга Фемуса, а мужчин и женщин там одолевает сексомания. Богатые миры Четвертого Альянса «не сомневались», что люди на Тойфеле и Обжигающей, Тектоне и Опале предаются сексуальной близости при малейшей возможности, где и когда угодно.

Вероятно, доля истины здесь была; но на практике обитателей пограничных планет отличала любопытная строгость. Мужчины и женщины не стеснялись демонстрировать свой интерес, начиная с обмена взглядами вплоть до открытого приглашения. Но как только приходило время перейти к действиям, они вели себя, как начала подозревать Дари, до странности пуритански.

Она получила досадное тому подтверждение, когда «Летний сон» отправился в долгий путь к Гаргантюа. В первую же ночь двое чужаков растянулись на полу, предоставив койки Дари и Хансу. Она лежала и ждала, а когда ничего не произошло, взяла инициативу на себя.

Он остановил ее, но весьма странно.

— Конечно, я хочу, но как же твоя нога? — прошептал он. — Ты разбередишь ее. Я имею в виду... здесь мы не можем. Твоя нога...

Дари обожгла ногу во время бегства с Тектона, но сейчас она уже почти зажила. Она едва удержалась, чтобы не сказать: «Да черт с ней, с ногой. Почему бы тебе не предоставить мне самой решать, повредит это или нет?» Вместо этого она отодвинулась, решив, что Хансу не нравится, когда женщина вы-

полняет роль ведущего в вопросах секса. Она ждала, но напрасно. Во вторую ночь она спросила, в чем дело. Ему не хочется? Или она ему не нравится?

— Конечно же нравишься. — Он говорил тихо, оглядываясь на чужаков. Судя по неустанному пошевеливанию перепутанных конечностей, те спали. — Но как быть с ними?

— При чем здесь они? Надеюсь, ты не хочешь предложить им присоединиться?

— Ну не злись. Если они проснутся, то увидят нас.

Вот оно в чем дело! Он стесняется! И, очевидно, очень сильно. Ханс ни на что не способен, пока они соседствуют с Ж'мерлией и Каллик даже, если чужаки не выкажут ничего, помимо академического интереса к процессу совокупления человеческих особей.

Однако их индифферентность вовсе не меняла ситуации для Ханса Ребки. Дари пришлось оставить свои притязания.

— Значит, для тебя слишком много глаз, — повторила она. — Понимаю. Насчет этого не беспокойся, Ханс. Сколько еще осталось до Гаргантюа?

— Около сорока часов. — Он с радостью сменил тему разговора. — Я все думаю... Что, по-твоему, мы там обнаружим?

Он выжидающе взглянул на Дари. Ответа она не знала, хотя ясно ощущала правомерность его вопроса. В конце концов, она — единственная видела своими глазами темную сферу, которая поглотила корабль Луиса Ненды и устремилась к Гаргантюа. Времени для размышлений у нее было достаточно. Неужели она действительно рассчитывает обнаружить там Строителей?

Для Дари этот вопрос был самым важным! Строители исчезли из рукава более пяти миллионов лет назад, но она так или иначе шла по их следам в течение всей своей сознательной жизни. Началось это со Стражника — единственного артефакта Строителей, который был виден с ее родной планеты. Впервые Дари увидела его еще ребенком. Она выросла, глядя на этот сияющий в ночном небе полосатый шар. Недоступные ни людям, ни их машинам, непостижимые глубины Стражника стали для нее символом загадки исчезнувших Строителей. Ее убежденность в том, что Летний Прилив каким-то образом связан с артефактами Строителей, привело ее на Добеллию, а события во время Летнего Прилива помогли по-новому взглянуть на существо проблемы:

Великий Парад планет и звезд, вызывающий Прилив, сам является артефактом, а вся эта звездная система — творением давно исчезнувших великих инженеров.

Но вопрос Ханса Ребки все равно требовал ответа. Неужели она настолько увлеклась Строителями и всем, с ними связанным, что ей везде мерещится их влияние? Нет ничего необычного в том, что излюбленная теория ученого в конце концов обретает власть над всеми его поступками. Он бессознательно отбирает только те результаты экспериментов и наблюдений, которые подтверждают теорию, а все остальное отбрасывает или игнорирует. Дари не стала бы утверждать, что подобная ситуация ей абсолютно чужда.

— Я знаю только то, что видела собственными глазами, Ханс. В моем распоряжении сейчас, кроме этих данных (как бы ты их ни расценивал), — только собственные умозаключения (опять же, возможно, не слишком надежные). Ты можешь получить изображение Гаргантюа через внешние сенсоры?

— Пожалуй. — Он огляделся по сторонам. — Мы сможем смотреть прямо отсюда — проектор направлен в нашу сторону. Не двигайся. Через минуту будет готово.

Это заняло совсем мало времени. Ребке потребовалось всего двадцать секунд, чтобы вывести над койками трехмерное изображение космического пространства. Он перетащил пульт поближе к Дари, чтобы та могла наводить сенсоры и выбирать увеличение по своему желанию.

Планета находилась в центре проекционной сферы. Как все переменялось с тех пор, как Дари видела ее в последний раз! Тогда свечение Гаргантюа затемнялось защитными фильтрами иллюминатора «Летнего сна». Планета действительно была гигантской, занимая почти половину неба, но выглядела тогда она призрачной и туманной. Сейчас Гаргантюа был не больше ногтя Дари, но сиял, словно драгоценный камень яркороранжевого цвета, лежащий на черном бархате, испещренном слабыми звездочками. На диске виднелись едва различимые полосы, позволявшие определить положение оси вращения планеты, а совсем рядом с ним — четыре яркие точки света, лежавшие строго в плоскости экватора и являвшиеся главными спутниками Гаргантюа. Дари знала, что вокруг планеты вращаются тысячи более мелких фрагментов, невидимых с такого расстояния. Их орбиты наверняка претерпели в периастроне чудовищные возмущения.

Не гармония небесных сфер, но какофония, хаос завязанных немислимым узлом орбит. Пробираться между ними будет нелегко.

Она изучила картинку, а затем с помощью дистанционного маркера обозначила точку в четверти радиуса от терминатора планеты.

— Первый луч исходил именно отсюда. — На мгновение она закрыла глаза, вспоминая увиденное. — Он был необычный, ведь свет в пустоте не виден, а я видела его целиком и проследила его вплоть до этой точки.

— А может, он пришел из гораздо более удаленной области, за Гаргантюа?

— Нет. За то время, пока серебристая сфера превратилась в пространственную дыру, заглотила корабль Луиса Ненды и исчезла, двигаясь вдоль этого светового луча, точка, из которой шел луч, переместилась. Она как раз вплотную приблизилась к Гаргантюа, когда я потеряла ее из виду. Единственное объяснение в том, что луч выходил откуда-то с орбиты Гаргантюа.

Дари опять прикрыла глаза. Голова у нее слегка побаливала, а воспоминания о последних минутах перед наступлением Летнего Прилива почему-то вызывали легкое головокружение. В глазах двоилось. Возможно, она слишком долго разглядывала изображение. Она снова взглянула на Гаргантюа. Гигантская планета быстро удалялась от Мэндела по сложной траектории, ведомая одновременно и Мэнделом, и его карликовым звездным братом, но «Летний сон» летел быстрее. Его движение было видно невооруженным глазом.

— Еще несколько часов, Ханс. — Внезапно она почувствовала слабость и лень. — Всего лишь несколько часов, и мы увидим все мелкие спутники. Начинать подумывать, куда нам лететь. Ладно? — Ее озадачили ее собственные слова и странное звучание голоса. — Куда нам лететь? Не знаю я, куда нам лететь.

Он не ответил. Она кое-как повернулась к нему, чтобы узнать, смотрит ли он на нее вообще. Ребка уставился на Ж'мерлю и Каллик.

— Все еще спят, — произнес он.

— Ага. Спят. — Дари улыбнулась. — Не бойся, Ханс, я не собираюсь нападать на тебя.

Но он уже соскочил с койки. Лицо его было краснее обычного, а полоска шрама, бегущая от левого виска к скуле, обозначилась четче.

— Что-то здесь не так. Каллик никогда не спала больше получаса. Оставайся на месте.

Ребка торопливо перебрался к центральному пульта управления, осмотрел его и, громко выругавшись, принялся нажимать на кнопки; завывли кондиционеры, и Дари, почувствовав холодное дуновение, протестуяще забормотала. Не обращая на нее внимания, Ханс склонился над неподвижными телами Ж'мерлии и Каллик, а затем внезапно снова оказался у нее под боком.

— Как ты себя чувствуешь? Лучше сядь.

Дари ощутила, что ее поднимают и сажают прямо. Холодный сухой воздух привел ее в сознание, и она поежилась.

— Со мной все в порядке. Что случилось?

— Атмосфера. Когда мы поднимались с Тектона, корабль получил приличный удар, от которого что-то испортилось в воздушном генераторе. Я временно перевел его на максимум, и, пока мы не выясним, в чем дело, нам придется управлять им вручную.

Тут его настойчивость наконец-то дошла до нее.

— С нами все в порядке? А Каллик и Ж'мерлия?

— Не беспокойся. Мы в безопасности. Сейчас. Возможно, Каллик и Ж'мерлия смогли бы дышать тем, что поступало несколько минут назад — у них высокая адаптивность к плохому воздуху, но мы с тобой — нет. Слишком много окиси углерода. Еще полчаса, и мы бы погибли.

Погибли! Дари почувствовала, как холодная волна, не имевшая никакого отношения к прохладному ветерку кондиционера, прокатилась по телу. Когда они смотрели смерти в лицо во время Летнего Прилива, все опасности были очевидны. Но смерть подстерегала везде, не выказывая признаков своего присутствия, подкрадывалась, чтобы забрать ее жизнь, когда она меньше всего этого ожидает...

Она никак не могла расслабиться. Ханс Ребка опять вытянулся на койке рядом с Дари. Она придвинулась к нему, желая почувствовать тепло человеческого тела. Он прижался к ней всем телом. Дари почувствовала, как он дрожит, но тут же поняла, что дрожат его руки, глядящие ее лицо и грудь. Его возбуждение передалось ей.

Они поняли друг друга без лишних слов. Дари лишь приподняла голову, чтобы взглянуть на спящих Ж'мерлию и Каллик.

А что, если они проснулись? Она чуть было не ляпнула это, но вовремя спохватилась. Заткнись, дура! Что ты хочешь натворить?

Однако одну уступку скромности она все же сделала: включила освещение над койками. Он это, казалось, даже не заметил; через несколько секунд Дари тоже перестала смущаться; а Ж'мерлии и Каллик до них дела не было.

Часом позже двое чужаков продолжали спать. Ханс тоже. Дари лежала с закрытыми глазами, размышляя о том, сколь мало отличается один из аспектов сексуального поведения мужчин в Четвертом Альянсе и в Круге Фемуса. «Я начинаю лучше понимать его, — думала она. — Он хороший человек, но странный. Прямой вызов смерти не пугает его, а лишь возбуждает, возбуждает настолько, что он перестает обращать внимание на собственные табу. Вряд ли он думал сейчас о Каллик и Ж'мерлии... я уж точно о них забыла. Пожалуй, так возбуждает не близость смерти, но сознание того, что ты выжил... Возможно, то же самое испытывают все люди Периметра — и мужчины, и женщины. Но на Ханса это действует просто превосходно».

Она улыбнулась. «Жаль, что на меня это не действует. Меня смерть не пугает. Я получила удовольствие, но могло быть и лучше. Ерунда. Будут другие шансы».

Наконец Дари открыла глаза. Они не выключили проектор, и Гаргантюа, значительно выросший в размерах, висел у нее над головой. На пятнистом диске стали различимы мелкие детали. С тех пор как Дари в последний раз видела ее, планета сделала четверть оборота. Огромный, атмосферный вихрь, названный Глазом Гаргантюа, находился в центре диска. Он смотрел прямо на нее: оранжево-красный, гипнотический, злобный.

Дари ощутила, что у нее сводит дыхание. «Значит, будут другие шансы, а будут ли? — словно говорило выражение Глаза. — Не рассчитывай. Я тоже кое-что знаю о смерти».

ГЛАВА 4

В.К. Талли: постоянная запись для отправки на Персефону.

Сегодня я достиг места назначения — планеты Опал в системе Добеллия. И сегодня же я пришел к тревожащему меня заключению относительно моей миссии.

Состоит оно в следующем: решение, принятое главным инженером Сью Ксантиппой Харбсон Андо, было абсолютно

правильным, хотя и по иным причинам, нежели те, что она мне изложила. Медленный и неэффективный метод обмена данными через человеческие каналы коммуникации дает такую информацию, которую я никогда бы не получил, имея прямой доступ к банкам данных. Причина этого очень проста: некоторые важнейшие сведения в банках данных отсутствуют.

Центральные банки Четвертого Альянса неполны! Кто это мог предвидеть? Более того, теперь у меня есть основания полагать, что заложенная в них информация порой просто ошибочна.

Теперь приведу факты, подтверждающие данные заключения.

Пункт первый. Мое путешествие к Опалу потребовало совершить четыре пересадки в соответствующих точках Бозе-сети. Это я знал еще до отправки. Банки данных сообщали также, что каждая точка Бозе-сети служит звеном транспортных систем различных видов; таким образом, наряду с людьми из Четвертого Альянса и Круга Фемуса там можно встретить граждан Кекропийской Федерации и Сообщества Зардалу.

Эта информация оказалась достоверной. В третьем пересадочном пункте, находящемся в 290 световых годах от Солнца и граничащем с областью Круга Фемуса территорий (неподалеку от Четвертого Альянса и Кекропийской Федерации), я встретил и опознал кекропийцев, лотфиан, варниан, хайменоптов и дитронитов.

Как утверждают банки данных, взаимоотношения между ними предельно ясны. Лотфиане и дитрониты являются рабами кекропийцев. Хайменопты и варниане иногда бывают свободными, но, как правило, поработаются людьми, проживающими на территории Сообщества Зардалу (а также уцелевшими сухопутными Зардалу, если только они еще сохранились; ни одного из них не видели со времен Великого Восстания задолго до Экспансии).

Из банков данных также ясно, что, несмотря на независимость Кекропийских и Зардалусских клайдов, все живые существа признают верховенство людей Четвертого Альянса. Они во всем с ними считаются, подтверждая превосходство человеческого интеллекта и рассматривая Землю и прилегающие к Альянсу территории в качестве культурного и научного центра рукава спирали.

На самом деле все не так! Я, имея внешний вид человека из Четвертого Альянса, не получал никакого преимуществен-

ного обслуживания, а совсем наоборот. Появившись в большом терминале узловой точки Бозе-сети 145, я обнаружил, что пересадочный пункт переполнен живыми существами. Для того, чтобы добраться до нужной мне зоны отправки, я вынужден был пройти мимо группы других путешественников — кекропийцев, зардалусских людей и спящих среди них хайменоптов. Мою просьбу уступить дорогу проигнорировали. Более того, какая-то кекропийка оттолкнула меня в сторону, словно не заметив.

Когда я обратился с апелляцией к другому путешествующему человеку, он сказал: «Это твоя первая поездка, не так ли? Тебе придется познакомиться со многими вещами, которых нет в туристических справочниках. Или они сами тебя с собой познакомят, как сделала эта кекропийка. С ее точки зрения, ты вообще не существуешь, понятно? У нас, людей, нет необходимого феромона, на который реагируют кекропийцы, поэтому они и не подозревают о нашем присутствии. А поскольку их цивилизация древнее человеческой, то глядят они на нас свысока. И не надейся на вежливость от кекропийки. Она считает тебя маленькой обезьяной только что вставшей на задние ноги. Так что освобождай дорогу, когда она прет: вдобавок ко всему она гораздо больше тебя».

Не думаю, что мог бы получить аналогичную информацию где-нибудь, кроме как непосредственно из человеческого источника. Она абсолютно не соответствует картине, нарисованной центральным банком данных.

Пункт второй. Центральный банк данных Четвертого Альянса утверждает, что наука Альянса превосходит по своему уровню науку других клайдов, а технология и подавно.

Я вынужден оспорить данное утверждение.

Первые три станции Бозе-сети, через которые я прошел, покинув Солнечную систему, были построены и обслуживаются людьми Четвертого Альянса. Четвертая, как я выяснил, построена и эксплуатируется Кекропийской Федерацией. Ожидая отправки корабля на Добеллию, я имел возможность изучить данную станцию более внимательно. Совершенно очевидно, что технически ее устройство аналогично узловым точкам Четвертого Альянса, а вот спроектирована она гораздо лучше. Более того, она чище, безопасней и работает практически бесшумно.

Банк данных опять, по неизвестной причине, дает неверную информацию. Техника Альянса не столь совершенна во

всех отношениях, а кое в чем она даже уступает. Но для того, чтобы прийти к этому заключению, потребовалось непосредственное наблюдение.

Пункт третий. Банк данных утверждает, что человечество достигло звезд, используя тщательно выстроенную и выверенную теорию физического мира. Законы физики, математики и логики лежат в основе всей человеческой деятельности, независимо от конкретных ее направлений.

Я считаю, что данные факты могут быть точны только по отношению к истории человечества. Но они, похоже, никак не согласуются с современной деятельностью людей на Опале. Более того, на основе моих бесед я сделал вывод, что они не соответствуют положению дел во всем Круге Фемуса. Либо люди там не вполне нормальны, либо они руководствуются в своих поступках какой-то иной логикой, существенно отличающейся от той, что содержится в файлах центральной базы данных.

Эти тревожные заключения вытекают из моих непосредственных наблюдений, сопровождавшихся разговорами с местными жителями относительно недавних трагических событий, известных как Летний Прилив, и состоят в нижеследующем.

Опасности Летнего Прилива огромны. Смерть и разрушения были ужасны и прокатились по всей планете. Логически мыслящая раса пришла бы к выводу, что Опал непригоден для заселения людьми, и начала бы вводить процедуры ограничения рождаемости, готовясь к перебазированию в какую-нибудь другую планетную систему. Подобные действия соответствовали бы критерию логичной гуманности, описанному в центральном банке данных.

А что делают люди Опала после окончания Летнего Прилива? Они пускаются в репродуктивную оргию, которая неизбежно вызовет прирост населения в течение нескольких стандартных лет и, таким образом, затруднит эвакуацию с планеты. Они оправдывают это тем, что это место, убившее недавно столько их друзей и членов семей, им очень дорого.

Для того чтобы «отпраздновать» собственное выживание, они вдыхают и глотают в больших количествах наркотические препараты и мощные канцерогены, укорачивая свой и без того небольшой срок существования. Подозревая, что по каким-то причинам местные жители способны меня, как новичка, вводить в заблуждение относительно действия, производимого дан-

ными веществами на организм, я в порядке эксперимента сам попробовал небольшое их количество. Мои метаболические функции нарушились на несколько часов.

Эти болезненные эффекты, должен добавить, отнюдь не являлись следствием отличия моего внутреннего строения и происхождения. Как я обнаружил, аналогичные внутренние расстройства часто встречаются и у местных жителей. И вовсе не озадачиваясь своими собственными алогичными действиями, они, как правило, навязывают их другим, безо всякого стыда и зачастую, в очень грубой форме.

Пункт четвертый. Центральные лингвистические банки считаются абсолютно полными, включая идиоматические обороты любой формы письменного или устного способа общения в рукаве спирали.

Это не может быть верным по следующей причине. По прибытии на Опал я встретился с человеком мужского пола, представившимся как комиссар Берди Келли. Он проинформировал меня, что из существ, с кем мне было предписано войти в контакт, все, кроме одного, либо считаются погибшими, либо отсутствуют, изучая другие части системы Мэндела. Единственное исключение составляет советник Джулиус Грейвс, и я встречаюсь с ним через несколько часов. Это известие меня обрадовало, о чем я и сказал.

Я не испытывал никаких лингвистических трудностей во время разговора с комиссаром Келли. Действительно, нет причин полагать, что последние языковые изменения на Опале способны помешать нашему общению.

После этой встречи, длившейся чуть менее двадцати минут, комиссар сказал мне, что у него есть другие дела. Я вышел, и тогда он заговорил — по-видимому, сам с собой. Он наверняка полагал, что мне его не услышать, но я создан на основе первоклассного генетического материала и имею гораздо более чувствительный, чем у большинства людей, слух.

— Итак, мистер В.К.Талли, — сказал он. — «Можно мне говорить», значит. Можно мне лепетать — будет вернее. Смешная ты утка — это уж точно. Интересно, зачем тебя сюда принесло?

Утка — это животное, обитающее на Земле. Будучи завезена на Опал, она прекрасно здесь прижилась. Ясно, что человеческое существо — это не утка, а также, что человек даже близко ее не напоминает. Поскольку я похож на человека, то соответ-

ственно я не мог быть принят за утку. И трудно понять, каким образом комиссар Берди Келли допустил такую ошибку, если только не ошибаются сами лингвистические банки данных.

Подобные случаи требуют всестороннего анализа.

ГЛАВА 5

Вселенная полна противоположностей. Чудовищные гравитационные поля или почти полное их отсутствие; страшнейший холод или жара, которую не выдерживают самые тугоплавкие вещества; давления в миллионы атмосфер или практически полный вакуум.

Лед и пламя. Нифльхейм или Муспелльсхейм: древние символы противоположности, придуманные людьми задолго до Экспансии.

Планеты — вот уж воистину странные образования, непонятная нейтральная зона между солнцами и пустым пространством, тонюсенькая прослойка, где могут существовать умеренные температуры, давления и гравитационные поля. И если планеты — это аномалии, тогда планеты, на которых способна существовать жизнь, — явление еще более редкое, вероятность появления которого среди всего набора странностей близка к нулю.

И где место человека в этом чужом мире?

— О чем задумалась? — Голос Ханса Ребки прервал унылые размышления Дари.

Она улыбнулась, но ничего не ответила, глядя в иллюминатор и размышляя о неудовлетворительном положении дел. Далекие, как сон, Врата Стражника находились в восьмистах световых годах. Гаргантюа, заполнивший сейчас все небо, был гораздо больше знакомого ей с детства Стражника и гораздо внушительнее. А Глаз представлял собой газовую воронку, достаточно широкую, чтобы поглотить десяток обычных планет.

— Ты хочешь, чтобы я тебе помогла?

— Вряд ли это возможно, даже если ты захочешь. — Ханс Ребка кивнул в сторону пульта управления. — Они не дадут мне подойти ближе. По-моему, Каллик просто забавляется.

Прекрасно было сознавать, что рядом кто-то есть. Все время, пока они вращались вокруг Гаргантюа, Дари пребывала в

глубокой депрессии: руководствуясь столь неопределенными указаниями, забраться так далеко и в результате не найти ничего, что позволило бы воскликнуть: «Вот оно! Это именно то, что мы здесь искали!»

Вместо этого им приходилось крутиться вокруг газового гиганта, едва не ставшего звездой, и недоступного из-за плотной ядовитой атмосферы и гигантского гравитационного поля. Все, что они здесь нашли, — это четыре главных спутника Гаргантюа с собственными атмосферами и океанами; атмосфера на них состояла в основном из азота вперемешку с едким фотохимическим смогом из этана и синильной кислоты, а океаны представляли собой жидкий этан и метан. Их поверхности, еще недавно кипевшие во время сближения с Мэнделом и Амарантом, теперь вновь остыли на пару сотен градусов ниже точки замерзания.

Если здесь и можно что-нибудь найти, то только на каком-нибудь маленьком безвоздушном спутнике, одном из нескольких сотен. Каллик и Ж'мерлия терпеливо наблюдали за ними и вычисляли орбитальные параметры каждого, чтобы впоследствии идентифицировать. Следить за их причудливым движением было просто невозможно, и даже для бортового компьютера «Летнего сна» задача оказалась довольно сложной. Наконец команда нашла нечто интересное, примерно соответствовавшее смутным критериям Дари.

— Сколько они уже обработали? — В глубине души Дари вовсе не была уверена, что хочет услышать ответ. Поскольку, когда они перелопатят все более или менее крупные фрагменты и ничего не найдут, ей нечего будет им предложить, кроме возвращения на Добеллию с пустыми руками.

Ханс Ребка пожал плечами, но Дари услышал Ж'мерлия. Его лимонные глаза повернулись на коротеньких глазоножках.

— Сорок восемь. — Он помолчал и, отвечая на невысказанный вопрос, добавил: — Пока что мы ничего не нашли. Нет даже признаков минеральных ископаемых.

Конечно, нет. Не будь таким глупым, Ж'мерлия. Это же Круг Фемуса! Бедный металлами, бедный минералами и бедный всем, чем только можно. Систему Мэндела обшарили в поисках полезных ископаемых давным-давно, во время колонизации. Если здесь что-то и было, все добыли и забрали сотни лет назад.

Дари догадалась не произносить эту тираду. Сейчас ее злило буквально все, так как она чувствовала себя виноватой. Двое чужаков выполняли всю работу в то время, как сама она сидела сзади, смотрела на них и ныла.

— Сколько еще осталось, Ж'мерлия?

— По крайней мере несколько сотен. По мере сближения обнаруживаются все более мелкие тела. И на каждое приходится тратить время. Основная проблема — параметры орбиты; измерения занимают много минут, иначе не добиться нужной точности. Требуется особая тщательность, чтобы ни одного не упустить или, наоборот, не повториться. Старые каталоги, конечно, помогают, но последние возмущения сделали их недостоверными.

— Тогда мы застряли надолго — по крайней мере на несколько дней. Что ты об этом думаешь, Ханс? Давайте сядем где можно будет выпрямиться и завершить поиски в более-менее нормальных условиях. Скафандры у нас есть. Разомнем ноги на одном из планетоидов и выберемся наконец из волос друг друга, хотя бы на час-другой.

— У нас уже есть... к-кандидат. — Каллик тоже следила за разговором. Она уже могла довольно бегло говорить, и лишь иногда заикалась от возбуждения. — Мы взяли его на заметку, как только... о-б-бнаружили. Что скажешь, Ж'мерлия?

Лотфианин кивнул.

— Он отмечен в старом каталоге под идентификатором «Дрейфус-27», и как-то раз одна исследовательская экспедиция уже использовала его в качестве базы. Там должны быть тоннели, а возможно, и воздухонепроницаемые камеры. До него можно добраться с нашей нынешней орбиты с минимальной затратой энергии. Не хотите ли взглянуть на его описание?

Дари ухватилась за предложение Ж'мерлии с неприличной поспешностью. Она сознавала это, но совладать с собой не могла. Движение, суэта, деятельность — вот что ей сейчас необходимо, даже если это будет просто движение и суэта, столь же бесполезные, как и приведение в порядок голой каменной глыбы, чтобы люди и чужаки несколько дней смогли бы называть ее своим домом.

Сближение с Дрейфусом-27 подтвердило данные дистанционной разведки. Планетоид представлял собой темный, испещренный кратерами обломок, километров десяти в поперечнике,

вращавшийся по низкой орбите вокруг Гаргантюа. Тысячу лет назад обнаруженные в верхних слоях Дрейфуса-27 следы никеля и железа вдохновили разведчиков на глубинное бурение. Щебенка и пустая порода, до сих пор покрывавшие неровную поверхность планетоида метровым слоем, красноречиво свидетельствовали, что никаких более или менее пригодных к обогащению залежей обнаружено не было, но автоматическое бурильное оборудование шахтеров поработало при этом на славу. Недра Дрейфуса-27 истыкали вдоль и поперек, пробурили, вычерпали (а породу измельчили и просеяли), образовав внутри самый настоящий лабиринт из шахт, коридоров и камер.

В отсутствие воздуха и сколько-нибудь заметной гравитации эти тоннели сохранялись в неизменном виде с того самого дня, как их забросили. Вновь прибывшие могли безошибочно констатировать окончательное разочарование шахтеров по беспорядочным грудам обломков породы и недостроенным жилым помещениям. Начиналось же все с радужных надежд, вдохновивших людей на постройку постоянной базы, пригодной для ведения широкомасштабных горных работ. Постепенно надежды эти испарились, и однажды, собрав свои инструменты, люди улетели. Однако они все же прошли полпути, стремясь сделать Дрейфус-27 пригодным для обитания. Плодов их труда оказалось вполне достаточно для нужд экипажа «Лётного сна».

— Законопатим сверху и будет то, что надо, — сказала Дари. — Она и Ж'мерлия обнаружили подходящую цилиндрическую камеру с узким входом в пятистах метрах под поверхностью и убедились, что стены выдержат атмосферное давление. — Термоизоляция так же хороша, как и в день, когда ее поставили. Возвращаемся. Как только мы закачаем сюда немного воздуха, можно будет снять скафандры. Прекрасно!

Она огляделась. Крупных кусков породы здесь не было, но на пассивиновом покрытии стен хлопьями висела каменная пыль, взлетающая облаком от малейшего прикосновения или вибрации. «Прекрасно? — подумалось ей. — Боже мой, я качусь все ниже и ниже. Несколько месяцев назад я отвергла бы самую мысль, что смогу находиться в таком месте хотя бы десять минут. А теперь жду не дождусь, когда поселюсь здесь».

Ж'мерлия чувствовал себя, как дома. Лотфиане обитали в норах, а поверхность их родной планеты представляла собой один гигантский муравейник. Оказавшись здесь, он сразу же

забегал по коридорам из одной камеры в другую. А сейчас он кивнул ей и устремился вверх, легко преодолевая слабое тяготение.

Дари, не столь проворная в невесомости, осталась далеко позади. Приближаясь к поверхности, она заметила, что тоннель освещен падавшим снаружи светом. Дрейфус-27 медленно кувыркался вокруг своей большой оси с периодом чуть более часа. Когда они спускались внутрь, Гаргантюа заполнял собой все небо; теперь же шахту освещал тусклый холодный свет Мэндела.

Корабль парил на том же самом месте, где они оставили его, пришвартованный метраж в ста над поверхностью. Дари ухватилась за кабель и начала подниматься. Ж'мерлия все еще не покинул тесный воздушный шлюз, и ей пришлось подождать снаружи. Она посмотрела вниз. С высоты ей была видна большая часть неправильного полушария Дрейфуса-27. Слабое освещение только подчеркивало неровности рельефа. Резкие границы света и тьмы слегка смягчались микроскопической пылью и кристалликами льда, поднявшимися с поверхности в результате прибытия «Летнего сна». Вокруг Гаргантюа кружит по орбитам еще несколько сотен обломков, аналогичных по размерам и внешнему виду. Неужели она сошла с ума, вообразив, будто секреты исчезнувших Строителей могут быть спрятаны в такой пустыне?

Ханс Ребка ждал ее возле шлюза. Дари переключила скафандр на полное открытие и подождала пару секунд, пока не установилась двусторонняя прозрачность.

— Ж'мерлия говорит, вы нашли что-то приличное, — начал Ребка. — Он прямо прыгает от восторга.

— По-моему, это сплошной хаос — целый лабиринт тоннелей, но ему там нравится. Я думаю, это напоминает его родину. Эй, взгляни-ка на них.

Ж'мерлия перебрался к пульту управления, где, растопырив во все стороны свои конечности, сидела Каллик. Последние два дня хайменоптка усердно вылавливала мелкие спутники Гаргантюа, так ни разу и не сменив свою позу. Теперь же лотфианин и хайменоптка о чем-то возбужденно переговаривались между собой посредством щелчков и посвистов — своего основного языка, которым ни Дари, ни Ханс не владели. Свист и пощелкивание становились все громче и энергичнее, пока Дари не прикрикнула:

— Эй, там, кончайте; вы нас совсем оглушили. — Обращаясь уже к Хансу Ребке, она добавила: — Мне кажется, там нет ничего такого, чтобы приходить в восторг.

Он кивнул.

— Что это с ними? Ж'мерлия! Каллик! Успокойтесь. Ж'мерлия издал последний режущий ухо свист и повернулся к людям.

— Прошу извинить, искренне прошу извинить. Но у Каллик прекрасная новость. Две минуты назад она поймала сигнал с корабля «Все — мое»!

— С корабля Луиса Ненды? Не верю. — Ребка протиснулся к пульту. — Дари сказала, что они удалялись от Тектона с ускорением в несколько сотен «же». Любое оборудование внутри корабля должно было раздавить в лепешку.

Гладкая черная голова хайменопки повернулась к людям.

— Не с-совсем так. Я приняла вполне отчетливый с-сигнал. Только очень слабый.

— Ты имеешь в виду, что «Все — мое» находится там, но попал в беду?

— Не обязательно в беду. Это не сигнал бедствия, а обычный маяк для определения местоположения.

— Тогда почему мы не поймали его раньше, когда сканировали весь район?

— Потому что он начал работать лишь после того, как принял наш сигнал. Первое сканирование было пассивным, а сейчас я включила радар, чтобы детальнее исследовать поверхность каменных фрагментов.

Жвалы хайменопки подрагивали от возбуждения и восторга.

— При всем уважении и со всеми нашими извинениями, мы не в силах скрыть нашу радость. Корабль не разрушен! Он цел, у него есть энергия и он, должно быть, в хорошем с-состоянии. Мы оба надеемся, что наши хозяева не погибли во время Летнего Прилива. Луис Ненда и Атвар Х'сиал, возможно, живы и всего в нескольких часах полета!

СТАТЬЯ 14: ЛОТФИАНЕ

Распространение: Центром лотфианской цивилизации и единственным местом обитания особей женского пола данных существ остается небольшая планета *Лотфи*. Самки Л. обитают исключительно в норах, каких-либо признаков их присутствия на поверхности планеты не замечено. Однако считается, что приповерхностный слой планеты пронизан множеством ходов, соединяющих норы, инкубационные и метаморфозные камеры. Прямых доказательств этого нет, поскольку ни один не-л. никогда там не был.

Самцов Л. можно обнаружить в больших количествах на поверхности Лотфи и в малых количествах на любой планете Кекропийской Федерации и Четвертого Альянса в тех местах, где кекропийцы контактируют с другими разумными видами.

Физические характеристики. Анатомия самок Л. никогда не исследовалась, хотя известно, что они слепы и превосходят размерами, а возможно, и интеллектом, самцов. Считается, что их физиология в общих чертах сходна с физиологией самцов.

Самцы Л. — это членистоногие с узким цилиндрическим телом и восемью конечностями. Обладают прекрасным слухом и зрением, а также способностью к феромональному общению, что делает их лучшими переводчиками кекропийцев. Оба фасетчатых глаза не имеют век и способны осуществлять фокусировку как индивидуально, так и совместно, получая либо стереоизображение, либо одновременное монокулярное изображение двух зрительных полей. Глаза чувствительны в спектральном диапазоне от 0.29 до 0.91 микрон, позволяя видеть как в ультрафиолетовом, так и в инфракрасном свете. (Лотфианская «радуга» насчитывает одиннадцать цветов, в отличие от обычной семицветной радуги людей.)

Известно, что слепые Л.-самки обладают высоким интеллектом. Однако интеллектуальное развитие самцов представляет собой весьма спорный вопрос. С одной стороны, до появления кекропийцев на Лотфи ни один Л. не демонстрировал интереса к чему бы то ни было за пределами его родной планеты. Это естественно для живущих в норах самок, но никак не для самцов, которые бродят по поверхности и видят звезды каждую ночь. Вдобавок самцы-переводчики рассматриваются кекропийцами как чисто функциональные устройства, никогда не комментирующие высказывания своих хозяев и не добавляющие чего-либо от себя.

С другой стороны, Л.-самцы — превосходные лингвисты и, лишаясь своих кекропийских доминанторов, они проявляют способность к независимым мыслям и действиям. Самцы, взятые непосредственно с планеты, неграмотны, но обучаются чтению и

письму столь быстро, что можно характеризовать их способности как генетическое свойство.

Господствующая теория разрешения данного парадокса была разработана на основе некоторых сведений о психологии Л. Считается, что мозг самца обладает высокой организацией и большим интеллектуальным потенциалом. Однако в нем есть неизвестный физиологический тормоз, имеющий химическую природу, который тормозит использование интеллекта в присутствии самки. При столкновении с самкой способность самца к рациональному мышлению просто отключается. Более слабая форма данного феномена присуща и другим разумным существам (см. статью «Люди» данного каталога). Считается, что этот же механизм работает, только в меньшей степени, когда Л.-самец контактирует с кекропийцами или другими разумными существами. Если данная теория верна, следует вывод: никому еще не удалось наблюдать интеллект Л. во всей его полноте.

История. Особенность планеты Лотфи состоит в том, что доминирующие организмы планеты принадлежат к древней расе, существующей в современной физической форме и ведущей современный образ жизни уже по крайней мере десять миллионов лет. Письменные свидетельства, если таковые и имеются, запрятаны в норах самок и совершенно недоступны постороннему исследователю.

Культура. Л.-самцы, проживающие на родной планете или в иных мирах, не выказывают никакого стремления к спариванию. Степень их зрелости характеризуется как вторая, или «постличиночная» стадия. Поскольку взрослая форма данного вида обладает двумя четко различимыми полами и поскольку весьма неправдоподобно, что обитающие в норах личинки способны к размножению до метаморфозы, можно предположить, что спаривание происходит, когда самцы возвращаются в норы, принося пищу. В это время интеллект самца подавляется, а сексуальные позывы активизируются. Поскольку Л.-самки обладают интеллектом постоянно, они определяют всю лотфианскую культуру и управляют ею.

Представляет несомненный интерес социальная организация, которая установилась бы в группе Л.-самцов, удаленных на большое расстояние от самок и других разумных существ. Эта проблема является, конечно, чисто академической, поскольку данные условия пока нигде не возникали и вряд ли возникнут. Л.-самцы приходят в состояние волнения и демонстрируют иррациональное поведение, когда представители их собственного вида либо другие разумные существа отказывают им в общении.

«Всеобщий каталог живых существ (подкласс: разумные)».

ГЛАВА 6

Полет на Гаргантюа наверняка будет трудным и опасным. Такая перспектива страшила Берди Келли. С тех пор, как он узнал Джулиуса и Стивена Грейвса получше, эта идея стала нравиться ему еще меньше; а когда начало обретать все большую реальность участие в данном предприятии В.К.Талли, опасения Берди усилились на порядок.

Тем не менее оказалось, что это последнее пополнение вполне безопасно. По какой-то причине, необъяснимой для Берди, Стивен Грейвс и В.К.Талли взаимонейтрализовали друг друга. Возможно потому, что вечно спорили. Их перепалки вызывали такое раздражение, что остальные неприятности казались пустяком и отходили на второй план; это помогало Берди преодолевать свое негативное отношение к предстоящему путешествию.

Реализация его безрадостных прогнозов началась еще до того, как они оторвались от Опала. Все трое направились к краю одного из Слинггов, дабы ознакомиться с кораблем, добытым Берди для путешествия. Талли тащился позади, проявляя неестественный интерес к представителям местной водной фауны, плававшим неподалеку от берега.

— Так вы говорите, что это всего-навсего занюханный робот? — причитал Берди, считая, что его нельзя услышать. — Хорошо, тогда почему никто мне этого не сказал, когда он появился здесь впервые? Слов нет, ведет он себя действительно как последний идиот.

— Он не робот. — Джулиус Грейвс с явным неодобрением разглядывал межпланетный грузовик. Пожалуй, корабль был

чересчур велик, раз в десять больше того, что им требовалось, но наружная обшивка проржавела и покрылась трещинами. На Миранде его отправили бы на свалку лет сто назад. — На самом деле я вообще предпочитаю не говорить ничего, кроме того, что тебе иногда полезно знать. В.К. Талли — это викарь, вживленный в тело компьютер. База данных, которой он способен оперировать, огромна, даже учитывая, что ему не хватает человеческого опыта и знания местной обстановки.

— Один черт. Компьютер, робот. И что за данные в этой базе? Он, похоже, не знает ничего путного.

— Он не компьютер и не робот. У него человеческое тело. Берди передернуло.

— Ужасно. А кому оно принадлежало раньше?

— Никому. Его вырастили специально для него по библиотечному шаблону. — Грейвс залез наверх, заглянул в люк и поморщился. — Фу. Для чего, ты говоришь, его использовали?

— В качестве рудовоза. — Берди тоже заглянул внутрь. — По крайней мере так мне сказали. Не представляю, какая руда может так вонять. — Он быстро отдернул голову наружу. Грязь внутри произвела впечатление даже на него. — Но я все же до сих пор не понимаю, что здесь делает Талли.

— Этим ты обязан мне. Если бы я возвратился на Миранду, как планировал, В.К. Талли улетел бы вместе со мной. Он говорит, что его послали на Опал с тремя целями. Первая — определить на месте степень важности произошедших здесь событий; вторая — сопровождать меня, куда бы я ни направился; и, третья — доставить меня в штаб-квартиру Альянса. — Грейвс провел ладонью по крышке люка и с отвращением посмотрел на результат. — Нет, так не пойдет. Прежде чем снова поднимать эту колымагу в космос, ее необходимо вычистить изнутри.

— Нет проблем.

Проблем не было, потому что Берди точно знал: шансы нанять кого-нибудь на такую работу нулевые; но говорить это Грейвсу бессмысленно. Берди решил сделать все от него зависящее для выполнения последнего из трех заданий В.К. Талли — все его проблемы исчезнут, как только Грейвс и Талли улетят. Разве это не показатель чудовищного и столь типичного для Совета Альянса бездушия — сидеть за сотни световых лет отсюда и пытаться отозвать своего представителя при помощи полоумного робота?

Следующее действие, предпринятое Талли, отнюдь не повысило его рейтинг в глазах Берди. Он закончил изучать уток и принялся осматривать корабль изнутри и снаружи.

— Можно мне говорить? — наконец произнес он.

Берди выругался.

— Господи Боже мой, когда ты прекратишь это произносить? Даже если я скажу «нет», ты ведь все равно не заткнешься.

— Прошу прощения, комиссар Келли. Поскольку мой вопрос причиняет вам какие-то неудобства, я постараюсь прекратить... несмотря на то, что вежливость — один из основных элементов моей первичной настройки. Однако я уверен: вам будет интересно услышать то, что я сейчас скажу. Основываясь на истории этого корабля и его теперешнем состоянии, я вычислил вероятность катастрофы для любого продолжительного путешествия, аналогичного тому, что планируется. Она равна шестидесяти шести процентам.

Джулиус Грейвс издал неодобрительный рык. Берди вздрогнул и едва не сделал то же самое. Неужели он выжил в Летний Прилив только для того, чтобы отдать концы в космосе? Разумеется, нет, если только в его силах еще хоть что-то изменить. Но ведь ему ничего не надо делать. Наступил тот самый момент, когда Джулиус Грейвс может употребить свою власть и наложить вето на все путешествие, независимо от намерений В.К. Талли. Оно было неприемлемо опасным.

— Прости, Талли, — сказал Грейвс.

Вот он, тот самый момент, когда он воспользуется своей властью, с надеждой подумал Берди.

— ...Но мы вынуждены оспорить твое утверждение. Стивен вычислил, что вероятность катастрофы всего шестьдесят — и ни процентом больше!

— Готов обсудить, откуда взялась такая разница. — Талли нацелился в Грейвса своим совершенным носом. — Мне кажется, если вы уточните исходные данные, то обнаружите дополнительные источники опасности...

Они двинулись прочь, продолжая спорить.

Стивен Грейвс и В.К. Талли заключили пари; именно так Берди расценил происходящее. В то время, как «Несравненный» — Берди готов был согласиться с таким названием для этой тухлой скорлупы — со скрипом и ревом прокладывал свой вонючий, усыпанный ржавчиной след в космосе, Стивен Грейвс и В.К. Талли продолжали бесконечный спор.

Кто победитель? Этого Берди сказать не мог. Путешествие к Гаргантюа было длительным и — слава Богу! — лишенным

каких бы то ни было событий. Из простого упрямства Берди обратился к весьма ненадежному источнику — Джулиусу Грей-всу — с просьбой разъяснить суть диспута Стивен-Талли.

Советник отнесся к вопросу самым серьезным образом и нахмурил свой высокий морщинистый лоб:

— Полагаю, я способен дать непредвзятую оценку. И, как мне кажется, здесь ничья. У В.К. Талли есть преимущество над Стивеном, когда он рассматривает вопросы, требующие высокой скорости вычислений, которая в его схемах в триллионы раз выше. Самое удивительное, что Стивен тоже может справляться с такими задачами. Насколько я могу судить (а мы обсуждали это со Стивеном несколько раз), Талли, где только возможно, использует прямой расчет. Стивен же, наоборот, весьма активно пользуется результатами предыдущих вычислений и табличными данными, хранящимися в памяти, а также интерполяцией. В обычных условиях Талли способен быстрее получить ответ на любой вопрос, требующий прямого вычисления, но так бывает не всегда.

Преимущество Стивена лежит в других областях. Как и всякий человек, он предпочитает выискивать аналогии, которых ни один компьютер, вживленный или нет, никогда не сможет найти. Вот простой пример: и Стивен, и ты, и я способны превосходно узнавать объект по его признакам. Мы распознаем и выдаем наименование любого известного нам предмета в доли секунды, независимо от расстояния или угла зрения. Ты узнаешь меня, как только мы встречаемся, несмотря на условия освещения или расстояние. Учитывая низкое быстродействие органической памяти, для этого требуется не более ста полных мозговых циклов, что говорит о громадной параллельной работе внутри мозга. Для выполнения той же самой распознавательной работы, неорганическому мозгу В.К. Талли требуются сотни миллиардов последовательных вычислительных циклов. Естественно, в конце концов он придет к тому же результату. Но в данном случае у Стивена почти всегда получается быстрее.

— Значит, вы говорите — одна голова хорошо, а две лучше. — Берди не улыбался. — Или что один из них все же может выиграть. Похоже, прежде чем принимать решение, нам следует выслушивать и Стивена, и В.К. Талли.

— В этом есть определенная логика. Другая проблема — хранение информации. У Стивена доступ к ней гораздо мед-

леннее, зато гораздо выше плотность упаковки. Он знает намного больше фактов, чем В.К. Талли, но ему требуется больше времени на их извлечение. — Грейвс поразмышлял еще несколько секунд. — И конечно же, главная слабость В.К.Талли не имеет отношения ни к скорости вычислений, ни к объему памяти. Она заключается в его неспособности учитывать эмоции в вопросах, касающихся человеческих отношений. Даже стараясь изо всех сил принять правильное решение (а его конструкция иного не позволяет), он в своих суждениях об отношениях как людей, так и чужаков, всегда получит ущербный результат. И чем дальше он уходит от окружения, в котором разработаны основные положения его опыта, тем более сомнительными окажутся его решения. — Грейвс оглянулся, дабы убедиться, что Талли не прячется где-то поблизости. — Я считаю, что и мне, и тебе надо приглядывать за ним. Особенно тебе. Он будет стараться скрывать от меня свои мысли, понимая, что я — член Совета. Ты должен немедленно меня информировать, если в его действиях обнаружится опасное упрощение, либо нечувствительность к тонким проявлениям органического интеллекта.

Берди кивнул. Он решил при первой же возможности поговорить с В.К.Талли.

— В ваших наблюдениях есть доля истины, — осторожно сказал Талли после нескольких миллисекунд углубленного самоанализа. — Сознания Джулиуса и Стивена Грейвса обладают определенными атрибутами, которые пришлось бы мне кстати. В массивной параллельной обработке данных есть свои преимущества, однако в целом она не компенсирует мучительную медлительность нейронных схем органиков. — Талли внимательно огляделся. — Однако Джулиус и Стивен Грейвс имеют одну слабость, которая может оказаться фатальной. В случае опасности они, а особенно Джулиус, выдвинут суждения, затуманенные эмоциями. Об этом меня предупреждал Совет. Вероятно, ты сможешь мне здесь помочь. Грейвсу выгодно скрыть от меня эмоциональные эффекты, потому что он знает: я сообщу об этом Совету. Ты должен немедленно оповестить меня, если его действия примут опасно эмоциональный или чрезмерно окрашенный гормональными влияниями органического интеллекта характер.

— Разумеется. Можешь рассчитывать на меня.

— Хм-м. В самом деле? — Возникла короткая пауза. — А! Ты применил глагол идиоматически, а не в буквальном смысле. — В.К. Талли кивнул с огромным удовлетворением. — Да, конечно, ты так и поступишь. Логика и медлительность ваших арифметических схем требует именно такого поведения. Очень приятно сознавать, что способы мышления органического интеллекта становятся мне понятными.

Он скрылся в глубинах корабля, наполненного затхлым ароматом прогорклого жира.

Берди испытал секундное удовлетворение, быстро уступившее место беспокойству: Грейвс безумен как варнианец, но В.К. Талли не лучше. Так почему же эти придурки облекли его своим доверием?

СТАТЬЯ 18: ВАРНИАНЕ

Распространение. Центр варнианского клайда, планета Эварнор, вращается вокруг звезды спектрального класса F, расположенной вблизи от центра эллиптически газовой туманности в созвездии Геркулеса, известной в Четвертом Альянсе под названием Лебедь. Облако находится примерно в 170 световых годах от Солнца, в направлении биссектрисы угла, образованного радиус-вектором Солнца и нормалью к галактической плоскости.

До того, как люди обнаружили В., те уже колонизировали при помощи досветовых кораблей тринадцать соседних планет. Все четырнадцать В. миров располагались внутри или на границе Лебеда.

После этого открытия (в 1983 г.Э. экипажем «Ковчега Дмитриева»), в результате контактов с людьми малочисленные группы В. расселились по всему Четвертому Альянсу и Кекропийской Федерации. Законы рукава запрещают образование в-ских колоний численностью более четырех тысяч членов, за исключением самого Эварнора и первоначальных тринадцати колоний. Несмотря на протест В. эти правила вряд ли претерпят изменения в обозримом будущем (см. ниже раздел «Культура»).

Численность в-ской популяции во всем рукаве оценивается в 220 миллионов. Хотя опасность вымирания им не грозит, они представляют собой одну из самых редких разновидностей разумных существ.

Физические характеристики. В. относятся к подвижным метаморфам и способны к значительной физической трансформации. Поскольку Эварнор — планета с низкой температурой, близкой к нижнему пределу для кислородных форм, живущие там В. имеют шарообразную форму, позволяющую в максимальной степени сохранять тепло. По мере необходимости они демонстрируют широкий диапазон псевдоподий, однако от сферической конфигурации сильно не отклоняются.

В более теплой среде В. не столь ограничены в выборе внешнего вида. В присутствии других разумных существ они имитируют их характерные особенности, начиная с общей формы строения скелета, конфигурации конечностей и кожного покрова, и кончая такими деталями, как цвет глаз, наличие волосяных фолликулов и поведенческий стереотип. Предел их подражательных способностей до сих пор неизвестен. («Не суди о варнианке по теплу ее улыбки».)

История. Вся история В. представляет собой непрерывную битву с одолевающим их расу сумасшествием. Если какое-то живое существо и демонстрирует несоответствие между наличием разума и рациональностью поведения, то это В. Археологические источники, обнаруженные человеческими и кекропийскими исследователями, показывают, что цивилизация В. прошла, как минимум, через пять внезапных и всеобщих упадков, сменявшихся затем медленным подъемом из состояния варварства. Каждый упадок наступал неожиданно, после длительного периода стабильного мирного развития. Установленная продолжительность такого цикла колеблется в пределах от сорока тысяч лет (Второе Затмение) до семидесяти тысяч (Четвертое Затмение).

В связи с чрезвычайной скудостью сохранившихся записей об этих пяти катастрофах, реконструирование событий прошлого представляет значительную трудность; тем не менее факт расселения В. по четырнадцати планетам двенадцати солнц на протяжении трех разных эпох доказывает, что по крайней мере в эти временные периоды была достигнута высокоразвитая технология.

Письменная история В. охватывает двадцать две тысячи лет и восходит к началу Шестого Возрождения.

Культура. Современная в-ская цивилизация представляет собой спокойное, неэкспансивное и, очевидно, стабильное общество. Таковым оно является уже тридцать тысяч лет: Признаков наступления шестой общеизвестной катастрофы пока не замечено. Тем не менее в 2731 г.Э. симбиот Пер'натон-Магреу (ПМ) сделал вывод, что оснований для благодущия нет. Именно анализ в-ской культуры, произведенный ПМ, привел к ограничению численности в-ских колоний четырьмя тысячами особей где бы то ни было, за исключением первичных четырнадцати миров.

Занявшись систематическим исследованием в-ских языков, ПМ установил, что они включают более 140 семантических групп, наречий и местных диалектов, причем ни один из них не содержит ни одного слова, отвечающего понятиям цинизма, самокритики или скептицизма. Исследования также выявили, что главный коллапс имел место только на Эварноре, а упадок колоний являлся лишь следствием материальной зависимости от центра клайда. Кроме того выяснилось, что несколько коллапсов произошли по совсем другим причинам. Наконец, ПМ отметил, что непосредственное изучение в-ского мозга установило отсутствие в нем самосодерживающего комплекса.

Таким образом, ПМ пришел к выводу, что в-ские упадки — это резонансный феномен, следствие положительной обратной связи в больших группах В. Не обладающие необходимым разумным скепсисом, В. исключительно уязвимы к отрицательным самовлияниям. Деструктивные настроения, беспрепятственно распространяющиеся среди всего населения, питают сами себя до тех пор, пока в-ские индивиды не доходят до критической точки, утрачивая способность к рациональному мышлению. Эпидемия этой интеллектуальной чумы оканчивается только с коллапсом цивилизации, который сопровождается потерей скоростных средств связи между большими группами населения.

Абсолютный нижний предел численности В. для проявления данного феномена, согласно расчетам ПМ, равен двадцати тысячам особей. Признаки начинающейся нестабильности различить невозможно, пока число вовлеченных в нее индивидов не превысит нескольких миллионов. Существующий лимит в четыре тысячи обитателей для размеров нормальной колонии представляется чрезвычайно консервативным.

**«Всеобщий каталог живых существ
(подкласс: разумные)».**

ГЛАВА 7

Без радиомаяка им вряд ли удалось бы отыскать корабль Луиса Ненды. Дари все больше убеждалась в этом, по мере того как «Летний сон» приближался к нему. Последние сто километров они летели сквозь скопище обломков — кусков камня, водяного и аммиачного льда размером от горошины и до здания. Даже мелкие частицы представляли опасность. Вдобавок этот хаос рассеивал радиосигналы, поэтому определять точное местонахождение «Все — мое» пришлось методом проб и ошибок.

— Ничего не понимаю, — пожаловался Ханс Ребка. — Почему здесь столько фрагментов, и все они сосредоточились вокруг корабля? Мы едва успеваем увертываться. — Он сидел за пультом управления, Каллик рядом с ним. Дари вернулась на койку, а Ж'мерлия остался на Дрейфусе-27 с подробным списком неотложных дел и наказом исследовать и, при необходимости, подновить старые штольни и шахты.

— Это не случайно. — Каллик все еще отслеживала осколки, используя для расчета траекторий засечки по радару. Она свистела и пощелкивала сама себе, когда ей удавалось пополнить базу новыми данными. — Если бы эти фрагменты вращались вокруг Гаргантюа по нормальным орбитам, они давно бы рассредоточились и образовали к-к-кольцо с Гаргантюа в центре. А поскольку этого не произошло и поскольку физические законы здесь не прекращали своего действия... — Она нагнулась вперед и всеми своими черными глазами уставилась в экран дисплея. — Цык-цык. У меня, кажется, есть объясне-

ние. Скажите мне, если тоже в-в-видите. Нет ли какого-то другого объекта в месторасположении «Все — мое»?

Дари встала с койки и подошла посмотреть картинку на дисплее. Среди рассеянных отражений она разглядела какое-то подобие светлого круга — именно в том месте, где, по расчетам, находился корабль Луиса Ненды.

— Я что-то вижу. Ханс, это еще один планетоид в самой середине. Это объясняет, откуда взялась такая каша. Облако из обломков вращается вокруг него, в то время как сам объект движется по орбите вокруг Гаргантюа.

— Я с-согласна. Это действительно причина, по которой обломки не рассеялись.

— Но от этого загадок только больше, а не меньше. — Ханс Ребка отрегулировал контрастность дисплея так, чтобы светлый круг более отчетливо выступил на окружавшем его фоне. — Взгляни-ка на него. Он очень мал — несколько километров в поперечнике, не более. При обычном наблюдении мы никогда бы его не обнаружили.

— Ты имеешь в виду, что масса объекта не столь велика, чтобы удерживать тела на собственной орбите?

— Именно. Но это ему удастся. И нас притягивает к нему. Я вынужден вносить поправки в наш собственный курс.

В то время как тело на экране дисплея увеличивалось в размере и приобретало все более отчетливую форму, «Летнему сну» приходилось пробиваться сквозь все более густую завесу из микро- и макрочастиц.

— Посмотри на его конфигурацию, — тихо сказала Дари. — Если это не правильная сфера, то она по крайней мере таковой кажется.

Каллик тем временем наложила последний пеленг на сетку большого дисплейного экрана. Стало очевидно, что корабль Ненды либо находится на поверхности шара, либо очень близко к нему. Некоторое время хайменоптка молча изучала совмещенные картинки.

— «Все — мое» не движется относительно планетоида. Там, должно быть, достаточная гравитация на поверхности, чтобы прочно удерживать его на месте.

Ребка развернул «Летний сон» и увеличил тягу.

— Каллик, сделай мне расчет, исходя из того, что эта штука имеет несколько километров в диаметре и состоит из монолитной скальной породы. Какая в этом случае сила тяже-

сти на ее поверхности? Мне нужна разумная максимальная цифра.

— Ах. — Четыре конечности хайменоптки забегали по клавиатуре. — Доли сантиметра в секунду, — сказала она через несколько мгновений. — Примерно три тысячных стандартного гравитационного поля, не более.

— Я так и думал. Но мы уже ощущаем его, несмотря на то, что находимся в пятидесяти километрах! Если экстраполировать по расстоянию, то сила тяжести на поверхности близка к одному «же». Это совершенно невозможно ни для одного известного нам материала.

Едва Ребка кончил говорить, как «Летний сон» совершил внезапный скачок в сторону. Дари отбросило назад на койку. Двое других спаслись, вцепившись в пульт управления.

— Что это такое? — Дари еще лежала на спине, когда яхта совершила второй скачок в обратном направлении.

— Противометеоритная система. — Ребка вернул себя в первоначальное положение. — Я поставил ее на автомат, потому что вокруг слишком много осколков. Как правильно я поступил! Держись, вот еще один и еще. Господи, они атакуют нас со всех сторон!

Не успел он сказать это, как последовало еще несколько реактивных бросков, швырнувших его на рычаги управления. Тяжело дыша, он ухватился за поручни.

— Откуда они летят? — Каждый раз, едва Дари делала попытку сесть, корабль совершал прыжок в непредсказуемом направлении. Раздался мощный удар по наружной обшивке, от чего несколько незакрепленных предметов из камбуза влетело в кабину и с грохотом прокатилось по ней. — Вы можете их рассмотреть?

Когда она произносила свой вопрос, ее сознание заработало над более абстрактным предметом. Каким образом снующие по круговой орбите скалистые обломки направились на них, все сразу и со всех сторон? Случайные процессы происходят не так.

Каллик, у которой в запасе была лишняя пара конечностей, чувствовала себя гораздо лучше Ханса Ребки. Не сказав ни слова, она взялась за рычаги управления. Корабль начал вращение вокруг продольной оси, и одновременно Дари ощутила мощную постоянную тягу, добавившуюся к прыжкам и пируэтам противометеоритной системы.

Со своего места на койке она могла видеть главный экран. На нем появился светлый диск, окаймленный сверкающими пылинками. Пока она смотрела на него, он вдруг начал приближаться с угрожающей скоростью. Еще немного, и они врежутся прямо в его центр, но тут корабль развернулся на сто восемьдесят градусов и начал торможение на максимальной мощности. Дари опять прижало к матрасу. Она услышала, как Ханс Ребка от неожиданности выругался и с глухим ударом упал на пол.

В течение нескольких секунд Дари испытывала максимальную перегрузку, затем ускорение спало. Двигатель выключился. Дари пошевелилась. Тяжесть была почти нормальной. Она подняла голову.

Ханс Ребка пытался подняться с пола. Каллик продолжала сидеть за пультом, орудуя четырьмя конечностями. Взглянув на них своими «задними» глазами, хайменоптка развернулась в кресле.

— Прошу прощения. Конечно, неправильно предпринимать такие действия без разрешения. Однако я рассудила, что они необходимы, если корабль и его обитатели желают в-в-выжить.

Ребка потерял правое плечо и бедро.

— К черту, Каллик, оснований для паники не было. Противометеоритная система рассчитана на уклонение от нескольких объектов сразу — хотя такой бомбардировки я не испытывал ни разу.

— А такой и не бывает в нормальных о-о-обстоятельствах.

— Но почему ты считаешь, что здесь, на поверхности планетоида, мы в большей безопасности? — Дари выглянула в иллюминатор и убедилась в верности своего первого впечатления. «Летний сон» стоял на твердой поверхности в хорошо ощутимом поле тяготения.

Каллик показала на носовую часть другого корабля, выглядывавшую из-за близкого горизонта планетоида.

— По двум причинам. Поскольку «Все — мое», возможно, стоит на поверхности с работающим маяком и, следовательно, с работающими антеннами, значит, здесь, на поверхности планетоида, метеоритный дождь отсутствует. Я подумала, что это является признаком безопасности, еще до того как разглядела, что именно привело в действие противометеоритную систему.

— Камни и лед?

— Нет. — Черный череп медленно качнулся из стороны в сторону. — Когда мне удалось разглядеть объекты, посыпавшиеся на нас, у меня появилась вторая причина для быстрой посадки. Атакующие принадлежали к формам открытого космоса. Я знала, что они избегают ощутимого гравитационного поля, и здесь мы будем в безопасности. — Хайменоптка повернулась к Дари. — То были не камни и не лед, профессор Лэнг. Нас атаковали фаги.

Ханс Ребка был поражен. Но Дари, вскочив с койки, захлопала в ладоши от восторга.

— Фаги! Да это же восхитительно.

— Восхитительно? — Ребка с недоверием посмотрел на нее. Не знаю, имела ли ты дело с фагами, Дари, но я вот что скажу: возможно, они и медлительные, но чрезвычайно мерзкие создания.

— А эти фаги вовсе не так медлительны, — спокойно сказала Каллик. — Они быстрее всех, о которых я читала.

— Что делает их еще противнее. — Ребка уставился на возбужденную Дари. — Тебе очень хочется быть убитой?

— Конечно нет. Мы прошли Летний Прилив, и ты все еще задаешь мне такие вопросы? — Дари не смогла сдержать улыбку. — Я хочу жить не меньше твоего, но поставь себя на мое место. Я притащила нас всех сюда, в центр неизвестно чего, обещая, что мы найдем здесь ключ к тайне Строителей. А в результате мы нашли лишь обломки да следы старых горных выработок. Еще несколько минут назад мне казалось, что это, возможно, все, что нам посчастливится обнаружить. Но ты знаешь не хуже моего, что фагов можно встретить только возле артефактов Строителей, и только там. Возможно, они сами являются артефактами Строителей — многие специалисты поддерживают эту гипотезу. — Она встала и подошла к иллюминатору корабля, чтобы рассмотреть сверкающую и подозрительно правильную поверхность планетоида. — Я была права, Ханс. Я поняла это еще на Тектоне, а сейчас совершенно уверена. Мы попали именно туда, куда надо! Строители ушли давно, но мы вскоре выясним, куда они ушли.

Каллик хотела поскорее влезть в скафандр и бежать на поверхность планетоида. Корабль Луиса Ненды был в пределах прямой видимости — всего в нескольких сотнях метров, и ей не терпелось попасть на него. Стремление узнать судьбу

своего господина заставило ее позабыть обо всех предосторожностях.

Хансу Ребке пришлось отдать прямой приказ, чтобы оставить ее.

— Ни в коем случае, — произнес он. — Здесь тебя может подстергать с десятков известных мне опасностей и еще штук двадцать, о которых я ничего не знаю. Ты пойдешь с кем-то из нас, и только после первичного осмотра.

Даже при подлете планетоид показался им аномально массивным и аномально сферическим. Час, проведенный за наблюдениями и замерами, выявил новые странные свойства. Когда Каллик и Ханс Ребка надели наконец скафандры и вышли наружу, Дари заносила в бортовой журнал «Летнего сна» результаты измерений, поглядывая время от времени в иллюминатор. Копию она отправила Ж'мерлии на Дрейфус-27 вместе с сообщением об их благополучной посадке и местонахождении. Для передачи по узконаправленному лучу на Опал Дари подготовила другую копию с просьбой переслать ее по Бозесети на Врата Стражника.

Перечитав сообщение, она улыбнулась. Просто скучная статистика, сказало бы подавляющее большинство людей. Она приводила только голые факты. Но какая шумиха поднимется вокруг этой скучной статистики, когда она дойдет до ее коллег на Вратах Стражника и распространится среди специалистов по Строителям во всем рукаве. Даже самому нерадивому из них захочется здесь побывать.

Она продолжала наблюдать краем глаза за Каллик и Хансом, осторожно удалявшимися от «Летнего сна», заново прослушивая послание перед отправкой его на Опал.

ТЕМПЕРАТУРА НА ПОВЕРХНОСТИ: 281 К; **ПОВЕРХНОСТЬ ТЕЛА ТЕПЛАЯ, ВЫШЕ ТОЧКИ ЗАМЕРЗАНИЯ ВОДЫ. ЕСЛИ УЧИТЫВАТЬ ПОЛОЖЕНИЕ ТЕЛА И УДАЛЕННОСТЬ ОТ МЭНДЕЛА, ЗДЕСЬ ДОЛЖНО БЫТЬ НА ДВЕСТИ ГРАДУСОВ ХОЛОДНЕЙ.**

ФОРМА: С ТОЧНОСТЬЮ ДО ОШИБКИ НАБЛЮДЕНИЯ ТЕЛО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ПРАВИЛЬНУЮ СФЕРУ, РАДИУСОМ 1,16 КИЛОМЕТРА.

СИЛА ТЯЖЕСТИ НА ПОВЕРХНОСТИ: 0,65 G; С УЧЕТОМ РАЗМЕРОВ, ОНА ДОЛЖНА БЫТЬ МЕНЕЕ ОДНОЙ ТЫСЯЧНОЙ ДАННОЙ ВЕЛИЧИНЫ.

МАССА: 128 ТРИЛЛИОНОВ ТОНН.

ПЛОТНОСТЬ: СЧИТАЯ ТЕЛО ОДНОРОДНЫМ, ОНА РАВНА 19600 ТОНН НА КУБИЧЕСКИЙ МЕТР. СЛЕДУЕТ ОТМЕТИТЬ, ЧТО ЭТО МЕНЬШЕ ПЛОТНОСТИ НЕКОТОРЫХ КОММЕРЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ КЕКРОПИЙЦЕВ, НО ПРИМЕРНО В 1000 РАЗ БОЛЬШЕ ПЛОТНОСТИ ЛЮБОГО ВЕЩЕСТВА ЕСТЕСТВЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.

АТМОСФЕРА: 16 ПРОЦЕНТОВ КИСЛОРОДА, 1 ПРОЦЕНТ ДВУОКИСИ УГЛЕРОДА, 83 ПРОЦЕНТА КСЕНОНА. ПОДОБНОЙ АТМОСФЕРЫ НЕТ НИ У ОДНОЙ ИЗ ПЛАНЕТ РУКАВА; КОНЦЕНТРАЦИЯ КСЕНОНА СОВЕРШЕННО НЕВЕРОЯТНА; ТЕЛО ТАКИХ РАЗМЕРОВ ВООБЩЕ НЕ МОЖЕТ ОБЛАДАТЬ АТМОСФЕРОЙ, СЛЕДУЕТ ОТМЕТИТЬ, ЧТО ДАННАЯ АТМОСФЕРА ПРИГОДНА ДЛЯ ВСЕХ КИСЛОРОДОДОЫШАЩИХ ФОРМ РУКАВА.

СОСТАВ МАТЕРИАЛОВ: ВНЕШНЯЯ ПОВЕРХНОСТЬ НАПОМИНАЕТ ОПЛАВЛЕННЫЙ КВАРЦ. ВНУТРЕННИЙ СОСТАВ НЕИЗВЕСТЕН. ОБЪЕКТ НЕПРОНИЦАЕМ ДЛЯ ЭЛЕКТРОМАГНИТНОГО ИЗЛУЧЕНИЯ ЛЮБОЙ ДЛИНЫ ВОЛНЫ.

Дари выключила рекордер и посмотрела в иллюминатор. Каллик и Ребка ползали по поверхности планетоида — перед выходом она попросила их взять образцы материала, надеясь добавить еще что-нибудь к своему краткому описанию.

— Ну как, есть результаты, Ханс?

Ребка встал.

— Нам не удалось сделать то, что ты хотела, но мы определили практически все возможное. Образцов взять не удалось. Поверхность слишком тверда и совершенно не поддается тепловому воздействию. Но мы попробовали зондировать ее направленными импульсами и наблюдать отраженные сейсмические волны. Фазочастотная зависимость выглядит более чем странно. Похоже, ты права — он полый внутри и, возможно, имеет сотовую структуру.

Каллик тоже приподнялась.

— Что делает высокую гравитацию на п-п-поверхности еще более непонятной, раз он полый.

— Верно. Я добавлю это к описанию. Более подробную информацию дадите, когда вернетесь. Других проблем нет?

— Пока нет. Направляемся к кораблю Ненды. Продолжай наблюдать за нами.

— Хорошо. — С явным удовлетворением Дари добавила в свой рапорт еще один раздел:

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ: ПО-ВИДИМОМУ, ТЕЛО ЯВЛЯЕТСЯ ПОЛЫМ, С ВНУТРЕННИМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ. УЧИТЫВАЯ АНОМАЛЬНЫЕ ФИЗИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ, ВСЕ ЭТО УКАЗЫВАЕТ НА ЕГО ИСКУССТВЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ. ВОЗРАСТ ПЛАНЕТОИДА ПОКА НЕ УСТАНОВЛЕН. ВПОЛНЕ ВЕРОЯТНО, ЧТО ЭТО АРТЕФАКТ СТРОИТЕЛЕЙ. ДАННАЯ ГИПОТЕЗА ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ФАКТОМ НАХОЖДЕНИЯ ПОБЛИЗОСТИ БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА ФАГОВ — МЕНЕЕ ЧЕМ В СТА КИЛОМЕТРАХ ОТ ПОВЕРХНОСТИ ТЕЛА.

Дари сделала паузу. Пожалуй, лучше оставить все именно в таком виде и не высовываться. Сама она, однако, была уверена, что это действительно артефакт, а если так, то ему необходимо дать собственное имя и идентификационный номер.

Она сделала последнее добавление к посланию: «В соответствии со «Всеобщим каталогом артефактов» искусственному планетоиду присвоен условный номер 1237, а также условное наименование... — она вспомнила блестящие пылинки на изображении сферы, — условное наименование — *Жемчужина*».

— Дари? — Голос Ханса Ребки раздался в тот самый момент, когда она как раз вводила последнее слово. — Дари, мы уже на «Все — мое». Он, похоже, в рабочем состоянии, но тебе самой следовало бы взглянуть. Ты можешь надеть скафандр и прийти сюда?

— Буду через пять минут.

Дари включила передатчик, установила на «Летнем сне» режим самозащиты и вошла в шлюз. Через минуту она была уже снаружи.

Гаргантюа смутно вырисовывался в отдалении позади второго корабля. Высоко над ее головой летали фаги, слишком маленькие, чтобы быть различимыми с расстояния пятидесяти — ста километров, но она не сомневалась, что они все еще там. Фаги всегда там, где они менее всего нужны.

И какие фаги! Достаточно разумные, чтобы отличить корабль от каменной глыбы, достаточно быстрые, чтобы гнаться за этим кораблем и чтобы вцепиться в него.

Дари медленно двинулась по гладкой искривленной поверхности. Горизонт находился всего в нескольких сотнях мет-

ров. Чем ближе становился корабль Луиса Ненды, тем чаще она озиралась по сторонам — не пикирует ли на нее какой-нибудь хищный фаг.

Фаги никогда не залетали в мощные гравитационные поля: они их избегали. Именно так. Это общеизвестно. До сегодняшнего дня она сама в это верила. Но кто может поручиться, что здешние фаги не поведут себя как-нибудь необычно?

Дари вдруг поняла, что Каллик пошла на значительно больший риск, чем они думали, когда домчала их сюда. Чужая поверхность Жемчужины, возможно, столь же опасна, как и нашпигованное фагами пространство. Но стремление Каллик узнать, что же произошло с Луисом Нендой, притупило ее чувство опасности.

Вот и шлюз «Все — мое». Ясно одно: учитывая поведение фагов, она перепишет соответствующую главу своего «Всеобщего каталога артефактов». Упоительное занятие. Она начнет работу над пятым изданием по возвращении домой.

По возвращении домой...

Прежде чем войти в шлюз, она оглядела гладкую и блестящую поверхность Жемчужины. Маленькая яхта, на которой они прибыли, была здесь единственным знакомым предметом. «Летний сон» начал жизнь в качестве игрушки для подростков; теперь он находился далеко от дома и выглядел совершенно одиноким и беззащитным.

Увидит ли он когда-нибудь свою родную планету? А она сама?

Дари закрыла люк. Значит, по возвращении домой. Правильнее сказать, если она вернется домой.

АРТЕФАКТ: ФАГ

ВКА #: 1067

Галактические координаты: Понятие неприменимо

Название: Фаг

Местоположение (звезда/планета): Понятие неприменимо

Узловая точка Бозе-сети: Все

Приблизительный возраст: Варьируется от 3,6 до 8,2 мегалет

История изучения. Первые Фаги были описаны людьми во время исследования Факела в 1233 г.Э. Позже было установлено, что кекропийцы наблюдали Ф. и избегали контактов с ними в течение, по крайней мере, пяти тысяч лет. Первое проникновение людей внутрь Ф. осуществлено в 1234 г.Э. во время Мальстермского конфликта (уцелевших не было).

Детекторы Ф. получили широкое распространение с 2103 г. Э. и являются в настоящее время стандартным снаряжением исследователей, работающих на артефактах Строителей.

Физические характеристики. Все Ф. полностью идентичны внешне и, весьма вероятно, внутренне, хотя функции их варьируются. Ни один датчик (или исследователь) не вернулся из Ф.

Каждый Ф. имеет форму серого правильного додекаэдра с ребром сорок восемь метров. Поверхность его грубо текстурирована, с множеством сенсоров, расположенных по краям каждой грани. Внутри Ф. можно попасть через отверстия, открывающиеся в середине каждой грани. Туда захватываются объекты, размером до тридцати метров в поперечнике и, по-видимому, бесконечной длины. (В 2238 г.Э. Сойер и С'крона скормили Ф. артефакта Дендрит фрагмент конструкции артефакта из твердого кремнезема. Цилиндр радиусом двадцать пять метров поглощался со скоростью один километр в день. Было поглощено четыреста двадцать пять километров названного материала, что соответствует полной длине фрагмента. При этом не было отмечено никаких изменений ни Ф, ни его физических параметров.)

Ф. способны к медленному поступательному движению со средней скоростью 1-2 метра за стандартные сутки. Никогда не наблюдалось движение Ф. со скоростью, превышающей один метр в час относительно места его расположения.

Предполагаемое назначение. Неизвестно. На принадлежность Ф. Строителям указывает только то, что они найдены на более чем трехстах из тысячи двухсот сорока шести известных артефактов, и только на них. Они существенно отличаются по числу и масштабу от остальных сооружений Строителей.

Высказывалось предположение, что Ф. служат чем-то вроде мусорщиков общего действия, так как они, по-видимому, способны поглощать и ликвидировать любые материалы, сделанные всеми клайдами, а также все, сделанное Строителями, за исключением каркасов структур и параформ (внешней оболочки Парадокса, поверхности Стражника и полых концентрических труб Мальстрема).

Д.Лэнг
«Всеобщий каталог артефактов»,
4-е издание.

ГЛАВА 8

Корабль Луиса Ненды выглядел неповрежденным. И снаружи, и внутри все было в полном порядке. Главный двигатель носил следы перегрузки, но как показали тесты, мог развить мощность, близкую к максимальной.

— Уверена, что перегрузка произошла на орбите Тектона, — сказала Дари. — Я же говорила, что они пытались уйти на полной тяге от той серебристой сферы.

— Да, но ты также сказала, что сфера затягивала их с ускорением в сотни «же», а этого вполне достаточно, чтобы расплющить в лепешку все, что угодно. — Ханс Ребка обвел рукой помещение, находившееся в полном порядке. — Ничего расплющенного я здесь не нахожу.

— Что объяснить совсем нетрудно. — Каллик ползала по полу возле люка и, пощелкивая, что-то вынюхивала. — Если корабль ускорялся под воздействием гравитации или любой другой силы, исходящей от другого тела, то ни он, ни его пассажиры не должны были пострадать. Они находились в невесомости, каким бы большим ни казалось ускорение стороннему наблюдателю.

— А раз корабль невредим, то Луис Ненда и Атвар Х'сиал живы. — Ребка внимательно осмотрел пульт управления. — Двигатели не заглушены, а лишь переведены на холостой ход. Стартовать можно в любую минуту. Это ставит перед нами единственный вопрос. — Он посмотрел на Дари и пожал плечами. — Куда они к черту подевались?

Они тщательно осмотрели «Все — мое». Совершенно очевидно, что Атвар Х'сиал и Луис Ненда здесь были. Однако сейчас никаких признаков их присутствия не наблюдалось, и все скафандры находились в хранилище.

— Господин Ненда точно был здесь, — произнесла Каллик, — более трех дней назад и менее одной недели.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую его запах. В его каюте, у пульта управления и здесь, возле люка. Ж'мерлия определил бы время гораздо точнее. У него обоняние лучше.

— Вряд ли нам это поможет. Даже если бы Ж'мерлия разнюхал время с точностью до миллисекунды. — С унылым видом Ребка слонялся по просторной кабине, разглядывая расписные панели стен и вода пальцем по великолепному оборудованию. — Насколько мне помнится, Дари, ты говорила, что шар, унесший этот корабль, поначалу был серебристым, а затем превратился в черный...

— Я сказала «превратился в пустое место». Это было похоже на дыру в пространстве.

— Хорошо, в пустое место. Но не мог ли он совершить еще одно превращение? Что мне не нравится на этой, как ты ее назвала, Жемчужина, что ли? — так это правильная шарообразная форма. Сферические планетоиды в природе не возникают. Тебе не кажется, что это та самая сфера, которую ты видела?

— Я уже думала об этом, еще до того, как мы приземлились, но тогда происходящее становится еще загадочней. Нечто поблизости от Гаргантюа во время Летнего Прилива испускает луч, а шар, который я видела, принимает его. Если это — моя сфера, то что же посылало сигнал?

— Ладно, пусть не твоя. — Ребка, казалось, был удивлен ее собственническими интонациями. — Где же тогда они?

— Дай мне минутку. Возможно, у меня есть логичный ответ; понравится он тебе или нет — это другое дело. — Дари села на один из прекрасных диванов Ненды, чтобы собраться с мыслями, и оглядела интерьер корабля, сравнивая его со спартанской обстановкой «Летнего сна».

Разительный контраст. Звездолет Ненды был буквально напичкан незнакомыми приборами и изделиями. Все это было придумано и разработано зардалу много веков назад, задолго до крушения их империи и стало достоянием различных

разумных существ, образовавших нынешнее Сообщество Зардалу.

Но особенно красноречиво «Все — мое» говорил о богатстве его хозяев.

Такой роскоши Дари еще не встречала, хотя прибыла из богатого мира. Если Луис Ненда действительно преступник, то его преступления хорошо оплачиваются.

Внутреннее убранство корабля Ненды заставило Дари кое в чем изменить свое мнение о нем. Впервые повстречав Каллик на Опале и Тектоне, она приняла ее за бесправное существо второго сорта, почти за раба этого карланца Луиса Ненды. Однако апартаменты Каллик на «Все — мое» оказались ничуть не хуже, чем у Ненды, и куда лучше, чем у кого бы то ни было на планетах Круга Фемуса. Каллик имела собственную лабораторию, оснащенную мощными компьютерами и научными приборами, свою спальню, украшенную изысканными и дорогими произведениями хайменоптского искусства.

Даже негодяи заслуживают справедливости. Эту мысль Дари отложила на потом. Возможно, Ненда обращался с Каллик чудовишно (возможно, он и был чудовищем), но увиденное на корабле явно противоречило ее первому впечатлению. Действительно, с Дари Ненда вел себя грубо, развязно и вульгарно, но соответствовало ли это истине или было всего лишь позой?

— Ну? — Ханс Ребка смотрел на нее с нетерпением. Дари с усилием вернулась к действительности и вдруг осознала, что мысли ее потекли в довольно неожиданном и неподходящем направлении.

— Извини, — произнесла она. — Во-первых: Ненда и Атвар Х'сиал были живы, когда корабль здесь сел. Каллик в этом уверена. Во-вторых: ни один скафандр не пропал. В-третьих: воздух на планетоиде пригоден для дыхания. В-четвертых — приемлемо как рабочая гипотеза — планетоид внутри полый. В-пятых: предположим, что внутри планетоида, как и на поверхности, есть какой-то воздух. Резюме: живы Луис Ненда и Атвар Х'сиал или мертвы, мы знаем, где их искать. — Она указала на пол.

— Внутри Жемчужины. — Ханс Ребка мрачнел все больше. — Я тоже так подумал, пока ты сидела здесь и спала с открытыми глазами. Не нравится мне эта идея.

— А я и не говорила, что она тебе понравится.

— Это создает дополнительную проблему.

— Я знаю. Если мы правы, значит, нам надо проникнуть внутрь, а никакого входа или люка мы не заметили.

— При посадке мы и не могли это сделать. — Ребка сел в пилотское кресло. — Еще бы, нас занимало тогда совсем другое. Возможно, проход лежит в сотне метров отсюда, или с другой стороны, которую мы вообще еще не видели.

— Но сидя здесь, мы никогда его не найдем. — Дари поднялась. Ее переполняла какая-то иррациональная энергия. — Знаешь что? Найти бы Ненду и Атвар Х'сиал и врезать им как следует за то, что они пытались убить нас на Тектоне! Но если они мертвы, я все равно хочу отыскать ход внутрь. И ты тоже. Ты убеждал меня, что тебе нет дела до артефактов Строителей, но ведь ты готовился отправиться внутрь Парадокса... А сейчас мы на одном из артефактов. Я изучила их все, тысячу двести тридцать шесть, и я уверена в этом. Пошли посмотрим, что там снаружи. — Дари положила было руку на дископулт скафандра, чтобы переключить его в герметичный режим, но затем остановилась. — Воздух снаружи, похоже, пригоден для дыхания. Я немного попробую его. Следи за мной.

Она двинулась к шлюзу, ожидая, что Ребка прикажет ей остановиться. Вопреки этому, он с восхищением произнес:

— Тебе прямо-таки не терпится сделать не одну, так другую глупость. Сумасшедшая, хоть меня подожди.

— И меня, — произнесла Каллик.

— Насчет воздуха не беспокойся, — добавил Ребка. — Как только мы его проанализировали и получили положительный результат, я перевел свой скафандр на частичную проницаемость. Атмосфера на Жемчужине чудесная.

— А сам назвал меня сумасшедшей. — Дари шагнула в шлюз.

За время, пока они пробыли внутри корабля Ненды, Жемчужина совершил четверть оборота вокруг своей оси. Виднелась лишь половина диска Гаргантюа, а Мэндел и Амарант скрылись за горизонтом. Дари было немного не по себе от ослепительных вспышек пронесившихся в вышине обломков и оранжевого сумеречного света. Воздух, лишенный запаха и вкуса, приятно охлаждал нос и легкие. На выдохе изо рта у нее выходило облачко пара.

Что теперь?

Дари оглядела лишенный каких-либо деталей горизонт и, оставив «Летний сон» за спиной, двинулась внимательно изучая поверхность перед собой. Оказалось, что в отсутствие све-

та Мэндела видимость заметно упала. Даже с помощью видеоусилителей скафандра не удавалось различить предметы за пределами пятидесяти метров.

Дари замедлила шаг. Каллик, обладавшая прекрасными вычислительными способностями, отстала на полсотни метров, и Дари пришлось поработать самой. Радиус планетоида чуть более одного километра; итак, площадь поверхности Жемчужины составляет менее семнадцати квадратных километров. Ясно различать предметы она способна не дальше пятидесяти метров в любом направлении. Предположим, они разделятся и обойдут всю поверхность.

Тогда каждому из них придется пройти более пятидесяти километров, чтобы ничего не упустить.

Не совсем приятно. Ей следовало подумать об этом еще до выхода из корабля. Дари остановилась, чтобы подождать Ребку и Каллик.

— Я передумала. — Она ознакомила их с сутью возникшей проблемы. — Это займет у нас слишком много времени. Помоему, нам следует вернуться и воспользоваться кораблем Луиса Ненды; ему он сейчас все равно не нужен. А мы облетим Жемчужину по низкой орбите на высоте нескольких сотен метров, включив все имеющиеся на борту сенсоры. Все, что обнаружим — трещины, ходы, люки, отметины, — зафиксирует бортовой компьютер, а потом мы обойдем их пешком. Ханс, ты сможешь управлять этим кораблем? Если нет, воспользуемся «Летним сном», хотя аппаратура на нем хуже.

— Уж это точно. Ненда летает первым классом. Я, конечно, сумею вести его корабль, но держу пари, что Каллик способна управлять им не хуже меня.

— Я часто водила его по межпланетным и межзвездным трассам, — сообщила хайменоптка.

— Итак, возвращаемся. — Дари уже поворачивала, как вдруг заметила на горизонте, позади Ханса Ребки, странный эффект. Сначала она подумала, что у нее просто двоится в глазах: кусок горизонта расплылся, а затем поднялся над поверхностью сферы. Тонкий светящийся слой становился все толще и плотнее; то здесь, то там в нем вспыхивали светлые искорки. Именно такой она увидела Жемчужину из открытого космоса. Дари застыла.

С возрастом интенсивности стали проявляться цветные оттенки. Облачко превратилось в оранжевый газовый клок

возле однородной линии горизонта, распространившийся почти на четверть окружности.

Все время, пока Дари наблюдала за ним, ореол продолжал увеличиваться. Внутренние огоньки заблестели ярче.

— Ханс! — Она показала рукой. — Посмотри туда. Ты видел что-нибудь подобное, когда прежде ходил по поверхности?

Взглянув, он тут же схватил ее за руку и потащил к «Все — мое».

— Нет, не видел. Пойдем. И поскорее.

— Но что это?

— Черт меня побери, я не знаю. За всю свою жизнь не встречал ничего подобного. Может, мы с Каллик слишком увлеклись изучением внутренней структуры, выйдя на поверхность. Вроде как в дверь стучали — мол, привет, вот мы и прибыли. Он все еще держал ее за руку. — Давайте, пошевеливайтесь. Что бы это ни было, но я предпочитаю наблюдать за ним из корабля с включенными щитами. Закрой наглухо скафандр, сейчас именно тот самый случай. И не оглядывайся.

Дари тут же ощутила непреодолимое желание посмотреть назад. Оранжевый туман, разрастаясь, закрыл более трети линии горизонта и значительно приблизился. Каллик не двигалась, но это вовсе не означало, что она останется сзади. Когда ей захочется переместиться, восемь тоненьких ножек хайменоптки перенесут ее на несколько сотен метров в считанные секунды.

— У него дискретная структура, — раздался спокойный голос Каллик в шлемофоне скафандра Дари. — Светлые искорки — это блики от лучей Гаргантюа на мелких составляющих размером не более нескольких сантиметров. Углы отражения постоянно меняются, поэтому они как бы искрятся. Большая яркость вспышек объясняется, по-видимому, тем, что частицы обладают почти стопроцентным коэффициентом отражения. Никаких соединений между составными частями я не наблюдаю.

Когда хайменоптка наконец повернулась, ближний край облака находился уже в двадцати метрах от нее. Тонкие черные ножки стремительно распрямились, и через секунду она оказалась возле Дари.

— Я согласна с капитаном Ребкой. Этот феномен находится за пределами моего опыта.

— И чьего-либо опыта вообще. — «Все — мое» находился уже в каких-то сорока метрах. Дари не удержалась, и вновь

посмотрела назад. Они успевали заскочить в воздушный шлюз и закрыть его еще до подхода сверкающего тумана; а с учетом того, что двигатели находятся на холостом ходу, они, скорее всего, смогут взлететь с Жемчужины, прежде чем передний край облака коснется обшивки корабля.

— Спереди! — раздался голос Каллик как раз в тот момент, когда Ребка начал ругаться.

Дари обернулась. Светящийся газ был прямо перед ними, поднимаясь, словно пар, прямо из непроницаемой поверхности Жемчужины. Пока она смотрела на него, он делался гуще, распространяясь во все стороны и создавая зыбкий барьер между ними и звездолетом.

Ребка резко затормозил, и они огляделись. Облако за спиной продвигалось вперед, став уже непрозрачным, а края его раздвигались все шире и шире. Через несколько секунд они сомкнутся с передним облаком, полностью окружив всю троицу.

Каллик двинулась вперед. Ребка закричал ей.

— Каллик! Вернись! Это приказ!

— Цык-цык. — Хайменоптка не останавливалась. — Прошу прощения, капитан Ребка, но этот приказ я не выполню. Не хочу рисковать жизнью людей, когда этого, можно избежать. Я буду рассказывать о своих ощущениях, пока смогу это делать.

Каллик ступила в облако. Оно окутало ее тонкие ножки и бочкообразное тело. Очень быстро она превратилась в темное пятно, окаймленное искрящейся полоской.

— Я уже различаю структуру отдельных компонентов. — Ее голос звучал как всегда спокойно. — Они действительно ничем между собой не соединены, каждый имеет собственную форму и может независимо перемещаться. У них определенно кристаллическая природа. Мне они напоминают водяные снежинки — то же разнообразие форм и фрактальная структура. Я ощущаю их давление на скафандр, подобно обычному наружному давлению. А теперь... они внутри скафандра, хотя он включен на полную непроницаемость! Очевидно, они способны проникать сквозь наши защитные материалы с той же легкостью, с какой проходят сквозь поверхность планетоида. Хотелось бы знать, защитит ли от них корабль.

— Теперь снежинки охватили мою грудную клетку и живот. Они ощупывают меня, словно исследуя мое строение, проникают внутрь меня — я чувствую их. Трудно определить их

температуру, но она явно не высокая и не низкая. Не ощущаю никакого дискомфорта.

Каллик исчезла из вида. Ее голос ослаб, но затем вновь зазвучал в полную силу:

— Капитан Ребка, вы меня слышите? Ответьте, если можете.

— Слышу тебя хорошо, Каллик. Продолжай рассказывать.

— Продолжаю. Я сделала уже семь шагов внутри облака; оно довольно разреженное, но непроницаемое. Я не вижу ни неба, ни поверхности планетоида. Отмечаю также утечку энергии из моего скафандра, но в пределах, которые я способна компенсировать. Одиннадцать шагов. Чувствую небольшое сопротивление моему движению вперед, но недостаточное, чтобы помешать ему. Поверхность под ногами без изменений; никаких проблем с дыханием, мышлением, движением конечностей.

Восемнадцать шагов. Сопротивление движению ослабло. Видимость улучшается, я уже различаю впереди контуры корабля господина Ненды. Двадцать два шага. Вновь вижу звезды. Большая часть облака осталась позади. Я стою на поверхности планетоида и, похоже, перемещение сквозь него никак не отразилось на моем физическом самочувствии. Двадцать семь шагов. Я вышла на чистое место.

Капитан Ребка, покорнейше рекомендую вам обоим как можно быстрее пройти сквозь облако и присоединиться ко мне. Сейчас подготовлю воздушный шлюз к групповому проходу и переведу управление на немедленный старт. Вы меня еще слышите?

— Я тебя слышу. Мы уже тронулись. Встретимся через несколько минут. — Ханс Ребка вновь потянул Дари за руку, но подгонять ее уже не требовалось. Они вместе вошли в поблескивающий оранжевый туман. Дари начала считать шаги.

После седьмого окружающий мир померк. Звезды над головой расплылись и скрылись. Она увидела сотни изящных кристаллов на расстоянии вытянутой руки от собственного лица. Раздался голос Ребки:

— Семь шагов, Каллик. Мы прошли почти треть пути.

Одиннадцать шагов. Небольшие точечные подавливания ощущались по всему телу и внутри. Так же, как и у Каллик, Дари не могла определить температуру кристаллов. Она чувствовала, как они касаются внутренностей, будто измеряя и оценивая ее. Она поймала себя на том, что задержала дыхание,

непроизвольно опасаясь вдохнуть облачко кристаллов. Из-за небольшого сопротивления движение в этом тумане напоминало прогулку под водой.

— Четырнадцать шагов, — раздался искаженный голос Ребки, словно он на самом деле находился под водой.

Восемнадцать шагов. По словам Каллик, в мерцающем тумане уже должен появиться просвет. Дари напряженно вглядывалась вперед, но видела лишь клубящиеся светлые точки. Сопротивление движению нарастало.

Все происходило не так, как предполагалось!

Она с силой рванулась вперед, но поверхность под ее ногами, казалось, перестала оказывать поддержку ступням. Казалось, она превратилась в губку, прогибающуюся под ее весом.

Ей захотелось опуститься на колени и ощупать эту нереальную почву собственными руками, но мерцающие точки сжимали ее все сильнее и сильнее, не позволяя шевелить руками и ногами.

— Дари? — Она едва расслышала голос Ханса Ребки в шлемофоне, какое-то слабое подобие звука, доносившегося издалека, сквозь треск статических разрядов.

Она попыталась двинуться. Бесполезно. Она была в полном сознании, но не могла пошевелиться, зафиксированная в одном положении, словно муха в куске янтаря. «Только не теряй голову! — мысленно твердила она себе. — Не поддавайся панике».

— Ханс! — попробовала она позвать его, стараясь не выдать своего страха. Старания не имели смысла, поскольку ни единого звука издать она не смогла; до нее тоже не доходили никакие звуки, даже постоянные статические потрескивания исчезли. Давление кристаллов на тело ослабевало, но двигаться она все равно еще не могла. Искрящийся туман сменила абсолютная темнота.

— Ханс! — То был беззвучный крик. Страх охватил ее. — Ханс!

Она вслушивалась и ждала.

Ничего — ни звука, ни света, ни прикосновения, вообще никаких ощущений, даже боли. Неужели вот так исчезает живое, погружаясь во вселенскую тьму? Неужели смерть, которой удалось избежать на Тектоне, настигла ее здесь?

Дари ждала и ждала.

Внезапно ей подумалось, что индивидуальный ад после смерти именно таков: полное сознание, вечная жизнь и абсо-

лютная невозможность двигаться, видеть, говорить, слышать и ощущать.

Каллик, пройдя невредимой сквозь кристаллический туман, имела все основания полагать, что Дари Лэнг и Ханс Ребка способны сделать то же.

Она слышала, как Ребка произнес: «Семь шагов, Каллик. Мы прошли почти треть пути». Это звучало вполне удовлетворительно. Она услышала сообщения на двенадцатом и четырнадцатом шаге.

Очередной сигнал не поступил; однако еще до того, как она забеспокоилась, стена искрящегося тумана изменила свое поведение, разбившись на множество вихрей и ввинчиваясь в твердую поверхность. Она терпеливо ожидала появления людей из клубов тумана.

Туман рассеивался, но знакомые человеческие очертания не появились. Когда туман полностью исчез, пространство перед Каллик оказалось пустым.

Она бросилась вперед со скоростью, которую хайменоpty развивают только в случае смертельной опасности. Преодолев за две секунды сто пятьдесят метров, она остановилась. Если принять во внимание черепашую скорость людей, то за прошедшее время Ханс Ребка и Дари Лэнг не ушли бы далеко.

Каллик выпрямилась во весь свой рост и напрягла все свои глаза.

Она увидела над горизонтом Гаргантюа, увидела корабль Луиса Ненды, а позади него «Летний сон», почти скрытый кризальной поверхности планетоида. И все.

Каллик осталась одна на пустынной поверхности Жемчужины.

ГЛАВА 9

В сознании Ж'мерлии иерархия была вполне однозначной: люди низшие существа по отношению к кекропийцам, но высшие для лотфиан и хайменоpty, которые, в свою очередь, значительно превосходят варниан, дитроян, берсий и прочей шушеры, относящейся к частично разумным видам рукава.

Сама же иерархия определяла командную цепочку. В отсутствие Атвар Х'сиал или другого кекропийца Ж'мерлия беспрекословно исполнял приказы людей, нравилось ему это или нет.

Поэтому Ж'мерлия не роптал, получив приказ остаться, на Дрейфусе-27, в то время, как другие отправились искать Луиса Ненду и Атвар Х'сиал, хотя, тем не менее, отчаянно завидовал Каллик. Сейчас хайменоптка находилась на пути к своему господину, тогда как он сидел на Дрейфусе-27, делая его более пригодным для обитания. А если Атвар Х'сиал нужна помощь? От кого ей ждать ее, когда Ж'мерлия нет рядом? Кто способен хотя бы поговорить с кекропийкой? Этого не умеют ни Дари Лэнг, ни Ханс Ребка, ни Каллик.

Точного времени для начала расчистки помещения ему не указали, поэтому Ж'мерлия не считал себя обязанным немедленно приступить к этому. Он остался в скафандре на поверхности планетоида возле устройства связи, которое Ханс Ребка снял с «Летнего сна».

Какие бы устные или случайные видеопослания ему не передали, он принимал их со священным трепетом. Это все же было лучше, чем ничего, поскольку Ж'мерлия обладал гипертрофированной способностью к межвидовой эмпатии. Он пришел в неописуемый восторг, когда Каллик впервые передала изображение «Все — мое», полученное через сенсоры «Летнего сна», и пребывал почти в агонии, когда во время броска к поверхности Жемчужины сигналы вдруг превратились в кашу. Он вновь просиял, получив сообщение о благополучной посадке и узнав о невредимости корабля Луиса Ненды. Его глубоко озадачили аномальные физические параметры самого планетоида и присутствие стаи агрессивных фагов вокруг. И он кивал головой, соглашаясь с предположением Дари, что Жемчужина, вероятно, сама является артефактом.

Последнее послание с «Летнего сна» свидетельствовало о том, что Дари перевела корабль в режим дистанционного управления, отправляясь к Хансу Ребке и Каллик, для обследования звездолета Луиса Ненды.

Ж'мерлия дрожал от возбуждения и страха, ожидая следующего послания, решающего. «Все — мое» цел, и это прекрасно, но что с Луисом Нендой и Атвар Х'сиал — живы они или мертвы? Ответ Ж'мерлия ожидал целых шесть часов, неподвижно скорчившись у аппарата связи.

Долгожданная передача принесла устное сообщение от Каллик!

— Сообщение №11031, — начала она. — 09:88:3101. Позывной R-86945.

Это был позывной Луиса Ненды. Итак, «Все — мое» действительно в полном порядке. Но еще до того, как начался текст самого послания, по напряженному гóлосу хайменоптки Ж'мерлия догадался, что произошло нечто ужасное.

— Говорит Каллик. Местонахождение капитана Ребки и профессора Лэнг мне неизвестно. Я осталась одна на поверхности Жемчужины...

Хайменоптка кратко перечислила события, произошедшие со времени последней передачи Дари Лэнг. Закончила она так:

— Остается неясным, живы или нет наши хозяева — Ненда и Атвар Х'сиал. То же самое в отношении профессора Лэнг и капитана Ребки. Логика подсказывает, что, вне зависимости от их состояния, их следует искать, если только они вообще находятся поблизости, внутри Жемчужины. Как получить доступ внутрь сферы, я не знаю. Мое решение — совершить облет на «Все — мое» по низкой орбите с целью поиска возможных точек проникновения. Данное предприятие имеет мало шансов на успех, но я проведу его прежде, чем прибегну к другим, более рискованным способам.

Ж'мерлия посмотрел на пеленгатор. Жемчужина вращалась по более высокой орбите, чем Дрейфус-27, а значит, она постоянно отставала от него. Через полчаса она скроется за Гаргантюа. На какое-то время прием посланий сделается невозможным. Сигнал и так уже был искажен помехами, замирал, а то и вовсе пропадал.

Ж'мерлия переключился на передачу.

— Каллик, что нам теперь делать? Хозяев-то нет. — Его голос едва не срывался на плач. — Не осталось никого, кто руководил бы нами!

Он кое-как переждал трехсекундную задержку сигнала. Каллик умная, у нее найдется ответ.

— Я понимаю, — донесся слабый голос, — и у меня та же проблема. Все, что мы можем, — это стараться представить, что бы от нас потребовали хозяева, и поступать соответственно. На данный момент с тобой все ясно. У тебя есть распоряжение оставаться на Дрейфусе-27. Это ты и должен делать. Мое положение более... затруднительно.

Наступила продолжительная пауза. Ж'мерлия догадывался, как страдает Каллик, и сильно ей сочувствовал. Ринувшись в туман, хайменоптка послушалась приказа Ребки, но дело не в этом. Ж'мерлия поступил бы точно так же, чтобы не подвергать людей риску. Но в результате собственного благополучного прохода Каллик решила, что Ребка и Лэнг без помех пройдут сквозь светящееся облако, и ошиблась. Ее действие, возможно, послужило причиной их гибели. Каллик не может сидеть и ждать, как Ж'мерлия. Она должна найти способ исправить свою ошибку.

— Если облет не выявит никаких точек входа, — наконец продолжила Каллик, — а я это сильно подозреваю, то у меня есть еще один путь. Наши первые попытки внедриться в поверхность Жемчужины потерпели неудачу. Мы не смогли ни взрывать, ни прожечь ее. Но облако, которое мы видели, вышло изнутри Жемчужины. Оно проступило сквозь явно твердую поверхность. А когда вошло в соприкосновение со мной, я ощутила, что оно содержит твердые компоненты. Мы стремимся приписать Строителям сверхъестественную силу, упуская из виду простые объяснения. Однако, по-моему, придать материалу, из которого состоит поверхность, вязкую или жидкую консистенцию возможно с помощью сильного электромагнитного поля, что легко осуществить даже средствами нашей технологии. Если так, то возбуждение местного поля на небольшом пространстве позволит входить в Жемчужину и выходить из нее. Оборудование для проверки такой возможности имеется на «Все — мое»... — Ее голос пропал, затем вернулся еще слабее. — ...Предпочитаю более традиционные средства проникновения... как последний шанс.

Ее голос угасал, но чувствовалось, что Каллик вновь обрела уверенность в себе, не поддавшись, как Ж'мерлия, тоске от одиночества и заброшенности. Вероятно, потому, что под рукой у нее есть корабли, подумал он. Она способна хоть что-то предпринимать. Даже если все на Жемчужине погибли, у Каллик оставалась возможность отправиться домой и найти нового хозяина. Ж'мерлия не мог никуда направиться и не представлял себе другой хозяйки, кроме Атвар Х'сиал. Вероятно, Каллик не настолько связана статусом раба, раз способна сделать пусть трудный, но выбор.

— Каллик, свяжись, пожалуйста, со мной. Как только будет возможность. Я не хочу оставаться один.

После долгой паузы он услышал:

— Конечно. Я свяжусь с тобой... вне радиовидимости... но... опять пропадает... шесть часов...

Сигнал почти исчез.

— Если ты не слышишь... что бы ни было, ты должен... терпения. — Последнее слово прозвучало, словно шорох помех.

Ж'мерлия лег, прижавшись к устройству связи. Набраться терпения. А что еще ему оставалось?

Сначала Атвар Х'сиал и Луис Ненда. Затем Дари Лэнг и Ханс Ребка. Все и вся мало-помалу уходили от Ж'мерлии.

Каллик — единственная, кто остался у него для контакта на сотни миллионов километров. А что потом?

Он слушал и слушал, а ее все не было.

По меркам любого жителя Лотфи Ж'мерлия был сумасшедшим.

Иначе и быть не могло. Лотфиане были общественными животными. Только сумасшедший представитель этого вида мог выдержать разрыв с родным окружением ради служения кекропийской хозяйке в качестве переводчика. Считалось, что кекропийцы выбирают рабов лотфиан по их способности к обучению кекропийской феромонной речи, но, с точки зрения лотфианина, выбор происходил естественным путем и посредством совершенно другого механизма.

Любой лотфианин способен овладеть кекропийской речью; с их способностью к языкам это довольно просто. Но лишь редкий самец, обладающий несбалансированной психикой почти на грани сумасшествия, позволит вырвать себя из общества себе подобных.

Отрыв сопровождался такими муками, каких человек никогда не испытывал. Когда кекропийцы впервые открыли Лотфи, основные обитатели поверхности демонстрировали интеллект при отсутствии технологии. Миллионы лет лотфианские самцы жили своей приятной и мирной жизнью под холодными небесами Лотфи. Интеллектуальное любопытство проявлялось ими на минимальном уровне. Любое более или менее трудное решение принимали за них слепые самки, укрывавшиеся в глубоких норах. Занятые поиском пищи, самцы глядели на звезды, но без интереса, как на частицы окружающего мира, сообщавшие им, когда наступает время сбора определенных растений.

Появление кекропийцев, объяснивших, что вокруг этих святящихся точек вращаются другие населенные миры, не вызвало интереса у сидящих в норах самок. Им не было дела до того, что находится на поверхности и еще меньше до того, что лежит за ней. Взаимопонимание возникло позже. Выяснилось, что кекропийцы не собираются ни завоевывать планету, ни жить на ней. Они терпеть не могли холодное чистое небо, и они вовсе не думали эксплуатировать Лотфи. Причины, по которым кекропийцы предпочли мирное сосуществование были просты. Они искали только существ, обладающих органами, способными воспринимать человеческую звуковую и кекропийскую феромонную речь и интеллектом, чтобы овладеть обоими языками.

Потеря малой части чрезмерно расплодившихся самцов ради того, чтобы их оставили в покое, оказалась вполне приемлема для одной из договаривающихся сторон. В любом случае (как рассуждали между собой заключавшие сделку самки), неужели найдется такая дура, которая позволит себе обзавестись потомством от неполноценного самца, даже если тот останется?

Ж'мерлия покинул Лотфи, чтобы стать слугой и переводчиком Атвар Х'сиал. По лотфианским меркам, он уже был беззубен. А теперь он задумал такое, перед чем меркло все его прежнее безумство.

Шесть часов прошли. Двенадцать часов. Двадцать. И никакого сигнала ни от Каллик, ни от кого бы то ни было. И никакого ответа на его собственные, все более отчаянные послания.

Дрейфус-27 и Жемчужина уже дважды прошли соединение. Поначалу Ж'мерлия сумел заставить себя перевести радиостанцию в режим автоматической записи и заняться благоустройством внутренних помещений Дрейфуса-27. Однако со временем желание сидеть возле приемника сделалось неодолимым.

После тридцати часов ожидания его терпение лопнуло. Ханс Ребка приказал ему оставаться на Дрейфусе-27. Каллик сказала то же самое, но они и Дари Лэнг находились в опасности. «Летний сон» переключен на дистанционное управление. При помощи устройства связи он направил его с максимальной скоростью к Дрейфусу.

Корабль благополучно миновал фагов, получив лишь одну дыру в обшивке. Ж'мерлия быстро убедился в несущественно-

сти повреждения, поднялся на борт «Летнего сна» и взял обратный курс.

Во время полета на Жемчужину никаких сообщений не поступало. Слишком занятый своими проблемами, Ж'мерлия не удосужился отправить хоть какое-то известие о своем решении покинуть Дрейфус-27.

С двух тысяч километров Жемчужина выглядела, как обруч из световых искорок, кружащих по орбите вокруг маленькой сферы. Ж'мерлия взялся за управление сам, готовый, если потребуется, прийти на помощь противометеоритной системе. Компьютер способен уклоняться от свободно летящих естественных тел, но с целенаправленной атакой активных фагов ему не справиться; возможно, за оставшееся время Каллик сумела бы составить альтернативную программу, но Ж'мерлии это не под силу.

Двести километров. Стремительный рывок. Совсем рядом — настолько близко, что можно заглянуть в темную пятиугольную пасть — проносится фаг. Восемьдесят километров. Еще один промах и второй рывок влево. Пятьдесят. «Летний сон» затормозил так резко, что передние руки Ж'мерлии сбросило с рычагов управления. Он сидел, напряженно глядя в иллюминатор, в то время как корабль пробивался сквозь море фагов, и считал, сколько раз удалось увернуться.

Когда он понял, что кораблю пришел конец, фаги внезапно исчезли. Вой перегруженных двигателей стих до еле слышного шипения. Посадка. Ж'мерлия, так и не снимавший скафандра, включил экраны на круговой обзор поверхности.

Ничего. Ни оранжевого облака, ни бредущих людей, ни признаков «Все — мое».

Правда, со своего наблюдательного пункта он видел менее одного процента поверхности планетоида, а во время снижения на осмотр просто не было времени. Возможно, Каллик и второй корабль находятся всего в нескольких сотнях метров, скрытые кривизной поверхности Жемчужины. А кроме того, Каллик ошибалась. Поверхность не была абсолютно пустой. Он различил какую-то свинцово-серую массу, выглядывавшую из-за горизонта.

По словам Каллик и Ханса Ребки, атмосфера снаружи пригодна для дыхания. Но они считали, что и само это место безопасно. Он двинулся по гладкой поверхности в направлении непонятого возвышения.

На полпути он остановился. Неужели это именно то, что ему показалось? Долгое время он пристально вглядывался, затем направил свои лимонные глаза вверх. Что это, игра воображения, или же они летают еще ниже и быстрее, чем сообщала в своем отчете Дари Лэнг?

Он развернулся и направился обратно к «Летнему сну», чтобы перевести корабль в режим автоматической самозащиты.

Вновь оказавшись снаружи, он опять заковылял по поверхности Жемчужины. Та бесформенная груда, должно быть, пряталась за горизонтом, когда те прибыли на планетоид. Возможно, она лежит здесь миллионы лет. Ж'мерлия очень на это надеялся.

Но не исключено, что это совершенно недавнее и злое приобретение. Он поймал себя на том, что каждые несколько шагов останавливается, всматриваясь в небо.

Неужели? Все выглядело именно так, хотя любой специалист по Строителям поклялся бы, что они никогда не залетают в сколько-нибудь осязаемое гравитационное поле.

Чем ближе он подходил, тем больше эта груда напоминала остатки разбившегося вдребезги фага.

ГЛАВА 10

Куда она попала?

После того, как мерцающая мгла рассеялась, Дари испытала огромное облегчение. Ничто не изменилось. Она стояла практически на том же месте, где была, когда облако окутало их. Впереди вздымалась все та же выпуклая, серого цвета, слегка светящаяся равнина, гладкая, тянущаяся от ее ног до близкого горизонта. Сверху падал все тот же свет — холодный, тусклый, с оранжевым оттенком.

Только не было ни Каллик, ни «Все — мое». А странный свет не давал теней.

Дари посмотрела вверх. Гаргантюа исчез. Сверкающие точки звезд и кружащих по орбите обломков тоже пропали. Сверху исходило ровное сияние, столь же однородное, как и пол у нее под ногами.

Она ощутила прикосновение к своей руке.

— Все в порядке? Последствий нет? — Голос Ханса Ребки звучал, как всегда, невозмутимо.

Что он мелет? Если сейчас ты спокоен, значит, не понимаешь сути проблемы.

— Что с нами произошло? Где мы? Сколько времени мы были без сознания?

— По первым двум я — пас. Не думаю, что мы вообще теряли сознание. Нас держало не более пяти минут.

Она обхватила его руку, испытывая острое желание чувствовать живое человеческое тело.

— Мне казалось, что прошла вечность. Откуда ты знаешь, сколько времени это длилось?

— Я вел счет. — Он пристально разглядывал искривленный горизонт, что-то прикидывая в уме. — Этому учишься на Тойфеле, когда оказываешься снаружи во время Ремулера-Точильщика, предрассветного ветра; приходится ложиться на землю и ждать. Считаешь удары сердца. Этим убиваешь сразу двух зайцев: измеряешь временной интервал и убеждаешься, что ты еще жив. Сейчас я досчитал до двухсот тридцати. А если ты еще некоторое время постоишь здесь на месте, я отвечу и на твой второй вопрос. Я, кажется, догадываюсь, где мы.

Он отошел на пятьдесят шагов, повернулся и окликнул Дари.

— Я подниму руку и буду медленно опускать ее. Дай мне знать, когда она скроется за горизонтом.

Когда она крикнула «Пропала!», он удовлетворенно кивнул и поспешил обратно.

— Я так и подумал с первого взгляда; теперь уверен абсолютно. Поверхность, на которой мы стоим — тоже сфера, но меньшего радиуса. Это видно по тому, как она закругляется.

— Итак, мы на другой сфере, внутри Жемчужины?

— Я тоже так думаю. — Он показал вверх. — Каллик и «Все — мое» там, за потолком. Но добраться до них мы не сможем, пока то же облако не вытащит нас обратно.

— Не говори так! — Дари озиралась по сторонам.

— А почему бы нет? Ах, черт побери! Оно что, слушает меня? Вот мы и поехали дальше.

Словно в ответ на его слова, вокруг них сквозь серый пол снова начал выступать оранжевый дым. Дари подавила желание пуститься в бегство. Она уже догадывалась, что за этим последует. Отыскав руку Ханса Ребки, она крепко в нее вцепилась. На этот раз, когда мерцающие огоньки заполнили все

вокруг, отрезав свет и звуки и сковав ее по рукам и ногам, она уже не волновалась. Вслушиваясь в биение собственного пульса, она ждала, непрерывно ведя счет.

Сто сорок один... два... три. Туман рассеивался. Сто пятьдесят восемь... девять. Туман исчез. Она была свободна, но все еще цеплялась за его руку.

— Нельзя сказать, что здесь лучше, но разница чувствуется, — буркнул Ребка.

Они погрузились еще на один уровень. Кривизна поверхности больше не ощущалась, поскольку отсутствовал видимый горизонт. Они стояли в анфиладе комнат. Все вокруг них, начиная со свинцово-серого пола и кончая светящимся потолком, покрывали паутинчатые конструкции, трубы, какие-то сетки и перегородки, от обилия которых рябило в глазах. «Окна» между комнатами находились на разной высоте, а в полу было несколько открытых люков. Какие бы существа в этих комнатах ни жили, передвигались они явно не как люди.

И сквозь стены они тоже не проходили. Дари заметила, что оранжевые огоньки на этот раз в стены не всасывались. Вместо этого они растекались вдоль них, а затем исчезали в отверстиях сеток и паутин.

Дари взглянула себе под ноги. Внешние уровни Жемчужины были неестественно чистыми — ни пылинки, а здесь всюду валялись куски труб и длинные обрывки кабеля. Все эти комнаты выглядели так, словно ими не пользовались миллион лет. Стены же казались абсолютно твердыми.

Ребка провел собственное исследование. Он подошел к одной из перегородок и, как только мерцающие огоньки исчезли, сильно шлепнул ладонью по поверхности. То же самое он проделал с одной из хитроумно сплетенных паутин и покачал головой.

— Очень твердые и крепкие. Нам их не сдвинуть. Придется воспользоваться окнами — если только мы до них доберемся.

— С тех пор как они прибыли на Жемчужину, Дари все более и более ощущала себя бесполезной. Она просто не знала, что делать. В то время как Ханс, привычный к трудностям, преодолевал их с ходу. Она не могла предложить ничего, кроме какой-то информации...

— Ханс! Какая, по-твоему, здесь гравитация? Он прекратил изучать стены и паутины:

— Стандартная, плюс-минус двадцать процентов. А зачем тебе это? Она тебя беспокоит?

— Нет, но она больше, чем была там, на поверхности. Если бы Жемчужина имела однородную плотность или большая часть массы располагалась у внешнего края, то по мере приближения к центру гравитация падала бы. Следовательно, вблизи центра расположен мощный источник гравитационного поля. Это не может быть обычным веществом; ни одно из известных не обладает такой плотностью.

— Значит, это что-то новенькое. Пошли глянем, что там внизу. — Ребка начал медленно продвигаться по одному из коридоров — прямоугольному проходу, достаточно широкому по отношению к собственной высоте, который то сужался, то расширялся.

Дари шла за ним, часто останавливаясь, чтобы изучить материалы, из которых сделаны стены и запутанные сети-перегородки, закрывавшие большинство «окон». Ее нервозность исчезла сразу, как только она поняла, что это действительно новый артефакт Строителей — первый, открытый за последние четыреста лет. И она первый ученый, обследующий его. Даже если бы она могла вырваться отсюда, то сначала изучила бы это место самым тщательным образом. Иначе она никогда себя не простит — как не простят ее тысячи специалистов по Строителям.

Поэтому панику — отставить, наблюдательность — на всю катушку. Что еще их окружало?

Многие перегородки тянулись от пола до светящегося потолка. По ним она могла судить о высоте комнат. Высота приличная — порядка шестидесяти метров. Людям столько пустого места вовсе ни к чему, но это хорошо согласовывалось с гигантскими комнатами в других артефактах Строителей.

Она подошла к одной из стен и осмотрела материал, из которого та была сделана. Оказалось, что он имеет четко выраженную зернистую структуру, напоминая обожженный кирпич. Стену словно раскололи гигантским взрывом, но из предыдущего опыта Дари знала, что это всего лишь иллюзия. Материал этот крепче любого известного в рукаве. Пробыв миллионы лет в агрессивной атмосфере из кислорода, хлора или фтора, он ничуть не крошился. Плавая столетиями в кипящих кислотах, он ни капельки не растворялся. Однако всюду лежала пыль.

Порядок на Жемчужине поддерживался из рук вон плохо, если только вообще поддерживался.

Дари сняла с пояса скафандра нож и поскребла им серую стену. Острие ножа из мономерного карбида иридия, самого твердого и прочного материала, созданного человеческой технологией, не оставило на ней ни царапины. Она подошла к одной из густых сеток и попробовала перерезать одну нить. Никаких следов. Даже тончайшая паутинка вставала непреодолимым барьером на пути всего, что не распадалось, как облако, на мельчайшие компоненты. Не верилось, что пыль вокруг них образовалась в результате постепенного разрушения стен. Очевидно, есть какой-то другой источник. Где-то на Жемчужине имеются другие материалы, не соответствующие стандартам практически вечного существования, принятым у Строителей.

Ханс Ребка нетерпеливо ждал, пока она возилась у стены и ковыряла сетку.

— Тебе понадобится много времени, чтобы прорезать себе ход таким способом, — сказал он. — Пошли. Нам надо двигаться.

Он не произнес вслух того, о чем Дари уже успела подумать. Воздух здесь мог оказаться пригодным для дыхания — но откуда и каким образом он здесь появился? Здесь создана и поддерживается атмосфера, пригодная для людей, но кроме воздуха для поддержания жизни им необходимо еще кое-что. Со времени последнего приема пищи прошло двадцать часов, и, несмотря на нервное напряжение, притупившее чувство голода, в горле у Дари болезненно пересохло.

Они продолжали двигаться бок о бок, пользуясь каждым встретившимся люком в полу, чтобы перебраться в другую комнату, и медленно опускаясь по веренице наклонных коридоров. Наконец они обнаружили первые признаки работавшего внутри Жемчужины оборудования — массивный цилиндр загудел с их приближением. Он засасывал воздух и выпускал его через множество мелких отверстий. Ребка подставил руку, а затем щеку к одному из блоков с отверстиями.

— Это воздушный генератор, — сказал он. — Мне кажется, мы только что привели его в действие. Он каким-то образом реагирует на наше присутствие. Здесь тебе есть над чем подумать: если это устройство вырабатывает пригодный для дыхания воздух внутри Жемчужины, то что создает его снаружи?

— Вероятно, ничто. Там, наверху, нет ничего, совсем никакой техники. Поверхность, должно быть, проницаема, по

крайней мере иногда и кое-где. Именно так нас сюда втянули. Прямо сквозь пол.

— Значит, все, что нам надо — это сделать потолок пронизаемым вновь, и тогда мы отсюда выберемся. Конечно, нам еще придется каким-то образом подпрыгнуть метров на сто. — Он внимательно поглядел вверх. — Черт с ним. Мне все же интересно, откуда эта штукавина знает, какая атмосфера одновременно пригодна и для людей, и для хайменоптов.

— Правильно. А еще, какая атмосфера была на Жемчужине до прилета «Все — мое». Может, ее вообще здесь не существовало.

Ребка озадаченно посмотрел на нее.

— Это то, что я называю настоящим обслуживанием клиента. Воздух составлен — что надо. Я об этом не подумал.

Они миновали воздушный генератор и полдюжины других конструкций, о назначении которых Дари оставалось только догадываться. Она очень хотела остановиться, чтобы изучить их, но Ханс потащил ее дальше.

Восьмым устройством оказался цилиндр, высотой около метра, с напоминающей пчелиные соты поверхностью, состоящей из шестиугольных ячеек, размером с кулак. Наружная панель была покрыта капельками какой-то жидкости. Ребка дотронулся до одной из них, понюхал палец и поднес к губам.

— Вода. Как мне кажется — питьевая, но совершенно безвкусная.

Дари последовала его примеру.

— Дистиллированная. Стопроцентной чистоты, без солей и минералов. Ты просто не привык к чистой воде. Можешь ее пить.

— Сейчас я что угодно готов выпить. Но с конденсата на панели мы много не наберем. Я хочу кое-что попробовать. Отойди подальше!

— Ханс!

Но он уже сунул руку в ячейку, извлек оттуда сложенной лодочкой ладонью немного воды и осторожно отхлебнул ее.

— Нормальная. Иди попей. От жажды мы теперь, по крайней мере, не умрем. И, в развитие твоей предыдущей мысли, — добавил он, как только они наполнили фляги, — хотел бы я знать, что вырабатывала эта штука неделю назад. Этанол? Соляную кислоту?

— Или жидкий метан. Какова, по-твоему, температура на поверхности Жемчужины, когда Гаргантюа находится вдали от Мэндела?

Наконец они достигли точки, где однообразная кривизна выпуклого пола нарушилась резко уходящим вниз коридором. Встав на край, Ребка посмотрел вниз.

— Очень крутой. И, похоже, очень гладкий. Больше напминает желоб, чем коридор, и дна не видно.

— Нам нужна пища. Мы не можем возвратиться на поверхность и не можем оставаться здесь.

— Согласен. — Он сел на край. — Я, пожалуй, съеду вниз. А ты подожди, пока я не позову и не сообщу, что все в порядке.

— Нет! — Дари сама удивилась своей реакции. Она подошла и села рядом. — Ты же не бросишь меня здесь одну. Куда ты, туда и я.

— Тогда держись крепче. — И, обнявшись, они соскользнули с края.

Желоб оказался не столь крутым, как выглядел сверху. После почти отвесного старта он закрутился в довольно плавную спираль. Вскоре достигли максимальной скорости, не слишком превышающей скорость быстрой ходьбы. По мере спуска освещение менялось. Холодный оранжевый свет сменился ярким светло-желтым, исходившим откуда-то спереди и игравшем бликами на гладких стенках желоба. Наконец наклон стал настолько небольшим, что движение прекратилось.

Ребка встал.

— Конец свободному скольжению. Интересно, для чего это предназначалось раньше. Если только ты не считаешь, что до того, как мы здесь появились, его вообще не было.

В конце концов они оказались на краю гигантского зала, метров пятидесяти в поперечнике. Впереди пол плавно понижался, словно дно неглубокого котла; потолок представлял собой правильную полусферу. Ханс и Дари разглядывали помещение, осваиваясь с ярким белым светом. Для глаз, привыкших за последние несколько часов к холодным тонам и свинцово-серым стенам, такое освещение казалось ослепительно ярким. Круглый пол был разрисован концентрическими кольцами различных цветов наподобие мишени для стрельбы из лука. Входы в коридоры, или, возможно желоба, типа того, по которому они сюда спустились, располагались по периметру комнаты, на равном расстоянии друг от друга. Освещался зал находящимся в верхней точке потолка сияющим шаром.

А в середине комнаты, в самом центре углубления...

Дари открыла рот от изумления.

— Гляди, Ханс. Это они!

Под маленьким полупрозрачным куполом в центральном круге светло-голубого цвета возвышался небольшом помост, метра полтора высотой; на нем стояла дюжина конструкций, напоминавших большие стеклянные кресла, повернутые наружу.

На двух из них, бок о бок сидели Луис Ненда и Атвар Х'сиал.

Дари шагнула вперед, но Ханс Ребка тут же схватил ее за руку.

— Сейчас самое время проявить предельную осторожность. По-моему, они оба без сознания. Посмотри на них внимательно.

Между вновь прибывшими и центральным помостом виднелось несколько почти невидимых полусфер, как бы вложенных одна в одну. Они мешали Дари как следует разглядеть Ненду и Атвар Х'сиал, но кое-какие детали она различила, что породило новые вопросы.

Луис Ненда мало изменился от того, каким она видела его в последний раз. Его руки бугрились мускулами, а распахнутая рубашка обнажала густо поросшую волосами грудь.

Но волосы ли это? Они выглядели как-то неестественно.

Она обернулась к Ребке.

— Его грудь...

— Я вижу. — Ханс Ребка моргал и щурился, испытывая те же трудности со зрением, что и Дари. Полусферы осязательно искажали видимость. — Она вся покрыта родинками и ярынами. Ты раньше когда-нибудь видела его грудь?

— Нет. Он всегда закрывал ее.

— Тогда я думаю, это появилось не сейчас. Могу поспорить, что он таким уже прибыл на Опал.

— Но что это такое?

— Нарращение зардалу. По сведениям из архивов, когда Ненда запросил доступ на Опал, он уже имел наращение, но там не говорилось — какое. Теперь мы знаем. Эти узлы и щербинки — феромонные генераторы и рецепторы. Очень редкая и дорогая операция, и болезненная, как все наращения зардалу. Это позволяет ему напрямую общаться с Атвар Х'сиал. Они могут «говорить» друг с другом без посредничества Ж'мерлии. — Ребка еще пару секунд изучающе смотрел на Ненду. — По-моему, он физически не изменился, вот только без сознания. Гораздо сложнее сказать, что с Атвар Х'сиал. Ты как думаешь?

Дари переключила внимание на кекропийку. Она провела больше времени в обществе Атвар Х'сиал, поэтому лучше мог-

ла определить ее состояние. Если не считать того, что кекропийцы очень не похожи на людей...

Даже в сидячем положении, с подобранными ногами, кекропийка возвышалась над Луисом Нендой как башня. Темно-красное сегментированное брюшко венчала короткая шея с алыми и белыми рябинами, переходившая в белую, безглазую голову. Тоненький хоботок, росший посреди лица, мог выдвигаться и служил чрезвычайно чувствительным органом восприятия, но в настоящий момент он был свернут и прятался в сумке на нижнем конце складчатого подбородка.

Ни кекропийка, ни карланин мертвыми не выглядели. Но была ли Атвар Х'сиал в сознании?

— Атвар Х'сиал! — как можно громче крикнула Дари.

Если бы кекропийка сознавала, где находится и что с ней происходит, то среагировала бы на крик. Кекропийцы обладали чрезвычайно чувствительным слухом в широком частотном диапазоне.

— Атвар Х'сиал! — вновь прокричала Дари.

Никакой реакции. Желтые рожки не повернулись в ее направлении, а папоротникообразные антенны над ними, непропорционально большие даже для крупного тела Атвар Х'сиал, остались свернутыми. Если бы Атвар Х'сиал находилась в сознании, эти два нежных двухметровой длины веера, наверняка, вытянулись бы, обнюхивая воздух в поисках феромонов, испускаемых источником звука.

— Она тоже без сознания. Я в этом уверена. — Дари двинулась в направлении первого цветного кольца на полу. Прежде чем она достигла его края, Ханс Ребка вновь удержал ее.

— Мы не знаем, почему они без сознания. На первый взгляд это место выглядит безопасным, но, возможно, это не так. Ты останешься здесь, а я пойду.

— Нет. — Дари еще быстрее пошла по вогнутой поверхности покатога пола. — Почему опять ты? Пора уже делить риск поровну.

— У меня больше опыта.

— Прекрасно. Значит, ты сможешь выручить меня из беды, если мне понадобится помощь. Я пойду кратчайшим путем. — Дари уже вошла в дымку первой полусферы. Она старательно ощупывала пол перед собой, прежде чем ступить на него. — Все в порядке. Одну прошла. — Она повернулась, чтобы взглянуть на Ханса. — Пока никаких проблем. Никакого сопротивления движению. Перехожу в зону желтого кольца.

Она внимательно посмотрела вперед. За желтым — зеленое, за зеленым — фиолетовое. По пять шагов на каждое кольцо — это, наверное, просто. На половине пути между второй и третьей полусферой она остановилась, на секунду смутившись своими действиями.

— С тобой все в порядке? — раздался голос сзади.

Она обернулась.

— Да. Я иду... к центру.

Дари заколебалась, странно не уверенная в правильности выбранной цели. Она решила, что следует еще раз осмотреть все вокруг, прежде чем до нее дошел смысл происходящего.

Там, в середине, где сидят Атвар Х'сиал и Луис Ненда, она предвидела себя. В кресле.

— Прошла полпути, — сообщила она. — Зеленый кончается. Следующая остановка на фиолетовом. Она опять пошла вперед. Яркие огни, яркие краски. Сначала желтый, потом зеленый, фиолетовый, красный, голубой. Пять зон. Не в обычном порядке: красный, оранжевый, желтый, зеленый, как в... как же оно называется? Трудно вспомнить. А, радуга. Да, это она.

Эти цвета не похожи на те, что в... где бы то ни было. Черт, опять забыла это слово. Продолжать двигаться. Осталось пройти всего два и я доберусь до как-же-их-зовут. Желтый, зеленый, фиолетовый, красный... как же этот цвет называется? Желтый... зеленый...

Глаза Дари были широко раскрыты. Она лежала на твердой ровной поверхности, глядя в голубой купол потолка. Над ней склонялся бледный Ханс Ребка.

Она медленно села. Перед ней простиралась большая комната с концентрическими цветными кольцами. В середине стоял помост с двумя молчаливыми фигурами.

— Что это я здесь разлегалась? И зачем ты дал мне заснуть? Мы не поможем этим двум, если будем дрыхнуть.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — После ее нетерпеливого кивка Ханс Ребка сказал: — Тебе надо немного переждать. Расскажи последнее, что помнишь.

— Ну, я сказала, что я хочу пройти через кольца, чтобы вытащить Луиса Ненду и Атвар Х'сиал, а ты отговаривал меня. Потом я уже готова была заступить... — Внезапно она замолчала. — Я была на краю желтого кольца, а сейчас мы в десяти шагах от него. Что произошло? Я отключилась?

— Более того. — Лицо его было серьезным. — Ты не помнишь, что прошла желтое, потом зеленое и вступила на фиолетовое?

— Не помню. Я этого не делала. Я начала только минуту назад. Успела только войти в желтую зону, а затем... — Она устала на него. — Ты хочешь сказать...

— Минуту назад, говоришь, отключилась? Только не здесь. Ты прошла половину пути до помоста, как вдруг твой голос стал смущенным и мечтательным, а затем ты села на пол. Потом легла и перестала говорить. Это произошло не одну минуту, а три часа назад. И почти все это время ты была без сознания.

— И ты пошел за мной, чтобы вытащить? Это же сумасшествие. Ты тоже мог отключиться.

— Я не заходил так глубоко. И не собирался. Нечто похожее мне уже приходилось видеть раньше, а ты писала об этом в своем каталоге артефактов. Именно твое утверждение, что мы внутри артефакта Строителей, подсказало мне, в чем здесь дело.

— Потеря сознания? Но ведь этого никогда...

— Не сознания. Потеря памяти. Именно это происходит с людьми, исследующими Парадокс, правда, там последствия гораздо хуже. У тебя выпало лишь несколько часов. Оттуда же выходят с начисто стертой памятью. Я видел людей, проникавших туда и вернувшихся, — они делались беспомощнее новорожденного младенца.

Возбуждение сменилось тревогой. Дари с детских лет изучала артефакты, но до Летнего Прилива видела только Стражник.

— Ты подозреваешь, что эти сферы генерируют лотос-поле? Совершенно неподобно.

По взгляду Ребки она поняла, что он употребил бы по этому поводу совсем другое слово, и поспешила продолжить.

— Но если это действительно лотос-поле, то как тебе удалось меня вытащить? Если оно подействовало на меня, то и тебе угрожало.

— Подействовало немного. В желтом кольце ты еще была в порядке, знала, что делаешь, поэтому там я вполне мог рискнуть. Туда я и зашел. Конечно, поле захватило бы и меня, пройди я весь твой путь. Тогда мы оба лежали бы там беспомощные, пока не умерли бы с голоду или пока кто-нибудь не съел нас либо вытащил оттуда.

— Но ведь ты вытащил меня.

— Да, но внутрь не заходил. Стоя в желтой зоне, я тащил тебя оттуда как рыбку на удочке. Почему ты так долго там лежала? Мне надо было найти, чем подцепить тебя. Это оказалось непросто. Больше часа я искал что-нибудь подходящее и еще час выуживал тебя.

Дари повернулась к центру комнаты.

— Атвар Х'сиал и Луис Ненда в самой середине. Ты думаешь, их память стерта начисто?

— Если это место похоже на Парадокс, то поле может действовать только по краям, а в середине отсутствовать. Их память может быть в любом состоянии. Мы этого не узнаем, пока не достанем их оттуда.

— Ты можешь вытянуть их оттуда, как меня?

— Только не этим. — Ребка указал на кусок завязанного петлей кабеля, лежащий на полу возле Дари. — Он слишком короток, да к тому же, похоже, они чем-то прикреплены к креслам.

— Так как же нам достать их?

— Мы не будем это делать. По крайней мере сейчас. — Ребка помог ей подняться на ноги. — Для этого надо найти какой-то другой способ. Пошли. Благодаря тебе я узнал немало больше об этом месте — в поисках веревки мне пришлось облазить несколько коридоров. Совершенно дикое место — где-то ни пятнышка, а где-то миллионлетний слой пыли. Только не спрашивай меня, куда ведут коридоры — это полная загадка.

Дари позволила отвести себя к третьей по счету двери вдоль периметра комнаты.

— Трудно понять, для чего Жемчужина находится здесь, — сказала она. — И загадка эта — крепкий орешек.

— Их здесь полно. — Голос Ребки звучал утомленно, но Дари по опыту знала, что он будет работать как ни в чем не бывало, пока окончательно не свалится с ног. — Могу назвать некоторые, — продолжил он. — Быстрые фаги. Атмосфера на поверхности. Способ, которым мы проникли внутрь. Оборудование, производящее воздух и воду. Лотос-поле в комнате пока отставим. Все они — кандидаты на исследование. Выбери любую.

— Ты не назвал одну из самых главных. — Проход спиралью уходил вниз, мягко снижаясь и закругляясь впереди по направлению к центру Жемчужины. Дари захотелось пить, и

вдруг она ощутила такой сильный голод, что ни о чем другом думать уже не могла.

Сколько времени прошло с их последнего принятия пищи? Казалось — вечность. Ее сознание отключалось на три часа, но не желудок. Он внимательно следил за тем, чтобы не остаться без пищи.

— Самая главная вот в чем, — наконец произнесла она. — Почему оранжевое облако на поверхности пропустило Каллик, но забрало внутрь нас, Луиса Ненду и Атвар Х'сиал? На Жемчужине есть что-то знающее разницу между людьми, кекропийцами и хайменоптами. Это самая большая загадка из всех.

СТАТЬЯ 19: ХАЙМЕНОПТЫ

Распространение. Центр хайменоптского клайда точно не известен, но считается, что это один из восьмидесяти миров, поверхность которых зардалу подвергли крупномасштабной перделке, примерно двадцать тысяч лет назад.

В настоящее время сообщества X. процветают на восемнадцати из этих планет, доставленные туда зардалу и покинутые во время Великого Восстания. Впоследствии восемь из этих миров достаточно развились технологически, чтобы осуществлять межпланетные полеты. Одному из миров удалось самостоятельно открыть Бозе-передачу, но в связи с некоторыми особенностями культуры X. ее применение ограничено.

После Великого Восстания хайменоптские миры выпали из системы связи рукава, пока, в конце концов, их заново не открыла экспедиция по переучету и переписи территорий Сообщества Зардалу.

Физические характеристики. В своих собственных колониях X. делятся на шесть отдельных функциональных групп именуемых Правителями, Писцами, Воинами, Кормильцами, Производителями и Рабочими. Среди этих форм существует прогрессивное развитие: так, производители, пройдя ряд метаморфоз, становятся кормильцами, а затем правителями, в то время как воины способны стать лишь писцами. Рабочие остаются таковыми всю жизнь.

Необходимо отметить, что в качестве рабов используются исключительно X.-рабочие. Другие формы колоний не покидают. Таким образом, когда другие разумные существа обращаются к «хайменопту», они имеют дело с X.-рабочим. Физическое описание, изложенное ниже, относится только к ним.

X.-рабочие — стерильные самки — представляют собой членистоногих с восемью конечностями. Все они хватательные и способны манипулировать небольшими предметами, однако для точных работ пригодны только четыре передние конечности. Несмотря на кажущееся сходство X.-рабочих с земными перепончатокрылыми (что и послужило основой названия, данного им биологами экспедиции по переучету), физиологически X. кардинально от них отличаются. Тем не менее X. обладают жестким внешним скелетом и ядовитым жалом на конце закругленного брюшка; эта особенность, наряду со скоростью их передвижения, наводит на мысль, что рабство X. есть результат, скорее, выбора и привычки, а не принуждения. X. видят при помощи кольца обычных (т.е.

нефасетчатых) глаз, расположенных вокруг гладкой головы. Потребность в круговом обзоре заставляет их принимать вертикальное положение, тогда как при быстром передвижении они опускаются горизонтально. Глаза X. чувствительны в диапазоне длин волн от 0,3 до 1,0 микрон, что шире, чем у людей. Их чувствительность при низких уровнях освещенности превосходит человеческую; некоторые экзобиологи на основе этого делают вывод, что центр x-ского клайда расположен на слабо освещенной планете, как по интенсивности, так и по спектру.

История. Ранняя история X. утеряна, так же как и координаты места происхождения их клайда. В настоящее время центром цивилизации X. считается планета Кер, которая является главным хранилищем архивов X.

Именно на Кер, семь тысяч лет назад, была открыта Бозе-передача. Открытие дало Кер превосходство над другими x-скими мирами, которое с тех пор никогда не оспаривалось. По сведениям из архивов Кер, некоторые устные предания X. и их расовая память простираются на шестьдесят тысяч поколений назад. Поскольку созидательный период их жизни составляет семьдесят стандартных лет, разумная стадия существования и хорошо развитого языка у X. может насчитывать, таким образом, полмиллиона лет. Для сравнения: письменные источники на Кер имеют возраст менее десяти тысяч лет.

Кер — главная движущая сила, центральный рынок и основной получатель доходов от торговли X.-рабами. Его обитатели с охотой исполняют эту роль и следуют главному правилу X.: устанавливать отношения и вести коммерческие дела с другими разумными существами, только в интересах работоторговли.

Культура. В x-ских мирах социальное управление отождествляется с контролем над размножением. Поскольку остальные пять групп стерильны, производители в принципе обладают уникальной властью; однако каждый производитель знает, что в результате метаморфозы он превратится со временем в кормильца, ответственного за вскармливание молодежи, а затем в правителя, ответственного за принятие решений, определяющих развитие колонии. Как следствие, эти три группы кооперируются и составляют «Верховную Триаду» x-ской культуры, а рабочие, писцы и воины образуют «Нижнюю Триаду». Для члена Верховной Триады продать другого ее члена в рабство — вещь совершенно немыслимая.

Перекрестное оплодотворение за пределами колонии считается генетически предпочтительным, но возможность путешествовать

находится под строжайшим контролем. Она предоставляется только как повышение по службе и только с целью спаривания. Ни одна колония X. не требует и не разрешает бесконтрольного обмена индивидуумами. Этот фактор более, нежели любой другой, ограничивает интерес X. к межзвездной и даже межпланетной торговле. Работоторговля на Кер — единственное важное исключение.

**«Всеобщий каталог живых существ
(подкласс: разумные)».**

ГЛАВА 11

Следующие факты могут показаться слишком несерьезными для строго научного «Всеобщего каталога живых существ (подкласс: разумные)». Однако мало кто в рукаве стал бы их оспаривать:

РЕФЛЕКСЫ ВЗРОСЛОЙ ХАЙМЕНОПТКИ В ДЕСЯТЬ РАЗ БЫСТРЕЕ, ЧЕМ У ЧЕЛОВЕКА.

ХАЙМЕНОПТКА ПРЕОДОЛЕВАЕТ СТО МЕТРОВ МЕНЕЕ ЧЕМ ЗА ДВЕ СЕКУНДЫ.

ВОСЕМЬ ТРЕХЧЛЕННЫХ КОНЕЧНОСТЕЙ ПОЗВОЛЯЮТ ХАЙМЕНОПТКЕ ПРИ ОДНОВРЕМЕННОМ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОДПРЫГНУТЬ НА ВЫСОТУ БОЛЕЕ ДЕСЯТИ МЕТРОВ В УСЛОВИЯХ ДВОЙНОЙ СТАНДАРТНОЙ СИЛЫ ТЯЖЕСТИ.

СПРЯТАННОЕ В КОНЧИКЕ ЩЕТИНИСТОГО БРЮШКА ХАЙМЕНОПТКИ ЖЕЛТОЕ ЖАЛО В ДОЛИ СЕКУНДЫ НАСТРАИВАЕТСЯ НА ВЫДЕЛЕНИЕ СТИМУЛЯТОРОВ, АНЕСТЕТИКОВ, ГАЛЛЮЦИНОГЕНОВ И ДАЖЕ СМЕРТЕЛЬНО ЯДОВИТЫХ НЕЙРОТОКСИНОВ. ВСЕ ОНИ ОКАЗЫВАЮТ ЭФФЕКТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЛЮБЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ РАЗУМНЫЕ ОРГАНИЗМЫ.

В УСЛОВИЯХ СОЗНАТЕЛЬНО ЗАТОРМОЖЕННОГО МЕТАБОЛИЗМА ХАЙМЕНОПТКА ВЫЖИВАЕТ БЕЗ ПИЩИ И ВОДЫ В ТЕЧЕНИЕ ПЯТИ МЕСЯЦЕВ; ЗАКАПСУЛИРОВАВШИСЬ, ОНА СПОСОБНА ПРОДЕРЖАТЬСЯ В ЧЕТЫРЕ РАЗА ДОЛЬШЕ. ХАЙМЕНОПТКИ ТАК ЖЕ РАЗУМНЫ,

КАК КЕКРОПИЙЦЫ ИЛИ ЛЮДИ, ПРИЧЕМ С БОЛЕЕ ВЫСОКОЙ МЕНТАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ, ЧЕМ ТЕ И ДРУГИЕ.

Каллик, разумеется, все это знала. И тем не менее ей никогда не приходило в голову, что ее собственный статус рабыни при таких условиях выглядит неестественно. В действительности она считала его совершенно естественным. Ее расовая память простиралась на десять тысяч лет назад, к тем временам, когда каждый хайменопт был рабом.

Расовая память хайменоптов не отличалась точностью от обычной. Те несколько миллиардов бит общей емкости, что были ей отведены, снижали качество воспоминаний до едва ли не карикатурного изображения первоначального опыта. Когда же мозг заставляли воспроизводить расовые воспоминания в том же формате, что и другой накопленный опыт, он облекал скелет воспоминания искусственной тканью собственной выдумки.

В результате Каллик «помнила» длительное рабство представителей ее народа в виде серии картинок; однако никакими усилиями детали этих видений не проявлялись.

Она могла воссоздать в своем сознании образ зардалу, хозяев, сухопутных головоногих, которые правили тысячами миров Сообщества Зардалу до Великого Восстания. Если бы она хорошенько подумала, то в ее воображении возникли бы весьма специфические картины: каменный клюв, достаточно мощный, чтобы пробить тело хайменопки... но увидеть, где он расположен на теле зардалу, ей не под силу. Огромные круглые глаза... но конечности, носившие это тело, представлялись лишь неопределенными тенями без размера, цвета и числа.

Об исчезновении зардалу она имела только самые смутные воспоминания: сознание возвращало лишь образы летящих тел, зеленый огонь, мир, погрузившийся во тьму, взрыв солнца. А затем — великое спокойствие, отсутствие каких бы то ни было образов зардалу.

Для социального класса Каллик Великое Восстание и исчезновение тирании зардалу принесло мало перемен. Она родилась рабочим и, оставшись на родине, проработала бы им всю жизнь. Ее предназначение всегда быть рабочим, в отличие от правителей, писцов, воинов, кормильцев или производителей. Ее зачали для рабства, родили для рабства и продали в рабство.

Ничто не доставляло ей столько неудобств, как отсутствие хоззав. Они просто были ей необходимы — будь то люди, кекропийцы или хайменопты.

Исчезновение Лэнг и Ребки подвигло ее на активную деятельность. Она немедленно совершила облет Жемчужины на низкой высоте, чтобы исследовать поверхность медленно вращающегося планетоида, не пропустив ни одного квадратного метра.

Облет занял час и не дал никаких результатов. Каллик осталась при убеждении, что Жемчужина внутри полая, но никаких признаков внешних структур не обнаружила. Ничто не указывало также на наличие какого-либо входа внутрь. Если бы Каллик не видела собственными многочисленными парами глаз то втянутое в поверхность мерцающее облако, то посчитала бы поверхность Жемчужины абсолютно непроницаемой.

Когда бесполезный осмотр завершился, Каллик вновь направила глаза вверх, чтобы изучить небо над кораблем. В поисках Ребки и Лэнг она не сдвинулась ни на шаг, но зато фаги теперь больше не желали оставаться в отдалении. Присутствие «Все — мое», казалось, сводило их с ума. Каллик видела, как один из фагов трижды проходил всего в нескольких километрах над кораблем. И каждый раз он подлетал все ближе. Сейчас она заметила, как еще два фага перешли на более низкую орбиту.

Она посадила «Все — мое» примерно в то же место, где они его обнаружили, и прошла в свою каюту. Время осторожности кончилось. Она выбрала необходимое оборудование и перенесла его с борта корабля на поверхность. Оно должно было измерить электромагнитное поле Жемчужины и рассчитать внешнее поле, способное нейтрализовать его по величине и фазе.

Она послала краткое сообщение на Опал, в котором изложила, что собирается предпринять. Связаться с Ж'мерлией она не могла, поскольку Дрейфус-27 все еще был закрыт гигантской массой Гаргантюа.

Каллик оттащила генератор поля и ингибитор метров на сорок от «Все — мое». Ей оставалось разрешить единственную проблему. Если ее ингибитор создаст компенсирующее электромагнитное поле в эффективном радиусе пять — десять метров, то, когда поверхность Жемчужины станет жидкой или газообразной, устройство в ней утонет. Единственный способ

избежать этого — привязать к противоположным сторонам прибора концы двух веревок, обмотанных вокруг сферы, причем так, чтобы одна лежала по геодезическому «экватору», а вторая проходила через геодезические «полюса». Таким образом, сила тяготения скомпенсируется натяжением веревок, поддерживаемых твердой поверхностью Жемчужины.

Каллик остановилась, чтобы подумать. Вербки будут держаться, если, конечно, местная нейтрализация поля не вызовет глобальной нейтрализации. Тогда Жемчужина превратится в жидкий или газовый шар, а Каллик, «Все — мое» и «Летний сон» вместе провалятся в его неизвестные глубины.

У хайменоптки не было плеч, чтобы пожать ими. Вместо этого Каллик что-то тихо щелкнула сама себе и стала привязывать тонкие монокристаллические кабели от корабля к генератору поля. Она была фаталисткой. Итак, Жемчужина может стать жидкой. Хорошо, но ведь никто никогда не обещал ей жизнь без риска. Она поспешила на «Все — мое» и оставила на пишущем устройстве корабля послание для Ж'мерлии, что-то вроде «Прощай, приятно было познакомиться». Если она вернется невредимой, то сотрет его.

Она включила питание и отошла, наблюдая.

Ничего не изменилось. Генератор представлял собой компактное устройство, питавшееся от микроволнового пучка, подаваемого со «Все — мое». Ничто снаружи не указывало на то, что он приведен в действие, а сама аппаратура стояла точно там, где она ее установила, и не производила ни звуков, ни движений.

Затем она услышала слабое поскрипывание кабелей, туго натянувшихся под весом генератора. Сам прибор стоял на трех твердых ножках, но сейчас их концы на несколько сантиметров ров утонули в поверхности Жемчужины.

Каллик осторожно приблизилась к генератору. Его положение оставалось устойчивым, без признаков движения вверх или вниз. Она потрогала один из кабелей, чтобы определить степень его натяжения. Складывалось впечатление, что без них генератор уже утонул бы. В радиусе пяти метров от центра поля, где удерживающие кабели уже скрылись из вида, поверхность выглядела несколько иначе.

Каллик прыгнула. Ее передняя конечность вошла в серую поверхность, но ничего не ощутила.

Она принесла с корабля несколько использованных топливных канистр. Одну из них она бросила так, чтобы та упала возле генератора. Поверхность никак не прореагировала, но

металлическая канистра исчезла сразу и без следа. Отсутствие кругов в месте падения говорило скорее о газообразном, чем о жидком состоянии зоны вокруг генератора.

Каллик отошла на несколько шагов. Раз канистра провалилась совершенно свободно, значит, и хайменоптке это удастся без особых трудностей. Но была ли зона скомпенсированного поля достаточно глубокой, чтобы обеспечить полный доступ внутрь? Или же в нескольких метрах внизу лежит твердое дно?

Каллик знала, что, стоя на месте и размышляя, ответа она не получит.

Она вернулась на корабль и, вытащив кусок кабеля, привязала один его конец к скобе на наружной обшивке «Все — мое», а другим обвязала себя вокруг грудного сегмента. Если кто-нибудь захочет совершить на «Все — мое» межпланетный перелет, пока Каллик будет находиться внутри Жемчужины, у нее возникнут большие неприятности.

Больших неприятностей у нее и так полно.

Она подошла к краю скомпенсированной зоны. Несколько секунд постояла, сомневаясь. Нет никакой гарантии, что ее действия помогут Дари Лэнг и Хансу Ребке, — да и вряд ли это лучший способ им помочь. Если имеется более оптимальное решение, она обязана найти его.

Пока она так стояла, над ней раздалось громкое «в-шших-х!». Это был фаг, пронесшийся не более, чем в пятидесяти метрах от поверхности. Темная пасть была закрыта, но она может распахнуться в любую секунду.

Каллик просвистела молитвенный призыв к Ресестрес, главному не-божеству официального хайменоптского атеизма, закрыла все свои глаза, сделала шаг вперед и провалилась в неосвязаемую поверхность Жемчужины.

ГЛАВА 12

Корабль «Несравненный» — несравненно гремящий, ржавый, громоздкий и вонючий — приближался к Гаргантюа. Берди Келли и Джулиус Грейвс сосредоточили свое внимание на спутниках планеты и ждали, когда изображение Жемчужины станет более подробным, в то время как В.К.Талли застыл перед картинкой гигантской планеты на дисплее.

Берди Келли это было очень по душе. Разработчики Талли сделали так, что тело вживленного компьютера нуждалось в отдыхе, но неорганический мозг продолжал работать постоянно. За последние три дня Берди несколько десятков раз вырывало из глубокого сна прикосновение и вежливое «Можно мне говорить?»

Как следствие — Берди потерял сон.

— Черт бы тебя побрал, Талли. Больше никаких вопросов. Почему бы тебе не пойти для разнообразия к Грейвсам и не спросить их? Джулиус и Стивен знают в десять раз больше моего.

— Нет, комиссар Келли, это неверно. — В.К.Талли покачал головой, практикуясь в усвоенном человеческом жесте, означающем несогласие, и традиционной человеческой паузе перед тем, как дать ответ. — Они знают больше вашего в гораздо больше раз, чем десять. Может, в сто раз? Дайте мне подумать.

Первый взгляд на Гаргантюа заставил его на время замолкнуть. Однако сейчас он вновь поднимал голову, выходя из мечтательной задумчивости. К облегчению Берди, на этот раз он обратился к Джулиусу Грейвсу.

— Если вы мне позволите говорить, я бы хотел коснуться сообщений, полученных от Дари Лэнг и от Каллик. Профессор Лэнг утверждает, что Жемчужина — артефакт Строителей, и Каллик с ней согласна. Еще какие-нибудь очевидные факты свидетельствуют об активности Строителей в окрестностях Гаргантюа?

— Нет. Ближайший к Гаргантюа артефакт это — Пуповина, соединяющая Тектон и Опал. — Голос принадлежал Стивену Грейвсу. — И он единственный, известный в системе Мэндела.

— Благодарю вас. Именно это и говорят мои банки данных, но я хотел бы знать, нет ли здесь несоответствий, как в других областях. — Талли подался вперед и постучал по дисплею, экран которого целиком заполнял Гаргантюа. — Не посмотрите ли вы на это, чтобы высказать свое мнение?

Его указательный палец лежал на оранжево-коричневом пятне ниже экватора Гаргантюа.

— Насчет светлого овала? — спросил Грейвс, взглянув на дисплей, и сразу же отвернулся к другому экрану, где сенсоры оценивали обстановку в пространстве вокруг Жемчужины. — Извини. У меня нет по нему информации.

Но к его великому изумлению, откликнулся Берди. Наконец-то он знал что-то, чего не знал Грейвс!

— Это называется Глаз Гаргантюа, — выпалил он. — Газовый вихрь, вечный ураган, около сорока тысяч километров в поперечнике. — Он указал на экран. — Можно даже разглядеть окружающие его завихрения.

— Я вижу их. Вам известно, как долго существует Глаз Гаргантюа?

— Не совсем, но его наблюдают со времен колонизации Добеллии. Тысячи лет. Когда люди прилетали сюда в поисках минералов много лет назад, все разведывательные экспедиции привозили с собой его изображение. О нем говорится в любой детской книжке с картинками. Это одна из достопримечательностей данной звездной системы, одно из так называемых «чудес природы», которые изучают в школе.

— Вы говорите слишком метафорично. В школе я ничего не изучал, потому что не ходил в нее. — В.К.Талли нахмурил брови. Он экспериментировал с этой гримасой, как средством выражения парадокса или множественности выбора, и в конце концов ощутил, что добился удовлетворительного уровня выразительности. — Но это знание не является окончательным. О Глазе Гаргантюа нельзя рассказывать детям как об одном из чудес природы данной звездной системы. И для этого есть основание: он им не является.

— Что значит не является? — неосторожно вырвалось у Берди. Кто, как не он, знал, что такое ввязаться в дискуссию с Талли.

— Глаз Гаргантюа не является природным феноменом данной звездной системы. Он не природного происхождения.

— Тогда что это за пятно?

— Я не знаю. — Талли попробовал воспользоваться еще одним человеческим жестом — пожать плечами. — Но мне известно, что оно не природного происхождения. На протяжении пятнадцати часов я проанализировал все возможные граничные условия. Система, которую мы наблюдаем, не имеет стационарного решения для соответствующего трехмерного уравнения Навье-Стокса. Вихрь должен был рассосаться в течение нескольких недель или месяцев. Для того чтобы Глаз Гаргантюа существовал, необходимо присутствие какого-то огромного дополнительного источника атмосферной циркуляции. — Он дотронулся до экрана. — В центре Глаза, там, где мы видим воронку...

— Фаги! — ворвался в их разговор возбужденный голос Джулиуса Грейвса. — Они там действительно есть. Мы получаем картинку фрагментов, вращающихся вокруг Жемчужины, но она не похожа на ту, что передали Ребка и Лэнг в первый раз. Облако простирается до самой поверхности. Если это фаги...

— Можем мы пролететь сквозь них, как капитан Ребка и профессор Лэнг? — Талли адресовал свой вопрос Берди, как наиболее опытному пилоту. — Они достигли поверхности не-вредимыми.

— Долететь до поверхности в этом мусорном ящике? — Берди обвел ненавидящим взглядом панели управления и прочие устройства рудовоза. — Да это и самому черту не под силу. Подумай сам. Движок дает не больше половины мощности, никакого оружия, чтобы отпугивать фагов, а по маневренности мы не лучше прудовика. Если там внизу фаги и они хотя бы наполовину такие голодные, как описал их капитан Ребка, то у нас возникнут проблемы. Возможно, если только они нас нюхнут, прежде чем начать жевать, у нас появится шанс.

— Нюхнут?..

— Шучу, В.К. Я имею в виду, что лучше нам держаться подальше.

— Но нам не обязательно полагаться только на «Несравненный», чтобы попасть туда, — произнес Джулиус Грейвс. — Можно воспользоваться «Летним сном». Доставил же он других мимо этих фагов, а профессор Лэнг сообщила в своем последнем послании, что оставила его на дистанционном управлении. Мы можем вызвать его сюда и полететь.

— Но что будет с Ребкой, Лэнг и Каллик? — Берди совершенно не нравилось предложение всем вместе лететь на Жемчужину, опасно это или нет. — Вдруг им понадобится корабль, чтобы срочно оттуда удрать.

— У них остается «Все — мое». В случае необходимости они его используют. А мы позаимствуем на несколько часов «Летний сон», и вернем его раньше, чем они узнают об этом. Но «Летнему сну» на полет сюда потребуется некоторое время. Команду надо подавать немедленно. Так что, комиссар, сделайте милость...

На поверхности Жемчужины действительно лежал фаг. Или, точнее, его останки. Ж'мерлия приблизился, насколько требо-

вала необходимость, дабы убедиться, что куча свинцово-серого мусора состоит из правильных пятиугольников. Но никакого присутствия органов, внутренних структур или каких-либо иных элементов, позволяющих судить, тот ли это тип фага, что встречается в остальной части рукава, не наблюдалось.

Считалось, что фаг невозможно разрушить. Этот же выглядел так, словно врезался на большой скорости в поверхность Жемчужины. Вопреки логике фаг не пробил гигантскую дыру в оболочке. На ней не было никаких следов, или они уже исчезли. Из чего же сделана Жемчужина, если осталась без единой царапины после такого удара?

Ж'мерлия поднял к небу свои лимонно-желтые глаза, чтобы посмотреть, нет ли там фагов. Они кружились буквально над его головой. И, насколько он мог судить, с каждым виражом опускались все ниже.

Он побежал рысью, выискивая на поверхности Жемчужины хоть что-то знакомое. Менее чем через пять минут он наткнулся на туго натянутый кабель, протянувшийся от горизонта до горизонта и, двинувшись вдоль него, вскоре увидел «Все — мое». Он поспешил к кораблю, надеясь найти там Каллик или пропавших людей, но быстрый осмотр показал, что каюты пусты; записка от Каллик подтверждала это. Поодаль, метрах в сорока, стояло оборудование, частично утонувшее в гладкой серой поверхности Жемчужины. Четыре туго натянутых кабеля, расходившихся под прямыми углами, очевидно, поддерживали какую-то машину.

Ж'мерлия решил, что кабели протянулись вокруг всего планетоида. Не имело смысла идти вдоль них. Он подошел к машине поближе и определил, что перед ним полевой монитор и ингибитор. Если она работала именно так, как предполагала Каллик, то поверхность вокруг нее не должна оказывать сопротивление весу. Ж'мерлия сделал несколько осторожных шагов к тому месту, где кабели исчезали в поверхности Жемчужины. Когда он попробовал опустить в этой точке переднюю конечность на поверхность, она прошла сквозь нее без всякого сопротивления. Гладкое серое вещество оказалось совершенно нематериальным.

Он выпрямился. Другой кабель тянулся от скобы на обшивке «Все — мое» до точки, где он уходил в глубь разжиженной ингибитором поверхности. Кто угодно мог спуститься по этой веревке в неизведанную серую область — или же, что более желательно, подняться оттуда на поверхность Жемчужины.

Ж'мерлия вернулся на корабль и провел более тщательное обследование. Все оборудование находилось в рабочем состоянии. Затратив час или два на знакомство с пультом управления, он сможет улететь в любую точку рукава.

Эта идея становилась все более соблазнительной. Каждые несколько минут он слышал, как над кораблем со свистом проносятся фаги. Что-то буквально сводило их с ума — возможно, присутствие пришельцев на поверхности Жемчужины. Место уже становилось небезопасным: словно подтверждая опасения Ж'мерлии, метрах в ста над «Все — мое» пролетел фаг с открытой пастью.

Рано или поздно какой-нибудь перевозбужденный фаг врежется в него или в корабль. Нужно убираться с поверхности планетоида, иначе скоро от него вообще не будет никакого прока.

Ж'мерлия ощущал усиливающееся недовольство собственными действиями. Он прибыл на Жемчужину, слабо представляя, как спасать Ребку, Лэнг и Каллик, а возможно, и Атвар Х'сиал с Луисом Нендой, но и здесь не придумал, что же делать дальше. Он не обладал предприимчивостью и решительностью Каллик. Последовать за ней внутрь Жемчужины казалось совершенно неподходящей идеей. С другой стороны, оставаться на поверхности с каждой минутой становилось все опаснее.

Ж'мерлия сидел в кабине «Все — мое» и дрожал от возбуждения.

Довольно с него этой свободы думать самому; кто ему нужен, так это хозяин, чтобы давать указания.

Ему лично дали приказ оставаться на Дрейфусе-27, а он его не выполнил. Он не хотел возвращаться на Дрейфус-27 — слишком далеко от Жемчужины — но возможен хороший компромисс. Он отлетит на «Летнем сне» от фагов на безопасное расстояние, но не слишком далеко, чтобы следить за происходящим на поверхности планетоида. Тогда, если Каллик или кто-нибудь еще появится, Ж'мерлия в считанные минуты посадит корабль, чтобы взять их на борт.

Хорошим это решение назвать было нельзя, но оно представлялось ему достаточно разумным. Он поколебался еще несколько минут, пока фаг не просвистел столь близко, что чуть не схватил его. «Летний сон» находился в двух минутах быстрого бега. Ж'мерлия закрыл кабину «Все — мое» и поспешил на другой корабль.

Ему оставалось до него менее ста метров, когда тот плавно стартовал с поверхности Жемчужины и на глазах изумленного лотфианина с максимальным ускорением исчез в мерцающей пустоте над его головой.

ГЛАВА 13

Жемчужина, наблюдаемая с большого расстояния на фоне нависающей громады Гаргантюа, казалась мелкой букашкой. Без сигнала маяка «Все — мое» планетоид, затерянный среди более крупных фрагментов, вряд ли удалось бы обнаружить.

Но если посмотреть на нее изнутри...

Полы, нависающие стены и куполообразные потолки нижних уровней состояли из широких жестких обручей, соединенных между собой и слабо фосфоресцирующих. Это походило на прогулку по извилистому пищеводу громадного инопланетного животного. Некоторые из секций заполняли сетки и кабели, наподобие тех, что встречались на верхних уровнях; другие пустовали; в некоторых местах в беспорядке валялись части какой-то аппаратуры.

Пока Ханс Ребка прокладывал путь все глубже и глубже вдоль бесконечных коридоров, Дари что-то бормотала под нос.

— Что-что? — спросил он через плечо, когда ее бормотание зазвучало громче обычного.

— Высчитываю. Плохо дело. Радиус Жемчужины один и шестнадцать сотых километра. Каждый из внутренних уровней имеет высоту пятьдесят метров, что означает двадцать квадратных километров поверхности пола. Сколько же времени нам понадобится, чтобы все их осмотреть?

— Об этом не беспокойся. Прежде мы умрем от голода. — У Ребки тоже, видимо, подвело живот, но держался он вызывающе весело. Страдания или даже упоминание о них отнюдь не наполняли Дари бодростью. Они приводили ее в дурное настроение. На Вратах Стражника она за двадцать лет ни разу не пропустила приема пищи.

— Похоже, ничего полезного мы пока не обнаружили. Куда ты собрался нас завести?

Ханс не отвечал. Несмотря на свое брюзжание, Дари ежеминутно останавливалась, чтобы получше рассмотреть встретившуюся новую конструкцию. Любой предмет на Жемчужине был продуктом технологии Строителей и очаровывал ее с первого взгляда. Некоторые из них она узнавала — те, что встречались на остальных 1236 известных артефактах Строителей, разбросанных по рукаву, но огромное большинство было абсолютно неизвестно, и ей хотелось их разглядеть. Ребка с трудом отрывал ее от этого занятия, каждый раз напоминая, что прежде всего им необходимо найти центр управления Жемчужиной. Поскольку планетоид имеет искусственное происхождение и пригоден для обитания, что-то должно поддерживать его в рабочем состоянии.

Ребка не упоминал вслух о мучивших его опасениях. По мере того как они спускались все ближе к центру Жемчужины, гравитация неуклонно возрастала. Сейчас она была близка к двум «же». Очевидно, где-то у них под ногами находился мощный источник поля. Пока они могли передвигаться без особого труда, но что делать, если будет возрастать и дальше? Никто не знал, какое гравитационное поле Строители считали нормальным.

По кривизне пола он установил, что они находились примерно в шестистах метрах от центра Жемчужины. На встречающихся развилках он всегда выбирал путь вниз. Вера в то, что наиболее важные области планетоида должны располагаться ближе к центру, чем к поверхности, основывалась исключительно на инстинкте. Если он ошибается, то обрекает на гибель их обоих.

Несмотря ни на что, происходящее приводило Ребку в восторг. Ради этого стоило жить. Исследовать места, которых прежде ни один человек не видел, да еще с интересным компаньоном — что еще нужно? Разве немного пищи.

— Мне кажется, мы до чего-то добрались, — произнес он. — Свет впереди меняется. Он тускнеет.

Ответное урчание за спиной Ребки прозвучало скептически. «Интересно, — подумал он, — не в желудке ли это у Дари». По мере того как освещение ослабевало, он ступал вперед с большей осторожностью. Очень скоро он уже ничего не видел впереди, но инстинктивно чувствовал, что их ждет что-то новенькое.

— Оставайся здесь. — Он приглушил голос до тихого шепота. — Не знаю, что там дальше, но, прежде чем включать

свет, я хочу пройти еще немного. — Даже эти едва слышные слова прозвучали странно, с гулким эхом.

Он встал на четвереньки и ощупью двинулся вперед. Через пять метров его левая рука провалилась в пустоту. Он поводит рукой перед собой. Пустота. Тоннель кончался провалом. Света не было ни внизу, ни с одной из сторон. Он отполз обратно к Дари и прошептал ей на ухо:

— Придется воспользоваться твоим фонариком. Свети вперед. Будь осторожна — сначала посмотри на пол, потом медленно поднимай луч. — Ханс осторожно пропустил ее на шаг вперед. — Осторожнее! Впереди ничего нет.

Дари кивнула, невидимая в темноте. Луч света уперся в пол у нее под ногами, затем скользнул за находившийся перед ними выступ. Поднявшись, он слабо отразился от дальней стены. Дари слегка подалась вперед, чтобы осветить вниз. Еще шаг, и она заступила бы за край.

Уступ, на котором она стояла, делил пополам стену большой камеры, резко уходящей вниз метров на двадцать; там она заглялась по краям, образуя вогнутый и абсолютно пустой пол.

Дари отступила на шаг. В таком гравитационном поле любое падение привело бы к смертельному исходу. Она осветила выше. Над ними нависал сводчатый потолок, окончательно придававший камере сферическую форму. Куполообразный свод не имел никаких деталей, светильников или опорных конструкций. В поперечнике камера достигала, по крайней мере, шестидесяти метров.

— Там что-то есть. — Ханс прошептал эти слова, но по камере раскатилось эхо, долго не желая затихать: «Есть... есть... есть... есть...» — Точно в середине. Свети туда.

Дари направила луч фонаря прямо перед собой. В середине камеры без всякой поддержки висела в пустоте серебристая сфера примерно десяти метров в диаметре. Дари тут же подумала о шаре, поднявшемся из разверзшихся недр Тектона во время Летнего Прилива, но этот был в сотни раз меньше.

И проявлял гораздо большую активность. Он висел неподвижно, но едва луч коснулся его, поверхность шара пришла в движение — словно по капле ртути побежала рябь. Волны становились все больше и устойчивей. Шар изменял форму, вытягиваясь.

— Есть... есть... есть... есть... — Глубокий и древний, как море, скрипучий голос наполнил камеру. — Есть... есть... есть... есть. Центр... центр... центр... центр.

Дари была поражена настолько, что едва не выронила фонарик. Сфера превратилась в неправильной формы эллипсоид. Из его вершины показался серебряный побег и, медленно распустившись в пятилепестковый цветок, повернулся к Дари и Хансу. Из передней стороны шара выступили пятиугольные лепестки, потянувшиеся к лучу фонарика. Вниз опустился длинный тонкий хвост, достигший пола. За три минуты безликий шар превратился в рогатое и хвостатое животное дьявольского вида, с похожей на цветок головой, выскивающей источник вторжения.

Из отверстия в теле демона исходил мерцающий зеленый свет, освещавший Ханса и Дари. По внутреннему пространству огромной камеры побежали блики. Дари выключила фонарь.

— Человеческая форма... человеческая... человеческая. Слишком скоро... скоро... скоро... — Усталый голос эхом разносился вокруг. — Кто... кто... кто... кто...

Ханс и Дари посмотрели друг на друга. Ребка пожал плечами:

— Что мы теряем? — Он повернулся к шару и заговорил нормальным голосом: — Ты меня понимаешь? Мы люди. Нас затянуло в планетоид помимо нашей воли. Мы не знаем, как выбраться отсюда.

Голова-цветок закивала в их сторону. Пока тело покачивалось вверх-вниз, свет внутри него менял оттенки и интенсивность.

— Неправильно, — сказала Дари. — Вряд ли он понял хоть слово. — Но пока она говорила, голос зазвучал вновь:

— Затянуло... затянуло. Да, мы понимаем людей... людей... людей... Вас затянуло внутрь, чтобы вы были... другими, если другие понадобятся... возможно, вы не понадобится. Вам надо было оставаться там... возле поверхности... не приходите сюда...

Дари подошла ближе к краю.

— Кто ты? Откуда ты пришел? Что это за место?

— Задавай по одному вопросу, — тихо произнес Ребка, — иначе он не поймет, о чем ты спрашиваешь.

Но призрачная фигура, висевшая перед ними, опять заговорила, причем все более и более бегло.

— Я Тот-Кто-Ждет... Тот, кто ждал в сердце двойного мира, в Зоне Соединения... Я пришел из сердца того мира, когда он открылся по сигналу...

— Из Тектона, — сказала Дари. — Во время Летнего Прилива! Он, должно быть, прилетел в большом серебряном шаре, который захватил «Все — мое».

...Которого я так долго ждал. В человеческом временном измерении это одна сороковая оборота галактики. Я ждал...

— Шесть миллионов лет! Ты Строитель?

— Не перебивай, Дари. Дай ему договорить!

...Ждал очень долго, когда наступит Событие. Я не Строитель, а только слуга Строителей. Я Тот-Кто-Ждет. Кто ищет Строителей?

— Я ищу! — Дари приблизилась к краю уступа. — Всю свою жизнь, с детских лет, я изучала Строителей, пытаюсь узнать о них больше. Строители — дело всей моей жизни.

— Строителей здесь нет. Те, что летают снаружи, — не настоящие Строители. Это — Зона Соединения... место испытания, где мы ждем вопроса, на который нужно дать ответ. Ждем.

Зеленый свет померк, и камера опять погрузилась в темноту. Дари топталась на самом краю провала, пока Ханс Ребка не оттащил ее на менее опасное место.

Ее трясло от возбуждения, но ни капли нервозности она не ощущала.

— Ты слышал это, Ханс? Зона Соединения! Строителей здесь нет, но к ним есть доступ из Жемчужины. Я знала это! К ним можно попасть отсюда!

— А может, и нельзя. Дари, успокойся. — Ребка вновь обнял ее, притянул к себе и зашептал на ухо: — Ты слышишь меня? Остынь и подумай, прежде чем делать выводы. Ты всего две минуты находилась в контакте с чем-то имеющим, по его утверждению, возраст шесть миллионов лет, и готова принять его слова за чистую монету. Почему ты считаешь, будто понимаешь их значение или что оно понимает тебя? Многое из того, что оно говорит, не имеет смысла: «Те, что летают снаружи, — не настоящие Строители». Это не информация, это белиберда. Более того, где оно научилось нашему языку? Каким образом оно опознало людей, после того, как просидело в Тектоне шесть миллионов лет? В те давние времена людей просто не было.

Но зеленый свет опять начал пульсировать, освещая их и всю куполообразную камеру.

— Тестирование продолжается. — Ржавый голос зазвучал вновь. — Оно близко к завершению... близко к тому, чтобы удостовериться, что модифицированный тип — настоящий человек и может быть принят. Вам вовсе не обязательно здесь находиться...

— Тогда верни нас на поверхность, — сказал Ребка.

— Нет! — Дари встала перед ним. — Ханс, если мы сейчас уйдем, мы, возможно, никогда больше сюда не попадем. Здесь еще столько всего можно узнать о Строителях! Нельзя упустить эту возможность.

— Вы ищите Строителей, — продолжил скрипучий голос, как только люди перестали говорить. — Я не Строитель и не могу гарантировать результат. Но если вы решили встретиться со Строителями...

— Решили!

— Тогда идите!

— Нет, Дари, ради бога, подожди минутку! Мы не знаем... Ребка слишком опоздал. Они стояли как раз на краю тоннеля, когда уступ вдруг испарился.

Свободное падение!

Ребка посмотрел вниз. Они летели с ускорением в несколько «же» вдоль однообразной вертикальной шахты, заканчивавшейся в полукилометре под ними такой кромешной тьмой, что глаза отказывались верить в ее существование.

— Что это? — вскрикнула Дари за спиной Ребки.

— Это гравитационное поле Жемчужины. Неважно, чем оно создано... возможно... — Он не окончил фразу. Если они падают к горизонту событий черной дыры, то очень скоро узнают об этом — узнают, возможно, за миллисекунду до того, как приливные силы разорвут их тела на элементарные частицы.

— Ханс! — снова крикнула Дари.

Оставалось лететь метров двести. По времени это, вероятно, не больше секунды. Но тут из темноты проступила структура, напоминающая черный нефтяной водоворот, завихряющийся и всасывающийся сам в себя. Они падали в самое сердце темной воронки.

Пустой желудок Ребки тоже всасывался сам в себя. Остались доли секунды.

Детство, проведенное на Тойфеле, научило его одной премудрости, стоящей выше всех остальных: из каждой безвыходной ситуации есть выход — если только ты достаточно умен.

Надо лишь хорошенько подумать.

Подумать.

Очевидно, он недостаточно умен. Он все еще искал выход, когда провалился в эту кружащуюся тьму.

ГЛАВА 14

«Летний сон» прибыл в мгновение ока и в рабочем состоянии.

Это — хорошая новость. Плохая же состояла в том, что ему при этом изрядно досталось.

Пять касаний с фагами словно молотом прошли по обшивке «Летнего сна», причем одно из них оказалось столь сильным, что оставило рваный след и пробоину над кабиной. Ремонт не составлял труда, и Берди Келли уже наполовину его закончил. Но важность этих пяти почти-столкновений была не в том, какой ущерб нанесен, а в том, что они свидетельствовали о состоянии фагов. Стивен Грейвс и В.К.Талли следили за взлетом «Летнего сна» и сошлись на том, что выживание маленькой яхты, даже с включенной противометеоритной системой есть в основном вопрос везения. Фаги проявляли небывалую активность на всем пути до поверхности Жемчужины. Вероятность успешной посадки с максимальным ускорением, которое только способны были выдержать люди, не превышала одного процента.

Для ремонта «Летний сон» загнали во вместительный грузовой трюм «Несравненного». Грейвс и Талли парили в наполненном воздухом помещении, разговаривая и разговаривая. «И наблюдая как я работаю», — подумал Берди. Все как обычно. Эти двое гораздо трепать языком, но когда дело доходит до физической работы, они ухитряются целиком свалить ее на него. А еще у них полностью отсутствует чувство опасности. Берди ненавидел работать с героями. Он услышал разговор Стивена и В.К.Талли насчет шансов один к ста и содрогнулся. К счастью, Джулиус Грейвс, смотрел на это более разумно.

— Это абсолютно неприемлемо, — говорил он. — Когда вы со Стивеном в чем-то соглашаетесь, я вынужден прислушаться. Нам нельзя так рисковать.

— Можно мне говорить?

— Мы действительно столкнулись с серьезной проблемой, — продолжил Грейвс, игнорируя вопрос Талли. — Ж'мерлия сидит на Дрейфусе-27. Возможно, глубоко внутри, поскольку на вызов он не отвечает. Здесь ничего не поделаешь. Все остальные — на Жемчужине. Но у нас нет безопасного способа добраться до них. Он сделал паузу. — Ты что-то сказал, В.К.?

— Стивен и я сошлись на проблематичности выживания только в случае прямой посадки «Летнего сна» на Жемчужину. Правда, наши расчеты разошлись в третьей значащей цифре. Но существуют и другие способы. Все зависит от значения вероятности, считающегося «безопасным». Есть, например, метод, позволяющий поднять вероятность удачной посадки «Летнего сна» на поверхность Жемчужины до ноль восьмидесяти четырех.

— То есть пять шансов из шести добраться туда невредимыми? — Джулиус Грейвс так и впился глазами в Талли. — Почему же ты раньше об этом молчал?

— По трем причинам. Во-первых, это пришло мне на ум после обзора аналогичных ситуаций, произошедших в разных местах и в разное время. Их обзор завершился только тридцать секунд назад. Во-вторых, этот метод позволяет совершить безопасную посадку, но шансы на удачный отлет невозможно вычислить без дополнительной информации относительно поверхности Жемчужины. И в-третьих, процедура, возможно, приведет к потере ценного имущества, а именно, «Несравненного».

— Комиссар Келли! — Грейвс повернулся к Берди. — «Несравненный» является собственностью правительства Добеллии. Какова ваша точка зрения как представителя правительства на его возможную потерю?

Берди только закончил латать обшивку «Летнего сна» да еще обжег во время работы палец. Он ухватился за поручень возле Талли, окинул взором трюм «Несравненного» и произнес:

— Эту груду ржавчины и гнили, воняющую какдохлый понкер, следовало отправить на свалку еще пятьдесят лет назад. Если я ее никогда больше не увижу, то буду счастлив.

Талли наморщил лоб, глядя на него:

— Означает ли это, что вы санкционируете возможную потерю «Несравненного»?

— Говоря одним словом, приятель, да.

— Тогда, если мне можно говорить, я расскажу о методе. Информация о нем находится в самых старых разделах банка данных. В давние времена, когда одни человеческие индивидуумы стремились выполнить поставленную задачу, а другие, несущие охрану, пытались помешать им, часто применялся метод, известный под названием «организация диверсии»...

Принципиальное согласие вовсе не гарантирует согласия на практике. В.К. Талли и Стивен Грейвс без усталости спорили о

наилучшем способе. Послать ли «Несравненный» впереди «Летнего сна», чтобы, пролетев по периферии стаи фагов, он увел их от Жемчужины? Или лучше направить старый рудовоз по траектории, заканчивающейся столкновением с Жемчужиной, а «Летний сон» пустить чуть сзади, рассчитывая, что яхту не заметят в присутствии более крупной и соблазнительной добычи, каковой являлся «Несравненный»?

Наконец Талли и Стивен Грейвс сошлись в одном — у них слишком мало данных.

— Поскольку не хватает информации, чтобы сделать разумный выбор, — извиняющимся тоном обратился Талли к Берди Келли, — единственное, что я могу предложить, — это прибегнуть к случайной процедуре.

— Что значит «случайная процедура»? — Берди полез в карман пиджака.

— Случайная процедура заключается в произвольном выборе из набора элементов.

— Что ж, именно так я и думал. — Берди вытащил колоду карт и с видом знатока перетасовал их. Он поднес ее Талли. — Тяни, В.К., любую карту. Выпадет красная, и корабли полетят как можно дальше друг от друга. Черная, и мы пристроимся прямо за выхлопной трубой «Несравненного».

Талли, с большим любопытством наблюдавший за тем, как Берди тасовал колоду, выбрал из колоды карту и перевернул ее.

— Черная. То, что ты делал, трудно разглядеть, но это предназначено для того, чтобы повысить произвольность выбора?

— Пожалуй, так. — Берди кинул на Талли глубокомысленный взгляд. — Ты когда-нибудь играл в картишки?

— Никогда.

— Если мы выберемся отсюда живыми, почему бы мне не научить тебя?

— Спасибо. Это очень любопытно.

— И не волнуйся. — Берди похлопал Талли по плечу. — Больших ставок мы делать не будем. Поначалу.

— Это могли быть и мы. — Джулиус Грейвс смотрел прямо вверх. — Не слишком приятная мысль.

В конце концов они решили, что, поскольку «Летнему сну» потребуется время и место для маневра при посадке на Жемчужину, «Несравненному» не следует лететь до самой поверхности; его запрограммировали на снижение лишь до десяти ки-

лометров, чтобы он затем ушел от планетоида, уводя за собой, если посчастливится, стаю атакующих фагов.

В момент последнего торможения «Летнего сна» «Несравненный» скрылся за северным горизонтом Жемчужины. Старый корабль очутился в самом центре плотной тучи неистовствующих фагов. Он уже выдержал дюжину прямых ударов. Двигатель еще дышал, но пасти фагов вырывали громадные куски из тела рудовоза. Около двадцати фагов вцепились в «Несравненного», как собаки, терзающие старого быка.

— Они вернуться, — продолжил Джулиус Грейвс. — С такой прытью они разорвут рудовоз в клочья за полчаса. У фагов не происходит насыщения или потери аппетита, независимо от количества поглощенного.

Берди Келли выбрал траекторию снижения таким образом, чтобы сесть не далее пятидесяти метров от «Все — мое», со стороны, наиболее удаленной от ингибитора поля, установленного Каллик. У них не было времени изучить эту установку при посадке, а если бы обходной маневр, предпринятый «Летним сном» с целью уклонения от взбесившихся фагов, не увенчался бы успехом, то такой возможности и не представилось бы. Им следовало сейчас как можно скорее приблизиться к ингибитору и решить что делать, пока не вернулись фаги.

Оба человека и вживленный компьютер перевели скафандры в режим полной непроницаемости. Каллик, Дари Лэнг и Ханс Ребка дышали этим воздухом, но они пропали с поверхности Жемчужины. Их бесследное исчезновение вряд ли являлось следствием воздействия атмосферы Жемчужины, но такая возможность все же сохранялась. Как сказал В.К. Талли, покопавшись в наиболее древнем разделе своего банка данных: «Разумно рисковать, сэр, вовсе не значит действовать опометчиво».

Пока Грейвс и Талли изучали ингибитор поля, Берди произвел краткий осмотр «Все — мое». Первым делом он посетил пилотскую кабину. Корабль был абсолютно невредим и мог взлететь в считанные секунды после получения команды. У Берди потеплело на душе. Он похлопал по пульту управления и поспешил наружу.

Он ожидал, что увидит поверхность Жемчужины, усеянную разбившимися фагами, но в пределах видимости валялись искореженные останки всего двух. Возможно, у них пропадет интерес в отсутствие органических форм? Эта свежая мысль,

тем не менее, не вызывала восторга у представителя органического мира.

Берди проследовал вдоль кабеля туда, где стояли Грейвс и В.К. Талли. Талли, держа кабель рукой возле того места, где он исчезал в серой поверхности, с силой тянул его на себя. Когда Берди приблизился, он отпустил кабель и погрузил руку в свинцово-серую поверхность.

— Смотрите, — сказал он. — Ингибитор все еще работает с почти стопроцентной нейтрализацией поля. Поверхность оказывает моей руке пренебрежимо малое сопротивление, поэтому я полагаю, что в данной точке она находится в газообразном состоянии. Но сам кабель оказывает вполне нормальное сопротивление всем попыткам вытащить его. Напрашивается вывод, что дальний его конец внутри Жемчужины зафиксирован.

— Другими словами, — произнес Грейвс, — он к чему-то привязан.

Теперь, подойдя ближе, Берди увидел, что поверхность вокруг ингибитора поля имеет странноватый вид. А ножки ингибитора не стояли на Жемчужине, а утопали в серой дымке.

— Итак, кто первый? — спросил Грейвс.

— Первый для чего? — Берди знал ответ на свой вопрос до того, как его задал. Одна только вещь лишала смысла прилет сюда и проход сквозь строй агрессивных фагов — это дальнейшее сидение здесь в ожидании, когда те же самые фаги вернуться и свалятся им на голову. Оставался единственный путь — спускаться в серую жуть.

Талли без лишних слов взялся за кабель.

— Если я не смогу переслать вам сообщение по рации скафандра, — спокойно сказал он, — то, достигнув точки, куда мог бы спуститься следующий, дерну кабель вот таким образом. — Он пустил по кабелю волну. — Ждите, когда кабель затрясется.

Он прыгнул в серый туман и, зажав кабель в ладонях, заскользил вниз. Тело его беспрепятственно погрузилось в поверхность Жемчужины. Когда снаружи осталась только его голова, он притормозил.

— Я вдруг осознал, что мои слова могут создать в будущем некую неопределенность, провоцирующую на неадекватные действия; например, при отсутствии у меня возможности дернуть кабель так, как я показал. Тогда, если через, скажем, тысячу секунд сигнал не поступит, имейте эту неопределенность в виду.

— Не забивай себе голову, — сказал Берди. — Мы учтем это.

— Это хорошо. — В.К. Талли скрылся из виду. Секундой позже его голова вновь возникла из серого тумана. — Могу я спросить, каковы будут ваши действия, если в течение тысячи секунд я не подам сигнала?

Берди перевел взгляд на горизонт. «Несравненный» пропал: либо был растерзан окончательно, либо улетел слишком далеко. В том же направлении виднелось облачко блестящих точек. Вероятно, это те же фаги, почуявшие движение на поверхности Жемчужины и возвращающиеся, чтобы напасть на них.

Кроме стоявших здесь людей фагов ничто больше не интересовало. Они хотели напасть на людей. На него.

— Не знаю я, какое действие мы предпримем, В.К., — произнес Берди. — Но не удивляйся, если это произойдет до того, как ты отсчитаешь свою тысячу секунд.

Через десять метров кабель вышел из серой мглы, оказавшись в новом сферическом пространстве с таким же серым полом и светившимся холодным оранжевым светом потолком.

Берди вцепился в кабель и устремился вниз.

Долгий спуск, ужасно долгий для человека, выросшего на планете, где здания имели не больше нескольких этажей; вдобавок, внизу не было никаких признаков В.К. Талли. Кабель тянулся дальше, сквозь следующий пол.

Берди слегка расслабил ладони и колени, продолжая свой спуск.

Когда он достиг следующего пола, через который проходил кабель, оказалось, что он столь же проницаем, как и первый. Ингибитор поля был сфокусирован вниз и, насколько понимал Берди, видимо, пронизывал всю Жемчужину насквозь. Он расслабился, позволив себе скользнуть вниз. Где-то наверху Джулиус Грейвс ожидал его сигнала, как прежде они вместе ждали сигнала от В.К. Талли. Но сейчас, болтаясь в воздухе, Берди понимал, что давать его еще рано.

Серый туман заполнил его нос и рот, проникнув сквозь абсолютно герметичный скафандр, словно того и вовсе не существовало. Легкий газ, без вкуса и запаха совершенно не мешал дыханию. Еще через десять метров Берди вынырнул из облака и вновь стал приближаться к покатой поверхности.

Этот уровень выглядел уже более обнадеживающим. Здесь виднелись конструкции, перегородки и сети, делящие простран-

ство на гигантские, невероятной конфигурации комнаты. Берди, спускавшийся в одну из самых больших открытых зон, разжал перекрещенные вокруг кабеля ноги, отпустил руки и пролетел последние несколько метров. Сила тяжести оказалась выше предполагаемой. Он не удержался на ногах и шлепнулся на пол. Прежде чем встать, он быстро огляделся.

Скучные серые стены. Прямо под боком мешанина из секток и ни к чему не присоединенных проводов. Он сидел на куске какого-то прозрачного сетчатого материала, достаточно пружинистого, чтобы из него можно было сделать кровать. Кабель, по которому он спустился, уходил вправо, в направлении наклонного спуска, представляющего собой часть ярко освещенного тоннеля.

Проводив его взглядом, он замер, вытаращив глаза. Там, возле начала уходящего вниз тоннеля, стоял В.К. Талли. Рядом с ним, вывернув наружу все свои восемь ног, сидел Ж'мерлия.

Берди кряхтя поднялся. Все ведь думали, что лотфианин находится на Дрейфусе-27, в сотнях тысяч километров отсюда. Что он здесь делает?

Берди дернул за конец кабеля, который он держал в руках, чтобы просигнализировать о безопасном спуске Грейвсу, и поспешил к поджидающей его парочке.

— Насчет сигнала ты был прав, В.К., — сказал он. — Уверен, ты пытался что-нибудь передать через рацию скафандра, но мы ничего не получали.

— И я от вас. Поверхность абсолютно непроницаема для электромагнитных сигналов, хотя без труда пропускает сквозь себя материальные объекты, В.К. Талли жестом указал на Ж'мерлию. — Нет необходимости представлять вас друг другу, комиссар Келли. А мы уже познакомились. Хотя мы с Ж'мерлией никогда не встречались, я узнал его по описанию, хранящемуся в моей памяти.

— Очень может быть, но он-то что здесь делает? Почему ты не на Дрейфусе-27, Ж'мерлия, как сообщил в послании капитан Ребка?

— Прошу прощения за это. Я прилетел на Жемчужину, чтобы искать хозяев — Атвар Х'сиал и Луиса Ненду, а также хайменоптку Каллик. Но когда я очутился на поверхности, мне пришлось скрыться внутри, чтобы спастись от фагов. Корабль, на котором я прилетел, «Летний сон», стартовал с поверхности Жемчужины, оставив меня совершенно беспомощным.

— Извини, Ж'мерлия, это наших рук дело: он понадобился нам, чтобы спуститься сюда. Но ты, похоже, слишком много на себя взял, занявшись поисками Ненды, Х'сиал и Каллик, не так ли? Сейчас никто не представляет, где они находятся. Лучше бы тебе оставаться на Дрейфусе, подальше от неприятностей. Здешние фаги — дрянь.

— Примите мои извинения, комиссар Келли. Фаги действительно на редкость агрессивны. С моей стороны было неразумно прилететь сюда, но у меня есть хорошие новости. Я знаю, где сейчас господа! И хайменоптка Каллик. Они все вместе, в одной из камер неподалеку от центра Жемчужины.

— Не могу в это поверить. — Берди повернулся к Талли. — Неужели Ж'мерлия говорит правду?

— Прямых доказательств его утверждения у меня нет, но если вы рассмотрите косвенные, то в соответствии с информацией из центральных банков данных относительно разумных существ, доминирующих в рукаве, наиболее лживыми из них являются люди и кекропийцы. Всем остальным, включая Ж'мерлию и Каллик, до них далеко.

— С моим уважением, комиссар Келли, вы сами можете убедиться, что я говорю правду. Для этого нужно сделать то же, что сделал я: пройти дальше вдоль кабеля. Он вел меня от самой поверхности до места, где находятся хозяева и Каллик.

— Что, разумеется, будет прямым доказательством. — В.К.Талли сделал знак Берди. — Идите с Ж'мерлией, комиссар. Когда Джулиус Грейвс присоединится ко мне, мы последуем за вами. Кабель является прекрасным указателем, которым можно руководствоваться.

В следующий момент Берди уже несясь вслед за Ж'мерлией вниз по извилистому, разделенному на секции тоннелю. Время от времени тоннель разветвлялся, демонстрируя боковые ходы, освещенные настолько тускло, что невозможно было разглядеть стены, но Ж'мерлия не выпускал тонкий кабель, куда бы он ни вел. Берди бежал вслед за ним, положив руку на спину лотфианина. И внезапно они оказались в огромной куполообразной комнате. Берди был потрясен.

Вогнутый к центру пол был разделен на концентрические кольца интенсивной окраски. Блики от сверкающего потолка слепили глаза. Из линий раздела выходили почти невидимые полусферы, сходящиеся над центром комнаты. Кабель вел напрямиком к центру комнаты, вытянутый как спица в колесе.

На полпути он заканчивался. Там на полу, на границе фиолетового и красного колец, лежала, свернувшись в клубок, Каллик. Двумя передними лапами она сжимала катушку с кабелем, а остальные прижала к телу.

Дальше, за безжизненным телом Каллик... Центральный круг был голубым — монохромно-голубым. В его центре располагался помост того же цвета с дюжиной прозрачных кресел. В двух из них сидели Луис Ненда и Атвар Х'сиал.

Берди двинулся вперед, но его остановил Ж'мерлия, крепко ухватив за рукав.

— При всем моем уважении, комиссар, идти дальше неразумно.

— Почему же? Они явно не мертвы, а только без сознания, хотя, возможно, в очень плохом состоянии. Нам нужно вытащить их оттуда и оказать помощь.

— Совершенно верно. Моя первая реакция была такой же — пройти вперед и спасти хозяев. Но потом я подумал, что хайменоптка Каллик наверняка действовала из тех же побуждений. Она увидела хозяев, бросилась к ним — и не дошла до них. Затем, я также понял, что самый худший способ помочь моим хозяевам — это самому, как они, потерять сознание. Для безопасности я вернулся во вторую внешнюю камеру. Я еще не успел выработать план безопасных действий, когда появился человек В.К. Талли.

— Талли не человек. Талли — это вживленный компьютер. — В подробности Берди вдаваться не стал. Его голова была слишком занята другими вещами, услышанными от Ж'мерлии.

— Почему же ты не взялся за кабель и не выволок за него Каллик? — продолжил он. — Весит она совсем немного.

— Я не смог, комиссар. Попробуйте сами, если хотите.

Берди поднял кабель и потянул изо всех сил. Каллик не сдвинулась ни на миллиметр, а часть кабеля, пролежавшая в зоне колец, даже не оторвалась от пола. Она лежала, словно приваренная к полу либо удерживаемая каким-то полем. Когда появились В.К. Талли и Джулиус Грейвс, Берди еще дергал за кабель и ругался.

Пять минут ушло на вопросы, предложения и контрпредложения. В конце концов никто не смог придумать что-либо более путное, чем первоначальное предложение Ж'мерлии: войти в зону и попытаться вытащить Каллик. Если это по каким-либо причинам лотфианину не удастся, другие, находясь рядом, помогут ему. Он обяжется веревкой, поэтому, если он потеряет сознание, его можно будет вытянуть.

— Что в случае с Каллик сделать не удалось, — заметил Берди. — Но ничего лучшего нам все равно на ум не пришло.

Они молча наблюдали, как Ж'мерлия с остановками продвигался вперед, минуя желтое, зеленое и половину фиолетового кольца. В этой точке он, казалось, заколебался. Тоненькая головка стала разворачиваться, а лимонно-желтые глаза на коротких ножках мечтательно заходили туда-сюда.

— Ж'мерлия! — как можно громче крикнул Грейвс. Лотфианин недоуменно огляделся по сторонам. Он накренился и начал оседать.

— Достаточно! — Грейвс уже тянул за кабель. — Доставайте его скорее, пока он еще стоит на ногах.

Шатаясь, Ж'мерлия побрел назад. На краю зеленого кольца он вдруг выпрямился во весь рост и начал озираться, но тем не менее шел туда, куда его тянули. На краю желтого кольца он опустился на живот.

— Что случилось? — спросил Талли. — Ты нормально шел и вдруг остановился.

— Я не помню. — Ж'мерлия встал на все свои конечности и развернул глазоножки, глядя обратно в круг. — Я шел к центру. Ровно, без препятствий. И вдруг, сразу, я обнаружил, что иду обратно, лицом в другую сторону, и что меня тянут.

— Лотос-поле. — Грейвс закивал головой. — Раз уж Дари Лэнг определила, что Жемчужина — артефакт Строителей, нам следовало быть готовым к встрече с ним. Это поле есть на многих артефактах. Самое знаменитое окружает и защищает Парадокс. Но Ж'мерлии повезло — на него воздействовала только периферийная часть поля. Стерлись лишь самые последние воспоминания.

— Чего, возможно, нельзя сказать о Каллик, — произнес В.К. Талли. — И еще в меньшей степени о Луисе Ненде и Атвар Х'сиал. На Парадоксе лотос-поле стирает всю память целиком.

— У людей, — сказал Ж'мерлия, — и у хайменоптов, и у лотфиан. Но как насчет машин? Или компьютеров?

Остальные повернулись и посмотрели на В.К.Талли. Он кивнул.

— В соответствии с имеющимися данными на Парадоксе происходит стирание любой памяти — как у органиков, так и у неоргаников. Однако, — он нагнулся, чтобы снять кабель с пояса Ж'мерлии и обвязать его вокруг себя, — здесь не Пара-

докс. Лотос-поле может оказаться другим. Требуется эксперимент.

Они молча наблюдали, как он осторожно пересек границу желтого кольца, потом пятиметровый промежуток до зеленого. На середине зеленого кольца он остановился и оглянулся.

— Ощущаю какие-то помехи в цепях. — Его голос звучал спокойно. — Не слишком сильные, чтобы нарушить функции или мешать продвижению вперед. Иду дальше.

Он тронулся вперед, спускаясь по вогнутому полу. Не доходя пяти шагов до места, где повело Ж'мерлию, он остановился вновь.

— Я должен вернуться. — Голос его звучал тихо и с остановками. — Я не могу долее сохранять информацию. Она разрушается как в оперативных, так и в долговременных файлах... Отмечаю потерю четырнадцати тысяч секторов за прошедшие три секунды. — Он развернулся и сделал один неуверенный шаг прочь от центра. Затем, казалось, окоченел.

— Пропало еще двадцать две тысячи секторов, — сказал он мечтательным голосом. — Скорость потерь нарастает.

— Достаточно. — Грейвс потянул за кабель, и Талли, качаясь и спотыкаясь, направился к краю комнаты. Остановившись, он осмотрелся и махнул рукой бросившемуся к нему на помощь Берди Келли.

— Не стоит беспокоиться, комиссар Келли. Я потерял часть информации — только последние записи, но я все еще полностью функционален. Большую часть моей памяти разрушение не затронуло.

— Тем не менее на главный вопрос мы ответ получили, — сказал Грейвс. — Поле действует одинаково как на органическую, так и на неорганическую память. Поэтому мы никого достать оттуда не сможем — вообще никого.

— Мы должны. — Ж'мерлия поднялся и сделал движение, словно собираясь побежать обратно к центру зала. — Там же хозяева! Там Каллик! Мы не можем их просто так бросить.

— Прости, Ж'мерлия. — Грейвс встал между лотфианином и молчаливыми телами в середине комнаты. — Если бы мы могли сделать что-то, чтобы помочь Каллик и остальным, мы бы сделали, даже несмотря на то, что Атвар Х'сиал и Луис Ненда пытались убить нас на Тектоне. Однако это невозможно.

— Это утверждение правдоподобно, но окончательно не доказано. — До этого В.К. Талли стоял неподвижно. Теперь же

он поднял руки, чтобы прикоснуться ими к своей голове с двух сторон. — Я хотел бы это обсудить. Когда я проходил начальное обучение, то перед отправкой на Добеллию у меня возникли проблемы с калибровкой. Для необходимой настройки мой мозг вынули.

Талли не обратил никакого внимания на открывшего рот от страха и изумления Берди Келли. Он тщательно ощупывал собственные виски.

— Тогда я предупредил техников, что мое вживленное устройство рассчитано на непрерывный сенсорный ввод. Они использовали нервный жгут, соединив мозг с позвоночным столбом. На несколько секунд я потерял сенсорные ощущения и возможность управлять телом, пока они осуществляли подсоединение, но никаких побочных эффектов это не вызвало. Теперь мои наблюдения подсказывают мне, что из всех нас самый сильный и проворный это Ж'мерлия. Если бы ему удалось взобраться вверх по кабелю до поверхности, войти во «Все — мое» и вернуться с длинным многожильным нервным жгутом...

Берди Келли за всю жизнь не доводилось видеть ничего более омерзительного.

В.К.Талли лег на бок на слегка покатый пол и закрыл глаза. Рядом находилась бухта многожильного жгута. Под его голову подложили свернутое одеяло, принесенное со «Все — мое», а сам он давал тихие указания Джулиусу Грейвсу и Ж'мерлии.

— Череп, конечно, состоит из настоящей кости, и кожа тоже естественная. Но для удобства доступа в задней части кровеносные сосуды оканчиваются в сантиметре над ушами. Снабжение кровью верхней части черепа осуществляется через лобные вены и артерии. Крышка черепа спереди укреплена на шарнирах, а сзади ее удерживают защелки. Откинув волосы, вы увидите щель. Приподнимите кожу на затылке; расположенные под ней защелки помечены на кости голубым цветом.

Грейвс ввел тонкий шпатель в прорезь, расположенную на несколько дюймов выше редкой границы волосяного покрова В.К. Талли. Оттянув кожу вверх, он обнажил белую кость. На гладкой поверхности черепа имелись три голубые точки.

— Я вижу их. Должно быть, три?

— Верно. Очень хорошо. Если их все нажать одновременно, защелки откроются. Вы сможете поднять крышку, вращающуюся на лобных шарнирах. Кожа, вены и артерии растя-

нутя, но не порвутся, перегнувшись через линию шарнира. — Пока Джулиус Грейвс колебался, Талли продолжил: — Не берите во внимание мои чувства. Естественно, сигналы тревоги, воспринимаемые вами, как боль, в моем случае модифицированы. Я не испытываю ничего, определяемого вами как неприятные ощущения.

Грейвс кивнул и, в то время как Ж'мерлия удерживал шпатель отвернутую кожу, подsunул под нее пальцы и нажал на маркированные точки. Раздался щелчок. Тыльная часть черепа подалась вверх на несколько миллиметров, образовав узкий темный зазор.

— Придумано не совсем удачно, — произнес Грейвс. — Разве не может он открыться случайно?

— Нет, пока я функционирую. Я должен либо помогать, либо препятствовать попыткам изменения моих внутренних состояний, прежде чем защелка откроется. Теперь беритесь за волосы на макушке и поднимайте верхнюю черепную крышку, вращая ее вокруг лобного шарнира.

Грейвс аккуратно выполнил это указание, и черепная крышка задралась вверх. Берди увидел внутреннюю часть этого полушария с запутанной сетью кровеносных сосудов. Под ним находился серый овальный предмет, сидевший в черепной выемке плотно, как яйцо в ячейке.

— Очень хорошо. — Талли оставался совершенно неподвижным. — Сейчас вы видите то, что в человеческом мозге называют защитными мозговыми оболочками. В моем случае они, разумеется, искусственные. Я был вживлен с собственным независимым источником энергии, поэтому кроме интерфейса тело/мозг мне ничего не требуется. Вы увидите нейронный интерфейс, когда вынете меня из черепной коробки. Приподнимите меня сначала на несколько сантиметров, а потом продолжайте с осторожностью. Преждевременное отсоединение крайне нежелательно. Сильный рывок может повредить разъемы.

Грейвс залез в череп Талли и осторожно вытащил оттуда предмет почти шарообразной формы, поместившийся в ладонях. За серым яйцом потянулся заканчивающийся разъемом короткий кабель. Он соединял нижнюю часть вживленного компьютера и двигательные центры тела В.К. Талли, располагавшиеся у самого конца позвоночного столба. Из разъема на руки Грейвса пролилось несколько капель прозрачной жидкости.

— Теперь все, — продолжил Талли. — Следующий этап прост, но я не смогу руководить вашими действиями. Комиссар Келли, вы и Ж'мерлия должны принять меры, чтобы мое тело не двигалось, — возможны произвольные мускульные сокращения. Советник Грейвс, вам надо разомкнуть разъем между мной и моим телом, а потом восстановить его, подключив меня к нему через многожильный нервный жгут. Сделайте это как можно быстрее, соблюдая осторожность, но не беспокойтесь, если это займет минуту или две. Двигательные центры этого тела позволят ему нормально функционировать все время моего отсутствия. Не бойтесь также дотрагиваться до внутренней части черепной коробки. Это тело хорошо защищено от инфекции. Как только будете готовы — начинайте.

Грейвс кивнул. Когда он запустил руку внутрь и осторожно разъединил тело и вживленный компьютер раздался еще один щелчок. Конечности В.К. Талли, удерживаемые Берди и Ж'мерлией, дернулись, затем тело ослабло и замерло.

Концы нервного жгута находились рядом. Джулиус Грейвс взял штекер. Промахнувшись с первого раза, через несколько секунд он все же вставил его в гнездо двигательного центра.

— Половина работы сделана, — он громко дышал открытым ртом, — но второй разъем никак не хочет входить. Продолжайте его держать.

Пальцы Грейвса были липкими от спинномозговой жидкости, и ему никак не удавалось вставить разъем нервного жгута в переходный узел компьютерного мозга.

— Подержите-ка его. — Берди Келли, вытерев руки о штаны, взял из рук Грейвса мозг и разъем и одним движением вставил вилку разъема, соединив многочисленные контактные группы.

— Полегче! — произнес Грейвс, но тело В.К. Талли уже принимало сидячее положение, высвобождаясь из объятий Ж'мерлии.

— Хмммм... ккх... кхммм. — Туловище поежилось, и глаза открылись.

Грейвс нагнулся ниже.

— В.К. Талли! Ты меня слышишь?

— Прекрасно слышу. — Голова без макушки повернулась. — Прошу прощения, советник, но нет нужды так кричать. Тело снабжено прекрасным сенсорным оборудованием.

Череп все еще оставался распахнутым настежь, и в такт движениям тела перед ярко-голубыми глазами покачивалась

крышка черепной коробки. Берди тарашился на это лишенное своего содержимого вместилище мозга, расщепленное надвое, словно кокосовый орех, и на нервный жгут, тянувшийся от основания черепа к маленькому шару в его правой руке. Сам он тоже испытывал желание поежиться. Жизнь на Опале была суровой, но к таким вещам она его все-таки не подготовила.

Пока Берди наблюдал, Талли потянулся, взялся обеими руками за крышку черепа и осторожно вернул ее в прежнее положение.

— Боюсь, она закрылась не совсем плотно, — сказал он, — потому что мешает нервный жгут. Надо поставить ее на место. Будет очень неудобно, если крышка отвалится и потеряется.

Он обернулся, чтобы посмотреть на шарик, который держал Берди.

— Пожалуйста, держите меня осторожней, комиссар Келли. В ваших руках находится основная составная часть собственности Четвертого Альянса. Боюсь, что тело немного пострадало, поскольку не рассчитано на демонтаж мозга вне сервисного предприятия. — Тоненькая струйка крови сочилась по левой стороне лба Талли. Он осторожно вытер ее, оглядел зал и продолжил: — Кроме того, мои сенсорные и двигательные функции несколько снизились. Пропускная способность нервного жгута меньше, чем моего собственного соединительного устройства. Я вижу с заметно меньшим разрешением, цвета различаются неясно, а также ощущаю снижение управляемости мускульным аппаратом. Однако для наших целей этого вполне достаточно.

Он поднялся на ноги и несколько раз качнулся, прежде чем обрел равновесие. Под его руководством Ж'мерлия и Грейвс обвязали голову фиксирующим бинтом, дополнительно закрепив таким образом черепную крышку и внешний нервный жгут в одном положении. Берди Келли продолжал держать в дрожащих руках мозг, изо всех сил стараясь не трясти его и не сжимать.

— Ты уверен, что готов? — спросил Грейвс. — Не хочешь ли сначала потренироваться?

Но Талли уже шел вперед.

— Это бессмысленно, — сказал он. — Моя координация лучше не станет. В целях предосторожности, однако, разрешите мне сделать вот что. — Он поднял прочный кабель, которым пользовался во время предыдущей попытки пробиться к центру комнаты, и обвязался им вокруг пояса. — У вас будет

возможность выволочь меня оттуда. Теперь, если Ж'мерлия будет подавать нервный жгут, а вы, комиссар Келли, подойдете на достаточное расстояние...

Талли сделал два неуверенных шага вперед и начал спускаться по пологому наклону к центру зала. На краю желтого кольца он на секунду остановился, от чего все замерли. Затем пошел дальше, направляясь к неподвижному телу Каллик. Берди Келли наблюдал за ним, боясь даже глазом моргнуть, в то время как Ж'мерлия отматывал жгут с катушки, которую держал в другой руке, таким образом, чтобы, не дай бог, не натянуть его слишком сильно или не коснуться им пола. Было что-то абсолютно неестественное в облике человека, с окровавленной и забинтованной головой, входящего в чашеобразное углубление, раскрашенное яркими цветами. При ходьбе его качало, и тянувшиеся вслед за ним два кабеля тоже раскачивались, подчиняясь собственному ритму.

— Если почувствуешь, что теряешь память, выходи немедленно, — крикнул Грейвс.

Талли, не замедляя хода, помахал рукой.

— Разумеется. Хотя я не думаю, что такое произойдет. Как это возможно, если я нахожусь рядом с вами, в руках комиссара Келли?

Он прошел уже зеленое кольцо и теперь шагал по фиолетовому. Двумя секундами позже он медленно опустился на пол возле Каллик, стараясь держать голову прямо. Его пальцы ощупали пушистое горло хайменоптки.

— Она жива. Без сознания, но несколько не повреждена. Я не могу оторвать от пола обмотанную вокруг нее веревку, но если сниму ее, то не вижу препятствий, чтобы вынести Каллик отсюда. Талли встал и внимательно посмотрел в центр зала. — Будет лучше, если я сначала пройду весь путь и изучу обстановку. Каллик заберу по дороге назад.

Я бы так не поступил, подумалось Берди. Лучше уж синица в руках... Он бросил взгляд на шар освобожденного теперь от тела компьютера. Странно было, что для общения с Талли приходилось посылать информацию лишенному мозга телу, медленно продвигающемуся к середине зала и получать сенсорные сигналы через жгут обратно в мозг, который Берди держал в руках.

Талли двигался все медленнее. Низкая центральная платформа была от него всего в пятнадцати метрах, но ему, чтобы

достигнуть ее, потребовалось целых пятнадцать секунд. В двух шагах от молчаливой фигуры Луиса Ненды он остановился.

— В этом помосте есть что-то необычное. По мере того как я к нему приближался, его внутренняя структура постепенно становилась видимой. Он состоит из додекаэдров. С пятнадцати метров эта структура невидима. В десяти она выглядит как туманное образование типа серой дымки. Теперь же видно, что конструкция состоит из явно твердых частей. Из двух граней этих додекаэдров выходят усики, окружающие головы Луиса Ненды и Атвар Х'сиал. Должно быть, именно поэтому они сохраняют вертикальное сидячее положение, хотя оба без сознания.

Берди взглянул на Грейвса, затем пристально посмотрел на помост. С места, где он стоял, виднелись только кресла, кекропийка и человек.

— Предлагаю сначала попробовать снять с платформы Луиса Ненду, — произнес Талли. — Не знаю, будет ли этому оказано какое-либо сопротивление, активное или пассивное.

Он сделал последние два шага, взобрался на помост и, обхватив Луиса Ненду за плечи, начал поднимать его. Для сторонних наблюдателей это выглядело так, как будто два тела приняли неустойчивое положение, далеко отклонившись назад от вертикали.

— Чувствую некоторое сопротивление, — сообщил Талли, — но продвижение идет. Мы уже удалились на несколько сантиметров от платформы, и соединяющий усик стал тоньше. Он начинает превращаться в самостоятельную форму, типа туманного колечка... — Внезапно он сильно накренился назад и спрыгнул на пол, удерживая на себе Ненду. — ...А теперь усика уже нет. Приготовьтесь вытягивать кабель и нервный жгут. Мы выходим.

Неся, словно пожарник, тело Луиса Ненды на своем плече, Талли медленно удалялся от центра зала. Через минуту он находился уже рядом с Джулиусом Грейвсом. Помогая друг другу, они опустили Луиса Ненду на пол.

Берди Келли разглядывал усыпанную серыми бугорками и выемками грудь.

— Взгляните-ка на это. Что они с ним сделали?

Грейвс наклонился ниже, изучая огрубевшие кожные покровы.

— По мнению Стивена, здесь с ним не делали ничего. Это зардалусское наращение, разработанное для того, чтобы позволить людям общаться с кекропийцами непосредственно, по-

средством феромонного переноса. Мы думали, что эта технология утеряна и запрещена к применению. Должно быть, в Сообществе есть места, где прежние рабские расы сохранили частицы науки зардалу.

Талли уже развернулся и вновь направился к центру зала. Жгут в руках Ж'мерлии натянулся. Тот начал стравливать его, и в этот самый момент Луис Ненда захрипел и губы его задергались.

— Где это я, черт побери? — Глаза открылись и обвели окружающее пространство. Коренастый карланец сделал попытку сесть.

— Хороший знак, — произнес Грейвс. — Говорит, значит, его память полностью не стерта. — Он повернулся к Луису Ненде. — Вы находитесь внутри планетоида неподалеку от Гаргантюа. Вы помните, как попали сюда?

Ненда покачал черноволосой головой и вскочил на ноги.

— Ни капли. — Говорил он с трудом, то и дело запинаясь.

— А что последнее вы помните?

Ненда оставил вопрос без внимания, разглядывая остальных.

— Вот это да! Фантастично видеть вас всех. Джулиус Грейвс, Берди Келли, Ж'мерлия, и все живы.

— Все живы, но благодарить за это нужно не вас. — Грейвс наклонился ближе. — Вспомните, Ненда, это очень важно. Что произошло, прежде чем вы потеряли сознание? Что вы помните?

Ненда потер ладонью небритую щеку.

— Что я помню? — Он подозрительно посмотрел на Грейвса. — М-м... Последнее, что я помню, это как мы с Атвар Х'сиал стартовали с Тектона на «Все — мое». Летний Прилив уже почти начался. Полагаю, он пришел и, полагаю, прошел.

— Вы помните, как стреляли по другому кораблю?

— Стрелял? Я? — Ненда прокашлялся. — Не может быть. Ни по кому я не стрелял.

— Помните вы или нет, но когда мы вернемся на Опал, отвечать вам придется. Формальное обвинение в покушении на убийство вам уже предъявлено.

— Ну, это не первый раз, когда обвиняют невиновного. — Ненда быстро приходил в себя, и его глаза гневно заморгали. — Что случилось с Ат? Она была со мной на корабле.

— Атвар Х'сиал? — Грейвс повернулся к центру громадного зала и кивнул головой. — Она там. Прекрасно. Они уже выходят.

Ж'мерлия попискивал от возбуждения. Пока Грейвс и Ненда говорили между собой, В.К. Талли возвратился к помосту, высвободил Атвар Х'сиал и теперь, шатаясь, брел к ним. Под весом громадного тела кекропийки он согнулся пополам. Ненда посмотрел в направлении, указанном Грейвсом, и увидел идущую неверными шагами фигуру с забинтованной головой, кабели, тянущиеся от ее головы к месту, где они стояли, лежащее неподалеку тело Каллик и весь задний план громадного сводчатого зала.

— Эй, что здесь происходит? Что вы сделали с Ат?

— Ничего мы с ней не делали и сами не очень знаем, что здесь происходит. Нам известно только, что вы и Атвар Х'сиал сидели без сознания посреди этого зала. Мы попытались спасти вас обоих.

— А Каллик? Что с моей хайменопткой?

— Она потеряла сознание, стремясь вытащить вас.

Ж'мерлия запрыгал от возбуждения, как только Талли вышел из внешнего кольца. Едва только лотфианин помог уложить Атвар Х'сиал на пол, Талли, шатаясь, сделал еще два шага и внезапно сел. Его голубые глаза закрылись, а ладони потянулись вверх, чтобы потрогать голову.

— Это тело, к сожалению, на грани своего физического предела. — Он говорил шепотом. — Мне необходимо немного отдохнуть. Однако мы можем быть довольны достигнутым результатом. Я убежден, что наиболее трудная часть уже позади. Каллик весит немного. После короткого перерыва на восстановление я вынесу ее из зала. Она уже подготовлена к перемещению.

— Какого черта, я сам ее вынесу. — Ненда рванулся вперед. — Сидите здесь и не волнуйтесь. Она моя, и я за нее отвечаю.

— Нет. — Грейвс поймал его за руку. — Только войдите туда, и вы окажетесь в том же положении, что и она, впрочем, вы в нем уже находились. Зал накрыт лотос-полем. Именно поэтому пришлось вынуть В.К. Талли из его тела, прежде чем он смог туда войти. — Он показал на шар с морщинистой поверхностью, который Келли как раз передавал Ж'мерлии. — Его мозг оставался здесь.

Ненда еще раз, уже более задумчиво, посмотрел на скорчившееся тело и на кабель, тянущийся от забинтованной головы.

— Неплохо придумано, — сказал он через несколько секунд. — Пойду-ка я лучше присмотрю за Ат, а то, судя по ее

внешнему виду, она с минуты на минуту придет в себя и начнет буйнить. Не беспокойтесь, я знаю, как справиться с ней.

Черные надкрылья кекропийки раскрылись, обнажив четыре нежных рудиментарных крылышка, усыпанных красными и белыми, в форме глаза, пятнышками. Кончик хоботка показался из своего мешочка на складчатом подбородке, а желтые рупорообразные рожки на голове поднялись.

В то же самое время тело В.К. Талли начало вставать на ноги. Глаза медленно раскрылись.

— Сейчас я пойду и приведу в сознание Каллик.

— Подожди. — Грейвс двинулся к Талли.

— Нет. Спешить необходимо. На интерфейс начала оказывать действие просочившаяся спинномозговая жидкость. Качество работы нервного жгута ухудшается, и сенсорные сигналы слабеют. Я пойду за Каллик, пока еще вижу ее, иначе нам придется делать все сначала.

Талли не стал ждать разрешения. Тело сделало неуверенный шаг вперед, а затем повалилось набок и поползло вниз по наклонному спуску к лежащей без сознания хайменоптке. Оно уже почти достигло Каллик, когда Атвар Х'сиал испустила резкий, режущий ухо крик, вскочила во весь рост и прыгнула в сторону Джулиуса Грейвса.

В следующие полсекунды Берди Келли видел все, но ничего поделать не мог.

Сначала кекропийка налетела на Грейвса и повалила его. Затем и советник, и кекропийка, уже вместе, столкнулись с Берди. От удара одной из ее ног он взлетел в воздух, а катушка с нервным жгутом откатилась к краю комнаты. Одновременно мозг В.К. Талли, крепко удерживаемый лотфианином, отсоединился от разъема и вместе с Ж'мерлией закатился в зону желтого кольца. Как только связь оборвалась, тело Талли, двигавшееся к Каллик, съезжилось и упало на пол. Еще одна нога Атвар Х'сиал хлестнула Берди так, что тот хлопнулся на спину.

Он лежал, глядя в потолок, не в силах двинуться, и видел часть купола, лысину Джулиуса Грейвса аналогичной куполообразной формы и одно из надкрылий Атвар Х'сиал. Ее тяжелая туша сидела у него на груди. От удара затылком об пол его оглушило, из носа текла кровь, а половина зубов, казалось, готова была вывалиться изо рта.

Если бы В.К. Талли не заверил их, что самое трудное уже позади, Берди ни за что бы так не подумал.

СТАТЬЯ 22: КЕКРОПИЙЦЫ

Распространение. Кекропийская Федерация занимает плоский серповидный участок рукава шириной 300 световых лет и длиной 750. Его ось проходит по самой широкой части серпа в направлении центра галактики. Дальняя от центра часть граничит с территорией Четвертого Альянса. Центр клайда расположен севернее центральной галактической плоскости.

К. живут на внутренних планетах с мощным облачным покровом, вращающихся вокруг красных карликов. Всего насчитывается до 900 обитаемых планет с общей численностью популяции около 160 миллиардов особей. Группы к-ских торговцев, общая численность которых неизвестна, встречаются также на территории Сообщества Зардалу.

Физические характеристики. К. — членистоногие с шестью конечностями. Взрослая самка весит около двухсот килограммов и достигает в длину (с выпрямленными конечностями) трех метров. Темно-красное сегментированное тело переходит в короткую шею, окруженную алыми и белыми складками, и оканчивается большой, белой безглазой головой. В центре «лица» К. расположен хоботок, совмещающий функции органа осязания и приемника пищи. Обычная диета К. жидкая.

Пара одинаковых желтых рожек, растущих посреди головы, является чувствительным органом слуха. Они принимают отраженные сигналы звукового резонатора, спрятанного в складчатом подбородке. Сформировавшись на затянутой облаками планете красного карлика, безглазые К. «видят» посредством эхолокации, используя ультразвуковые импульсы.

Поскольку нормальный слух принесен в жертву зрению, речевое общение между К. происходит посредством переноса химических веществ. На основе феромонного переноса сформировался богатый язык, дающий уникальную возможность выражать не только мысли, но также эмоции и ощущения. Длинные антенны (два метра при полном раскрытии) на макушке различают и идентифицируют единичные молекулы многих тысяч различных пахучих веществ. Однако к любым разумным существам, не способным вырабатывать феромоны, используемые в к-ской речи, К. обычно выказывают полное пренебрежение, граничащее с отрицанием их существования.

К. произошли от гораздо более мелких крылатых предков. Они давно уже потеряли способность летать, но сохранили черные

надкрылья и четыре темных рудиментарных крылышка с красными и белыми пятнышками удлинённой формы. В настоящее время эти крылья используются исключительно для терморегуляции тела.

Примечание. Приведенное выше описание относится только к самкам К., которые полностью доминируют в обществе. Самцы — мельче, не имеют речевых навыков и интересуются только едой, сражениями и совокуплением. Общаться с другими разумными существами рукава им запрещено. Роль, которую они играют в к-ском обществе, совершенно неясна.

История. Эволюция лишенных зрения К. — от погребенных под толщей атмосферы животных до расселившейся по другим планетам суперцивилизации — представляет самое убедительное доказательство силы разума.

К. развивались в темном, закрытом облаками мире. Зрение посредством эхолокации в вакууме совершенно бесполезно. Оно требует воздуха или какой-либо иной субстанции для переноса сигналов. Таким образом, К. никогда не получали прямых данных о мире, лежащем за пределами атмосферы. Они подозревали о существовании собственного солнца только благодаря тому, что его слабое излучение служило источником тепла. Однако открытие существования света и, вообще, электромагнитного излучения, потребовало дедуктивного, теоретического процесса, сопровождаемого последующим развитием соответствующих технологий.

Пройдя эти первоначальные ступени, К. тридцать тысяч лет назад направили свои приборы в небо. При помощи умозаключений, основанных на результатах наблюдений и расчетов, они пришли к выводу о существовании целой вселенной, помимо их родной планеты и солнца. Они поняли важность звезд, измерили расстояния до них и их величину, и в конце концов построили корабли, чтобы отправиться к ним и изучать их. К. открыли Бозе-передачу за пять тысяч лет до людей. То, что люди и К. не знали друг о друге в ранние дни исследования рукава, объясняется полным отсутствием у К. интереса к желтым карликам класса G-2 и их системам. Контакты между этими клайдами начались только после открытия людьми Бозе-сети, уже эксплуатирувавшейся К.

Культура. Несмотря на то, что другие разумные существа (особенно, лотфиане) способны использовать феромонную передачу как средство речевого общения, К. являются единственными известными разумными существами, полностью ограниченными только этой формой коммуникации. В результате К. оставались

интеллектуально изолированными от остальных разумных существ рукава, несмотря на то, что они вступали с ними в торговые отношения и использовали некоторых других разумных существ в качестве рабов.

Ключом к культуре К. с ее уникальным взглядом на другие разумные существа является и, возможно, наилучшим образом ее иллюстрирует наиболее известная из их легенд. Она гласит:

Великая Создательница сотворила Вселенную, а затем, ибо была одинокой, наделила даром разума К. Первая разумная К. пошла к Великой Создательнице с жалобой, что предполагаемый «дар» не имеет благословения. Он дает только самопознание, ответственность и разочарование. Великая Создательница согласилась и пообещала, что если К. сохранит разум, то в качестве компенсации получит всю остальную Вселенную. Каждую звезду, каждую планету, всех других существ, разумных или нет, К. получат в полное распоряжение; а те будут существовать фактически только для удобства К.

К. согласилась. Этот взгляд на все остальные живые существа преобладает у К. по сей день.

**«Всеобщий каталог живых существ
(подкласс: разумные)».**

ГЛАВА 15

В последний момент пустота внизу приобрела кроваво-красный цвет. Дари почувствовала хватку неизвестной силы, волной прокатившейся по всему ее телу и вытянувшей ее в струнку. Казалось, еще немного и ее разорвет на части, и тут она влетела в самое сердце красного зарева. Прежде чем Дари успела осознать хоть что-то, она пролетела сквозь него, вывалившись в открытый космос.

Ханс был рядом, продолжая держать ее за руку. Прямо перед ними, стремительно приближаясь, висел пухлый шар Гаргантюа.

Он заполнял собой половину неба. Не было способа избежать столкновения с планетой. За промежуток, равный одному удару сердца, она вдвое увеличивала свои видимые размеры, и Дари легко рассчитала момент столкновения. Они с возрастающим ускорением неслись к недреманному Глазу Гаргантюа. Глаз превратился в гигантскую спиральную воронку из оранжево-коричневых полос, с точкой в центре, черной и безжизненной как межгалактическая пустота.

Что представлял собой этот черный зрачок? Догадаться Дари не могла, но понимала, что никогда уже этого не узнает. Так далеко лететь им не придется. Они сгорят в одной вспышке — человеческие метеоры — едва только достигнут верхних слоев атмосферы. Когда планета приблизилась, Дари поняла, что они несутся прямо в центр Глаза по оси еще одного черного вихря, сужающегося по мере углубления.

Едва только Ханса не стало видно, Дари влетела в тоннель вихря. Она ничего не почувствовала — ни сопротивления возду-

ха, ни жара. Со всех сторон были лишь оранжевые крутящиеся стены Глаза, но присутствия атмосферы никак не ощущалось.

Воронка сузилась в сходящуюся спираль, смыкавшуюся все теснее, пока наконец она не стала чуть шире ее тела. Дари несло вдоль осевой линии все глубже в черный водоворот Глаза. Невидимые лапы вновь вцепились в ее тело, но теперь они закручивали ее, от головы к шее, груди, бедрам, голениям, стопам. Как только их хватка стала невыносимой, она вздрогнула всем телом и внезапно снова оказалась в открытом космосе.

Ускорения Дари не ощущала, но зрение говорило ей, что она движется.

Все быстрее и быстрее. Пока она смотрела, Мэндел, находившийся впереди... оказался слева... уже светил сзади... был не больше светлой точки, когда она оглянулась, чтобы посмотреть на него.

После минуты полной растерянности аналитическая часть ее сознания вновь взяла верх. Вселенная пронеслась перед ней, словно серия неподвижных картинок, но ускорение совершенно не ощущалось так же как и внешнее гравитационное поле. Она, должно быть, задерживалась в каждой точке на доли секунды, перед тем как совершить мгновенный бросок к следующей. Это была вселенная в застывших образах, воспринимаемая как серия слайдов. Она не перемещалась быстрее света в обычном пространстве-времени, а просто оказывалась в каждой новой точке быстрее, чем это сделал бы свет. Но поскольку никакого доплеровского сдвига в свечении окружавших ее звезд не наблюдалось, то между перебросками она наверняка находилась в состоянии покоя, до тех пор, пока очередной бросок не доставлял ее в новое место.

Это была последовательная Бозе-передача, но без станций Бозе-сети, по которой путешествуют люди. Каждый прыжок переносил ее по крайней мере на несколько миллионов километров — и расстояние это все увеличивалось. Сейчас Мэндел был уже не ярче любой другой звезды в небе.

С какой же скоростью она движется? Она могла бы определить ее по угловому перемещению. Дари огляделась вокруг, ища ориентир, чтобы начать отсчет относительно него. Справа от себя она увидела голубой сверхгигант. Наверняка до него не больше ста световых лет. Однако его положение каждую секунду менялось примерно на градус. Это означало, что она движется со скоростью около двух световых лет в секунду. Она

продолжала ускоряться, если только это слово применимо к ее последовательным переброскам. Картина впереди менялась, таяла, перестраивалась, приобретая новые, незнакомые черты.

Голубой сверхгигант остался позади. Дари огляделась по сторонам в поисках новой точки отсчета. Найти ей удалось только одну. Далеко слева от нее световым пятном тянулся легкий шлейф Млечного Пути. Он оставался единственной постоянной в окружающей ее пустоте.

Дари взгляделась в его знакомые очертания и с ужасом поняла, что он движется. Она неслась куда-то прочь из плоскости галактики. Впереди вырисовывались световые пятна Магеллановых Облаков. Они вынырнули из мешанины рукава, превратившись в четкие скопления поблескивающих звезд.

С какой скоростью? Как далеко?

Она не знала. Но из видимого перемещения относительно всей галактики вытекало, что за каждую переброску она покрывает расстояние в сотни световых лет. Еще минута, и большая часть галактики уже лежала у нее под ногами. Она находилась чуть в стороне от рукава спирали и уже различала очертания гигантского сплющенного диска. Отдельные звезды исчезали с каждым мгновением, сливаясь в море светлых пятнышек, поблескивающих вокруг темных пылевых облаков и расцвечивающих нитевидные газовые туманности многоцветным блеском драгоценных камней.

Пока она наблюдала, звезды померкли, миллионы их превратились в световую дымку, удаленную на гигантское расстояние. Слева от нее набухал и толстел галактический диск. Она уже достаточно удалилась от главной плоскости, и газово-пылевые облака не мешали ей рассмотреть сияющий шар центра галактики. Ее глаза, несомненно, первыми увидели, как рукав спирали вытягивается из плотно упакованного ядра, в центре которого, словно ступица галактической оси, проступает массивная черная дыра.

С какой скоростью? Как далеко?

Она, похоже, удалялась от диска галактики, и теперь пылающий шар ядра лежал под углом в сорок пять градусов к направлению ее движения. С замершими на вздохе легкими и сердцем, остановившимся в груди, Дари сделала очередную прикидку. Территории Круга Фемуса находились в тридцати тысячах световых лет от центра галактики, значит, она сейчас находится примерно на том же удалении. Угол, под которым

виднелось ядро, продолжал меняться градусов на десять за минуту. Это давало скорость в сто семьдесят пять световых лет в секунду.

Десять тысяч световых лет в минуту. Миллион световых лет за полтора часа. До Туманности Андромеды всего три часа лету.

Едва только эта мысль пришла ей в голову, как сумасшедшая гонка кончилась. Вселенная прекратила свой головокружительный галоп и замерла.

Впереди Дари в пустоте висела гигантская конструкция не поддающихся оценке размеров, мерцавшая собственными внутренними огоньками и раскинувшаяся на полнеба. У Дари возникло ощущение, что она огромна, что ее антеннообразные шлейфы, тянущиеся в разные стороны, и извилистые трубы из светлого вещества, разбегающиеся от центрального додекаэдра, простираются на миллионы километров.

Прежде чем она нашла подтверждение своему впечатлению, произошел заключительный бросок. Звезды, галактики и звездные скопления исчезли. Дари стояла на ровной плоскости. Сверху не было ничего. Под ногами — миллиарды мерцающих оранжевых огоньков, из которых эта поверхность фактически состояла. А рядом в скафандре, расстегнутом настолько, чтобы можно было почесать грудь, стоял Ханс Ребка.

— Ну и ну, — произнес он. — Это точно можно занести в книгу рекордов. Попробуй описать это путешествие в своем отчете.

Несколько секунд он помолчал, глубоко дыша и оглядываясь по сторонам.

— Надо бы обменяться мыслями, — сказал он наконец. — Если только они у нас имеются. Для начала, куда нас, черт побери, занесло?

— Ты раскрыл свой скафандр!

— Нет. — Он покачал головой. — Просто у меня не было времени закрыть его, когда мы провалились — да и у тебя тоже. Изумившись, Дари обнаружила, что он прав: ее собственный скафандр был распахнут.

— Но мы же находились в открытом космосе.

— Я тоже так думал. Однако не помню, чтобы мне не хватало воздуха.

— Сколько времени мы там пробыли? Ты считал удары сердца?

Он печально улыбнулся.

— Извини. Я не знаю даже, билось ли мое сердце вообще. Слишком занят был, пытаюсь понять, что вокруг происходит: куда ты подевалась и куда меня несет.

— Мне кажется, я знаю. Не то, что произошло, а куда мы летели и где сейчас находимся.

— Тогда ты на шесть шагов впереди меня. — Он обвел рукой бесконечную равнину. — Лимбо. Кажется, так его называют? Место, куда попадают потерянные души.

— Мы не потерянные. Нас доставили сюда целенаправленно; и это моя ошибка. Я сказала Тому-Кто-Ждет, что страстно желаю встретиться со Строителями. Он воспринял это всерьез.

— Однако что-то не сработало, тебе не кажется? Не вижу никаких их признаков.

— Дай им время. Мы же только прибыли. Ты помнишь наше падение в Глаз Гаргантюа?

— До последнего дня не забуду. Который, хотелось бы думать, еще очень далеко, в чем я лично начинаю сомневаться.

— Глаз — это вход в транспортную систему Строителей. Он существовал еще тогда, когда люди появились в системе Мэндела и, возможно, задолго до этого; но неудивительно, что никто до сих пор не понял, что это такое. Любой экипаж корабля должен сначала чокнуться, чтобы залететь в него.

— Экипажи исследовательских кораблей именно из таких сумасшедших и состоят. Когда систему начали колонизировать, люди делали много безумных вещей. Мне известно, что корабли опускались в атмосферу Гаргантюа и возвращались — некоторые из них. Но этого, по-моему, недостаточно, чтобы сделать то, что сделали мы. Требовался тот первый толчок с Жемчужины, ввинтивший нас точно в центр вихря. Когда я находился в нем, мне казалось, что он трется о мои плечи. Для второго человека там места не было, не говоря уж о целом корабле.

— У меня было то же ощущение. Меня интересовало, куда ты делся, но я понимала, что места для нас двоих там нет. Хорошо. Итак, первый толчок мы получили от гравитационного генератора на Жемчужине, затем второй — от этого скручивающего поля в Глазе Гаргантюа. Таким образом, мы попали прямо в главную транспортную систему и вылетели из рукава. По моим подсчетам, на тридцать тысяч световых лет.

— Именно это меня интересовало. Я смотрел по сторонам и видел всю нашу чертову галактику, разложенную, словно на

обеденном столе, хотя, учитывая мое нынешнее самочувствие, слово «обеденный» не стоит даже упоминать.

— И, наконец, последний бросок доставил нас сюда. — Дари огляделась по сторонам, подняла глаза вверх к сегментированному потолку, а затем повела взглядом вдоль поблескивающей плоскости пола.

— Где мы будем стоять и тарашиться по сторонам, пока не умрем с голоду. Еще какие-нибудь идеи есть, профессор?

— Есть немного. — Теперь, когда раскалывающее сознание путешествие окончилось, она начинала думать опять. — Мне кажется, не для того нас сюда прокатили, чтобы уморить голодом. Тот-Кто-Ждет послал нас, значит, кому-то известно, что мы здесь. И несмотря на то, что это часть жилища самих Строителей, держу пари, что приготовлено оно именно для нас или же для живых существ нашего типа. — Дари показала на пол. — Поверхность-то плоская, видишь? Это нетипично для сооружений Строителей.

— Мы не знаем, как мыслят Строители. Никто ни разу с ними не встречался.

— Верно. Но мы знаем, как они строят. Когда ты изучишь столько артефактов, сколько я, у тебя начнут появляться кое-какие мысли о самих Строителях. Доказать ты ничего не сможешь, но научишься доверять своему чутью. Мы не знаем, где проходила эволюция Строителей и когда, но я уверена, что протекала она в воздушном пространстве, либо в открытом космосе. В самом крайнем случае в таком месте, где гравитация не значит столько, сколько она значит для нас. Творения Строителей изотропны, в них нет различия между «верхом» и «низом». Плоская поверхность, наподобие этой, больше подходит людям. В артефактах ты ничего подобного не встретишь. И гравитацию, близкую к одному «же» в аналогичной конструкции, да еще пригодную для дыхания атмосферу. А посмотри-ка на это. — Она указала на сводчатый потолок, расположенный, очевидно, в нескольких километрах над ними. — Он состоит из пятиугольных сегментов. Это присуще множеству конструкций Строителей. Поэтому я полагаю, что мы находимся внутри додекаэдра — повсеместно встречающейся формы в артефактах Строителей, в котором, как мне кажется, они лишь установили пол, добавили атмосферу и создали гравитацию ради таких живых существ, как мы. Однако я вовсе не уверена, что эта плоскость так велика как кажется. Знаешь,

Строители могут сыграть шутку с пространством, чтобы ввести в заблуждение наше восприятие.

— Они могут. Но, по-моему, данное место действительно очень велико, независимо от того, что они тут навывдумывали.

Голоса Ханс Ребка не повышал, но Дари вдруг похолодела от неясного предчувствия. Ханса, похоже, ничто не берет, переживания были исключительно ее привилегией.

— Да, оно действительно огромно, — продолжал он, — если только об этом вообще можно судить.

Он указал куда-то влево. Поначалу Дари не увидела ничего. Потом она заметила, что поверх мерцающего моря оранжевых огоньков движется светлый шарик. Сначала не больше серебряной монетки, он увеличивался в размерах, двигаясь по плоской поверхности, очевидно, с постоянной скоростью. Оценить расстояние до него было невозможно, так же, как и сказать, катится ли он или передвигается каким-то иным способом.

— А вот и встречающие, — произнес Ребка едва слышным шепотом. — Всем улыбаться.

Оно не катилось. Неизвестно почему, но Дари была в этом уверена. Она чувствовала, что оно, скорее, летит или плывет, сохраняя миллиметровый зазор между своей нижней частью и оранжевым облаком огоньков.

И оно оказалось вовсе не маленьким, а имело весьма внушительные размеры. Оно росло. Оно в три раза превосходило ростом Того-Кто-Ждет. Оно уже возвышалось над ними башней, хотя еще не приблизилось окончательно.

В двадцати шагах оно замерло. Непрерывная рябь пробегала по сферической поверхности, словно волны по шару ртути. По мере возрастания их амплитуды из круглой формы вытягивался стебель. На его вершине распустился уже знакомый пятиугольный цветок и повернулся, словно голова, к ним. Из центра сферы выступили пятигранные диски, в то время как по полу распластался серебристый хвост, удерживающий объект на одном месте. Из образовавшегося посреди сферы отверстия исходил мерцающий зеленый свет.

Наступило длительное молчание.

— Ну, хорошо, дорогуша, — грубоватым шепотом произнес Ребка. — И что теперь?

— Он как Тот-Кто-Ждет, ему нужно услышать, как мы говорим, чтобы включиться в наш язык. — Дари повысила голос. — Меня зовут Дари Лэнг, я родом с планеты Врата Страж-

ника. Это — Ханс Ребка с планеты Тойфель. Мы — люди; прибыли сюда с планеты Гаргантюа звезды Мэндел. Ты Тот-Кто-Ждет?

Наступила десятисекундная пауза.

— Тот-Кто-Ждет, — произнес рокочущий голос, оказавшийся ниже, чем у обитателя Жемчужины, и, пожалуй, еще более усталым. — Тот-Кто... Ждет. Люди... люди... лю-ю-ди... ди-и.

— Ему нужен допинг, — тихо произнес Ребка. — Ты Строитель? — прокричал он рогатому и хвостатому чудишу, покачивающемуся перед ними.

Существо приблизилось на несколько шагов.

— Люди, люди, люди, люди... Наконец. Вы здесь. Но оба одинаковые. Где... другая?

— Другая, — повторил Ребка. — Что это значит?

Дари покачала головой.

— Другой здесь нет, — громко ответила она. — Мы не понимаем. Здесь только мы; спрашиваем еще раз: ты Тот-Кто-Ждет?

Серебристое тело издало столь низкое жужжание, что его едва различило человеческое ухо.

— Должна быть... еще одна... или прибытие неполное. У нас есть всего две формы... но в послании говорится, что третья уже в пути и скоро прибудет... — Наступила очередная длительная пауза. — Я не такой же, как Тот-Кто-Ждет, хотя созданы мы одинаково.

— Это не Строитель, — быстро шепнула Дари. — Я знала это. Мы видим только творения Строителей, типа Того-Кто-Ждет. Возможно, разновидность компьютеров, невероятно старых. И я не думаю, что они... ну, скажем, работают достаточно правильно.

Для Дари эта мысль оказалась новой и принять ее было тяжело. Как правило, артефакты Строителей по прошествии пяти миллионов лет работали так же хорошо, как и в день, когда их создали. Но Тот-Кто-Ждет, а теперь еще это существо, создавали у Дари неприятное ощущение дезорганизованности и произвольности действий. Вероятно, даже Строители не делали вечных машин.

— Я не... компьютер. — Должно быть, слух существа оказался куда более острым, чем человеческий, или же он читал их мысли. — Я неорганик, но выращенный неорганик. Тот-Кто-

Ждет всегда оставался возле Старого Дома, но меня вырастили здесь. Я... Я... Я — Посредник. Собеседник. Тот, кто должен... общаться с вами и с другими. Задача Того-Кто-Ждет выполнена. Но задача Посредника не начнется, пока здесь не будет третьей. — Усталый голос становился все слабее и тише. — Третья. Тогда... задача Посредника может начаться. Только тогда...

Поверхность громадного серебристого тела покрылась рябью. Пятилепестковый цветок стал втягиваться внутрь.

— Эй! Посредник! Ты не можешь на этом закончить, — Ребка рванулся вперед, поднимая брызги оранжевых искр, — и оставить нас здесь просто так. Мы люди. Людям требуется еда, вода и воздух.

— Это известно. — Тело начало разбухать у основания и прижиматься к поверхности, в то время как серебристый хвост втягивался в него. — Не беспокойтесь. Место оборудовано под ваш тип. Поскольку третья уже в пути, стазис вам не понадобится. Входите... и ешьте, пейте, отдыхайте. — Серебряный шар Посредника превратился в громадную полусферу с широким арочным проемом посередине. — Входите, — вновь произнес гаснущий голос. Полусфера повернулась, так что проем оказался перед людьми. — Входите... сейчас.

Ребка выругался и отпрянул назад.

— Не подходи к нему близко.

— Нет. — Дари уже шла вперед. — Не знаю, что там внутри, но пока ничто здесь не стремилось причинить нам вред. Если бы они хотели нас убить, то запросто бы это уже сделали. Пошли. Мы ничего не теряем.

— Кроме наших жизней? — Он двинулся за ней следом.

Проем, в который они вошли, наполняло зеленое свечение, исходившее от скрытых источников света. Снаружи он казался бесконечно-глубоким. Но стоило сделать шаг внутрь, и Дари обнаружила, что оказалась в небольшом тамбуре, метров трех в длину. Когда она прошла через него к внутренней двери и отодвинула ее в сторону, перед ними открылся просторный свинцово-серый зал с мрачными стенами и высоким потолком.

Слишком высоким. Она прошла внутрь и посмотрела вверх. Метров сорок до пятиугольного центра сферического купола? По крайней мере не меньше, а это означало, что зал намного выше Посредника. Это было физически невозможно. Прежде чем она двинулась дальше, раздался глубокий вздох. Секции

пола прямо перед ней начали выгибаться и подниматься вверх. Перегородки и мебель выросли из пола, словно растения.

— Место подготовлено для нас? Я в этом не уверен. — Ханс Ребка осторожно проследовал за ней к цилиндрической структуре, которая все еще выдвигалась из пола. У нее был луковичеобразный круглый верх, а стояла она на пучке вывернутых наружу ножек. — Вот это действительно интересно. И пищевое хранилище и пищевой синтезатор одновременно. Я один такой видел, но в нерабочем состоянии. В музее.

— Он нетипичен для технологии Строителей.

— Не знаю, не знаю. — Взгляд Ребки выражал странное замешательство. — Меня беспокоит другое...

Верхушку цилиндра окружал легкий дымок, а поверхность покрывали кристаллики льда. Ребка осторожно дотронулся до нее одним пальцем и тут же отдернул его.

— Примораживает. — Он установил скафандр на термоизоляционный режим и уже защищенной рукой потянул за кривой рычаг, торчавший из верхней части цилиндра. Тот беспрепятственно передвинулся в новое положение. Часть цилиндрического корпуса открылась. Внутри располагались три полки, уставленные запечатанными белыми упаковками.

— Дари, ты ведь биолог. Не узнаешь здесь ничего? — Ребка сунул руку и быстро извлек пригоршню плоских пакетиков и гладких овальчиков, положив их затем в похожую на тарелку откинутую крышку цилиндра. — Не трогай их голыми руками — обморозишься. Они действительно очень холодные: Есть их пока нельзя, но сказать своему желудку, что уже скоро, — можно.

Дари перевела перчатку на полную непроницаемость и развернула круглый сверток. Там оказался усыпанный зелеными и желтыми пятнами фрукт, с тонкой кожицей и мясистым стеблем на одном из концов. Она перевернула его, изучая текстуру и плотность; затем отколупнула тоненький кусочек с поверхности, чтобы подогреть. Когда тот согрелся в ее руке, она понюхала его, попробовала и покачала головой.

— Фрукты — не моя специальность, но ничего похожего мне встречать не приходилось. Думаю, я даже никогда про него не читала. Он вполне может быть с одного из миров Альянса, но не из популярных видов, потому что те растут повсеместно. Ты считаешь его съедобным?

— Если нет, зачем бы они его здесь хранили? Я пользуюсь твоей логикой, Дари: если бы они хотели убить нас, то сделали

бы это гораздо проще. По-моему, можно есть и его, и всю остальную пищу. Посредник, похоже, не очень-то обрадовался, увидев нас двоих; он ожидал чего-то другого. Однако мы тоже стали частью шоу, поэтому нас надо кормить и поить. Ты ведь не стала бы тащить кого-то за тридцать тысяч световых лет, чтобы потом позволить ему случайно отравиться. Меня беспокоит другое. Он шлепнул по луковке цилиндра. — Мне известны принципы конструирования, применяемые в Круге Фемуса и в Четвертом Альянсе; доводилось видеть, как делают вещи в Кекропийской Федерации, но это ни на что не похоже. Это...

Его прервал скрежещущий звук давно не смазываемых петель. В тридцати метрах поодаль целая стена комнаты начала уходить в пол. За ней показалась другая, еще более просторная комната с длинными рядами предметов, похожих на гигантские гробы, в ее центре.

Дари насчитала четырнадцать таких блоков, каждый из которых представлял собой пятиугольную призму семи метров в длину, четырех в ширину и в высоту.

— Вот это настоящая техника Строителей, — сказала она. — Вне всякого сомнения. Помнишь Факел возле границы Четвертого Альянса и Кекропийской Федерации? Он заполнен такими же блоками и даже еще большими. Они пусты, но все в рабочем состоянии.

— Что они делают? Прежде я ничего такого не встречал. — Ребка осторожно приблизился к ближайшему из четырнадцати. Каждый из гигантских гробов имел иллюминатор, установленный на пятиугольном торце. Он подошел ближе, рукой в перчатке протер пыльную поверхность и заглянул внутрь.

— Никто не знает наверняка, для чего они предназначались изначально, — Дари хлопнула блок по боку и тот издал гулкий звук, — но нам известно, что они сохраняют предметы и организмы совершенно неизменными, и поэтому мы считаем, что в этом их основное предназначение. В каждом из них генерируется стазисное поле, управляемое снаружи. Там, на конце, ты можешь видеть устройства для этого: Был замерен ход часов внутри тех, что на Факеле, и он оказался в среднем в шесть миллионов раз медленнее, чем снаружи. Проведи век в одном из таких стазисных баков, и, если ты останешься в сознании, тебе покажется, что прошла всего минута.

Ребка, похоже, не слушал. Он все еще стоял, припикнув лицом к иллюминатору.

Она похлопала его по плечу.

— Эй, Ханс. Поднимайся. Что ты там нашел такого интересного? Дай и мне взглянуть.

Она встала рядом с ним. Статический бак, похоже, не был пуст, но его внутренности полностью скрывались во мраке, Дари различала лишь неясные контуры. Но чтобы рассмотреть детали, ей пришлось выждать несколько минут, пока глаза привыкали к освещенности внутри.

Она взяла Ребку за руку и стиснула ее.

— Ты можешь рассмотреть, что там? Если это что-то интересное, не мучай мое любопытство.

Он не ответил, а лишь повернул голову.

Она взглянула на его дергающееся лицо, и ее ладонь, сжимавшая его руку, разжалась. Ее рука повисла вдоль тела.

Ничто не могло потрясти Ханса Ребку. Ничто и никогда не могло ослабить его железное самообладание.

Но на сей раз самообладание покинуло его. И в его глазах метался такой ужас, какого Дари никогда не ожидала увидеть.

ГЛАВА 16

После того как Атвар Х'сиал сшибла Джулиуса Грейвса прямо на Берди Келли, разорвав связующую нить между мозгом В.К.Талли и его телом, а Ж'мерлию отбросила в зону концентрических колец, Луис Ненда не колебался.

Как только кекропийка, расправив надкрылья, выскочила из зала, Ненда сразу же последовал за ней.

Пусть сами разбираются! Он ругался — беззвучно. Не было смысла кричать. Атвар Х'сиал имела потрясающий слух, но она не понимала человеческую речь. А его собственное феромонное наращение делалось бесполезным, когда та раскрывала крылья, потому что необходимые молекулы не достигали ее рецепторов.

Почти полная темнота Жемчужины не имела никакого значения для Атвар Х'сиал. Ее эхолокационное зрение одинаково хорошо работало и в кромешной тьме, и на солнечном свете; но все это чертовски осложняло жизнь Луиса Ненды. Кекропийке было все равно куда двигаться, темнота там или нет,

лишь бы был воздух, чтобы посылать звуковые волны. Но ему-то это было далеко не безразлично. Он натыкался на темные стены, путался в сетях, спотыкался о брошенные кабели, катился кубарем по пологим спускам, совершенно не представляя, что встретит на дне. И все это время он понятия не имел, куда направляется. Вряд ли кекропийка сама это знала.

Ну все, хватит, подумал он. После очередного столкновения с невидимой перегородкой, от которого наверняка появятся синяки, он опустил на пол. Так недолго себя и нокаутировать.

К счастью, он имел возможность безошибочно следовать за ней. Зардалусское наращение разработано для владения феромонной речью во всех ее тонкостях, поэтому отыскать запах партнера в стерильных внутренностях Жемчужины не составляло никакого труда. Даже если она пересекала собственный след, сила запаха безошибочно указывала ему направление ее движения.

Коридоры Жемчужины петляли и извивались, очевидно, произвольным образом. Он терпеливо следовал за растворенными в воздухе молекулами, выделяемыми телом кекропийки, куда бы они ни вели, делая поворот за поворотом... Единственное, в чем он был уверен, так это в том, что они все время спускаются, следуя градиенту гравитационного поля в сторону области с большей силой тяжести. Но с усилением поля увеличивалась опасность получения травмы в результате падения. Он замедлил шаг, уверенный, что Атвар Х'сиал никуда от него не денется. По ходу дела он начал обдумывать дальнейшие планы.

Короткая беседа с Грейвсом сразу же убедила его, что рассказывать советнику правду глупо. Он подавил собственные первые устремления, возникшие по пробуждении, поскольку Атвар Х'сиал все еще находилась под действием лотос-поля. Он быстро пришел к выводу, что во всем следует винить поле и «забыть» произошедшее на Тектоне.

Конечно же, он прекрасно все помнил: сумасшедший старт с поверхности планеты, темный шар, захвативший «Все — мое», головокружительный провал в пустоту, их прибытие к Гаргантюа и маленький планетоид, вращающийся вокруг него, и, наконец, как захвативший их шар оставил корабль на поверхности планетоида, а сам втянулся внутрь. Он ясно представлял себе события на поверхности планетоида до того момента, когда вокруг них расплзлось оранжевое облако. У него были смут-

ные воспоминания, как затем его тащили и тащили через множество внутренних коридоров. Затем провал — до той минуты, когда Джулиус Грейвс склонился над ним.

Лотос-поле, упомянутое Грейвсом, было недостающим кусочком мозаики. Он и Атвар Х'сиал оказались заперты в поле, но зачем? Логичнее было бы просто убить их. А так пришла подмога, и этот сумасшедший робот с человеческим телом и открывающейся крышкой черепа вытащил их.

Жаль, что Атвар Х'сиал убежала сломя голову, прежде чем В.К. Талли вытащил Каллик. Ненда потерял свою хайменоптку. Не важно. У Талли достаточно времени, чтобы вытащить ее сейчас, если только им удастся пристегнуть его мозги обратно к башке, да еще так, чтобы они заработали.

Луис Ненда остановился. Он находился в неосвещенном проходе, но сила запаха быстро нарастала. Он сконцентрировался и выработал собственное феромонное послание, выпустив его из выемок на груди.

— Атвар Х'сиал? Ты где? Я тебя не вижу — направь меня.

Как всегда он для простоты одновременно с химическим посланием произнес фразу вслух. Представляться не было нужды. Если кекропийка хоть что-то получила, неповторимая молекулярная роспись Ненды будет присутствовать в сообщении.

— Я здесь. Подожди. — Несущие информацию молекулы поплыли по воздуху. Через несколько секунд лапа Атвар Х'сиал взяла Ненду за руку. — Иди за мной. Сообщи, если термальный источник впереди является для тебя также источником видимого излучения.

— Ты зачем сбежала? — Ненда послушно шел за ней во мраке, пока впереди не забрезжил свет. — Почему ты не подождала, пока они достанут Каллик? Это моя хайменоптка, и она не должна на них работать.

— А Ж'мерлия принадлежит мне и не должен служить людям, но служит. — Кекропийка вывела его в длинную прямоугольную комнату, обогреваемую и тускло освещаемую однородным красноватым свечением стен. — Согласна, что невозможность заполучить обратно Ж'мерлия и Каллик достойна сожаления, но я решила, что так надо.

Как только я пришла в сознание, то учуяла опасность для нас обоих. В этой группе главный — Джулиус Грейвс. Он явно намеревался немедленно ограничить нашу свободу. Я не уверена, что мы смогли бы этому помешать. Когда толком не зна-

ешь, что вокруг происходит, всегда лучше оставаться свободным в своих действиях. Поэтому нам надо было бежать.

— Откуда ты знала, что я последую за тобой?

Грудные рецепторы Ненды восприняли донесшийся до них химический эквивалент мрачного юмора.

— Хорошо, Ат. Идея попасть в тюрьму мне нравится не больше, чем тебе. Что теперь? Мы вовсе не в безопасности. Грейвс и остальные могут прийти за нами в любую минуту. Ж'мерлия не хуже меня способен идти по твоему следу. Мы пока что еще сидим глубоко в дерьме.

— Не спорю. — Кекропийка согнулась перед Луисом Нендой, уменьшив свой рост так, что теперь ее слепая белая голова находилась на одном уровне с ним. Раскрытые желтые рожки шевелились по обеим сторонам безглазого лица. — Прежде чем принять решение, Луис Ненда, необходимо собрать достаточно информации. У меня вовсе нет данных, которые ты, возможно, получил от Джулиуса Грейвса. Например, где мы находимся? Зачем нас сюда притащили? Сколько времени мы провели без сознания? Где наш корабль «Все — мое» и в рабочем ли он состоянии, чтобы бежать на нем?

— Могу вкратце рассказать, что знаю, это даст некоторые ответы.

Выдав Атвар Х'сиал все сведения, полученные им после освобождения от действия лотос-поля, он потерял ладонью щеку и подбородок. На них выросла трех- или четырехдневная щетина, но это ни о чем ему не говорило: он понятия не имел, как быстро растет борода в «поле». Кое о чем из рассказанного им Атвар Х'сиал он догадался сам.

— Итак, если верить Грейвсу, — сказал он в заключение, — мы все еще внутри полого планетоида, кружащего вокруг Гаргантюа. Держу пари, того же самого, к которому нас забросило после Летнего Прилива. Грейвс сказал, что ему не больше нашего известно, для чего нас сюда затащили, или зачем посадили в центре комнаты как двух заморенных мух. Однако можно побиться об заклад, что сделали это не для нашей же пользы. Я не знаю, сколько времени мы там сидели, по крайней мере его хватило, чтобы Грейвс и все остальные раздобыли после Летнего Прилива корабль и долетели на нем до Гаргантюа. Только не спрашивай меня, откуда взялся этот компьютер со сдвинутой мозговой крышкой. Прежде я не видел ни его, ни что-либо подобное. Может, они привезли его с Опала. Думаю,

они туда возвращались, прежде чем направиться сюда, потому что Келли тоже с ними.

— Я отметила присутствие Келли. О нем не беспокойся: принципиальную опасность представляет только Грейвс, еще, возможно, вживленный компьютер, но только не Келли.

— Да. Грейвс сказал мне, что забирает нас отсюда и предъявит обвинение в покушении на убийство. Для него лучше заполучить нас вместе, иначе зачем бы он остановил меня, когда я чуть не залез обратно в лотос-поле за Каллик. Похоже, Грейвс абсолютно уверен, что мы предстанем перед судом, значит, здесь имеется, по крайней мере, один корабль в рабочем состоянии: либо тот, на котором они прилетели, либо «Все — мое», либо оба. Мы наверняка убежим, если только найдем дорогу на поверхность.

Большая слепая голова кивала в футах от лица Ненды.

— Прекрасно, Луис. Тогда у меня еще один вопрос: когда нам лучше бежать?

— Как можно скорее. У нас не больше нескольких часов в запасе, пока Грейвс снова не напал на наш след. Чего ради нам здесь торчать?

— По одной чудесной причине. — Атвар Х'сиал отклонилась назад и обвела передней конечностью окружающее их пространство. — Посмотри вокруг. У меня не было времени на обстоятельный осмотр, но когда я проходила через помещения планетоида, то мельком видела такие образчики технологии Строителей, какие не встретишь нигде во всем рукаве. Это же сокровищница, настоящий рог изобилия оборудования, причем настолько большой, что трудно судить о его емкости. Он может стать нашим, Луис.

Ненда потянулся и похлопал по морщинистому хоботку кекропийки.

— Добрая старая Атвар. Остаешься верна себе, а? Тебя не переделаешь. А люди говорят, что это я жадный. Ты придумала, как нам избежать встречи с Грейвсом?

— Кое-что. Но сначала главное. — Атвар Х'сиал расправила ноги и встала во весь рост. — Если стремиться к максимальному извлечению прибыли, придется сделать несколько заходов. Для исследования планетоида нам потребуется большой капитал, поэтому мы должны спланировать возвращение сюда, когда будет достаточное финансирование. Для этого, прежде чем уйти, нам надо выбрать несколько образцов техники и

оборудования, достаточно легких, чтобы вывезти их с собой на продажу в богатейшие миры рукава. Я бы это сделала сама, но у тебя больше опыта. Когда мы выберем, что нужно, оторвемся от Джулиуса Грейвса с его компанией и улетим.

— Тогда нам лучше пошевелиться. — Ненда протянул руку и ухватился за одну из передних конечностей кекропийки, чтобы та помогла ему встать. — Ты права, я люблю прицениться к товару. Особенно когда знаю, что платить за него не придется. Пошли, Ат, покопаемся.

Вскоре Луис Ненда отметил полное превосходство кекропийки в способности ориентироваться на Жемчужине. Сам он достаточно легко различал тупики, когда это позволяла освещенность. Но Атвар Х'сиал с ее чувствительным эхолокатором «заглядывала» за повороты коридоров и заранее знала, когда впереди появится большое открытое пространство, причем даже в полной темноте.

Очень скоро Ненда перестал вглядываться вперед. Он сконцентрировался на том, что у него получалось лучше всего: двигаясь вслед за Атвар Х'сиал, создавал мысленный каталог многочисленных новых приборов и артефактов, которые попадались им на пути. Выбор был огромен. Менее чем через полтора часа он похлопал ее по панцирю.

— Мне кажется, достаточно. Я заметил дюжину транспортабельных штуквин, а больше мы все равно, думаю, не унесем.

Атвар Х'сиал остановилась и повернула свою белую голову.

— Ты, конечно, эксперт по вещицам, которые можно хорошо продать, но хотелось бы послушать твой список.

— Хорошо. Я начну по порядку. Тот маленький водопроизводитель, который мы смотрели во второй комнате. Ты помнишь его? Никаких признаков источника энергии, или расходного материала, но производит в минуту пятьсот кубометров чистой воды. Ты можешь попросить за него сколько угодно на Ксерархосе или Сиссити, или другом пыльном мире.

— Согласна. В моем списке это тоже пункт первый.

— Только я не могу поднять его — это единственное, что меня волнует. Номер два у меня кубический ящик на шарнирах в трех комнатах отсюда, тот что с голубым заревом над открытым верхом.

— В самом деле? Я его смотрела, но ничего примечательного в нем не нашла.

— Это потому что ты не видишь света. Когда я заглянул в открытый верх, там виднелись какие-то звезды, но, повернув его на шарнирах, я увидел Гаргантюа прямо сквозь планетоид. Это всенаправленный интровизор — он позволяет наблюдать удаленные объекты сквозь любую преграду. Просто незамеченным для навигации в пылевых облаках.

— Предмет номер три охарактеризовать труднее. Сфера в последней комнате, парящая в пространстве и ни к чему не подсоединенная.

— На мой взгляд, она совершенно бесполезна.

— На мой тоже. Но она гораздо холоднее, чем все, что здесь есть.

— Что физически невозможно.

— Поэтому она мне и понравилась. Невозможные механизмы всегда самые ценные. Я не представляю, как она работает, да мне и дела до этого нет. Однако назову дюжину мест, где за нее хорошо заплатят в надежде обнаружить скрытый бездонный теплозаборник. Номер четыре...

— Достаточно. Ты убедил меня. Но есть еще одна вещь, которую я хотела бы совершить, прежде чем мы соберем выбранное и начнем искать выход из этого планетоида. — Атвар Х'сиал помахала перед собой одной из передних лап. Желтые рожки повернулись вперед, раскрылись на полную ширину и начали медленно поворачиваться из стороны в сторону. — Впереди есть еще одна комната: большая, открытая, обладающая аномальными акустическими свойствами. На некоторых частотах она кажется абсолютно пустой, на других я различаю в ее центре сферический объект.

— Ты думаешь, мы найдем там что-то особо ценное? Не стоит рисковать из простого любопытства.

— Ценность я определить не могу. Скажу только, что материал, проницаемый для определенных акустических частот, имеет потенциальную ценность для кекропийцев в качестве стекла, которое для людей прозрачно на определенных световых частотах. Я точно знаю, где мы могли бы применить этот материал. Для меня это может стать самой драгоценной вещью в мире.

Говоря это, Атвар Х'сиал медленно приближалась к месту, где тоннель кончался тупиковым провалом. Ненда подошел к ней сбоку, чтобы посмотреть вниз. После одного мимолетного взгляда он выругался и отпрянул назад. Она совершенно

спокойно относилась к высоте, что было обусловлено наличием летающих предков, но он высоту не переносил. Впереди был двадцатиметровый обрыв, плавно закругляющийся к котлообразному полу.

Атвар Х'сиал указала на центр комнаты.

— Там. Ты что-нибудь видишь глазами?

— Да. Это серебристый шар. — Ненда отступил еще на шаг. — Не нравится мне это, Ат. Лучше пойдем отсюда.

— Один момент. По моим ощущениям шар изменяется. Ты тоже это видишь?

Ненда, уже готовый уходить, несмотря на свое намерение стоял и смотрел.

Атвар Х'сиал была права. Пока они наблюдали, шар менялся, причем удивительным образом. Вся его поверхность покрылась рябью, словно колеблющаяся капля ртути. Потом эти вибрации приобрели характер стоячих волн и увеличивались по амплитуде до тех пор, пока не вобрали в себя всю первоначальную форму. Сверху образовалась пятилепестковая покачивающаяся головка, в то время как до самого пола опустился тонкий зубчатый хвост.

— Ахх. — Вздыхающий голос эхом разнесся по всей комнате. — Ахх. Наконец.

В отверстии, расположенном в центре деформированной сферы, запылало зеленое пламя. Оно упало на Атвар Х'сиал, высветив ее скорченное тело и большую белую голову. Луис спрятался за ней.

— Наконец, — снова проговорил голос, звучащий словно сама вечность. Станный едкий аромат разнесся по комнате. — Наконец... начнем. Вы здесь. Тестирование Того-Кто-Ждет заканчивается и можно начинать процесс отбора. Вы готовы?

Создание, балансировавшее в центре комнаты, не походило ни на одно из тех, что довелось повидать Луису Ненде за тридцать лет путешествий по рукаву. Но что же видела Атвар Х'сиал? Кекропийка, казалось, окаменела, раскинув свои антенны. Существо в центре комнаты частично было невидимо для ее эхолокатора. Распознала ли она опасность?

— Ат! — Ненда послал максимально насыщенный феромонный сигнал. — Не знаю, принимаешь ли ты от этой хреновины то, что получаю я, но поверь, мы влипли. Оно нас хочет. Не отвечай, лучше смотаться.

— Ты — нужная форма, — говорил голос, фокусируя зеленый свет на кекропийке. — Третья ожидаемая форма. Не дви-

гайся. — Атвар Х'сиал сделала шаг назад, натолкнувшись на Луиса Ненду. — Перенос готов начаться.

Луис Ненда схватил одну из передних конечностей кекропийки.

— Ат! Никаких посланий. Скорей уматываем! — Он повернулся и сделал шаг.

Слишком поздно. Прежде чем он успел сделать второй, пол исчез. Он падал в глубь вертикальной шахты. Посмотрел вниз. Ничего, только режущая глаз чернота. Вверх. Над ним была Атвар Х'сиал с распахнутыми надкрыльями и рудиментарными крылышками. Поджав свои шесть лап, она была готова опуститься — на голову Луису Ненде.

Он вновь глянул вниз в поисках дна шахты и ничего не увидел, однако понял, что из-за малых размеров планетоида конец падения наступит через секунду-другую.

И что потом? Да ничего хорошего, это уж точно. Ненда летел и ругался. Теперь-то он прекрасно все понимал. Они чуточку пожадничали. Им следовало рвать когти оттуда, собрав все необходимое.

Устремив взгляд в накатывающую снизу упругую тьму, он успел подумать: «Лучше бы мы остались с Джулиусом Грейвсом». На данный момент обвинение в покушении на убийство выглядело чертовски привлекательным.

ГЛАВА 17

Когда Луис Ненда и Атвар Х'сиал скрылись в темноте, Берди Келли вовсе не горевал, что увидел их спины. Грейвс считал необходимым арестовать эту парочку как преступников, ну что ж, пожалуйста. Карланец Берди никогда не нравился, а от крылатой кекропийки у него по спине мурашки бегали. Скатертью дорога обоим.

Спихнув с себя Джулиуса Грейвса, Берди поднялся на ноги и огляделся. Все вверх дном. Он не знал, с чего лучше начать.

Полузадушенный Грейвс усиленно глотал воздух, однако с ним, похоже, все было в порядке. Берди не стал обращать на него внимания. Каллик лежала без сознания на полпути к центру зала, и помочь ей Берди ничем не мог.

Распростертое чуть ближе тело В.К. Талли находилось в ужасном состоянии. От кровоточащей головы тянулся жгут, заканчивающийся в нескольких метрах от места, где стоял Берди, ни к чему не подсоединенным разъемом. Для Талли тоже ничего нельзя было сделать, потому что тело его находилось слишком глубоко в лотос-поле.

Берди посмотрел на Ж'мерлию. Лотфианин лежал на вогнутом полу в зоне концентрических колец, все еще крепко держа в лапках отсоединенный мозг В.К. Талли. Если он тоже нокаутирован или на него подействовало поле...

Пока Берди размышлял, Ж'мерлия задвигался, выползая из внешнего кольца к периметру. Берди, подняв свободный конец нервного жгута, поспешил ему навстречу.

— Где Атвар Х'сиал? — спросил Ж'мерлия, едва только пересек границу желтого кольца.

— Удрала. С Луисом Нендой. О них мы позаботимся позже. Иди сюда. — Берди поднял разъем. — Переверни мозг Талли, посмотрим, можно ли снова подключить его.

Соединение, рассчитанное на бережное обращение, было грубо вырвано из гнезда. Теперь контакты отказывались становиться на место. Стоило отпустить разъем, как он выпадал из компьютерного мозга, Берди, ничего не знавший о предосторожностях при подключении вживляемых компьютеров, помолился, вновь вставил разъем и надавил — на этот раз значительно сильнее.

Внизу, на покато́й поверхности вогнутого пола тело В.К. Талли задергалось в конвульсиях. Раздался хрип и звук «фху-у» из легких, с силой выдохнувших воздух.

— Талли! — закричал Ж'мерлия. — Ты меня слышишь?

Разбитое тело с окровавленной головой стояло на четвереньках, изо всех сил пытаясь принять вертикальное положение. Сделав несколько попыток подняться, опираясь на поспившие руки, тело все-таки встало на ноги.

— Я слы-слышу... очень плохо. — Речь звучала искаженно. — Очень трудно... коворить. Часть контактов соединителя поло-ломались, когда его вынули. Другие... стали хуже-ее. Я искадь... как их скомпенсирорадь. Не беспокойтесь, меня разработали с высокой степенью избытофности. Я... восстанавливаюсь. Со мной все будет в порядке. Со мной все будет отлично.

Однако Берди вовсе не был в этом уверен. Едва Талли произнес последние слова, как вновь упал ничком.

— Не надо спешить, В.К. Времени у нас полно.

— Брр-ирр, — ответил В.К. Талли. — Гррр-иррф. — Но прогресс все-таки был. Он встал опять, хотя и шатаясь, но прямо. Пока Берди и Ж'мерлия наблюдали за ним, он сделал два пробных шага — абсолютно в противоположном направлении.

— Неверно, В.К.! — воскликнул Берди. — Не туда идешь. Иди к выходу, сейчас ты направился в центр.

— Я прекрасно... осведомлен об этом. — Голова медленно повернулась, чтобы посмотреть на них через плечо. Голос звучал все хуже. — Поскольку по некоторым причинам необходимо вытащить хайменоптгу Галлиг, наиболее эффективно это сделать сейчас, сэкономив время и силы.

В общем, В.К. Талли и правда восстанавливается, думал Берди, раз к нему возвращается обычная дурость, если только это можно назвать восстановлением. Он осторожно подавал нервный жгут, пока Талли хромал в направлении Каллик. Едва только Талли нагнулся и с трудом, как ребенка, взял маленькую хайменоптку на руки, из его раскрытого черепа хлынула кровь.

— Сейчас мы фыйдем. Приготовьтесь поставить меня... опратно в черепную коропку, как только я приду. Сенсорные сигналы через нервный жгуф идут все хуже. Пожалуйста, протолжайте коворить, чтобы я знал направление г вам. Я польше не вижу.

— Сюда... сюда... сюда... — указывал направление Ж'мерлия, будучи не в силах ждать. Когда Талли находился в середине желтого кольца, лотфианин бросился к нему навстречу и, приняв на себя часть веса Каллик, проводил Талли до самого выхода. В ту же секунду В.К. Талли захрипел и повалился на пол рядом со спасенной Каллик.

— Быстрее. — Джулиус Грейвс наконец-то очухался настолько, чтобы стать полезным, и принялся сматывать бинт с черепа Талли. — Стивен говорит, что возможно возникновение неустранимых нарушений, если пользоваться поврежденным разъемом больше одной-двух минут. Мы уже близки к этому пределу.

Как только бинт сняли, Берди открыл крышку.

— Ну вот, В.К., у нас все готово. Через несколько секунд ты снова будешь подключен. Давай! — сказал он Ж'мерлии, стоявшему наготове. Разъем беспрепятственно вышел из мозга, как только Берди потянул за жгут. Тело Талли рухнуло на Берди. Голубые глаза закрылись.

Джулиус Грейвс извлек короткую спираль, соединявшую тело с мозговым разъемом компьютера, и осторожно вставил ее на место. Конечности Талли дернулись. Никто не успел даже вздрогнуть, как глаза моргнули и раскрылись.

— Очень хорошо, — произнес Талли. — Интерфейс оставался неподключенным всего две и четыре десятых секунды. Все сенсорные и моторные функции в порядке. Теперь я предпочел бы сам закрыть черепную крышку. Поэтому, если не возражаете...

Он поднял руки, отодвинул ладони Грейвса и, взявшись за открытую крышку черепа, повернул ее на шарнирах в первоначальное положение. Стоявший за ним Берди опять увидел сплетение кровеносных сосудов; затем крышка повернулась, накрыв защитные мозговые оболочки. Талли надавил сверху. Раздался легкий щелчок. Череп вновь обрел целостный вид без каких-либо щелей, хотя и стал несколько скошенным набок.

Как только Талли, медленно подняв руку, стер с глаз кровь, трое остальных переключились на другие заботы. Берди обнаружил, что Каллик пришла в сознание и молча наблюдала за происходящим.

— Ты себя нормально чувствуешь?

Хайменоптка покачала головой.

— Физически я в полном порядке, но ничего не могу понять. Непонятно, как я попала сюда, но еще более непонятно, как попали сюда вы. Последнее, что я помню, это как я пошла туда. — Она указала на центр зала. — Там был мой хозяин. Теперь его там нет, и Атвар Х'сиал тоже. Где они?

— Хороший вопрос. — Берди механически сматывал нервный жгут. Старая привычка к порядку забывалась нелегко. — Ж'мерлия, не мог бы ты ввести Каллик в курс дел, пока остальные будут думать, куда идти дальше? — Он обернулся к Джулиусу Грейвсу. — Я ни за что не отвечаю и никогда не отвечал, но мне хочется разыскать профессора Лэнг и капитана Ребку не меньше, чем вам, и, если надо, помочь им. Я знаю также, что вы хотите схватить Ненду и эту кекропийку, чтобы воздать им по заслугам. Однако не кажется ли вам, что пора обо всем этом позабыть и начать действовать рационально? Я имею в виду — для начала убраться отсюда и остановиться в каком-нибудь безопасном месте.

Слушая самого себя, Берди поражался своему нахальству. Будучи по сути абсолютно никем, он рекомендовал представи-

телю центрального Совета, что делать. Но Грейвса это, казалось, нисколько не задело. Его лысая голова медленно кивала, а на опаленном радиацией лице сохранялась серьезная мина.

— Комиссар Келли, я не стану с вами спорить. Вы, так же как Ж'мерлия, Каллик и В.К. Талли, оказались вовлечены в очень опасную ситуацию лишь из-за моего желания отдать Луиса Ненду и Атвар Х'сиал под суд и удовлетворить собственное любопытство. Оно того не стоит и, к тому же, неразумно. Я намерен продолжить исследование Жемчужины. Надеюсь все-таки отыскать Луиса Ненду и Атвар Х'сиал, а также Ханса Ребку и Дари Лэнг. Вы за это ответственность не несете. И с этого момента вы официально свободны. Вы, В.К. Талли, Ж'мерлия и Каллик можете возвратиться на поверхность. Возьмите «Летний сон», отправляйтесь на Опал и доложите обо всем. Второй корабль оставьте для меня и остальных, если мне удастся найти и спасти их.

Лучшего ответа Берди не чаял услышать. Он вытянулся по стойке смирно.

— Есть, сэр! Каллик, Ж'мерлия, В.К.! К отправке все готовы? Вживленный компьютер покачал головой:

— Улетайте, Берди Келли, как только все подготовите. Однако я не могу вас сопровождать. Я послан в систему Добеллия с заданием: выяснить, что произошло во время Летнего Прилива, и узнать, почему капитан Ребка и остальные предпочли здесь остаться. Полный ответ еще не получен, и мое задание считается пока невыполненным. Я обязан остаться с советником Грейвсом.

Оставались еще двое чужаков. Однако, повернувшись к ним, Берди уже догадался, что его ждет разочарование. Каллик приседала вверх-вниз, издавая щелчки и свистки, что свидетельствовало о ее сильнейшем возбуждении.

— Хозяева живы! Хозяева живы! Ж'мерлия говорит, что они где-то внутри Жемчужины. Благородные люди, пожалуйста, разрешите нам найти их и приступить к своей службе.

— Вы все еще хотите идти за этими двумя мошенниками? — Берди не слишком надеялся на успех своей маленькой речи, но попытку все же предпринял. — Каллик, они удрали от тебя и Ж'мерлии, оставив вас умирать на Тектоне. Они убежали от вас и здесь, когда вы находились в лотос-поле, совершенно не думая, выберетесь ли вы. Их вовсе не заботит, что с вами случится. Поэтому вы ничем им не обязаны.

— Но они наши хозяева! Наши настоящие, прекрасные и единственные хозяева! — Каллик повернулась к Грейвсу. — Высокопочтимый советник, пожалуйста, дайте нам свое разрешение сопровождать вас. Мы готовы исполнять любые ваши приказы. Позвольте комиссару Келли улететь домой, но, пожалуйста, не отправляйте нас вместе с ним на Опал. Позвольте остаться с вами для поиска хозяев.

Слушая ее, а также глядя на Ж'мерлию и В.К. Талли, Берди вдруг понял истину. Все они имеют в виду, что он попытается пролететь сквозь стаю разъяренных фагов в одиночку. Без помощи Каллик в качестве штурмана его шансы выжить практически равнялись нулю. А потом, если ему каким-то чудом все-таки удастся прорваться, его всю дорогу до Опала будет мучить совесть из-за того, что он струсил.

Хорош выбор: быть дураком или подлецом, причем подлец почти наверняка будет убит при взлете с Жемчужины. Для Берди все же безопасней остаться здесь.

Он вздохнул.

— Я пошутил. Предпочитаю выяснить, что случилось с остальными. Ведите, советник. Мы все останемся с вами.

— Чудесно. Я очень рад, что вы решили остаться. Ваша помощь крайне необходима. — Грейвс наградил его признательной улыбкой.

В ответ Берди низко поклонился. Хуже, чем оказаться подлецом, только одно — быть ошибочно принятым за героя.

Одинокое блуждания Каллик по Жемчужине до появления остальных сослужили им хорошую службу. В результате этих хождений в ее голове сложился план многочисленных комнат и коридоров. Она уже знала, что на нижних уровнях высокая гравитация, неприемлемая для людей и кекропийцев. Также она абсолютно уверилась, что нет другого выхода на поверхность, кроме сделанного ею с помощью ингибитора поля. Чтобы попасть к нему, Ненде и Атвар Х'сиал необходимо опять пройти зал с лотос-полем. И если они еще это не сделали, то непременно находятся где-то внутри Жемчужины.

Джулиус Грейвс, сопровождаемый двумя чужаками, указывал дорогу. Следом шел Талли, все еще держа в руках катушку нервного жгута, который Берди сматал. Возможно, лотос-полей внутри больше нет — Каллик они не попадались, но лучше все предусмотреть.

Берди шел последним. Арьергард вовсе не безопаснее любого другого места, но ему хотелось побыть в одиночестве, чтобы как следует подумать. Он все еще размышлял над своим решением остаться на Жемчужине. И в конце концов проклял его. Ему стало ясно, правда, слишком поздно, что следовало по крайней мере вернуться на поверхность и посмотреть, что там творится. Чего доброго, фаги уже улетели в поисках какой-нибудь другой добычи. Возможно, путь домой свободен. А если они не улетели, тогда, возвратившись сюда, он не чувствовал бы себя хуже, чем теперь.

Они спускались все ниже, минуя бесконечную череду коридоров, раздвижных переборок и комнат всех форм и размеров. Берди сомневался, что найдет дорогу назад, но это не имело большого значения, поскольку В.К.Талли хранил в банках данных своей неорганической памяти любой поворот и закоулочек, которым они прошли. Берди внезапно налетел на спину викара. Грейвс, шедший впереди, остановился, а он этого не заметил.

Советник повернулся:

— Впереди что-то есть. — Его глубокий, раскатистый голос понизился до хриплого шепота. — Там странные звуки. Ждите здесь. Ж'мерлия и я пойдем вперед. Вернемся через пять минут или раньше. Если не вернемся, за последующие действия будет отвечать комиссар Келли.

Прежде чем Берди успел возразить, он ушел. За все последующие действия. Вот те на — из грязи, да в князи. Даже не удосужился сказать, что ему делать.

— Как я узнаю, что пять минут прошли? — спросил он Талли.

— Я буду вас информировать. Мои внутренние часы идут с точностью до фемтосекунды. — Талли поднял грязный палец. — С момента произнесения советником Грейвсом его последних слов прошло ровно... сорок шесть секунд. Сорок семь. Сорок восемь. Сорок девять. Пятьдесят.

— Перестань, В.К. Ты не даешь мне сосредоточиться.

— В самом деле? Как странно. У меня нет такой проблемы. Приношу соболезнования по поводу ограниченности ваших возможностей лишь последовательными процессами.

— Еще хуже, когда ты открываешь рот. Сиди тихо. Отсчитывай только минуты.

— Очень хорошо, комиссар, но одна минута уже прошла.

— Тогда скажешь, когда пройдет две. — Берди повернулся к Каллик. — У тебя уши работают лучше, чем у нас: слышишь какие-нибудь звуки впереди?

Каллик немного помолчала, соображая.

— Звуки — да, — сказала она наконец. — Но ничего напоминающего человеческие. Только сопение и тяжелые вздохи, словно прудовик проветривается.

— А теперь поднапрягись, Каллик. Прудовика там быть не может — он заполнил бы собой весь планетоид. Были там какие-нибудь слова?

— Возможно. Только не на известном мне языке. Ж'мерлия гораздо лучший лингвист, чем я, возможно, вам следовало бы спросить его.

— Его здесь нет — он с Грейвсом.

— Когда он вернется.

— Но если он вернется, тогда мне не надо будет...

— Две минуты, — громко произнес Талли. — Можно мне говорить?

— О Господи, Талли, что там у тебя еще? Я же сказал тебе сидеть тихо. Ну ладно, давай, выкладывай.

— Меня заботит окружающая обстановка. Как вы, вероятно, знаете, работа моего мозга требует экранировки от электромагнитных полей. Для этого в защитных оболочках имеются чувствительные датчики. В коридоре, где мы стоим, очевидно, присутствуют ингибиторы поля, и чем дальше, тем сильнее ощущается их присутствие.

— Ну так что из этого? Тебе не кажется, что у нас есть более серьезные проблемы, над которыми стоит подумать?

— Нет. Исходя из предположения, что ингибиторы работоспособны и внутренняя структура Жемчужины поддерживается в стабильном состоянии, теми же методами, что и поверхность, мы испытаем значительное изменение окружающей обстановки при включенных ингибиторах, и это может произойти в любой момент.

— Изменение окружающей обстановки? Что ты имеешь в виду?

— Проще говоря, мы просто провалимся сквозь пол. Что будет дальше — сказать не могу. У меня нет информации о том, что находится внизу, но позвольте заметить следующее: открытые части Жемчужины имеют протяженность порядка пятидесяти метров между соседними внутренними уровнями;

падение с пятидесятиметровой высоты в условиях данной высокой гравитации приведет к выходу из строя всех членов нашей команды, исключая, возможно, Каллик.

— Проклятье! — Берди резко отступил назад и посмотрел под ноги. — Навернуться с пятидесяти метров? Да мы в лепешку расшибемся!

Прежде чем он успел еще что-то добавить, впереди него в тоннеле замелькало множество ног. Ж'мерлия поспешно возвращался.

— Все в порядке, — возбужденно произнес он. — Советник Грейвс говорит, что к нему идти безопасно. Он беседует с существом, которое обитает на Жемчужине. Оно понимает человеческую речь и знает, где сейчас находятся Атвар Х'сиал и Луис Ненда! Оно не собирается причинить нам никакого вреда, поэтому опасности для нас нет. Идемте за мной, пожалуйста.

— А теперь постой минутку. И ты тоже, Каллик. — Берди схватил в охапку готовые совершить стремительный пробег ноги хайменоптки. Конечно, если, бы она решила бежать, то ни он, ни какой-либо другой человек не остановили бы ее. — Ты утверждаешь, что мы в безопасности, Ж'мерлия, но это расходится со словами В.К. Он считает, что пол в тоннеле может раствориться под нами в любой момент. Мы все упадем и погибнем. Не подождет ли это что-бы-там-ни-было немного, пока мы убедимся в своей безопасности?

— Я не знаю. — Ж'мерлия на мгновение замер, склонив в раздумье голову на бок. — Полагаю, подождет, — сказал он наконец. — В конце концов, ждал же он шесть миллионов лет. Вероятно, несколько лишних минут ему долгими не покажутся.

Из внутренних файлов вживленного компьютера В.К. Талли.

Информация для оперативного файла, содержащая сведения об аномалиях человеческого поведения.

Опыт, полученный в последнее время, заставляет меня подозревать, что информационные банки, используемые при начальном инструктаже вживленных компьютеров, настолько неполны по части человеческих реакций, что информация, которую они содержат, не только бесполезна, но определенно вредна.

Данный обзор базируется на практически приобретенном опыте.

После того как мой мозг вынули, а потом вновь установили на место, я не был вполне уверен, что буду способен функ-

ционировать на прежнем уровне. Несмотря на то, что сам мозг работает так же, как всегда, физическое состояние тела безусловно ухудшилось. Более того, я полагал, что мой интерфейс поврежден, хотя понимал, что самому судить об этом трудно.

Надлежащее тестирование легко бы подтвердило либо опровергло гипотезу о снижении функциональности. Тем не менее, не произведя никакой проверки уровня работоспособности после демонтажа с последующим насильственным обрывом интерфейса, люди стали относиться ко мне заметно уважительнее.

Логика подсказывает единственное объяснение, а именно: наличие окровавленного бинта на моей голове, что предупреждало бы любое рационально мыслящее существо о снижении моей функциональности, вместо этого повлекло повышение моего статуса. У людей физические повреждения вызывают возрастание уважения. Чем больше достается моей голове, тем больше они обо мне заботятся!

Интересно знать, до каких пределов это возможно. Если я навсегда лишусь верхней черепной крышки, не станут ли они благоволить передо мною?

Очень может быть.

А если меня полностью уничтожить?

Этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

ГЛАВА 18

Берди проработал на правительство Опала двадцать шесть с половиной лет, что казалось ему вечностью. Основываясь на полученном опыте, он частенько называл людей самыми мерзкими, ненормальными и упрямыми тварями во Вселенной.

Теперь бы он этого утверждать не стал. Оказалось, существуют и другие существа, которые по своему безумию дадут сто очков вперед любому человеку.

Они стояли в конце тоннеля над страшным отвесным провалом в никуда. Большеголовый лысый Джулиус Грейвс перевесился через край и смотрел на гигантский серебряный чайник с цветком вместо носика, парящий в пустоте. Джулиус, а может, Стивен, разговаривал с ним, как со своим давно потерянным братом.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду, Тот-Кто-Ждет, — произнес он. — Это наш первый визит. Раньше мы никогда здесь не были.

И чайник ответил ему! Однако не сразу. Сначала он издал звук, напомнивший Берди завывание хора волюнок, которым следовало подкачать воздуха. Потом засопел. Потом зловеще свистнул, как паровой гудок, затем наконец произнес, подражая акценту Грейвса:

— Вы — не как отдельные личности. Я не это имел в виду. Вы — как разумные существа.

Похоже, смысл сказанного до Грейвса доходил не быстрее, чем до Берди, поскольку советник, наморщив лоб, спросил:

— Представители нашего разума уже были здесь?

Раздался очередной рык, словно подыхал прудовик — здесь Каллик была права. Затем донеслось:

— Нужные представители вашего разума пришли сюда. У нас их больше, чем необходимо. Одного было бы вполне достаточно, но пришли трое людей, включая одного со специальными добавочными приспособлениями.

При этих словах Каллик взвизгнула прямо Берди в ухо, причем громче, чем чайникоподобное существо.

— Добавочное приспособление! — воскликнула она. — Это же наращение. Это наверняка хозяин Ненда. Он был здесь, и он еще жив.

Тот-Кто-Ждет явно понял ее, потому что продолжил:

— Да, один с наращением, и еще одна необходимой другой формы, большая слепая с секретной речью. Она тоже прошла.

Это заставило уже Ж'мерлию запрыгать от радости так же, как и Каллик.

— О-о, Атвар Х'сиал! Она жива. Комиссар Келли, разве это не чудесные новости?

Берди предпочел не отвечать. Известие о выживании какого-то жука, к тому же эксплуатировавшего Ж'мерлию в качестве раба, большой радости ему не принесло. Правда, он тут же подумал, что у лотфианина и хайменоптки собственный взгляд на то, что считать важным.

Причитания Ж'мерлии ни на секунду не сбили Того-Кто-Ждет с ритма. Носик чайника расширился, тело слегка задрожало. Затем он произнес:

— Таким образом все, кто нужен, прошли. Трое разумных существ есть. Ваше дальнейшее присутствие не является необ-

ходимым. Мы приведем в действие систему безопасной доставки вас в родные миры.

Похоже, время делать стойку на руках и открывать шампанское еще не наступило, но эти слова показались Берди самым лучшим, что он слышал со времени их старта с Опала. Безопасная доставка к родным мирам! Значит, они летят домой! Если бы Тот-Кто-Ждет не висел в пустоте в пяти шагах, Берди, наверное, бросился бы ему на шею и расцеловал.

В этот момент произошло то, во что даже Берди не сразу поверил. Ж'мерлия и Каллик выступили вперед и начали так скулить, стрекотать и свистеть, что легче было умереть, чем выдержать этот шум.

— Нет, нет, этого не может быть. Мы должны последовать за хозяевами. Пропустите нас. Мы не можем возвращаться без наших хозяев.

В конце концов это, похоже, возымело действие на Того-Кто-Ждет. Он произвел ужасающий горло-желудочно-кишечно-харкающий звук.

— Вы хотите, чтобы вас тоже пропустили? В этом состоит смысл ваших слов?

Берди решил, что одинокое сидение здесь и ожидание в течение шести миллионов лет, видимо, сказались на умственных способностях существа. Каллик и Ж'мерлия, казалось, это не смущало.

— Да, да, да, — затараторили они на два голоса. — Пропустите нас, это наше самое заветное желание. Пропустите нас.

— Подобное действие возможно, — подтвердил Тот-Кто-Ждет. — Трудностей оно не представляет, хотя время переноса точно предсказать невозможно; но для оставшихся трех людей безопасная доставка в родные миры...

Наконец-то!

— Да! — воскликнул Берди. — В родные...

— Нет, — произнес Джулиус Грейвс прежде, чем Берди успел договорить. — Только не я. Это совершенно неподходящее предложение. Я обязан выяснить, что случилось с Хансом Ребкой и Дари Лэнг. Я также должен найти и арестовать Луиса Ненду и Атвар Х'сиал и доставить их в Альянс, чтобы отдать в руки правосудия. Не будешь ли ты любезен пропустить меня тоже.

Это было одно из самых глупых заявлений, услышанных Берди за всю свою жизнь. Атвар Х'сиал и Луиса Ненду отпра-

вили незнамо куда, к черту на рога; вместо того чтобы пожелать им счастливого пути и всего хорошего, после чего со спокойной совестью отправиться домой, Джулиус Грейвс намерен преследовать их.

— Тогда... — произнес Тот-Кто-Ждет, но его пауза затянулась на одну лишнюю секунду. В разговор вступил В.К. Талли:

— Можно мне говорить? Я совершенно не имею права возвращаться в Солнечную систему с настолько невыполненным заданием. Мне дано указание выяснить, что произошло во время Летнего Прилива и почему. К ответу на эти вопросы я не ближе, чем в тот день, когда покинул завод на Персефоне. Логика подсказывает, что ответ связан с действиями Атвар Х'сиал и Луиса Ненды. Совершенно очевидно, что меня тоже необходимо «пропустить», что бы ни означало это понятие, и позволить присоединиться к остальным.

Это полностью подтвердило мнение Берди, что В.К. Талли — механический идиот. Если бы вживленный компьютер хотя бы наполовину был так умен, как должен, он рванул бы домой и там уже состряпал отчет по Летнему Приливу. На Опале это сделал бы шестилетний ребенок. Талли, наверное, повредили при обучении, и поэтому он мог говорить только правду.

Когда Ж'мерлия и Каллик ринулись вперед, Берди остался в хвосте группы. Теперь он тоже вышел вперед, причем, пожалуй, даже слишком близко к краю. Он хотел, чтобы его отправили на Опал, домой, причем легко и безопасно, как обещал Тот-Кто-Ждет.

— Я бы хотел... — начал он.

Однако опять не закончил, ибо чайник затрясся, словно гонг, по которому как следует ударили. Пока он это делал, в разговор снова вступил Грейвс. Судя по тону голоса, говорил Стивен.

— Прежде чем мы все отправимся, чтобы присоединиться к остальным, — сказал он, — у меня есть несколько вопросов. Насчет этого планетоида и Строителей, а также — зачем им нужны люди и кекропийцы. Куда мы отправляемся? Кто ты такой и какова твоя во всем этом роль? Что это за трое разумных существ, о которых ты упомянул? На все эти вопросы, я чувствую, ответ знаешь только ты, и, вероятно, никто другой. Поэтому, если ты будешь так любезен...

Берди был уверен, что Стивену прикажут заткнуться. Вместо этого Тот-Кто-Ждет снова издал один из своих ужасных

звуков. Берди не мог даже толком разобрать, из чего он состоит. Тот-Кто-Ждет перестал трястись и некоторое время спокойно повисел в воздухе. Затем начал придвигаться ближе.

— Вопросы, — произнес он. В его голосе Берди послышалось такое изнеможение, словно тот собирался уползти в какое-нибудь тихое место и всхрапнуть там еще миллионов шесть лет, а Грейвс помешал ему своими дурацкими расспросами. — Это, вероятно... предсказуемо. И не так уж неразумно.

Тот-Кто-Ждет продолжал придвигаться все ближе, заставив их всех слегка попятиться. Никто его не касался, но Берди сказал бы, что серебристая поверхность холодна, настолько холодна, что от нее в воздухе растекается легкий морозец. Даже вблизи он не мог определить, из чего же сделано существо, но по нему все время бежала тонкая мелкая рябь, не более сантиметра-двух высотой. По крайней мере частично Тот-Кто-Ждет наверняка состоял из жидкости. Когда он уселся на своем хвосте, распростертом по полу, Берди разглядел его зазубренную форму.

— Очень хорошо, — произнес он наконец. — Я поговорю с вами. Будет лучше, если я начну со своей собственной истории...

Внутри Берди все так и зарычало. Как будто она и так неизвестна! Возраст шесть миллионов лет и самая чужая форма во всем рукаве, но в остальном больших отличий не наблюдается.

Поскольку Тому-Кто-Ждет предложили на выбор ряд тем, он предпочел говорить о самом себе.

ГЛАВА 19

Сторожевое чутье, запрятанное где-то глубоко в подсознании Ребки подсказало ему, что он видел в баке. Ничего подобного он прежде не встречал, но кожа покрылась мурашками, а волосы на затылке встали дыбом.

— Что с тобой, Ханс? — снова спросила Дари. — Ладно, хватит. Дай и мне посмотреть.

Она потянула его за рукав скафандра. Что-то в его напряженной позе подсказало ей, что здесь происходит нечто не-

обычное, и он не собирается сходить с места. Она притиснулась ближе и впиалась глазами в иллюминатор.

Некоторое время глаза привыкали к слабому освещению. Пока она таким образом адаптировала свое зрение, в мозгу пронеслась яркая и отчетливая мысль: «Осторожнее! Это статический бак! — Внутри и не должно быть света, вообще никакого. Не должно быть, пока бак находится в статическом режиме. Что же происходит?»

Когда она наконец стала видеть, все мысли разом покинули ее. Не далее, чем в трех футах от ее лица, находился огромный глаз размером с ее растопыренную ладонь. Этот небесно-голубой шар был полностью закрыт веком. Он располагался на выпуклой голове темно-синего цвета, шириной более метра. Между далеко разнесенными глазами злобно торчал клюв, имевший загиб вверх и достаточно большой, чтобы запросто схватить и раздробить человеческую голову.

Остальная часть тела вытянулась во всю длину бака; но дальше Дари смотреть уже не требовалось.

— Зардалу. — Слово это шепотом слетело с губ, вырвавшись помимо ее воли.

Стоявший рядом Ханс Ребка пошевелился. Тихо сказанное слово вывело его из транса.

— Да, уж. Скажи мне, что я сплю. Их нет на свете. Больше нет.

— Он жив, смотри, Ханс, он шевелится.

Любопытство ученого в Дари Лэнг снова начало брать верх. Зардалу истребили в рукаве несколько тысяч лет назад, однако они все равно оставались галактическими пугалами, хотя все, что было о них известно, — это лишь теории, мифы и легенды. Подробностей не знал никто — ни их психологию, ни историю их эволюции, ни их привычки. Никто не мог сказать, каким образом головоногие, первоначально морские существа, ухитрились выжить и научиться дышать на суше.

Внезапно Дари осознала, что на последний вопрос способна ответить. Она заметила медленное волнообразное движение перистальтики, пробегающее вдоль всего тела существа. Наверняка зардалу дышали, используя тот же принцип, который применяется обычными морскими головоногими для реактивного движения; только вместо забора и выброса воды зардалу совершали то же мускульное движение для забора и выброса воздуха.

А как они двигались? Она внимательно посмотрела на тело. Верхняя часть представляла собой цилиндр с закругленным верхом, от которого тянулось вниз сплетение гладких мускулов. Глаза и клюв располагались на метр ниже. Под клювом виднелась длинная вертикальная щель, окруженная эластичной мышечной тканью. Разницы в ширине между головой и туловищем не наблюдалось, но под этой длинной ротовой полостью находилось ожерелье из сумок с круглыми входными отверстиями, около шести дюймов в ширину, кольцом опоясывающее тело. Дари разглядела бледно-голубые овалы различных размеров, выступающие из стенок сумок. Вдоль тела, удлинняя его, раскинулись перепутанные толстые конечности, также бледно-голубого цвета. Видно было, что они достаточно сильные, чтобы на них ходить, несмотря на несколько широких перепонок, соединяющих их в самой толстой части. Два шупальца имели расщепленные, похожие на тонкие веревки концы.

Если этими отростками можно управлять независимо, подумала Дари, то способность зардалу к манипуляции выше, чем у любого человека и, вообще, у любого живого существа в руке.

Она ощутила неприятный страх. Зардалу внушали ей ужас, но в то же время она понимала, что они красивы. Красота эта порождалась функциональным совершенством их тел. В них все говорило о физической силе и ловкости. Единственной аномалией являлись перепонки, опоясывающие верхнюю часть шупалец.

— Зачем нужны эти складки, Ханс? — прошептала она. — Они не могут служить физической опорой. Тебе не кажется, что они предназначены для деторождения, или для хранения запасов пищи, или же как оружие?

Ханс Ребка все еще смотрел на медленные волнообразные движения, прокатывающиеся по телу зардалу.

— Дари, этого не должно быть. Это невозможно. Помни — это стазисный блок. Все там должно замереть, даже само время, а эта штукавина дышит. Посмотри на ее глаз.

Тяжелое веко чуть-чуть затрепетало. Вскоре кончик одного из шупалец дрогнул и согнулся на несколько сантиметров.

Ребка отпрянул от бака.

— Дари, этот зардалу не в стазисе, может, он в нем и был, но только несколько часов назад, а сейчас он начинает просы-

паться. Понятия не имею, сколько времени уйдет на его реанимацию, но Посредник, наверное, включил ее, как только мы прибыли. Он сказал, что было «всего лишь две» формы, и я решил, что он имеет в виду нас двоих. Но теперь, похоже, он имел в виду две разумные формы — человека и зардалу. Необходимо найти его и расспросить. Вероятно, он не представляет, кто такие зардалу.

Он уже переходил от одного бака к другому, быстро заглядывая в каждый.

— Везде одинаково. Все начинают просыпаться.

Он поспешил к пищевому блоку и принялся охапками вытаскивать все еще замороженные пакеты, рассылая их по карманам. Дари поразило, что даже в такой ситуации он способен думать о еде. Сама она сейчас не смогла бы проглотить ни крошки.

Он нетерпеливо повернулся к ней.

— Ну давай же.

Дари с неохотой подчинилась. Это противоречило всем ее принципам: оставить нечто совершенно неизвестное, вокруг чего изломано столько копий в многочисленных дискуссиях по всему рукаву. Возможно, Ханс прав, предположив, что Посредник понятия не имеет, кто такие зардалу; правда, то же самое можно сказать и о людях. Существуют лишь гипотезы и теории, но никто не знает ничего определенного. И ей, только ей представилась такая уникальная возможность...

Лишь одно заставило ее последовать за Ребкой: страх, от которого все внутренности смерзлись в ледяной ком, когда она впервые увидела темно-синюю кожу и округлое тело. Ей не хотелось оставаться с зардалу, пусть даже лежащим без чувств.

По мнению всех специалистов, люди никогда не встречались с зардалу. Великое Восстание произошло раньше, чем человек вышел в космос. Но существовали и иные сведения о древних временах, нежели те, что хранились в банках данных. Что-то в глубинах памяти Дари подсказывало, что встречи происходили, но задолго до начала письменной истории человечества.

Причем это были кровавые и беспощадные столкновения. Когда-то давным-давно, зардалусские разведчики обратили внимание на Землю. Их что-то остановило, прежде чем они успели колонизировать ее. Но не первобытные люди, а скорее всего Великое Восстание. Десятки разумных рас и сотни планет

навсегда исчезли в пламени этой революции. Ничего не подзревшая Земля спаслась благодаря их самопожертвованию, а зардалу были уничтожены.

Или почти уничтожены. Идя вслед за Хансом, Дари вдруг почувствовала, что вся дрожит. Он прав. Они должны найти Посредника и предупредить его, даже если сами не вполне уверены в том, о чем предупреждают.

Добраться до него, полагали они, чрезвычайно просто. Они вошли в его тело и с тех пор не покидали его. Следовательно, они все еще находились внутри Посредника.

Но Дари сомневалась. Она больше не доверяла собственным чувствам. Залы, в которых находились стазисные баки, слишком велики, чтобы уместиться внутри Посредника. Похоже, Строители творили с пространством и временем такие вещи, о которых нынешние обитатели рукава и мечтать не могли. Посредник в этот момент, чего доброго, находится за тысячу световых лет от них.

Подойдя вслед за Ребкой к дверям комнаты — тем же самым, в которые они вошли меньше часа назад, она оглянулась. Громадные гробы по-прежнему молчаливо выселись в центре зала, но теперь, когда она знала их содержимое, это молчание воспринималось как зловещее затишье, предвещающее скорую угрозу. Дари было немного не по себе, но покидать эту комнату все же не хотелось.

Как только они миновали первую раздвижную дверь, а затем вторую, она сразу же поняла, что предчувствие ее не обмануло. Снаружи все изменилось. Они вышли вовсе не на безграничную равнину, где повстречались с Посредником, а в мрачную комнату с серыми стенами. И вместо пустого пространства с высоким потолком или мешанины паутин, кабелей, сетей и перегородок, как на Жемчужине, Ханса и Дари окружали сотни кубов цвета слоновой кости, различающихся по размерам: начиная с таких, которые легко было бы унести под мышкой, и кончая громадинами, во много раз превосходящими человеческий рост. Кубы были раскиданы по полу прямоугольной комнаты, словно брошенные великаном игральные кости.

Никакого движения. Никаких признаков Посредника.

К удивлению Дари, после внимательного изучения нового помещения Ребка подошел к двум небольшим кубикам и стал их рассматривать. Они стояли бок о бок и доходили ему до

колена. На один из них он сел, вытащил из кармана упаковку, развернул ее и стал внимательно изучать находившийся в ней тонкокожий фрукт.

— Он все еще немного холодный внутри, — сказал он через некоторое время, — но привередничать нам не приходится.

— Ханс! Вспомни о зардалу! Мы должны разыскать Посредника.

— Хорошо бы. — Он откусил маленький кусочек, прожевал его и поморщился. — Не слишком вкусно, но лучше, чем ничего. Послушай, Дари, я не меньше твоего хочу найти Посредника и поговорить с ним. Но как? Я надеялся, что мы все еще находимся внутри него, и поэтому рассчитывал встретить его, выйдя наружу. Не сработало. Это самое странное место, какое мне только доводилось видеть, да и ты вряд ли чувствуешь себя здесь в своей тарелке. Ты видела размеры артефакта, когда мы приближались к нему. Можно весь остаток жизни искать здесь кого-то, но если он сам этого не захочет, мы никогда его не найдем.

Дари вспомнила гигантскую конструкцию, увиденную ими перед последним броском, и ее хрупкие ответвления, тянущиеся на миллионы километров. Ребка прав. Ее и глазом не охватить, а уж искать здесь кого-то... Но ведь надо что-то предпринять...

— Ты предлагаешь просто сидеть и ничего не делать?

— Нет. Я бы охарактеризовал наше положение другими словами: когда не знаешь, что делать, не делай ничего. Я же собираюсь поесть и тебе советую. — Он похлопал по лежавшей рядом коробке. — Прямо здесь. Ты же ученый, Дари. Сама подумай. Мы понятия не имеем, где сейчас Посредник, или каким образом искать его. Мы даже не знаем, как попасть туда, куда мы хотим; я имею в виду топологию этого места. Но если ты спросишь меня, где, по-моему, может находиться Посредник, я скажу, что он здесь, там, где нас оставил. А если ты спросишь меня, как нам лучше провести время, я бы предложил следующее. Нам необходимо поесть и отдохнуть, наблюдая при этом за происходящим в комнате с зардалу. Мы, конечно, могли бы есть и там, но при виде этих баков у меня кусок в горло не лезет.

Человеческие слабости у Ханса Ребки? Дари вовсе не была уверена, что наконец-то убедилась в их наличии. Она села на белую коробку с красивыми морозными узорами на стенках. Верх

куба был слегка теплым на ощупь. Под ее весом он прогнулся на доли дюйма — как раз настолько, чтобы было удобно.

Возможно, в Ребке вообще не было никаких слабостей. «Когда не знаешь, что делать, не делай ничего». Эту фразу, пожалуй, должна была произнести она — ученый, отдавший своим исследованиям двадцать лет жизни. Но сейчас именно она испытывала неодолимую потребность делать хоть что-то — все равно что. Это Ребка, прирожденный искатель приключений, сотни раз уходивший от неминуемой гибели, мог спокойно сидеть и отдыхать.

Дари откусила кусочек холодного фрукта. Надо есть. Она съела. На вкус он показался слегка вяжущим, с зернистой структурой, и немного жестковатым. Никаких последствий. Здесь Ребка тоже оказался прав. Действительно, их не стали бы тащить сюда только для того, чтобы отравить или уморить голодом. Хотя — как они могут судить о мыслительных процессах чужаков, если все случившееся после их прибытия к Гаргантюа, выглядело абсолютной мистикой?

Она съела еще три кусочка незнакомой пищи. Ее желудок по-прежнему не выказывал никаких отрицательных реакций, но ей все же хотелось чего-нибудь горячего. Зябко здесь как-то. Поежившись, Дари переключила скафандр на более высокий уровень непроницаемости. Она уже хотела попросить еще фруктов, как вдруг увидела, что Ребка выпрямился и озирается по сторонам. Она проследила за его взглядом, но ничего не обнаружила.

— Что там?

Он покачал головой:

— Не знаю. Только... — Он взгляделся в дальний конец комнаты. — Чувствуешь? Я думал, мне показалось. Оттуда дует — и все сильнее.

Сквозняк. Дари поняла, что ощущает его уже некоторое время. Прохладный ветерок дул в спину, развеивая его волосы и мягко касаясь ее скафандра.

— Откуда он?

Однако Дари уже знала ответ, несмотря на то, что Ханс мотал в замешательстве головой. В дальнем конце комнаты она заметила какую-то вихреобразную структуру. Там темнел, словно мутная вода по стеклу, растекался по полу вращающийся воздушный цилиндр. Он превратился в колонну, тянущуюся до самого потолка. Она вскочила и схватила Ребку за руку.

— Ханс, нам надо выбираться отсюда — он все усиливается.

Вихрь втягивал в себя все новые массы воздуха, и по комнате понесся самый настоящий ветер. Кто знает, какой силы он достигнет? Если он будет усиливаться, то ее и Ханса попросту свалит с ног.

Он кивал, стараясь не говорить против ветра. Держась друг за друга, они стали пробираться к двери. На выходе Ребка обернулся.

— Подожди секунду. — Ему пришлось кричать ей прямо в ухо, чтобы она его расслышала. — Он все крепчает, но начинает собираться. Смотри.

Вращающийся цилиндр сжимался. Вначале его диаметр был около пяти метров, а сейчас не превышал размаха рук. Его сердцевина уплотнилась и потемнела, став маслянисто-черной и непрозрачной. Рев ветра вырос до такого уровня, что резал уши.

Дари отступила в дверной проем. Сила ветра была ужасающая. Казалось, еще немного, и эта черная колонна сорвется с места. Дари потянулась, чтобы оттащить Ребку назад, и вцепилась в его скафандр. Вой бешено крутящегося смерча становился все выше и выше.

Она дернула Ребку, он потерял равновесие и повалился назад, припечатав ее к закрытой двери.

В это самое мгновение все кончилось. Ветер прекратился, звуки смолкли.

В комнате наступила абсолютная тишина; затем в этом жутком молчании раздался хлопок, не громче того, что производит вылетевшая из бутылки пробка. Вихрь поменял цвет на кроваво-красный и начал исчезать.

И тут тишина нарушилась более основательно. В редющей сердцевине крутящегося столба стала проступать фигура. Человеческая фигура.

Это был Луис Ненда. С лицом желто-зеленого цвета, голый по пояс, он размахивал руками и ругался на чем свет стоит.

Маленькая черная сумка, всегда бывшая при нем, болталась на груди. В двух шагах за ним, беспомощно раскинув все свои шесть ног по полу, появилась слепая Атвар Х'сиал.

В прошлом, на Тектоне, они были врагами. Ненда и Атвар Х'сиал пытались убить Дари Лэнг и Ханса Ребку, и Ребке, естественно, хотелось отплатить им той же монетой.

Тридцать тысяч световых лет внесли в их отношения некоторые коррективы. Они приветствовали друг друга, словно давно не видевшиеся братья и сестры.

— Так где мы, черт побери? — спросил Луис Ненда, как только его тошнота прошла, позволив ему произнести что-то кроме ругани.

— Очень далеко от дома, — сказал Ребка.

— Я знаю, провалиться мне на этом месте, но где?

После обмена информацией — тем немногим, что им удалось узнать, — Дари поняла, что ее собственное путешествие было прогулкой по сравнению с тем, что пришлось испытать двум вновь прибывшим.

— Встали-поехали, — рассказывал Ненда. — Поехали-встали, и так всю дорогу. — Он громко рыгнул. — Одну минуту задницей вперед летишь, другую — назад. Пропади оно пропадом. Если б у меня в кишках хоть что-то болталось, я бы облевался. — Он помолчал. — Ат говорит, с ней обстояло не лучше. А вы, значит, добрались без проблем? Выходит, нас доставили сюда четвертым классом и малость растрясли.

— Но зато быстро, — сказал Ребка. — Судя по всему, вы с Атвар Х'сиал вылетели с Жемчужины через несколько дней после нас. Нам казалось, что путешествие заняло лишь несколько минут, хотя неизвестно, сколько времени мы пробыли в «нигде» между перебросками.

— Ну мне, например, показалось, что мы летели несколько недель. — Ненда опять рыгнул. — Гры. Вот так-то лучше. Тридцать тысяч световых лет говоришь? Далековато от дома. Это будет тебе уроком, Ат. Жадность до добра не доводит.

— Она может вас понимать? — Дари глядела, как, испещренная наростами и отверстиями, часть широкой груди Ненды трепещет и пульсирует в такт его речи.

— Конечно. По крайней мере, когда я пользуюсь наращением. Я обычно одновременно произношу все вслух, потому что так проще. Но Ат воспринимает все. Смотри, Ат, ты меня слышишь?

Слепая белая голова кивнула.

— Тебе следовало бы тоже приделать наращение, чтобы болтать с Ат и другими кекропийками. — Он пристально посмотрел на грудь Дари. — Только помни, я не хочу, чтоб испортили такие хорошие сиськи.

Ничтожная доля симпатии Дари к этому карланцу моментально испарилась.

— На вашем месте, Ненда, я бы поберегла свое красноречие. Как только мы вернемся в рукав, вас отдадут под суд. Советник Грейвс уже запротоколировал наши показания.

— За что? Я ничего не делал.

— Ваш корабль обстрелял нас, — произнес Ребка. — После Летнего Прилива вы пытались уничтожить «Летний сон».

— Я? — Ненда ткнул себя в грудь. — Ты уверен, капитан, что это был я, а не кто-нибудь еще? Я и слыхом не слыхивал ни о каком «Летнем сне». Не помню, чтобы я вообще стрелял. Это совсем не в моих правилах. Ат, как думаешь, мы стреляли по какому-нибудь кораблю? — Он сделал паузу. Кекропийка не двигалась. — Ни в коем случае. Видишь, она согласна со мной.

— Она так же виновна, как и вы!

— Ты хочешь сказать — так же невиновна.

Лицо Ребки потеряло обычную бледность.

— Черт с тобой, я не стану дожидаться, пока мы вернемся домой. Я имею право предъявить обвинение прямо сейчас, так же, как и советник Грейвс. — Он шагнул к Ненде.

Тот не двинулся с места.

— У тебя, наверное, с головой не все в порядке. Тоже мне, важная шишка. Ну, давай, арестовывай, только скажи: куда ты собираешься меня посадить? Может, ты запрешь меня там с твоей подружкой? Мне это понравится. Ей тоже. — Он восхищенно осклабился. — Как думаешь, малышка? Со мной ты получишь столько удовольствия, сколько никогда не получала с ним.

— Не заговаривай мне зубы. — Ребка сделал еще шаг, оказавшись с Нендой лицом к лицу. — Хочешь убедиться, что я могу тебя арестовать? А ну-ка, скажи еще что-нибудь в этом роде.

Ненда повернулся к Дари и подмигнул ей:

— Видишь, как он сходит с ума, когда кто-нибудь еще хочет кусочек?

Он наблюдал за Ребкой краем глаза и отдернул руку, когда тот попытался схватить его за запястье. Оба застыли, ненавидяще глядя друг на друга.

Дари глазам не верила. Она никогда прежде не видела, чтобы Ребка терял хладнокровие, да и Луис Ненда раньше был лишь

холоден и циничен. Что с ними случилось? Напряжение? Усталость?

Нет. Она видела выражение их лиц. Они стремились одержать верх друг над другом, словно два петуха на навозной куче.

Именно так ведут себя люди в примитивных мирах. Если рассказать об этом дома, на Вратах Стражника, все решат, что это из-за нее.

Дари схватила Ребку за правую руку.

— Прекратите! — закричала она. — Вы, оба. Вы ведете себя как дикие животные.

Они не обратили на нее внимания, но Атвар Х'сиал протянула вперед две передних конечности, обхватила каждого за пояс и без видимых усилий подняла в воздух. Через секунду-другую она опустила их на пол, но продолжала удерживать на расстоянии.

Слепая голова повернулась к Дари, а хоботок развернулся и издал тихий свист.

— Знаю, знаю, — ответила Дари. — Они прямо как звери, не так ли? Подержи их еще пару минут. — Она расставила руки, как будто разводя мужчин в стороны. Ее слов Атвар Х'сиал могла и не понять, но этот жест наверняка будет ей ясен.

Дари встала между ними.

— Послушайте меня, вы, оба. Не знаю, кто из вас больший дурак, но свое идиотское состязание вы продолжите позже. Я хочу сказать вам только одно слово. — Она сделала паузу, ожидая, пока они не обратят на нее внимание. — Зардалу! Вы слышите меня? Зардалу!

— А? — Руки Луиса Ненды все еще тянулись к Хансу Ребке. Теперь он их опустил. — О чем ты говоришь?

Дари жестом указала на дверь за собой.

— Вон там. Четырнадцать зардалу.

— Туфта! Зардалу уже нет тысячи лет. Их истребили.

— Парень, ты ведь не в рукаве. Ты в тридцати тысячах световых лет от плоскости галактики. Там, в комнате, стоят четырнадцать стазисных баков и в каждом зардалу. Живые.

— Не верю. Никто никогда не видел зардалу, ни живого, ни сушеного. — Ненда повернулся к Хансу Ребке. — Ты слышал? Она шутит?

— Нет, не шутит. — Ребка поправил скафандр. — Это правда. Они лежат в стазисных баках, но неизвестно, сколько еще это продлится. Когда мы видели их, стазис уже заканчивался.

— Так ты затеваешь со мной драку, когда там просыпаются зардалу? И меня еще называют дураком! Да это ты настоящий сумасшедший.

— Что? Я затеваю драку?

Дари вновь встала между ними.

— Вы оба сумасшедшие, будьте вы прокляты. Опять начинаете? Если так, то, надеюсь, Атвар Х'сиал достаточно хорошо все понимает, чтобы треснуть вас головами и вбить в них хоть каплю рассудка.

— Она-то понимает. Уж она-то треснет. — Ненда пристально посмотрел на закрытую дверь. К нему вновь вернулась его холодная невозмутимость. — Зардалу, значит. Не знаю, что вы мне тут заливаете, но лучше сходить туда всем вместе. Я расскажу Ат, что здесь происходит. Она, как и я, хотя... никогда не поверит, пока сама во всем не убедится.

Он повернулся к Атвар Х'сиал.

— Ладно, кончай, Ат. — Серые наросты запульсировали в такт его речи. — Эти двое шутников говорят, что там лежат зардалу. Ты меня слышишь? Их четырнадцать, в стазисе, но живых и уже шевелящих пальцами. Я знаю, я знаю.

Кекропийка откинулась на задние лапы, свернула антенны и спрятала хоботок в складчатый мешочек.

— Ей не нравится то, что она услышала, — произнес Ненда. — Она говорит, что кекропийцы не боятся ничего во вселенной, но образы зардалу являются частью ее расовой памяти. Плохой частью. Никто не знает, почему.

Ханс Ребка отодвинул первую из дверей.

— Будем надеяться, она так и не узнает, почему. Предлагаю вам с Атвар Х'сиал держаться немного сзади — на всякий случай.

Он открыл вторую дверь. Дари, вздохнув, задержала дыхание, но тут же с облегчением выдохнула. Большие пятиугольные призмы лежали на прежних местах, молчаливые и закрытые.

— Все в порядке. — Ханс Ребка двинулся вперед. — Вам нужны доказательства? Они здесь. Загляните туда.

Ненда осторожно подошел к иллюминатору на торце стазисного бака и заглянул внутрь. Через несколько секунд он протяжно вздохнул.

— Я знаю, — тихо сказал Ребка. — Впечатляет, а? И пугает тоже. Надо найти способ опять включить стазисное поле, прежде чем они проснутся и попытаются выбраться.

Луис Ненда покачал головой.

— Не знаю, в какие игры вы здесь играете, капитан Ребка и профессор Лэнг. Чувствую только, что в очень глупые. — Он отошел от длинного ящика. — Там есть еще тринадцать, в которые можно заглянуть, но готов поспорить, что они точь-в-точь как этот. — Он обернулся к Дари. — Они пусты, радость моя. Пусты, как голова дитронита. Что ты на это скажешь?

СТАТЬЯ 42: ДИТРОНИТЫ

Распространение. Поскольку сами Д. никогда не выходили в космос, в больших количествах они встречаются только на их родной планете (Дитрона, официально — Люрис-III, Кекропийская Федерация, Сектор-5). Колонии переселенных Д. можно также обнаружить на соседних планетах — Принале (Люрис-II) и Иверни (Люрис-V). В самом начале кекропийской экспансии Д. завозили на другие звездные системы, но, как правило, они там не выживали. Тогда это объясняли недостатком необходимых питательных веществ, но более поздние анализы показали, что гораздо большую роль сыграл фактор психологической зависимости. На третьей стадии своего жизненного цикла Д. не выживают, если численность их группы становится меньше двадцати особей.

Физические характеристики. Здесь необходимо отдельно рассматривать все три стадии жизненного цикла Д., традиционно обозначаемые как С-1, С-2 и С-3. Д. являются уникальной формой среди всех известных разумных существ, поскольку наивысший уровень мыслительных способностей соответствует не наиболее зрелой ступени их развития, а приходится на стадию, предшествующую половой зрелости (С-2).

Рождаются они живыми, в личиночной форме (С-1), пометом не менее пяти и не более тринадцати особей. Новорожденный Д. весит не более одного килограмма, но обладает большой подвижностью и способен питаться самостоятельно. Он почти слеп, имеет семилучевую симметрию, без половых признаков, травоядный. Проявления интеллекта минимальны.

Период С-1 длится одно д-ское лето (три четверти стандартного года), в конце которого особь весит около двадцати пяти килограммов. Затем начинается метаморфоза. Форма С-1 — плоский, светло-желтый диск диаметром порядка одного метра — забирается под землю. Наружу выходит уже форма С-2, многоногое плотоядное темно-оранжевого цвета, обладающее двусторонней симметрией и поразительно прожорливое. Д. С-2 нападает на любое существо, кроме своих форм С-1 и С-3. Языка они не имеют, но особенности поведения говорят о несомненном наличии интеллекта. Поскольку впервые Д. были изучены в форме С-2, их причислили к подклассу разумные.

На этой стадии Д. живут поодиночке; они энергичны и асоциальны. Все попытки экспортировать Д. в другие миры терпели неудачу, но не потому что погибал сам организм, а из-за

прожорливости, агрессивности и постоянного стремления С-2 вырваться на свободу любой ценой. Оказавшись в неволе, форма С-2 способна за минуту выбраться из лабиринта, прохождение которого у большинства людей или кекропийцев заняло бы не меньше часа.

Период С-2 длится четырнадцать лет, все это время Д. постоянно растет. В конце этого периода он весит двенадцать тонн и имеет длину пятнадцать метров. Более грозного хищника не существует во всем рукаве (археологические раскопки на Люрис-III показали, что древние особи формы С-2 были почти вдвое больше современных и, очевидно, так же прожорливы; однако все говорит о том, что интеллект у них полностью отсутствовал).

Переход к форме С-3 происходит внезапно и, очевидно, неожиданно для самой С-2. Предполагается, что первым признаком перехода в стадию С-3 является частичная потеря интеллекта у особи С-2 и стремление к созданию группы. Прежние асоциальные особи находят себе подобных и совместно защищают других С-3 уже закапсулировавшихся в коконы. Д. роют глубокие норы по мягким берегам рек (до ста особей в одном лежбище), где обволакивают себя защитным коконом. Вновь прибывшие защищают лежбище, прежде чем зарыться самим. Метаморфоза продолжается более двух лет. Появившаяся форма С-3 весит менее одной тонны. Материал, из которого состоит остаточный кокон, является лакомой добычей для любого охотника, который сумеет преодолеть защитные порядки формы С-2.

Форма С-3 — это прямоходящее двуногое красно-коричневого цвета, с большой головой и двумя глазами. Двусторонняя симметрия. Ее настороженное поведение и большая черепная коробка заставили ранних исследователей Люрис-III предположить, что С-3 более разумная и, соответственно, более дружелюбная форма, чем ее предшественник С-2.

К сожалению, голова С-3 используется в основном как резонатор: она позволяет существу производить громкий призыв к спариванию, который разносится на большие расстояния. Кроме воздуха в черепе ничего нет. Сам же мозг весит несколько сотен граммов и служит лишь для поиска партнера, спаривания и произведения на свет личиночной формы С-1.

Попытки использовать Д. в качестве рабов предпринимались неоднократно, ибо форма С-3 несомненно послушна, предсказуема в поведении и любит общество; однако результаты ничего, кроме разочарования, владельцам Д. не принесли. Только кекропийцы

до сих пор используют С-3 либо как домашних животных, либо в каком-то ином, неизвестном качестве.

История. Д. не обладают ни письменной, ни устной историей. Палеонтологические исследования показывают, что эти существа лишь в малой степени изменили свою форму за последние три миллиона лет, чего нельзя сказать о размерах.

Культура. Никакой. Формы С-1 и С-3 неразумны. Д. С-2, несомненно, разумны, но ничего не строят, не пользуются никакими инструментами, не носят одежду и не ведут записей. Все попытки установить контакт с С-2 были ими проигнорированы.

**«Всеобщий каталог живых существ
(подкласс: разумные)».**

ГЛАВА 20

Появлению разума предшествовал безмятежный период, длившийся целую вечность. Его возникновение само по себе явилось чудом, причем, как всегда происходит с чудесами, неожиданным.

Питательных веществ в толще атмосферы газового гиганта было вдоволь; климат оставался неизменным; абсолютное отсутствие конкуренции устраняло все стимулы к эволюции.

Доминирующая жизненная форма бездеятельно дрейфовала в океане сильно сжатых водорода и гелия — рыхлые комки клеток, которые соединялись, распадались и вновь соединялись в бесконечно разнообразных сочетаниях. Иногда результат оказывался простым, иногда сложным, но всегда лишенным даже искры самосознания. Они оставались неизменными восемьсот миллионов лет.

Все началось с толчка, пришедшего снаружи, из глубин космоса. Сверхновая, вспыхнувшая в девяти световых годах от Мэндела, ударила жестким излучением и частицами высокой энергии по верхним слоям атмосферы Гаргантюа. Доминирующая жизненная форма была надежно защищена десятками тысяч километров сжатого газа и продолжала спать, но мелкие и примитивные многоклеточные образования, влачившие свое существование почти на границе космоса, ощутили на себе всю силу этого потока. Они были безвредными и не могли конкурировать с более эффективными живыми сообществами на глубине; но теперь, в этой убийственной радиационной буре, они мутировали. Выжившие стали более прожорливыми, аг-

рессивными и начали расширять свой ареал, опускаясь вниз. Там они облепили обитателей глубин и начали плодиться, модифицируя пищевую цепочку.

Спящим предстояло либо проснуться, либо исчезнуть. Сначала их численность сократилась. Они рефлекторно пытались спастись бегством, в бездонную пучину, к скалам твердого ядра, где условия жизни были намного тяжелее, а пищи гораздо меньше.

Однако этого оказалось недостаточно. Паразиты последовали за ними, терзая их стремительно тающие тела и мешая их безмятежному дрейфу по прихоти течений.

Тогда перед Спящими встал элементарный выбор: адаптироваться или погибнуть. Важнейшим условием выживания было постоянство формы, и стали усложнять свою структуру. Они сформировали жесткую ткань, предохраняющую эти структуры от распада, а также наружные покровы, достаточно твердые, чтобы противостоять атакам паразитов. Они развили у себя подвижность, чтобы спастись бегством; они научились распознавать и избегать стаи голодных кусак, а потом и сами превратились в быстрых и агрессивных хищников.

Они становились все хитрее. А вскоре появилось и самосознание. Через несколько миллионов лет настал черед технологии. Спящие теснили паразитов от верхней границы атмосферы, впервые утверждая право собственности на окружающее их пространство.

Теперь они были знакомы и чувствовали себя как дома и при миллионах атмосфер у скалистого ядра Гаргантюа, и в почти космическом вакууме ионосферы планеты. Они разработали материалы, выдерживающие эти перепады давления и такие же перепады радиации и температуры. Наконец, они решили отправиться в такое место, куда по-прежнему досаждавшие им паразиты не смогли бы за ними последовать: в космос.

Технологии развивались вместе с ними. Спящие стали Строителями. Они не торопясь двигались по рукаву от звезды к звезде. Планеты их больше не интересовали. Их родная планета стала Родиной, и, наконец, Старой Родиной, покинутой, но не забытой. Она оставалась главным узлом транспортной сети Строителей.

Они больше не были Спящими, но в одном, очень важном аспекте, остались такими же, какими были всегда. Активность и агрессивность, выработанные ими для борьбы с паразитами,

насчитывали всего несколько миллионов лет. То был лишь тоненький налет, скрывающий под собой огромный пласт поведенческих стереотипов, созданных идиллической, почти бесконечной эрой безмятежного дрейфа.

Строители сооружали свои гигантские космические артефакты, протянули транспортную сеть через весь рукав и за его пределы, — но творили они все это как бы походя, пользуясь лишь малой частью своего коллективного разума. Да, они были Строителями, но в еще большей степени они были Мыслителями. Созерцание оставалось для них наивысшим и самым желанным видом деятельности. Иногда им приходилось вести более активный образ жизни, но это всегда считалось нежелательным регрессом.

Новое стабильное состояние длилось почти два миллиона лет, в течение которых Строители неторопливо изучали природу самой Вселенной. А затем пришла новая Великая Проблема, оказавшая на них куда более глубокое воздействие, чем паразиты. И им пришлось претерпеть дальнейшее изменение...

Тот-Кто-Ждет замолк. Повинуясь какой-то невидимой команде, свет в большом зале померк. Существо приподнялось на несколько сантиметров над полом тоннеля, где прямо перед ним сидел Джулиус Грейвс, по обе стороны от которого примостились Ж'мерлия и Каллик. Сзади, скрестив ноги, застыли В.К. Талли и Берди Келли, окаменевшие от двухчасового пребывания в неудобной позе. Когда Тот-Кто-Ждет освоился с человеческой речью, голос загипнотизировал слушателей, заставив их забыть о своем состоянии и обо всем вокруг.

Берди пошевелился и оглядел остальных. Хуже всех выглядел В.К. Талли. Викар наклонился вперед и едва не падал, упершись локтями и ладонями в пол. Очевидно, ему плохо разъяснили необходимость отдыхать и набираться сил; с первого взгляда было ясно: еще немного, и он рухнет в обморок от истощения.

Лица сидевшего впереди Грейвса Берди не видел, а выражения мордочек двух чужаков никогда ничего ему не говорили. Скорее всего они жаждут поскорее отыскать Луиса Ненду и Атвар Х'сиал, дабы снова пресмыкаться перед своими хозяевами. Они развалились на полу, поджав лапки, и во все глаза

тарачились на сверкающую сферу, висевшую в нескольких футах перед ними.

— В чем состояла эта Великая Проблема? — спросил Грейвс.

— Информация об этом была сочтена излишней. — Усталый голос чуточку оживился, словно радуясь скорому окончанию разговора. — Поскольку я был создан Строителями много лет назад, мои запасы информации громадны, но они включают лишь то, что считалось необходимым для моего эффективного функционирования. Ответы на свои вопросы вы получите, когда прибудете на Ясность — главный артефакт, находящийся за пределами галактики.

— И там мы найдем Строителей? — Грейвс вел себя как глава их маленькой группы.

— Эта информация у меня тоже отсутствует. — Тот-Кто-Ждет сделал паузу. — Настоящее местонахождение Строителей мне неизвестно; однако вам предстоит встретиться с Посредником, или Собеседником; мы с ним имеем одинаковую форму. Строители, решив перебраться на Ясность, отложили некоторые другие решения до того времени, когда произойдут определенные события. События эти уже близки, и Посредник примет в них участие.

— Когда Строители покинули рукав спирали?

— Точно сказать не могу. — Тот-Кто-Ждет издал уже знакомый булькающий звук и продолжил: — Сам я ждал шесть миллионов ваших лет внутри планеты, которую вы называете Тектоном, а мой возраст... Не знаю, может, десять миллионов ваших лет? Или двенадцать?

Наступила очередная пауза, во время которой Берди решил, что творения Строителей страдают старческим маразмом.

— Я бы ждал и дальше, — продолжил Тот-Кто-Ждет, — но несколько недель назад наконец-то были получены нужные сигналы. Они говорили о том, что все конструкции Строителей в рукаве спирали посетили представители избранных видов разумных существ. Настало время привести план в исполнение. Приливная энергия, поступающая в Тектон во время Летнего Прилива, была использована для вскрытия планеты. Благодаря этому я смог перебраться в окрестности Старой Родины. Я пришел к воротам транспортной системы, где мы сейчас и находимся.

— Вскоре вы согласно своей просьбе войдете в эти ворота. Или у вас есть последний вопрос?

— Если мы не встретим Строителей на Ясности, не расскажешь ли, как они выглядят? — произнес Грейвс.

— В этом нет необходимости. Вы уже знакомы с теми, кто имеет внешний облик Строителей, — с фагами. — Считается, что фаги сами являются артефактами, — отозвался Стивен Грейвс. — Ты имеешь в виду, что фаги созданы Строителями по своему образу и подобию?

— Нет. Фаги — это сами Строители, но деградировавшие. Их разум утерян. Они способны только размножаться и производить простейшие операции по поглощению материи и энергии, вот и все. В открытом космосе от них одни неприятности, но для планет они неопасны — сильное гравитационное поле отпугивает их.

— Что же заставило Строителей превратиться в фагов? — спросил Грейвс.

— Не знаю. — Тот-Кто-Ждет затрясся, поднимаясь выше над полом. — Мне лишь известно, что это еще одно следствие Великой Проблемы, того, что заставило Строителей покинуть рукав и погрузиться в долгий стазис на Ясности. Больше никаких вопросов. Пора открывать ворота.

Берди огляделся. Что за болтовня насчет ворот? Здесь ничто и близко их не напоминало.

— Не знаю, где находятся эти ваши ворота, — начал он, — но вот что касается безопасного возвращения на родные планеты, о котором ты говорил...

Не успел он закончить фразу, как пол у него под ногами испарился; он услышал нарастающий гул. Берди бросил взгляд вниз: он падал, брошенный в никуда.

Он зажмурился.

Вспоминая то, что произошло дальше, Берди решил, что поступил тогда совершенно правильно. Открывал глаза он лишь тогда, когда снова ощутил твердую опору под ногами. А может, он просто упал в обморок. Он не собирался спорить на эту тему. Наверняка ему были известны только две вещи. Во-первых, когда другие описывали путешествие, он понятия не имел, о чем они говорят; он абсолютно ничего не помнил.

Во-вторых, когда он наконец открыл глаза...

...Он стоял на плоской, бесконечной равнине под серым потолком, с которого струился тусклый свет.

И он был не одинок. Его окружали, нависая над ним, протягивая к нему бледно-голубые щупальца, — еще до того как он успел поднять веки...

...Чудовища из ночных кошмаров.

Он увидел дюжину громадных тел темно-синего цвета. Они приближались к нему, широко разевая острые клювы. В этот момент Берди, как никогда, захотелось зажмуриться и вновь потерять сознание.

СТАТЬЯ 16: ЗАРДАЛУ

Распространение. Как и вся информация, касающаяся З., данные о распространении этого вида основываются лишь на фрагментах исторических хроник и смутных образах, хранящихся в расовой памяти других разумных существ. Считается, что территория громадной империи, известной под названием Сообщества Зардалу, представляла собой полусферу поперечником около тысячи световых лет с координатами центра: азимут — 22 часа, склонение — 27°, северное, расстояние — 1400 с.л. (к-ты даются в гелиоцентрической системе относительно плоскости галактики; таблицы для пересчета в кекропийскую систему — см. Приложение Б). Основание этой полусферы приблизительно соприкасается с Ближним Пространством (см. «Люди»), а ее нижняя часть частично перекрывает территорию Кекропийской Федерации (см. «Кекропийцы»).

Перед Великим Восстанием (примерно 11000 лет назад), когда С.З. достигло наивысшего расцвета, в него входило свыше тысячи обитаемых планет. Судя по тому, что незадолго до Восстания, были предприняты разведывательные экспедиции на территории нынешних Четвертого Альянса и Кекропийской Федерации, С.З. намеревалось распространить свое влияние на эти регионы.

Несмотря на ходящие и поныне слухи о скрытых мирах, населенных З. (слухи, обладающие убедительностью и живучестью интервидовой легенды), следует отметить, что со времен Великого Восстания не обнаружено ни одного З. Можно с уверенностью утверждать, что З. истреблены, и истреблены уже одиннадцать тысяч лет.

Физические характеристики. Не обнаружено ни останков, ни изображений З. Во время Великого Восстания письменные источники З. систематически уничтожались, наряду со всеми следами их пребывания. Представленные ниже данные являются результатом обобщения информации, хранящейся в расовой памяти различных существ, в основном хайменоптов. Она, несомненно, имеет оттенок субъективности, характерной для поработанных разумных существ, вспоминающих прежних хозяев.

З. были сухопутными головоногими, имевшими от шести до двенадцати щупалец. Размеры их точно неизвестны, но они явно были существенно больше хайменоптов, которые редко превышают полтора метра в длину, даже с полностью вытянутыми конечностями. Рост стоящего З. предположительно составлял три метра, хотя, по воспоминаниям хайменоптов, они были вдвое выше.

Свидетельства говорят о том, что кожа у З. была гладкой и как бы покрытой жиром, различной окраски, от бледно-голубой (щупальца) до темно-синей (основное туловище). На голове находились большие, закрывающиеся веками глаза, клюв внушительных размеров и рот, предназначенный для приема пищи.

Подробности внутреннего строения неизвестны. Был ли у З. внутренний скелет, или нет — остается только гадать. Исходя из их больших размеров, а также способности передвигаться и действовать на суше, логично предположить, что они обладали рудиментарным скелетом или прочными внутренними оболочками и опорами из полужесткого материала.

Нет никакой информации относительно их разума или уровня культуры и ничего не известно о способе размножения З. и их семейных отношениях. По сей день они сохраняют репутацию чрезвычайно плодовитых существ, но это утверждение не имеет под собой научных обоснований.

История. Здесь нельзя с определенностью сказать почти ничего, кроме нижеследующего: исходя из огромных размеров и высокой степени интеграции их империи, З. должны были освоить космические полеты как минимум за двадцать тысяч лет до кекропийцев и людей, а возможно, даже гораздо раньше.

Центр клайда З. неизвестен, хотя его название — Дженизия часто встречается в легендах. Очень может быть, что это одна из нескольких десятков планет, испепеленных во время Великого Восстания. Любая участвовавшая в нем раса могла найти и без малейшего колебания аннигилировать родину З.

Культура. Все сведения о культуре З. сводятся к пяти словам: могущество, решительность, империализм, экспансионизм и безжалостность. Тяжелым наследием владычества З. является то, что одно воспоминание о них повсеместно вызывает в сознании самых разумных существ сильнейшие образы отрицательного характера, несмотря на то, что с момента их исчезновения прошло десять тысячелетий.

**«Всеобщий каталог живых существ
(подкласс: разумные)».**

ГЛАВА 21

Дари вернулась в погруженный тишину зал чуть раньше остальных. За последние четыре часа она пришла к убеждению, что поиски ни к чему не приведут. Еще она устала и опять проголодалась.

Однако даже в этом состоянии она не смогла сесть, пока не заглянула в каждый из баков. Умом она понимала, что эти гробы пусты: для зардалу не было никакого смысла возвращаться в стазис, даже если бы они знали, как эти баки работают.

Дело было не в логике. Она хотела своими глазами в этом убедиться.

Атвар Х'сиал вползла в комнату через несколько минут, как раз вовремя. Они обменялись кивками. Никакой диалог между ними не был возможен без Луиса Ненды в качестве переводчика, но Дари не сомневалась, что кекропийка тоже ничего не обнаружила. Об этом ей сказали ее движения, столь же красноречивые, как и человеческая мимика.

Ребка и Ненда пришли вместе. Они выглядели злыми и озабоченными.

— Ничего? — спросила Дари.

Они одновременно покачали головами.

— Как сквозь землю провалились, — ответил Ненда. — Ни Строителей, ни Посредника, ни зардалу. Пошли они в задницу! Ясно, что нам и десяти тысяч лет не хватит, чтобы все здесь как следует обыскать. Ладно, плевать. — И точно так же, как Дари, они с Ребкой обошли баки, заглянув в каждый, чтобы убедиться, что те пусты.

— Это хуже, чем я думал, — сказал Ненда, когда они вернулись. — Ат говорит, она ни душка их нигде не поймала, а ведь она способна унюхать комариную лапку за сотню километров. А таких вонючек, как они, и подавно. Они исчезли все до одного. Что теперь будем делать, мальчики и девочки?

Ненду убедили вовсе не аргументы Дари или Ханса Ребки, а запах. Когда Атвар Х'сиал сунула голову в один из баков и, вытащив оттуда на конце лапы комок какой-то грязи, объявила, что во всем рукаве спирали нет ничего, хотя бы отдаленно напоминающего запах этого вещества, Ненда отбросил все сомнения. Кекропийка разбиралась в запахах лучше, чем любой человек в зрительных образах. Дари тоже сунула голову в один из баков и ощутила легкую вонь аммиака и прогорклого жира.

Ребка сидел на верхушке одного из гробов, положив подбородок на ладони.

— Что делать будем? — повторил он вопрос Ненды. — Как я понимаю, за нами приглядывают. Посредник сказал, что действие начнется, когда соберутся все три вида разумных существ. Тогда мы не поняли, о чем он говорит, теперь — знаем.

— Все мы тут как тут, — произнес Ненда, — люди, кекропийцы и зардалу; загвоздка в том, что мы не можем найти зардалу.

— Мы — нет, но готов поспорить, что Посредник сумеет. Он ведь у себя дома.

— Да мы и Посредника-то не найдем. — Ненда прошел вперед, встал перед баком и вызывающе посмотрел на Ребку. — Отличная работа, капитан. Если ты так убежден, что Посредник нас найдет, не понимаю, зачем мы вообще занимались поисками.

Ребка не шевельнулся.

— Потому что я хотел бы рассказать ему о зардалу прежде, чем это сделают они, — тихо произнес он. — На тот случай, если ему не известна их репутация. У тебя есть какие-нибудь идеи, умник? Готов послушать и прийти в восхищение.

— Пошел ты...

— Ну, ладно. — Дари встала меж ними. — Хватит. Или я натравлю Атвар Х'сиал на вас обоих. Кажется, мы согласились не ссориться и не драться, пока не выберемся из этой заврушки.

— Я сказал, что буду только сотрудничать. И я никогда не говорил, что буду плясать под его дудку, или соглашаться, когда он порет чушь...

Ненду прервала Атвар Х'сиал, одним прыжком преодолевшая разделявшее их расстояние. Она обняла его передней лапой и притянула его голову к своему панцирю.

— Эй, Ат, — произнес он. — На чьей это ты стороне? Ну ладно, хватит!

Кекропийка прижала его к себе и развернула лицом ко входу в комнату.

— Что! — Отверстия на его груди запульсировали. — Ты уверена?

Он вывернулся и крикнул Дари.

— Прячься за баки. Скорей! И ты тоже, капитан.

— Что происходит? — Ребка соскочил с крышки стазисного бака, но, вместо того чтобы спрятаться, вышел вперед.

— Ат говорит, что чует дух зардалу. Оттуда, снаружи. — Ненда кивнул в сторону входа. — Она слышит звуки, только очень слабые. Что-то движется сюда.

— Скажи Атвар Х'сиал, чтобы они с Дари укрылись за баками. И ты тоже. Я останусь здесь.

— Играем в героя, капитан? — Ненда потер свою бугристую грудь. — Тем лучше для меня. — Он развернулся. — Давай же, Ат, уходи.

Кекропийка не двинулась. Она подалась вперед и развернула на полную длину свои антенны. Ненду она снова притянула к себе.

— Идите, — сказал Ребка. — Чего вы оба ждете?

Ненда убрал руки с обхватившей его лапы Атвар Х'сиал и устоялся на вход.

— Я передумал. Я останусь здесь.

— Тебе больше делать нечего? — Ребка шагнул вперед и встал рядом с ним. — Нам не следует ждать здесь всем вместе, если это идут зардалу.

— Согласен. Поэтому иди и спрячься с профессоршей. — Ненда повернул голову и бросил на Ребку отчужденный взгляд. — Ат говорит, что чует хайменоптку. И не какую-нибудь старуху — она чувствует запах Каллик. Я остаюсь.

Следующая минута прошла в томительном бездействии. Из дверей никто не показался. Никаких комментариев или дальнейшей информации от Атвар Х'сиал через Луиса Ненду не поступало. Никто, кроме нее, не слышал, не видел и не обнял ничего необычного. Дари, чувствуя себя круглой душой и трусихой, вышла из-за баков и направилась вперед, чтобы

присоединиться к остальным. Ханс Ребка выразительно посмотрел на нее, но вернуться обратно не предложил.

Сначала донесся запах, слабый и чужой душок, разносимый циркулирующими воздушными потоками. Дари не узнала его. У нее перехватило дыхание, но она, вытянув шею, смотрела в полумрак тоннеля, пытаясь разглядеть там нечто втрое превышающее человеческий рост.

— По словам Ат, сейчас войдет. — Грубый голос Ненды понизился до шепота. — Еще пара секунд. Придержите шляпы.

Из темноты медленно выступила загадочная фигура. Двигалась она странно, как бы боком. Еще секунда — и она стала полностью видна.

Стоявший рядом с Дари Луис Ненда расхохотался. Ей показалось, что эхо вторит ему. Грозный призрак вышел на свет. Вместо семиметрового сухопутного спрута, возвышающегося на массивном жгуте из щупалец, перед ними стоял мужчина среднего роста, с головой, обмотанной окровавленным бинтом. Его неуклюжие движения говорили о том, что у него либо сильно повреждены ноги, либо центральная нервная система.

Он проковылял вперед и остановился в нескольких шагах от группы.

— Некоторые из вас не знают меня, — сказал он. Голос его был вполне реален. — Но я знаю всех вас. Здесь Дари Лэнг, Ханс Ребка, Луис Ненда и кекропийка Атвар Х'сиал. Меня зовут В.К. Талли. Я пришел, чтобы доставить послание и задать вопрос, но прежде скажите, кто главный в группе.

Ханс Ребка и Луис Ненда устали друг на друга, пока Ненда не пожал плечами.

— Что ж, давай. Пускай я буду гостем.

Ребка повернулся к В.К. Талли.

— Я. В чем твой вопрос?

— Сначала я должен сделать заявление. Здесь я присутствую только в качестве посланника. Остальная часть группы, прибывшей сюда со мной, состоит из людей Джулиуса Грейвса и Берди Келли, лотфианина Ж'мерлии и хайменоптки Каллик. В данный момент они являются пленниками разумных существ, известных в руке под названием зардалу. Если вы попытаетесь освободить их силой, они будут немедленно уничтожены. Должен добавить, что мое сотрудничество вызвано угрозой расправы с советником Грейвсом. Теперь вопрос. Есть ли здесь

другие разумные существа, или вы здесь одни? Пожалуйста, произнесите ответ громко и четко.

— Определенный ответ я дать не могу. Могу сказать лишь, о других существах нам ничего неизвестно.

— Логика подсказывает, что более полного ответа не требуется. Уверен, что этого достаточно. Действительно...

Ребка и остальные члены группы уже не слушали его. Следом за вживленным компьютером из тоннеля выступили, полностью накрыв его своими тенями, три гигантские фигуры. Та, что в центре, держала двумя щупальцами Каллик головой вниз, плотно обвив брюшко хайменопки, чтобы она не смогла воспользоваться своим сверкающим желтым жалом. Ребка застыл. Во всем рукаве не было существа, способного в одиночку скрутить взрослую хайменопку. Однако Каллик не сопротивлялась. Ее глаза были открыты, а одна из задних лапок болталась, вывернутая под неестественным углом. Страшный голубой клюв нависал над ее шеей, готовый в любую секунду ударить.

Двое других зардалу были вооружены импровизированными дубинками, скрученными из кожухов пищевых контейнеров. Внешне существа были почти одинаковы, за исключением ожерелий из сумок с круглыми входными отверстиями, опоясывавших тела ниже продольных ротовых щелей. У зардалу, стоящего справа, бледно-голубые овалы внутри сумок выпирали сквозь плотную ткань гораздо сильнее.

Клюв центрального зардалу пришел в движение, издавая высокие, шелкающие звуки. Каллик ответила. Последовал новый короткий обмен шелчками и свистками.

— Эй, Каллик, — позвал Ненда.

Хайменопка даже не взглянула на него.

— Функция В.К. Талли в качестве посланника окончена, — произнесла она деревянным голосом. — Он не может общаться с зардалу и поэтому признан бесполезным. Его послали вперед как приманку, на случай, если в комнате устроена смертельная западня. Я могу общаться как с вами, так и с зардалу. Таким образом, в качестве переводчика последующих сообщений буду выступать я. Главная у зардалу — это та, кто меня держит. Чтобы обратиться к ней, можете называть ее Владелицей.

— Сукина дочь, — прошептал Ненда. — Что она с ней сделала? Это не моя Каллик, не настоящая Каллик.

— Они пришли, готовые к драке, — так же тихо произнес Ребка. — Десять тысяч лет в стазисе, но стоило им проснуться, и они сразу готовы покорять вселенную. Следи за тем, что делаешь и говоришь. Ни одного неверного движения.

— Еще учить меня будешь.

Зардалу слева вытянул два средних щупальца бледно-голубого цвета и без особых усилий подтащил ими к себе В.К.Талли. В тот же момент зардалу, державшая Каллик, перевернула ее в воздухе и опустила на пол перед Луисом Нендой. Она стояла, держа на весу вывернутую заднюю лапку. Блестящие черные глаза хайменоптки смотрели на него не мигая. Ненда медленно кивнул. Он молчал.

— Владелица знает, что ты мой бывший господин, — сказала Каллик. — Она приказала сообщить тебе, что теперь я служу Владелице, и только ей.

Луис Ненда сглотнул. Дари видела, как заходили его челюсти.

— Я тебя слышу, — сказал он наконец. — Скажи Владелице, что я получил послание и понял его.

— И спроси Владелицу, — добавил Ребка, — что она от нас хочет. Скажи ей, что мы прибыли недавно и не в курсе происходящего. Мы не знаем, как добраться до Посредника или до любого другого обитателя этого артефакта.

— Владелица осведомлена обо всем этом, — сказала Каллик после короткого обмена щелчками со стоявшей за ней зардалу. Прежде чем она продолжила, ее глаза замигали в любопытной последовательности. — Она не знает, чего хочет Посредник, и ее это не волнует. У нее и ее спутников есть единственная цель. Если вы сможете ее достигнуть, вы и заложники останетесь живы. Если вы не будете сотрудничать, попытаетесь противодействовать или же попробуете совершить предательство, вы и все ваши соплеменники умрете.

— Отлично сказано. Хорошо, мы все поняли. Какова их цель?

— Чтобы их выпустили отсюда и дали в их распоряжение корабль. Им должны предоставить возможность покинуть это место и направиться, куда они захотят, без преследования. Владелица и остальные понимают: для того, чтобы добиться этого, им необходимо сотрудничество с другими существами, кем бы они ни были и кто бы ни правил этим местом. Ей известно, что вы не правители.

— Но к нам это не имеет никакого отношения. Что вы хотите, чтобы мы сделали?

— Нечто весьма простое. Владелица также знает, что правители этого места собираются поставить эксперимент над зардалу, людьми и кекропийцами. Для этих целей Владелица собирается оставить здесь одного зардалу. Она уже отобрала его. Когда правители этого мира придут на очередную встречу с вами, вы должны заявить, что будете сотрудничать с ними только при одном условии: всех зардалу, за исключением одного, надо отпустить отсюда, предоставив им оснащенный звездолет и полную свободу лететь туда, куда они захотят. После этого вы, люди и кекропийцы, можете поступать, как вам угодно — сотрудничать с правителями или противостоять им.

— Скажи Владелице, чтобы она подождала минуту. — Ребка повернулся к остальным. — Вы сами все слышали. Вряд ли у нас есть другой выбор: надо согласиться или по крайней мере сделать вид. Ненда, расскажи Атвар Х'сиал, что происходит.

— Она уже знает, — произнес Ненда. — Посмотри на нее. — Кекропийка кивала слепой головой. — Я давал ей феромонный перевод по ходу дела. Она согласна — другого выбора, кроме сотрудничества, у нас нет.

— А ты, Дари?

— А что еще нам остается? Иначе Берди Келли и советника Грейвса убьют.

— Угу. — Ребка опять повернулся к Каллик. — Ты, наверное, все слышала, но вот наше официальное заявление. Скажи Владелице, что мы согласны с ее условиями. Скажи ей также, что мы не знаем, когда встретимся с Посредником или с кем-то еще, кто управляет этим артефактом, но как только он войдет с нами в контакт, мы известим его, что согласны сотрудничать только если они отпустят всех зардалу, кроме одного. И до того, как это произойдет, сотрудничество невозможно.

Каллик кивнула и вновь заговорила с зардалу на языке щелчков и посвистов. Вытянулось щупальце и, обхватив Каллик поперек тела, подняло ее в воздух.

— Владелица приказала мне сказать, что вы приняли мудрое решение, — сообщила хайменоптка. — Заложники, естественно, будут оставаться у них. Однако один из них находится в состоянии, близком к окончательному, и держать его нет смысла. Владелица использует этого индивидуума и еще одну маленькую вещь в качестве примера. Она хочет доказать вам

серьезность намерений зардалу и подчеркнуть, что всех вас постигнет такое же наказание за измену. Владелица предупреждает, чтобы вы не пытались идти за ними. Она сама вернется, когда сочтет нужным.

Как только Каллик кончила говорить, зардалу протянула второе щупальце и ухватила за ее поврежденную лапку. Каллик издала свистящий возглас боли, и в следующий момент лапка была выдернута из тела и брошена к ногам Луиса Ненды.

Одновременно зардалу, державший В.К. Талли, толкнул его вперед. Грубая, с заостренными краями дубина, зажата в другом его щупальце, с ужасающей силой обрушилась на голову Талли в области уха. Крышка черепной коробки отскочила и полетела через всю комнату.

Зардалу скрылись в тоннеле. Тело В.К. Талли неподвижно лежало перед Дари Лэнг. Из разбитой головы текла кровь.

Трое людей не сразу пришли на помощь В.К. Талли. Первой опомнилась Атвар Х'сиал, менее знакомая с человеческой физиологией и внешними проявлениями жизнедеятельности организма. Бросившись к нему, она подняла обезображенное тело в вертикальное положение и перенесла его в то место, где на полу валялась крышка черепа.

— Что она делает? — спросила Дари дрожащим голосом. — Он же мертвый.

Луис Ненда ссутулившись сидел на полу, бормоча что-то про себя. Услышав слова Дари, он посмотрел вверх и быстро вскочил.

— Она делает то, что следовало сделать мне, будь у меня хоть капля соображения. Талли только похож на человека, но он не человек. Грейвс сказал, что он вживленный компьютер. Там, на планетоиде, у него вынимали из головы мозги, и это ничуть его не волновало. Попробуем. Может, есть способ починить его.

На первый взгляд, надежд на это было немного. Тело безвольно обвисло, а верхняя часть черепа была напрочь снесена, обнажив безжизненную белую кость.

— Начнем вот с чего, — сказал Ненда. — Надо остановить кровь.

— Нет. — Ханс Ребка сунул руку в черепную коробку. — Смотрится, конечно, плохо, но главное сейчас не это. Необходимо восстановить связь мозга с телом, иначе ему конец. Ска-

жи Атвар Х'сиал, чтобы держала его покрепче. — Как только Ребка коснулся мозга, руки и ноги начали подергиваться. — Так, у нас проблемы. От удара разъем выскочил из гнезда. Пробую поставить его на место. Что-нибудь наблюдается?

— Д-д-да. Да, конечно. — Это ответил уже сам В.К. Талли гортанным булькающим голосом. — Благодарю вас. Я сразу же понял... что, что удар нарушил интерфейс тело-мозг, но без... входных сенсорных сигналов... я не знал, что произошло потом. И сообщить о своей проблеме... я тоже не мог. — Светлоголубые глаза раскрылись и с ресниц закапала кровь. Талли огляделся. — Теперь я способен функционировать. Условно. Я работаю на запасном интерфейсе, но пока он вполне заменяет основной. Где зардалу?

— Ушли. Но ненадолго. — Дари взяла у Атвар Х'сиал крышку черепа и беспомошно посмотрела на нее. Та представляла собой бесформенную окровавленную массу из волос и костей с острыми краями. — Каллик они забрали с собой.

— Они наверняка вернутся. Позвольте, я сам. — Талли потянулся, взял из рук Дари едва прикрытую кожей чашу и внимательно оглядел ее своими синими глазами. — Передние шарниры отломились и стали полностью неработоспособны, но защелки вроде бы в порядке. Они могут удерживать ее, правда, лишь в том случае, если я не буду делать резких движений или сильно наклоняться.

Он снова замолчал.

— С тобой все в порядке? — спросил Ребка.

Талли помахал ему рукой.

— Я запустил программу диагностики. Я надеялся, что единственной проблемой окажется неизбежный некроз тканей черепа, лишенных кровоснабжения. Теперь я знаю, что есть другие, еще более серьезные трудности. Это тело близко к окончательному выходу из строя. Через несколько часов оно не сможет функционировать — самое большее часов двадцать непрерывного действия. Вероятно, оно продержится вдвое дольше, если дать ему соответствующий отдых. Потом я не смогу двигаться, а далее потеряю все сенсорные каналы. Необходимо, чтобы я передал вам всю потенциально важную информацию, прежде чем это произойдет.

Говоря все это, Талли пытался пристроить черепную крышку. Но точно она так и не села. После нескольких секунд он оставил попытки.

— Структурные разрушения даже больше, чем я предполагал. Нужно прибинтовать ее покрепче и забыть об этом. Лучшего результата я все равно не добьюсь.

Он сел на пол, поддерживая руками голову, пока Ханс Ребка вновь обматывал бинтом окровавленные волосы и кожу.

— Вот так, — продолжил Талли. — Можно мне говорить? Приготовьтесь принимать от меня информацию. Будет трагедия, если накопленные мною факты я не передам из-за собственных моторных дисфункций.

— Можешь начать, когда тебе угодно. Я слушаю. — Появление зардалу заставило Луиса Ненду побледнеть, но не от страха. Он нахмурился, и ноздри его раздувались. — Я с радостью приму у тебя любую информацию об этих голубых ублюдках.

— Есть один фактор, который Джулиус Грейвс считает исключительно важным. Он дал мне распоряжение ознакомить вас с ним при малейшей возможности. Вы видели сумки вокруг каждого зардалу?

— Типа круглых ожерелий вокруг тел? Конечно. Трудно не заметить.

— Но вы, вероятно, не знаете, для чего они. Это репродуктивные органы. В каждой сумке развивается молодая особь. Зардалу оказались гермафродитами, и любой из них способен произвести многочисленное потомство. Мы уже видели появившуюся молодежь. И эти новорожденные чрезвычайно прожорливы.

— Здесь полно еды.

— Пригодной для нас и для взрослых зардалу, но незрелые зардалу питаются преимущественно мясным. Судя по тому, что слышала Каллик, зардалу считают: если молодежь станет питаться продуктами из местных пищевых источников, она будет плохого качества.

— Что значит плохого качества? — спросил Ненда. — Мы все ими питаемся. В чем она будет хуже?

— Я не знаю. Но Джулиус Грейвс убежден, что если зардалу не позволят улететь отсюда, то и вы, и заложники будете рассматриваться в качестве потенциального источника необходимой для молодежи пищи. В данных обстоятельствах желательно согласиться с их требованиями.

Дари затошнило, но Ребка лишь пожал плечами, а Ненда произнес:

— Итак, всем нам предстоит стать детским питанием. Великолепно. Что еще у тебя есть?

— Я могу провести вас к комнате, где расположились зардалу, если пожелаете.

Ребка посмотрел на остальных:

— Не слишком актуальная потребность в нашем положении, а? Мы пока не знаем, как этим воспользоваться. Возможно, понадобится позже. Что еще?

— Нечто, значение чего определить пока не удалось, хотя Стивен Грейвс считает, что это очень важно. Каллик — единственная, кто способен общаться с ними. В далеком прошлом хайменопты были рабами зардалу, и с тех пор их язык не изменился, Каллик сказала...

— Погоди-ка, Талли, — перебил его Ханс Ребка. — Ты все твердишь: Каллик сказала это, Каллик сказала то. Не думаю, что ей можно хоть на йоту верить. Зардалу полностью подчинили ее себе.

— Не-е. — Ненда замотал головой. — Это только кажется, но на самом деле — не так. У нас с Каллик есть специальный код, при помощи которого мы общаемся, когда нельзя говорить вслух. Никто, кроме меня, не понял сообщения, переданного ею глазами, когда она стояла среди зардалу. Она все время повторяла мне: «Жди. Не сейчас». Она знала, что я готов сорваться, и говорила мне, что время еще не настало.

— Еще она тебе что-нибудь сказала? — спросил Ребка. — Насчет их вооружения или, может быть, слабых мест?

— Да ты что? Это же код, а не полноценный язык. Однако Каллик сообщила кое-что еще, правда, косвенно. Зардалу — очень сильные. Никто не в силах удержать взрослую хайменоптку. Нам бы всем вместе не удалось это сделать. А зардалу сделали это без особого труда. Чтобы сражаться с ними, нужно что-то особенное.

— Но Каллик была ослаблена, — сказала Дари. — Еще до того, как ей оторвали лапку, она уже хромала. А сейчас она, может, уже умерла.

— Чепуха. — Ненда повернулся к Талли. — Все вы понятия не имеете о хайменоптках. Для того чтобы причинить Каллик вред, этого недостаточно; как раз сейчас она отращивает новую ногу, так что не будем терять на это время. Однако это свидетельствует о том, что ситуация очень плохая. Раз зардалу способны ее удержать, да еще сделать с ней такое, то любого

из нас они в два счета превратят в фарш. А если уж мы заговорили о фарше, давайте послушаем Талли, пока маленькие зардалу не запросили ням-ням. Что еще говорила Каллик?

Вживленный компьютер медленно сел, придерживая голову руками.

— Когда нас схватили, она слушала их, прежде чем до зардалу дошло, что она понимает их речь. Кстати, Каллик невысокого мнения об их сообразительности: они не обеспокоились тем, что успели кое-что сказать в ее присутствии, даже обнаружив, что она их понимает. Она слышала большую часть их разговора. Очевидно, их захватил Тот-Кто-Ждет или кто-то вроде него в последние дни Великого Восстания. Перебрасывали их уже в стазисе. В то время к революции в Сообществе Зардалу планеты присоединялись одна за другой. Зардалу систематически уничтожались, и их последние крепости пали одна за другой. Эти четырнадцать индивидов, пытаюсь спастись, улетели в космос. Каллик сказала, что они считают себя последними оставшимися в живых представителями их вида.

— Надеюсь, они правы, — произнес Ребка. — Весьма рад, если это так.

— Но именно поэтому они решительно настроены бежать отсюда и где-нибудь затаиться, пока не восстановят численность. Чрезвычайная плодовитость вида была их сильной стороной. Если у них будет спокойная планета и век-другой в запасе, численность зардалу вырастет до сотен миллионов. Они вновь организуются и начнут все сначала.

Длинная Атвар Х'сиал во время всего разговора сидела согнувшись. Сейчас она зашевелилась и повернула желтые рожки к Луису Ненде.

— Я согласен с этим, — произнес он и повернулся к остальным. — Пока мы говорили с Талли, я все время держал Атвар в курсе дела. У нее есть хорошая мысль. Если зардалу были схвачены и посажены в стазисные баки возле одной из своих планет, как только с нее взлетели, то, возможно, сейчас они не знают, где находятся. Ни я, ни Ат никогда не говорили с Посредником, но, как я понял, он довольно сдержан в своих высказываниях; а зардалу, выйдя из стазиса, должно быть, ображают довольно хреново. Возможно, они считают, что могут вскочить в корабль, отвалить отсюда и найти укромное место где-нибудь в нескольких световых годах. Это вовсе не так, но только мы не известим их об этом. Ат говорит дело: пусть

они достают корабль, мы поможем им сесть в него, а потом пусть эти синие ублюдки обнаружат, что они в тридцати тысячах световых лет от чего бы то ни было, и попутного ветра им в задницу.

— Это прекрасно, — сказал Ребка. — Предположим, что Посредник ничего им не сообщил. Но если он пока не сказал им, где они находятся, то, вероятно, расскажет об этом в следующий раз, как только с ними встретится.

— Этому помешать не можем, но надо сделать все, чтобы они не узнали это от нас. И, возможно, повернуть переговоры в другом направлении, если представится возможность. Это, вероятно, не представит труда, учитывая, что зардалу вовсе не самые умные существа в рукаве. — Луис Ненда посмотрел на В.К. Талли, голова которого начала падать на грудь. — Продолжай. Что еще?

Талли молчал.

— Оставь его, — сказала Дари. — Он на последнем издыхании.

— Откуда ты знаешь?

— Посмотри не него. Он еле держится.

— Дальше ему, наверное, станет еще хуже. — Ненда нагнулся и пристально посмотрел в закрывающиеся глаза Талли. — Тело отдыхает, но сам он не спит. И это, вероятно, наш последний шанс. Растолкай-ка его, профессор, пусть продолжает.

— Нет. — На этот раз заговорил Ребка. — Ты не специалист по вживленным компьютерам, Ненда. Я тоже. Талли знает состояние своего тела лучше, чем любой человек. Если он считает, что должен отдохнуть, пусть отдыхает.

— А что прикажешь делать нам? Сидеть здесь и ждать, пока зардалу не прозвонят к обеду?

— Что-то вроде этого. — Ребка оттащил В.К. Талли по гладкому полу к стене и прислонил его к ней. — Мы толком не отдыхали уже несколько дней. И каждый из нас в любой момент может свалиться с ног. Нужно поспать. Я хочу последовать примеру Талли и чуток вздремнуть. И если у вас есть здравый смысл, вы сделаете то же самое. Караулить можно по очереди. Если к возвращению зардалу мы хотим быть готовыми к действиям, лучше иметь в запасе силы. — Он сел рядом с Талли. — С другой стороны... В общем, когда позовут к обеду, каждый может оказаться первым в меню.

ГЛАВА 22

Двумя часами позже Дари Лэнг в одиночестве бродила вдоль стазисных баков. Ханс Ребка и Луис Ненда поели, потом Ребка безмятежно сказал:

— Прекрасно, и пока хватит. Лучше немного поспать.

Он и Ненда улеглись рядом с Атвар Х'сиал. Все трое мгновенно отключились, словно ничто на свете их не волновало.

Спать. Заснуть для Дари было не проще, чем научиться дышать фтором.

Она с ненавистью посмотрела на храпящего Ханса Ребку. Вот, связалась с роботом, начисто лишенным всех нормальных страхов и чувств. И Ненда, лежащий на спине с открытым ртом, такой же, если не хуже.

В.К. Талли оставался в сидячем положении, но тоже молчал. Дари даже не пыталась заговорить с ним. Мозги его, должно быть, заняты вычислениями, но тело отдыхало, как только могло. Талли погрузился в абсолютный покой, стремясь хоть немного восстановиться.

Хуже всего, что Ребка совершенно прав, и она это знала. Необходимо отдыхать и поддерживать собственные силы. Она с трудом немного поела. Это было уже достижением, но, как только она закрывала глаза, на нее тут же обрушивались воспоминания о темно-синих существах, сопровождаемые роем пугающих мыслей. Где сейчас находятся зардалу? Что произошло с Грейвсом, Берди Келли, Каллик и Ж'мерлией? Живы ли они еще?

В конце концов она прекратила бесполезные попытки и принялась обследовать окружающие комнаты коридоры. Даже если за каждой перегородкой прячется зардалу, ходить все же лучше, чем сидеть и смотреть, как спят остальные. Прежние поиски Посредника так и не создали представления об этом месте окружающего пространства, и Дари чувствовала себя не в своей тарелке. Она принадлежала к тем людям, которым необходимо знать, что где находится, и теперь у нее была возможность в этом разобраться.

Чтобы составить представление о планировке артефакта, ей потребовалось несколько часов систематических исследований. Трехмерная картина, в конце концов сложившаяся в ее сознании, оказалась обескураживающей. Дари обнаружила, что,

может, коридоры заканчиваются тупиками либо в больших комнатах с иллюминаторами в стенах. Через них были видны гигантские космические конструкции — длинные цилиндры и спирали, а также изящные кружева непонятного назначения, дугой уходившие вдаль. Как сказал Ненда, на исследование этого комплекса потребовалось бы несколько тысяч лет, а что-бы понять его назначение — и того больше.

Но чем дальше она блуждала, тем яснее ей становилось, что многого узнать ей не удастся. Она, конечно, могла окинуть взглядом сотни тысяч, может, даже миллионы километров этого артефакта Строителей, названного ими Ясность, — но и только. Когда она вычертила в своем воображении все места, где ей удалось побывать, прежде чем она натыкалась на тупик, доступная непосредственному осмотру область сократилась до весьма скромных размеров. Она могла пройти в любом направлении лишь несколько километров. Вероятно, именно поэтому Посредник был столь уверен, что в любой момент сможет связаться с их малочисленной группой, куда бы они ни пошли.

Другое следствие этой мысли было куда более неприятным: если возможности их перемещения столь ограничены, спасение от зардалу тоже становится нереальным.

Если она и ее спутники не смогут беспрепятственно передвигаться по Ясности, то, где бы они ни спрятались, преследователи их непременно обнаружат.

Дари попыталась запрятать эту мысль поглубже и двинулась дальше. Что-то еще сверлило ее подсознание, но некоторое время она никак не могла сообразить, что же ее мучает. Озарение пришло только когда она повернула обратно к комнате, где спали остальные.

Гравитация. В комнате со стазисными баками тяготение составляло примерно три четверти нормального; сейчас же она явно шла «под гору», таким образом, последние полчаса она ходила по району с пониженной силой тяжести. Отсюда следовало, что где-то впереди находится источник гравитационного поля.

Войдя в комнату со стазисными баками, Дари не стала останавливаться, а сразу же двинулась дальше, в направлении возрастающей гравитации.

Внезапно она с тревогой осознала, что в этом же направлении ушли зардалу. Дари пожалела, что Талли не успел сказать

им, где находится лагерь зардалу, но, тем не менее, заставила себя идти вперед. Менее чем через километр, гравитационное поле существенно возросло. Тоннель несколько раз разветвлялся, но она неизменно выбирала направление «под гору». Тоннель сжимающимися витками пошел вниз.

Дари остановилась. Воздух в комнатах всегда оставался свежим, благодаря незаметной вентиляционной системе. Но сейчас она ощущала легкий ветерок. Она лизнула тыльную сторону каждой ладони и выставила их, перед собой. Левая рука оказалась заметно холоднее, значит, дуло оттуда.

Дари пошла вперед еще осторожнее. Воздушный поток усилился. Она уже догадывалась, что ей удалось обнаружить. Сделав очередной поворот, она заметила впереди какое-то движение впереди.

Так и есть! Черная вращающаяся воронка, находящаяся не более, чем в тринадцати шагах вниз по наклонному спуску, сильно напоминала ту, в которую они с Хансом Ребкой свалились на Жемчужине. В ней было что-то и от того вихря, который доставил Луиса Ненду с Атвар Х'сиал.

Дари была убеждена, что смотрит на один из входов в космическую транспортную систему. Но она понятия не имела, куда попадет, если свалится в нее, и выживет ли вообще в этой переброске. Увиденное ею оказалось не совсем тем, что она искала: путь спасения от зардалу.

Кружащаяся воронка гипнотизировала, словно притягивая к себе. Дари заставила себя отступить назад. Спуск становился все круче, а гравитационное поле нарастало. Еще несколько шагов, и ее бы туда затянуло, как бы она ни сопротивлялась.

Неужели она действительно может вернуть путешественника в рукав? Или же это дорога в неизвестное, в какое-то еще более удаленное место? Возможно, на ее конце лежит настоящая сингулярность — пространственно-временной вихрь, расплетающийся обреченного странника на элементарные частицы.

Дари вовсе не хотелось испытывать это на себе. Но черная воронка, возможно, окажется куда более приятной альтернативой по сравнению со страшным клювом зардалу. Она направилась в комнату, где спали остальные.

Шла она осторожно. Зардалу не выходили у нее из головы.

Никто этого не говорил вслух, но Дари была уверена, что зардалу ни за что не уйдут с миром, даже если получат все, о чем просили. Они обязательно постараются исключить вся-

кую возможность преследования и дальнейшего распространения информации об их существовании; лучший способ для этого — покончить с теми, кто их видел.

Неожиданный хриплый смех, раздавшийся сзади, заставил ее напрячься. Сердце замерло в груди. Она резко обернулась, и тут кто-то схватил ее за руку.

— Привет, — сказал тихий голос.

Это был Луис Ненда. Она совершенно не слышала, как он приблизился.

— Никогда больше так не делайте!

— Нервишки? — Он опять хохотнул. — Успокойся, профессор. Я тебя не съем.

— Что вы здесь делаете? Не спитесь?

Он пожал плечами.

— Немного вздремнул. Потом проснулся. Слишком нервничаю, чтобы долго дрыхнуть.

— Это вы-то нервничаете?

— Нервничаю. И зол. И обоссан с ног до головы. Как никогда. Ты сама видела, что они сделали с Каллик.

— Видела, но удивительно, что вы так переживаете. Она была вашим верным рабом, а вы оставили ее умирать на Тектоне и стреляли по кораблю, в котором она находилась.

— Я сказал Грейвсу и остальным, что не помню, чтобы стрелял по какому-нибудь кораблю. — Он усмехнулся. — В любом случае, если даже такое было, я же не знал, что Каллик там находилась, ведь так?

— Значит, вы признаетесь, что оставили ее умирать на Тектоне?

— Да нет же, черт возьми. Я бы подобрал ее, прежде чем там стало по-настоящему жарко. В любом случае это не имеет значения. Каллик — моя хайменоптка; она принадлежит мне. Что я с ней делаю — это одно, но что сделала с ней эта синяя сволочь — нечто совершенно другое. Лучше бы она попрिдержала свои поганые лапы. — Ненда нахмурился. — Как ее зовут?

— Владелица.

— Верно. Так вот, позволь сказать тебе, что, когда мы будем с ними кончать, с Владелицей разделаюсь я сам, и никто другой. Эта тварь моя. И ее вонючая туша. Я поджарю ее потроха и съем на завтрак, даже если буду неделю блевать после этого.

— Хорошо вы говорите, когда их нет рядом. При них-то стояли смиренно, как все.

— Стоял. И Атвар Х'сиал тоже. Я, она, и Ребка тоже, мы все знаем, как играть в эту игру. Наблюдать, ждать и выбрать время. Не надо пугать осторожность с трусостью, профессор.

Дари посмотрела на пылавшего гневом коренастого карланца.

— Вы хорошо рассуждаете, Ненда, но это не поможет, когда придут зардалу. Они втрое больше вас и в десять раз сильнее. И у них, вероятно, есть оружие, а у вас нет.

Ненда уже поворачивался, собираясь идти дальше, но при этих словах он остановился и снисходительно улыбнулся:

— Дорогая, может быть, ты и ученый профессор, но о реальной жизни ничего не знаешь. Ты думаешь, у меня нет оружия? Это случилось бы первый раз в моей жизни с тех пор, как я был ребенком. — Он провел рукой вдоль икры и достал длинный нож с тонким лезвием. — Это для начала. Он здорово поможет, когда я буду из кишок зардалу делать шкурку для сарделек. И если ты думаешь, что только я таскаю оружие, то пойдй взгляни, что Атвар Х'сиал носит под крылышками. Она большой дока по средствам самообороны. И, к тому же, умница. Она знает, когда и что надо использовать. — Он подмигнул ей. — Должен идти. А тебе — спокойной ночи и приятных сновидений. Помни, я и Ат здесь для того, чтобы приглядывать за тобой.

Дари долго смотрела ему в спину, когда он спускался вниз по коридору.

— Смотрите, куда идете, — крикнула она ему вдогонку. — Там впереди, в нескольких сотнях метров, воронка и, возможно, полевая сингулярность. Если вы в нее свалитесь, мне будет очень жаль.

Он не ответил. Дари вернулась в комнату, почему-то довольная встречей. У Луиса Ненды и Ханса Ребки была по крайней мере одна общая черта: с ними происходило множество ужасных вещей, но ничто было не в силах поколебать их дух.

В.К. Талли не двигался. Ханс Ребка проснулся и теперь сидел, а Атвар Х'сиал исчезла.

— Понятия не имею, — ответил Ребка на ее вопрос. — Ни где она, ни где Ненда. Ни где была ты до своего появления.

— Я видела Ненду. — Дари коротко рассказала о своей встрече с Нендой и о результатах ее собственных хождений. —

Но это небезопасно, — закончила она, сообщив о воронке и о своем убеждении, что это вход в транспортную систему. — Она совершенно бесполезна, пока мы не убедимся, что она рассчитана на живые объекты, но даже после этого следует выяснить ее конечную точку, прежде чем воспользоваться ею.

— Не уверен в этом. Вещи таковы, какими их себе представляют люди. Не исключение и этот вихрь.

Объяснить он отказался. И вообще ничего больше по этому поводу не сказал, только задумчиво добавил, что Посредник всего лишь раз поговорил с ними, а потом полностью забросил.

— У Посредника и твоего вихря есть одна общая черта, о которой лучше не забывать. Они оба чужие. Одна из самых худших возможных ошибок, это думать, что мы понимаем образ мышления чужаков, даже знакомых чужаков. Трудно разобраться, чем руководствуются в своих поступках Атвар Х'сиал или Каллик, или зардалу; однако в тысячу раз труднее понять, чего хотят достичь Строители или их творения.

— Ты думаешь, мы и Посредник неправильно друг друга понимаем?

— Я в этом уверен. Возьмем один пример. Мы все злимся, потому что нас оставили здесь одних, не поставив в известность, чего ждать дальше от Посредника. Мы сердимся, потому что не можем найти его. Но он существовал — сидел здесь и ждал — миллионы лет! С его точки зрения, один день (или даже год) это глазом моргнуть. Возможно, он даже не подозревает, что мы испытываем раздражение по поводу его отсутствия.

Он обнял ее и проводил туда, где с закрытыми глазами сидел В.К. Талли.

— Дари, мы знать не знаем, когда вернется Посредник, и вернется ли вообще. Если ты совсем не спала, попробуй еще раз. Я поспал несколько часов, и ты представить не можешь, насколько лучше я сейчас себя чувствую. — Он заметил, что она озирается. — Не беспокойся, если зардалу вернуться, я тебя разбужу. Я никуда не уйду. Буду караулить прямо здесь.

По его настоянию, Дари легла и закрыла глаза. В сложившейся ситуации она не надеялась и на секунду покоя. Она опять стала думать о зардалу, о том, как взвизгнула Каллик от боли, когда ее ногу выворачивали из тела, как черепная крышка Талли полетела через комнату. Затем она вспомнила спо-

койное бледное лицо Ханса Ребки и ярость Луиса Ненды по поводу того, что сделали с Каллик, и его иррациональную самонадеянность.

Возможно, мы уже почти покойники, но эти двое все равно ни на секунду с этим не согласятся.

Она открыла глаза и увидела смотрящего на нее Ханса Ребку. Он кивнул. Она закрыла глаза вновь и через тридцать секунд уже спала.

После встречи с Дари Лэнг Луису Ненде далеко идти не пришлось. Он сидел, скрестив ноги, на полу маленькой, плохо освещенной комнаты, менее чем в трехстах метрах от того места, где она теперь спала. Согнувшись так, что до ее панциря было рукой подать, над ним стояла Атвар Х'сиал.

— Ну, ладно, — феромоны Ненды поплыли к ожидающей кекропийке. — Что рассказал тебе сонар?

— Меньше, чем ты ожидаешь. Мне кажется, будет разумно поделиться этой информацией с капитаном Ребкой и профессором Лэнг. Никакой явной коммерческой ценности она не представляет.

— Прежде чем мы решим, я все же ее выслушаю.

— То, что я увидела на низких частотах, вероятно, в точности соответствует тому, что ты получил через свое зрение. Зардалу выглядят очень внушительно.

— В этом нет ничего нового. Одного из них достаточно, чтобы удержать Каллик.

— Именно так. Более интересная информация получена при ультразвуковом просвечивании их тела. Ожерелье из сумок, которое опоясывает каждого зардалу под главным пищевым органом, содержит, как и сказал В.К. Талли, молодых зардалу на различных стадиях развития. Под широкими перепонками у основания щупалец нет никакого оружия, что, как мне кажется, ты подозревал, но там они хранят запасы пищи и личные вещи. Не вижу в этом угрозы. Важно другое: у зардалу два циркуляторных центра для внутритканевых жидкостей. Главный — тот, что снабжает кровь кислородом, легко доступен для ультразвукового сканирования. Он находится в центре основного туловища, на полметра ниже ожерелья и в полуметре от поверхности тела.

Атвар Х'сиал произвела феромонный эквивалент ругани, вздоха и насмешливого хохота одновременно.

— Поздравляю, добраться до сердца твоим ножом будет вовсе не так просто, как моим сонаром. Оно лежит глубоко. То же самое относится и к мозговому центру, и к главным стволам центральной нервной системы. Мозг расположен под сердцем, а нервный столб идет оттуда по осевой линии тела. Очень эффективная конструкция для защиты от повреждений — куда лучше, чем у тебя или у меня.

— Проклятье.

— Понимаю. Извини, Луис Ненда. Я прочитала твои эмоции, когда Каллик оторвали ногу, и разделяю твои стремления. Но их реализация потребует несколько большего, чем только силы.

— А как у тебя насчет оружия? Нет ли чего-нибудь, что могло бы нейтрализовать их?

— Нет и не было. Очень трудно провозить мощное оружие через Бозе-сети. К станции.

— А я пообещал Дари Лэнг, что ты разнесешь зардалу к чертовой матери.

— К сожалению, это лишь мечты. У меня есть ножи, но они слишком коротки, чтобы достать до сердца или мозга зардалу. Есть еще три искровых разрядника. Но они предназначены не для поражения, а для нанесения болезненного поверхностного ожога. Для существа, размерами и силой сравнимого с зардалу, они не более, чем раздражители.

— Забудь о них. Разве что захочешь их зашекетать до смерти. Это все?

— Есть у меня одна вещица, которая в Бозе-сети не рассматривается как оружие. Она могла бы сослужить мне хорошую службу, но тебе достанется от нее так же, как и зардалу.

Атвар Х'сиал залезла под надкрылье и извлекла оттуда маленький черный шарик. Ненда с любопытством начал его рассматривать.

— Выглядит не слишком грозно. Как он работает?

— Называется — «звездозрыв». У меня их два. Он производит интенсивную световую вспышку в диапазоне от ноль четыре до один и два микрон. Любое существо, обладающее зрением в этом диапазоне, ослепнет временно или навсегда, в зависимости от чувствительности глаз и направления. Я уверена, что глаза зардалу работают именно в этом диапазоне длин волн. К сожалению, тот же диапазон и у людей, и у лотфиан, и у хайменоптов. На меня, естественно, он не действует.

— Тогда лучше предупреждай, когда мне закрывать глаза. Он хорош, но наших проблем не решает. Как и где мы можем его использовать? Надо подумать, Ат.

— Вот мы и думаем; и я вынуждена напомнить тебе, что мы не обладаем монополией на этот процесс. Как бы тебе ни было неприятно, Луис Ненда, мы должны действовать заодно с Хансом Ребкой и профессором Лэнг. По крайней мере до тех пор, пока не решится проблема с зардалу. Вот тогда... — Большая голова качнулась, словно замахиваясь на миллионы километров окружающей их Ясности. — Вот тогда, и только тогда, мы вновь сможем говорить на языке целесообразности. Другими словами — на языке коммерции, для которого, я полагаю, здесь более чем достаточно потенциальных объектов обсуждения.

— Ты думаешь так же, как и я. Если мы только выберемся отсюда, то прихватим вещи, от которых потекут слюнки у всего рукава.

— Еще больше здесь того, что нам пока не разрешили увидеть. Где-то в этом артефакте находится техника, создающая существа типа того, которого Ребка и Лэнг называют Посредником, и готовая межгалактическая транспортная система. Если только эти секреты станут нашими...

Кекропийка замолчала. Большие антенны на макушке слепой головы внезапно раскрылись как паруса и повернулись в ту сторону, откуда они пришли.

Ненда повернулся вместе с ней.

— В чем дело, Ат? Опять зардалу?

— Нет, но я ощущаю новые запахи, типа тех, что издавал Тот-Кто-Ждет. Если я не ошибаюсь, некто по имени Посредник входит сейчас в комнату со стазисными баками, где находятся Ребка, Лэнг и Талли. Полагаю, что разумно и нам присутствовать на этой встрече.

ГЛАВА 23

Свободно перемещаться внутри Ясности люди не могли, но были там и другие существа, которых это ограничение не касалось.

Дари получила новое тому подтверждение, когда появился Посредник. Это странное существо всплыло из непроницае-

мого пола комнаты, как серебристое привидение. На полпути он остановился и начал постепенно уменьшаться в размерах. Когда Луис Ненда и Атвар Х'сиал вбежали в комнату и впервые увидели его, перед ними возвышалась раздутая полусфера, вросшая в твердый пол. Посредник выглядел в точности как верхняя часть Того-Кто-Ждет.

Голова в форме цветка наклонилась к вновь прибывшим, а затем повернулась обратно к Ребке, Лэнг и проснувшемуся В.К. Талли. Вживленный компьютер, бледный и трясущийся, был полностью готов к приему информации.

— Мы ждали тебя все время, прошедшее с нашей последней встречи, — произнес Ребка. — Есть большие проблемы. Ты знаешь, кто такие зардалу?

— Конечно. — Голова-цветок опустилась ниже и закивала. — Поскольку я отвечаю за их появление. Это я выключил стазис, чтобы начать их реанимацию. Чем вызван твой вопрос?

— Сейчас они уже проснулись.

— Как и должно быть.

— И они очень опасны. Они уже нанесли телесные повреждения двоим из нашей группы и угрожают остальным. Я уверен, что ты доставил нас сюда не за тем, чтобы зардалу нас уничтожили.

Посредник ответил не сразу. Он забубнил низким голосом: «Люди, кекропийцы, зардалу... люди, кекропийцы, зардалу...» Затем, после нескольких секунд молчания, он сказал:

— Присутствуют и доступны все. Так, как должно быть. Процесс можно начинать...

— Нет, если это касается кого-либо из нас. — Ребка вышел на шаг вперед, достаточно близко, чтобы дотронуться до сияющей поверхности Посредника. — Пока ты не выслушаешь нас и не ответишь на наши вопросы, мы ничего делать не будем.

— Так не может быть. Ваше участие... требуется.

— Хорошо, тогда попробуй его добиться, не поговорив с нами. Мы и пальцем не пошевелим. Ни человек, ни кекропийка. Недалеко отсюда есть точка входа в транспортную систему. Если потребуется, мы воспользуемся ей.

Ребка сделал пробный заход в надежде выудить побольше информации. Но ответ Посредника лишь подтвердил догадку Дари.

— Это будет самым неразумным шагом. Без задействования определенных ключей нет никакой гарантии безопас-

ной переброски. Перенос наверняка приведет к фатальному исходу.

— Но нам придется рискнуть. Мы не будем сотрудничать, пока не получим от тебя некоторых ответов.

— Я сказал вам, что ваше участие требуется. — Посредник вновь замолчал на несколько секунд. — Я выслушаю вас и, если необходимо, отвечу. Но не долго.

— Как недолго?

— Не более восьми ваших часов.

— Этого вполне достаточно. Позволь рассказать тебе о зардалу, и о том, что они делают.

— Я слушаю. — Голова-цветок вздохнула. — Говори, если считаешь нужным.

Посредник слушал объяснения Ханса Ребки в полном молчании, остальные тоже. Прервали его только когда Луис Ненда злобно выругался, когда Ребка стал рассказывать о мучениях, которым зардалу подвергли Каллик.

— Очень хорошо, — произнес Собеседник, когда Ребка поведал о последних угрозах зардалу. — Все это очень хорошо. Началось.

— Что началось? — Процесс отбора. — Посредник поднялся сквозь пол, впервые показав Ненде и Атвар Х'сиал все свое тело и зубчатый хвост. — Зардалу, похоже, поняли, что от них требуется, без пояснений. Но вы... слушайте внимательно.

Для Строителей это была просто Проблема. Но по сравнению с ней все, начиная от трансформации планет и кончая созданием звезд, было тривиальным. И, как все проблемы, требующие полной концентрации, она была совершенно абстрактна. «Что ожидает в далеком будущем Вселенную?»

Занявшись поисками ответа на этот центральный вопрос, Строители неизбежно пришли к другому, затрагивающему их самих: «Каково назначение Строителей и какую роль они играют в эволюции Вселенной?»

Ответить Строители не смогли, но они жили чрезвычайно долго и были бесконечно терпеливы. Они думали над этими вопросами в течение двух миллионов лет и в конце концов пришли к выводу, который оказался хуже самого вопроса: это был парадокс.

Они решили, что хаотичность элементов делает далекое будущее Вселенной непредсказуемым в геделевском смысле: его нельзя предсказать, находясь внутри самой Вселенной; но предсказуемо будущее или нет, оно непременно наступит. Таким образом, со Строителями, либо без них, неразрешимая пока проблема в конце концов будет решена.

Столкнувшись с парадоксом, Строители приняли типичное для них решение. Они сосредоточились на самих себе, глубоко зарывшись в природу собственного сознания. Они изучали мыслительные процессы и мыслящие структуры. Они исследовали мысль и причудливые пути, которыми движутся их индивидуальные различия, но так и не смогли решить: являются ли эти детали атрибутами Проблемы, или же вовсе к ней не относились?

И вновь Строители зашли в тупик. Хуже того, их неспособность справиться с Проблемой оказала разрушительное воздействие на самих Строителей. Вместо медленной эволюции и развития, которые длились уже сотни миллионов лет, начался быстрый процесс деградации Строителей. Появились регрессивные формы Строителей — фаги.

Это был способ уйти от непосильной для разума проблемы. Лишенные сознания, предавшие забвению собственную историю и достижения цивилизаций — фаги оставались такими же долгожителями, как и их разумные братья. Очень скоро они заполонили весь рукав. Где жили Строители, там обитали и всеядные фаги. Из-за отсутствия интеллекта и замедленных рефлексов они редко представляли опасность, но для столь же медленно двигающихся Строителей они стали чрезвычайно сильным источником раздражения.

Строителям опять пришлось отступить перед вставшей на их пути новой трудностью.

К решению Проблемы они не приблизились, но они и не спешили. Они решили подождать, погрузившись в долговременный стазис, оставив свои сооружения и своих слуг, чтобы те пробудили их в нужное время, когда обстоятельства изменятся. Затем они вновь приступят к решению Проблемы, но уже в следующей эпохе.

В этом решении присутствовала своя логика: Строители не могли справиться с проблемой в одиночку и рассчитывали, что в будущем у них появится помощь.

Исследуя Галактику, Строители не встретили никого, хотя бы отдаленно напоминающего их самих; но они обратили внимание на другие жизненные формы, на существа из так называемых «малых миров», состоящих из тяжелых элементов, чей генезис весьма мало напоминал эволюцию самих Строителей в атмосфере газового гиганта. Новые формы отличались...

— Чем? — Этот вопрос задала Атвар Х'сиал при помощи Луиса Ненды. Так впервые прервалось медленное повествование Посредника.

— Коротким сроком жизни, — ответил Посредник без малейшей паузы. — Необычайно эфемерные, но тем не менее преисполненные агрессивности, иррациональных вожделений и нелогичных ожиданий. Далекие от того, чтобы принести пользу, но в то же время...

У Строителей не было никаких трудностей с краткосрочными прогнозами на десять — двадцать миллионов лет вперед. Их аналитический инструментарий позволял вполне адекватно определять скорость развития разумных существ, а также предсказывать с большой точностью, какие жизненные формы на своем эволюционном пути неизбежно придут к самосознанию, разуму и технологии.

Труднее было предсказать идейную эволюцию этих форм. Разработают ли они собственное представление о назначении Вселенной? Станут ли они в один прекрасный день, несмотря на свое странное происхождение, достойными помощниками самих Строителей?

Никакая техника Строителей не могла дать ответ на этот вопрос. Он тоже был связан с Проблемой, и оказался им не по зубам.

Строители обнаружили три основных вида разумных существ, сформировавшихся на малых мирах рукава. Они предсказали, что каждый из них может оказать решающее влияние на будущее. Одному из этих видов разумных существ надлежало добавить мыслительным процессам Строителей новое измерение, необходимое, чтобы возобновить изучение Проблемы. Одному из них. Но которому?

На этот вопрос нельзя было ответить, пока не окончилась эволюция этих разумных существ и не сформировались их цивилизация и философский фундамент. Только одна вещь была

совершенно очевидна: несмотря на то, что все три вида отличались от Строителей, самым полезным, с точки зрения добавления новой грани к процессу мышления Строителей, будет тот, который в наибольшей степени отличается от самих Строителей.

— Ты настойчиво доказываешь, что мы отличны от Строителей, — сказала Дари. — Да, у нас гораздо меньше продолжительность жизни, и мы весьма далеки от их технических достижений. Однако это нельзя считать принципиальными отличиями — время многое сгладит.

— Оно может, и оно сгладит. — Серебристая голова-цветок закивала, полыхая внутренними огнями. — Но время не может изменить определенные элементы, присущие вам, зардалу и кекропийцам. Присущие лотфианам и хайменоптам тоже, как выясняется, хотя эти разумные существа пришли позже, и их влияние на события в рукаве гораздо меньше. Элемент, которым обладаете все вы, трудно определить одним словом. Я назову его «расточительностью».

— Лучше бы ты назвал его как-нибудь по-другому, если хочешь, чтобы я понял тебя, — произнес Луис Ненда. Что это значит?

— Плодовитость. Избыточность. Неэкономность. — Посредник колебался, подыскивая слова. К настоящему моменту он уже весьма преуспел в совершенствовании своей речи, несмотря на пристрастие к продолжительным, таинственным паузам. Дари задумалась, насколько искажена сообщаемая им информация из-за ошибок перевода. У нее прямо руки зачесались воспользоваться одним из многоязыковых переводящих устройств, столь обычных на далеких Вратах Стражника и, увы, столь редких в бедных мирах типа Опала.

Далекое Врата.

Она вдруг осознала, что с Ясности, Опал и Врата Стражника кажутся близкими соседями. Восемьсот световых лет — ничто по сравнению с тридцатью тысячами.

— Вероятно, лучше будет привести пример, — продолжил наконец Посредник. — Я функционирую уже много миллионов лет. И, вероятно, проработаю еще несколько миллионов. Если во мне возникнут неисправности, я почию сам себя. При необходимости я способен модифицировать и улучшать свои оперативные возможности и конструкцию.

— Я — сконструированный объект, но сами Строители, мои создатели, естественно, развиваются по тому же пути. Они живут, по вашим меркам, вечно и способны на индивидуальное самоусовершенствование и трансформацию.

— Сравните это с представителями ваших миров. Вы живете очень мало — любой из вас, но, зная, что каждый обязательно умрет, и умрет очень скоро, вы вовсе не терзаетесь мыслями о смерти или о будущем без вас. По стандартам Строителей, вы невероятно быстро размножаетесь и в равной степени быстро изменяетесь как вид. Вы неспособны на самоусовершенствование как индивидуумы. Но это роли не играет, поскольку, что самое поразительное, вопрос выживания индивида не имеет для вас значения.

Луис Ненда толкнул локтем Дари:

— Слышишь? Меня не проведешь.

— Тс-с.

— На многих малых мирах Строители обнаружили прекрасно сконструированные организмы, — продолжал Посредник. — Они могли отлично бегать, или летать, или парить в воздухе, или же мастерски охотиться за другими живыми существами, но Строители обнаружили также нечто более удивительное. Если организм начинает ухудшаться по какому-либо из своих функциональных показателей — от старости в результате мелких повреждений, — он попросту списывается. Ему позволяют умереть. Такой чудесный механизм выбрасывается, а другой, не менее замечательный, создается, чтобы занять его место. Подобный способ поддержания жизни, подобная «расточительность» и сама идея, что такой способ в конце концов приведет к возникновению разумной жизни, так же чужды Строителям, как и непостижимы для них. Ибо разум, если только он имеется в наличии, непременно должен базироваться на накоплении опыта.

— Но, как говорили между собой Строители, в этой непостижимости заложена возможность достижения прогресса в решении Проблемы. Все сходное они испробовали. Таким образом, непохожесть абсолютно необходима для продвижения вперед. Строители не знали, какая именно из новых разумных форм окажется наиболее отличной от них, но они были убеждены в одном: им нужна только самая непохожая. Поэтому они предприняли шаги для осуществления необходимой процедуры селекции.

— А это было просто. Достижение всеми тремя разумными расами уровня, достаточного чтобы выбраться из своих маленьких миров и начать исследовать артефакты Строителей, разбросанные по всему рукаву спирали, означало, что они уже созрели. Как только представится возможность, будут взяты представители всех трех видов. Их доставят сюда. Здесь-то и произойдет процесс селекции. Возможно, понадобится стазис, чтобы представители оказались на месте одновременно, но сложностей это не представляло. Стазисная технология существует уже 150 миллионов лет. В любом случае Строители предсказали появление всех трех разумных форм примерно в одно время.

— Не предполагалось только то, что представители двух форм могут появиться здесь вместе, как случилось с вами. — Голова-цветок кивнула в сторону Ненды и Атвар Х'сиал. — Однако проблемы здесь нет. На самом деле все становится проще, поскольку мне не потребуется повторять объяснения. Таким образом, в дальнейшем ожидании нет нужды.

Голос Собеседника становился глубже и тише. Серебристое тело медленно уходило вниз. Вскоре хвост уже скрылся в полу, а за ним и нижняя часть сферы.

— Теперь все три разумных существа имеются в наличии, — сонно произнес Посредник. — Условия соблюдены. Моя первоначальная задача выполнена. Процесс селекции можно начинать. На самом деле действия зардалу показывают, что он уже начался...

— Подожди! — воскликнула Дари. Из пола торчала только голова-цветок. — Скажи, где сейчас находятся сами Строители. Медленное погружение на секунду затормозилось.

— Я знаю многое. — Апатия в его голосе уступила место странной боли. — Но ЭТО мне неизвестно.

Слепая голова кивнула. Серебряный пятиугольник скрылся из глаз, провалившись вниз.

Ханс Ребка, Луис Ненда и Атвар Х'сиал поняли все сразу. Только Дари Лэнг, профессору не от мира сего, да В.К. Талли, вживленному компьютеру, тем буквально не от мира сего, потребовались объяснения, которым они все равно верили с трудом.

После ухода Посредника они снова и снова задавали все те же вопросы своим компаньонам.

— Дари, ну сколько раз тебе нужно повторять одно и то же, — не выдержал наконец Ханс Ребка. — Помни, что мы имеем дело с чужим мышлением. С их точки зрения, они поступают совершенно логично. Они убедили сами себя, что существа, способные помочь им в решении проблемы, должны в наибольшей степени обладать тем, что, по их мнению, является особенностями «малых миров»: агрессивностью, энергией и непохожестью. Строители хотят работать только с одной разумной формой, поэтому они намерены ее выбрать. Или, скорее, они предоставят возможность этой форме выбрать саму себя. «Процедура селекции» подразумевает именно это.

— Можно мне говорить?

— Нет, — отрезал Ненда. — Тебе можно слушать. Я объясню тебе все по слогам, Талли. Похоже, вам двоим это просто необходимо. Строители организовали тройное состязание. Между людьми, кекропийцами и зардалу. Победитель получит большой приз — возможность остаться в живых и шанс работать вместе со Строителями. Проигравших ждет сам понимаешь что.

— Но это же абсолютно... — Дари остановилась на полуслове. Она чуть было не сказала «негуманно», что в данном случае было совершенно не к месту. Она поправилась: — Это же абсолютно по-варварски. Вот вы, Ненда. Вы же не станете драться со своей подругой Атвар Х'сиал, не так ли?

— Конечно, нет. — Ненда посмотрел на громадное тело кекропийки. — По крайней мере, пока я не буду уверен, что выиграю. Послушай, профессор, что я буду делать, а что нет — это сейчас не важно. Нам объяснили правила. Они нам не нравятся. По-моему, у нас есть единственный вариант дальнейших действий, и Ат согласна со мной — она следит за нашей беседой. Сначала нам следует позаботиться о зардалу и надрать им задницы. А уж после этого решать: устраивать ли разборку между людьми и кекропийцами.

— Их четырнадцать, — тихо произнес Талли. — А нас всего девять, причем четверо уже пленники зардалу.

Ненда фыркнул.

— Ты предполагаешь объяснить Посреднику, что такая арифметика несправедлива? К тому времени, когда он появится опять, мы все успеем уже на тот свет отправиться.

— Ненда прав, В.К., — опять вступил в разговор Ребка. — Не имеет значения, как мы оказались в таком положении и нравится оно нам или нет. Необходимо принять все как есть и спланиро-

вать свое поведение так, чтобы остаться в живых. Если мы будем сидеть сложа руки и ждать, пока вернутся зардалу, ничего хорошего не выйдет. Они обнаружат, что мы ни о чем полезном для них с Посредником не договорились, и истребят нас.

— Но что же нам делать? — Дари чувствовала, что Ребка ни на йоту не разделяет ее беспокойства. Он был холоден и рассудителен, словно здесь шло обсуждение условий посадки на Опал. — Зардалу могут вернуться в любой момент.

— Могут, и, вероятно, так и сделают. — Ребка окинул оценивающим взглядом каждого члена группы. — Итак, давайте подытожим, что у нас есть.

— Правильно! — сказал Ненда. — А потом произведем небольшую рекогносцировку и посмотрим, где они и что делают. У меня есть в этом опыт. У Ат тоже. Талли расскажет, где их искать.

— Они такие большие и сильные... — Дари почувствовала, что ей тяжело высказывать вслух свои мысли, поскольку одно воспоминание о зардалу бросало ее в дрожь. И ей вовсе не нравился взгляд Ненды — странная смесь злости и удовольствия.

— А что даст наблюдение за ними? — продолжила она. — Это не сделает их слабее, а нас сильнее.

— Неверно. — Ненда бросил на нее сердитый взгляд. — Информация — это сила, дорогуша. Мы малость подсмотрим за ними, а потом вернемся и выложим все, что у нас есть, и что мы знаем. Затем быстро нападём на них. Так что держитесь, зардалу! Готов спорить — этого они меньше всего ожидают.

Дари тоже менее всего этого ожидала. Выложим — что? У них не было ничего — даже информации. Все козыри у зардалу: сила, численность, беспощадность, пленники.

Но глядя на выражения лиц Ханса Ребки и Луиса Ненды, она поняла, что ее мнение здесь в расчет не принимается.

ГЛАВА 24

— Вы когда-нибудь видели рождение человека, я имею в виду нормальные роды, а не в баке или через животное-заменитель? — Берди Келли говорил шепотом.

Джулиус Грейвс не стал отвечать вслух, полагая, что его кивок виден даже при таком слабом освещении.

— Мне-то пришлось повидать, — тихо продолжал Берди. — Десятки раз, на Опале. Ужасно мучительный для матери процесс, даже если все идет прекрасно. Вот когда начинаешь радоваться, что ты мужчина. Позже, женщины, конечно, счастливы, когда держат в руках ребенка, — это видно по их лицам. Но это не делает роды менее болезненными и не облегчает их. А что касается этих тварей... — Он покачал головой.

Двое людей сидели в углу комнаты. Ж'мерлия находился в нескольких метрах поодаль вместе с Каллик. Время от времени они тихо пересвистывались и перешелкивались друг с другом, но большей частью внимание Каллик было приковано к зардалу.

Четырнадцать массивных тел распростерлись на полу между ними и единственным выходом. Иногда кто-нибудь из зардалу лениво поглядывал в сторону Грейвса и Келли, а затем огромный глаз снова закрывался; казалось, они почти не замечают присутствия людей. Естественно, они и не думали беспокоиться о том, что кто-то из этой группы способен бежать.

Зардалу говорили между собой на своем языке, который для Берди звучал точно так же, как речь Каллик. Стивен Грейвс заверил его, что это всего лишь иллюзия. Голосовые связки зардалу просто воспроизводили набор частот и фрикативных звуков, аналогичный тем, что издают хайменопты; или, что еще больше похоже на правду, много столетий тому назад хайменопты научились говорить так, чтобы хозяева их понимали.

Но не их речь привлекла внимание Берди. Пока зардалу говорили, ели или просто лежали, они рожали. Все проходило быстро, просто и без подготовки.

Берди и Джулиус Грейвс наблюдали весь процесс, в то время как Стивен Грейвс записывал его в свою объемистую память, на тот случай — крайне маловероятный, как думалось Берди, — когда он сможет пополнить этой информацией центральные банки данных Четвертого Альянса. Сюда же Стивен вставил свое наблюдение, что зардалу предпочитают низкий уровень освещенности. Этот вывод он сделал на том основании, что они избрали для лагеря самую темную комнату из тех, где стояли пищевые синтезаторы.

Стивен не искал подтверждения своим мыслям о зардалу у Каллик, считая ее ненадежной. Все видели, что произошло с ней, когда впервые появились эти гигантские сухопутные головоногие. То, как она вела себя тогда и теперь, никак не позво-

ляло на нее рассчитывать. При виде своих древних повелителей Каллик рухнула на пол и поползла к ним на животе, не смея взглянуть вверх ни одним из своих многочисленных черных глаз.

Зардалу восприняли ее услужливость как само собой разумеющуюся. Владелица сломала ей лапку лишь для того, чтобы подтвердить свое господство; Каллик при этом даже не пыталась сопротивляться. Так же, как и Луис Ненда, зардалу, наверняка, прекрасно знали, что для хайменопки потеря конечности не является серьезной травмой.

За то время, пока Грейвс и Келли вели наблюдение, начали рожать еще трое зардалу. Первым признаком служила ритмическая пульсация выпуклости на одной из сумок. Менее чем через пять минут после этого из сумки показывался округлый конус, похожий на кончик бледно-голубой раковины. В считанные мгновения он выдвигался из сумки.

Сначала Берди думал, что этот наконецник — голова новорожденного. Свою ошибку он понял позже, когда конус начал раздуваться и, наконец, раскрылся. Из него появился предмет по форме и цвету напоминающий незрелый абрикос. Берди изумился как никогда. Он ожидал, что все, имеющее отношение к зардалу, начиная с глаз и кончая кончиками щупалец, должно иметь синеватый оттенок.

Яйцеобразная форма являлась церебральным мешком живого детеныша, рождающегося головой вперед. Он оказался миниатюрной копией родителя, за исключением рудиментарных щупалец. Уже через несколько минут детеныш высвободился из сумки, сделал первый хлюпающий вздох и соскользнул затем по телу взрослого зардалу в убежище под балдахином из щупалец. Берди в последний раз увидел, как мелькнуло бледно-оранжевое тельце, и в течение последующих нескольких минут, больше ничего не происходило. Но очень скоро меж основаниями двух родительских щупалец показался клюв. Раздался слабый посвист, и родитель стал кормить плачущего отпрыска кусочками пищи из контейнера, стоящего посреди комнаты.

Судя по реакции юных зардалу, они хотели явно не этого. Еще через несколько минут они уже терзали родительскую плоть острыми клювиками.

А тем временем начала округляться вторая сумка...

— Боюсь, долго они не протерпят, — сказал Грейвс. — Им нужно мясо.

— Каллик говорит, что они могут прожить и на другой пище. — Берди надеялся, что голос не выдает его истинного состояния.

Грейвс кивнул.

— Но у них нет никаких причин, чтобы отказываться от привычного рациона. Надо как-то повлиять на них. — Он начал осторожно подбираться к Каллик. Рана на месте потерянной лапки у хайменоптки заживала, и из нее уже пробивалась новая.

— Мы ждем уже пять часов, — произнес Грейвс, приблизившись к ней, чтобы она расслышала его шепот. — Когда они предпримут что-нибудь еще?

Грейвс поймал осуждающий взгляд Берди Келли. Они молча согласились ни в чем не полагаться на Каллик. В ответ Грейвс только пожал плечами. Что еще им оставалось делать? Самим им зардалу не понять, даже если их тюремщики станут с ними разговаривать.

Каллик тихо свистнула Ж'мерлии, а затем произнесла:

— Я не знаю. В моем присутствии они своих планов не обсуждали. Однако я вижу новые признаки нетерпения. Новорожденных зардалу уже больше, чем взрослых, и им требуется более подходящее место обитания. Они хотят уйти отсюда.

— Они разрешат тебе задать вопрос или передать его?

— Рабам так поступать не положено.

— А если ты скажешь, что тебе приказал это сделать человек?

Каллик уставилась на Джулиуса Грейвса блестящими непроницаемыми глазами.

— Если бы зардалу заранее знали, что человек, которого вы имеете в виду, — это мой прежний хозяин, они, возможно, допустили бы, чтобы я говорила от его имени. Или... — Она замолчала.

— Ну?

— Или очень рассердились бы, заподозрив, что я не до конца им предана. Они даже могут убить меня.

Джулиус Грейвс покачал головой.

— Тогда забудем об этом.

— Однако, — продолжила Каллик, — я не думаю, что это наиболее вероятный исход. Они знают, что я — их единствен-

ное средство связи с вами и с остальными людьми. Они явно не захотят потерять этот канал. В чем состоит ваше послание?

— Я хотел бы предложить использовать меня в качестве посланника к капитану Ребке и остальным.

Скажи зардалу, что я берусь объяснить второй группе необходимость срочных действий и указать им, что зардалу необходимо выбраться отсюда как можно быстрее. Непременно подчеркни, что у людей моя профессия заключается в налаживании контактов между разумными существами. Спроси, не разрешат ли мне выступить в этой роли сейчас.

Каллик провела очередной короткий обмен свистками с Ж'мерлией.

— Ждите здесь, — сказала она наконец. — Я попробую.

Она поползла к сгрудившимся зардалу, прижимаясь к полу и спрятав желтое жало.

— А я-то думал, что с нас хватит одного предателя, — тихо сказал Берди Келли, как только Каллик оказалась достаточно далеко. — Вы еще хуже, чем она. Ее по крайней мере вырастили для рабства.

— Тебе бы следовало знать меня получше, комиссар. Я всю жизнь занимался межвидовыми проблемами, а здесь именно такой случай. Я не могу сидеть сложа руки.

— Поэтому вы решили продаться им и стать очередным рабом.

— Конечно же нет, но сейчас для зардалу мы — разменная монета. Так никуда не годится. Нужно установить с ними какую-то форму прямого общения и добиться, чтобы у них сложилось мнение о людях, как о рассудительных, разумных существах, подобных им самим.

— Чтобы они так думали? Фигня! И с чего вы взяли, что эти спруты станут напрягать свои мозги?

Грейвс кивнул в сторону, где группа темно-синих тел собралась вокруг Каллик.

— Может, шансов и никаких, но посмотри туда. Кажется, срабатывает.

Одна из фигур поднялась на мощных щупальцах и направилась к ним в сопровождении маленькой хайменоптки.

Перед Ж'мерлией зардалу остановился и, наклонившись, уставился на него холодными тускло-голубыми глазами, размером с голову лотфианина, каждый. Затем он провел аналогичное обследование Грейвса и Берди Келли.

Из страшного небесно-голубого клюва раздалось стрекотание и щелчки. После этого зардалу, поднявшись в полный рост, прошествовал обратно к своим компаньонам.

— Ну? — спросил Грейвс. — Что он нам ответил? Они согласны?

Каллик качала головой.

— При всем уважении, мне кажется, что было ошибкой будить их, передавая вашу просьбу. Они сказали, что меня вполне достаточно, чтобы обеспечить все необходимые переговоры с людьми, а если возникнет потребность, Ж'мерлия сможет общаться со своей хозяйкой Атвар Х'сиал. Еще они сказали, что второй группе дается дополнительно один час на организацию встречи с существами, которые правят этим местом, и на обеспечение зардалу возможности отбыть в выбранном ими направлении. Если к этому времени ничего не произойдет, последуют меры.

Берди Келли презрительно посмотрел на Грейвса.

— Говорил я вам! Наобщались! Тогда зачем этот монстр, вообще подходил сюда? Что он сказал нам, Каллик?

— Вам, боюсь, ни одного слова, но о вас — это точно. Он сказал мне, что решение принято. Через час зардалу опять вступят в контакт с другой группой. Если они обнаружат, что не сделано соответствующих приготовлений, чтобы помочь зардалу покинуть это место, будет казнен один заложник. — Хайменоптка посмотрела на Берди черными немигающими глазами. — Примите мои сожаления, комиссар, но принято решение, что жертвой будете вы.

Берди уставился на Каллик, не силах вымолвить ни слова. Первым опомнился Джулиус Грейвс.

— Пойди и скажи им, что все мы будем драться насмерть, прежде чем что-либо подобное случится. — Опаленное радиацией лицо Джулиуса Грейвса побелело от ярости. — Комиссар Келли столь же важен, сколь и любой из нас! У него не меньше достоинств, чем у меня! Пусть не думают, что кого-то из нас можно пустить в расход.

— При всем моем уважении, советник Грейвс. — Каллик отвела свои глаза, стараясь не смотреть на Берди. — Дело вовсе не в достоинствах, не в том, что кого-то можно, а кого-то нельзя пустить в расход. С этой точки зрения вы и комиссар для них совершенно одинаковы.

— Тогда какого ж черта?

Каллик перевела глаза на Джулиуса Грейвса, по-прежнему не глядя на Берди.

— Все гораздо проще, советник. Маленькие зардалу растут и становятся все более требовательными. Вы очень худы. Комиссар Келли неоспоримо упитанней.

ГЛАВА 25

Берди Келли никогда не считал себя героем. Как раз наоборот. Когда другие искали неприятностей, он старался спрятаться. Но на сей раз все обстояло иначе. Его избрали жертвой, а укрытия не было. Ему необходимо было что-то предпринять.

Пытаясь обрести мужество, Берди принялся изучать зардалу, преимущественно их юное поколение. Казалось, они непрерывно выскакивают из-под защитного зонта щупалец, требуя пищи. Светло-оранжевые клювики, хотя еще и маленькие, сомнений в своей остроте не вызывали. Они с легкостью разрывали любую пищу, даже крепчайшую скорлупу косточек, и заставляли взрослых зардалу подпрыгивать, когда детишки, неудовлетворенные предложенным ассортиментом, клевали мясистые части родительского тела.

После первого болезненного впечатления, произведенного увиденным, Берди тихонько перебрался к Джулиусу Грейвсу.

— Советник, что теперь будем делать? Вы слышали Каллик — еще час, и нам конец. Сначала мне, потом вам.

Грейвс раздраженно кивнул большой лысой головой.

— Знаю. Мы не отдадим вас, комиссар. Им придется сражаться со всеми нами, прежде, чем это случится. Но что мы в состоянии сделать? Они отказываются выслушать меня, или предоставить мне возможность действовать в качестве связного с остальными. Если бы они только сели и поговорили...

Разговор — это вовсе не то, что имел в виду Берди. По своему опыту он знал, что люди, желающие есть и поговорить, это те, у кого не осталось других аргументов. Сам же он предпочел бы вести разговор хорошей автоматической пушкой 88-го калибра.

Он кивнул и отполз на место. Джулиус Грейвс горазд молоть языком, но предпринять какое-нибудь действие вовсе не

собирается. Конечно же, он не способен помешать зардалу приступить Берди на детское питание.

Берди еще раз внимательно посмотрел на своих захватчиков. Превозмогая ужас, он начал осмотр с молодняка и закончил общим обзором всей колонии сухопутных головоногих.

Они действительно выглядели неуязвимыми, но он сознавал, что это лишь иллюзия. Одиннадцатую тысячулетиями раньше, разумные существа, в которых с рождения до смерти воспитывалась мысль о превосходстве зардалу, поднялись, чтобы свергнуть своих хозяев-тиранов — и победили. Они истребили всех зардалу за исключением этих последних экземпляров.

Несомненно, имелась какая-то ахиллесова пята, слабое место, позволившее совладать с ними во время Великого Восстания...

Конечно, обнаружить его не так-то просто. Берди уже видел раньше, как зардалу поднимали пустые пищевые контейнеры и скрутили из них грубые подобия дубинок. Сейчас он сам подошел к такому же контейнеру и надавил на него всем своим весом. Тот не прогнулся ни на миллиметр. Берди сел на место, имея новое представление о силе трехметровых шупалец. Они могли стереть его в порошок, даже не пошевелив пальцем, если б таковой имели.

Вот так. Они так же сильны, как выглядят. Тогда, насколько хорошо они слышат и видят? В настоящий момент ни один из зардалу не обращал на него внимания. Берди легонько постучал пальцами по пустому ящику, воспроизводя дробь «па-па-пам». Никакого эффекта. Несколько более сильных ударов, нанесенных ладонью, тоже никакой реакции зардалу не вызвали.

Берди медленно и осторожно поднялся, перешел через всю комнату и начал обходить ее по периметру. Зардалу располагались возле единственного выхода, но с одной стороны оставался довольно широкий проход, позволявший человеку проскользнуть в него вне досягаемости их шупалец.

Берди приблизился к нему настолько, что оказался в нескольких шагах от ближайшего зардалу. Вскоре он достиг места, откуда было видно пространство вне комнаты. Выход вел в открытый коридор. Один сумасшедший рыбок, и он там, в неизвестности. Он встал на цыпочки. Именно в этот момент самый большой зардалу, называемый Владелица, издал несколь-

ко журчащих звуков в направлении, где лежали Грейвс, Каллик и Ж'мерля.

— При всем уважении, комиссар Келли, — позвала Каллик. — Зардалу не хочет, чтобы вы находились на своем теперешнем месте. Вам приказано вернуться назад и прекратить стучать по пищевым контейнерам. Шум беспокоит малышей.

Берди кивнул. Самое страшное заключалось в том, что зардалу даже не утруждали себя угрозами в его адрес, на случай если он не подчинится. Они знали, что последствия ему известны. Он уже поворачивался, чтобы отправиться восвояси вдоль той же гладкой серой стены, как вдруг заметил какое-то движение в глубине коридора. Он заставил себя продолжить поворот, подавляя сильнейшее желание остановиться и посмотреть. Мимолетного взгляда оказалось недостаточно, чтобы определить, кто там, но это был именно человек, а не зардалу, кекропиец или иной чужак. Человек пригнулся и, укрывшись за поворотом коридора, он то и дело высовывался, чтобы наблюдать за происходящим в комнате. А еще дальше, почти неразличимая в темноте, промелькнула, как показалось Берди, вторая, менее знакомая фигура.

Берди ровным шагом прошествовал вдоль стены и вернулся на свое место рядом с Джулиусом Грейвсом. Несколько минутами раньше он был убежден, что у зардалу-плохо со слухом; теперь уверенность его испарилась. Насколько он понимал, они улавливали тишайший шепот; но даже если это не так, все слышала Каллик, а предательница-хайменоптка обязательно рассказала бы все, что слышала, зардалу.

Он наклонился прямо к уху Грейвса.

— Ничего не говорите и не делайте, — едва слышно прошептал он. — Помощь, возможно, скоро придет.

— Что? — произнес Грейвс так громко, что его наверняка было слышно за двадцать ярдов. — Говори громче, комиссар. У меня плохо со слухом.

— Ничего, — поспешно ответил Берди. — Я ничего не говорил.

Несколько зардалу направили на них свои большие, небесно-голубые глаза. Не успел Берди почувствовать себя виновным в том, что привлек их внимание, как одно чудовище, лежавшее у двери, вскочило на свои мощные, вывернутые наружу щупальца. Издав свист, зардалу бросился из комнаты.

Берди никогда не видел, чтобы туша таких размеров могла столь быстро и бесшумно передвигаться. Зардалу выпорхнул из комнаты, словно бесплотный темно-синий призрак — только что был здесь, и уже его нет. Берди услышал звуки возни и сдавленный крик. Звук этот издал вовсе не скрывшийся зардалу. Кричал человек, тот самый, что теперь хрипло рычал от боли.

— Что это? — спросил Грейвс. — Что случилось?

Берди не пришлось давать ответ. Зардалу возвращался в комнату, но не один. В двух метрах над землей, в одном из мускулистых щупалец извивался задыхающийся Луис Ненда.

— Да не шпионить я пришел. — Луис Ненда тер посиневшую шею. Смертельная удавка была снята, но другое щупальце крепко обвивало его грудь и предплечья. Сам он никак не хотел встречаться взглядом ни с людьми, ни с чужаками. Он смотрел в пол и говорил низким голосом.

— Не шпионить, — повторил он. — И не против моих попутчиков-людей. Я пришел, чтобы... чтобы попробовать... договориться.

Перед ним сидела Каллик; половиной своих глаз она глядела на выражение его лица, а другой внимательно наблюдала за своими теперешними хозяевами. Главная зардалу свистела и булькала, а объятия ее компаньона все туже сжимались вокруг Ненды.

— На прошлой встрече вам было сказано, чтобы вы сами не проявляли инициативы, — перевела Каллик. — Вам было приказано оставаться на месте и организовать совместно с существом, именуемым Посредником, немедленную отправку зардалу из этого места. Неужели люди настолько глупы, что не понимают прямых приказов?

— Нет. — Ненда пытался вздохнуть. Канатоподобное щупальце неумолимо сжималось. — Встреча у нас произошла, как мы обещали, но она не принесла результата! Посредник не хочет, чтобы вы убыли. Мы ничего не можем с ним поделать!

Как только слова эти перевели, Владелица издала новую, более громкую, серию щелчков.

— Вы утверждали, что все выполните. Надо преподать вам урок, — перевела Каллик.

Другое щупальце вытянулось вперед и обвило левую ногу Ненды. Как только нога, медленно повернувшись, вытянулась вниз, Ненда заревел.

— Отпустите его! Сейчас же. — Джулиус Грейвс бросился вперед, пытаясь головой ударить в нижнюю часть тела зардалу. Высунулось еще одно щупальце и презрительно отшвырнуло его прочь. Одновременно Каллик издала быструю серию шелчков и посвистов.

Выворачивание и растягивание прекратилось, и Ненда повис в объятиях зардалу.

— Я объяснила, — сказала Каллик Грейвсу, распростертому на полу, — что люди отличаются от хайменоптов. Если оторвать одну из конечностей Луису Ненде, для него это закончится гораздо хуже, чем для меня. Возможно, даже смертью.

Грейвс кивнул. Но как только нога Ненды была высвобождена, Владелица опять заговорила с Каллик.

— Владелица спрашивает, — сказала хайменоптка Ненде, — какое значение имеет твоя смерть? Некогда ты был моим хозяином, и я, возможно, пытаюсь служить тебе даже сейчас. Я сказала, что это не так. Но Владелица указывает, что молодежи нужна натуральная еда, а ценность твоего дальнейшего существования не совсем ясна. Владелица уверена, что ты шпионил, несмотря на то, что сам отрицаешь это. Искатель, тот зардалу, который поймал тебя, считает, что видел еще одного пришельца в глубине коридора, который скрылся, как только тебя схватили. Это еще один шпион, который убежал, а ты не смог. Но в данном случае это не имеет значения. Можешь ли ты назвать хоть одну причину, по которой тебе стоит сохранить жизнь? Если да, говори быстрее.

Ненда бросил взгляд на Джулиуса Грейвса и Берди Келли, затем отвернулся. Его лицо и шею покрывал пот.

— Я могу назвать Владелице такую причину, — хрипло проговорил он. — Именно за этим я сюда и пришел. Я могу быть вам очень полезным, если вы пообещаете сохранить мне жизнь. И если не будете больше мучить меня. Я... я больше не в силах выносить боль.

— Владелица поражена твоим невежеством и самонадеянностью, — отозвалась Каллик после очередного короткого обмена с вожаком зардалу. — Зардалу никогда ничего не обещает. Но вместо того чтобы сразу убить тебя, она послушает. Что на самом деле ценного ты можешь предложить?

Ненда облизнул губы.

— Скажи Владелице следующее. Они хотят выбраться отсюда и вернуться на одну из планет старого Сообщества Зар-

далу. Так вот. Я могу рассказать им, как это сделать. Прямо сейчас.

Очередной обмен свистками.

— Владелица тебе не верит.

— Скажи Владелице, что я могу доказать это. В своих блужданиях по этому артефакту женщина из нашей группы натолкнулась на точку входа в транспортную систему Строителей. Она рассказала об этом нам всем, точно объяснив, где точка находится и как ею пользоваться. Точка в рабочем состоянии. Скажи Владелице, что я могу отвести их туда, и тогда они отправятся, куда захотят. Они вырвутся быстрее, чем Посредник узнает, что точка входа обнаружена.

— Ненда! Не смей этого делать! — Джулиус Грейвс вскочил на ноги. — Бог свидетель, я не желаю, чтобы ты или кто-то другой был убит. Но подумай, что ты наделаешь, показав им вход в систему транспортировки. Ты опять вернешь зардалу в рукав и позволишь им начать...

Мускулистое щупальце хлестнуло его по руке. Грейвс закричал от боли и без чувств рухнул на пол.

К нему поспешил Берди. Пока зардалу переговаривались между собой, он осмотрел Грейвса.

— Не сломана, — мягко произнес он. — Большой кровоподтек. Возможна трещина в ключице, но я не думаю. Держитесь. И не пытайтесь двигать рукой. Я привяжу ее к груди. — Он гневно посмотрел на Луиса Ненду и повысил голос. — А ты, ты — кусок дерьма. Ты хуже Каллик. И лучше тебе не выбраться отсюда живым, или вас с Каллик проклянут во всех уголках рукава.

— Тише. — Каллик сделала знак Ж'мерлии, который все время сидел согнувшись в три погибели, нервно переводя свои лимонные глазки с одного говорящего на другого. Лотфианин прополз вперед, чтобы встать рядом с Джулиусом Грейвсом.

— Помоги ему идти, если он в этом нуждается, Ж'мерлия, — сказала Каллик. — Владелица приняла решение. Мы идем с Нендой — все. Зардалу осмотрят систему транспортировки. И лучше, чтобы она работала, как пообещал Ненда, иначе пострадаете вы все. — Она указала своей тоненькой лапкой на стоявшего рядом зардалу, меж бахромы щупалец которого виднелся бледно-оранжевый овал. — Владелица говорит, чтобы вы не пытались бежать во время перехода. Молодые зардалу голодны. Им все равно, каким мясом питаться — живым или мертвым.

* * *

Путешествие по темным тоннелям артефакта Строителей отняло много времени. Зардалу хотели верить клятвам Луиса Ненды, но не были столь наивны, чтобы не подозревать здесь какого-то скрытого трюка или ловушки. Продвигались они медленно, используя заложников, чтобы проверять подозрительные места, и тщательно осматривая каждый коридор, прежде чем в него войти.

Джулиуса Грейвса с Ж'мерлией заставили идти впереди на случай возможной западни. За ними двигались шесть зардалу. Следующий за ними Берди Келли с удивлением отметил, что новорожденные зардалу продолжали появляться на свет, но синие громадины, шедшие впереди, не прекращали движения. Пока он смотрел, из родильных мешков в сумчатом ожерелье появились еще два малыша. Вылупившись, они соскользнули по жирному туловищу и моментально спрятались в гуще шупалец. Через несколько минут показались маленькие клювы, требуя пищи. Родители подкармливали их на ходу мелкими кусочками, извлекаемыми из широких паутинчатых складок, закрывающих нижнюю часть туловища.

Луис Ненда шел рядом с Келли. Берди отверг все его попытки заговорить. Сделав несколько неудачных заходов, Ненда обернулся к Каллик, которая шла неподалеку.

— Можешь попросить кое о чем Владелицу, а? — произнес он. — Спроси, что будет, когда мы доберемся до транспортной системы. Напомни ей, как много я делаю, чтобы помочь им. Скажи, что единственная плата, которая мне нужна, — это чтобы меня отпустили.

После того, как послание было переведено, последовал булькающий свист.

— Владелица согласна, по крайней мере, частично, — ответила Каллик. — Если абсолютно все будет так, как ты сказал, тебя не убьют. Если же не все, то трепещи уже сейчас.

Берди повернул голову.

— Кого здесь надо съесть, так это тебя, Ненда, вшивого предателя. Это спасло бы всех остальных, потому что твоим вонючим мясом отравится любой зардалу. Если в этом мире есть хоть какая-то справедливость, ты должен быть первым.

— Справедливость? Но справедливости нет, комиссар. — Ненда то и дело смотрел по сторонам напряженными, налиты-

ми кровью глазами. — Ни здесь, ни где-либо в рукаве. Ты достаточно повидал, чтобы убедиться в этом. Есть только люди, как ты и я, и голубые ублюдки вроде зардалу.

Берди с ненавистью посмотрел на него. Самое печальное заключалось в том, что Ненда был прав. Справедливости действительно не существовало. Ее никогда не было и не будет, иначе он бы здесь не торчал. Он лежал бы сейчас на Опале в теплой безопасной постели.

Пока они шли по темным коридорам и большим открытым залам, Берди уныло смотрел по сторонам. Даже этот крошечный кусочек артефакта был огромен и совершенно чужд человеку. С того момента, как он здесь очутился и был захвачен зардалу, его таскали с места на место, ни разу не дав возможности узнать, куда ведут или зачем. Теперь, разглядывая предметы мимо которых они проходили, Берди вдруг понял: он не может даже представить себе их назначение. Ведь что-то поддерживало нормальные условия! Воздух в коридорах был свеж, в контейнерах находилась еда и работали устройства для удаления отходов, предназначенные для нужд таких разных существ, как люди, лотфиане и зардалу. Но при этом всегда оставалось нечто скрытое. Никаких признаков машин, насосов, линий подачи энергии или канализационных устройств видно не было. Берди понятия не имел, как функционирует артефакт. Жаль, но, похоже, он так никогда этого и не узнает.

Из состояния задумчивости он вышел, оперевшись в спину одного из зардалу. Ж'мерлия и Джулиус Грейвс, шедшие впереди, внезапно остановились и стали оглядываться. Они подошли к краю спуска, спиралью уходившего в темноту.

— В чем дело? — спросила сзади Каллик.

— Здесь очень круто, — сказал Грейвс. — Тоннель сужается, дальше его ширина не превышает трех или четырех метров. А гравитация нарастает. Еще десять шагов, и я не уверен, что мне можно будет вылезти оттуда.

— Все правильно. — Ненда протолкался сквозь плотный ряд зардалу. — Стойте, где стоите. Чувствуете этот сильный ток воздуха? Он идет прямо из воронки. Мы пришли к спуску, который ведет к системе транспортировки.

Он прошел еще вперед и встал на самом краю нисходящей спирали. Ветерок от вращающейся сингулярности, сквозивший из тоннеля, отбросил потные волосы с его лица.

— Каллик, скажи Владелице, что мы пришли. Объясни, что пользоваться системой очень просто. Все, что требуется — это спуститься вниз и войти в воронку.

Он повернулся, чтобы пройти обратно и присоединиться к Берди Келли, но зардалу его не пустили. Напротив, вперед вытолкнули самих Берди и Каллик. Таким образом, в считанные секунды зардалу остались позади группы.

Владелица засипела и засвистела.

— Они говорят, что мы должны идти первыми, — сказала Каллик. Все. Прежде, чем они войдут в систему, это должны сделать мы. Мы возвращаемся в рукав вместе с ними.

Ненда оглянулся на уходящий вниз закругленный спуск, кончающийся воронкой, а затем опять посмотрел на Каллик.

— Но именно я привел их сюда! Скажи им это, Каллик. Скажи, что они обещали дать мне свободу.

Джулиус Грейвс расхохотался и тут же сморщился от боли.

— Нет, Луис Ненда, они ничего не обещали. Ни один зардалу ничего подобного не говорил. Ты услышал то, что хотел услышать. Они никогда и не собирались отпускать кого-либо из нас. Как только мы прибудем к месту назначения и они перестанут в нас нуждаться, ты знаешь, что нам уготовано. Я не мститель — советнику это непозволительно, но в данном случае согласен с Берди Келли. Если в этой вселенной есть хоть капля справедливости ты должен идти первым.

— А если это связано с риском, — продолжила Каллик, — Владелица говорит, что тогда вы тоже разделите его. Если там, в воронке, присутствует опасность, скажи о ней сейчас. Возможно, это предупреждение сохранит твою жизнь.

Ненда повернулся к хайменоптке. Он открыл рот, словно для ответа, но вместо этого сунул в него два пальца и пронзительно свистнул, после чего громко крикнул:

— Закрывайте глаза! Прикройте их руками.

Едва он крикнул, как из темной глубины коридора вылетел маленький черный шарик.

Ненда быстро глянул на остальных и выругался. Каллик и Ж'мерлия моментально выполнили его команду и закрыли головы своими многочисленными конечностями. Но Джулиус Грейвс и Берди Келли повели себя хуже не придумаешь: они вовсю глазели на пролетающую над их головами диковинку.

Грейвсу он помочь уже ничем не мог, но Берди Келли стоял в пределах досягаемости. Ненда махнул рукой в дюй-

ме от его лица, так что тот непроизвольно зажмурился. Ненда собственной ладонью прикрыл Келли лицо и, одновременно сам закрывал свои глаза рукой. Последнее, что он видел, это щупальце зардалу, тянущееся к шарикю, чтобы кинуть его обратно.

Но зардалу опоздал на доли секунды. Даже сквозь крепко зажмуренные веки и приложенную руку Ненда увидел, что мир вокруг стал ослепительно-красным; кожу защипало от потока лучистой энергии. Он стоял и ждал, как ему казалось, целую вечность, но на самом деле не более полсекунды. Он и сам не ожидал, что световая вспышка окажется такой мощности.

Когда все кончилось, Ненда открыл глаза. Обхватив обеими руками Берди, он тут же повалил его на пол тоннеля, и сам упал на него сверху.

Однако его предосторожности были уже не нужны. Звездозрыв сработал в одном-двух метрах перед сбившимися в кучу зардалу. Когда вспыхнула ослепительная сверхновая, они смотрели как раз на нее. Теперь все зардалу держались за глаза щупальцами, а между тонкими отростками на из концах сочилась жидкость. Разноголосые свисты, щелканье и рев заполнили тоннель.

У Ненды перед глазами крутилась мешанина из мерцающих картинок с наложенным на них рисунком кровеносных сосудов его собственных век. Но он видел (и достаточно хорошо), чтобы понять: проблемы только начинаются.

Ослепшие зардалу перекрыли выход из тоннеля. Они хлестали вокруг щупальцами, судорожно пытались схватить кого угодно, кто окажется им ниже пояса. Обратную дорогу преграждал теперь шевелящийся клубок мускулистых змей.

Ненда и Келли находились в относительной безопасности, как и Ж'мерлия с Каллик. Ненда не знал, сохранилось ли у них зрение, но в момент вспышки они инстинктивно прижались к полу, укрывшись пучком тоненьких лапок. Главная трудность была с Джулиусом Грейвсом. Советник ослеп. Сейчас он шел на ощупь, приближаясь к месту, где крутизна тоннеля стремительно увеличивалась. Еще несколько шагов, и он полетит вперед, захваченный нарастающей гравитацией. А падая, он вполне может утянуть с собой прямо в вихревое поле любого, кто встретится на его пути. Луис Ненда знал, что там, внизу, но кричать Грейвсу не стал. На его зов могли откликнуться зардалу. Он переполз через Берди Келли, который изо всех

сил глотал воздух, пытаясь восстановить дыхание, поднялся и прыгнул вперед. Приземляясь, он обхватил Грейвса вокруг колен и дернул его на себя.

Грейвс как раз поднял ногу, готовясь сделать следующий шаг. Он повалился на левый бок и вскрикнул от боли в поврежденной руке.

Именно этого и ждали зардалу. Одновременно полдюжины длинных щупалец устремились к ним. Они тянулись к Грейвсу, но нашли Луиса Ненду.

Прежде, чем он успел заметить их, его ногу обхватило что-то похожее на тугой резиновый шланг, обтянутый промасленным шелком. Ненда попытался вырваться, уползая вниз по тоннелю в направлении воронки, но слишком поздно. Одна мускулистая конечность обвила его ноги, другая кольцом перехватила грудь. Они плотно сжались и подняли его в воздух, ударив головой о потолок тоннеля. Затем его поволокло к остальным зардалу и он понял, что сейчас произойдет. Щупальца, обвившие его тело и ноги, принадлежали двум разным чужакам. То, что захлестнуло его грудь, принадлежало Владелице, но за ноги его тянул другой зардалу, стоявший впереди основной группы. Оба они были слепы и совершенно не представляли, что делают остальные. Каждый тянул Ненду на себя, пытаясь подтащить его к собственному клюву.

Оказавшись над головами зардалу, Ненда увидел в тоннеле за ними Дари Лэнг, Ханса Ребку и В.К. Талли. У каждого из них был разрядник. Они включили устройства на полную мощность, подхлестывая и обжигая встающих на дыбы зардалу; те крутились на месте, теряя пространственную ориентацию, и теснимые людьми, начали спускаться вниз.

Но Ненде это не помогло. Те двое, что держали его, находились перед группой, отгороженные от людей другими зардалу.

Щупальца все туже сжимали его тело, растягивая в противоположных направлениях. Дыхание пресеклось, поясница, казалось, вот-вот сломается. Еще секунда и его разорвут надвое. И ничем помешать этому он не мог.

Находясь в агонии, Ненда уже не различал ясно, что происходит вокруг. Что-то темное пронеслось мимо него по направлению к зардалу, но он не знал, что это. С величайшим трудом он все-таки повернул голову.

Едва он это сделал, как разрывные силы на мгновение ослабли. Он обнаружил, что летающим объектом оказалась Кал-

лик. Хайменоуптка вложила в прыжок всю силу своих пружинистых ног. В результате она взмыла высоко в воздух и очутилась на голове одного из зардалу, удерживавших Ненду. Скрюченными лапками Каллик глубоко впиалась в толстую кожу зардалу и закрепилась там. Она обхватила округлую голову как раз над ослепленными глазами и задранным вверх клювом.

Зардалу замахали перед собой двумя щупальцами, но Каллик и не думала отступить. Из кончика ее поленообразного брюшка показалось желтое жало. Мохнатое тело хайменоуптки качнулось на дюйм-другой, выбирая нужную позицию. Брюшко выгнулось вниз. Жало с хирургической точностью погрузилось в голову зардалу прямо меж двух громадных, затянутых пленками глаз. Брюшко запульсировало, выдавая полную порцию яда. Жало вышло наружу. Секундой позже Каллик высвободилась и отскочила назад, подальше от леса машущих конечностей.

Ужаленный зардалу не издал ни звука, но смертельное давление вокруг ног Ненды моментально ослабло. Задранные вверх щупальца опали. Громадное тело содрогнулось, затем неподвижно замерло. Еще через несколько мгновений парализованный зардалу забился в конвульсиях и рухнул головой вперед. Падая, он едва не задел Ж'мерлию и Джулиуса Грейвса, но теперь лежал без движения на самом краю крутого спуска, ведущего к воронке.

А по потолку тоннеля к ним уже приближалась большая крылатая фигура Атвар Х'сиал.

Кекропийка цеплялась за потолок, пока не переползла через труп зардалу. После этого она соскочила вниз, отодвинула раскинувшиеся щупальца и изо всех своих сил толкнула неповоротливую гору мяса. Какой-то момент зардалу повисел на краю, а затем поехал вниз по спуску.

Ненда слышал, как тот катился и скользил по направлению к воронке. Никаких иных звуков он не издал.

Наблюдать его уход было отрадно, но собственных проблем Ненды это еще не решало. Хотя теперь его никто не раздирал на части, но щупальце Владелицы по-прежнему сдавливало его грудную клетку и постепенно подтягивало к шелкающему остроконечному клюву.

Ему не хватало вдоха, чтобы позвать на помощь. Каллик с временно опустошенным жалом бросилась было на второго

зардалу, но ее щупальца оказались быстрее. Теперь и ее тащило к клюву Владелицы.

Атвар Х'сиал отвернулась от исчезнувшего зардалу и в глубоком замешательстве пролоцировала то, что творилось в тоннеле. Ее желтые рожки развернулись в направлении Луиса Ненды и Каллик, в то время как последние стремительно приближались к клюву зардалу.

Атвар Х'сиал молча согнулась, не делая никаких движений.

Только в самый последний момент, когда Ненда уже находился на расстоянии вытянутой руки от клюва и пасти, кекропийка стала действовать.

Она вытащила из-под надкрыльев блестящий шарик. Как только Луис Ненда занял соответствующее положение, а пасть зардалу распахнулась, Атвар Х'сиал прыгнула.

Ее две задние лапы вонзились в слепые глаза зардалу, а когда тот разинул пасть она одним движением сунула шарик глубоко внутрь пищеприемника Владелицы. Через долю секунды кекропийка отскочила, а пасть зардалу резко захлопнулась.

Зардалу издал странный, дрожащий крик; гигантское тело вытянулось в полный рост. Щупальца, державшие Ненду, безвольно опали. И вот, при падении, Луису Ненде довелось увидеть то, что ни одно Зрячее существо во Вселенной до сих пор не видело: внутреннее строение зардалу, каким оно представляется ультразвуковому локатору кекропийца.

Звездозрыв сработал глубоко внутри Владелицы. Вспышка была настолько сильна, что тело зардалу стало прозрачным. Рассеянное голубое свечение вырывалось из пасти, клюва, глаз и даже из-под нижней части балдахина щупалец. Ненда увидел черный эллипсоид мозга, расположенный над длинным стволом центрального нервного жгута. Над ним можно было различить восьмикамерное сердце, прокачивающее меднистую кровь через все огромное тело. Сам звездозрыв, сверкающий как голубая звезда, находился в задней части пищевода.

Пока Ненда смотрел, светлая точка постепенно угасла. Владелица опять превратилась в длинный темно-синий цилиндр, стоящий на мощных щупальцах.

Кроме этих щупалец ничто более тело не поддерживало. Они разъезжались все шире, полностью заняв всю ширину коридора. Туловище оседало все ниже и ниже; пока Владелица не растянулась во всю длину, головой к своим компаньонам.

Луис Ненда освободился от хватки. Атвар Х'сиал всегда говорила, что звездозрыв — не настоящее оружие. Он не взрывается внутри зардалу и никого не убивает. Но тем не менее сила внутренней вспышки была достаточной, чтобы вывести зардалу из строя, по крайней мере на короткий период.

Ненда сам решил продлить этот период. Он дал слово собственноручно позаботиться о Владелице в тот самый момент, когда зардалу оторвала лапку Каллик.

Он вытащил длинный нож из тайника на икре. Возможно, ему не удастся сразу пронзить сердце зардалу, поскольку оно сидело слишком глубоко; однако он готов был прорубиться к нему сквозь плоть. А теперь он точно знал его местоположение в теле.

Ненда устремился вперед. И тут его охватило сомнение. Двенадцать зардалу были все еще активны. Ожоги от разрядников давали ожидаемый эффект: заставляли зардалу кружиться на месте и постепенно подталкивали обезумевших от боли чужаков к спуску, в транспортную воронку.

Но это создавало новую проблему. Ненда, Каллик, Грейвс, Ж'мерлия и Атвар Х'сиал находились перед зардалу. Несмотря на слепоту, их противники не утратили убийственной силы своих щупалец и клювов. Не существовало способа направить их вниз по спуску без того, чтобы две группы не столкнулись.

Тем временем зардалу начали привыкать к слепоте. Пока Ненда вел наблюдение, мощные извивающиеся конечности просвистели всего в нескольких дюймах от В.К. Талли, едва не сбив его с ног.

Викер находился в ужасающем состоянии, и ему вообще не следовало принимать участие в битве. Он качался и кренился, волоча за собой бездействующую ногу. Он подошел ближе к одному из зардалу, и, включив разрядник на максимальную интенсивность, заставил его двигаться; сам он старался уклониться. Однако от удара хлещущей конечностью его отделяли лишь доли секунды.

Ненда выругался и убрал нож. Отложенное удовольствие не означает — потерянное. С Владелицей он разберется позже. Говорить вслух было далеко не безопасно, но он смело встал во весь рост перед извивающимися щупальцами и сделал знак Хансу Ребке. Когда тот наконец заметил его, он указал на Грейвса и остальных из своей группы, а затем на тоннель за их спинами. Ребка кивнул. Он понял проблему: Ненда вместе со

всеми был заперт зардалу. Он опустил разрядник. Неужели им придется прекратить гнать зардалу вперед?

Чудища в любой момент могли обрести зрение. Ребке и остальным необходимо и дальше раздражать их, подгоняя к спуску, пока те не узнали, в чем состоит истинная опасность.

Ненда кивнул головой. Он жестом изобразил разрядник и пожал плечами, мол, продолжайте жечь их, нам самим придется искать здесь выход из положения.

Ребка снова кивнул. Он поднял стиснутое в кулаке оружие, подошел ближе к одному из зардалу и выжег ему глаз.

Прекрасная идея, подумал Ненда. Сделать так, чтобы они наверняка остались слепыми. Однако время было дорого. В течение доли секунды он произвел осмотр своей группы. Атвар Х'сиал могла позаботиться о себе лучше, чем кто-либо другой. Каллик потеряла лапку, но рана уже зажила. Для хайменоптки это не более, чем незначительное неудобство. С ней все в порядке. Нечего беспокоиться о Ж'мерлии — он вполне может последовать за Атвар Х'сиал.

Оставался Джулиус Грейвс: ослепленный, искалеченный и совершенно бесполезный.

Ненда выругался. Типичный образец поведения советника — высунуться вперед и совершить абсолютную глупость, не понимая, что в действительности происходит. А еще пытаться командовать на переговорах. Ненда прямо физически ощутил желание дать ему в нос, вспомнив, как пытался заманить зардалу в транспортную воронку, а Грейвс совершенно не по делу сам в нее полез.

Он подавил острое желание спихнуть Грейвса на крутой спуск и избавиться от него раз и навсегда. Был шанс, что Ребка или Дари Лэнг заметят его действия.

Так где же выход? Ненда почувствовал прикосновение шупальца к спине. Он прыжком перебрался в безопасное место и огляделся. В тот самый момент, когда он раздумывал, что делать дальше, зардалу, подгоняемые Ребкой и остальными, придвинулись на фут ближе. Еще четыре фута и спастись от смертоносных конечностей будет невозможно. Он перебежал к Ж'мерлии и Каллик, указал им на потолок тоннеля и посадил их. Не дожидаясь результата, он переместился к Атвар Х'сиал и забрался ей прямо под темно-красный панцирь.

— Грейвс. — Он показал рукой, хотя для феромонного послания это было вовсе необязательно. — По потолку. Сумеешь?

— Атвар Х'сиал кивнула.

— Смогу, если он в обмороке.

— Этого не было и в помине. Пока. Ненда подобрался к Джулиусу Грейвсу и ребром ладони стукнул советника ниже уха, после чего тот рухнул как подкошенный.

Атвар Х'сиал легко подхватила тело двумя средними лапами и полезла вверх по стенке к потолку тоннеля. Ненда заметил, что Ж'мерлия и Каллик уже там. Они висели вниз головами, выжидая подходящего момента, чтобы проскочить над обезумевшими зардалу.

Оставалась единственная проблема: как теперь выбраться ему самому? Зардалу полностью блокировали коридор выше его роста. Ползать по потолкам достаточно простое занятие для жуков, но совершенно невозможное для него.

Оставался единственный выход. И он вовсе не вызывал радостных ощущений. «Лучше уж сейчас, пока не окажется, что даже им воспользоваться уже поздно», — сказал он сам себе. Ненда подполз к расprostертому телу Владелицы. Как только остальные зардалу приблизились, он нырнул головой в густое сплетение ее конечностей. Пространство между основаниями щупалец было достаточным, чтобы спрятать все его тело. Там стоял одуряющий запах мускуса и аммиака. Когда сальные конечности зардалу облепили лицо Ненды, его передернуло. Нет, так дело не пойдет: он на полпути задохнется. Он неуклюже развернулся, чтобы попробовать двигаться вперед ногами.

Толчок. Еще небольшое продвижение. Ну, давай же. Не думай, куда ползешь.

Его ноги уперлись в основание туловища Владелицы. Нижняя часть тела была на ощупь мягкой и незащищенной. Возможно это и есть уязвимое место зардалу, о котором знали во времена Великого Восстания, но потом забыли.

Ненда прекратил размышлять. От информации пользы не было, хотя, если Владелица придет вдруг сейчас в сознание...

Все равно, не думать об этом. Есть много другого, о чем следовало бы поразмыслить. Продвигаясь, он задыхался от боли в перекрученных ногах и измятой грудной клетке, хотя десятью секундами раньше он был слишком занят, чтобы обращать на это внимание.

Думай о хорошем. Думай о том, что мы побеждаем. Возможно и так. Звуки, доносившиеся снаружи, говорили о том, что сражение идет вокруг него и над его головой.

Он слышал шипение разрядников, поджаривающих плоть зардалу, свисты и шелчки, бешеное шлепанье щупалец по стенам и полу. Раздавались тяжелые удары щупалец и по телу Владелицы.

И тут он услышал новый звук. Предсмертный крик человеческого существа.

Он рискнул высунуть голову в пространство между щупальцами.

Неустойчивое тело В.К. Талли оказалось слишком медлительным. Четыре щупальца словно питоны обвили его. Тут же, в опасной близости, суетились Ханс Ребка и Дари Лэнг, пытаясь выжечь зардалу глаза.

Бесполезно. Зардалу наполняли ярость и жажда крови. Он медленно разрывал Талли на части: сначала оторвал обе руки, а потом ноги, одну за другой.

Затем он отшвырнул окровавленное туловище, шмякнув им о стену тоннеля. Крышка черепа отскочила и через секунду была раздавлена как яичная скорлупа щупальцем мечущегося зардалу.

Ненда опять спрятал голову. Талли уже ничем помочь было нельзя. Он надеялся, что Атвар Х'сиал и остальные перебрались по потолку в относительно безопасную верхнюю часть коридора, поскольку видно их уже не было. Ему пришлось залечь еще ненадолго, в то время как Лэнг и Ребка старались протолкнуть дезориентированных зардалу еще на несколько метров. Он выглянул в щель между щупальцами. Еще три шага и они окажутся на спуске к воронке, откуда вернуться уже нельзя.

Боль в большом пальце правой руки оказалась настолько неожиданной, что Ненда вскрикнул. Полузадушенный вопль вырвался у него скорее от удивления, чем от боли.

Он поднял руку. Уцепившись и пробив клювом глубокую, кровоточащую рану, на ней висел маленький зардалу. Пока Ненда смотрел на него, тот вырвал кусочек мяса из его большого пальца, и теперь намеревался таким же образом клюнуть еще раз.

Второй рукой Ненда отбросил его от себя и огляделся. Теперь, когда он уже видел лучше в тени шалаша из щупалец, он различил четыре маленькие округлые формы, бледно-абрикосовыми пятнышками проступающие на голубом фоне бесчувственного тела родителя.

Силы звездозрыва хватило, чтобы выключить Владелицу, но ее выводок был далеко не так спокоен. Все малыши ползли к нему с совершенно очевидными намерениями.

— Только не сейчас, ребятки. Попробуйте-ка поклевать вот это. — По мере того как они подползали, Ненда хватал их и швырял в самое основание щупалец взрослого зардалу. После некоторых колебаний они набросились на жесткую плоть, терзая ее своими острыми клювами. Тело Владелицы задергалось.

Ненда проклял собственную глупость. «Неужели ты такой остопок? Лучше бы уж они добрались до меня, чем привели в сознание взрослого зардалу».

Он нащупал на боку черную сумку, открыл ее и вытащил оттуда куски пищи. Это был его неприкосновенный запас, но если Владелица очухается, Луису Ненде пища не понадобится никогда. Молодые зардалу с радостью приняли угощение; очевидно каннибализм не являлся у них изначальным.

Внезапно тело Владелицы повернулось влево. Ненда замер от страха. Потом он понял, что ни одно из щупалец не шевелилось. Что-то снаружи катило гигантское тело, придвигая его ближе к спуску. Шипение разрядников стало громче.

Он еще раз глянул сквозь щупальца Владелицы. Зардалу были уже за ним! Ему было видно смятение, царящее среди спотыкающихся друг о друга тел. Пока он занимался с молодняком, взрослых угнали дальше вперед. Он видел как они один за другим подбирались к началу спуска, затем теряли равновесие и катились вниз. Попав на самый крутой участок, слепые зардалу выбраться уже не могли. Они даже не представляли, что с ними происходит.

Исчезают, исчезают... исчезли. Последний зардалу скрылся из вида под триумфальные крики Ребки и остальных. Ненда открыл было рот и вдруг понял, что тело Владелицы продолжает двигаться по направлению к тоннелю, кончающемуся воронкой. Еще несколько метров, и оно тоже само покатится.

— Эй! — Раздвинув щупальца, он полез наружу, помогая себе ногами и ничуть не боясь разбудить Владелицу. Как только его голова оказалась снаружи, он увидел перед собой удивленное лицо Дари Лэнг. Она изо всех сил толкала тело Владелицы.

— Ненда! — воскликнула она. — Живой!

— У тебя просто талант высказывать очевидные вещи, профессор.

— Но ты исчез. Мы были уверены, что они поймали тебя, или разорвали на кусочки, или утянули с собой.

— Ну да. Сначала пусть поцелуют меня в задницу. Я только отдохнул здесь немного.

— Не время болтать, Ненда. — Это был уже Ханс Ребка, упирившийся в верхнюю часть туловища Владелицы. — Она начинает приходить в себя — глаза открываются. Вылазь и помагай.

Ненда наконец выбрался наружу и начал толкать вместе со всеми. Не было только Грейвса и В.К.Талли. Ненда уперся плечом в тело зардалу между Атвар Х'сиал и Берди Келли. Келли смущенно кивнул ему. Ненда ответил кивком и навалился на скользкую тушу.

Четыре мощных одновременных усилия, и Ханс Ребка прокричал:

— Отходите! Поехало.

Ненда успел только мимоходом заметить затуманенный глаз, огромный и покрытый пленкой, внезапно распахнувшийся в футах от его лица. Последний зардалу катился, скользил и перевертывался, все быстрее и быстрее, по направлению к черному вороту вихря. Владелица исчезла, закрутившись вокруг собственной оси, едва только оказалась втянута во вращающуюся сингулярность.

— Дело сделано. — Это было радостное феромонное заключение, выпущенное Атвар Х'сиал, вставшей во весь рост. — Именно так, как мы и спланировали. Но ты, похоже, не слишком доволен.

Ненда выгнулся, потирая ноющими руками ноющие ягодицы. Ныло все: и спина, и грудь, и вообще все.

— Хорошо поработали. Но я давал слово выпустить Владелице кишки — собственноручно. Вот, не довелось.

— Мне кажется, ты подглядел у Владелицы такое, о чем мудрое существо может только мечтать. — На Ненду обрушились волны кекропийского юмора. Атвар Х'сиал пребывала в исключительно прекрасном настроении. — По здравом размышлении нам крупно повезло. Я считаю, что зардалу — превосходные боевые машины. Встретясь мы с ними при других обстоятельствах, когда они не дезориентированы пребыванием в стазисных баках и незнакомой обстановкой... клянусь, отрадно было видеть последнего из них. Разрывная сила их щупалец почти невероятна.

— Разрывная сила! Они же схватили Талли! Где он?

Атвар Х'сиал махнула передней лапой. То, что осталось от В.К. Талли валялось у стены метрах в двадцати от них. Дари Лэнг и Ханс Ребка поспешили туда по коридору. Берди Келли был уже там.

— Он умер, — сказал Келли.

Но Дари встала на колени и осторожно приподняв расколотый череп произнесла:

— Талли! Талли, ты меня слышишь?

Тело, лишенное конечностей, слегка дернулось. Голова кивнула на миллиметр, а один из набрякших синевой глаз приоткрылся, явив голубую радужную оболочку.

— Я слышу. — Слова шепотом слетали с лиловых губ. — Можно мне говорить?

— Боже мой, конечно. — Дари наклонилась ниже. — Но только послушай, Талли. Мы победили. Отправили всех до одного зардалу в воронку. Но тебе, мы ничем не можем помочь. У нас совсем нет медицинского оборудования.

— Я знаю. Не беспокойтесь. Другое тело будет на Персефоне. Оно меня там ждет. Через несколько секунд это — умрет. Глаз приоткрылся шире. Обрубок тела попытался сесть. — Дари Лэнг, Ханс Ребка, Берди Келли, последняя просьба. Выключите меня. Вы поняли? Одна неделя без сенсорного ввода... как триллион лет для человека. Вы поняли? Пожалуйста. Выключите меня.

— Даю слово. — Берди Келли встал на колени рядом с ним. — Как это сделать?

— Выключатель. В основании мозга.

— Я найду его. Обещаю. А опять включим его когда ты уже будешь в новом теле. Я сам прослежу.

На простодушном лице Талли появилось подобие улыбки. Лучшим специалистам никогда не удавалось правильно воспроизвести ее. Эффект получался просто ужасный.

— Спасибо. Прощайте. — Разбитая голова приподнялась. Странная для меня мысль, но мне вас будет... не хватать. Всех вас.

Тело В.К. Талли дернулось, испустило дух и умерло. Берди Келли залез ему в черепную коробку, вытащил мозг, отсоединил разъем, а затем со скорбным лицом опустил на колени. Все это было нелогично — лишь временная потеря компьютерного оборудования, — но...

«Мне вас будет не хватать». Люди, стоявшие вокруг Талли, погрузились в уважительное молчание. Нарушил его Джулиус Грейвс, ковьялявший к ним из верхней части коридора, куда его отнесла Атвар Х'сиал. Последние несколько минут он слепо тыкался в стены, тщетно выкликая имена остальных. Теперь он шел на их голоса. И как раз в тот момент, когда он начал приближаться к ним, все вдруг разом смолкли.

Наконец к нему подошел Луис Ненда.

— Заходите, советник. Эти твари ушли. С ними покончено. Можете, не опасаясь, присоединиться к нашей компании.

Грейвс уставился на него невидящими глазами.

— Луис Ненда? Кажется, мне стоит попросить у тебя прощения. И не только мне. Все ведь было сделано по плану, не так ли?

— Не одним мной. И мной, и Ат, и Лэнг, и Ребкой. Мы все над ним корпели.

— Но у тебя была самая опасная роль — заманить их в ловушку. Хорошую историю рассказал ты зардалу насчет безопасного бегства. Но ведь это все чушь, не так ли?

Упоминание о зардалу вновь заставило Ненду потереть спину и грудь.

— Не знаю точно, такая ли уж это чушь. Главное в том, что они попали в воронку и улетели отсюда к чертовой матери. Может быть, они даже удачно приземлились.

— А что еще может быть?

— А может то, что они уже жарятся в аду. Надеюсь, что так. Стой! Не двигайся! — Ненда протянул руку и приоткрыл Грейвсу веки. Несколько секунд он изучал мутно-голубые глаза. — Не нравится мне, как они выглядят. Я честно пытался предупредить тебя о звездозрыве. Но бить тревогу я не мог, иначе бы зардалу просекли, что к чему, и укрылись бы. Ты смотрел, наверное, прямо на взрыв. Не думаю, что зрение к тебе когда-нибудь вернется.

Грейвс сделал нетерпеливый жест.

— Это мелочи. Дома, на Миранде, у меня будут новые глаза, меньше чем за сутки. Скажи самое главное. Кто-то из наших погиб?

— В.К. Талли; мы спасли его мозг. Остальные живы. Нам повезло.

— Прекрасно. Это все упрощает. Не надо тратить время на медицину. — Грейвс сжал предплечье Ненды. — Мы должны

действовать быстро. Сейчас у нас величайшее преимущество. Поскольку сам я не вижу, вы, все остальные, организуйте мне встречу — и как можно скорее.

Ненда посмотрел на него с раздражением. Не прошло и двух минут, как они покончили с зардалу, а из Грейвса уже полез начальник.

Он почувствовал прежнее жгучее желание спихнуть советника на спуск к воронке. Это сильно упростило бы жизнь.

— Встречу? С кем это?

— С кем же еще? — Грейвс сжал его руку еще крепче, увлекая Ненду вперед прямо на одну из стен тоннеля. — С кем же еще, как не с Посредником?

ГЛАВА 26

В течение следующих двадцати четырех часов Джулиус Грейвс постигал то, что Хансу Ребке и Дари Лэнг было ясно давным давно: у Посредника своя повестка дня со своим временным графиком. Он не собирался появляться только потому, что людям захотелось с ним поговорить. Они должны ждать, когда это будет ему удобно, а понять, когда именно ему будет удобно, никто не мог.

Остальные восприняли это ограничение вполне спокойно. Они сосредоточились на еде, питье и отдыхе, в чем в данный момент наиболее нуждались. Только Луис Ненда, бормоча, что быть героем, это еще хуже, чем негодеям, слонялся по коридорам; страдающий бессонницей слепой Грейвс последовал его примеру и блуждал по внутренностям артефакта в сопровождении Ж'мерлии, заменявшего ему глаза. Очень скоро они подтвердили предположение Дари Лэнг о том, что размеры Ясности превосходят суммарный объем биосфер десятка планет; и лишь крохотная его часть была доступна, если только путешественник не обладал способностью Посредника проникать сквозь стены и потолки.

Грейвс такими способностями не обладал. Часы шли, а вместе с ними росло и его волнение. В конце концов он вернулся в главную комнату и присоединился к остальным.

— Так в чем проблема? — спросил Берди Келли. Он стал доверенным лицом Грейвса и, одновременно, официальным хранителем мозга В.К. Талли, который носил с выражением человека, держащего в руках неразорвавшуюся бомбу. — Талли не страдает. По правде говоря, он вообще ничего не делает. Наверное, это здорово — взять и выключиться, когда дела начинают пахнуть жареным. — Берди беспокоил незрячий взгляд Грейвса. — Как бы то ни было, зардалу больше нет и здесь стало вполне безопасно. Давайте, советник. Сбросьте напряжение.

— Я не беспокоюсь о Талли. И ни о ком-либо из нас. — Грейвс задумчиво похлопал по большому стазисному баку. — Вот это меня тревожит. И то, что в нем находилось.

— Зардалу? Так они же все передохли.

— Неужели? И ты можешь мне это доказать? — Грейвс закрыл незрячие глаза и прислонился к баку, дыша ртом. Как всегда, когда он говорил с Берди, все его вопросы носили риторический характер.

— Я знаю, что они попадали в воронку, — продолжил он в тот самый момент, когда Келли уже начал подозревать, что советник заснул. — Но кто подтвердит, что они мертвы? Профессор Лэнг считает воронку частью транспортной системы. Она говорит, что Посредник это подтвердил или по крайней мере не опроверг. Транспортные системы не разрабатывают с тем расчетом, чтобы они убивали своих пассажиров. Предположим, что зардалу перенесли в целости и сохранности и осели где-то в рукаве спирали.

— Вы так считаете? — Берди презрительно фыркнул. — Большое горе! Их бог знает сколько лет не было — тысяча одиннадцать, или около того — и всего-то осталось раз, два и обчелся. Зардалу мне не страшны. «Ни мертвые, ни за тридцать тысяч световых лет», — добавил он про себя. — Не думаю, чтобы они смогли много разворотить за несколько дней.

— Да не это меня беспокоит! — В интонации Грейвса явно звучало: «дурак ты», но вслух он этих слов не произнес. — Меня беспокоит, как мы будем их преследовать. Если эта воронка является разновидностью узловой точки Бозе-сети, то след от переброски убывает с течением времени экспоненциально. Сегодня мы, вероятно, могли бы сказать, куда он ведет. Завтра это сделать уже немного сложнее. Через неделю это станет труднейшей задачей, а через месяц вообще невозмож-

но, какой бы технологией ты ни пользовался. Зардалу могут так запрятаться, что их никто не найдет. Что ты на это скажешь?

Возвращение Луиса Ненды избавило Берди от необходимости что-либо отвечать. Недовольный своим званием герой холодно кивнул Грейвсу и Келли, после чего направился к пищевым синтезаторам. На боку у него болталась вторая сумка, гораздо большая, чем его обычная черная. Он смастерил ее и грубую куртку из перепонки, оставшихся после зардалу. Сумку и карманы куртки он набил недельным запасом провизии.

— Хорошо бы разогреть это, — проворчал он. — Холодная пища — настоящее дерьмо. — Затем повернулся к Грейвсу. — Там торчит спина твоего друга. Совсем одна, через комнату.

— Друга?

— Этого старого хрипуна. Посредника.

Грейвс моментально вскочил на ноги.

— Что он там делает? — дожидаться ответа он не стал и побежал вслепую, крича Лэнг и Ребке, глубоко погружившимся в обсуждение личных проблем: — Профессор! Капитан! Он здесь! Появился шанс!

— Шанс на что? — В этот момент Ханс Ребка как раз рассказывал Дари Лэнг, с ее полного одобрения, старые как мир байки. Но Грейвс не стал тратить время на ответ. Он позволил Ненде провести его через ближнюю комнату, а остальным участникам группы надлежало проявить самостоятельность.

Заявление Ненды оказалось правдой лишь частично. Творение Строителей виднелось всего наполовину, а именно: хвост и нижняя часть серебристого тела. Верхняя часть тоже наверняка находилась на месте, но скрывалась за потолком комнаты, в пятнадцати метрах над головой.

Грейвс выслушивал объяснения Ненды в полном отчаянии.

— Но если он торчит там, наверху, то какого черта от меня...

— Это просто. — Ненда кивнул Каллик, пришедшей вместе с Атвар Х'сиал и Ж'мерлией. — А ну-ка, растолкай его.

Хайменоупка присела на семи лапках (утерянная восьмая быстро отрастала и уже была около фута длиной) и подпрыгнула вверх. Ухватившись за хвост Посредника, она вскарабкалась на него. Через несколько секунд они вместе стали снижаться.

— Зардалу ушли. — Грейвс начал говорить прежде, чем пятилепестковая голова-цветок полностью показалась. — Но

совершенно необходимо, чтобы мы последовали за ними — немедленно!

— Не будете ли вы так любезны отпустить мой хвост... — Серебристый пятиугольник медленно повернулся к Грейвсу. — Ваша просьба невыполнима. Зардалу действительно ушли. Таким образом, я могу заключить, что они проиграли. Вы оказались в состоянии победить и изгнать их. Но оценка еще не завершена. Неужели вам необходимо напоминать, что должно быть только одно разумное существо, избранное для работы вместе со Строителями? Я нарушу свои обязанности, если остановлю процесс оценки до его полного завершения.

— Ты не понимаешь. Можешь ли ты гарантировать, что все зардалу погибли, когда вошли в воронку?

— Одну минутку. — Посредник свернулся в шар, а затем быстро вернулся обратно к форме рогатой и хвостатой химеры. — На этот вопрос ответить не просто, — произнес он, полностью восстановившись, — зардалу претерпели неструктурный переход. Он не относится к полностью запрещенным и, таким образом, не является определенно смертельным. Зардалу могли его вынести. Они, возможно, живы. Однако не исключено, что они все мертвы. Какая разница так это, или нет?

— Для тебя, возможно, очень маленькая, а для нас и всех разумных существ рукава очень большая. Если существует вероятность, что зардалу остались живы, нам совершенно необходимо вернуться и предупредить своих товарищей.

— Необходимо для кого? Для меня или моих хозяев, вовсе нет такой необходимости. — Посредник подплыл к Джулиусу Грейвсу настолько близко, что советнику не составляло труда достать его протянутой рукой. — Вы явно не понимаете. Нет никаких технических проблем с возвращением вас домой или в любую точку рукава, или за его пределы; и, возможно, с определением, куда отправились зардалу, хотя и с меньшей степенью уверенности. Но это чисто академические задачи. Я повторяю еще раз: процесс селекции не завершен. Здесь остались как люди, так и кекропийцы. До тех пор, пока не останется только один вид, вам не разрешается покидать это место.

— Безнадежно. — Грейвс повернулся к остальным. — Совершенно безнадежно. Я работал со многими разумными существами во всем рукаве, но с этим... этим серебряным пузырем, вместо мозгов, нет никакого контакта сознаний, никакой основы для переговоров.

— Может так. А может и нет. — Ненда обвел взглядом остальных. — Вы согласны с советником? Ничего не проиграть и ничего не выиграть? Если так, могу я попробовать?

— Валяй. — Ребка слегка улыбался. — Попробуй по-своему.

— Хорошо. — Ненда прошелся и встал прямо напротив Посредника. — Значит, говоришь, процедура селекции не окончена. Согласен. Но зардалу отсюда вышибли, значит, осталось двое разумных существ: кекропийцы и люди. Правильно?

— Это верное заключение.

— И неважно, сколько людей и кекропийцев будут между собой бороться, не так ли? Ты с радостью оставил нас сражаться с четырнадцатью зардалу, хотя здесь всего горстка людей и чужаков.

— В нашем эксперименте количество представителей не является решающим фактором.

— Что ж, прекрасно. Значит, селекция пойдет ничуть не хуже, если в ней использовать одного человека и одного кекропийца?

— Это совершенно разумно.

— Хорошо. Тогда какой смысл держать здесь всю эту сумасшедшую компанию? Отпусти всех и оставь двоих. Меня и Атвар Х'сиал. Мы будем сражаться друг с другом.

— Нет. — Джулиус Грейвс решительно покачал головой. — Такой жертвы, я не в праве требовать ни от кого. Оставить вас здесь, тогда как остальные безопасно разъедутся домой, это было бы...

— Эй, что значит «безопасно»? Для нас с Ат возвращение назад совсем не то, что для вас, остальных. Ты же знаешь, что будет с нами, когда мы там покажемся. Нам предъявят обвинение как только мы достигнем цивилизации, а после этого нас посадят в каталажку, или же прочистят мозги. Не слишком большое удовольствие.

— Я тот, кто выдвинул эти обвинения. — Худое лицо Грейвса сморщилось от боли. — Я же и пошлю представление на их отмену. После того, что вы с Атвар Х'сиал сделали, чтобы спасти нас от зардалу...

— Ты пошлешь представление, наверняка пошлешь. Возможно, это снимет нас с крючка, но не исключено, что и нет. Нам с Ат кажется, что здесь не намного хуже, чем там. Другое дело вы все. Вам необходимо вернуться домой и нацарапать прекрасные маленькие отчеты обо всем, что произошло. И начать поиски

зардалу, если только еще не поздно и они не прилетели, задрав задницы, в свой зверинец. Что касается меня... — Он пожал плечами.

Голова-цветок кивала.

— Ваши внутренние споры не имеют влияния на мое решение. Однако предложение, выдвинутое вами, приемлемо. Если один человек и один кекропиец останутся для завершения процесса селекции, остальные могут возвратиться в рукав: либо в пункт вашей последней отправки, либо — в другое место по вашему выбору. Если желаете, и если я смогу это устроить, вашим пунктом прибытия может стать конечная точка транспортировки зардалу, при условии, что место это пригодно для жизни.

— Нет, спасибо. — Ребка прекратил дискуссию в тот самый момент, когда Грейвс собирался ее возобновить. — Мы должны предупредить других людей прежде, чем начать преследование. Мы отправимся в какое-нибудь безопасное место. — Он повернулся к Луису Ненде. — А что касается тебя... я как правило не затрудняюсь говорить то, что думаю. Но на этот раз ты меня взял тепленьким. Все, что приходит мне в голову, это спасибо — от всех нас. И передай спасибо Атвар Х'сиал.

Ненда усмехнулся.

— Обязательно. Через минуту. Сначала я должен объяснить Ат, на что она согласилась.

Грейвс повернул к нему широко распахнутые глазницы.

— Ты что, шутишь? Атвар Х'сиал ведь дала уже свое согласие на твое предложение.

— Шучу. Конечно, шучу. — Ненда как бы случайно отвернулся. — Не беспокойся. Проблем не будет.

Но тут выступила Каллик.

— Тогда все решено. Остальные возвращаются. А Атвар Х'сиал, Луис Ненда и их верные слуги, Каллик и Ж'мерлия, остаются.

— Э-э, нет. — Ненда поднял руку. — Я никогда такого не говорил. — Он посмотрел на Посредника и Ханса Ребку. — Если вы не против, Ат, мне, Ж'мерлии и Каллик надо отойти посоветоваться. Пять минут дадите?

Он моментально утащил всех троих из комнаты, не дожидаясь будет ответ положительным или нет.

— Видишь ли, Каллик, — как только они вошли в небольшую комнатку вне пределов слышимости для других, его голос

стал необычно мягок, — ты должна понять ситуацию. Теперь все по-другому. Не так, как в те добрые старые времена, до нашего отправления на Тектон. Изменилось все. И изменились вы оба, ты и Ж'мерлия. Пока мы шли, я перевел все это Атвар Х'сиал, и она со мной полностью согласилась. Было бы неправильно для вас оставаться теперь рабами — для каждого из вас.

— Но, хозяин Ненда, ведь мы хотим ими быть! Ж'мерлия и я улетели с Опала только для того, чтобы снова быть с вами и служить вам.

— Я знаю. Не думай, что мы с Ат не принимаем это во внимание. — На глаза Ненды навернулись слезы. — Но ничего не поделаешь, Каллик. Не сейчас. С тех пор, как мы оставили вас на Тектоне, вы всегда сами решали, что вам делать. Вы думали самостоятельно и действовали самостоятельно. Вы вкусили независимости. Вы заслужили независимость.

— Но нам не нужна независимость! — Голос Ж'мерлия поднялся до стонающего воя. — Даже если Атвар Х'сиал согласна с вами, этого не может быть. Этого не должно быть.

— Вот видишь? Я сказал все точно. — Ненда потянулся чтобы похлопать Ж'мерлию по узенькой груди. — Послушай, что ты сам говоришь! Атвар Х'сиал говорит, чего она хочет от тебя, а ты возражаешь ей. Поступил бы ты так пару месяцев назад?

— Никогда! — Ж'мерлия поднял лапку, чтобы от испуга за собственную опрометчивость прикрыть ею свои фасетчатые глаза. — Спорить с Атвар Х'сиал? Никогда. Господин Ненда, с моими низжайшими извинениями и искренним раскаянием...

— Прекрати, Ж'мерлия. Ты уже все доказал. Ты и Каллик возвращаетесь домой и помогаете прочесывать рукав. У вас квалификация не хуже, чем у любого разумного существа. Я давно уже это знаю.

— Но мы не хотим помогать прочесывать рукав спирали!

— А кто хочет? Это то, что люди называют «нести свой крест». Вы должны вернуться и нести его, даже если вам этого не хочется. Иначе миром будут править дитрониты.

— Господин Ненда, пожалуйста, скажите, что вы пошутили! У дитронитов... ведь у них мозгов меньше, чем у... чем у некоторых...

— Пока ты не ляпнул что-нибудь действительно нехорошее, Ж'мерлия, я скажу: да, я пошутил. Но не насчет того

факта, что вы с Каллик должны отправляться домой. А кроме того, Каллик — единственное разумное существо во всем рукаве, которое говорило с зардалу. Это может оказаться чрезвычайно важным.

Ж'мерлия прополз вперед и положил голову к ногам Атвар Х'сиал.

— Господин Ненда, я слышу вас, но я не хочу уходить. Атвар Х'сиал — моя хозяйка, и была ею с тех пор, как я перестал быть личинкой.

— Не надо за это цепляться...

— Разрешите мне, Луис, если ты не против. — Феромонное послание Атвар Х'сиал несло привкус суховатого юмора. — При всем моем уважении, но ты действуешь волевым давлением, а не разумными доводами. — Гигантская кекропийка склонилась до самого пола и поднесла свою гладкую безглазую голову к Ж'мерлии. — Давай рассуждать вместе, мой маленький Ж'мерлия. Ты согласишься со мной, если я скажу, что разумное существо может либо быть рабом, либо не быть им? Являются ли эти два условия возможными только по отдельности?

— Конечно. — Ж'мерлия, ставший однажды рабом-переводчиком Атвар Х'сиал, улавливал малейшие нюансы в значении ее химических посланий. Еще не зная почему, но он вздрогнул, почувствовав заранее, что для него уже все потеряно.

— Теперь, что касается тебя и Каллик, — продолжила Атвар Х'сиал. — Вы ведь оба являетесь разумными существами, или нет?

— Да.

— Следовательно, вы либо рабы, либо не рабы. Согласен?

— Это так.

— Но, если вы не рабы, то вам совершенно негоже претендовать на то, что вы ими являетесь, утверждая, что должны остаться здесь, дабы прислуживать мне и Луису Ненде. Вы должны вернуться в рукав вместе со всеми и начать жизнь свободных существ. Не-раб не должен притворяться рабом. Верно?

— Верно.

— Теперь представь, что вы — рабы, ты и Каллик; тогда у вас нет выбора, кроме как подчиняться распоряжениям ваших хозяев, а эти распоряжения вполне однозначны Луис Ненда и я приказываем вам вернуться в рукав и помочь в розысках

зардалу, если те все еще живы. Таким образом, в качестве рабов или не-рабов, но вы не останетесь здесь с нами.

— Спасибо, Ат. — Ненда сделал шаг вперед и кивнул кекропийке. — Сам бы я не объяснил лучше. — Он повернулся к Ж'мерлии и Каллик. — Такие вот дела. Возвращаемся к остальным. Вы скажете Посреднику и другим, что готовы к отправке. Хорошо?

Каллик и Ж'мерлия обменялись короткой серией щелчков и посвистов.

— Да, хоз... — Каллик поймала себя на полуслове. — Да, Луис Ненда. Мы готовы. Ж'мерлия и я согласны вернуться в рукав вместе с остальными. Выбора у нас нет. Мы хотим добавить лишь одно. Если вы с Атвар Х'сиал когда-нибудь будете в нас нуждаться, скажите только «прийдите», и мы мигом прилетим к вам.

Хайменоптка на долю секунды прижалась своей круглой головкой к полу, а затем встала в полный рост. Они с Ж'мерлией вышли из комнаты, не спрашивая разрешения.

— И мы вернемся с радостью, — добавила она.

— С радостью, — повторил Ж'мерлия. — Возможно, человеку или кекропийке это трудно понять, но никакого удовольствия от насильно данной свободы нет.

ГЛАВА 27

Все готово.

Однако Берди Келли с ума сходил от отчаяния.

Уже несколько часов, как все было готово. Спуск к новой воронке для переброски ждал в соседней комнате, достаточно близко, чтобы ощущать воздушный поток, порождаемый вращающейся сингулярностью, как кожей, так и наружным панцирем. Посредник заверил участников группы, что система подготовлена к их приему с гарантированно безопасной доставкой. Их перебросят на Станцию-на-Полпути, расположенную посередине между Тектоном и Опалом; с точки зрения Берди — очень хорошее место, поскольку зардалу могли появиться в каком угодно уголке рукава, но только не здесь.

Но теперь, в самый последний момент, у каждого, как выяснилось, оказались собственные мысли по поводу того, уезжать ли вообще.

— Если бы мне предоставилась еще одна возможность по-дискутировать с Посредником, уверен, я убедил бы его в неразумности основы плана Строителей. — Это говорил Стивен Грейвс, беседуя с Хансом Ребкой. Джулиус, будучи не в состоянии вынести саму мысль о том, что Луис Ненда и Атвар Х'сиал останутся сами по себе, на произвол судьбы, покинул сознательное поле, предоставив его своему мнемоническому близнецу. Стивен пользовался этой возможностью на полную катушку.

— Гораздо резоннее, — продолжал он, — что множество рас, работая совместно, имели бы намного больше шансов помочь Строителям в разрешении Проблемы, чем какая-либо раса в одиночку. Людей и кекропийцев следовало привлечь совместно, а не заставлять сражаться, выясняя, кто же из них лучше поможет Строителям.

— Это резонно с вашей точки зрения, — возразил Ребка. Как и Берди, он всей душой желал отправиться в путь, но совсем по другим причинам. Он все еще представлял, что кошмар темно-синего цвета возвращается, стремясь править рукавом. Он жаждал устремиться по следу, пока тот окончательно не остыл. — Вы же знаете, что у Строителей совершенно иное видение мира, не такое как у любых существ, встречавшихся нам до сих пор, а Посредник — творение Строителей. Вы можете спорить с ним миллион лет — времени у него достаточно, и никогда не заставите отречься от свойственных Строителям предрассудков, что складывались у них в течение двухсот миллионов лет. Бросьте это, Стивен, и давайте обмозгуем проблему, которую мы в состоянии решить. Спросите сами себя, куда отправились зардалу и что они сейчас делают.

На этот каверзный вопрос Посредник дал слишком расплывчатый ответ, чтобы считать его удовлетворительным. Лучшее, что удалось выяснить по горячим следам, так это то, что зардалу приземлились на одном из артефактов Строителей, вероятно расположенном в пределах старых территорий Сообщества Зардалу. На котором же именно и что произошло дальше — совершенно неизвестно.

Дари Лэнг явно не хотела уезжать.

— Я понимаю, что кое-кому не терпится вернуться домой и пусться по следам зардалу. — Она обвела взглядом группу

совершенно непонятных конструкций, огораживающих комнату, и массив рифленых стеклянных колонн, внутри которых струилась крутящимся потоком зеленая жидкость. — Но если я уеду, кто будет заниматься всеми этими вещами? Я всю свою сознательную жизнь провела в поисках Строителей. И теперь, когда я почти нашла их, мне нет смысла покидать это место. Если я уеду, у меня, возможно, больше не представится случая сюда вернуться.

— Вернешься, куда ты денешься. — Луис Ненда, похоже, не меньше других желал ускорить отправку. Он взял ее за руку и повел в направлении спуска к воронке. Сзади него Атваар Х'сиал подгоняла Ж'мерлиу и Каллик.

— Ты же слышала, что сказал Посредник, — продолжил Ненда. — Входная точка в систему транспортировки на Жемчужине закрыта не будет. У тебя есть возможность отправиться туда и вернуться, когда пожелаешь. Отправляясь на Жемчужину в следующий раз, ты гораздо лучше подготовишься. Ты как следует присмотришься к диким фагам. — Он завел руку за спину Дари и тихонько хлопнул ее ниже спины. — Лучше уходи скорей, дорогуша, пока я не передумал отпускать тебя с Ребкой.

Она медленно отвела его руку и внимательно посмотрела на него с высоты своих дополнительных шести дюймов.

— Луис Ненда, я поклялась, когда впервые тебя увидела, что если ты хоть когда-нибудь дотронешься до меня своим грязным пальцем, я вышибу тебе мозги. Теперь ты сделал это, а я не в силах даже вlepить тебе пощечину. Ты изменился, не правда ли? С тех пор, как попал на Жемчужину? Ты сделал это, только чтобы подразнить меня.

— Не-а. — Налитые кровью глаза стрельнули вверх, ей в лицо, а затем опустились вниз, уставившись на грудь. — Я сделал это не только для того, чтобы подразнить тебя. И перемен с момента появления на Жемчужине со мной не происходило. — Его хриплый голос стал еще грубее обычного, а сам он взял ее за руку. — Это случилось раньше. На Опале, когда мы впервые встретились.

Казалось, он хотел сказать что-то еще, но тут вновь появился Посредник, выйдя из тоннеля, ведущего к воронке. Он, похоже, совершенно позабыл о сильном гравитационном поле и свистящем вокруг его серебристого тела воздухе.

— Время наступило, — произнес его скрипучий голос. — Система готова к запланированной переборке.

Тем не менее путешествие будет гораздо проще, если каждый индивидуум пойдет один. Кто первый?

Все смотрели друг на друга, пока вперед не выступил Ханс Ребка.

— Я. Уже готов.

Один за другим остальные выстроились за ним в цепочку: Берди Келли, далее Ж'мерлия, Каллик и Джулиус Грейвс. Последней шла Дари Лэнг, все еще продолжая оглядываться на фантастические конструкции Строителей. Сзади, неуклюже, словно неуверенные в собственной роли при отбытии остальных, стояли Атвар Х'сиал и Луис Ненда.

— Можете идти. — Посредник переплыл в конец очереди.

— Благодарю. — Ребка обернулся, чтобы взглянуть на каждого. — Думаю, сейчас не время для речей, поэтому скажу просто: «до встречи», и, полагаю, мы все благополучно доберемся до дома. Взгляд его упал на Луиса Ненду. — Хотелось бы, чтобы ты полетел с нами. Скажи Атвару Х'сиалу, что мы чрезвычайно благодарны вам обоим. Скажи ей также, я не знаю, что вы там делали на Тектоне, но то, что вы сделали здесь, сражаясь с зардалу, и теперь, оставшись и жертвуя собой, с лихвой искупает все прежнее. Надеюсь, еще встретимся в рюкаве.

Ненда небрежно махнул рукой.

— А-а, не стоит благодарности. Мы с Ат сделаем все, как надо. Вперед, капитан. И удачи тебе.

Ребка кивнул и ступил на склон тоннеля. Остальные смотрели как он шел, сильно отклонившись назад, чтобы сохранять равновесие. Его волосы и одежда бешено затрепетали вокруг тела, а шаг замедлился. Через двадцать метров он остановился. Они услышали его странно искаженный голос, эхом донесшийся до них.

— От этой точки возврата уже не будет. Еще несколько метров, и у меня не останется другого выбора, кроме как идти вперед. — Он обернулся и помахал рукой. — Встретимся на том конце. Желаю всем приятного и безопасного путешествия.

Он сделал пару замедленных шагов, и тут неизвестная сила подхватила его. Он опрокинулся вперед в направлении спуска. Раздался звучный вздох, словно откуда-то вышел воздух, и по стенам тоннеля пробежала легкая дрожь.

Остальные смотрели вниз на вращающуюся сингулярность. Ребка исчез.

— Можно идти, — произнес Посредник.

— Ну да, — тихо сказал Берди. — Могу. А могу и не идти. — Он прижимал к груди шар с мозгом В.К.Талли как священную реликвию.

— Давай, Берди. Ты целыми неделями ныл, что хочешь домой. Так иди же. Двигай ногами.

После того, как Луис Ненда хлопнул его по плечу, Берди сделал первый неуверенный шаг в тоннель. Вся очередь последовала за ним.

— По-одному, — предупредил Посредник.

Продвигаясь вперед, Берди бормотал себе под нос какие-то слова. На полпути он вдруг что-то для себя решил и побежал. Влетев в зону захвата он закричал, и вновь раздался хлопок исторгнутого воздуха.

Ж'мерлия и Каллик попытались задержаться возле Луиса Ненды и Атвар Х'сиал, но кекропийка подтолкнула их вперед.

— Вот так, правильно, — сказал Ненда. — Двигайся, Каллик, не сворачивай с пути. И не беспокойся за нас. Мы сами разберемся во всем между собой. Возвращайся в рукав спирали.

— Как прикажете. Прощайте, любимый хозяин. — Глаза на затылке хайменопки смотрели на Луиса Ненду пока она шла до того места, где ее подхватило вихревое поле. Каллик исчезла без звука, а через несколько секунд за ней последовал трясушийся Ж'мерлия.

Джулиус Грейвс торопиться не собирался. Он задержался возле Ненды и пожал ему руку.

— Желаю удачи. Если вам удастся вернуться, не сомневайтесь, что бы вы там ни делали на Тектоне во время Летнего Прилива, любые обвинения против вас с Атвар Х'сиал будут аннулированы. Пожалуйста, передай ей, чтобы она тоже об этом знала.

— Будь спок, советник. — Ненда энергично потряс руку Джулиуса Грейвса. — Я скажу ей. И за нас не беспокойся. Мы все устроим.

— Ты очень смелый человек. — Блекло-голубые незрячие глаза смотрели в черные глаза Ненды. — Ты заставляешь меня гордиться тем, что я — человек. А если бы я был кекропийцем, то гордился бы точно так же. — Грейвс дотронулся до передней лапы Атвар Х'сиал и пошел по спуску.

Через несколько секунд он исчез. Дари Лэнг осталась с Луисом Нендой и Атвар Х'сиал.

Она взяла Ненду за руку.

— Я согласна с Джулиусом Грейвсом. Мне наплевать, был ли ты преступником, прежде чем попал на Опал, важно то, какой ты сейчас. Людям ведь свойственно изменяться, не так ли?

Он пожал плечами.

— Думаю да, если у них имеются для этого причины. И у меня, может быть, тоже появилась веская причина.

— Зардалу?

— Не-е. — Он старался не встречаться с ней глазами, а голос его был мягок. — Не столь экзотичная. Очень простая. Ты знаешь, что говорят обычно о любви хорошенькой женщине и все такое прочее... но тебе надо идти, и зря я начал об этом.

— Почему бы и нет?

— Потому что я — ничто. Тебе здорово повезло с капитаном Ребкой, и он подходит тебе гораздо больше, чем субъект вроде меня. Я выбрал трудный путь. Я криклив, груб, не умею и никогда не умел общаться с женщинами.

— Я бы сказала, что у тебя это здорово получается.

— Ну ладно, здесь не время и не место для этого. Уходи. Но, может быть, если я возвращусь в рукав...

— Ты прилетишь прямо на Врата Стражника и наведишь меня. — Дари повернулась, чтобы раскланяться с Атвар Х'сиал. — Я хотела бы пожелать ей удачи, но это глупо. Я понимаю, что выиграть может только один из вас, и надеюсь, что это будешь ты, Луис. Теперь мне надо уходить, пока я не сделалась полной дурой. Меня ждут на том конце. Я не могу больше задерживаться. — Она подалась вперед, взяла его лицо обеими руками, наклонилась и поцеловала в губы. — Спасибо за все. И не думай, что это последнее прости. Мы встретимся снова, я просто знаю, что так будет.

— Надеюсь. — Ненда протянул руку и вновь шлепнул. Он улыбался. — Вот уж точно, теперь у меня есть неоконченные дела. Береги себя, Дари. И будь пухленькой.

Она уходила от него по наклонному спуску, то и дело оборачиваясь, чтобы улыбнуться и помахать рукой. Был момент, когда она вдруг остановилась, а сквозняк из воронки разметал ее волосы в беспорядочное облако вокруг головы. Затем она сделала еще один шаг и нырнула в сингулярность. Раздался обычный хлопок воздуха. Она ничего не прокричала.

Ненда и Атвар Х'сиал стояли, глядя ей вслед.

— Вот все и кончено, — сказал у них за спиной Посредник. Когда они достигнут пункта назначения, я получу подтверждение. Зато теперь для вас все начинается. Вы, человек и кекропиец, должны продолжать, пока процесс селекции не окончится.

— Яснее ясного. Ты для этого собрался нас покинуть?

— Да. Не вижу нужды в моем присутствии. Периодически я буду проверять вас для уточнения ситуации, точно так же, как я делал, когда ваша группа выдворяла зардалу.

Посредник постепенно тонул в полу. Хвост и нижняя часть его тела уже скрылись из виду.

— Подожди минутку. — Ненда потянулся и обхватил похожую на цветок голову. А если нам захочется встретиться с тобой?

— До тех пор, пока один из вас не возобладает над другим, у меня не появятся причин для разговора с вами. И предупреждаю: не пытайтесь убежать через систему транспортировки. Она вас не примет. Тем не менее я скажу, как найти меня в случае нужды. Активизируйте один из стазисных баков. Это привлечет мое внимание... — Стебель продолжал опускаться до тех пор, пока не осталась одна голова. На уровне пола она кивнула. — А теперь прощайте. Не думаю, что увижу еще раз вас обоих.

Посредник исчез. Атвар Х'сиал и Луис Ненда смотрели друг на друга в течении целой минуты.

— Он ушел? — Феромонное послание докатилось до Ненды.

— Думаю, да. Однако дадим ему еще несколько секунд. — И уже после того, как прошло еще полминуты, он произнес: — Начинать надо прямо сейчас, но у нас даже не было времени поговорить. Что ты обо всем этом думаешь?

— Я думаю, что с бунтарем Луисом Нендой произошло нечто новое и беспрецедентное. — Ее феромоны были полны издевки. — Я не поняла вашего обмена с той самкой, но вполне отслеживала химические составляющие твоего тела. Там были одни эмоции и душераздирающая сентиментальность. Чрезвычайная слабость и нечто, указывающее на твою полную недееспособность.

— А-а, брось, — фыркнул Ненда. — Ты неправильно прочитала меня, совершенно неправильно. Есть старинная человеческая поговорка: не плюй в колодец — пригодится воды напиться. Именно это я и сделал.

— Да нет, я правильно прочитала тебя, Луис Ненда. Ты меня не убедил.

— Эй, ты же не слышала ее. Она готова была уже передумать и остаться — у нее на лице это было написано. Не мог же я позволить, чтобы она шныряла здесь и совала всюду свой нос. Мне пришлось заставить ее поверить, какой я благородный, что остался здесь, в то время, как она не может этого сделать. Она бы осталась, не разыграй я роль мистера «Само Обаяние». Как бы то ни было, я не хочу больше об этом говорить. Оставим это и вернемся к делам насущным.

— Еще один момент. Я допускаю, что ты откровенен со мной в вопросах отношений с женщиной Дари Лэнг. Однако я знаю, что ты пытаешься надуть меня и всех остальных еще в одном вопросе.

— Надуть тебя? О чем ты говоришь?

— Пожалуйста, Луис. Я уже не личинка, или, говоря по-человечески, не девочка. Если уж я осмотрела зардалу и их внутреннее устройство посредством ультразвука, почему же мне не сделать то же самое с тобой? Давай поговорим о том, что у тебя в сумке — в той, что поменьше. Открой-ка ее, пожалуйста.

— Эй, я собирался показать тебе это, как только все уйдут. Неужели ты думаешь, что я пытался скрыть такое от тебя? Мы же оба прекрасно знаем, что это не продлилось бы больше одной минуты.

— Я понимаю, что тебе не удалось бы. Приятно слышать, что ты и не пытался. — Атвар Х'сиал протянула свои желтые рожки к Ненде, когда тот наклонился и открыл маленькую сумку, которая всегда была при нем.

Через несколько секунд из нее высунулась бледно-абрикосовая головка.

Атвар Х'сиал выпустила химический эквивалент вздоха.

— Луис Ненда, я знала об этом уже через несколько минут после того, как последний взрослый зардалу исчез в воронке. Где ты его подобрал?

— Этот маленький стервец клюнул меня, когда я отсиживался внутри Владелицы. — Ненда заглянул в сумку, соблюдая осторожность, чтобы не попасть под ищущий клюв молодого зардалу. — Вот ненасытный дьяволенок, уж это точно — со-

жрал всю еду, которую я положил сюда, все до последнего кусочка.

— Тебе не следовало брать и прятать его. Что за безрассудство держать при себе в твоём положении представителя самого опасного в рукаве живого вида? Здесь, в сражении, он тебе не пригодится.

— Ну, не надо так сердиться. Посмотри с другой стороны. Если остальные зардалу живы, одним больше, одним меньше — разница небольшая. Но если все они мертвы, то единственный живой экземпляр абсолютно бесценен у нас дома. Подумай об этом, Ат.

— Я уже подумала, с тех самых пор. — Кекропийка протянула переднюю лапу и подняла детеныша зардалу. Он бешено извивался в ее хватке. — И я согласна с тобой; иначе я сказала бы, что думаю по этому поводу. Она разглядывала корчащееся оранжевое существо. — Он живой и, совершенно ясно, абсолютно здоровый. Очевидно, мысль зардалу о том, что их молодки для процветания требуется мясо, не имеет оснований.

— Или, возможно, без мяса они не вырастают такими злобными. Это было бы прекрасно. И так, я буду держать его. — Ты согласна?

— По крайней мере, на некоторое время. — Атвар Х'сиал поставила маленького зардалу на пол у ног Ненды. — Но позволь сделать тебе торжественное предупреждение. Зардалу — существа, которых в галактике боятся больше всего. Для этого наверняка есть веские причины, и наша маленькая победа над несколькими сбитыми с толку и отчаявшимися особями никак этому не противоречит. Помни: через несколько лет это дитя вырастет достаточно, чтобы разорвать тебя на кусочки и сожрать.

— Может быть. Это меня не беспокоит. Я сгорю со стыда, если не научусь управлять младенцем. — Он не всегда будет младенцем. И, может, тебе придется сгореть со стыда, если ты доживешь до этого. Но сейчас... — Атвар Х'сиал низко наклонилась к Луису Ненде. Ее эмоциональная напряженность возросла, неуловимо передаваемая химическими волнами. — Сейчас время болтовни кончилось, и настало время действовать. Есть битва, которую надо выиграть. Ты готов отложить свою игрушку в сторону и начать конфликт?

ГЛАВА 28

— Я должен вновь повторить вам, какую громадную важность имеет данный вопрос. — Говорящий сделал паузу, сверкая глазами с экрана. — И хотя мне больно это говорить, я должен напомнить, что вы уронили свое достоинство специалиста, не выполнив обязательств и нарушив свои обещания.

Дари Лэнг, откинувшись в плетеном кресле, смотрела на записанное изображение профессора Мерады со смешанным чувством недоумения и раздражения. Видеосигнал пришел через систему Бозе-связи с грифом «ВЫСШАЯ СРОЧНОСТЬ — ПЕРЕСЛАТЬ НЕМЕДЛЕННО», а также с указанием ее полного титула и звания. За несколько минут, прошедшие между ее прибытием на Станцию-на-Полпути и появлением на поверхности Опала, видео в ее комнате мигало, не переставая.

— Сорок стандартных дней, — заливался громкоговоритель. — Пятое издание «Всеобщего каталога артефактов» должно быть готово к окончательной компиляции через сорок стандартных дней! Без вашего участия его невозможно закончить. Вы прекрасно помните, я предупреждал вас о своем беспокойстве, когда вы объявили о намерении отправиться в Круг Фемуса наблюдать явление, описанное вами как Летний Прилив. Если мое предупреждение тогда оказалось не столь строгим, как следовало бы, то только благодаря вашим уверениям и обещанию, что поездка эта не нарушит графика доставки материалов. Крайне необходимо, чтобы «Каталог» появился вовремя. — Мясистый рот неодобрительно надулся. — Если ваши материалы не поступят ко мне в течение, самое позднее, двадцати дней, то тогда уже действительно будет слишком поздно; последствия я вам обещаю самые суровые. Я намереваюсь...

Дари выключила звук.

Ханс Ребка вошел в комнату, когда звучало слово «обещание». В руках он держал кипу телеграмм. Он покачал головой, вздохнул и рухнул в кресло рядом с Дари.

— Мы всего полчаса на Опале, — сказал он, — и только взгляни на это. Их тут дюжины. Из Управления Навигации: «Пожалуйста, объясните причину, по которой корабль «Все — мое», принадлежащий Сообществу Зардалу, не представил полетный график до того, как покинул систему Добеллии». От Администрации Порта: «Укажите настоящее местоположение и статус рудовоза «Несравненный». Из Управления по Транзиту и Эмигра-

ции: «Сообщите местонахождение кекропийки Атвар Х'сиал», — черт, хотел бы я сам знать ее местонахождение.

Дари указала на экран перед ней.

— У меня те же проблемы. Ты только посмотри на него! Что будешь делать?

— Свалю большую часть на беднягу Берди. Знаешь, что самое печальное? Все изменилось, однако от меня требуют, чтобы я по-прежнему всерьез принимал эту бюрократическую ерунду.

— Нет. — Дари вновь показала жестом на экран, откуда профессор Мерада все еще брызгал слюной и грозил ей пальцем. — Ничего не изменилось. Три месяца назад я, может, и восприняла бы это послание как порядочную взбучку. Да меня свела бы с ума сама мысль о том, что я не уложусь к дате публикации. А что теперь? Она пожала плечами. — И вот я опоздала на несколько недель. Работа все равно будет сделана, мы выпустим каталог в срок. Пропутешествовав шестьдесят тысяч световых лет и одолев зардалу, начинаешь смотреть на вещи несколько иначе. Все вокруг не изменилось, Ханс. Все осталось прежним — это мы изменились.

— Хорошо, тогда все изменится в будущем, как только люди заговорят о нас более серьезно. — Ребка швырнул пачку телеграмм на низенький столик перед собой. — Джулиус Грейвс дал телеграмму в Совет Альянса прямо со Станции-на-Полпути, рассказав о наших приключения и предупреждая о зардалу. Он тут же получил ответ. Знаешь, что они сделали? Вызвали его на Миранду для проверки психики. А ведь он советник!

— Он поехал?

— Конечно. Он обязан. Но взбешен, хуже черта. Он взял с собой мозг Талли, чтобы его вновь вживили, и я собираюсь последовать за ним. Выслушав нас троих, Альянс, возможно, поверит тому, что мы говорим.

— Четверых. Мне все понятно. — Дари подняла руку. — Я говорила тебе, что вернусь на Врата Стражника и с головой уйду в работу, но я в любом случае поеду с тобой. Все это, — она небрежно ткнула пальцем в направлении сердитого лица профессора Мерады, — словно мир теней. Изучение Строителей считалось серьезным делом, пока не существовало альтернативы. Но мы-то побывали за пределами этого мира. Тот-Кто-Ждет и Посредник существуют реально. Зардалу тоже реально. Нам необходимо заставить других людей поверить в это. А потом мне надо вернуться на Жемчужину — и попробовать еще раз.

— Попробовать еще раз и привезти какие-нибудь доказательства. Когда ты полетишь на Жемчужину, я тоже туда отправлюсь. Всему рукаву должно стать известно то, что знаем мы. — Ребка горько покачал головой. — Столько усилий, а вернулись с пустыми руками. Никакой технологии Строителей, никаких доказательств, что мы где-то были, ничего, кроме наших слов по поводу зардалу. Хоть бы кончик щупальца — уже было бы легче. Мы залетели дальше, чем кто бы то ни было и вернулись ни с чем.

— Это не так. — Дари встала, подошла к нему сзади и принялась массировать ему плечи. — Мы выбрались оттуда, обретя друг друга. Ты и я.

Ребка вздохнул и откинулся в кресле.

— Ты права. Мы здесь и вместе. Это единственное светлое пятно. Знаешь, я вспоминаю, как смотрел на тебя, когда зардалу подходили к тоннелю, ведущему к воронке, и как думал, что это возможно последний раз, когда я вижу Дари. Меня эта мысль как ножом по сердцу ударила. И я благодарю Бога, что все обошлось. Это невероятная удача для всех нас.

— Большинства из нас, — тихо произнесла Дари. — Но не всех.

Стало грустно. Они оба сидели молча. На Опале наступили сумерки и облака ненадолго приоткрыли небо. Не говоря ни слова, они оба одновременно посмотрели вверх. Направления они не знали. Где-то там, в тридцати тысячах световых лет, плавала в пустоте невидимая громада Ясности. И где-то внутри этой гигантской конструкции, одинокие и оторванные от дома, далеко, как ни один другой человек или кекропиец, Луис Ненда и Атвар Х'сиал заперты для битвы не на жизнь, а на смерть. Вне зависимости от того, что было раньше, логика Строителей жестко предписывала победить только одному из них. «Не могу перестать надеяться, что это будет Луис Ненда, — подумала Дари. — Я понимаю, что Ханс очень расстроится, если когда-нибудь узнает об этих моих чувствах, но молю Бога, чтобы однажды Луис нашел способ вернуться. Ты слышишь меня, Луис Ненда? — Она смотрела вверх, посылая луч своей мысли за пределы звезд и галактики. — Слушай сейчас. Возвращайся. Возвращайся невидимым».

Она вдруг ощутила все это так сильно, что ему наверняка передались ее эмоции. Если только... Мысль эта холодной змеей сжала сердце: если только Луис еще жив.

Но это предположение... совершенно невыносимо. Дари опустила глаза на экран, погружаясь в приятное тепло негодования профессора Мерады.

ЭПИЛОГ

— Скажи-ка мне, Луис Ненда. — Феромонное послание было исполнено тихого удовлетворения. За иллюминатором простирались, уходя спиралями в бесконечность, перекрученные конструкции Ясности.

— Скажи-ка мне вот что. Есть ли у людей слово, характеризующее действия двух существ, убежденных, что, действуя совместно, они способны противостоять и победить целую цивилизацию, которой уже сотни миллионов лет и которая имеет гигантскую технологическую мощь?

— Конечно. Мы бы не были людьми, если б не придумали его. На самом деле у нас их целая куча с любыми эмоциональными оттенками. Высокопарные слова, типа «гордыня», или попроще — «дерзость» и «нахальство».

— Я слушаю тебя с восторгом. Кекропийцы такие же. У нас тоже есть не одно выражение для описания того, что мы намереемся сделать, но наиболее часто употребляется вот это: «Отмеченные Великой Создательницей». Пойдем дальше?

— Секундочку. — Он наклонился к ногам. Маленький зардалу выклевал кусок из кожаного голенища его ботинка, выплюнул его и готов был уже драть следующий. Ненда вытащил из сумки кусок жесткого пластичного материала и положил его в то место, где твердый клюв мог бы его достать. — Вот так. Попробуй вот это, малыш.

Зардалу начал есть. Ненда выпрямился и посмотрел в иллюминатор на чуждое человеческому глазу изобилие артефакта.

— Нет, это не видимость богатства, Ат. Это самое, что ни на есть богатство. И здесь еще миллионы кубических километров внутренностей, не видимых нам отсюда. Раз уж мы начали над этим работать, значит, Строители и Посредник делают то, что мы от них хотим, и никак иначе, а следовательно — мы сорвем этот куш.

— Сорвем, конечно. И потенциально это уже все наше.

— Черт, выкинь ты это «потенциально». — Ненда сердито посмотрел на Атвар Х'сиал. — Не люблю, когда звучат негативные мысли. Говорю тебе, мы уже одной ногой там. Как сказал на прощание Грейвс. «Горжусь быть человеком или кекропийцем». Тебе следует пожалеть и Того-Кто-Ждет, и Посредника, и всех остальных Строителей.

— Разумно. Против нас у них нет ни одного шанса.

— Ни единого. Они никогда даже не узнают, кто покончил с ними.

Луис Ненда отбросил сальные волосы со лба, вытер грязные руки о штаны и встал во весь рост.

— Ладно, пошли, зададим им. Бедные дьяволы. Думали, что они самые умные, да и были ими пятьсот миллионов лет, но так и не поняли, что парни вроде нас с тобой всегда побеждают.

ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ

*Энни, Киту, Розе и Торис,
а также всем прочим
бимодальным распределениям*

ГЛАВА 1

Врата Стражника

Артефакт Строителей, получивший название Парадокс, расположен в глубине территории Четвертого Альянса (Узловая точка Бозе-сети 139). О существовании внутри Парадокса лотос-поля известно почти три тысячи лет, со времен экспедиции Раттледжа в 1379 г.Э.) (Источник: Парцен, 1383 г.Э.)

Хотя это поле стирает как органическую, так и неорганическую память, оно не влияет на прохождение электрических сигналов по экранированному кабелю. Известен по крайней мере один такой случай. Источник... Как же его назвать?

Дари Лэнг замерла над клавиатурой кодера. Что писать дальше? Предметом ее постоянной гордости было то, что все сведения во «Всеобщем каталоге артефактов» Лэнг (5-е издание) абсолютно точны и отражают, насколько возможно, самые последние результаты космоисторических исследований. Не ее вина, что некоторые предложенные ею дополнения подверглись критике из-за невежества издателей. Если это и было неизвестно им, то она знала, что при определенных обстоятельствах электрические сигналы от внешнего компьютера могут проходить через лотос-поле по экранированному нервному жгуту. Хотя сама она этого не видела, но ей рассказал советник. А советники не лгут.

Не говоря уже о свидетельстве вживленного компьютера В.К. Талли, с которым все это, собственно, и произошло.

Она покусала нижнюю губу и наконец вставила ссылку:

«Источник: советник Джулиус Грейвс, частное сообщение».

Большого сказать она не могла, хотя эта формулировка отнюдь не соответствовала общепринятой форме ссылок в академических трудах, которую профессор Мерада считал единственно возможной. Но в данном случае, чем меньше информации, тем лучше. Если бы Дари добавила, что описанный случай произошел на искусственном планетоиде Жемчужине, как раз перед тем как Грейвса, Талли и саму Дари система транспортировки Строителей перебросила на тридцать тысяч световых лет от рукава галактики... перебросила в место, где они встретились с... нет, лучше не продолжать. Мерада запросто сойдет с ума. Или решит, что рассудка лишилась она, Дари.

Может, и лишилась... но по другой причине.

Стоял поздний вечер, почти ночь, и Дари работала в маленькой беседке, увитой листвой. Ночную тишину Врат Стражника наполняли ароматы местных цветов и тихое воркование птиц. Она поднялась из-за компьютера и раздвинула вьющиеся лозы.

На востоке вставал Стражник. Находящийся в двухстах миллионах километров от планеты Врата, этот полосатый шар поперечником в миллион километров царил на ее ночном безлунном небе. Это зрелище пробудило в Дари интерес к загадкам артефактов Строителей. И, положа руку на сердце, она могла сказать, что именно оно определило всю ее дальнейшую жизнь.

И определяет сейчас, но уже по-иному. Широко открытыми глазами Дари в тысячный раз уставилась на Стражника и снова удивилась переменам, произошедшим в ее жизни за такой короткий срок. Всего год назад она была ученым-теоретиком, полностью поглощенным работой и не признававшим ничего, кроме библиотеки и своего каталога, да еще постоянного анализа данных о рассеянных по этому рукаву галактики артефактах Строителей. Открытие статистической аномалии, охватывающей *все* артефакты, заставило ее бросить свой тихий кабинет на Вратах Стражника и отправиться из цивилизованного Четвертого Альянса на варварские миры окраины Тектон и Опал.

Там она нашла не только разгадку аномалии, но и... нечто большее. Она познакомилась с опасностью, волнениями, отчаянием, ужасом, болью, восторгом и преданной дружбой. Много раз она была на волосок от гибели. А возвратившись на

Врата Стражника, в тот мир, по которому тосковала так страстно и так долго, поняла кое-что еще. Она узнала, что ей... ей...

Дари смотрела, не отрываясь, на Стражника и наконец пожала плечами.

Ей было скучно.

Невероятно, но факт. Жизнь преуспевающего археолога, такая притягательная и устраивающая ее раньше наилучшим образом, теперь ее не удовлетворяла.

Все объяснялось просто. Судьба Строителей, покинувших этот рукав галактики пять миллионов лет назад, казалась Дари самой увлекательной загадкой на свете. Что может быть интереснее изучения артефактов давно исчезнувшей цивилизации? Каково их назначение, куда подевались Строители и почему — от этих тайн кружилась голова.

Ничего более интригующего не было на свете, пока Строители считались исчезнувшими. Но после встречи с созданиями, которые заявили, что они — представители Строителей и до сих пор служат их интересам... Прошлое в тот же миг отошло на второй план. Важным стало только настоящее и будущее, возможность встретить и изучить самих Строителей. Даже самые крупные события ее прошлого, включая драгоценный «Каталог артефактов», меркли перед подобной перспективой.

Коммуникационный терминал Дари посылал слабый попискивающий сигнал. Без особой спешки она вернулась в беседку. Это наверняка профессор Мерада... Все эти дни это всегда был Мерада, в любое время суток.

Его серьезное лицо с тяжелыми бровями уже появилось на экране, перекрывая строчки каталога.

— Профессор Лэнг, — заговорил он, едва Дари возникла в поле зрения. — Я хотел бы кое-что прояснить относительно предполагаемого дополнения, касающегося фагов.

— Да? — Дари уже знала, что последует за этим.

— Тут утверждается... цитирую: «Хотя фаги принято считать медленно передвигающимися формами свободного пространства, избегающими любых гравитационных полей, известны исключения. В определенных условиях фаги могут перемещаться в гравитационном поле и с весьма большой скоростью». Профессор Лэнг, полагаю, это написали вы.

— Да. Это написала я.

— Позвольте узнать на основании чего, чьих данных? Вы ни на кого не ссылаетесь.

Дари мысленно чертыхнулась. Уже тогда, когда она вписывала эти дополнения в статью о фагах, она предчувствовала неприятности. Вечная проблема: должна ли она механически, как попугай, повторять расхожие представления о фагах и других артефактах Строителей? Или она должна изложить свою точку зрения, хотя и не может подкрепить ее ничем, кроме собственных наблюдений и свидетельств некоторых очевидцев? Она видела фагов, двигавшихся гораздо быстрее, чем предписывалось школьными учебниками, фагов, кинувшихся уничтожать корабль, на котором она летела. А другие видели, как те же самые фаги, ранее считавшиеся несокрушимыми, разбились вдребезги о поверхность планетоида с сильным гравитационным полем.

Она разозлилась на Мераду, хотя знала, что не имеет на это права. Он поступал со скрупулезностью настоящего ученого — так, как еще год назад поступила бы сама Дари: исключал слухи и непроверенные сведения и настаивал на полном документировании данных.

— Я пришло вам ссылку, как только получу разрешение на публикацию.

— Поторопитесь, профессор Лэнг. Официальный срок, в течение которого можно вносить изменения в каталог, истекает. Вы уверены, что успеете получить разрешение?

— Я постараюсь. — Дари кивнула, показывая, что разговор закончен, и отошла от терминала. Мерада решил, что разрешение, о котором шла речь, касается согласия другого исследователя обнародовать данные до официальной публикации. Правда была несравненно сложнее. Одобрение этой информации должно быть получено от межвидового Совета.

Она отошла всего лишь на несколько шагов, когда терминал снова издал тихий свист. Дари вздохнула и повернула обратно. Настойчивость считается главной добродетелью любого исследователя, но Мерада иногда перебарщивает.

— Да, профессор? — проговорила она, не глядя на экран.

— Дари? — донесся слабый голос. — Это ты?

Дари ахнула и уставилась на экран, но по нему бежали только белые полосы, как всегда бывает при отключенном видеоканале.

— Ханс? Ханс Ребка? Где ты? На Миранде?

— Уже нет, — голос был искажен дальней связью, но в нем ясно ощущалась горечь. — Что мне там делать? Совет не стал

даже слушать. Я на последней станции перехода Бозе-сети перед Вратами Стражника. Все, мое время на исходе. Завтра буду у тебя.

Приглушенный пространством голос стал затихать, затем связь резко оборвалась. Дари шагнула к легкому креслу перед терминалом и буквально упала в него.

Совет им не поверил. Невероятно! Это значило, что он отверг клятвенное свидетельство одного из своих членов, не говоря уж о В.К. Талли, вживленном компьютере, не умеющем лгать изначально, и Хансе Ребке, повсеместно признанном специалисте по особым поручениям...

Дари встряхнулась. Необходимо позвонить профессору Мераде и сказать, что многие из дополнений, которые она хотела внести, не подтверждены Советом, а значит, ссылаться на них нельзя. Но она не двинулась с места. То, что Совет отказался рассмотреть их сообщение, — только полбеда. Но за этим отказом стояло нечто более ужасное: зардалу гуляли на свободе, а власти не хотели этому верить.

ГЛАВА 2

— Позвольте представить вам капитана Ханса Ребку.

Дари заранее подготовила себя к взглядам, которые обратятся на нее, когда она приведет Ханса в столовую Института, и тем не менее поежилась.

— Капитан Ребка — уроженец Тойфеля из Круга Фемуса, — продолжала она. — Сейчас он прибыл с Миранды.

Научные работники, сидевшие за длинным столом, изо всех сил старались не глазеть... Дари хорошо представляла себя на их месте. Перед ними стоял маленький человечек лет сорока, в залатанном и выцветшем комбинезоне. Его голова казалась великоватой для этого тела, а худое лицо избородили десятки шрамов, самый заметный из которых двойной линией шел от левого виска к челюсти.

Дари понимала эмоции своих коллег. Впервые встретив Ханса Ребку, она реагировала точно так же. Мужество и сноровку трудно распознать сразу, потребовалось время, чтобы понять, что у него в избытке и того, и другого.

Она окинула взглядом стол. Профессор Мерада предпринял сегодня одну из редких вылазок из тиши своего кабинета, на дальнем конце стола внимательно изучала свои ногти Кармина Голд. Дари хорошо знала обоих и ценила их способности. Когда требовался подробнейший аналитический обзор истории этого рукава Галактики, учитывающий малейшее несоответствие в данных или пропущенную ссылку, никто не мог превзойти в этом вдумчивого и серьезного Мераду. А когда необходимо было тщательно разобраться в нагромождении противоречивых сведений и путем хитроумнейших заключений извлечь на свет божий истину, упростить ее и представить так, чтобы все стало ясно и понятно даже ребенку (или советнику!), — в таком случае вам не найти никого лучше сумрачной и немного наивной Кармины Голд.

Но если вы попадете в переделку и, потеряв надежду на спасение, ощутите на своем лице дыхание Смерти... тогда зажмурьтесь крепче и молитесь, чтобы рядом оказался Ханс Ребка.

Но откуда им знать об этом? По мнению представителей богатого Четвертого Альянса, Ребка был всего лишь плохо одетым замухрышкой с неведомой провинциальной глубинки. Он совершенно не вписывался в вальяжную, деликатную и культурную обстановку институтского табльдота.

— Вы недавно с Миранды? — спросила Ребку его соседка, когда он сел. Это была Гленна Омар, одна из ведущих специалистов по информационным системам. Дари всегда находила ее чересчур слащавой. — Я там никогда не бывала. Как вам понравилась Миранда, капитан?

Ребка с непроницаемым видом уставился в тарелку, а Дари, сидевшая напротив, занервничала, боясь подвоха. Она не успела предупредить Ханса, как держаться с этими людьми.

— Это рай, — внезапно ответил Ребка, повернувшись к Гленне и одарив ее восхищенной улыбкой. — Так как я родом с Тойфеля, про который говорят, что лучшая дорога на нем та, которая ведет куда угодно, лишь бы с него, можно подумать, что на меня легко произвести впечатление. Я уже было решил, что в чудесной Миранде воплотилось мое представление о царстве земном, пока не оказался здесь, на Вратах Стражника. Конечно, именно ваша планета — жемчужина Четвертого Альянса, да что там — всего рукава.

Дари глубоко вздохнула и расслабилась... на целых полсекунды. Ханс держался превосходно, но реакция Гленны Омар оказалась преувеличенно бурной.

— О, вы нам льстите, капитан, — кокетливо сказала она. — Конечно, я никогда не бывала ни в одном из миров вашего Круга Фемуса. А как вы опишете мне их?

«Нищие, грязные, унылые и опасные, — подумала Дари. — Удаленные от цивилизации, убогие, жестокие, отсталые, варварские. И все тамошние мужчины помешаны на сексе».

— Я не был на всех планетах Круга Фемуса, — ответил Ребка. — Могу лишь повторить, что там говорят о моей родине, Тойфеле: «Сколько ж надо человеку в прошлой жизни нагрешить, чтоб на Тойфеле проклятом в наши дни рожденным быть?»

— Ну-ну. Он не может быть настолько плох.

— Он гораздо хуже.

— Неужели это самая ужасная планета в Круге Фемуса?

— Этого я никогда не говорил. Обжигающая, вероятно, так же опасна, а на Стиксе говорят, что Тойфель — настоящий курорт.

— Ну, теперь я уверена, что вы шутите. Если весь Круг Фемуса так ужасен, как вы говорите, там бы никого не осталось. Чем вы занимаетесь дома?

— Полагаю, меня можно назвать странствующим ликвидатором неприятностей. Чего у нас, в Круге Фемуса, всегда хватает — так это неприятностей. Именно благодаря им профессор Лэнг... — он кивнул в сторону Дари, — и я встретились. Мы влипли в неприятную историю на Тектоне, это один из компонентов планетарного дублета в системе Мэндела.

— И она привезла вас с собой сюда, в Четвертый Альянс? Умница Дари! — Гленна не сводила глаз с Ребки.

— Не сразу. — На лице у Ребки появилось такое знакомое Дари выражение — он решался на что-то серьезное. — Сначала мы сделали кое-что еще. Мы и еще несколько человек и чужаков, плюс советник Альянса и вживленный компьютер, отправились к одной из планет системы Мэндела — газовому гиганту Гаргантюа, где обнаружили искусственный планетоид. Чтобы добраться до него, мы пролетели сквозь стаю бешеных фагов, а потом спасли часть наших спутников из лотос-поля. Затем робот Строителей отправил нашу группу за тридцать тысяч световых лет от нашего рукава на вне-

галактическую базу Строителей, которую они сами назвали Ясность. По прибытии туда мы...

«Он собирается выложить все! ВСЕ! Все факты, которые их группа единодушно решила держать в строжайшем секрете до тех пор, пока не будет получено разрешение высоких инстанций на их обсуждение». Дари попыталась лягнуть его под столом, но промахнулась и ударила пустоту.

— Мы обнаружили там несколько зардалу, — настойчиво гнул свое Ребка.

— Вы хотите сказать, что встретили людей из Сообщества Зардалу? — Гленна Омар восторженно улыбнулась. Дари не сомневалась, что та решила, будто Ребка выдумал все это сугубо для ее развлечения.

— Нет, я не оговорился. Мы обнаружили зардалу, настоящих сухопутных головоногих.

— Но они же вымерли десять тысяч лет назад!

— Не все. Мы нашли четырнадцать живых особей...

— Одиннадцать тысяч лет назад. — Донесшийся с другого конца стола высокий голос Мерады подсказал Дари, что их слушает вся столовая.

Псу под хвост полетела заработанная всей ее жизнью репутация серьезного и трезвомыслящего исследователя! Дари попыталась вновь лягнуть Ребку и была вознаграждена возмущенным воплем Гленны Омар.

— Или, вернее, больше одиннадцати тысяч лет назад, — продолжал Мерада. — Насколько я могу судить, одиннадцать тысяч четыреста...

— ...зардалу, которых держали в стазисе со времен Великого Восстания, когда остальные особи были перебиты. Но те, с которыми мы встретились, были весьма живыми и весьма скверными...

— Позор! — Кармина Голд очнулась и теперь, насупившись, сверлила взглядом Дари. — Вам, должно быть, известна ужасная репутация зардалу...

— Не только репутация. — Дари отбросила свое намерение держаться в стороне от этой истории. — Я познакомилась с ними лично. Они гораздо хуже, чем о них говорят.

— ...нам удалось вышвырнуть их назад, в наш рукав, — Ребка положил руку на локоть Гленны Омар и, казалось, не слышал, как зашумели за столом, — а позднее мы и сами вернулись с Ясности, за исключением кекропийки Атвар Х'сиал и карлан-

ца из Сообщества Зардалу Луиса Ненды. Они остались там, чтобы...

— ...согласно датировке, основанной на заведомо неполных, субъективных и недостоверных источниках, — громко провозгласил Мерада, — таких, как расовая память хайменоптов и записи...

— ...о живых зардалу следует немедленно сообщить Совету Альянса! — Кармина Голд резко поднялась. — Немедленно. Если вы не хотите, это сделаю я.

— Мы уже сообщили! — Дари тоже встала. Казалось, все одновременно говорили «Зардалу!» и это звучало, как жужжание разъяренного роя пчел. — Как вы думаете, что делал капитан Ребка на Миранде перед приездом сюда? — крикнула она через стол. — Загорал на солнышке?

— ...около четырех метров в высоту. — Ребка наклонился к Гленне Омар. — Взрослая особь прямостоящая, с темно-синим туловищем, которое поддерживается толстыми голубыми щупальцами...

— ...живые зардалу...

— Господи! — тенорок Мерады прорезал гул разговоров. Его беспокойство по поводу точной даты вымирания зардалу сменила другая тревога. Он повернулся к Дари. — Бешеные фаги. Советник Альянса. Вживленный компьютер. Профессор Лэнг, вы хотите сказать, что единственные источники для ссылок к пятому изданию каталога, которыми вы располагаете, это...

Внезапно раздался грохот. Кармина Голд, торопясь выйти из столовой, обернулась, чтобы испепелить взглядом Дари, и столкнулась с приземистым роботом, который нес большую супницу с горячим супом. Кипяток плеснул через всю комнату и попал на изящную шею Гленны Омар. Она завизжала, как смертельно раненная свинья.

Дари снова опустилась на стул и закрыла глаза. С супом или без, но этот обед в Институте запомнят надолго.

— По-моему, я здорово все обстряпал. — Ханс Ребка улегся на толстом ковре в гостиной у Дари и объявил, что он мягче, чем его постель на Тойфеле. — Пойми, Дари, я наговорил все это сознательно, с определенной целью.

— Нисколько не сомневаюсь... после того, как мы договорились держать язык за зубами! Ты сам тогда согласился.

— Да. Грейвс предложил это, и мы единодушно решили хранить тайну, пока не проинформируем Совет. Меньше всего мы хотели ввергнуть весь рукав в панику из-за живых зардалу.

— Но именно этого ты и добился за обедом. Почему ты вдруг внезапно решил нарушить наш договор?

— Я же тебе говорил, сообщение Совету кончилось абсолютным провалом. Нам необходимо немедленно обратить внимание общественности на зардалу! Но ни один член Совета не поверил ни единому нашему слову!

— Но ведь Джулиус Грейвс является членом Совета?

— И да, и нет. Он был избран и стал одним из них, но его мнемонический близнец Стивен, как кто-то указал в самом начале слушания, никогда никуда не избирался. Для всех оказалось полнейшей неожиданностью, что банальная операция по расширению объема памяти приведет к возникновению новой личности. Вдобавок это произошло после избрания Джулиуса в члены Совета. Теперь личности Джулиуса и Стивена слились окончательно, и этот двуликий Янус называет себя Джулианом и очень расстраивается, если об этом забывают и продолжают звать его Джулиус или Стивен. Но некоторые советники несколько раз намекали на то, что, пока личность Стивена развивалась до слияния, Джулиус Грейвс немного сдвинулся. Их можно понять: да, советники не лгут и не выдумывают фактов, но Джулиан Грейвс не является советником и никогда им не являлся.

— А как насчет В.К. Талли? Компьютер, даже вживленный в человеческую оболочку, лгать не может. Но может поведать даже больше других: его предыдущее тело было в клочья разорвано зардалу.

— Попробуй доказать это, не имея за душой ни малейшего свидетельства, что не все зардалу вымерли одиннадцать тысяч лет назад. Викиер лгать не может, это точно, но он может быть перепрограммирован на ложные воспоминания.

— Но кому и зачем это нужно?

— А это Совет не интересуется. И старина В.К. сам себе помешал. Где-то в середине своих показаний он принялся читать Совету лекцию о недостатках и несоответствиях в центральном банке данных Альянса и о той чепухе относительно других клайдов рукава, которой его накачали из этого банка перед тем, как отправить в Круг Фемуса. Консультант Совета по этим данным прервала В.К. и попеняла: ее банк данных содержит

абсолютно точные сведения. Она настояла на сверке информации, которая содержится в памяти Талли, со сведениями центрального банка данных. Это убедило Совет, что мозг Талли подвергся изменению. Его память хранит сведения, что кекропийцы считают себя высшими существами по отношению к людям и прочим разумным видам, что переводчики кекропийцев, лотфиане, могут в случае необходимости действовать независимо от своих хозяев, что хайменопты тоже мыслящие существа... возможно, даже более разумные, чем люди. Если верить ему, то придется признать, что существуют разумные создания Строителей, которым несколько миллионов лет и которые вполне способны общаться с людьми, что мгновенные путешествия возможны и без использования Бозе-сети.

— Но ведь это правда... мы в этом убедились, когда побывали на Ясности. Каждое из твоих утверждений абсолютно точно.

— А твой великий и замечательный Совет Альянса думает по-другому, — в голосе Ребки послышалась горечь. — По их логике Ясности просто не существует, раз ее нет в их банке данных. Информация, которая находится там, — это священное писание, а та, которой там нет, — ересь, да и только. Я сталкиваюсь с этим всю свою жизнь: кто-то, находящийся за тысячи световых лет от проблемы, считает, что знает все факты лучше, чем те, кто ими занимается непосредственно на месте. Но они не могут их знать, и не знают.

— Ты высказал все это?

— По какому праву? В глазах Совета Альянса я никто — выскочка из захудалого Круга Фемуса, недостаточно значимого и богатого, чтобы с ним считался человеческий или тем более межвидовой Совет. Они обратили на меня еще меньше внимания, чем на В.К. Талли. Когда я принялся описывать физическую силу зардалу и их невероятную плодовитость, знаешь, как они отреагировали? Они объяснили мне, что зардалу давно вымерли, иначе, без сомнения, их присутствие заметили бы где-нибудь в Четвертом Альянсе, или Кекропийской Федерации, или Сообществе Зардалу. Затем они упомянули, что в Четвертом Альянсе разработана методика лечения нарушений мыслительных процессов, и, если я буду себя хорошо вести, мне устроят подобное лечение. Вот тогда-то Грейвс и взорвался.

— Не могу в это поверить. Он никогда не выходит из себя... по-моему, он даже не знает, как это делается.

— Теперь узнал. Джулиан Грейвс отличается и от Джулианса, и от Стивена. Он заявил Совету, что они стая безответственных обезьян... Старший советник Кнудсен действительно вылитая горилла. Я тоже это заметил... Что они слишком узко мыслят и не видят дальше собственного носа. И ушел.

— Покинул зал заседаний?

— Нет. Вышел из Совета... Впервые со времени существования Совета. Он заявил, что при следующей встрече заставит их проглотить свои нынешние слова. И покинул зал заседаний, прихватив с собой В.К.Талли.

— Куда он отправился?

— Никуда... пока никуда. Но собирается, как только достанет корабль и наберет команду. А пока он намеревается рассказывать всем и каждому, кто согласится его слушать, о зардалу и о том, как они опасны. А потом собирается на поиски головоногих. Он и В.К. Талли уверены: если зардалу вернулись в рукав, то обязательно попытаются попасть на родную планету своего клайда, на Дженизию.

— Но ведь никто не знает, где она находится. Данные о ее местонахождении пропали во время Великого Восстания.

— Значит, нам придется ее разыскивать.

— Нам? Ты хочешь сказать, что отправишься с Грейвсом и В.К. Талли?

— Да. — Ребка сел. — Собираюсь. По правде говоря, я уезжаю через несколько часов. Я так же, как и Грейвс, хочу заставить Совет забрать свои слова обратно. Но еще сильнее я хочу помешать зардалу размножиться настолько, чтобы снова войти в силу. Я не робкого десятка, но они приводят меня в ужас. Если они где-то здесь, в рукаве, я хочу их разыскать.

Дари вскочила и подошла к открытому окну.

— Значит, ты уезжаешь. — Стояла теплая ночь, легкий ветерок колыхал листья пальм, их шорох приглушал тоску, звучащую в ее голосе. — Ты потратил четыре дня и преодолел девять световых лет, чтобы добраться сюда, побыл со мной лишь два часа и уже хочешь распрощаться.

— Что поделаешь, если нам больше нечего сказать друг другу. — Ханс Ребка поднялся, бесшумно прошел по толстому ковру и обнял Дари. — Я не просто приехал в гости, любовь моя. Я набираю команду. Мы с Джулианом Грейвсом отправ-

ляемся в дальнюю дорогу. Никто не знает ее длины и никто не знает, вернемся ли мы обратно. Можешь ли ты поехать с нами?

Дари взглянула на терминал, где еще оставались дополнения к пятому изданию, ожидающие окончательной сверки, на стол, где лежал ее дневник, в котором под заголовком «Важнейшие дела» перечислялись семинары, коллоквиумы, сроки предоставления публикаций, даты посещений делегаций, дни рождений, пикников, праздников и званных обедов. Она подошла к столу, выключила терминал, закрыла дневник и спросила:

— Когда отправляемся?

ГЛАВА 3

Миранда

Залы ожидания в космопорту Миранды располагались на девятом пассажирском кольце Низа — в двадцати шести милях от подножия Ствола. Уборкой и поддержанием порядка в них занимались роботы, но после инцидента с послем Дорадан Коулубридой, которая едва не умерла голодной смертью, пока роботы старательно вытирали, мыли и полировали пол вокруг нее, специальные контролеры присматривали за роботами и время от времени обходили залы.

Один из таких контролеров топтался сейчас около зала ожидания №7872, в центре которого какое-то молчаливое существо не то чтобы заняло, а, можно сказать, переполнило диван. Три раза контролер Гарнофф приближался к нему и три раза отступал.

Он прекрасно знал, с кем имеет дело. Это была взрослая кекропийка, одна из тех гигантских слепых членистоногих, которые главенствовали в Кекропийской Федерации. Однако именно эта казалась странной по двум причинам. Во-первых, с ней не было раба-переводчика лотфианина, которые неизменно сопровождают кекропийцев. А во-вторых, она выглядела чересчур грязной и потрепанной. Шесть суставчатых ног беспорядочно разбросаны в стороны, а не подобраны аккуратно под себя в общепринятой позе отдыха. Конец тонкого хоботка, вместо того, чтобы аккуратно покоиться в мешочке под

складчатым подбородком, свободно болтался, падая на темно-красные грудные сегменты.

Жива она или нет? За пять часов, то есть с самого начала дежурства Гарноффа, кекропийка не пошевелилась. Он подошел и встал около нее. Белая безглазая голова не шелохнулась.

— С вами все в порядке?

Он не ждал словесного ответа, но если кекропийка жива, то несомненно услышит его своими желтыми открытыми рожками на голове. Так как кекропийцы «видели» эхолокацией, издавая высокочастотные звуковые импульсы из складчатого резонатора на подбородке, ее слух был гораздо тоньше и шире по диапазону, чем человеческий.

С другой стороны, она не могла ответить на каком-либо понятном ему языке. Поскольку слух у кекропийцев использовался для «зрения», разговаривали они друг с другом химически, испуская и принимая феромоны, причем их язык был очень богатым и выразительным. Две похожие на листья папоротника антенны на макушке могли улавливать и различать даже молекулы из тысяч запахов, испускаемых апокринными железами на грудной клетке кекропийцев.

Но если она жива, она должна понять, что с ней разговаривают, и как-то отреагировать.

Никакой реакции не последовало. Желтые рожки не повернулись в его сторону, антенны остались свернутыми.

— Я спрашиваю, с вами все в порядке? — повторил он громче. — Может, вам чем-то помочь? Вы меня слышите?

— Не сомневайтесь, — произнес за его спиной человеческий голос. — Вы ей порядком осточертели. Так что заткнитесь и оставьте ее в покое.

Гарнофф обернулся и оказался лицом к лицу с коренастым смуглым мужчиной в заношенной рубашке и грязных брюках. Ему не мешало бы побриться и выспаться, но своим поведением он прямо-таки излучал энергию.

— А вы кто такой, черт побери? — К гостям Миранды полагалось обращаться повежливее, но манеры этого пассажира оставляли желать лучшего.

— Меня зовут Луис Ненда, я — карланец.

— Я дежурный контролер и обязан следить за порядком в залах ожидания. А она, — Гарнофф указал на кекропийку, — выглядит... э-э... не совсем живой.

— Ерунда. Она просто устала. Я тоже устал. Мы приехали издалека. Так что оставьте нас в покое.

— О! Когда это вы научились читать мысли кекропийцев? А вот мне кажется, с ней что-то не в порядке.

Коренастый путешественник двинулся было на Гарноффа, затем передумал и устроился на диване рядом с кекропийкой.

— Что за черт! У меня хватает забот, чтобы препираться еще и по этому поводу. Атвар Х'сиал — мой партнер. Я понимаю ее, она понимает меня. Не хотите ли взглянуть на этот зал сверху?

Он на секунду замолчал и нахмурился, сосредоточенно уставившись перед собой. Внезапно кекропийка зашевелилась. Две суставчатые лапы протянулись и схватили Гарноффа за талию. И прежде чем контролер успел крикнуть, он поднялся высоко в воздух и повис в этих клешнях, беспомощно дергаясь.

— Довольно. Опустите его поаккуратнее. — Луис Ненда кивнул, и кекропийка осторожно поставила Гарноффа на пол. — Убедились? Или нужна более масштабная демонстрация?

Но Гарнофф уже пятился от них подальше.

— Оставайтесь и загибайтесь здесь на здоровье, мне все равно. — Отойдя на безопасное расстояние, он остановился. — Как, черт возьми, вы это делаете? Я имею в виду, разговариваете с ней? Я думал, что ни один человек не может общаться с кекропийцами без переводчика.

Луис Ненда, глядя мимо Гарноффа, пожал плечами:

— Мне сделали наращение. Дома, на Карелле. Могу испускать и принимать феромоны. Отвалил чертову уйму денег, но игра стоит свеч. А теперь дайте нам отдохнуть.

Он подождал, пока Гарнофф скроется из зала, и тогда приемные рецепторы кекропийки наполнила беззвучная феромонная речь:

— Ты права, Ат. Они здесь, на Миранде. Остановились в Дельбрюке. Оба — и Ж'мерлия, и Каллик.

Незрячая голова удовлетворенно кивнула:

— Я так и думала. — Атвар Х'сиал пошевелила надкрыльями, словно отряхиваясь от многодневной пыли странствий. — Это неплохо. Ты установил с ними связь?

— Отсюда слишком опасно. Лучше мы встретимся с ними лично. Тогда их никто не сможет отговорить.

— Никто не сможет отговорить моего Ж'мерлию, как только он узнает, что я жива и нахожусь здесь. Но я согласна, что

личный контакт предпочтительнее... если это можно осуше-
ствить. Как ты предлагаешь нам действовать дальше?

— Ну... — Луис Ненда полез в карман и вытащил тонень-
кую карточку. — Последний прыжок полностью исчерпал наш
кредит. Как далеко до Дельбрюка?

— Две тысячи четыреста километров полета по прямой.

— Мы не можем себе этого позволить. А как насчет назем-
ного транспорта?

— Как низко мы пали! — Атвар Х'сиал, сгорбившись, по-
грузилась в вычисления. — Три тысячи восемьсот километров
по суше через полюс, если избегать больших акваторий.

— Ладно. — Наступила очередь Ненды заняться расчета-
ми. — Три дня наземным транспортом. Далее. На поездку нам
хватит в обрез, но на еду в дороге ничего не останется. Что
думаешь?

— Я не думаю. — В феромонах звучала покорность судь-
бе. — Когда нет выбора, я действую.

Кекропийка расправила все свои конечности, встала и на-
висла над Луисом Нендой.

— Вперед, в Дельбрюк. Как говорят у меня на родине: «Хуже
нерешительности — только медлительность».

Спустя три дня преобразившийся Луис Ненда помогал Ат-
вар Х'сиал выйти из автобуса в Дельбрюке. Он был чисто выб-
рит и одет в модный новый костюм ярко-синего цвета.

— Что ж, все сработало весьма успешно, — ухмыльнулся
он своими феромонами, а сам тем временем с торжественным
видом помахал на прощание четырем мрачным пассажирам и
подозвал местное такси, размеры которого подходили к габар-
итам чужаков.

Кекропийка кивнула:

— Сработало. Но во второй раз у тебя ничего не выйдет,
Луис Ненда.

— Чепуха. На наш век дураков хватит.

— Они что-то заподозрили.

— Что? Они ведь сами проверили башмак, чтобы убедиться,
что в него никто никоим образом не сможет заглянуть.

— Однажды кто-нибудь из них задумается, так ли башмак
непроницаем для звука, как для зрения. — Атвар Х'сиал с удо-
вольствием развалилась на заднем сиденье и раскрыла черные
надкрылья, чтобы погреть на солнце нежные рудиментарные

крылышки, усеянные красными и белыми продолговатыми пятнами.

— Ну и что? Пусть задумается. Они заставили тебя сидеть сзади, чтобы мы не могли видеть друг друга.

— Возможно. Но в какой-то момент один из них подумает о феромонах и других невидимых и неслышимых сигналах. Говорю тебе, я не хочу повторять это упражнение.

— Не вздумай их жалеть. Они работают на правительство Альянса и свое себе вернут. Все это только лишний микроцент к налогам.

— Ты неправильно меня понимаешь, — желтые рожки затряслись. — Я принадлежу к расе, которой суждено сотворять миры, зажигать новые солнца, повелевать галактиками. Я больше не опущусь до подобных мелочей. Это недостойно для кекропийца.

— Разумеется, Ат. И меня тоже. К тому же тебя могут застукать. — Ненда взгляделся в здание, около которого остановилось такси, и повернулся к водителю. — Вы уверены, что это тот самый адрес?

— Уверен. Сороковой этаж вверх, только для чужаков, дышащих воздухом. Таких, как этот жук, — таксист презрительно оглядел Атвар Х'сиал и уехал.

Ненда яростно поглядел ему вслед, пожал плечами и двинулся внутрь здания.

В ноздри ударила вонь гниющих водорослей. Когда они вошли в лифт, Ненда, сморщив нос, произнес:

— «Дышащие воздухом!» Воняет, как от карланских грязелазов.

Но Атвар Х'сиал радостно кивнула:

— Это именно то здание, которое нам нужно. — Антенны на макушке ее безглазой головы частично развернулись. — Я различаю следы Ж'мерлии. Он недавно был здесь. Поехали выше.

Несмотря на свое наращение, Ненда не обладал таким тонким обонянием, как кекропийка. Оно гнало их все выше и выше, пока Атвар Х'сиал не кивнула:

— Здесь. — Но теперь ее феромоны веяли легким беспокойством.

— Что случилось, Ат?

— Кроме следов моего Ж'мерлии и твоей хайменоптки, Калик... — Она двигалась по просторному коридору и нако-

нец остановилась перед дверью, достаточно широкой и высокой, чтобы пропустить настоящего гиганта. — Кажется, я различаю запах... подожди!

Но Ненда уже нажал на пластинку возле огромной двери, и она заскользила вбок. Кекропийка и карланец оказались на пороге похожей на пещеру полусферической комнаты. Она была около сорока метров в ширину.

Ненда всмотрелся в полумрак.

— Ты ошиблась, Ат. Здесь никого нет.

Но кекропийка попятилась и, выпрямившись во весь рост, указала туда, где над низким столом склонились две фигуры. Они подняли головы, когда открылась дверь. Раздался удивленный возглас. Вместо тонкого, похожего на палку лотфианина и бочкообразной хайменоптки перед Луисом Нендой и Атвар Х'сиал предстали человеческие тела — советник Альянса Грейвс и вживленный компьютер В.К. Талли.

— Нас вышвырнуло посреди Ничего...

Добрых полминуты царило удивление и беспорядочные восклицания:

— Что вы здесь делаете? Ведь вы должны гнаться за зардалу...

— А вы что здесь делаете? Вы же вроде должны быть за тридевять земель отсюда, на Ясности, сражаться друг с другом...

Наконец инициативу перехватил Луис Ненда, торопливо сказавший феромонами Атвар Х'сиал: «Не беспокойся. Доверься мне!» — что прошло незамеченным для остальных:

— «...вышвырнуло в том, в чем мы стояли, без предупреждения, что произойдет какая-то передряга. Только что мы находились в одной из главных комнат, в той самой, где мы закатили в сингулярный водоворот зардалу...»

«...и где мы заполучили самый большой куш, гору добычи, которую, не сомневаюсь, вам не увидеть и за дюжину ваших жизней. Знаю, Ат, я не собираюсь им это говорить. Но трудно удержаться... ведь пятьдесят новых технологий Строителей, каждая бесценна, каждая твоя, только руку протяни. Два с половиной месяца работы... и все в трубу. Ладно, глупо плакать о том, что могло бы быть...»

«Все может быть, Луис. Капитуляцией войн не выигрывают».

«Наверное. Но все равно тяжело».

Грейвс и В.К.Талли уставились на Ненду, озадаченные его внезапным молчанием. Он снова перешел на человеческую речь.

— Извините. Опять все вспомнилось. В общем, этот болтливый Посредник, этот всезнайка Строителей, внезапно выпрыгнул откуда-то, да так тихо, что мы даже не поняли, что он позади нас. И произнес: «Мы так не договаривались. Это неприемлемо». И в следующую минуту...

— Можно мне говорить? — громко и решительно произнес В.К. Талли.

Ненда обернулся к Джулиану Грейвсу:

— Вы что, не могли стереть эту чушь, когда делали ему новое тело? Что теперь не так, В.К.?

— Советник Грейвс сообщил мне, что вы с Атвар Х'сиал были оставлены на Ясности не сотрудничать, а померяться силой. То есть совсем не для того, что вы описываете.

— Ну это мы с Ат выработали такое... после того как все вы улетели. Видите ли, мы решили, что вначале, пока мы не разобрались с обстановкой на Ясности, лучше посотрудничать, а потом у нас будет достаточно времени, чтобы подраться друг с другом...

«...как, несомненно, произошло бы, Луис, если бы мы вернулись назад с добычей. Потому что всякое сотрудничество небезгранично, а сокровища Строителей огромны. Но, пожалуйста, продолжай...»

«Если мне позволят, продолжу. Заткнись, Ат, чтобы я мог говорить».

— ...так что мы с Атвар Х'сиал стали работать вместе, пытаясь уразуметь, куда могли подеваться зардалу (и удостовериться, что потом мы не окажемся где-то рядом с ними, когда покинем Ясность), потому что, понимаете ли, там остался денеш зардалу...

— Извините, — большая лысая голова Джулиана Грейвса, покрытая пятнами лучевых ожогов, качнулась вперед на тощей шее, — это крайне важно. Вы говорите, что на Ясности оставался какой-то зардалу?

— Именно это я и сказал. А что, советник, с этим какая-то проблема?

— Наоборот. Кстати, бывший советник. Я подал в отставку из-за этой истории. Совет Альянса отнесся к нашему сообщению... по-моему, слишком формально... и полностью проигнорировал тревожную весть! Они не поверили, что мы побывали на Ясности. Они не поверили, что мы встретили разумный артефакт Строителей. И что хуже всего, они отрицают,

что мы столкнулись с живыми зардалу. Они заявили, что все это плод нашего богатого воображения. Так что если у вас имеется какой-то образчик, детеныш или хотя бы крохотный кусочек щупальца...

— Простите, но у нас нет ни клочка, ни пылинки. И снова из-за тупости Посредника. Он обвинил нас с Атвар Х'сиал в сотрудничестве, и не успели мы возразить, как он издал один из своих свистяще-шипящих, как у закипающего чайника, звуков, словно и он выкипел, и один из его вихрей закрутился рядом с нами и засосал нас в транспортную систему Строителей. Как раз перед нами туда затянуло маленького зардалу. Бог знает, куда он отправился. Мы его больше не видели. Нас с Атвар Х'сиал вышвырнуло на задворки Сообщества Зардалу в маленькую крысиную норку с гордым названием Перечница. Но мой корабль со всеми нашими деньгами остался на Жемчужине. Мы потратили последние гроши, чтобы добраться сюда, на Миранду, и вот мы здесь.

— Можно мне говорить? — На сей раз Талли не стал ждать разрешения. — Вы здесь, я вижу. Но почему вы здесь? Я имею в виду, зачем вы прилетели на Миранду, а не к себе на родину? Почему вы не направились в какой-нибудь другой, более знакомый вам регион рукава?

«Осторожно! Советник Грейвс, Джулиус ли он, Стивен или Джулиан, докопается до истины быстрее, чем ты думаешь», — прокомментировала Атвар Х'сиал, и для Луиса Ненды это феромонное послание прозвучало как команда, а не предупреждение.

«Расслабься, Ат! Пришло время открыть карты».

— Потому что, если мы не сможем вернуться на Жемчужину за моим кораблем «Все — мое», мы с Атвар Х'сиал банкроты. Единственное, чем мы с ней располагаем, — Ненда полез в карман брюк и вытащил два квадратика записывающего пластика, — вот это.

Под давлением пальцев квадратика принялись одновременно бубнить:

— «Это сертификат собственности на лотфианина Ж'мерля, ID 1013653, со всеми правами на него, выданный владельце-кекропийке Атвар Х'сиал», «Это сертификат собственности на хайменоптку Каллик WSG, ID 265358979, со всеми правами на нее, выданный человеку-карланцу Луису Ненде». И снова: «Это сертификат собственности на лотфианина Ж'мерля ID...»

— Хватит. — Ненда нажал на другой край пластиковых карточек, и они замолчали. — Рабы Ж'мерлия и Каллик — все, что у нас осталось, но ими мы владеем полностью и на законных основаниях, как следует из документов.

Ненда остановился и перевел дух: предстояло самое трудное.

— Мы явились сюда, чтобы вернуть их себе и забрать с собой в космопорт Миранды, а там сдать их в аренду, чтобы получить кредит, достаточный для путешествия на Жемчужину за «Все — мое». — Он яростно сверкнул глазами на Грейвса. — И нечего говорить нам, что Ж'мерлия и Каллик свободные существа, потому что мы освободили их на Ясности. Это не было задокументировано, а сертификаты, — он помахал пластинками, — доказывают обратное. Лучше с нами не спорить. Поэтому сообщите нам, где они находятся.

Ненда предполагал, что Грейвс затеет большой спор, и, уставившись в глаза советнику, приготовился к взрыву.

Но его ожидания не оправдались. Взрыва не последовало. На лице Грейвса отразилась гамма эмоций, но ни одна из них не напоминала гнев. В этих сумасшедших туманных серых глазах промелькнули и удовлетворение, и ирония, и, возможно, даже некоторая симпатия.

— Я не могу передать вам, Луис Ненда, ни Ж'мерлию, ни Каллик, — произнес он, — даже если бы захотел. По одной простой причине: их здесь нет. Два часа назад они покинули Дельбрюк и сейчас уже подлетают к космопорту Миранды.

КОСМОПОРТ МИРАНДЫ

«Если подольше подождать в космопорту Миранды, встретишь каждого, с кем стоит встретиться во всем нашем рукаве».

Этот типичный образчик мышления представителей Четвертого Альянса, конечно, чепуха. Люди, населяющие Альянс, слишком самоуверенны, что, впрочем, неудивительно, так как все высшие кланды считают себя Божьим Даром Вселенной и слишком много мнят о своей главной планете и ее космопорте.

Но могу присягнуть, что, попав первый раз в космопорт на Миранде, вы подумаете, что на сей раз бахвальство Альянса небезосновательно.

За свою жизнь я повидал тысячи космопортов, от карликового причала на Колыбели до висящих в пустоте комплексов для запуска громадных ковчегов. Я побывал ближе, чем осмелился бы любой из нас, к Синапсу Строителей, в котором испытательные корабли вспыхивают, мерцают и исчезают; никто никогда так и не узнал, куда отправились сидевшие в них дуралеи-добровольцы или как удалось счастливым вернуться.

А космопорт Миранды котируется наравне с самыми лучшими из них, особенно, если вы хотите заблудиться.

Представьте себе круглую площадку на поверхности планеты, диаметром двести миль... я действительно имею в виду площадку, абсолютно плоскую и ровную, как будто это не часть поверхности шара. Все основание космопорта Миранды выровнено до миллиметра, так что середина круга на полторы мили ближе к центру планеты, чем внешняя кромка.

А теперь представьте, будто вы двигаетесь от нее к середине по однородной черной плоскости, похожей на шлифованное стекло. Жара. И воздух Миранды колышется и дрожит. Через десять миль перед вами появляется первое кольцо зданий: склады, площадки-ангары для хранения грузов — их тысячи тысяч, простирающихся на тридцать этажей в высоту и столько же, если не больше, в глубину, под землю. Вы едете дальше, мимо второй, третьей, четвертой зоны складов и доезжаете до первой и второй пассажирских зон прибытия. Вы видите людей всех рас, сложений и расцветок, а вдобавок кекропийцев, варниан, лотфиан и хайменоптов, и хихикающих пустоголовых дитронитов... и думаете, неужели эта круговерть будет продолжаться и дальше. Но как

только вы минуете второе пассажирское кольцо, в глаза бросаются две вещи. Первая: прямо впереди, на горизонте появляется какая-то тонкая вертикальная линия. И вторая: сейчас полдень, но быстро темнеет.

Несколько секунд вы разглядываете эту вертикальную линию и понимаете, что это, должно быть, основание Ствола, который идет из центра космопорта Миранды прямо к стационарной орбите, но в этом нет ничего особенного... если сравнить его с сорока восемью основными стволами, которые соединяют Кокон с планетой Саваль.

Но становится темнее, и вы смотрите вверх. И тогда замечаете Покров, край которого заслоняет солнечный диск. Это крыша порта Миранды, шляпка гриба-Ствола.

Покров раскинулся на девять тысяч миль. Там и вершатся настоящие дела: это единственное место рукава, где узел Бозе-сети находится так близко к планете.

Вы останавливаете машину, и у вас разбегаются глаза. Тут, у края Покрова, стоят миллионы космических кораблей. Некоторые из них идут с молотка. В течение получаса вы можете подняться по Стволу; спустя сутки вы окажетесь на Покрове и выберете себе аккуратное маленькое суденышко. А еще через несколько часов вы уже можете проскочить через Переходную Станцию Бозе-сети в другой узел за десяток, сотню или тысячу световых лет отсюда...

А если вы бывалый путешественник, вроде меня, для вас порт Миранды таит истинную магию: вы можете сидеть прямо на поверхности планеты, как какой-нибудь домашний песик, и вместе с тем сознавать, что лишь день пути отделяет вас от рукава. И прежде чем вы проникнетесь этим до конца, вас потянет взглянуть еще разок на миллиономильные молнии, сверкающие среди колец трения на Каслмэйне, или поразмышлять, о каких мирах мечтает сейчас космический мантикор с Тристана, или узнать, какими новыми сказками и побасенками делится в баре космопорта на Затычке старый Дульсимер, полифем с Чизма. И внезапно вам снова захочется увидеть, как пересыпается в калейдоскопе Вселенная на краю Свертки Торвила на дальних рубежах Сообщества Зардалу, где пространственно-временные узлы вяжутся, запутываются и крутятся друг вокруг друга, как воспоминания старика...

И тогда вы поймете, что приливы и отливы пространства бурлят в вашей крови, и пришло время поднять якорь, поцеловать на прощание жену и снова пуститься по тропинкам Пространства в последнюю поездку по нашему рукаву.

***«Горячий лед, теплое пиво, холодный уют
(в одиночку по Галактике)».***

Мемуары капитана (в отставке)

Алонсо Уилберфорса Слоуна.

***Опубликованы
издательством «Молния-Пресс»***

в марте 4125 г.Э.

Тираж распродан в мае 4125 г.Э.

***В настоящее время имеются только
в Отделе редких публикаций***

Эмзеринской библиотеки

(Кэм Х'птиар/Эмзерин).

ГЛАВА 4

Деньги и кредит мало что значат для члена межвидового Совета. Чтобы послужить Совету, любая планета рукава с готовностью предоставит все свои ресурсы, а если возникнут какие-то колебания, советники имеют право приказывать.

Но бывшему советнику, да еще подавшему в отставку в знак протеста...

Всю свою жизнь Джулиан Грейвс обходил стороной меркантильные вопросы, а теперь ему неожиданно пришлось столкнуться с реальностью. Он поглядел на новенькую кредитную карточку и понял, что ее не хватит.

— Мы можем себе позволить только не очень большой и не очень новый корабль, — произнес он, передавая Ж'мерли доверенность на свои личные деньги, — но позаботьтесь, чтобы он был оснащен оружием. Когда мы выследим зардалу, вряд ли они будут дружелюбно настроены.

Лотфианин вежливо промолчал, но его бледно-лимонные глаза закачались на коротких стебельках, а потом повернулись в сторону В.К. Талли и Каллик. Они уж точно не рассчитывали на доброжелательность головоногих. В результате знакомства с зардалу тело В.К. Талли было разорвано на куски, а маленькая хайменоптка Каллик потеряла ногу. Джулиану Грейвсу потребовались новые глаза. Он, казалось, уже забыл все это.

— Но гораздо важнее его тяга и радиус действия, — продолжал Грейвс. — Мы понятия не имеем, как далеко нам придется забраться, или сколько Бозе-переходов придется совершить.

Ж'мерлия закивал, а стоявшая рядом Каллик запрыгала вверх-вниз на восьми пружинистых ногах. Бесконечные нудные формальности слушания в Совете показались хайменоптке невыносимыми. Она горела желанием действовать. Когда Грейвс протянул доверенность на кредит, она цапнула ее с удовлетворенным свистком.

То же стремление скорее очутиться наверху и жажда деятельности руководили Каллик и Ж'мерлией, когда они вылетели с Дельбрюка в порт Миранды. В каталогах Нижней Стороны имелись описания всех кораблей на причалах Покрова, и потенциальный покупатель мог затребовать характеристики любого из них. Он мог даже вызвать голографическое изображение, которое позволит побродить по всем закоулкам корабля, заглянуть в машинное отделение, осмотреть салоны для пассажиров и экипажа. Не покидая Низа, покупатель сможет все; только потрогать полированную отделку, нажать на кнопки контроля и нюхнуть озон Бозе-двигателей ему не удастся.

Но именно этого хотела Каллик. Под ее давлением они с Ж'мерлией сразу направились к основанию Ствола. Как раз в тот момент, когда Луис Ненда и Атвар Х'сиал появились в Дельбрюке, их недавние рабы поднимались к Покрову и торговому центру Верха.

Осмотреть все корабли было совершенно нереально. Список содержал миллионы судов всевозможных размеров, модификаций и состояний, разбросанных на сотнях миллионов кубических миль. Даже Каллик была вынуждена признать, что выбор надо начинать с компьютерного поиска. Пришлось отправляться в центральную торговую контору Верха.

Они прибыли туда к концу самого напряженного периода, и менеджер без энтузиазма поглядела на новых посетителей. От усталости у нее гудели ноги, и она сознавала, что не способна вложить все чувства в сделку. По порту Миранды снова было много чужаков, но корабли они, как правило, не покупали. Корабли покупали люди.

Худой был лотфианином и, как все лотфиане, выглядел просто путаницей рук и ног. Восемь черных конечностей крепились к длинному трубчатому туловищу, а голова, казалось, состояла из огромных бледно-лимонных фасеточных глаз. По опыту менеджер знала, что у лотфиан нет денег и решений о покупке они не принимают. Они даже говорить от своего име-

ни не могут. Их удел — быть переводчиками и слугами кекропийцев и помалкивать.

Спутник лотфианина смотрелся еще хуже. У него тоже было восемь ног, которые росли из короткого бочкообразного тельца, покрытого черным мехом, а вокруг гладкой маленькой головки располагались ряды черных блестящих глазок. Скорее всего это был хайменопт, большая редкость за пределами Сообщества Зардалу... и если верить слухам, крайне опасное существо. Хайменопты обладали молниеносной реакцией, а в конце круглого тельца скрывалось смертоносное жало.

Могут ли вообще эти красавцы разговаривать? Ведь единственные звуки, которые издают чужаки, — щелчки и свистки.

— Терпение, Каллик. — Тощий лотфианин переключился на человеческую речь и повернулся к менеджеру, протягивая кредитную карточку. — Мое почтение. Я — Ж'мерлия, а это Каллик. Мы хотим купить корабль.

Значит, по крайней мере один из них говорит по-человечески. И у него кредит. Вот так сюрприз. Первая реакция менеджера: «Не тратить на них и пяти секунд», была подавлена многолетним опытом. Она взяла протянутую лотфианином карточку и проверила ее в автомате.

Н-да.

Две дюжины глаз уставились на нее.

— Ну как, нам везет? — спросила хайменоптка.

Да они оба умеют говорить!

— Вам везет только в одном: ваш выбор сузился до одного процента нашего списка.

— Почему? — Черные глазки Каллик рассматривали голограммы сразу дюжины кораблей.

— Потому что вашего кредита недостаточно, чтобы купить все остальное. Например, вам не купить ни один из тех, на которые вы сейчас смотрите. Можете перечислить необходимые требования?

— Дальность, — принялся называть Ж'мерлия, — вооружение, вместимость (двое нас и четверо людей), большой грузовой отсек.

— Какого типа груз?

— Живой. Нам может понадобиться место, чтобы перевезти группу зардалу.

— Понимаю. — Менеджер улыбнулась, не разжимая губ. Зардалу! Почему не сказать «динозавры», и дело с концом?!

Если покупатели не хотят рассказывать, что именно они повежут на своем корабле... а многие рассказывать не хотят... лучше бы и голову не морочили. Лично ей все равно, для чего будет использоваться корабль после продажи, но она терпеть не могла, когда ей пудрят мозги. Что ж, она им устроит.

— Хорошо. Теперь, когда я знаю, что вам нужно, мы можем взглянуть на несколько кораблей. Как насчет этого? Он вам по карману.

Корабль, который она вызвала на трехмерный экран, представлял собой низкий цилиндр с тремя похожими на стебли причальными опорами, весь какой-то скособоченный, подобный пьянице на утро после попойки.

— Очень мощный, с великолепным компьютером на борту... с карланским эмоциональным контуром и все такое. Ну как?

Она не могла понять мимику чужаков, но их щебетанье и свист звучали не слишком радостно.

— Я не уверен, что мне понравится такой компьютер, — наконец проговорил Ж'мерлия. — А велика ли его вместимость?

— А-а. Это серьезно. Вы легко разместите там дюжину людей, но места для груза маловато. Он вам не очень подойдет. Зато вот этот, — она переключила экран, — имеет огромный грузовой отсек. Вряд ли вы сможете использовать его полностью. И мощности у него хватает.

Появившийся на экране корабль состоял из одних дыр. Он выглядел как гроздь полусгнившего винограда, ягоды которого еле держались на слабеньких веточках.

— Конечно, он выглядит таким обвисшим, когда тяга отключена и он стоит на приколе, — произнесла менеджер после долгой паузы. — Во время полета, за счет электромагнитных сил притяжения между его составляющими, все это подбираться и делается упругим.

— А вооружение? — слабым голосом спросила Каллик.

— Вооружение? — Менеджер щелкнула пальцами. — Очень важный аспект. К сожалению, это ахиллесова пята данного экземпляра. Он вооружен, но оружие находится в грузовом отсеке, и, чтобы добраться до него и привести в состояние готовности, вам придется отключить тягу. Не очень удобно.

После короткой паузы она продолжила:

— Хорошо, давайте попытаемся еще. У меня есть как раз то, что вам нужно. Мне бы только его найти. Достаточная вместимость, хорошая мощность и дальность действия, хорошее

вооружение. — Она на несколько секунд склонилась над своим каталогом, вводя параметры поиска. — Я так и знала! — Она подняла голову и улыбнулась. — Как я могла забыть об «Эребусе». Это суперкорабль! Как раз для вас! Полюбуйтесь!

На экране возникла голограмма огромного судна с черной кормой. Оно напоминало яйцо с обезображенной сверкающими выступами, нашлапками и рваными выбоинами скорлупой.

— Большой, сверхмощный... а какая система защиты!

— Габариты? — спросил Ж'мерлия.

— Четыреста метров в длину, триста двадцать в ширину. Пассажирский салон на сто мест... а если используете грузовое пространство... то на тысячу... В причальный шлюз легко впишется большинство межзвездных кораблей. Хотите оружие? Видите эти наросты на поверхности? Каждый из них имеет автономный заряд, способный распылить приличный астероид. Вам нужны дальность действия и мощность? Мощности «Эребуса» хватит, чтобы десять раз провезти вас по всему нашему рукаву!

На экране сменяли друг друга отсеки корабля. В них двигалась человеческая фигурка, чтобы дать представление о масштабе. Оборудование было солидным, а двигатель вызвал одобрителный свист Каллик.

— наших кредитов хватает, чтобы его купить? — спросила она после того, как они осмотрели огромный грузовой отсек — сферическое свободное пространство двухсот пятидесяти метров в поперечнике.

— Тютелька в тютельку. — Менеджер подтолкнула квитанцию к Ж'мерлии. — Вот здесь, где я пометила, и в самом конце. Как только вы подпишете, я отправлю контракт на регистрацию. Да, не мешало бы вычистить корабль внутри и снаружи. Я настоятельно рекомендую вам включить это требование в контракт... так как «Эребус» очень долго бездействовал.

Хорошо, что у Ж'мерлии и Каллик нет ушных раковин, иначе бы их мочки сильно горели, когда они завершали покупку «Эребуса» и радовались удачной сделке. А на Дельбрюке, откуда они приехали, шел жаркий спор, предметом которого были их скромные персоны.

— Невероятно! Вы позволили Каллик и Ж'мерлии поехать ПОКУПАТЬ КОРАБЛЬ... одних, без чьей-либо помощи? — Нависая над спинкой стула, Луис Ненда яростно буровил взгля-

дом Джулиана Грейвса, а В.К. Талли и Атвар Х'сиал молча наблюдали за этой сценой.

— Да, позволил, — кивнул Грейвс, — потому что признаю то, что вы в своей попытке навязать Ж'мерлии и Каллик рабство склонны забывать: они взрослые особи высокоразвитых разумных видов. И было бы глупо обращаться с ними, как с детьми. Дайте им почувствовать ответственность, и все будет в порядке.

— Не занимайтесь самообманом.

— Но ведь вы, разумеется, признаете, что они разумны.

— Конечно. Но при чем здесь это? Сообразительные, взрослые, но до последнего времени все решения за них принимал кто-то. У них нет опыта. Если вам нужно рассчитать орбиту или сократить объем наблюдений, я предпочту для этой работы Каллик кому бы то ни было в этом рукаве. Но когда дело касается купли-продажи, они хуже, чем дети. Вы должны были поехать с ними. Их в два счета обведут вокруг пальца, как, скажем, В.К. Талли или... О Господи.

Ненда увидел, как по обезображенному шрамами лицу Джулиана Грейвса мелькнула тень сомнения.

— Или вас. — Ненда с досадой ударил по спинке стула. — Ну признайтесь же, Грейвс. За всю свою жизнь вы ни с кем не торговались... Советникам приносят все, что им нужно, на блюдечке.

Грейвс заерзал.

— Это верно. В мои обязанности редко входили... покупки любого рода или даже обсуждение материальных проблем. Но если вы думаете, что Ж'мерлия и Каллик попадут в невыгодное положение...

— Невыгодное положение? Да если там ушлый менеджер-продавец, их съедят живьем... Вы можете им позвонить?.. Я поговорю с ними до того, как они зайдут слишком далеко.

— Если вы считаете, что можете поговорить с Каллик...

— Я не собираюсь вдаваться в разговоры о рабстве, клянусь. Я буду говорить только о покупке, влезу в нее, так сказать, по уши, если смогу... И ничего больше.

— Я не навязывал им определенного маршрута, но, возможно, смогу с ними связаться. Дайте мне несколько минут. — Грейвс поспешил в другой конец комнаты, где стоял коммуникационный комплекс. Через несколько минут к нему направился В.К. Талли.

— Можно мне говорить? — прошептал он Грейвсу, который начал работать на терминале. — Я не отрицаю, советник, что Луис Ненда и Атвар Х'сиал иногда любят приврать. Но вспомните наши приключения на Ясности... только благодаря их умению втирать очки мы смогли одолеть зардалу. А скоро нам снова придется столкнуться с головоногими.

— К чему вы клоните? — Грейвс слушал его вполуха. В поисках Ж'мерлии и Каллик его перебрасывали от одного центра связи в другой, сначала на Нижнюю Сторону, потом на Верхнюю.

— Что они могут нам пригодиться. В отличие от многих в этом рукаве, Ненда и Атвар Х'сиал не сомневаются в существовании зардалу. Они знают столько же, сколько и мы о повадках зардалу... может быть, даже больше остальных после общения с детенышем. Они много путешествовали и чувствуют себя как дома, в различных условиях. Вы сами сказали, что нашему кораблю предстоит обследовать не меньше пятидесяти чужих миров, пока мы отыщем, где прячутся зардалу. Наконец, мы знаем, что Луис Ненда и Атвар Х'сиал отважны и находчивы. Разве не разумно прекратить спорить с ними и привлечь их к нашему делу?

Грейвс отказался от бесплодной борьбы с коммуникационным устройством.

— Зачем им соглашаться? Они ясно дали понять, что их цель — вернуться на Жемчужину и забрать корабль Ненды «Все — мое».

— Я не знаком с процессом, который Луис Ненда называет сделка, но я подумал: не попытаться ли нам достичь компромисса. Возвращение на Жемчужину будет не легче нашего первого полета к ней. Ненда и Атвар Х'сиал это знают. И, возможно, поэтому они помогут нам сейчас. А мы предложим им нашу поддержку в возвращении «Все — мое», как только осуществим свои планы. Ненда очень уважает профессора Лэнг. Если мы намекнем ему, что она член нашей команды...

В это же время, в другом конце комнаты, Ненда объяснялся с Атвар Х'сиал. Перед этим он слишком увлекся спором с Грейвсом, чтобы поддерживать параллельный феромонный разговор с кекропийкой.

— Знаю, что тебе не терпится выбраться отсюда, Ат, и не тратить времени зря на разговоры с этими индюками.

Но несколько минут назад мне пришла мысль: сидим мы здесь с тобой, на Миранде, без единого кредита, чтобы почесать себе усики... Как ты считаешь, зачем мы сюда приехали?

— Чтобы предъявить права на Ж'мерлию и Каллик.

— Верно. А зачем нам это?

— Ж'мерлия мой по закону. Я была его хозяйкой уже тогда, когда он появился из личинки.

— Все правильно... но мы же приехали сюда не просто за ними? Мы приехали сюда, чтобы предъявить на них права и сдать их в аренду, чтобы иметь возможность достать корабль. Представь теперь, что мы начнем качать свои права как рабовладельцы, влипнем в нехорошую историю с Грейвсом... И проиграем. Что тогда?

— Мы оторвем его мерзкую лысую голову!

— Прекрасно. А на закуску? Даже если тебя за это не вздернут, мы все равно застрянем на ручье Миранда, без лодки и весел. Понимаешь, нам все равно нужно то, ради чего мы здесь: корабль. А его сейчас покупают Каллик и Ж'мерлия. Предположим, они его купят. И не лучше ли нам повременить с выяснением, кто кому принадлежит, а лишь улыбнуться и отправиться с ними на их корабле, помогать им... потому что, можешь не сомневаться, им понадобится помощь с той рухлядью, которую они наверняка купят. Или она вообще не полетит. Так что рано или поздно настанет час, когда большинство их команды отправится куда-нибудь, а на борту останемся только ты и я, или, может быть, ты, я, Ж'мерлия и Каллик...

— Можешь не продолжать. — Атвар Х'сиал кивнула. — Ты меня уговорил. Я лишний раз убедилась, что ты, Луис Ненда, самый способный партнер, который когда-либо у меня был. Настолько способный, что я сама тебя боюсь. Но в данный момент у нас нет выбора. Поэтому мы будем действовать по твоему плану... Если наши слуги раздобыли корабль. — Желтые рожки повернулись в дальний конец комнаты, откуда к ним спешил В.К. Талли. — Впрочем, все это мы скоро узнаем.

— Ну что, они на линии? — спросил Ненда, когда Талли подошел поближе.

Викер покачал головой.

— Советник Грейвс отследил Ж'мерлию и Каллик до их последней остановки, но они уже отправились в торговый центр. Они купили корабль «Эребус» и уже возвращаются сюда. Говорят, что они очень взволнованы и рады. Советник Грейвс

запросил полную характеристику. Данные скоро попадут в терминал.

— Скрестим пальцы и когти, я суеверный, — бросил Ненда, и они последовали за Талли к коммуникационному устройству. — Продавцы Миранды слынут очень ловкими. Будем надеяться, что они купили корабль, а не корыто Строителей. А вот его параметры...

По мере того, как на экране появлялись характеристики судна, Ненда суммировал их и пояснял Атвар Х'сиал каждую...

— Главный грузовой отсек — объем 8,2 миллиона кубических метров. Он гораздо вместительнее, чем на супергрузовом корабле, и есть еще два больших дополнительных трюма. На «Эребус» можно погрузить 50 миллионов тонн металла... и провезти через пол-Галактики. Послушай информацию о мощности двигателя, — феромонное сообщение Ненды подернулось безграничным удивлением от увиденного. — А если возникнут проблемы с основным двигателем, — продолжал он, — есть вспомогательная Бозе-тяга, годная по крайней мере на двенадцать переходов. Вот цифры...

Атвар Х'сиал скорчилась рядом на полу и кивала головой по мере перечисления внутренних и внешних размеров и характеристик двигателя. Через десять минут кекропийка выпрямилась во весь свой огромный рост.

— Вооружение?

Этот единственный вопрос прозвучал весьма многозначительно.

— Мы как раз переходим к этому. Ты будешь в восторге, Ат, это просто прелесть, как крем на торте. Пятнадцать оружийных комплексов сведены в контрольном центре. Сорок четыре турели по всему периметру корабля, абсолютно независимые друг от друга. У каждой огневая мощь, как у комплекса Лассалья. Любая из них даст сто очков вперед вооружению на моем «Все — мое». Кроме того, система Дальтон-синтеза позволяет осуществлять интерференцию боевых полей...

— Луис Ненда, спроси у Джулиана Грейвса, сколько заплатили Ж'мерлия и Каллик за «Эребус»?

— Мне нечего спрашивать — здесь все указано. Сто тридцать две тысячи. Проклятие! Я понимаю, что ты имеешь в виду. Это чересчур дешево.

— Может, и нет, Луис. Я хотела бы получить ответ еще на один вопрос. Сколько лет этому кораблю?

— В данных этого нет. — Ненда обернулся к Джулиану Грейвсу. — Можете прервать передачу информации, чтобы задать вопрос? Атвар Х'сиал интересуется возрастом «Эребуса».

— Нет проблем. — Грейвс, удобно развалившийся в кресле, с удовольствием изучал сменявшие друг друга характеристики корабля. Он ввел вопрос Ненды, а затем повернулся к карланцу. — Надеюсь, это укрепит вашу веру в мои методы, мистер Ненда. Я послал Ж'мерлию и Каллик купить корабль. И они его купили. И что за корабль! И по весьма умеренной цене! Неужели вы сами или Атвар Х'сиал, или кто-либо другой заключил бы лучшую сделку? А мораль отсюда такая...

Он замолчал и уставился на экран.

— Это что, дата сдачи его в эксплуатацию? Не может быть. Давайте проверим еще раз.

— Три тысячи девятьсот лет, Ат, — мягко произнес Луис Ненда, — это зарегистрированный возраст «Эребуса». — И продолжил, пользуясь только феромонной речью:

«Что происходит? Ты должна была знать это, иначе никогда бы не задала такой вопрос».

«Я расскажу тебе, хотя, возможно, ты предпочитаешь, чтобы советник Грейвс сам получил соответствующие сведения. Эта информация вряд ли согреет его душу. Твое описание «Эребуса», особенно его системы вооружения, показалось мне знакомым. Оно напомнило мне о лармееровых кораблях, использовавшихся в давних битвах между Четвертым Альянсом и Сообществом Зардалу. Эти корабли строились по заказу Альянса нашим народом, в Федерации Кекропия, на космических верфях Х'лармеера. Ж'мерлия и Каллик купили нечто с огневой мощностью военного корабля, грузовой емкостью грузовоза, системами жизнеобеспечения и жильем, как у «ковчега» для колонизации планет. Однако это ни то, ни другое и ни третье. Это крепость класса «Тантал». Орбитальная крепость».

«И ей четыре тысячи лет. Она работать-то будет?»

«Несомненно. Орбитальные крепости создавались для работы в течение многих миллионов лет, для многих поколений. Они рассчитаны на минимальные затраты для поддержания их в рабочем состоянии. Будут проблемы с определением цели и назначения ряда приборов на борту корабля: то, что является для одного поколения обыденным знанием, для другого из-за долгого невостребования и забвения становится просто загадкой. Как говорится в старой кекропийской пословице: «Коли

сделано давно, чудом кажется оно». Однако я не думаю, что системы корабля и он в целом будут работать плохо».

«Значит, Грейвс действительно заключил выгодную сделку. Теперь он будет потешаться над нами».

«Вряд ли. Ведь советник Грейвс сообщил нам, что, возможно, придется посетить дюжины различных миров прежде, чем отыщутся зардалу».

«Но он вполне может это сделать. Мощности у «Эребуса» хватит. А если зардалу станут досаждают, оружия на корабле тоже хватает».

«Несомненно. Но все-таки я подозреваю, что советник Грейвс скоро разочаруется в своей покупке».

«Неужели?»

«Да, — Атвар Х'сиал выдержала драматическую паузу. — Восьма и весьма. Как только осознает, что купил орбитальную крепость, которая никогда не сможет сесть... ни на одной планете».

ГЛАВА 5

Врата Стражника

Дари Лэнг сидела в главной ходовой рубке «Эребуса», глядя на составленный ею перечень пунктов назначения, и ерзала.

Тупик.

Если вспомнить, как описывал этот план Ханс Ребка, все казалось на редкость легким: приобрести корабль, набрать команду; отыскать убежище сбежавших зардалу, имея при себе достаточно мощное оружие, чтобы обеспечить собственную безопасность и возвратиться на Миранду с неоспоримыми доказательствами существования зардалу.

У них был корабль, оружие и команда. Но возникла крошечная заминка. Зардалу не оставили обратного адреса. Они могли находиться в любом месте рукава, на одной из тысяч подходящих для обитания планет. Ни Ханс Ребка, ни Джулиан Грейвс не представили убедительного метода сужения поля поиска. И ни у кого на борту не существовало на этот счет никаких идей. Чтобы обследовать все возможные места, «Эре-

бусу» пришлось бы лететь по тысяче направлений одновременно.

Как только Дари и Ханс Ребка прибыли на борт корабля, экипаж собрался, поспорил и разошелся по своим местам. И вот теперь корабль неуклюже крутился на орбите вокруг Врат Стражника, а зардалу где-то неуклонно плодились.

«Эребус» был построен основательно, на века, с многочисленными резервными частями и системами. Ходовая рубка не являлась исключением. Пятнадцать отдельных консолей, каждая с выходом на свой пульт, заполняли ее от пола до потолка. Общие информационные центры находились в нишах между ними. В одной из таких ниш сидела Дари, а напротив нее по другую сторону зала над другим центром склонилась Атвар Х'сиал, ловко набиравшая комбинации цифр четырьмя когтистыми суставчатыми лапами.

Плоские экраны не давали изображений, «видимых» для звукового зрения кекропийцев. Так каким же образом она получала или закладывала туда полезную информацию? Дари хотелось, чтобы Луис Ненда или Ж'мерлия переводили, но они вместе с Хансом Ребкой отправились в отсек со вспомогательными двигателями корабля, где, как объявил Грейвс, он нашел «какое-то завлекательное устройство».

Каллик сидела в нише за Атвар Х'сиал, погружившись в анализ данных. Даже не глядя на экран, Дари хорошо представляла, что делала хайменоптка: она просеивала банк данных по части слухов, домыслов и преданий, касающихся зардалу, пытаясь смоделировать таким образом место их пребывания. Дари занималась тем же. Она пришла к определенным выводам, чтобы поделиться с остальными... когда они вернуться с экскурсии к двигателям. Почему они так задерживаются?

Она подумала, что в происходящем есть нечто символическое: она, Атвар Х'сиал и Каллик, женщины их команды, работают над неотложной проблемой — местонахождением зардалу, снова и снова анализируя все доступные данные. А мужчины тем временем отправились поиграть в незнакомую игрушку, которая пылилась на «Эребусе» тысячелетиями и спокойно могла подождать еще.

Обиду Дари прервал внезапный звук, донесшийся из центра рубки. Она обернулась, и вся ее кожа покрылась мурашками.

Дюжина неуклюжих фигур стояла неподалеку от нее. Толстые цилиндрические тела четырех метров в высоту опирались

на раскинутые бледно-аквамариновые щупальца. Тела венчали метрового диаметра луковицеобразные головы темно-синего цвета. Основание головы под длинной щелью рта окружали открытые карманы для вынашивания детенышей. Пока Дари, остолбенев от ужаса, не могла оторваться от этой картины, полуприкрытые веками глаза, каждый величиной с ее руку, оглядели зал и остановились на ней. Из горбатых клювов понесли высокие щебечущие звуки.

Увидев раз, их невозможно было забыть: зардалу.

Дари вскочила и попятилась к стене. Сидевшая напротив Каллик тоже поднялась и направилась к этим фигурам — она понимала язык зардалу.

— Каллик! Что они... — но в этот момент хайменоптка прошла сквозь одного из стоящих зардалу и остановилась, спокойно разглядывая их.

— Поразительно, — произнесла Каллик и подошла к Дари. — Гораздо точнее, чем я могла себе представить. Примите мои искренние поздравления.

Она обращалась не к Дари, а к кому-то, спрятавшемуся в нише на другой стороне зала. Когда этот кто-то вышел на свет, Дари увидела В.К.Талли. Изолированный кабель соединял череп викара с нишей, из которой он появился.

— Благодарю вас, — произнес В.К.Талли. — Признаться, мне они тоже нравятся. Но получилось не совсем верно, — он окинул зардалу критическим взглядом, и на глазах у Дари аквамариновые щупальца сухопутных головоногих потемнели, а кольцо сумок спустилось чуть ниже.

— Хотя поздравления скорее относятся к восстанавливающим и проецирующим устройствам корабля, — продолжал викар. Он обошел группу зардалу, волоча за собой блестящий кабель. — Все, что от меня потребовалось, — это скормить им мои воспоминания. Если бы такая техника существовала на Миранде, возможно, я сумел бы успешнее выступить в Совете. Как вам кажется, профессор Лэнг, это достоверная реконструкция? Или надо еще поработать, чтобы усилить сходство?

От ответа Дари спасли голоса, раздавшиеся у входа в зал. Между двумя массивными колоннами появились Луис Ненда и Ханс Ребка. Они взглянули на стоявших посреди комнаты зардалу и направилась к Дари и Каллик.

— Хорошая работа, В.К., — небрежно бросил Ненда. — Когда закончишь, запиши их на видео- и аудиочипы. — Он

снова отвернулся от андроида и грозных зардалу и ухмыльнулся Дари. — Профессор, мы их заполучили. Мы полностью согласны, но нам с Ребкой потребуется ваша помощь, чтобы уговорить Грейвса и Ж'мерлию.

— Кого заполучили? — Дари все еще чувствовала себя неловко, но не могла не улыбнуться Ненде в ответ. Негодяй он или нет, но присутствие его всегда действовало успокаивающе. Она совершенно неприлично обрадовалась, впервые увидев его на «Эребусе», и сейчас снова почувствовала, что щеки горят.

— Мы придумали, как выследить зардалу. — Ханс Ребка плюхнулся на стул, где раньше сидела Дари.

— Точно! — произнося это, Ненда уже поворачивался к Атвар Х'сиал. — Подождите минутку, Ат разговаривает со мной. Она работала на компьютере и... Я сейчас.

Если Ненда и Ребка и пришли к согласию по какому-то вопросу, это случилось впервые. Дари казалось, что они готовы вцепиться друг другу в горло с тех пор, когда, подобрав Дари и Ханса Ребку, «Эребус» устремился прочь от Врат Стражника. Они рычали друг на друга, и Дари совсем не радовало объяснение Джулиана Грейвса, что именно она является причиной их споров.

Ненда приблизился к кекропийке и согнулся в три погибели, чтобы удобнее было посылать и принимать феромонные сообщения. В таком положении он оставался примерно полминуты.

— Я вообще не понимаю, как может Атвар Х'сиал общаться с компьютером, — сказала Дари. — Экран пуст, но и в противном случае она не смогла бы читать с него.

— Она не пользуется экраном, — Каллик указала сухой ножкой на Атвар Х'сиал. — Она получает информацию звуком, перепрограммировав осцилляторы на высокочастотный звуковой выход. Я слышу только низкие частоты этого диапазона. Ж'мерлия воспринял бы все полностью, а для человеческих ушей это слишком высоко.

Хмурый Ненда вернулся в сопровождении Атвар Х'сиал.

— Итак, теперь у нас три стратегии поиска. — Он уставился на Дари и Каллик. — Надеюсь, никто из вас не обольщается насчет местонахождения зардалу?

— Мне кажется, я знаю, где их искать, — ответила Дари.

— Тогда придется выбирать. У Ат тоже есть гипотеза.

— И у меня. — Каллик говорила мягко и смущенно. С тех пор как они воссоединились, Дари заметила странную перемену в отношениях Луиса Ненды и Атвар Х'сиал к их бывшим... а может, и теперешним рабам. Каллик и Ж'мерлия приветствовали своих прежних хозяев с нескрываемой радостью, и хозяева явно были довольны, но никто из них не знал, как теперь держаться. Лотфианин и хайменоптка ждали приказаний, но ни кекропийка, ни карланец их не отдавали. Хотя... изяществом манер Ненда по-прежнему не отличался. Если бы Дари пришлось представлять его сотрудникам института, профессора Мераду хватил бы удар. Но Гленна Омар с ее пристрастием ко всему мужественному и сильному наверняка повисла бы у него на шее.

Дари отбросила последнюю мысль как недостойную. Ненда задумчиво почесал ногу, шмыгнул носом и шлепнулся на стул рядом с Хансом Ребкой.

— Скорее бы все это распутать, — произнес он. — Мы здесь сидим и дергаемся, а каждые пять минут из сумок выскакивают новенькие зардалуйчики.

— Надо продвигаться вперед, — сказал Ребка. У них с Нендой вновь началась молчаливая схватка за лидерство. Они всегда занимались этим, когда рядом не было Джулиана Грейвса. — Мы не можем ждать. Получается, что у всех есть идеи. Кто начнет первым?

Дари почувствовала на себе почтительный взгляд Каллик.

— Видимо, я, — произнесла она. — То, что я хочу сказать, не займет много времени. Начну с двух фактов.

Первое: когда система транспортировки Строителей вернула нас с Ясности, мы попали в разные участки рукава. Но каждый раз мы оказывались недалеко от какого-нибудь артефакта Строителей. Факт второй: никто не сообщил о встрече с живыми зардалу... Представляете, какая это была бы новость! Поэтому я делаю два вывода. Первый: зардалу тоже находятся поблизости от какого-то артефакта. Второй: этот артефакт не может находиться ни на территории Четвертого Альянса, ни на территории Кекропийской Федерации, ни даже в Круге Фемуса. Очевидно, он находится там, куда были отправлены зардалу: где-то на территории Сообщества Зардалу. Для этого есть две причины: зардалу забрали именно оттуда, и в Сообществе до сих пор много необследованных территорий. Если вы

хотите остаться незамеченным, это самое подходящее место рукава.

Она оглядела пять невозмутимых лиц.

— Какие будут комментарии?

— Продолжай, — сказал Ребка. — Пока возражений нет. Что из этого следует?

— Я знаю расположение всех артефактов Строителей. На территории Сообщества Зардалу их триста семьдесят семь. Сто сорок девять из них находятся вдали от центров Сообщества, и появление там зардалу может остаться незамеченным. Более того, если вы согласитесь с моим предположением, что зардалу должны были оказаться около одного из этих артефактов, я могу еще более сузить поле поиска. Видите ли, у многих артефактов поблизости нет планет, где могла бы существовать воздуходышащая форма жизни. Мой окончательный список составлен с учетом этого дополнения, — она повернулась к консоли и нажала три кнопки, — вот он, вместе со всеми расчетами.

— Шестьдесят одна планета вокруг тридцати трех разных звезд. — Луис Ненда нахмурился. — Я могу вычеркнуть парочку... я их знаю. Не забывайте, что мы с Каллик из Сообщества. Но все равно это слишком много. Подождите минутку, я сообщу этот список Ат.

Ненда еще продолжал свой молчаливый диалог с кекропийкой, когда в рубку вошли Джулиан Грейвс и Ж'мерлия. Ребка показал им список Дари, все еще находившийся на экране.

— Предполагаемые места, где могут находиться зардалу. Их слишком много.

— Я не хочу ничего усложнять, — Каллик трудилась у консоли, — но вот результаты моего анализа, полученные совершенно независимо, хотя я рассуждала аналогично.

На экране рядом со списком Дари появилось еще одно пространное перечисление.

— Семьдесят две планеты, — извиняющимся тоном проговорила Каллик, — вокруг сорока одной звезды. И только двадцать три из них совпадают с предлагаемыми доктором Лэнг.

— Дело принимает нехороший оборот, — заметил Ненда. — Атвар Х'сиал провела анализ, исходя из тех же посылок, что и Дари. Но она еще не трансформировала его в читабельную форму. Она занята этим сейчас.

Кекропийка вернулась к своей консоли. Через несколько секунд на дисплеях возник третий длинный перечень. По мере того как он появлялся, Джулиан Грейвс все более мрачнел.

— Еще хуже.

— Восемьдесят четыре планеты, — проговорил В.К. Талли, — вокруг сорока восьми звезд. — Викар имел встроенный процессор, производящий расчеты с тактовой частотой восемнадцать аттосекунд и соединенный с корабельным банком данных. Он проделал полный статистический анализ, пока люди читали список. — Двадцать девять из них совпадают со списком профессора Лэнг, тридцать — со списком Каллик, а одиннадцать планет общие для всех трех списков. Вероятность 62 процента, что искомая планета входит в число этих одиннадцати, и 15 процентов, что она не является ни одной из ста сорока шести планет в общем списке.

— Что свидетельствует о том, как много этих мест и как ничтожны наши шансы. — Луис Ненда повернулся к Хансу Ребке. — Так что теперь настал наш черед. Хотите говорить вы? Обычно, когда говорю я, все как-то возбуждаются.

Ребка пожал плечами и пересел поближе к Дари.

— Мы поговорили с Нендой. То, что вы сделали втроем, очень интересный, милый, но абстрактный анализ. Мы считаем, что вы упустили главное.

Вы сказали, что никто не сообщил о присутствии зардалу в Четвертом Альянсе, или в Кекропийской Федерации, или в Круге Фемуса, и это означает, что их там быть не может. Но вы знаете зардалу так же хорошо, как и мы. Не считаете ли вы, что о них просто некому было сообщать? Если вы хотите найти зардалу, ищите свидетельства насилия или исчезновения кораблей около артефактов Строителей. Если зардалу прибыли в рукав и захватили корабль, чтобы добраться до родной планеты, они постараются убрать очевидцев. Мы с Нендой просмотрели последние отчеты о передвижениях кораблей по рукаву вблизи от артефактов Строителей с целью выяснить, сколько межпланетных кораблей просто исчезли и никогда больше не появлялись. Таких за последний год набралось двести сорок. Истории сорока трех из них выглядят по-настоящему загадочными: никаких космических возмущений во время исчезновения, никаких остатков, никаких сигналов «SOS». Вот они.

Он вытащил из кармана список и передал его В.К. Талли, который сразу сказал:

— Корреляции с ранее указанными местами практически нет. И они разбросаны по всему рукаву.

— Разумеется. Заполучив корабль, зардалу могли отправиться на планету, удаленную от артефакта, возле которого они появились.

— Если они пройдут слишком много узлов Бозе-сети, их кто-нибудь да заметит. — Дари почувствовала подступающую истерику и напомнила себе, что настоящий ученый должен сдерживать свои эмоции и не навязывать умозрительных построений без логических доводов. — Может, ты и прав, Ханс. Но не кажется ли тебе, что им удобнее находиться на расстоянии одного-двух переходов от того места, где они высадились?

— Хотелось бы так думать. Но я все равно предпочитаю свою версию. То, что вы говорите, вполне разумно в разумном мире, но в нашем мире насилие играет большую роль, чем разум... Особенно когда дело касается зардалу.

— А психология и фиксированные поведенческие привычки играют еще большую роль, — вдруг высказался Джулиан Грейвс, до сих пор остававшийся безмолвным наблюдателем. — Их до сих пор не учитывали, но я уверен, что именно эти факторы играют главную роль в решении проблемы.

— Психология! — Ненда выплюнул это слово, как ругательство. — Может обойдемся без этой чуши? Если вы сомневаетесь в нашей логике поиска, то вам придется придумать себе в поддержку что-то получше.

— Психология и поведенческие привычки. Что, как вы думаете, определяет поступки любого разумного существа, если не психология? После того, как вы с капитаном Ребкой оставили нас, мы с Ж'мерлией смогли спокойно порассуждать. В одном мы полностью с вами согласны: зардалу не останутся около артефакта, к которому их прибило, хотя бы ради собственной безопасности. Вокруг артефактов слишком людно. Они поищут планету, предпочтительно такую, где их не найдут и где они смогут спокойно существовать. Так куда же, по-вашему, они двинутся?

Ненда яростно сверкнул глазами:

— Черт поberi! Они могут быть в тысяче разных мест... в миллионе!

— Если игнорировать психологию, то да. Но поставьте себя на их место. Если вы захотите спрятаться, куда вы направитесь?

— Я? Отправлюсь на Кареллу или куда-нибудь поблизости. Но я абсолютно уверен, что зардалу туда не двинутся.

— Конечно. Потому что они не карланцы. Но аналогия тем не менее верна: зардалу попытаются попасть домой, на Дженизию, родной мир клайда зардалу.

— Но ведь местонахождение Дженизии неизвестно, — запротестовала Дари. — Сведения о ней утрачены во время Великого Восстания.

— Увы, — вздохнул Джулиан Грейвс, — утрачены для нас. Но, безусловно, не для зардалу. И для них это самое безопасное место... Мир, который никто не смог найти в течение одиннадцати тысяч лет. Идеальное убежище!

— Идеальное, за исключением пустыка, — возразил Ребка. — Оно идеально для них, но отнюдь не для нас. Нам необходимо их найти! Я не согласен с подходом, предлагаемым Дари Лэнг, Атвар Х'сиал и Каллик, но даже если их варианты неверны, по крайней мере они указывают нам, где искать. То же делает и подход Ненды и мой, а я убежден, что этот подход правильный. Но то, о чем говорите вы с Ж'мерлией: искать место, которое никто не мог найти за одиннадцать тысяч лет!.. К тому же вы не знаете, с чего начать. Не хотите ли вы тем самым сказать, что это дело безнадежное?

— Нет, — Джулиан Грейвс озадаченно потер лоб, — я говорю совсем другое, гораздо худшее: хотя эта проблема кажется неразрешимой, решить ее жизненно важно. Иначе зардалу снова размножатся и захватят власть. И наш провал поставит под удар весь рукав.

Напряжение в рубке неуклонно нарастало. Все внимательно выслушивали чужие доводы, но отказываться от собственных теорий тем не менее не желали.

Дари сотни раз видела такое на заседаниях в Институте, и, как бы ни раздражали ее эти препирательства, в них было что-то притягательное. Вы выдвигаете гипотезу. Даже если она только что пришла вам в голову и в ней нет уверенности, когда ее начинают критиковать и требовать доказательств, вас захватывают эмоции. И вы готовы защищать ее любой ценой.

Потребовались именно эти слова Джулиана Грейвса, произнесенные нарочно спокойно, чтобы она и все остальные забыли про свои амбиции. Эмоциональный накал в рубке заметно поубавился.

«Это не глупое препирательство о дотации или очередности публикаций, — подумала Дари. — От этого зависит будущее каждого вида в рукаве. Это жизненно важно».

Воцарилось неловкое молчание. Оно показывало, что все остальные участники спора осознали серьезность положения. Затянувшуюся паузу нарушил В.К. Талли. Андроид все еще не отсоединил кабель, связывавший его с информационным центром, и тот торчал из затылка как блестящая косичка длиной в двадцать ярдов.

— Можно мне говорить?

Впервые В.К.Талли никто не возразил.

— Мы выслушали три различных теории относительно нынешнего местонахождения зардалу. По крайней мере одна из этих теорий существует в трех вариантах. Могу ли я, извините, заметить, что все эти теории отчасти неверны?

— Чудесно. — Джулиан Грейвс мрачно уставился на вике-ра. — Вы хотите торжественно заявить, что каждый из нас несет околесицу?

— Нет. Я предлагаю объединить то, над чем работали многие умы порознь. Я никогда не смог бы породить такие гипотезы, как вы, но зато могу их проанализировать.

Я сказал, что вы отчасти ошибаетесь, но гораздо важнее, что все вы отчасти правы. И ваши идеи отчасти намекают на то, где находятся зардалу.

Существуют позиции, по которым вы пришли к единому мнению: зардалу, каким бы путем они ни прибыли в рукав, постараются вернуться на родину. Советник Грейвс и Ж'мерлия пошли дальше в своих предположениях, считая, что родина зардалу — Дженизия, откуда и произошел клайд зардалу. Давайте примем это дополнение.

Далее. Профессор Лэнг, Атвар Х'сиал и Каллик указывают, что всех нас вернули с Ясности к тому месту, с которого мы стартовали.

Луис Ненда фыркнул.

— Не стоит попрекать этим нас с Ат. Нас вышвырнуло по середине Ничего.

— Должен заметить, что вы и явились из середины Ничего. Вы с презрением говорите о планете Перечница, куда вы прибыли по транспортной сети Строителей. Но эта планета, говоря галактическим языком, находится на расстоя-

нии броска камня от вашего родного мира, Кареллы. — В.К. Талли остановился. — Карелла, про которую смело можно сказать, что она лежит посреди Ничего, и на которую, как ни странно, вы не поспешили отправиться, хотя она была совсем рядом.

— Давайте не будем об этом. У меня были свои причины.

— Меня они не интересуют. Я продолжаю. Кажется логичным предположить, что зардалу также были возвращены к месту их рождения, на территорию Сообщества Зардалу, а не на территорию Четвертого Альянса, Кекропийской Федерации или Круга Фемуса. Допустим, что они прибыли в район артефакта на территории Сообщества. Как указала профессор Лэнг, все мы прибыли в окрестности артефактов. Однако маловероятно, что зардалу прибыли точно туда, куда им надо. Поэтому давайте примем гипотезу капитана Ребки и Луиса Ненды о том, что зардалу придется добыть корабль и уничтожить все свидетельства этого приобретения.

Давайте согласимся с профессором Лэнг, что, если бы такой корабль совершил слишком много прыжков по Бозе-сети, это было бы замечено.

И наконец согласимся с тем, что Дженизия, чем бы она ни являлась в действительности, не может находиться в хорошо изученном и полностью заселенном районе. Скорее всего это место труднодоступное и опасное. Иначе родной мир зардалу был бы давно найден.

Теперь просуммируем эти сведения, и у нас вырисуются довольно четкие требования к ее местонахождению.

Первое: эта планета должна быть в пределах Сообщества Зардалу.

Второе: она должна находиться в белом пятне на карте галактики, малоисследованном и, желательно, труднодоступном.

Третье: она должна находиться в одном-двух Бозе-переходах от какого-либо артефакта Строителей.

Четвертое: следует обращать внимание только на те артефакты Строителей, около которых после возвращения зардалу в рукав произошли необъяснимые исчезновения кораблей.

Это серьезная задача, но каждый из вас уже проделал часть работы, и, к счастью, я сконструирован именно для того, чтобы решать подобные комбинаторные и поисковые проблемы. Смотрите.

Свет в рубке померк, и фигуры зардалу исчезли. На их месте появилось густое облако чернильной темноты. Постепенно оно наполнилось слабым оранжевым свечением. В нем замерцали сотни синих искорок.

— Сообщество Зардалу, — произнес В.К. Талли, — и находящиеся в нем артефакты Строителей. А теперь — узлы Бозе-сети.

Среди голубых огоньков появились желтые.

— Отбросим те артефакты, вблизи которых не происходило загадочных исчезновений космических кораблей. — Две трети огоньков пропали. — Оставим только малоизученные районы в двух Бозе-переходах от артефактов и получим вот это.

Оранжевое свечение стало съезживаться и дробиться, оставив, наконец, десятка два островков.

— Эти островки как раз и являются предметом дальнейшего изучения. Их еще слишком много. Однако на этом дисплее не показано то, что могу вычислить я — вероятность появления зардалу в оставшихся регионах. Когда мы учтем это, останется только один серьезный претендент. Вот он. Он отвечает всем предъявляемым требованиям на 98 процентов.

Все огоньки, кроме одного, мигнули и погасли, оставив изогнутое пятно.

— Какие там звезды? — поинтересовался Джулиан Грейвс. — Назовите, какие там звезды, чтобы мы могли определить его координаты.

На экране замигала дюжина сверхгигантов, обычно принимаемых в качестве маяков в относящейся к Сообществу Зардалу части рукава. Дари, пытавшаяся сориентироваться в незнакомом звездном регионе, услышала удивленное фырканье Луиса Ненды и шипение Каллик. Они явно опередили ее.

— Координаты я определил, — В.К. Талли говорил очень тихо, — это несложно. Но наш банк данных не содержит, как ни странно, никаких навигационных характеристик. И я до сих пор не нашел никакой визуальной информации об этом регионе. Однако название у него есть. Он известен как...

— Свертка Торвила, — прохрипел Луис Ненда. — И никогда вы не получите о нем никакой визуальной информации, скорее у меня вырастут крылья и я научусь летать.

— Вам уже известен этот регион? — спросил В.К. Талли. — Отлично. Возможно, вы там бывали и сможете стать нашим навигатором?

— Я знаю это место... только по слухам. — Ненда никогда не говорил так взволнованно. — И если вы думаете, что я поведу вас в Свертку Торвила, забудьте об этом. Я даже согласен подарить вам свой бесплатный билет в ту сторону. Как говорил мой папаша, я никогда там не бывал и никогда туда не вернусь.

СВЕРТКА ТОРВИЛА

Хотелось бы мне знать, что такое Время — время с большой буквы. И хотя этого не знает никто, я снова и снова ломаю голову над его загадками. В любой книжке на эту тему упоминается «Стрела времени», такая штука, которая указывает направление из прошлого в будущее. Все говорят, что эта стрела не дает событиям повернуть вспять.

Сомневаюсь. Откуда мы знаем, что никогда не было наоборот? А может, Время иногда шло как-нибудь поперек, и тогда причина и следствие не имели друг с другом ничего общего.

Меня заставили снова задуматься об этом Свертка Торвила и Медуза. Помните Медузу? Она была дамой с роковой внешностью: стоило лишь раз взглянуть на нее — и вы превращаетесь в камень. Мигги Ванг-Хо, хозяйка бара «Шкалик» на верхней стороне Зуба Такера, была из той же породы. Одно упоминание о выпивке в кредит — и вас замораживают взглядом. А что она сделала с Гансом Волдырем, страшно вспомнить. Но об этом мы вспомним как-нибудь в другой раз, а сейчас я хочу поговорить о Свертке.

Наш рукав изобилует странными уголками, но к большинству из них можно подобраться. Я хочу сказать, что большие прыжки вы, конечно, проделываете по Бозе-сети, а потом медленно плывете в пространстве. Так что если вам предстоит увидеть необычное зрелище, сначала вы увидите его издали, а потом постепенно к нему приблизитесь. А за это время вы сможете привыкнуть к нему и избежите шока, когда увидите все целиком.

За исключением Свертки. Вы приближаетесь к ней медленно, но долгое время ничего не видите. Ни искажения звездного поля, ни особых оптических эффектов, вроде тех, с которыми встречаешься около Линзы. Ничего.

Но внезапно перед вами вспыхивает огромная штуковина — клубок скрученных извивающихся нитей, который занимает полнеба.

Это Свертка Торвила. Когда я впервые увидел ее, то не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, даже ради спасения своего кобля. Понимаете, я прекрасно знал, что в этом месте природа взяла пространство-время и перетасовала его так, что оно стало хаотичным и многосвязным, причем верх и низ поменялись местами, но все равно я прилип к полу, как устрица Спратли, и несколько минут ничего не соображал.

Может, с кем-то такое уже случилось? И этот «кто-то» дал Свертке другое название... например, Медуза. А потом вернулся на десять тысяч лет назад и, будучи не в состоянии забыть это зрелище, рассказывал о нем людям в какой-нибудь маленькой таверне на тихом берегу винноцветного Эгейского моря?

Это моя теория или, если вам угодно, игра воображения. Однако что же, собственно, нам известно о Свертке?

На удивление мало. Лоции говорят, что корабли избегают эту область, потому что ее пространственно-временная структура обладает «опасными нарушениями и множественной связностью». О чем нигде не говорится, так это о том, что даже размеры этой области не определены.

Если вы спросите, какова масса вещества в этом регионе, вам никто не ответит. Измерения каждый раз дают другой результат. Измерьте диаметр Свертки по прохождению луча, и получите ответ: половина светового года. Облетите эту область на расстоянии светового года от ее геометрического центра и вам придется преодолеть чуть больше шести световых лет. Прекрасно! Но если вы облетите ее на расстоянии половины светового года, у вас получится всего один световой год. Это позволяет предположить, что около Свертки число «пи» равно единице. Скажем прямо, математики от этого не в восторге.

Я не проводил никаких измерений, а выражение «множественная связность» выговариваю с трудом. Я могу рассказать лишь о том, что увидел, когда оказался возле Свертки, облетел ее и попытался заглянуть внутрь.

Я говорю попытался. Свертка не позволяет вам смотреть туда, куда хочется. Там, внутри, есть планеты... иногда вы можете их увидеть, потому что время от времени там возникает эффект линзы, который так приближает какую-нибудь планету, что видно движение облаков, а в ясный день можно пересчитать все горы на ее поверхности. И пока вы смотрите, эта самая планета сворачивается в маленький кружок света, а потом раскалывается... и вы вдруг обнаруживаете, что смотрите на множество мелких кружков, плавающих в пространстве.

Об этом вы можете прочесть во многих книгах. Но есть еще один эффект, который наблюдали не часто и о котором вы нигде не прочтете. После того как вы увидите его воочию, он навсегда западет вам в душу, вечно будет пылать в вашем мозгу и манить обратно к Свертке, чтобы взглянуть на нее еще хоть разок.

Я называю его Ожерельем Господа.

Вы долго-долго всматриваетесь в Свертку, и постепенно в центре ее начинает проступать пятно тьмы, настолько глубокой, что разум отвергает ее существование. По мере того, как вы его наблюдаете, оно растет, словно облако на поверхности Свертки (однако вы помните, что оно является частью этой структуры и должно быть внутри). Наконец оно закрывает две трети поверхности или более того, оставляя лишь тонкую оторочку ярких щупалец по краю.

И тогда в этом темном круге возникает первая бусина Ожерелья. Это планета. Такая, какой она выглядит с расстояния в несколько планетарных радиусов. И это необыкновенно красивый мир, туманный и светлый. Сначала вы думаете, что это одна из планет, находящихся внутри Свертки... но когда вы приближаетесь и изображение становится четче, вы замечаете, что этот мир вам знаком, вы видели его когда-то во время своих путешествий, вы когда-то жили в нем и любили его. И прежде чем вы поймете, что это за мир, он отодвигается в сторону, а на его место втягивается другой, вторая бусина Ожерелья. Вы смотрите на него во все глаза, и он так же узнаваем и еще более красив, чем первый, роскошный, плодородный мир, аромат воздуха которого чувствуется, вы готовы в этом поклясться, далеко за пределами его атмосферы.

Вы еще любуетесь этой планетой и стараетесь припомнить ее название, а она тоже начинает двигаться и скрывается с глаз, как бы скользя по нити Ожерелья. Не важно. Мир, который тянется вслед за ним, еще лучше, это мир ваших грез. Вы когда-то жили там, любили и теперь понимаете, что его вам не следовало покидать. Вы томитесь по нему, жадуете его, вам хочется полететь туда и остаться там навсегда.

Но прежде чем вы шевельнете хоть пальцем, этот мир тоже ускользает из поля зрения. А тот, что приходит за ним, затмевает планету-предшественницу, и та кажется миром бледных теней...

Они будут сменять друг друга, пока у вас хватит выдержки наблюдать. И в конце концов вас посетит ужасная мысль. Вы никогда не были ни в одном из этих райских уголков. И, конечно, никогда не побываете, потому что совершенно не представляете, где они находятся, где и когда.

Вы берете себя в руки и даете своему кораблю старт. Вы решаете отправиться на Персефону, или на Стикс, или на Саваль, или на Пеликаний След. Вы говорите себе, что забудете Свертку и Ожерелье Господа.

Но не забудете, как бы ни старались. Потому что долгими ночами, когда вы будете лежать в мрачной тюрьме своих мыслей, и сердцу вашему будет тяжело, а жизнь покажется короткой и бесцельной, вы вспомните именно это и возжадете еще раз припасть к живительному источнику Свертки Торвила.

Самым страшным для вас станет мысль о том, что вы, возможно, никогда туда не попадете. Именно это будет терзать вас, когда вы, измученный бессонницей, встретите первый луч солнца и отвлекающий шум утра.

***«Горячие скалы, теплое пиво, холодный уют
(в одиночку по Галактике)».***
***Мемуары капитана
Алонсо Уилберфорса Слоуна.***

ГЛАВА 6

Затычка

«Эребус» — настоящий монстр, больше походивший на планету, чем на межзвездный корабль, своей прожорливостью, к несчастью, подтверждал это сравнение.

Дари сидела в одной из информационных ниш ходовой рубки, устремив взгляд на два из сотен находящихся здесь дисплеев.

Первый высвечивал данные о полном запасе энергии в батареях корабля.

Ион уменьшался, уменьшался, уменьшался...

Даже сейчас, когда, казалось бы, ничего не происходило, поддержание систем корабля в рабочем состоянии требовало энергии, энергии, энергии...

Но обычные операции с точки зрения энергозатрат не шли ни в какое сравнение с Бозе-переходом. Такой гигант, как «Эребус», просто глотал энергию при каждом переходе. Они уже совершили один прыжок. Дари с ужасом увидела, как число на экране дисплея мигнуло и уменьшилось вдвое.

Теперь они накачивали энергию из внешней Бозе-сети, готовясь к следующему переходу. И заправка происходила не бесплатно. Дари переключила свое внимание на второй экран. Он показывал Дари ее кредит, который летел вниз с такой же скоростью, с какой росли запасы энергии «Эребуса». Еще три-четыре прыжка, и она будет такой же нищей, как и остальные члены экипажа.

Она мрачно задумалась о своих таявших финансах. Ситуация становилась отчаянной, если самым богатым членом команды являлся самый бедный профессор исследовательского института. Если бы у нее была мания преследования, она бы заподозрила, что ее пригласили в путешествие в качестве спонсора. Джулиан Грейвс потратил все свои сбережения на покупку «Эребуса». В.К. Талли был компьютером, хоть и вживленным, и не имел за душой ни гроша. У Ж'мерлии и Каллик не было ничего по определению, а Ханс Ребка происходил из Круга Фемуса, самого бедного региона всего рукава. Исключение составляли Луис Ненда и Атвар Х'сиал, но хоть они и говорили о своем состоянии, все оно осталось на корабле Ненды «Все — мое». И сейчас они были такими же неимущими, как и все остальные.

Дари поглядела на главный пульт управления, где Луис Ненда заканчивал приготовления ко второму прыжку. Они находились на расстоянии одного Бозе-перехода от области Свертки Торвила. После такого прыжка у них еще останется достаточно энергии для обратного путешествия.

Все прекрасно, за исключением того, что они не собираются прыгать. Луис Ненда оставался непреклонным.

— Только не со мной на борту. — Он обвел всех яростным взглядом. — Конечно, мы через многое прошли вместе и из всех передряг выбирались целыми и невредимыми. Но это не значит, что надо рисковать сейчас. Это — Свертка! Это по-настоящему опасно: совсем не так, как на дурацкой карусельке вроде Тектона или Опала.

«Которая чуть нас всех не поубивала», — подумала Дари, но промолчала, потому что Джулиан Грейвс в досаде хлопнул себя по коленям.

— Но нам же надо попасть в Свертку. Вы же слышали выводы В.К. Талли! Я думал, вы с ними согласны. Очень велики шансы, что родина клайда зардалу внутри Свертки Торвила, и там теперь находятся зардалу.

— Все это я знаю. Я просто объясняю вам, что нельзя лезть туда напролом. Люди тысячи лет крутятся вокруг Свертки... и не возвращаются оттуда. Нам нужна помощь.

— Какого рода?

— Нам нужен специалист. Пилот. Кто-нибудь такой, кто долго болтался в этом районе галактики и знает его, как свои пять пальцев.

— У вас есть кандидатура?

— Конечно. Почему, как вы думаете, я заговорил об этом? Его зовут Дульсимер... и я должен вас предупредить, что он полифем с Чизма. Но этот рукав он знает вдоль и поперек, и, вероятно, ему нужна работа. Если вы со мной согласны, придется сначала поискать его. В одном можно не сомневаться: около Свертки вы его не найдете.

— Где же его искать? — Дари обратила внимание на предупреждение Ненды по поводу полифемов с Чизма, но решила, что вопросы надо задавать по порядку.

— Если ничего не изменилось, то сейчас он сидит и наливаются горячительным в баре «Солнечный» на Затычке.

— Вы можете нас туда привести?

— Конечно. — Ненда двинулся к главному пульту управления. — Затычка... нет проблем. Всего один прыжок. Если Дульсимер все еще барахтается на мели и ему нужна работа и если в его дурацкой голове с выпученными глазами еще сохранилась хоть крупичка мозгов, которые он старательно выжигает столько лет, сколько я его помню... Тогда мы сможем его нанять. И вот тогда-то мы можем дружно отправиться к Свертке и затеряться там навсегда.

«Полифемы Чизма».

Едва закончился Бозе-прыжок и «Эребус» лег на курс к Затычке, Дари справилась во «Всеобщем каталоге живых существ (подкласс: разумные)», который имелся в банке данных корабля.

И не нашла ничего.

Она отправилась к Луису Ненде, расположившемуся в отсеке вспомогательных двигателей. Он сидел и смотрел, как Атвар Х'сиал подсоединяет десяток трубок к светло-коричневому эллипсоиду трех футов длиной.

— Ничего удивительного, — ответил Ненда на вопрос Дари, — в рукаве гораздо больше разных разностей, чем в банке данных. Не говоря уж о том, что половина его данных неверна. Потому-то В.К. Талли так завязывается в узел: он ведь знает только то, что выдает ему банк данных. А полифемов в «Каталоге» вы не нашли, потому что они не местные. Их родина где-то далеко на периферии, какое-то Богом забытое скопление в рукаве Стрельца, по ту сторону Щели. Что вы хотите узнать о Дульсимере?

— Почему вы сказали: «Я вас предупреждаю, что он полифем с Чизма»?

— Потому что он полифем с Чизма. Это означает, что он хитрый и раболепный, самонадеянный и ненадежный, и всегда предпочитает соврать. Правду он говорит, только не найдя другого выхода. Как говорится «есть лжецы, отъявленные лжецы и полифемы с Чизма». Это еще одна причина, почему полифемов нет в вашей базе данных... никто не смог вытянуть из них два раза одно и то же, чтобы узнать, что они собой представляют.

— Так почему же вы хотите иметь с ним дело, если он такое ужасное существо?

Ненда поглядел на нее тем взглядом, полным восхищения и сожаления одновременно, который так бесил Ханса Ребку, а затем погладил ее по плечу.

— Во-первых, дорогуша, потому что с патентованным лжецом вы всегда знаете, чего ждать. Во-вторых, потому что у нас нет выбора. Где вы найдете еще одного безумца, чтобы полететь к Свертке? И притом такого умельца, чтобы доставить нас туда в целостности и сохранности. Полифема вы берете, совсем отчаявшись, но они, пожалуй, лучшие пилоты в галактике, а Дульсимер лучший из лучших. И ему всегда нужна работа, потому что его «всегда мучает жажда, которую требуется утолить». Наконец, нам нужен Дульсимер, потому что он тот, кто умеет выживать. Он клянется, что ему пятнадцать тысяч лет. По-моему, врет, так как это означало бы, что он жил еще во время Великого Восстания, когда зардалу правили Сообществом... Но записи на Затычке показывают, что он заглядывает в бар «Солнечный» вот уже более трех тысяч лет. Это выживший. Я люблю, когда мой спутник умеет выживать.

«Потому что ты и сам такой, — подумала Дари, — а еще ты тоже лжец... и работаешь только на себя. Почему же ты мне нравишься? Кстати, о вранье...»

— Луис, когда вы рассказывали нам о том, как вы с Атвар Х'сиал покинули Ясность, вы сказали нечто такое, чего я не поняла.

— Мы не просто ее покинули... это тупое создание Строителей — Посредник — вышвырнул нас вон.

— Это я знаю. Но вы еще сказали кое-что о нем. Вы предположили, что он лжет о самих Строителях.

— Я никогда не говорил, что он лжет. Я сказал, что, по моему, он ошибается. Большая разница. Посредник верит в свои рассказы. Он сидит на Ясности четыре или пять миллионов лет и убежден, что Строители спокойненько дрыхнут, пока Посредник и Тот-Кто-Ждет и неизвестно еще какие другие творения Строителей подберут подходящий вид разумных существ, чтобы им помочь. И тогда Строители вылезут из своей берлоги, и все наладится, а Посредник и ему подобные счастливо заживут дальше.

Но ведь это чушь. Посредник болтается по Ясности и делает то, что, как он думает, ему велено. Но я не верю, что ему это и вправду было велено Строителями. За пять миллионов лет можно многое перепутать. Атвар Х'сиал со мной согласна... Все эти создания очень добросовестны и поначалу производят большое впечатление. И они могущественны. Но не слишком сообразительны.

— Если это так, то где же Строители? И чего же они хотели от своих созданий на самом деле?

— Убейте, не знаю. Это по вашей части, а не по моей и сейчас меня не очень-то и волнует. У нас других забот хватает. — Ненда обернулась к Атвар Х'сиал, закончившей подсоединять провода питания. — Например, как приземлиться на Затычку. Мы будем там через два дня. «Эребус», спуститься не может, потому что у Ж'мерлии и Каллик хватило дурости купить нам «Летучего Голландца». И у нас нет средств нанять катер, который доставил бы нас на поверхность. Так что постучите по дереву.

Атвар Х'сиал отвернула вентили, и трубки, ведущие к коричневому овоиду, стали наполняться мутной жидкостью. Дари последовала за Луисом Нендой и тоже склонилась над блестящей поверхностью яйца.

— Что это такое?

— Это основной вопрос дня. Грейвс нашел его, когда шнырял по кораблю. Никто не мог понять, что к чему, однако вчера Ат исследовала его ультразвуком. Она считает, что это может быть зародышем корабля. «Эребус» — это орбитальная крепость, он никогда и нигде не должен был садиться. А вдруг настанет время спастись бегством? И вот в главном инкубаторе лежит дюжина таких аккуратно уложенных яиц. Через несколько часов мы узнаем, что это такое. Простите, Ат говорит, что меня ждут дела.

Он поспешил прочь от Дари и, присев около вентиляей, стал регулировать поступающий поток. Жидкости потекли быстрее, и блестящая поверхность эллипсоида начала раздуваться. Изнутри донесся тихий пульсирующий звук.

— Не приближайтесь, — крикнул Ненда.

Вряд ли стоило предупреждать. Как только яйцо задрожало, Дари направилась к выходу из зала. Ненда наговорил много, и ей было над чем подумать.

Атвар Х'сиал проводила Дари своим звуковым «взглядом».

«Она вовремя ушла, Луис Ненда, — в феромонном сообщении прозвучали укоризненные нотки, — как я уже отмечала, эта женская человеческая особь оказывает на тебя нежелательное отвлекающее действие».

«Расслабься, Ат. Она не интересуется мной, а я не интересуюсь ей. Все, что ее волнует, это Строители и их местонахождение».

«Я в этом не уверена, и, подозреваю, капитан Ребка тоже».

«Он может идти куда подальше». А заодно и ты, — раздраженно ответил Ненда... но последние слова он не стал передавать феромонами.

Планету Затычка никогда не населяли люди.

Экипаж «Эребуса» понял это задолго до того, как они туда прибыли. Ее звезда, Кэйвисон, представляла собой крошечный жгучий огонек бело-фиолетового цвета, окруженный обширной оболочкой раскаленного газа. Взрыв сверхновой и сброс внешних слоев, превративший за сорок тысяч лет до этого Кэйвисон в нейтронную звезду, должен был уничтожить Затычку... если бы она тогда находилась поблизости. Даже теперь испускаемое Кэйвисоном рентгеновское и жесткое ультрафиолетовое излучение создавало ионизированный слой в верхних слоях ее атмосферы. Несмотря на это, до поверхности доходило достаточно ультрафиолета, чтобы в течение нескольких минут поджарить любого незащищенного человека.

— Наверное, это была блуждающая планета, — заметил Джулиан Грейвс. «Эребус» уже два часа крутился по низкой орбите, и телескопы корабля давали детальное изображение ее поверхности. Теперь пришло время действовать.

— Она пролетала поблизости, — продолжал Грейвс, — и если бы звезда не взорвалась, Затычку пронесло бы мимо. Но выбро-

сы Кэйвисона задели еѳ и придали импульс, достаточный, чтобы переместить на орбиту захвата.

— Если вы верите в это, — тихо пробормотал Ханс Ребка, — то поверите чему угодно.

— Вы отвергаете это объяснение? — удивился викар, стоявший между Ребкой и Дари Лэнг. Они ждали, когда Атвар Х'сиал сообщит, что стенки эмбриоскафа достаточно затвердели и он готов к полету.

Ребка махнул рукой в сторону изображения Кэйвисона.

— Посмотрите сами, В.К. Взгляните на спектр этой звезды и скажите, может ли какая-либо форма жизни, возникшая на холодной, блуждающей в космосе скале, вдалеке от любой звезды, быстро приспособиться к потоку радиации Кэйвисона?

— Тогда как же вы объясните существование Затычки?

— Ничего странного. Затычка была передвинута сюда зардалу, когда они управляли этим регионом. Зардалу обладали огромным могуществом, когда люди еще качались на деревьях. Это, кстати, еще один повод для нынешней тревоги. — Он сделал шаг вперед. — Но откуда бы она ни появилась, на этой планете есть и естественно развившиеся, приспособленные к высокой радиации формы жизни. Вы сами их увидите через пару часов, потому что, кажется, мы можем отправляться.

Из люка корабля появился Луис Ненда.

— Очень тесно, — проговорил он, — а во время спуска, будет еще хуже. Уверены, что никто из вас не хочет остаться здесь с остальными?

• Ребка проигнорировал предложение остаться и подтолкнул В.К. Талли. Действительно, они еле поместились. Полностью выращенный эмбриоскаф несколько разочаровал их. Они надеялись, что он окажется вместительной спасательной шлюпкой, соответствующей размерам самого «Эребуса». Вместо этого перед ними оказался комарик, малютка с крохотными двигателями (никакой Бозе-тяги) и кабиной всего лишь для четырех-пяти человек. Отряд пришлось сократить. В него теперь входили: Луис Ненда и Атвар Х'сиал, знакомые с территорией Сообщества Зардалу и местными обычаями; В.К. Талли для визуальной и звуковой записи того, что произойдет на поверхности (чтобы воспроизвести это потом на борту «Эребуса») и, наконец, Ханс Ребка по очень резонной, хотя и не упоминаемой причине — кому-то не столь наивному, как В.К. Талли, следовало присматривать за Нендой и Атвар Х'сиал.

Оставшимся на «Эребусе» было предписано заняться неблагодарной, но необходимой работой: узнать все, что можно, о Свертке Торвила.

Планета, на которую опускался эмбриоскаф, лучше всего смотрелась издали. С высоты в двести миль ее поверхность была подернута нежно-лиловой и серой дымкой, под которой, как оказалось, скрывались дикие нагромождения скал, глубокие разломы и каменные осыпи, покрытые серыми колючими деревьями и кустарниками. Здешний космопорт занимал половину длинной плоской долины, в нижней части которой темнел водоем; Луис Ненда уверенно повел корабль вниз и посадил его почти у кромки воды.

— Годится. Скрестите пальцы и когти. Через пять минут мы узнаем, здесь Дульсимер или нет. — Говоря это, он густо намазывал лицо и руки желтым кремом.

— Пять минут? — повторил В.К. Талли. — А сколько времени займет таможенный и иммиграционный контроль?

Ненда недоверчиво посмотрел на него, продолжая наносить крем.

— Лучше намажьтесь, иначе в две секунды поджаритесь дочерна. — Он направился к люку, приоткрыл его и понюхал воздух, затем опустил защитные очки. — Неплохо. Я выхожу. Следуйте за мной как можно быстрее.

Когда Ненда ступил на поверхность планеты, Ханс Ребка шел прямо за ним, чтобы оглядеться и оценить обстановку. Он никогда не был именно на этой планете, но видел, наверное, дюжину похожих. Конечно, Затычка — не подарок: в полдень нельзя и носа высунуть наружу. Но чем лучше его родной Тойфель, где тот, кому дорога жизнь, прятался в убежище, когда дул утренний Ремулер?

Сквозь очки ясно виднелись зазубренные клыки утесов на востоке, едва освещенные утренними лучами Кэйвисона. Яркий солнечный свет рассеивался в атмосфере, и дувший в лицо ветерок был даже холодным. Но Ребка слишком хорошо знал все это, чтобы обмануться. Даже ослабленное пылью, туманом и озоном излучение Кэйвисона обрушивало на поверхность Затычки в тысячу раз больше ультрафиолета, чем могут выдержать кожа и глаза человека. В воздухе стоял резкий запах озона. Цветы у кромки воды соответствовали своему смертоносному окружению. Если Ребке они казались уныло-серыми и

блекло-коричневыми, то в ультрафиолете наверняка должны сиять и светиться, привлекая крошечных крылатых опылителей, зрение которых приспособлено именно к этому интервалу спектра.

Однако в этом мире пониженного тяготения Атвар Х'сиал чувствовала себя прекрасно. Пока Ребка осматривался, кекропийка в скользящем прыжке проплыла мимо него и остановилась рядом с Луисом Нендой. Он уже почти добрался до длинного низкого здания, построенного частично на скальном грунте космопорта, а частично на черной воде за ним. Кекропийка и карланец прошли по мелководью ко входу в бар «Солнечный».

Ханс Ребка быстро оглянулся на эмбриоскаф. В.К. Талли еще не вышел наружу, а позволять Ненде и Атвар Х'сиал встречаться с кем-то без него он не хотел.

Ребка выслушал их рассказ о выдворении с Ясности и возвращении в рукав. И не поверил ни единому слову.

Прошлепав по воде, он решительно шагнул в темный вход, прорубленный в плите из обсидиана, и, сняв защитные очки, уперся взглядом в кольцо блестящих черных глаз, расположенных на уровне его пояса.

Укол нейротоксином, природное оружие хайменопта, смертелен, а шанс, что этот привратник понимает человеческую речь, был весьма ничтожен. Ребка поискал Ненду и Атвар Х'сиал, которые в этот момент уже проходили в следующий каменный подъезд, и решительно двинулся за ними. Проследовав через анфиладу комнат, он оказался в огромном зале, половина которого была открыта палящему солнцу, и тут же опустил защитные очки. Поперек зала шел наклонный скальный выступ, скрывающийся в маслянистой черной воде.

Около десятка существ всевозможных форм и размеров возлежали на этом выступе, греясь в смертельных лучах Кэйвисона. Луис Ненда подошел к одному из них и заговорил. Через несколько секунд это существо поднялось и, балансируя на толстом хвосте, направилось в крытую часть помещения.

— Хэлло, — прорычал чужак, и его зеленые пузырчатые губы растянулись в жутком подобии человеческой улыбки. — Почитаю за честь встретиться с вами, господа. Простите мой обнаженный вид, но я как раз собирался немного пожариться на солнце. Дульсимер, шеф-пилот, к вашим услугам.

Ребка никогда не встречался с полифемами Чизма, но повидал на своем веку достаточно инопланетян и этого воспри-

нял просто как еще одну их разновидность, лишенную центральной и двусторонней симметрии. Чужак представлял собой вертикальный цилиндр девяти футов в высоту; спиралевидные гладкие мышцы обтягивала похожая на резину зеленая кожа. Все это сооружение венчалось головой, имеющей одинаковую с телом ширину. Занимающий половину лица мутно-серый глаз насмешливо выглядывал из-под низкого надбровья дуги. Между ним и вытянутыми трубкой губами помещалась крохотная окаймленная золотом горошинка сканирующего глаза, находившегося в непрерывном движении. Пока Ребка разглядывал чужака, тот выставил пять гибких трехпалых рук, расположенных с одной стороны тела, подцепил со скального валика похожее на корсет розовое одеяние, обмотался им и застегнул. Прodef руки в пять отверстий, он удобно уложил их в широкие параллельные складки своего «корсета». Наконец полифем изогнул свое штопорообразное тело и присел на массивном свернутом хвосте, чтобы сравняться ростом с Ребкой.

— К вашим услугам, — повторил скрипучий голос. Сканирующий глаз выдвинулся на коротком стебельке, obeжал помещение, затем вернулся и с беспокойством уставился на безглазую фигуру Атвар Х'сиал, вдвое превосходившую ростом людей. — Кекропийка, а? Немного вас встречается в этих краях. Так, говорите, вам нужен клевый пилот?

Атвар Х'сиал не шелохнулась.

— Нужен, — сказал Ребка.

— Тогда вам больше некого искать, — большой глаз повернулся к Ребке. — Я налетал десяток тысяч рейсов, и все успешно. Я знаю галактику лучше любой живой твари, а может, и мертвой. Извините за нескромность, но вынужден заявить, что пилота лучше меня не найти. Вам повезло.

— Нам так и сказали, что вы лучше всех, — произнес Ребка и мысленно добавил: «И единственный достаточно сумасшедший, чтобы взяться за эту работу». Впрочем, капля лести никогда не помешает.

— Да, сэр, я самый лучший. Бессмысленно отрицать, что лучше Дульсимера здесь никого нет. А могу я поинтересоваться, как вас зовут, сэр?

— Я капитан Ханс Ребка из Круга Фемуса. А это Луис Ненда, карланец, и наша кекропийская подруга Атвар Х'сиал.

Дульсимер заморгал, но ничего не сказал.

Молчаливое сообщение пошло от Атвар Х'сиал к Луису Ненде:

«Это существо не знает, что испускает феромоны. Я могу читать его мысли. Он узнал тебя. Ребка дурак, что представил нас. Это может дорого нам обойтись».

— А теперь, капитан, — сказал Дульсимер, — могу ли я осведомиться, куда вас надо отвезти?

— В Свертку Торвила.

Огромный глаз снова моргнул и повернулся в сторону Луиса Ненды.

— Свертка! Это другое дело. Это... Если бы вы с самого начала сказали, что хотите посетить Свертку...

— Вы не знаете этот регион? — спросил Ребка.

— Разве я это сказал, капитан? — Чешуйчатая голова укоризненно закачалась из стороны в сторону. — Я бывал там десятки раз и знаю его, как кончик своего хвоста. Но это опасное место, сэр. Сильнейшие пространственные аномалии, голые сингулярности, скачки постоянной Планка и всевозможные изгибы и петли континуума, от которых время гудит как колокол, и скручивается, и начинает течь вспять... — Полифем закатил глаз, и спиральное тело от кончика хвоста до макушки вздрогнуло. — Зачем вам вообще в такое гиблое место, как Свертка?

— Нам это необходимо. — Ребка посмотрел на Луиса Ненду, который стоял с непроницаемым видом. Они не договорились, что можно сказать полифему. — В рукаве появились живые зардалу. И мы думаем, что они прячутся в глубинах Свертки.

— Зардалу! — хрип зазвучал на октаву выше. — Зардалу в Свертке! Простите, господа старого Дульсимера, всего минутку... я кое-что проверю...

Средняя рука залезла куда-то внутрь розового корсета, вытащила оттуда маленький октаэдр и приложила его к выпуклому серому глазу. Наступило долгое молчание. Затем полифем вздохнул, и по его телу пробежала дрожь, на этот раз от головы до хвоста.

— Простите, господа, не знаю, как вам помочь. Не в Свертке. Не тогда, когда там могут быть зардалу. Я предвижу большую опасность... и еще в кристалле смерть.

«Врет, — молча сказала Атвар Х'сиал Луису Ненде. — Он дрожит не от страха».

Луис Ненда придвинулся к кекропийке.

«Ребка рассказывает ему о зардалу. Но Дульсимер этому не верит. Он убежден, что зардалу давным-давно исчезли из рукава».

— Взгляните внутрь Провидящего Кристалла, — полифем протянул зеленый октаэдр Хансу Ребке, — видите, сэр, насилие и смерть.

Кристалл из однородного прозрачно-зеленого стал в глубине мутно-черным. Затем он посветлел и в нем проступила сцена: крохотное подобие Дульсимера боролось с дюжиной нападающих, но все они были слишком темными и слишком быстро двигались, чтобы разобрать, кто они и что собой представляют.

— Что ж, если вы не можете помочь, делать нечего. — Ребка небрежно кивнул, передал октаэдр полифему и стал собираться. — Боюсь, нам придется поискать пилота в другом месте. Очень жаль, потому что я уверен: вы действительно лучший. Но если не можешь достать лучшее, приходится соглашаться на второй сорт.

— Ну-ну, капитан, подожди. — Пять рук одновременно вырвались из поддерживающих их петель-складок, и полифем развернулся на своем хвосте, став выше ростом. — Поймите меня правильно. Я не говорю, что не могу быть вашим пилотом или что не буду им. Я только сказал, что предвижу огромную опасность в районе Свертки. А при наличии опасности предполагается совсем другой контракт, нежели для обычного полета.

— Каким вы себе его представляете? — Ребка держался все так же небрежно.

— Уж конечно, не с обычной ставкой оплаты, капитан. За рейс, сулящий опасность... и уничтожение... и смерть, — огромный глаз уставился на Ребку, но крохотная бусинка под ним стрельнула в сторону Луиса Ненды и тут же вернулась в прежнее положение, — так что, я думаю, должно быть какое-то дополнительное вознаграждение за риск. Процент. Что-нибудь вроде пятнадцати процентов... от того, что ваша команда добудет в Свертке.

— Пятнадцать процентов от того, что мы добудем в Свертке? — Ребка, нахмурившись, тоже поглядел на Луиса Ненду, затем снова перевел взгляд на полифема. — Мне надо обсудить это с моими коллегами. Подождите минутку. — Он направился во внутреннюю комнату и снял очки. — Что вы думаете об

этом? — спросил он и стал ждать, пока Луис Ненда переведет вопрос Атвар Х'сиал.

— Ат и я думаем одинаково, — без колебаний ответил Ненда. — Дульсимер узнал меня, а ему известна моя репутация... Меня довольно хорошо знают в этой части Сообщества... Он решил, что мы ищем сокровища. Он жаден и хочет свою долю. Мы же скорее всего найдем в Свертке только кучу неприятностей, так что лично я готов отдать ему пятнадцать процентов этого добра в любое время.

— Значит, мы принимаем предложение?

— Не так открыто, а то он что-нибудь заподозрит. Мы вернемся и скажем ему, что согласны на пять процентов, а затем позволим доторговаться до десяти. — Луис Ненда с любопытством уставился на Ребку. — Может, ответите на один вопрос? Мне обо всем рассказала Ат, которая хорошо читает эмоции Дульсимера, а вы разобрались сами. Как?

— Его подвел этот дурацкий кристалл. У меня дома, в Круге Фемуса, мошенники любят пользоваться такой же штукой и называют ее «Глаз мантикора». Мол, его похитили у космического мантикора с Тристана. Чушь, конечно. Это всего лишь запрограммированный пьезокристалл. Он отвечает на давление пальцев и дает возможность увидеть примерно сотни две различных сценок в зависимости от того, где и с какой силой на него нажать. Детская игрушка.

Атвар Х'сиал кивали по мере того, как ей переводились слова Ребки.

«А он сообразителен, этот твой капитан Ребка, — заметила она Ненде, — даже слишком. Достаточно сообразителен, чтобы помешать нашим планам. Нам надо быть очень осторожными, Луис. И скажи капитану вот что: хотя полифем действительно и хитрый, и корыстный, но его байки нельзя совсем сбрасывать со счетов. Моя интуиция подсказывает мне, что в Свертке нас подстерегает опасность. Вполне возможно, и смерть.

Переговоры с Дульсимером заняли больше времени, чем ожидалось. Ханс Ребка, понимая, что огромный и мощный «Эребус» неуклюж и ограничен в маневре при перемещении в обычном пространстве, а верткий эмбриоскаф слишком мал и не вооружен, настоял на том, чтобы полифем включил в контракт использование его собственного корабля-разведчика «По-

блажка». Дюльсимер согласился, но его доля увеличилась до двенадцати процентов.

Законный контракт с обязательствами сторон был подписан в том самом кабинете бара, где заключались все космические сделки на Затычке. Когда Ненда, Ребка и Атвар Х'сиал наконец покинули «Солнечный», они обнаружили у входа В.К. Талли. На прекрасном варнианском он обращался к привратнику-хайменопту с вежливой просьбой разрешить ему войти.

Хайменопт никак не реагировал. Ребке показалось, что он просто заснул.

В.К. Талли объяснил, что он излагал свою просьбу на ста тридцати пяти галактических языках, но безуспешно. Андроид указал, что его шансы наладить контакт были весьма велики, так как в его распоряжении еще сто шестьдесят два языка, плюс четыреста девяносто диалектов. Он продолжал излагать свои соображения, когда его схватили за руки и потащили на эмбриоскаф.

ГЛАВА 7

Свертка Торвила

Старые привычки не просто умирают с трудом. Они вообще отказываются умирать.

Дари Лэнг сидела в наблюдательном отсеке — прозрачном прыщике на темном корпусе «Эребуса» и с чувством легкой досады смотрела на Свертку Торвила. Она принялась за работу, как только эмбриоскаф отправился на Затычку.

Неохотно. Она предпочла бы спуститься на планету, своими глазами взглянуть на чудеса этого странного мира. Но как только она взялась за привычную работу... что ж, все опять вернулось на круги своя.

Она работала без остановки. Не могла остановиться.

Когда она училась в школе, некоторые учителя обвиняли ее в том, что она «медлительная и мечтательная». Дари, с ее быстрым и точным умом, знала, что это несправедливо. Она долго примерялась к проблеме, но затем вцеплялась в нее мертвой хваткой. Только вмешательство сверхъестественных сил

могло оторвать ее от дела. Если бы она занималась бегом, то, наверное, выбрала бы супермарафон.

Даже возвращение эмбриоскафа и прибытие на борт безногого пятирукого чудища, полифема с Чизма, который беспрестанно подпрыгивал, ухмылялся и хрипел, причем его сканирующий глаз бегал из стороны в сторону, словно оценивая все и вся на «Эребусе»... отвлекло Дари лишь на несколько минут.

Она решила, что Свертка не просто интересна, а уникальна, но даже себе не могла объяснить почему.

Она пыталась обосновать свою увлеченность Хансу Ребке, когда тот вернулся с полифемом.

— Дари, во Вселенной все уникально, — прервал ее он, почти не слушая. — Мы вылетаем. Дульсимер обещает доставить нас туда за два дня. Нам нужны любые сведения, какие ты только сумеешь откопать.

— Важны ведь не сведения, а их сочетание...

Но он уже спешил к грузовым трюмам, и фраза повисла в воздухе.

Теперь в иллюминаторах мерцала Свертка, а Дари продолжала заниматься тем, что Хансу Ребке казалось пустопорожним теоретизированием. Вокруг нее, занимая все плоские поверхности наблюдательного отсека, высились горы распечаток. Нельзя сказать, что данных о Свертке Торвила было мало. Сотни кораблей бороздили ее окрестности. Около пятидесяти заглянули внутрь, и четверть из них вернулась, чтобы поведать об увиденном. Но эти сведения никогда не пытались объединить и систематизировать. Когда Дари читала старые рапорты, анализируя приведенные в них результаты измерений и наблюдений, ей начинало казаться, что Свертка представляет собой что-то вроде гигантского теста Роршаха. Все исследователи описывали скорее свое видение реальности, чем физический объект.

Единодушны они были лишь относительно пяти-шести фактов. Никем не оспаривалось положение Свертки на территории Сообщества Зардалу. Она находилась в районе с поперечником примерно в два световых года и состояла из тридцати семи элементов. Каждый имел свои характерные особенности, но компоненты произвольно выбранной пары могли мгновенно и беспорядочно меняться местами. Корабли, побывавшие внутри Свертки, подтверждали, что эта взаимозамена отнюдь не ка-

кой-то оптический эффект. Два звездолета, вошедшие в Свертку в одной точке, были захвачены этим процессом и вышли обратно совсем в другом месте. Их капитаны сходились во мнении, что это перемещение произошло мгновенно и совершенно не повлияло на состояние корабля или команды. Все исследователи приводили этот случай как доказательство того, что Свертка обладает макроскопическими квантовыми свойствами беспрецедентного масштаба.

На этом единодушие кончалось. Некоторые корабли сообщали, что полет к Свертке на субсветовой скорости от ближайшего узла точки Бозе-сети, находящегося на расстоянии одного светового года, занимает пять лет по корабельному времени. Другие обнаруживали, что находятся на краю Свертки, всего через два-три дня путешествия.

У Дари имелось собственное объяснение этой аномалии. Чудовищные искажения пространственно-временного континуума происходили, как правило, внутри или около Свертки. Определенные маршруты могли сокращать или, напротив, увеличивать расстояние между одними и теми же точками. «Быстрые» подходы к краю Свертки можно было свести в карту, хотя никто и никогда этого не делал. Маршрут, занимающий два дня, обнаружил один из побывавших в Свертке кораблей, все остальные пользовались им, не вдаваясь в подробности.

Когда Дари приступила к изучению внешней геометрии Свертки, она поняла, почему этого не сделали раньше. Континуум этой области на поверку оказался невероятно сложен. Расчеты его метрики потребуют массу машинного времени, хотя задача не казалась неразрешимой. И вот теперь, составляя программу, Дари ощущала смутное беспокойство. Чего-то не хватало. Она проглядела какой-то фактор, что-то очень важное и существенное.

Она давно взяла за правило прислушиваться к этим сигналам из глубины мозга. Лучшим способом извлечь их на свет было поговорить с кем-нибудь о том, что она делает. Она отправилась в ходовую рубку, отыскала Луиса Ненду и стала рассказывать ему о своей работе.

Он прервал ее через тридцать секунд.

— Чихать я хотел на строение Свертки. Мы все равно туда залезем, найдем зардалу и выберемся назад целыми и невредимыми. Не ломай голову над этой ерундой, — бросил он и помчался в главный грузовой трюм, чтобы убедиться, что корабль

Дульсимера «Поблажка» надежно закреплен, а эмбриоскаф снова готов к использованию.

«Дикарь!» — подумала Дари.

Чем он лучше Ханса Ребки? Нет смысла втолковывать им, что знания ценны сами по себе, что даже простое понимание имеет смысл. Что узнавать новое важно, и что именно абстрактное мышление — что бы ни говорили Ненда, Ребка и иже с ним — отличает людей от животных.

Погруженная в эти мрачные мысли, она снова занялась изучением внешней геометрии Свертки. Можно ли объяснить в геометрических терминах другие различия, о которых сообщали предыдущие экспедиции? Все наблюдатели, приближавшиеся к Свертке, утверждали, что Свертка возникала перед ними внезапно. Сначала вам не на что смотреть, но еще мгновение — и она уже перед вами. Рядом. Половине подлетающих кораблей Свертка представлялась пучком светящихся щупалец с тридцатью семью узлами. Другие видели тридцать семь светящихся сферических областей, нечто вроде расплывчатых разноцветных солнц. С полдюжины наблюдателей сообщали, что единственное свидетельство появления Свертки — «дыры» в пространстве, тридцать семь темных пятен на звездном фоне. Два кекропийских корабля, команда которых не воспринимала электромагнитное излучение и полагалась только на приборы, преобразующие свет в высокочастотные звуковые сигналы, также «видели» Свертку... как тридцать семь бархатистых объектов округлой формы.

Дари считала, что все это можно объяснить геометрическими свойствами региона. Пространственно-временные дислокации внутри и вокруг Свертки влияли не только на расстояния до нее. Они меняли характеристики испускаемых ею пучков света. В зависимости от угла зрения, некоторые расплывались, другие гасли из-за интерференции. Сейчас она видела узор из светящихся, похожих на белых червяков щупалец, но если бы «Эребус» приближался к Свертке иным маршрутом, она увидела бы что-нибудь совершенно другое. И ее карта окрестностей Свертки может быть продолжена внутрь на основе ее оптических характеристик.

Дари запустила новую серию расчетов и погрузилась в размышления, мрачно глядя сквозь прозрачные стены наблюдательного отсека на причудливый космический «пейзаж». Ее настроение менялось так же непредсказуемо, как и сама Свер-

тка. Она чувствовала себя то раздраженной, то взволнованной, то виноватой, то самой умной.

Но до главной загадки — Дари была в этом уверена — она так и не добралась. И в ней нарастало беспокойство.

Появление в наблюдательном отсеке Каллик, с одной стороны, было весьма некстати, а с другой — напомнило Дари, что на борту «Эребуса» не только она знакома с высшей математикой.

Маленькая хайменоптка вплыла внутрь и робко остановилась рядом с Дари. Та вопросительно подняла брови.

— Я слышала, — Каллик разбиралась в человеческой мимике гораздо лучше, чем Дари в жестикуляции хайменоптов, — что вы смогли создать подробную карту геометрии Свертки.

Дари кивнула.

— Откуда вы знаете?

— Хозяин Ненда сказал, что вы говорили с ним об этом.

— Метанье бисера.

— Неужели? — Каллик вежливо склонила свою черную головку. — Но ведь само это утверждение верно, не правда ли? В таком случае мое собственное открытие может вам пригодиться. — Она уселась на пол около Дари, раскинув свои восемь лапок.

Мрачное настроение Дари улетучилось, и она серьезно посмотрела на Каллик. В конце концов, именно эта хайменоптка совершенно независимо от Дари отыскала систему в изменении свойств артефактов, которая привела их на Тектон во время Летнего Прилива.

— Я тоже занималась изучением Свертки, — продолжала Каллик. — Возможно, мой подход Отличается от вашего. И хотя геометрическое строение Свертки интересно само по себе, я решила, что нам надо сосредоточиться на планетах внутри Свертки. Наверняка они являются единственным местом, где могут сейчас жить зардалу. На основании визуальных наблюдений можно считать установленным, что планет там много: это подтверждается знаменитым явлением, известным под названием Ожерелье или Жемчужная Нить: десятки кораблей видели множество прекраснейших планет. Их существование можно было бы считать доказанным, если бы не один любопытный факт: исследователи, которым удалось побывать внутри Свертки и вернуться, сообщали, что вокруг кучки солнц, которые они там обнаружили, нет никаких планет. Они схо-

дятся на том, что планеты в системе Свертки, должно быть, невероятно редки, если вообще существуют. Кто же тогда прав?

— Те, кто побывал внутри, — без колебаний ответила Дари. — Никакое дистанционное исследование не заменит непосредственных наблюдений.

— Я тоже так считаю. Поэтому Ожерелье, или Жемчужная Нить, не более чем оптический обман. По-видимому, какая-то линза проецирует в район Свертки изображения далеких планет — возможно даже извне этого рукава галактики. Очень хорошо. Поэтому я исключила все свидетельства о множестве планет Ожерелья или Жемчужной Нити. Это оставляет для рассмотрения лишь горстку изолированных планет, увиденных внутри Свертки. Если наш предварительный анализ верен, одна из них — Дженизия. У меня есть координаты точек наблюдения и траектории кораблей в тот момент. Но я не знаю, как учесть внутреннюю геометрию Свертки.

— Я знаю! — Дари проклонила себя. Ей не стоило ломать голову в одиночку. Совершенно очевидно, что она должна была сотрудничать с Каллик. — Я проделала такие расчеты, изучая прохождение света через Свертку.

— Я так и предполагала. — Каллик направилась к терминалу, связывавшему наблюдательный отсек с центральным компьютером «Эребуса». — Я предоставляю вам вычисленные мною радиус-векторы, а вы продолжите их по геодезическим линиям Свертки...

— ...и мы получим координаты планет. — У Дари осталось легкое недовольство собой, но жажда деятельности пересилила. — Дайте мне несколько минут, и я отвечу на все ваши вопросы.

Дари хотелось назвать собственное наблюдение законом природы. Закон Лэнг: «Все всегда занимает больше времени, чем предполагалось».

Только через шесть часов она получила окончательные результаты и отправилась на поиски Ханса Ребки и Луиса Ненды. Она обнаружила их в главной рубке «Эребуса» вместе с Джулианом Грейвсом. Дульсимера нигде не было видно, но трехмерные изображения Свертки из банка данных «Поблажки» занимали всю середину рубки.

Несколько секунд она выжидала, наслаждаясь моментом. Затем поняла, что ожидание может затянуться. Мужчины увлеклись спором.

Дари шагнула вперед и встала между Нендой и Ребкой.

— Мы с Каллик знаем, как найти зардалу! — произнесла она с пафосом. — Если Дульсимер доставит нас в Свертку, мы покажем, в каком направлении двигаться дальше.

Ненда и Ребка подвинулись, но лишь для того, чтобы она не мешала им видеть друг друга и продолжать разговор. Но Джулиан Грейвс повернулся к ней и звенящим голосом сказал:

— В таком случае я хочу, чтобы вы обратили на это их внимание, — он указал на Ненду и Ребку, — потому что этот спор наверняка ни к чему не приведет.

В ту же секунду Дари почувствовала, какая напряженная обстановка в комнате. Если бы она не была так поглощена собой, то заметила бы это по позам собеседников. Атмосфера накалилась от чувств, таких же невидимых и смертельно опасных, как перегретый пар.

— Что случилось? — Но она уже догадалась. Луис Ненда и Ханс Ребка готовы были вцепиться друг другу в глотку. Атвар Х'сиал стояла рядом, угрожающе покачиваясь на задних лапах.

— Это все он! — Ребка ткнул пальцем в грудь Ненды. — Наговорил с три короба про суперпилота, который доставит нас куда угодно. Мы тратим энергию, деньги и время, чтобы добраться до Затычки, торгуемся с этим лживым штопором. И вот что получаем в качестве маршрута!

Он указал на большой экран. Дари озадаченно уставилась на него. Ее заинтересовала не Свертка. В дополнение к ее уже знакомым очертаниям трехмерное изображение заполняли желтые линии, исчезающие в центре аномалии.

— А в чем тут дело?

— Посмотри внимательней и сама поймешь. Хочешь полететь вдоль этой? — Он указал на причудливую траекторию, которая заканчивалась крохотным темным кружком. — Она кончается прямо в середине сингулярности! Нет «Эребуса», нет экипажа.

— Ты туп, как дитронит. — Ненда придвинулся к Ребке, отстранив Дари словно неодушевленный предмет. — Если ты слушаешь меня хоть минуту...

— Секундочку! — Времена, когда Дари позволяла себя игнорировать, давно прошли. Она снова выступила вперед и схватила Ребку за руку. — Ханс, откуда ты знаешь, что полифем предлагает именно эти пути подхода? Ради всего святого, почему ты его не спросишь, что он собирается делать?

— Вот именно, — сказал Ненда, но Ребка побагровел и заорал:

— Спросить его! Ты думаешь, мне не хочется его спросить? Да, он на борту, но это все, что мы о нем знаем. Он исчез! Этот мешок дерьма с выгоревшими мозгами, как только мы заговорили о путях подхода к Свертке, безопасности и изменяющихся временных полях, извинился и сказал, что выйдет на минутку. С тех пор его никто не видел.

— Сам виноват! — заорал в ответ Ненда, снова оттолкнув Дари и яростно уставившись Ребке прямо в глаза. — Не просил ли я тебя не разрешать Талли перегружать к нам банк данных с «Поблажки»? Я вас предупреждал!..

Две длинные суставчатые лапы подхватили Ненду и Ребку за рубашки и легко растащили в стороны. Джулиан Грейвс благодарно кивнул Атвар Х'сиал и повернулся к Ребке:

— Луис Ненда действительно предупреждал вас.

— О чем? — Дари все это порядком надоело.

Ненда высвободился из лап Атвар Х'сиал и опустился на стул.

— Об очевидной вещи, — голос его звучал устало. — Дульсимер зарабатывает себе на жизнь пилотированием. Но кроме того, он полифем с Чизма, а значит — параноик. Он все время ждет, что его попытаются ограбить. Его банк данных выглядит именно так, как я и ожидал... Абсолютная чушь! Настоящие маршруты у него в голове, откуда их никто не сможет украсть. В банке данных нет ничего стоящего. Украдите эти сведения, попробуйте воспользоваться ими, и вы пропали.

— С полным почтением, Атвар Х'сиал хотела бы высказаться, — вставил Ж'мерлия (все это время он переводил кекропийке спор). — Атвар Х'сиал говорит, что Дульсимер — лжец и в придачу большой хитрец. Надо думать, что сейчас он отсутствует не случайно, а намеренно.

— Почему? — спросил Грейвс, подавив желание отругать Ж'мерлию за рабские привычки. Теперь он свободное существо... даже если не хочет этого.

— Чтобы столкнуть нас лбами, — продолжал лотфианин-переводчик, — как сейчас Луиса Ненду и капитана Ребку. Авторитет Дульсимера возрастает, когда мы разобщены. Кроме того, он хочет, чтобы мы, подменив рассуждения эмоциями, уверились, что без полифема мы не попадем в Свертку. Вы, как марионетки, разыгрывали то, что умело срежиссировал

Дульсимер. — Незрячая голова Атвар Х'сиал качнулась, обводя всю группу. — Если эта драка не прекратится, Дульсимер, несомненно, позлорадствует над нашей неразберихой.

Судя по тому, как Луис Ненда и Ханс Ребка стали буравить взглядами пол, слова Атвар Х'сиал возымели действие.

— Мы вовсе не дрались, — пробормотал Ненда, — а просто спорили.

— Совершенно верно, — подтвердил Ребка. — Нам все равно нечего сказать Дульсимеру, даже если бы он был здесь.

— Нет, есть! — выкрикнула Дари. — Если Дульсимер доставит нас в Свертку, мы с Каллик укажем курс, которого следует держаться внутри нее.

Наконец-то она привлекла их внимание.

— Если вы посидите спокойно несколько минут, я вам все объясню. Или Каллик объяснит... на самом деле эта идея принадлежит ей. — Она посмотрела на Каллик, но маленькая хайменоптка села на пол, показывая, что не хочет говорить. — Ладно, если ты не хочешь, скажу я. Я воспользуюсь этим дисплеем.

Дари подошла к пульту управления, а остальные сели так, чтобы лучше видеть экран, и стали молча наблюдать за тем, как она демонстрирует результаты своего анализа геометрии района вокруг Свертки и связывает их с данными Каллик о координатах планет внутри аномалии.

— Получается пять или шесть вариантов, — подытожила она. — Но, к счастью, предыдущие экспедиции оставили высококачественные снимки. Мы с Каллик внимательно рассмотрели все и пришли к выводу, что есть лишь один кандидат. Вот этот.

Она указала на одну из световых линий — головокружительно закрученную траекторию, казалось, не подчиняющуюся никакой логике. На экране появилась звезда, а затем, когда Дари изменила масштаб изображения и относительную скорость приближения, поле зрения отодвинулось от раздувающегося диска солнца. Возникла яркая точка.

— Планета, — прошептал Джулиан Грейвс. — Если вы правы, то сейчас мы смотрим на нечто, потерянное в веках: Дженизия, родной мир клайда зардалу.

Они приближались, и светящаяся точка вдруг раскололась надвое.

— Это не один мир, — сказала Дари, — скорее дублет, вроде Опала и Тектона.

— Надеюсь, они не слишком похожи. — Злость Ханса Ребки мигом улетучилась, он всматривался в дисплей. По мере того, как изображения приближались, он сам заметил разницу. Тектон и Опал были близнецами, совпадая в размерах, хотя и отличаясь по внешнему виду. Дублет Свертки напоминал скорее планету и большую луну. Одна — бело-голубая, с едва видимой сквозь клубящийся облачный покров поверхностью, другая — такая же яркая, хотя вдвое меньшего размера, сверкавшая, как вороненая сталь. Дисплей Дари в ускоренном режиме показал, как эта сияющая луна, крохотная даже в полной фазе, с головокружительной скоростью вращается вокруг планеты на фоне других неподвижных световых точек. Ребка разглядывал планету и ее спутник, толком не понимая, почему он не может оторваться, от этого зрелища.

— А теперь нам, как никогда, нужен Дульсимер, — произнес Луис Ненда, и Ребка вздрогнул. Во время сообщения Дари Ненда тоже сидел тихо, но когда она стала показывать траекторию подхода, он завертелся на стуле, словно повторяя ее изгибы.

— Зачем? — Обиженно поинтересовалась Дари. — Я же только что показала вам дорогу в Свертку.

— Эта дорога не подходит ни одному из известных мне кораблей, — покачал темноволосой головой Луис Ненда. — Во всем рукаве нет такого корабля, который мог бы проследовать по этому пути и остаться целым. Даже наше чудище. А значит, мы должны разыскать Дульсимера. Надо найти путь полегче.

— Верно, — раздался хриплый голос с порога. — Всем нужен Дульсимер.

Они разом обернулись. Полифем прислонился к стене, покачиваясь на свернутом хвосте. Темная зелень его кожи, казалось, полиняла до цвета незрелых яблок. Так как все были поглощены докладом Дари, никто не заметил, когда он вошел и сколько времени простоял у стены в таком состоянии.

Атвар Х'сиал говорила, что полифем вернется позлорадствовать. Но кекропийка ошиблась. Вернуться-то он вернулся, но, похоже, ему было не до злорадства. На глазах почтенной публики хвост Дульсимера подогнулся, и тот сполз по стене. Луис Ненда выругался и бросился к нему. Сканирующий глаз полностью втянулся в голову полифема, а главный, напротив,

широко открылся, и Дульсимер блаженно уставился на коренастого карланца. Ненда нагнулся и положил руку на верхнюю часть туловища Дульсимера.

— Проклятие! Я так и знал. Взгляните на его кожу. Он вот-вот закипит. Без источника радиации! Как же ему удалось так нализаться, не покидая «Эребуса»?

— Не накален, — пробормотал Дульсимер. — Всего лишь чуточку... — Он опустился на пол и, казалось, растекался по его изогнутой поверхности.

— Ядерные термогенераторы! — пробормотал Ненда. — Только так. Я не знаю, есть ли они на этом корабле...

— По крайней мере четыре, — громко сообщил В.К.Талли.

— Но ведь они же наверняка закрыты и защищены. — Ненда подозрительно уставился на викера. — Так или нет?

— Да. Но когда полифем появился на «Эребусе»... — Талли замолчал, увидев выражение лица Ненды. Его запрограммировали отвечать на вопросы... и защищаться от нежелательных физических воздействий.

— Продолжай, — прорычал Ненда. — Удиви меня.

— Он попросил меня показать ему имеющиеся на борту ядерные генераторы. Разумеется, я показал. И тогда он принялся рассуждать, есть ли какой-нибудь способ убрать защиту, хотя бы с краешка, в одном месте, чтобы излучение вышло наружу и попало в заданное место. Это был нестандартный вопрос, но в меня заложена и такая информация. Поэтому я...

— Поэтому ты, — Ненда опять выругался и пнул Дульсимера, — ты показал ему, как именно он может себя разогреть. Чем набили твою голову, Талли, после того, как нажали кнопку «включено»? Полюбуйся, он поджарен со всех сторон. Вы что, не знаете, что полифема надо держать подальше от жесткого излучения?.. Я никогда не видел у него такой светлой кожи. Он просто дымится.

— Хорош и вкусен, — поправил его с пола Дульсимер. — Просто хорош и вкусен.

— Долго он будет приходить в норму? — спросила Дари и подошла поближе к полифему. Он, казалось, ее не заметил.

— Черт, не знаю. Три-четыре дня... в зависимости от дозы. Если судить по виду — он набрался под завязку.

— Но ведь он нужен нам прямо сейчас, чтобы доставить нас в Свертку. — Она помахала копией распечатки с коорди-

натами Дженизии перед носом у Ненды. — Когда мы наконец узнали, где искать зардалу...

— Зардалу! — невнятно прохрипел полифем. Сканирующий глаз забегал из стороны в сторону, следя за листком в руке Дари. Дульсимер, казалось, впервые увидел ее. Он приподнял голову, чтобы оторвать от пола толстогубый рот: — Зардалу, бардалу. Если хотите, чтобы я повел корабль к месту, указанному на вашей бумажонке...

— Хотим... вернее, хотели бы, если бы вы могли. Но вы...

— Немножко тепленький, и все. — Невероятным усилием, полифему удалось подняться и выпрямиться на подвернутом хвосте, чтобы протянуть верхнюю руку и выхватить листок с координатами. Снова обмякнув, он поднес его вплотную к основному глазу и тупо уставился на него.

— Ага! Тридцать третий элемент, ветвь Квистен-Двелла. Знаю, знаю. Есть у меня в запасе одна тропинка... Могу добраться туда с закрытыми глазами.

Сказав это, он снова свалился на пол, и Дари отступила на шаг. С закрытыми глазами? Кажется, по-другому он и не умеет. Но полифем завилал мощным хвостом, подполз к главному пульту управления и стал втягивать себя в кресло.

— Минутку! — Дари бросилась к нему. — Не собираетесь же вы управлять «Эребусом» прямо сейчас!

— Конечно, собираюсь. — Пять рук запорхали по кнопкам и клавишам. — Домчу вас в Свертку за полминуты.

— Но вы же тепленький... сами признались.

— Самую малость. — Огромный грифельно-серый глаз уставился на Дари, задержался на ней, затем тупо уперся в потолок. Пять рук мелькали над пультом так, что за ними невозможно было уследить. — Самую малость. Когда ты горячий, то уж горячий. Чуток, чуточку, чуточную чуточку.

— Кто-нибудь, остановите этого придурка! — заорал Джулиан Грейвс. — Он же воздушным змеем управлять не может!

— Даже лучше, если тепленький, если горячий, вот увидите, — успокоил его Дульсимер, завершая последнюю серию переключений. — П'тому что это, и правда, п'ршивая поездка... я бы сам не р'шился на нее, если б не н'грелся. — «Эребус» тронулся с места. — Чути-чути-чутельку-чут-чут-чуточку, — Дульсимер зашелся в приступе хихиканья, в то время как корабль сотрясала дрожь. — У-у-ух! Поехали! Все на борт, друзья по плаванию, вам л-лучше держаться пок-креп-п-п...

ГЛАВА 8

Когда Дари Лэнг было три года, снегирь свил гнездо на карнизе под окном ее спальни. Дари никому от этом не рассказала, но каждый день смотрела на три голубых яйца — любовалась их цветом и мечтала дотронуться до гладкой скорлупы, не вполне понимая, что это такое...

...и все это продолжалось до одного волшебного утра, когда она увидела, как у всех трех треснула скорлупа. Она как замороженная смотрела, как ровные голубые эллипсоиды, безжизненные и непримечательные, пошли трещинами и постепенно разломились, явив миру свое фантастическое содержимое. Оттуда выкарабкались три пушистых птенчика, их легкие перышки обсыхали на глазах, крохотные клювики не закрывались. Наконец Дари смогла пошевелиться.

Она сбегала вниз. Ее переполняла жажда поделиться с кем-нибудь этим чудом, которое произошло у нее на глазах.

Матра, ее гувернер, выразил в трех словах то, что она испытала: внешность бывает обманчива. Это относится и к вещам, и к людям.

А теперь оказалось вполне применимо и к Свертке Торвила.

Все источники упоминали о тридцати семи элементах. Визуальные наблюдения и приборы подтверждали это. Но когда «Эребус» вошел в Свертку и первый приступ страха отступил, Дари начала различать филигранное сплетение деталей, прячущееся под грубыми внешними чертами.

Дульсимер уже знал все это или чувствовал каким-то инстинктом пилота, которого не было у Дари. Они проникли в Свертку по спиральному коридору, держась середины этой темной беззвездной трубы пустого пространства. Но затем, когда, по мнению Дари, путь для них был открыт, полифем сбросил скорость и осторожно пополз вперед.

— Становится дробно, — пояснил он хрипло. — Надо полегче.

Но полегче не получилось. Корабль двигался в пустоте, вдали от каких бы то ни было физических тел, но его трясло и бросало, как щепку. Дари подумала было, что они попали в район малых пространственно-временных сингулярностей, но тут же сама отвергла объяснение. Столкновение с сингулярностью любого размера полностью разрушило бы «Эребус».

Она повернулась к Ребке, сидевшему в соседнем кресле.

— Что это, Ханс?

— Изменения постоянной Планка... большие. Мы скачем по квантовым состояниям локального континуума. Если такие макроскопические квантовые эффекты типичны для Свертки, нам придется нелегко. Квантовая механика в повседневной жизни! Не представляю, что из этого выйдет. — Уставившись на экраны, он покачал головой. — Но откуда Дульсимер знал, что так будет? Ненда прав: этот полифем лучший из лучших, пьяный он или трезвый. У меня душа уходит в пятки при мысли, что я должен был бы лететь сквозь эту кашу. А это что такое?

Раздался странный стон. Болтанка кончилась, и корабль стал набирать скорость, вращаясь вокруг главной оси, как ружейная пуля. Стенания продолжались — это полифем напевал себе под нос, разгоняя «Эребус»... прямо в сердце сверкающей бело-голубой звезды.

Ближе и ближе. Они не успеют отвернуть! Дари вскрикнула и вцепилась в Ханса Ребку. Дульсимер угробит их всех.

Они уже видели пылающие выбросы водорода и пестрые пузыри, вздувающиеся и опадающие на кипящей поверхности. Еще секунда, и они влетят в фотосферу... Как капля воды на раскаленной плите...

Солнце исчезло. «Эребус» оказался в темной пустоте.

Дульсимер торжествующе закаркал:

— Многосвязка! Риманова поверхность пятого порядка... единственная во всем рукаве. Обожаю! У-у-ух! А ну-ка, еще.

Бело-голубая звезда снова возникла на экране, но уже сзади, и быстро съежилась, а они понеслись дальше по сужающейся трубе, наполненной мраком. Затем пошли быстрые тошнотворные повороты, а потом все огни на «Эребусе» погасли, и наступила невесомость.

— У-у-ух! Простите, ребята, — раздался из темноты хриплый голос. — Провал... и как раз тогда, когда мы были почти у цели. Этот для меня новый. Не знаю, насколько он велик. Придется потерпеть.

На корабле наступила полная тишина. Неужели это всего лишь обычный провал? Дари задумалась. А если они застрянут в нем навсегда? Ей сразу вспомнился Адский Колодец Времени. Предыдущие виражи и вращения взбаламутили ее желудок, невесомость и темнота тоже внесли свою лепту в ухудше-

ние ее самочувствия. Еще немного, и ее стошнит. Но на ее счастье, через две минуты экраны снова ожили. «Эребус» спокойно двигался по орбите вокруг полупрозрачного, слегка светящегося Шара. Внутри него мелькали призрачные разноцветные огни. Иногда они на мгновение исчезали, и матовая поверхность сферы становилась прозрачной.

— Вот мы и прибыли, — объявил Дульсимер. — Точно по расписанию.

Дари во все глаза смотрела на дисплей. Где же планета с лунной, которая, как считали они с Каллик, и есть Дженизия, родина зардалу?

— И где же это мы? — Ненда высказал немой вопрос Дари.

— Там, куда стремились. — Болтанка в Свертке явно пошла Дульсимеру на пользу. Его голос звучал жизнерадостно и гордо, а сам он больше не напоминал бесформенный мешок.

— Вот, — он указал средней рукой на центральный дисплей, — вот оно.

— Но ведь это не то место, куда мы хотели попасть, — запротестовала Дари.

Большой грифельно-серый глаз перекатился в ее сторону.

— Может, вы хотели попасть и не сюда, но это именно те координаты, которые вы мне дали. Мы сейчас как раз на месте. А поскольку опасности мне не по душе, подводить корабль ближе я не буду.

— Но что это такое? — спросил Джулиан Грейвс.

— То, что вы видите, — недоуменно ответил Дульсимер. — Вложенные одна в другую концентрические сингулярности. Разве вы ожидали не этого?

Конечно, они ожидали другого. Но теперь этот феномен казался им вполне естественным.

— В Свертку трудно проникнуть, а водить корабли в ней еще сложнее, — сказал Ханс Ребка. — Но это делалось, и неоднократно, судя по тому, что многие корабли вернулись отсюда. И все-таки ни один из них не сообщал о том, что нашел планету, напоминающую тот дублет, который мы видели снаружи и который, как мы полагаем, является Дженизией. Видимо, существует какой-то *другой* барьер, препятствующий поиску и обследованию Дженизии. Набор подобных сингулярностей вполне мог отпугнуть большинство исследователей.

— Включая нас, — произнесла Дари. (Правило первое космических путешествий: избегай больших сингулярностей. Правило второе: избегай любых сингулярностей.)

— Ну уж нет, — заявил Луис Ненда. — После того как мы сюда притащились, я не отступлю.

Дари уставилась на него. И до нее вдруг дошло, что взаимная враждебность Ханса Ребки и Луиса Ненды объясняется не тем, что они совершенно разные, а тем, что они совершенно одинаковые — дерзкие, умные и уверенные в собственном бессмертии.

— Но если другие корабли входили сюда и не смогли выйти, — поинтересовалась она, — почему же нам должно повезти?

— Потому что мы располагаем кое-какой информацией, — ответил Ребка.

Их с Нендой роднило еще одно преимущество: луженый желудок. Проникновение в Свертку, которое вывернуло Дари наизнанку, на них никак не повлияло.

— У предыдущих экспедиций не было весомой причины задерживаться здесь, — продолжал он. — Они не рассчитывали найти что-то особенное и поэтому не тратили времени на систематические поиски дороги внутрь. Но мы знаем, что там что-то есть.

— И если это что-то — родина зардалу, — добавил Луис Ненда, — должны быть и вход, и выход. И не очень трудные. Нам надо только найти их.

Разумеется, от нас потребуются сущие пустяки — сделать нечто, чего не удавалось сделать до сих пор ни одному исследовательскому кораблю. Дари добавила еще одно качество к списку общих характеристик Ребки и Ненды: здоровый оптимизм. Но ее размышления особого значения не имели... они уже перешли к деталям.

— На «Эребусе» туда лететь нельзя, — говорил Ребка, — это наш дом.

— К тому же он не может садиться, — добавил Ненда и бросил на Джулиана Грейвса весьма выразительный взгляд.

— Вроде бы это не проблема, — сказал Ребка. — Прежде чем действовать дальше, давайте договоримся: тот, кто полетит, пусть даже и не помышляет о высадке. Если там, внизу, есть планеты, их нужно хорошенько рассмотреть с безопасного расстояния, а потом вернуться и доложить. А касательно

того, какой корабль брать, «Поблажку» или эмбриоскаф... Я за эмбриоскаф: он и меньше, и маневренней, — он помолчал, — и легко может быть заменен.

— Кстати о доме, — добавил Ненда. — Атвар Х'сиал убеждена, что даже от «Эребуса» мало толку, если им не будет управлять Дульсимер. Он тоже должен остаться вне...

— Он, безусловно, там останется, — пробормотал Дульсимер.

Полифем нервно вращал глазами, таращась на мигающий снаружи шар. Похоже, он не нравился пилоту.

— ...так, кто же поведет эмбриоскаф и поищет окольные пути? — закончил Ненда.

— Я, — сказал Ребка.

— Меня легче всего заменить. — Ж'мерлия впервые заговорил с того момента, как они вошли в Свертку.

— Мы с Каллик лучше всех знаем внутреннюю геометрию Свертки, — сказала Дари.

— Но я могу сделать самую полную запись событий, — произнес В.К. Талли.

Они зашли в тупик. За исключением Дульсимера решительно все стремились попасть в эмбриоскаф, который с трудом вмещал четверых или пятерых. Спор не смолкал, пока Джулиан Грейвс, до тех пор не проронивший ни слова, не перекричал всех хриплым неровным басом.

— Тихо! Я сам назначу, кому лететь. Позвольте напомнить: «Эребус» — мой корабль, и эту экспедицию организовал я.

«Это моя клюшка, — подумала Дари. — Это мой мячик, и если вы не будете подчиняться моим правилам, я с вами не играю». Бог мой, они все сумасшедшие, и для них это просто игра.

— На эмбриоскафе полетят капитан Ребка, Луис Ненда, Атвар Х'сиал, Ж'мерлия и Каллик, — продолжал Грейвс, свирепо глядя на присутствующих. — Дульсимер, профессор Лэнг и В.К. Талли останутся на «Эребусе», — он замялся, — и я... тоже должен остаться.

В его последних словах послышалась странная неловкость и робость.

— Но я считала... — начала было Дари.

— Я знаю, — оборвал ее Грейвс, — вы хотите полететь. Но кто-то должен остаться.

Дари хотела сказать совсем не это. Она считала, что послать Ребку и Ненду вместе — значит нарваться на неприят-

ности. Однако Грейвс, проникательный, как все советники, почувствовал сомнения Дари.

— На эмбриоскафе должны быть личности, способные действовать оперативно, — сказал он, — однако во избежание возможных конфликтов хочу подчеркнуть: возглавляет группу капитан Ребка. Если с ним что-то случится, группу поведет Луис Ненда.

Дари ждала, что Ненда вспылит, но тот только пожал плечами и задумчиво заметил:

— Хорошо придумано. Группе действия пора действовать. А всю эту ученую братию надо держать здесь, тогда, может быть, остальным...

— Ученую братию! Ну и нахальство... — По тому, как ухмыльнулся Ненда, Дари поняла, что тот целил именно в нее и что она купилась на эту подначку как девчонка.

— Тебе, может, еще выпадет случай, Дари, — сказал Ханс Ребка. — Как только мы найдем вход, сразу же сообщим вам. Держите наготове «Поблажку» на случай, если нам потребуются помощь. Но не тревожьтесь, если от нас не будет известий в течение первых трех дней. Возможно, нам не удастся послать сообщение раньше.

Он повел группу к выходу из рубки, но на пороге обернулся:

— Вот еще что. Двигатели «Эребуса» должны находиться на холостом ходу, чтобы вы могли сняться в любой момент. А если вы получите от нас сообщение, в котором мы вам скажем «бегите», не спорьте и не ждите подробностей. Уходите. Выбейтесь из Свертки как можно быстрее.

Дульсимер, свернувшийся в своем кресле рядом с Дари, повернул к ней свой грифельно-серый глаз.

— Улететь и оставить их? Я понимаю, что для эмбриоскафа могут быть трудности и опасности при прохождении сквозь сингулярности... особенно в отсутствие опытного пилота. Но что они рассчитывают отыскать внутри сингулярностей, что будет опасным для нас на «Эребусе»?

— Зардалу. — Дари повернулась к нему. — Вы все еще не верите в их существование, не так ли? Несмотря на все наши рассказы? Но они существуют. Крепитесь, Дульсимер. Как только мы их найдем, то, согласно нашему контракту, вы получите свои двенадцать процентов от полного их количества.

Огромное веко моргнуло. Если бы Дари разбиралась в мимике полифема, то поняла бы, что он нахмурился.

Зардалу, как бы не так! Да еще так небрежно проходится по его двенадцати процентам. Она его дразнит! Откуда ему знать, что именно они найдут на Дженизии... и сколько запрячут, чтобы забрать потом, когда его не будет поблизости и он не сможет потребовать свою долю... Если его с ними не будет?

Дульсимер чувствовал, когда кто-то пытается его надуть. Дари Лэнг может говорить все, что угодно, насчет живых зардалу, этих пугал рукава, но он был уверен, что все это чушь. Зардалу стерты с лица Вселенной одиннадцать тысяч лет назад.

Как же его купили! Они говорили об опасности и готовности спастись бегством просто для того, чтобы полифем не рвался в эти сингулярности. И это сработало! Они его подловили.

Что ж, «ты надул меня однажды — позор тебе; ты надул меня дважды — позор мне». Больше они так легко его не обдурят. Когда в следующий раз кто-нибудь отправится на поиски Дженизии — или зардалу (Дульсимер про себя хихикнул) — он, безусловно, будет вместе с этим кем-то.

ГЛАВА 9

Дженизия

Эмбриоскаф продвигался вперед.

Медленно. Он проник в сферу первой сингулярности через узкую воронку, угрожающе мерцавшую со всех сторон, а теперь полз по внешней оболочке второй. Полз осторожно и медленно.

Ханс Ребка, глубоко задумавшись, сидел в кресле пилота и изучал призрачные следы пространственно-временных искажений, открывавшиеся на дисплеях. Больше смотреть было не на что. Что бы ни скрывалось под покровом сингулярностей, в их нынешнем положении ничего разглядеть нельзя. Как здорово, что ни Дари Лэнг, ни Джулиана Грейвса нет с ними на борту! Они бы с ума сошли от их медлительности, злились бы на задержки, указывали на отсутствие видимой опасности и вынуждали его прибавить ход.

Конечно, он бы отказался. Если бы Ханса Ребку спросили о его жизненном кредо, он бы полностью отрицал существование такового. Но ближе всего этому понятию соответствовало его глубочайшее убеждение: «Всею свое время».

Иногда надо действовать мгновенно, так быстро, что, кажется, и задуматься некогда. В других случаях уйма времени уходила на вроде бы беспричинные колебания, бесконечные размышления по поводу, казалось бы, тривиальных решений. Выживание зависело от правильного выбора темпа.

Сейчас он еле полз, сам не зная почему, но ему и в голову не приходило спешить. Детство Ребки было менее сентиментальным, чем у Дари Лэнг. Его родиной был Тойфель, мир, который дарил вам только тяготы и невзгоды. Они с Дари Лэнг были совершенно разные, и все-таки одна черта их объединяла: внутренний голос, который иногда раздавался в глубине мозга, напоминая, что внешность бывает обманчива и иногда можно проглядеть самое важное.

Этот голос сейчас нашептывал Ребке, и по опыту он знал, что лучше ему довериться.

Пока эмбриоскаф полз по своему спиральному пути, обещавшему провести их сквозь оболочку другой сингулярности, он пытался нащупать источник своей тревоги.

Команда эмбриоскафа? Нет. Он не доверял ни Луису Ненде, ни Атвар Х'сиал, но не сомневался в их компетентности... или, вернее, в их инстинктивном стремлении выжить. Ж'мерлия и Каллик с их желанием подчиняться приказам, а не действовать самостоятельно скорее раздражали, чем представляли угрозу. Хорошо, если бы с ними был Дульсимер и вел этот эмбриоскаф. Ребка знал, что не может соперничать с полифемом в виртуозности пилотажа. Но Дульсимер сейчас гораздо важнее на «Эребусе».

Ребка давно научился не надеяться на оптимальные решения. Они существовали в строгом мире интеллектуальных проблем Дари Лэнг, но реальность была несравнимо сложнее. Ну и что с того, что у него не идеальная команда. Очень хорошо. Берется та команда, какая есть, и делает то, что надо.

Нет, не эта проблема терзала его подсознание. Что-то было не совсем так.

Был ли мир внутри сингулярных оболочек действительно Дженизией, и найдутся ли там зардалу?

Он ломал над этим голову, пока адаптивная система управления тихонько прощупывала путь через следующую сингулярность и плавно подводила их к ней. Ребка мог изменить ее решение, если бы заметил опасность, но он не располагал информацией для таких действий. Его предупредительные сигналы шли изнутри. Возможно, там, в глубине, находилась планета Дженизия, а может, и нет. В любом случае они собирались туда проникнуть. Когда вы уже решились на какой-то поступок, вы больше не оглядываетесь назад и не сомневаетесь, потому что любой поступок в нашей жизни совершается на основе дефицита информации. Вы смотрите на то, что имеете, и делаете все, что можете, дабы улучшить свое положение, но в какой-то момент вам приходится бросить кости на стол... и жить или умереть с теми очками, которые вы выбросили...

Значит, эту тревогу порождало что-то еще. Что-то необычное, что он сначала заметил, а потом забыл, когда его отвлекли. Что-то...

В конце концов Ребка перестал бороться. То, что его тревожило, отказывалось появиться на свет. Опыт подсказывал ему, что он скорее вспомнит, если перестанет думать об этом. Кроме того, сейчас хватало других причин для беспокойства.

Корабль сделал еще поворот и пополз по маршруту, который, на взгляд Ребки, вел напрямик в белую светящуюся стену. По мере того как они приближались к ней, он напрягался все сильнее.

Должен ли он изменить курс? Если бы человеческие чувства включали и непосредственное ощущение гравитации...

Он принудил себя довериться сенсорам корабля. Они достигли светящейся стены. По конструкциям эмбриоскафа прошла легкая дрожь, как будто на него накатила невидимый прилив, и они оказались по другую сторону.

Они прошли насквозь. Внутренняя оболочка осталась позади. Носовая часть корабля внезапно озарилась оранжевым светом карликовой звезды.

Луис Ненда устроился на корме, углубившись в феромонный разговор с Атвар Х'сиал. Сейчас он быстро протиснулся мимо шестнадцати раскинутых ножек Ж'мерлии и Каллик и остановился за спиной Ребки.

— Планета?!

— Узнаем через несколько минут, — сказал Ребка, пожав плечами, и выпустил «шмеля», крохотный кораблик-развед-

чик, который должен был вернуться по их следу к «Эребусу» и передать ждущим снаружи информацию об их прибытии. Что бы потом ни случилось, Джулиан Грейвс и Дари должны узнать, что сингулярности проходимы. Ребка приказал бортовым сенсорам начать сканирование пространства вокруг желто-оранжевого солнца.

— Я не спрашиваю, а констатирую. — Ненда ткнул большим пальцем в дисплей, показывающий область за кораблем. — Эту гадость видно невооруженным глазом в иллюминатор.

Ребка повернулся в кресле. Это было невозможно... но это было правдой. В кормовом иллюминаторе виднелась та самая бело-голубая планета с огромной луной, которую Дари Лэнг и Каллик демонстрировали им на дисплее «Эребуса». И луна, и планета находились в фазе полумесяца, на расстоянии не более нескольких сотен тысяч километров. Хорошо просматривались большие материки. Ребка включил сенсоры высокого разрешения, чтобы как следует рассмотреть все.

— Вы себе представляете, как мало было у нас шансов? — спросил он. — Мы летим через сингулярности, выныриваем в ста пятидесяти миллионах километров от звезды... и на тебе, прямо у нас под носом появляется планета, так близко, что до нее можно доплюнуть.

— Я знаю все насчет шансов, — голос Ненды походил на глухое рычание. — Так не бывает.

— Вы понимаете, что это означает?

— Это означает, что мы нашли Дженизию. И еще, что вы должны поскорее нас увести отсюда. Очень быстро. Я ненавижу приветствия.

Луис Ненда не успел открыть рот, а Ребка уже взялся за рычаги управления, чтобы убраться от этой планеты подальше. Пока корабль еще не среагировал на команды Ребки, на экранах возникли изображения планеты и луны крупным планом.

— Пригодна для жизни. — Любопытство Ненды граничило с тревогой. С двух сторон к нему прижались Каллик и Ж'мерлия. Только Атвар Х'сиал, которая не могла ничего увидеть на дисплеях, оставалась в кормовой части корабля. — Радиус пять тысяч километров. Спектрометры указывают на большое содержание кислорода; 18 процентов поверхности — суша, 40 процентов — вода, 42 процента — заболоченная местность. Три главных континента, четыре горные системы, но ни одна из

них не превышает километра, никаких полярных шапок. Влажный теплый мир, на первый взгляд кажется богатым, — в нем просыпались собственнические инстинкты. — Интересно, как там внизу.

Ханс Ребка не ответил. По какой-то причине его внимание приковала не сама планета, а ее луна. То изображение, которое показывали им Дари Лэнг и Каллик на «Эребусе», имело очень небольшое разрешение. И все, что он тогда видел, это матовый серо-стальной шарик, посверкивающий в щербинках. Теперь этот шар заполнил весь экран.

Он попытался вспомнить то, что показывала на дисплее Дари, и понял, что его тогда озадачило: луна быстро крутилась вокруг застывшей на месте планеты. Любые свободно движущиеся тела — двойные звезды, или планета и луна, или нечто подобное — вращаются вокруг общего центра тяжести. При таком крупном спутнике, как этот, центр тяжести должен лежать где-то вне планеты, и, значит, оба тела должны двигаться относительно звездного фона, если только масса луны не пренебрежимо мала. Но тогда это означает...

Он впился в заполнившее экран изображение и увидел, что все выемки и наросты на поверхности луны расположены в определенном порядке, а ее кривизна точно выверена.

— Искусственная! И массой можно пренебречь. Она должна быть полой! — вырвалось у него, хотя он понимал, что для остальных эти слова звучат бессмыслицей.

Не важно. Скоро они все поймут сами. Поверхность луны начала раскрываться. Из нее ударил шафранный луч и осветил эмбриоскаф. Внезапно их траектория изменилась.

— Что за чертовщина? — Ненда протолкнулся вперед и схватился за рычаги управления.

Ханс Ребка не стал ему препятствовать. Это уже не играло никакой роли. Тяга корабля была выведена на максимум, а он все равно двигался в противоположном направлении. Ребка посмотрел в кормовой иллюминатор. Вместо того чтобы удаляться, луна и планета приближались к ним. И вскоре стало ясно, что этот луч не просто тащил эмбриоскаф к сверкающей луне. Их траектория стремительно менялась.

Ребка со сноровкой опытного пилота машинально прикинул их курс. В результате он не сомневался.

«Интересно, как там внизу», — сказал перед этим Луис Ненда. Что ж, это они узнают, и очень скоро. Хотят они этого

или нет, но эмбриоскаф торопится на свидание с Дженизией. Теперь они могли лишь молиться, чтобы посадка оказалась мягкой.

Мягкая посадка или...

Он с грустью подумал о Дари Лэнг. Если бы он знал, что все так обернется, то попрощался бы с ней как следует.

Когда Ханс Ребка вспоминал Дари и их прощание, она думала о нем и Луисе Ненде менее ласково.

Эгоистичные властные убудки! Она пыталась объяснить им, что стоит на пороге великого открытия. А они отмахнулись от нее, как от назойливой мухи, а потом при первом же удобном случае кинулись на поиски Дженизии, координаты которой они с Каллик им нашли, а ее бросили сходить с ума на «Эребусе» и терпеть болтовню В.К. Талли и стенания Дульсимера.

Дульсимер отчаянно стремился хватить еще разок своего радиоактивного «коктейля». Джулиан Грейвс строго-настроено запретил В.К. Талли снимать защиту, так что единственной надеждой Дульсимера стала Дари. Он постоянно преследовал ее и, подмигивая и ухмыляясь, предлагал ей небывалые сексуальные утехы, которые, по его словам, может доставить только зрелый полифем. Если только она слегка приоткроет для него ядерный генератор и позволит повпитывать радиацию, хоть несколько часиков... несколько минуточек...

Дари отступила в наблюдательный отсек и закрылась там. Она искала уединения, но когда нашла его, старые привычки взяли верх, и она вернулась к изучению Свертки.

А начав, не могла остановиться. Так как никто не отвлекал ее, она с головой ушла в работу. Это погружение было сродни радиационному «пьянству» Дульсимера.

Назовем это страстью исследователя.

Во всей Вселенной нет ничего столь же увлекательного. Первые долгие часы изучения кажутся пустыми и бесплодными. Затем возникает необъяснимая убежденность в существовании чего-то скрытого, какой-то недосыгаемой, но близкой реальности. Затем появляется озноб, мурашки бегут по затылку, шее, спине... и вспышка молнии, когда тысячи разрозненных фактов мгновенно складываются в осмысленный узор... в стройную картину, которая внезапно становится четкой и ясной. О, это пробирающее до костей наслаждение, когда вроде

бы бессвязные идеи, занимают свои места и становятся частями целого!

Она испытывала это удовольствие раз десять, за столько же лет, в течение которых работала над описанием древних артефактов Строителей. Год назад она порвала с этой жизнью — так поглотили ее поиски свидетельств присутствия Строителей в этом рукаве и возле него. А меньше месяца назад, уверившись, что ее душевный покой исчез навсегда, она с радостью согласилась лететь с Хансом Ребкой.

Что ж, она ошибалась. Став однажды исследователем, навсегда им и останешься. От поисков зардалу она не получала и сотой доли того удовольствия, которое даст ей изучение Свертки Торвила, самого необыкновенного объекта во всей Вселенной.

Но по мере того как Дари старалась сосредоточиться на Свертке, она с удивлением обнаруживала, что ее ум снова и снова возвращается к старым исследованиям артефактов Строителей. Это казалось наваждением, досадной помехой. Строители настойчиво заявляли о себе в самый неподходящий момент.

И тут словно ударило.

Свертка — артефакт Строителей.

Рядом с ней любое другое рукотворное сооружение в рукаве казалось карликом. Свертка была больше, чем преобразованная система Мэндела, больше, чем внегалактическое сооружение Строителей, Ясность. Она была немыслимо огромной!

Но аналогий с другими артефактами отрицать было нельзя. Здесь были и светофокусирующие свойства Линзы, и многосвязная природа Парадокса. Она припомнила Ворот Пуповины и узловатые топологические узлы Стражника. Везде просматривалось соответствие структуре Свертки.

А это означало...

Разум Дари интуитивно вырвался за пределы твердо установленных догм. Если Свертка была созданием Строителей, тогда «естественный» набор сингулярностей, вокруг которого вращался «Эребус», также был артефактом. Но в его пределах, согласно ее вычислениям, лежал исконный мир зардалу. Если это верно, то не могло быть простым совпадением. Должно существовать более тесное родство, чем представлялось ранее,

между исчезнувшими Строителями и ненавистными зардалу. Связь между Строителями и зардалу.

Но какая? Возник соблазн пренебречь логикой. Временные масштабы были так несопоставимы. Строителей нет в руке миллионы лет. Зардалу уничтожены всего лишь одиннадцать тысяч лет назад.

Связь такова: они, по-видимому, созданы Строителями. Единственные сохранившиеся особи зардалу были пойманы другими созданиями Строителей во время Великого Восстания и сохранены в стазисе на Ясности вдали от галактических просторов. А теперь оказалось, что и Дженизия защищена от внешних контактов барьерами, возведенными для того, чтобы отбрасывать или уничтожать... любые приближающиеся к нему экспедиции, и только Строители или, вернее, их разумные создания, могли соорудить эти защитные стены.

Дари снова подумала о Хансе Ребке, но теперь по-другому. Жаль, что его здесь нет. Ей отчаянно требовалось поговорить с кем-то, кто хладнокровно выслушал бы ее и разбил логические неувязки или стремление принять желаемое за действительное. Но вместо этого Ханс был...

Боже мой! Ужасная мысль вырвала ее из интеллектуального транса. Отряд эмбриоскафа летел в нечто гораздо более сложное и опасное, чем представлял кто-либо на борту. Они верили, что проникают в систему естественных сингулярностей с естественной планетой внутри. А на самом деле они входили в артефакт, в клетку со львами, полную неожиданностей и капканов. Там могут быть другие барьеры, чтобы помешать или уничтожить будущих исследователей внутреннего пространства.

Их надо предупредить.

Дари пробралась через беспорядок наблюдательного пункта (пол был завален распечатками) и побежала на поиски Джулиана Грейвса. В ходовой рубке его не было, в спальня каюте и на камбузе тоже. Ни в одном месте, где обычно он находился.

Дари прокляла гигантские размеры «Эребуса» и побежала по главному коридору, который вел в грузовые трюмы и машинное отделение.

Грейвса она не нашла, но по пути встретила В.К.Талли. Андроид стоял у щита, ограждавшего ядерные генераторы.

— Советник Грейвс изъявил желание побыть в одиночестве, — сказал он. — По-моему, он хочет избежать дальнейших разговоров.

Не одной Дари были невыносимы вопросы Талли и жалобы Дульсимера.

— Куда он пошел?

— Он не сказал.

Так же, как и Дари. Он не хотел, чтобы они знали.

— Нам необходимо найти его. Были какие-нибудь вести с эмбриоскафа?

— Никаких.

— Тогда пошли. Еще нам нужен Дульсимер, чтобы осуществить очень хитроумный полет. Он, наверное, уже достаточно остыл. Но сначала давай найдем Джулиана Грейвса. Если придется, перероем весь корабль. — Она направилась к двигателям, осматривая по пути каждую каюту. В.К. Талли растерянно тащился за ней.

— Вы проверяете каюты по левой стороне, — показала Дари, — а я по правой.

— Можно мне говорить?

Говорит-говорит-говорит.

— А это обязательно?

— Если вы хотите поговорить с Джулианом Грейвсом, процедуру можно упростить. Конечно, если, как вы сказали, вам хочется видеть его своими глазами или если необходимо, чтобы он говорил с вами...

Дари остановилась, держа руку на щеколде.

— Давайте уточним. Я хочу поговорить с ним.

— Тогда я могу предложить воспользоваться системой вещания. Она передаст ваше сообщение во все уголки «Эребуса».

— Я и не знала, что такая система существует. Как вы ее обнаружили?

— Это часть общей схемы «Эребуса», которую я перенес из корабельного банка данных в свою память.

— Отведите меня к точке входа в систему. Мы можем поговорить и с Дульсимером.

— В этом нет необходимости. Я и так знаю, где Дульсимер. Он снова возле ядерных генераторов, где вы меня нашли.

— Что он там делает? Разве Грейвс не велел вам держать его подальше от источников радиоактивного излучения?

— Нет. Он велел мне не снимать защиту. Я этого и не делал. Но, как указал мне Дульсимер, никто не говорил, что запрещается пускать его самого за оградительный барьер генератора. — Вид у Талли был задумчивый. — Думаю, он уже может оттуда выйти.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ СО СТРОИТЕЛЯМИ?

Не думаю, что я когда-нибудь понимал живущих внизу, хотя провел с ними много лет. Стиль отношений никогда не меняется. Как только они узнают, что я изрядно побродил по космосу, они присаживаются и начинают потихоньку расспрашивать, но сразу видно, что на уме у них только одно. Наконец они задают свой коронный вопрос, причем всех интересует одно и то же: вы, капитан, посещали множество артефактов Строителей. Как вы думаете, что с ними случилось? Куда они делись?

Это справедливый вопрос. На протяжении пятидесяти миллионов лет в галактике существовали какие-то разумные существа, рассеявшие тысячи своих артефактов на пространстве в несколько тысяч световых лет. Все огромные и несокрушимые, причем три четверти из них прекрасно работают... Я близко видел десятки из них, от таких практичных и полезных, как Пуповина, до полупонятных, вроде Слона или Линзы, и совершенно необъяснимых, как Суккуб, Парадокс, Факел и Джаггернаут.

Строители и их артефакты! И вдруг, дзень, — около пяти миллионов лет назад Строители исчезают, и никаких признаков их существования больше нет... И никаких посланий. Или Строители так никогда и не изобрели письма, или были хуже наших программистов в том, что касается документации.

Может быть, они и оставили какие-то свидетельства, но мы не сумели их разгадать... Некоторые говорят, что черная пирамида посреди Стражника — это библиотека Строителей. А кто докажет?

В любом случае я утверждаю, что живущим внизу судьба Строителей на самом деле безразлична, потому что этим тупоумным ползунам с загребущими руками безразлично их наследие. Я видел на Терминусе, как какой-то человек резал на куски плоский фабрикатор Строителей. Бесценное, непознанное нами до сих пор устройство он разрезал, чтобы застеклить окно. Я видел на Дарьене женщину, которая использовала секцию пульта дистанционного управления Строителей, набитого сверхчувствительными контурами, в качестве молотка. Большинство живущих внизу относятся к артефактам, как к строительному материалу, который можно использовать сегодня.

Поэтому я не отвечаю живущим внизу, а сам задаю им вопрос или два. «Что случилось с зардалу?» — спрашиваю я.

«О! — отвечают они. — Их стерло с лица планет Великое Восстание поработенных ими народов».

«А что случилось с динозаврами на Земле?»

«О! Их погубили митохондрии... Это все знают».

И так быстро и гладко всегда выпаливают. Внизу, видите ли, объяснения не нужны. Расхожая фраза вместо объяснения им гораздо понятнее.

А положим, вы ответите им, как отвечал я до тех пор, пока у меня не навязло в зубах, что есть, мол, и другие теории. До того как палеомикробиологи открыли митохондриальную мутацию в меловом периоде, которая так ослабила и замедлила процессы в любом земном существе массой более семидесяти фунтов, что оно не смогло таскать собственную массу... Бытовали всевозможные теории исчезновения динозавров, от засухи до появления у Солнца темного спутника, гигантского метеорита и близкой вспышки сверхновой.

Предположим, вы все это им выложите. Ну и что? Они посмотрят на вас как на сумасшедшего.

Но удивительнее всего то, что я нашел объяснение исчезновению Строителей. Оно основано на моих наблюдениях за различными видами в различных частях галактики. Оно просто, логично, и никто, кроме меня, в него, кажется, не верит.

Вот оно.

Есть простой биологический факт, непреложный для всех известных жизненных форм: хотя одноклеточный организм вроде амебы или другого простейшего может жить вечно, любой сложный, многоклеточный организм умрет от старости, даже если ничто другое его не убьет.

Любые разумные существа, будь то люди, кекропийцы, варниане или полифемы (или Строители), можно представить как единый многоклеточный организм. У хайменоптов и мирмеконов Декантила эта аналогия даже ярче и очевиднее, чем у людей или, скажем, кекропийцев. Хотя, когда вы повидаете столько миров, сколько я, вам тоже покажется, что люди, как пчелы, роятся на планетах, покрывая их городами, сетью дорог и всякими суперструктурами, разрастающимися, как плесень на спелом фрукте.

То есть я хочу сказать, что виды — это организмы. Вот мой простой логический вывод: любой вид есть единый многоклеточный организм. Каждый многоклеточный организм с течением времени старится и умирает. Следовательно, любой вид в конце концов состарится и умрет.

Это и случилось с суперорганизмом, известным под именем Строителей. Он долго жил. Затем состарился. И умер.

Убедительно? Если да, то не ждите лучшего и для людей. Я, лично, не жду.

***«Горячие скалы, теплое пиво, холодный уют
(в одиночку по галактике)».
Мемуары капитана А.У. Слоуна.***

ГЛАВА 10

Улаживание конфликтов в Круге Фемуса приводило Ханса Ребку на тысячи планет. Он тысячи раз садился на них, и поскольку ему приходилось появляться именно там, где имели место всяческие неприятности, большая часть этих посадок проходила в условиях, далеких от идеальных.

После сильного удара первой мыслью было: «Жив! Я жив!» Вопросы пришли потом: в каком я состоянии? могу ли двигаться и действовать? здоровы ли и целы мои спутники? цел ли корабль? герметичен ли он? достаточно ли исправен, чтобы мы снова могли взлететь?

И, наконец, вопрос вопросов: **ГДЕ МЫ НАХОДИМСЯ?** Что там снаружи?

По меркам Ребки, эмбриоскаф совершил мягкую посадку. То есть его посадили на скорости, которая не сожгла его при вхождении в атмосферу, а удар о поверхность не убил все живые существа на борту. Но приятной эту посадку назвать было нельзя. Корабль тащило к поверхности с такой силой, что крепкий корпус дрожал и визжал, протестуя. Ханс Ребка почувствовал, как заскрипели зубы, когда внезапно возросшая сила тяготения вжала его в кресло.

На несколько секунд он вырубился, а когда снова пришел в сознание, глаза ничего не видели. В них мелькали яркие огни, сменявшиеся мгновениями полной темноты.

Он потряс головой и зажмурился. Если подвело зрение, придется полагаться на другие чувства. Ключевой вопрос все еще оставался без ответа.

Сосредоточься. Заставь мозг работать во что бы то ни стало.

СЛУХ. Он прислушался к шумам вокруг. Первым ответом было: кто-то еще на борту пережил эту посадку. Он различал проклятия, стоны, а также щелчки и посвистывания Ж'мерлии и Каллик. Стонал, должно быть, Луис Ненда. А раз человек остался в живых, то вряд ли мог не уцелеть лотфианин, а тем более хайменопт. В худшем состоянии могла оказаться Атвар Х'сиал, самая увесистая на борту. Но этот страх несколько рассеялся, когда Ребка почувствовал мягкое прикосновение ее хоботка к лицу и услышал голос Ненды:

— Он жив? Подними его, Ат, дай мне на него взглянуть.

ОБОНЯНИЕ. Кораблю повезло меньше. Ребка почувствовал незнакомый неприятный запах — что-то вроде сырости и плесени. Герметичность корпуса была нарушена, и они дышали воздухом планеты. Это решало проблему проверки пригодности атмосферы перед выходом. Либо она их убьет, либо нет.

ОСЯЗАНИЕ. Кто-то ощупывал его грудь и живот, достаточно жестко и больно. Ребка заворчал и снова открыл глаза. Мелькание исчезало, уменьшаясь до мерцающего фона. Голова болела нестерпимо. Луис Ненда кончил трогать его живот и теперь двигал его руки и ноги, проверяя кости и работу суставов.

— Не трудись. — Ребка вздохнул поглубже и сел. — Я как новенький. Корабль...

— В атмосфере, наверное, полетит без проблем. Но в космос выйти не сможем, пока не исправим вот это. — Ненда указал вперед. Ребка увидел прямо перед своим креслом брызги черной грязи, попавшие внутрь сквозь вмятый кусок обшивки. — Атвар Х'сиал и Ж'мерлия проверяют корпус, чтобы оценить, сколько времени займет ремонт, после которого мы будем готовы к космической пробежке.

— Если нам позволят покинуть планету. — Ребка попытался встать и обнаружил, что ноги не хотят его слушаться. То, что пол накренился под углом десять градусов к горизонтали, также не помогало. Наконец Ребка поднялся в своем тесном закутке и прислонился к стенке. Он заметил глубокий кровоточащий порез на мускулистой левой руке Ненды. Карланец спокойно зашивал его иголкой с толстой ниткой... и, конечно, без анестезии.

Ребка отметил это про себя. Какие бы ни были у Ненды недостатки, нытиком его не назовешь. «Хорошо, когда такой

прикрывает тебя с тылу... но потом береги свою спину», — подумал он.

— С нами при входе особо не церемонились, — заметил Ребка. — Если мы захотим улететь, тот же луч может снова нас уронить и, боюсь, не столь нежно.

— Да-а. Нам повезло, — пробормотал Ненда сквозь зубы. Он кончил зашивать и перекусил нитку. Затем выплюнул кончик и, подойдя к открытому люку, выглянул наружу. — Грязь. Если приходится падать, то лучше подстилки не найти. Каллик! — крикнул он, добавив щелчок и свисток. — Будь проклята эта хайменоптка. Я же сказал только выглянуть. Куда она подевалась?

Люк находился в пяти футах от земли. Ребка последовал примеру Луиса Ненды, съехал по полу к люку и прыгнул на поверхность планеты. Они оказались на плоской серо-зеленой подушке из мха, которая слегка прогнулась под их весом. Эмбриоскаф, падая, пропахал черную канаву длиной в несколько сот метров.

— Повезло, — повторил Ненда. — Мы могли приземлиться туда, — он указал назад. В полумиле от них мшистая подушка переходила в пятнистую почву, заросшую папоротником и хвощами, из которых торчали изогнутые выступы скал, острые, как зубы дракона. — Или туда.

Ненда обернулся и указал в другую сторону, в направлении носа корабля. Мох, на котором они стояли, образовывал нечто вроде береговой линии, площадки между скалами и серо-голубым морем.

— Если бы мы пролетели ещё милю, то сейчас дышали бы водой. Опять повезло. Только я в такую удачу не верю.

— Нас сюда привели, — согласился Ребка. Мужчины отошли от покалеченного корабля и оглядели местность от горизонта до горизонта. В головах обоих пульсировало одно и то же. На каждой планете имелись свои живые существа и свои потенциальные опасности. Но если этот мир действительно Дженизия, то здесь их поджидает опасность реальная — зардалу.

Ребка проклинал свое решение... Да-да, он сам решил проникнуть в сингулярность на маневренном, но безоружном эмбриоскафе. «Эребус», оцетинившийся оружием, они не могли сюда доставить, не рискуя потерять всю экспедицию, но они могли бы воспользоваться «Поблажкой», достаточно вооружен-

ной, чтобы обеспечить надежную защиту. А имея только эмбриоскаф, они вынуждены драться голыми руками... с зардалу. Правда, они не собирались садиться, но все равно...

— Я их не вижу, — объявил Ненда. Ему не нужно было уточнять, кого именно.

— А я и видеть их не хочу. Может, мы сумеем починить корабль и вывести его на орбиту до того, как они поймут, что мы здесь. Это ведь целая планета. Мы видим, наверное, лишь ее миллионную часть.

— Кто-нибудь да знает, что мы здесь. Не мы выбирали, где садиться... За нас это сделал кто-то другой. Может, мы скоро узнаем, кто. — Ненда указал на утесы, вздымающиеся полукругом за кораблем. — Вот идет Каллик... и очень торопится.

Ребка с большим любопытством посмотрел на отдаленный темный вихрь. Ему не доводилось видеть хайменопта, бегущего в полную силу. Круглое бочкообразное тельце с коротким мягким мехом и восемь разъезжающимися ногами выглядело чересчур неуклюже и тяжеловесно для большой скорости. Но рефлексы Каллик были в десять раз быстрее, чем у человека. Проволочные ножки могли перенести ее и за сотню метров в доли секунды.

Этим они сейчас и занимались. Лапки двигались так быстро, что их невозможно было рассмотреть. Ребка видел только быстро приближающееся расплывчатое черное тельце. Каллик притормозила около них через десять секунд. Ее шкурка была заляпана мокрой коричневой грязью.

— Беда? — спросил Ненда.

— Похоже. — Хайменоптка, казалось, даже не запыхалась. — В трех километрах отсюда, за скалами на береговой линии стоят какие-то конструкции. Я приблизилась к ним и ненадолго зашла. Там, внутри, слишком темно, чтобы что-то разглядеть, но ясно, что они искусственные. Однако там не заметно никаких признаков обитания.

— Могут они быть жилищем зардалу?

— По-моему, да. — Каллик заколебалась, а Ребка подумал о мужестве маленькой хайменоптки. Тысячелетия прошли с тех пор, как подобные ей существа были рабами зардалу, но образы сухопутных головоногих еще не стерлись из их расовой памяти. Во время последней встречи зардалу оторвали у нее одну ногу, только для того, чтобы доказать людям, на что они

способны. И все-таки она вошла в эти неизвестные строения, зная, что внутри могут оказаться зардалу.

— По некоторым соображениям, — продолжала Каллик, — не последним из которых является моя уверенность, эта планета и есть Дженизия. Поглядите на это.

Прежде чем Ребка или Ненда смогли возразить, она снова умчалась, на этот раз к берегу, и влетела прямо в воду. Берег здесь круто обрывался, и через несколько футов Каллик исчезла под водой. Когда она появилась снова, держа в двух передних лапках какой-то дергающийся предмет, то тут же помчалась обратно.

Ханс Ребка не мог разглядеть ее добычу, пока она не оказалась рядом с ним. А когда она протянула ее, он невольно отпрянул. Животный страх и тревога пронзили его мозг. Он перестал дышать.

Существо двух футов длиной, которое Каллик так небрежно держала, было тысячелетним кошмаром в миниатюре. Увеличьте его в десять раз, и этот моллюск с щупальцами станет семиметровым зардалу, темно-синей тварью, представляющей смертельную опасность в силу своего ума и жестокости.

— Несомненно, предшествующая форма, — сказала Каллик. — Оно уже является амфибией. Смотрите. — Она опустила существо на землю. Оно поднялось на расставленных щупальцах и, моргая, стало оглядываться большими глазами, полуприкрытыми веками.

— Если эволюционный процесс будет продолжаться, — добавила Каллик, — результатом станет естественно развившийся из этой твари сухопутный головоногий моллюск. Неудивительным будет и существенное увеличение размеров и развитие умственных способностей.

Существо попыталось цапнуть ее крючковатым клювом. Каллик небрежно шлепнула его, оно отлетело метров на десять и плюхнулось на мягкий мох, а затем поспешило к воде. Скорость его передвижения по суше поражала.

— Еще одна причина радоваться, что мы не сели на воду, — жизнерадостно заявил Луис Ненда. — Как бы вам понравилась дюжина таких красавчиков, жующих вашу задницу, когда вы пытаетесь доплыть до берега?

Но он вовсе не чувствовал себя таким веселым и раскованным, как изображал. Не один Ребка инстинктивно отшатнулся, когда к их ногам упал этот крошечный монстр.

— Нам надо добраться до этих зданий, — сказал Ребка, — и если...

Прежде чем он успел закончить, из глубины эмбриоскафа раздался какой-то стук. На краю люка появился Ж'мерлия. Его фасеточные глаза перебежали с вымокшей Каллик на Ханса Ребку.

— Мое почтение, капитан Ребка, но у Атвар Х'сиал плохие новости.

— Корабль нельзя починить?

— Отнюдь. Двигатели в порядке. А через несколько часов работы корпус будет загерметизирован, и корабль сможет подняться в космос. Я готов немедленно приступить к ремонту. Плохая же новость такова: уцелел один-единственный «шмель», но даже он нуждается в починке. — Он поднял стянутый обручами цилиндр, измазанный грязью. — Остальные раздавлены при ударе о землю. Если мы хотим послать предупреждение «Эребусу», это единственная наша надежда. И его нельзя запустить, пока эмбриоскаф сам не окажется в космосе.

Ребка кивнул. Как только он увидел этот маленький цилиндр, ему сразу же захотелось послать сообщение Дари и остальным. Но какое? Чем больше он размышлял об их положении, тем труднее становилось придумать текст послания. Что же, в сущности, они знают?

— Ж'мерлия, попроси Атвар Х'сиал выйти сюда. Нам нужно устроить небольшой мозговой штурм.

— Она уже идет.

Кекропийка протиснулась в люк и легко спрыгнула на мягкую землю. Большая белая голова с эхолокатором и желтыми рожками-приемниками сканировала береговую линию и беспорядочное нагромождение утесов в глубине суши. Кекропийка выпрямилась в полный рост и развернула свои шестифутовые антенны.

— Ты уверена, Ат? — спросил Ненда, разобравший ее феромонное сообщение до того, как Ж'мерлия смог перевести его остальным.

Незрячая голова кивнула.

— Зардалу, — произнес Ж'мерлия.

— Она может их унюхать, — добавил Ненда. — Они далеко, но они здесь. Это решает все.

— Частично, — возразил Ребка. Он подождал, пока Атвар Х'сиал снова повернется к нему лицом, а Ж'мерлия придви-

нулся ближе к панцирю кекропийки, чтобы лучше слышать. — Даже если бы мы могли сию минуту послать «шмеля», я все равно не знаю, что нам следует им передать.

— Как это? — Ненда сорвал стебелек мха и принялся задумчиво его жевать.

— Ну, например, мы знаем, что не владем ситуацией. Кто-то нас сюда пустил. Но кто? Что нам рассказать Дари и остальным? Моя первая мысль была, наверное, та же, что у вас: мы прошли сквозь сингулярность, с нами все в порядке. Эта планета — Дженизия, и здесь обитают живые зардалу, хотя мы их еще не видели. Мы не можем вернуться обратно, потому что кто-то вынудил наш корабль свалиться на Дженизию и теперь нам надо ремонтироваться.

Но кто нас посадил? Нас, конечно, хорошенько встряхнуло, но сейчас мы в хорошей форме, и наш корабль тоже. Вы теперь знаете зардалу. Будь их воля, они взорвали бы нас еще в небе... Мы бы ни за что не пережили посадку, если бы это зависело от них.

Но предположим такую нелепость, будто они хотят, чтобы мы приземлились целыми и невредимыми, потому что имеют на нас какие-то виды.

— Получить нас на обед. — Ненда выплюнул мох, который жевал, и скорчил гримасу. — Мы понравимся им больше этой пакости. Я не забыл их заявления во время нашей последней встречи. Они любят свеженькое мясо.

— Что бы ни задумали они с нами сделать, это имело бы смысл только в том случае, если бы они посадили нас там, где находятся сами. Ну и где же они?

— Может, они боятся, что мы вооружены? — предположил Луис Ненда. — И хотят рассмотреть нас издали. Им ведь не придет в голову, что мы до такой степени идиоты, что прилетели сюда безоружными?

— Тогда почему они не посадили нас достаточно жестко, чтобы вывести оружие из строя? — Ребка проигнорировал выпад Ненды насчет того, что они отправились безоружными, а ответ приберет на потом. — Данная ситуация — полный абсурд: мягко посадить нас, а затем оставить в покое.

— Мое почтение, — мягко произнес Ж'мерлия, — Атвар Х'сиал считает, что источник вашего недоумения лежит в подразумеваемых вами допущениях. Она согласна, что нас посадили здесь намеренно, хотя ее органы чувств не обнаружили

присутствие луча, который сорвал эмбриоскаф с траектории и отправил сюда. Но, судя по вашим словам, луч пришел с луны... а не с Дженизии. О чем это говорит? Только об одном: ваше предположение о том, что если зардалу находятся здесь, то они нас и посадили, необоснованно.

Наступило долгое молчание, нарушаемое лишь тревожными порывами сильного ветра, пригибающими серый мох. Солнце клонилось к закату, и с медленным наступлением сумерек погода утрачивала свою безмятежность, с которой она их встретила.

— Нам от этого не легче, — сказал наконец Луис Ненда. — Если не зардалу схватили эмбриоскаф и приволокли нас сюда, тогда кто же, черт побери, это сделал?

— Атвар Х'сиал не знает, — перевел Ж'мерлия, — но предполагает, что сейчас вы задали другой вопрос... несомненно, весьма существенный... но совершенно другой.

Компьютеры эмбриоскафа не пострадали от соприкосновения с Дженизией. Исходя из размеров планеты, ее массы, параметров орбиты и визуального анализа, они быстро выдали условия на поверхности.

Дженизия медленно вращалась вокруг оси, почти перпендикулярной к плоскости орбиты. Сутки длились срок два часа. Атмосферные потоки были довольно умеренными, без сильных ветров, а времена года мало отличались друг от друга. Искусственная луна, вращающаяся всего в двухстах тысячах километров, с поверхности Дженизии выглядела огромной, но масса ее была так мала, что приливы на планете возникали только под влиянием солнца, но медленная скорость вращения Дженизии ослабляла и их.

Климат средних широт был ровным, без каких-либо неожиданностей, вроде заморозков или палящей жары. Тяготение составляло примерно половину земного. И как следствие геологические формации имели более изрезанный характер и складывались из более крутых скальных пластов, чем было бы возможно в более сильном поле тяготения. Общее впечатление от всех этих изящных шпилей и арок было скорее чарующим, чем угрожающим, потому что пышная растительность смягчала их контуры. Окончательный компьютерный анализ рисовал безмятежный и тихий мир, где местным животным, чтобы вы-

жить, не требовалось прилагать больших усилий. Фауна не представляла угрозы.

— Что еще раз доказывает тупость компьютеров, — сказал Луис Ненда. — Если зардалу добродушны и покладисты, я... я вложу все состояние в недвижимость Дитроны.

Они с Атвар Х'сиал тащились за Ребкой и Каллик вдоль берега. Так как до наступления ночи оставалось часа три, Ханс Ребка решил, что сначала им надо поближе рассмотреть строения, обнаруженные Каллик, а потом устраиваться на ночлег. Его очень интересовала реакция Атвар Х'сиал. Возможно, она с ее совершенно иным набором чувств заметит там что-то недоступное другим.

Ж'мерлиу оставили на эмбриоскафе. Он уже занялся починкой корпуса и «шмеля» и сказал, что работа пойдет лучше, если ему не будут мешать. Если его оставят в покое часа на три или побольше, он подготовит корабль к выходу на орбиту.

— Вложение капитала в любые ценные бумаги начинает казаться более привлекательной альтернативой нашим нынешним усилиям разбогатеть. — Это феромонное заявление исходило от Атвар Х'сиал, которая пригнулась к земле и почти ползла, чтобы не обгонять Ненду. — Свои действия трудно оценивать объективно, как и свои достоинства, но мне приходит мысль, что наши последние поступки нельзя считать победой.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Мы с тобой предпочли остаться на Ясности, дабы приобрести непревзойденные и бесценные сокровища технологии Строителей. Когда же эта тварь отправила нас обратно в рукав, нашей новой целью стала Жемчужина. Мы решили поискать технические игрушки Строителей там и заодно забрать твой корабль «Все — мое». Для этой цели мы отправились на Миранду, чтобы зафрахтовать какой-нибудь другой корабль. Но посмотри, куда завела нас наша стратегия. Мы оказались в середине одного из самых неизученных и опасных районов нашего рукава, на планете, которую считаем родиной самых свирепых в этом рукаве существ, и притом с кораблем, который в настоящее время не может поднять нас на орбиту. Поневоле задумываешься, насколько наши достижения лучше пресловутых вложений в ценные бумаги Дитроны.

— Ты что-то слишком критически настроена, Ат. Ты когда-нибудь видела, как большая змея, вроде питона, заглатывает жирную свинью?

— Должна с радостью признаться, что это событие не было частью моего жизненного опыта.

— Что ж, особенностью такого происшествия является то, что, раз начав, питон не может остановиться. Его зубы загнуты назад, так что ему приходится разевать рот все шире и глотать, глотать, глотать, пока он не заглочит все целиком. Понимаешь, он не может остановиться на полпути.

— Как поучительно! Но позволь спросить, какую роль нам отводишь ты: питона или свиньи?

— Ат, прекрати, не дразни меня.

Но пока они преодолевали последнюю четверть мили до строений на берегу, феромоны Атвар Х'сиал переполняло едва прикрытое самодовольство. Не так-то просто сбить с кекропийки ее самоуверенность и спесь.

Их взору предстали пять зданий, каждое из мелкозернистого материала, похожего на сцементированный серый песок. В этом месте берег серо-синего моря выступал длинным полуостровом в форме ложки, обрывистым с обеих сторон. Строения, каждое шестидесяти футов в высоту, стояли, теснясь друг к другу, в черпаке этой ложки, так что вода плескалась всего в тридцати ярдах от их стен. Хотя приливы на Дженизии достаточно слабы, а ветры необычайно тихие, вода, должно быть, частенько доходит до них и даже попадает внутрь.

К тому времени, когда Атвар Х'сиал и Ненда догнали Ханса Ребку и Каллик, те уже прошли по длинному черенку и обошли вокруг каждое здание.

— Нигде ни одного окна. — Ребка приблизился к овальной двери, раза в три выше него и по крайней мере футов шести в ширину. — Атвар Х'сиал, вы видите гораздо больше нас, даже при таком освещении. Не укажете ли нам дорогу? И расскажите нам через Ненду, что вы видите.

Когда Ненда перевел это кекропийке, та кивнула и неторопливо шагнула в первое из зданий. Складчатый резонатор завибрировал, а желтые рожки нацелились внутрь постройки. Луис Ненда следовал прямо за ней, затем шла Каллик, а Ребка остался у входа. Он был их сторожем, и внимание его раздвигалось между происходящим внутри и пустынным берегом. Свет угасал, и внутри здания становилось все темнее. Поглядев на небо, Ребка прикинул, что до заката осталось примерно полчаса.

— Три ступеньки вверх, затем четыре вниз. Смотрите под ноги, — переводил Ненда. — Ат сейчас стоит там, где помещение разделяется на две большие комнаты — две половины дома. Одна половина почти пустая... она думает, что это спальня, хотя пол там мокрый... Тот, кто там спит, любит сырость. Другая комната поинтереснее. Она обставлена: длинные столы разной высоты, никаких стульев и тоже мокрый пол. Там, где предположительно можно увидеть оборудование, находится странная растительность, разного вида и размера. Ат не знает, что это такое. Она думает, что это выдает пристрастие зардалу к изощренной биотехнологии. Они явно предпочитают использование ее там, где мы или кекропийцы применили бы машины. Об этом говорится в старых легендах, а расовая память хранит сведения о том, что зардалу могли вывернуть биологию наизнанку и достичь естественным путем то, что нам еще и не снилось. Все это выглядит неопасным, но, возможно, какая-то опасность здесь таится. В центре комнаты начинается длинный туннель, уходящий по спирали вниз, дальше, чем Ат может разглядеть... Судя по эху, он уходит под землю. Понять, насколько он простирается, невозможно.

В конце туннеля находится какое-то оборудование. Подождите, она сейчас поменяет частоту звука. Попробует заглянуть внутрь, не слишком приближаясь.

Последовали секунды молчания, прерванные изумленным возгласом Ненды.

— В чем дело? — Это снedaемый любопытством Ребка оставил свой пост и двинулся в глубь здания.

— Ат говорит, что перед нами нечто действительно непроницаемое. Ее сигналы просто отскакивают от поверхности. Подождите. Она хочет пощупать.

Наступила еще более длительная пауза, выдержать которую оказалось еще труднее. Затем Ребка услышал шорох быстрых движений в нескольких ярдах от себя.

— Что случилось? — Он еще не успел договорить, как на свет выскочили Каллик и Ненда. Атвар Х'сиал следовала за ними.

— Только взгляните! — сказал Ненда, когда они выбрались в опускающиеся сумерки, и показал на какой-то предмет в передних лапках кекропийки. Она бережно прижимала его к груди. — Перед тем как войти сюда, мы еще думали, что знаем, где тайны.

Атвар Х'сиал протянула предмет, который нянчила, Ребке. Слишком удивленный и озадаченный, чтобы вымолвить хоть слово, он уставился на маленький черный икосаэдр, шести дюймов в поперечнике, такой знакомый и... таинственный. Он встречал сотни подобных предметов, рассеянных по всем космическим сооружениям рукава. Он видел, как их используют: изучают в лабораториях, молятся на них, боятся, носят как талисманы и королевские регалии, применяют как пресс-папье и стопор, чтобы не закрывалась дверь.

Никто не знал, как залезть внутрь этих предметов, потому что при любых попытках их внутренности расплавлялись. Никто не знал их назначения, хотя догадок были сотни. Никто не знал, сколько им лет и как они попали в те места, где их находили.

Большинство исследователей считало, что черные икосаэдры имеют отношение к Строителям, хотя они были гораздо меньше обычных артефактов. Аналитики накопили серьезные аргументы и статистические свидетельства в пользу этих предположений. Несколько ученых, так же непреклонно, как и первые, отрицали какую бы то ни было связь со Строителями. Они доказывали, и довольно убедительно, что это остатки другой исчезнувшей расы, такой же древней (если не старше), как и Строители.

Ребка потянулся, чтобы взять у Атвар Х'сиал маленький твердый предмет. И в этот момент раздался предупредительный свисток Каллик и ее крик: «Сзади!»

Ребка круто обернулся. Последние несколько минут он пренебрег добровольно возложенными на себя обязанностями: следить за обстановкой. Солнце уже садилось за горизонт, заливая небо розовым и золотым сиянием. Оно отбросило четыре гигантские тени на ту площадку, на которой стояла их группа, и тени эти двигались вместе с существами, которые выходили из воды и выпрямлялись в полный рост. За ними на берег поднималось еще не меньше дюжины таких же.

Зардалу. Свет уже померк, но эти черные тени на фоне заходящего солнца ни с чем нельзя было спутать. Они выбирались из моря, и вода бурлила под их натиском. В какие-то секунды они оказались на суше.

И приготовились к действиям.

Прятаться было негде. Ребка и его спутники неподвижно стояли и смотрели, как зардалу заскользили на раскинутых щупальцах прямо к ним.

В эмбриоскафе Ж'мерлия со смешанными чувствами наблюдал за уходом остальных. Конечно, ему хотелось быть вместе с госпожой, Атвар Х'сиал, и, конечно, ему было очень интересно узнать побольше о строениях на берегу. Но в то же время он хотел, чтобы ему позволили спокойно чинить корабль. Именно это он умел делать быстрее и лучше других, а присутствие остальных только затянуло бы его работу.

Он проводил их, кивнув в ответ на последнее распоряжение Ребки:

— Если с нами что-нибудь случится, не геройствуй. Выводи корабль в космос, где он будет в безопасности, и пошли «шмеля» на «Эребус». Мы сможем о себе позаботиться.

После их ухода ремонт действительно заспорился. Ж'мерлия сказал Ребке и Атвар Х'сиал, что починка эмбриоскафа и «шмеля» займет у него часа три, но уже через два часа «шмель» был отремонтирован, корпус корабля приведен в порядок, и все было готово к выходу в космическое пространство. Ж'мерлия прибрал инструменты, поглядел на солнце и задумался о том, сколько времени займет обратный путь.

Потом он подумал, что им вовсе не нужно идти пешком. Эмбриоскаф готов к выходу на орбиту, но точно так же он готов совершить затяжной или непродолжительный полет в атмосфере, вокруг Дженизии. По сути дела, маленький скачок через строения, описанные Каллик, послужит двойной цели: сбережет силы, которые не придется тратить на ходьбу, и станет доказательством того, что корабль полностью работоспособен.

Эмбриоскаф легко поднялся по его команде на десять тысяч футов и продержался там полминуты. Идеально. Ж'мерлия спустился до двухсот футов и повел корабль на запад на ленивой и беззвучной скорости двадцати миль в час. Вскоре он увидел строения, возвышавшиеся на плоском песчаном мысу. И там, если он не ошибался, у входа в одно из строений стояли Каллик, капитан Ребка, Луис Ненда и его любимая госпожа, Атвар Х'сиал.

Ж'мерлия находился в пятидесяти ярдах от этой полоски земли и готовился сесть, предвкушая их удивление при виде тщательно отремонтированного и действующего корабля, когда начался кошмар: он увидел полчища зардалу, выходявших из черной воды. Они были уже на суше... и быстро наступали

на Атвар Х'сиал и остальных. Его хозяйке и ее спутникам некуда деться! Они оказались в западне. Ж'мерлия с ужасом наблюдал, как Атвар Х'сиал повернулась и повела группу в одно из зданий.

Они опережали зардалу шагов на тридцать — сорок. Сухопутные головоногие приближались с невероятной скоростью. На своих мощных щупальцах они скользили по темному песку и через несколько секунд уже столпились у первого здания.

Ж'мерлия опустил корабль до тридцати футов и стал ждать, замерев от ужаса. Никто не выходил оттуда. Ни единого звука не долетало до его настроженного слуха. Здания и песчаный мыс оставались пустыми и безжизненными, а солнце опускалось все ниже и ниже.

И вот темнота поглотила все вокруг. Ж'мерлия хотел приземлиться, но распоряжения Ребки были недвусмысленными.

«Вывести корабль в космос, где он будет в безопасности. И послать «шмеля» на «Эребус».

Лотфиане не могут не подчиниться прямому приказу. Расстроенный Ж'мерлия ввел команды подъема и вывода эмбриоскафа на орбиту, подальше от поверхности Дженизии. Он гляделся в быстро удаляющуюся планету, которая на глазах превращалась в крохотный светящийся диск, и пытался представить, что же случилось с его четырьмя спутниками, оставшимися там. Может быть, они уже сошлись в рукопашной? Взятые в плен? Погибли? Ему было скверно оттого, что пришлось их оставить.

Он запустил «шмеля», ничего не добавляя к его информации, и рухнул как подкошенный в кресло у пульта управления. Что делать теперь? На «потом» Ребка инструкций не давал. Он лишь сказал, чего не надо делать: «Не геройствуй». Ж'мерлия должен вернуться туда и попытаться спасти Атвар Х'сиал... но ведь это противоречило указаниям Ребки!

Ж'мерлию мучила неопределенность. Он тосковал по добрым старым временам, когда от него требовалось лишь слепо подчиняться приказам Атвар Х'сиал. Зачем Джулиан Грейвс и другие навязали ему свободу, когда она делала его несчастным?

Он чуть не прозевал момент, когда эмбриоскаф промчался мимо искусственной луны Дженизии. Он только смутно осознал, что солнце Дженизии сдвинулось в сторону, и систему «планета — луна» окружили светящиеся кольцевые сингулярности. Он вообще не увидел гигантский водоворот света, воронка которого двигалась наперерез траектории его набираю-

щего скорость корабля. Первым признаком столкновения с этим стремительным вихрем была неприятная резь во всем теле.

Сингулярность! Подумать и что-то предпринять не было времени. Его тело, скрученное и изогнутое неестественным образом, превратилось в дым.

Изолированная макроскопическая сингулярность. Аморфная, физически расходящаяся. Ж'мерлия ощутил, как его тело растягивается, раздувается, распадается. Все проблемы разрешились. Он выполнит приказ Ребки... потому что все уже предопределено... потому что вопроса возвращения на Дженизию уже не существовало... потому что он...

...потому что он... умер. С этой мыслью Ж'мерлия перестал существовать.

ЗАРДАЛУ

Видит Бог, в нашем рукаве и без того хватает ужасов и опасностей, чтобы люди изобретали еще новые. Но человеческая природа (и не только человеческая) такова, что естественных страховищ нам мало. И какой бы мир вы ни посетили, вам поведают кучу местных преданий: о космических вампирах-кораблеедах, которые высасывают из пролетающих судов все живое, оставляя после себя лишь пустой корпус, вечно рассекающий холодную пустоту; о компьютерных мирах, уничтожающих любое приближающееся к ним органическое существо; о мальгианах, зловещих разумных планетах, которые ненавидят любое вмешательство в их атмосферу и, когда из-за него изменения поверхности становятся слишком велики, так влияют на окружающую среду, чтобы убить незваных пришельцев; об Адском Колодце Времени, попав в который, корабль будет пребывать в стазисе до скончания веков, когда исчезнут планеты, звезды и галактики и вся наша Вселенная застынет в холодном покое тепловой смерти; или о Твисторах, призрачных силах, пребывающих в странном не-пространстве, сквозь которое пролетают корабли и люди во время Бозе-перехода, и незаметно искажающих природу любого объекта, так что вы никогда не осознаете, что «Вы», вошедший в передатчик Бозе-сети, и «Вы», вышедший у места назначения, это два совершенно разных существа.

И, наконец, нечто, стоящее наособицу, — зардалу. Их надо выделить в отдельный класс.

Я не случайно называю их классом, потому что в отличие от всех других они, несомненно, абсолютно реальны.

Или, вернее, были реальны. Во всех источниках, на которые принято ссылаться, говорится, что последние зардалу погибли около одиннадцати тысяч лет назад, когда поработанные ими расы Империи тысячи миров восстали против них и стерли их с лица Вселенной.

Так написано. Но по всему рукаву ходят слухи — такие же распространённые, как жадность, и такие же вечные, как грех, — что погибли не все зардалу. И где-то на задворках рукава их можно отыскать. Но если вы это сделаете, то все отпущенное вам короткое время будете горько об этом сожалеть.

Что ж, я не тот человек, который может устоять перед подобным соблазном. Больше ста лет меня мотало по галактике, по всем

ее маленьким затерянным миркам. «Почему бы мне не поискать сведения по всему рукаву?» — сказал я себе. Потом нужно собрать всю информацию в лоскутное одеяло и поглядеть, не получится ли из этого карта с большим крестиком, указующим: «Здесь живут зардалу».

Сказано — сделано. Не буду вас интриговать: я их так никогда и не нашел. Однако в ходе этих поисков я столкнулся со всевозможными слухами и фактами о том, какими они были... или какие есть.

И я сдрейфил. Дело, конечно, не в их внешности. Считается, что они были огромными существами со щупальцами, но таковы и просотвиане, а более ласковых и добрых тварей трудно себе представить. Забудем также об их легендарной плодовитости. Люди могут с ними поспорить, по крайней мере в стремлении и прилежании в этой области, если не в результативности. И закрыем глаза даже на то, что они правили множеством миров. Кекропийцы называют свои владения Федерацией, а не Империей, но это не мешает им контролировать почти столько же планет, сколько зардалу в период своего наивысшего расцвета.

Нет. Вам надо присмотреться к тому, что зардалу делали.

Это не очень легко понять. Если вы приметесь за поиски останков беспозвоночных существ, вы их никогда не найдете. Они распадаются и исчезают. Все, что вы сможете найти, это окаменелость наоборот, отпечаток на том месте, где когда-то сидело в грязи это существо. Это что-то вроде того, будто вы смотрите на негатив, а снимок вами утрачен навсегда.

Считается, что зардалу были беспозвоночными, и в поисках следов их деяний вам придется довольствоваться отпечатками и гадать, что же отсутствует в тех мирах, которыми они правили.

Даже этот способ не даст прямого ответа. Мы не знаем, где родной мир зардалу, но разумно допустить, что они распространились из него сферически, потому что это характерно для всех клайдов. Так что вполне логично предположить, что окраины сферической области Сообщества Зардалу были колонизированы сравнительно недавно. В сотне миров вокруг Сообщества Зардалу мы находим свидетельства потрясающих достижений цивилизации: искусство и науку разумных существ — но все это давным-давно исчезнувшее. И если вы поинтересуетесь временем исчезновения этих цивилизаций, то увидите, что чем дальше от центра Сообщества Зардалу расположена планета, тем позже исчезла цивилизация.

Вывод вроде бы не так уж и страшен: когда зардалу покоряли планету, они настаивали, чтобы побежденные отказывались от своей культуры в пользу культуры зардалу. Такое случалось и раньше, как в человеческой, так и в кекропийской истории.

Но два других факта пугают:

1. Хотя большинство миров Сообщества Зардалу заселяют предразумные виды, их там гораздо меньше, чем можно было ожидать по статистике рукава.

2. Факты свидетельствуют, что зардалу очень далеко продвинулись в биологии.

Так и есть: они покоряли иные миры. А покорив, понижали разумность обитателей этих миров до уровня хорошего раба. Никакой способности к абстрактному мышлению, никакой способности поднять бунт или что-нибудь подобное. И, разумеется, никаких наук и искусства.

Великое Восстание видов, еще не окончательно деградировавших, спасло не только их миры. Если бы зардалу продолжали распространять свое влияние дальше, они давно поглотили бы Землю. И я, возможно, сидел бы сейчас нагишом на руинах какого-нибудь земного памятника, недостаточно сообразительный, чтобы спрятаться от дождя, жевал бы сырую репу и ждал следующего приказа.

И здесь я прихожу к главному выводу насчет зардалу: если они действительно уничтожены, слава Богу! Весь рукав может спать спокойно.

***«Горячий лед, теплое пиво, холодный уют
(в одиночку по Галактике)».
Мемуары капитана А.У. Слоуна.***

ГЛАВА 11

Дари считала свои умозаключения настолько убедительными, что и в мыслях не допускала, что кто-то может реагировать на них по-другому. Но произошло именно так.

— Нет, нет и еще раз нет, — сказал Джулиан Грейвс, появившийся по вызову Дари, но своего отсутствия никак не объяснивший. Выглядел он усталым и озабоченным. — Даже если то, что вы говорите, верно, это ничего не меняет. Допустим, Свертка и это гнездо сингулярностей созданы Строителями. Ну и что? Мы не можем рисковать «Эребусом» и экипажем.

— Капитану Ребке и его команде грозит куда большая опасность, чем мы думали.

— Это ничего не меняет. Мы ведь договорились, что до истечения трех дней ничего предпринимать не будем.

Дари начала спорить, утверждая, что никогда ни с чем подобным не соглашалась. Она позвала Дульсимера, чтобы тот ее поддержал, но полифем слишком набрался и представлял собой длинный раскрутившийся штопор яблочно-зеленого цвета, который лежал, хихикая, на полу. Она попыталась обратиться к В.К. Талли. Викар проиграл свою визуальную запись разговора через дисплей «Эребуса» и подтвердил, что Дари кивнула вместе со всеми.

— Дело закрыто, — сказал Грейвс, бережно поддерживая руками лысую голову, словно она так болела, что до нее было больно дотронуться.

Дари сидела и злилась на упрямство советника. Джулиан Грейвс такой рассудительный... но отнестись всерьез к ее рассуждениям насчет Свертки почему-то не желает..

Она была бессильна. Чтобы склонить на свою сторону бывшего советника, понадобилось, чтобы прилетел «шмель» с сообщением. Грейвс осторожно открыл его, поднял капсулу и подсоединил к компьютеру «Эребуса».

Результат их разочаровал. Это была запись полета эмбриоскафа через не показанную на карте область концентрических сингулярностей, занявшего всего двадцать четыре часа. А потом — пустота, необъяснимый десятичасовой пробел, без каких бы то ни было сведений о корабле и его команде.

— Так что видите, профессор Лэнг, — произнес Джулиан Грейвс, — у нас все равно нет доказательств существования какой-либо проблемы.

— Здесь нет вообще ничего. — Дари наблюдала за тем, как капсула выдала последний пустой кусок записи. — Что само по себе уже тревожно.

— Если вы надеетесь убедить меня, что отсутствие доказательств существования проблемы есть свидетельство ее существования... — начал Грейвс.

— Ил, — перебил его слабый хриплый голос. — У-р-р. Грязный черный ил.

Когда из «шмеля» извлекли капсулу с сообщением, его бесполезную внешнюю оболочку бросили на пол. Она покатилась и остановилась в двух футах от широко открытого глаза полифема. Теперь Дульсимер, протянув верхнюю руку, царапал гибким чешуйчатым пальцем бок «шмеля».

— Что он бормочет? — спросил Грейвс.

Но Дари, присев на корточки около полифема, впервые пристально посмотрела на оболочку. Когда «шмель» прибыл на «Эребус», всех интересовало только принесенное им сообщение. Сам по себе он казался несущественным.

— Дульсимер прав, — сказала она, — и я тоже!

Она подняла цилиндр и передала его Джулиану Грейвсу. Тот недоуменно уставился на него.

— Ну и что?

— Потрогайте. Когда эмбриоскаф покидал «Эребус», все его оборудование было чистым и в хорошем состоянии. Попросите Талли прокрутить запись, если не верите мне. А теперь взгляните на антенну и корпус. Они грязные и явно после починки. Этот кабель был заменен. Взгляните вот сюда! Это ил. Он высох в вакууме на обратном пути, но до того «шмель»

целиком погружался в мокрую почву. Ханс с остальными не только нашли планету... они на нее сели.

— Мы ведь договорились перед полетом, что они не станут этого делать. — Грейвс укоризненно покачал лысой бугристой головой, затем сморщился. — А измазать «шмель» они могли сами, причем где угодно. Только зачем?

— Потому что у них не было выбора! Если «шмель» был так побит и вымазан при посадке, значит, корабль получил повреждения.

— Вы высасываете проблему из пальца.

— Хорошо, я создам ее из чего-то более существенного. Стерильные покрытия совершенно непохожи на планетарный ил. Ручаюсь, если я соскребу немного этой грязи с корпуса «шмеля» и сделаю анализ, то найду там микроорганизмы, которых нет ни в одном банке данных. Если я это сделаю, вы поверите, что эмбриоскаф сел... на какую-то планету?

— Если. И очень большое «если». — Но Джулиан Грейвс уже передавал «шмеля» В.К. Талли.

Дари поняла этот жест. Она победила! Тут же ее мысли переключилась на другое: как сделать, чтобы ее ни под каким видом не оставили на «Эребусе», когда остальные отправятся через все сингулярности разыскивать Ханса Ребку и его команду.

Как же сильно она изменилась всего за один год! За двенадцать месяцев до этого на факультетском собрании в Институте, она потратила бы час, чтобы отстоять свою позицию, громоздя все больше и больше доводов, а затем предмет обсуждался бы до тех пор, пока присутствующие не сошли бы с ума от скуки или схватились друг с другом врукопашную.

Больше такого с ней не повторится. Как-то незаметно, без лишних разговоров, Ханс Ребка и Луис Ненда научили ее одной великой истине: «Если ты выиграла — заткнись. Словооблудие только вызывает у остальных желание поспорить еще».

К этому имелось примечание:

«Если ты сберег время в одном споре, не трать его зря. Приступай к новой проблеме».

Восхищаясь собственными новыми качествами, Дари вышла из рубки и направилась в грузовой трюм, в котором размещалась «Поблажка». Настало время поработать. Пока В.К. Талли будет исследовать образец почвы, а Грейвс — решать, что им делать, Дари изучит корабль полифема...

Однако не успела она добраться до трюма, как Грейвс позвал ее назад. Он уже решил: в гнездо сингулярностей полетят Дульсимер в качестве пилота «Поблажки» и Дари в сопровождении В.К. Талли. Сам он останется на «Эребусе».

Один? Странно. Но «если выиграла — заткнись».

Она поспешила увести Талли и Дульсимера на «Поблажку», чтобы стартовать как можно быстрее... прежде, чем Джулиан Грейвс успеет передумать.

В своем нетерпении Дари забыла о другом правиле выживания Ханса Ребки: если побеждаешь слишком легко, не теряй бдительности.

Ханс Ребка сразу бы догадался: Джулиану Грейвсу было необходимо остаться одному по какой-то неотложной причине. Но Ханса здесь не было. Он следил за Дари весь последний год и подтвердил бы, что она очень изменилась. Но перемены эти были неполными: Дари все еще оставалась слишком самоуверенной. Но теперь она знала достаточно, чтобы представлять угрозу для собственной жизни и жизни окружающих.

Ребка предложил бы ей другое примечание к «великой истине»: не трать время на решение не тех задач.

Интеллект Дари Лэнг граничил с гениальностью, но никто, даже будь он семи пядей во лбу, не может сделать правильные выводы из неверных посылок. Именно поэтому происходили все ее беды. Говоря словами Ханса, когда ей не хватало хороших данных, она еще не знала, как их добыть. Вряд ли стоило обвинять ее в этом. Большую часть своей жизни Дари провела, оценивая информацию о далеких событиях, временах, местах, добытую другими. Данные содержались в распечатках, статьях, таблицах или голограммах. Успех складывался из умения переварить огромный объем информации, упорядочить и систематизировать ее. Часто этот поиск протекал очень медленно. Путь к успеху растягивался на десятилетия. Но настойчивость значила гораздо больше, нежели скорость.

Ханса Ребку школа жизни учила по-другому. Пищей для размышлений становились события, происходившие здесь и сейчас и почти не записываемые для дальнейшего изучения. Информация принимала разные обличья: странные показания прибора, внезапное изменение ветра, чья-то гримаса на лице, переходившая в улыбку. Успех определялся способностью выжить. А путь к успеху мог закрыться через долю секунды. В

самом начале, когда Джулиан Грейвс объявил, кто отправится искать Дженизию в эмбриоскафе, а кто останется на «Эребусе», Ребка насторожился. Грейвс не собирался лететь, хотя именно он наиболее остро ощущал необходимость поиска зардалу... Грейвс, который вышел из Совета, Грейвс, который организовал эту экспедицию, Грейвс, который купил этот корабль. И когда наконец было установлено, где находится Дженизия, Джулиан Грейвс неожиданно пренебрегает возможностью пуститься за ними следом. «Я должен оставаться здесь».

Теперь Грейвс снова отказался покинуть «Эребус». К несчастью, Ханса Ребки не было рядом, чтобы предостеречь Дари, ибо этот, второй отказ казался еще более странным...

Проникновение в кокон из сингулярностей было осторожным зондированием и рассчитанным риском. А вот для «Поблажки», которая следовала по проторенному пути всего двумя днями позже, оно оказалось обыденным путешествием. «Шмель» снабдил их описанием развилки и локальных временно-пространственных аномалий, причем настолько подробным, что Дульсимер, взглянув на этот список, шмыгнул носом и поставил «Поблажку» на автопилот.

— Это оскорбляет мое профессиональное достоинство, — заявил он В.К. Талли и развалился в своем пилотском кресле. Несколько модернизированное устройство позволяло ему удобно разместить свой длинный хвост и обеспечивало доступ всем его рукам к пульту управления. Он остыл, и его кожа приобрела свой обычный темно-зеленый оттенок. Но по мере остывания он становился все более раздражительным и высокомерным. — И мою расу в целом.

Талли кивнул, хотя и не понял, что тот имеет в виду.

— Почему?

— Потому что я — полифем! Мне нужен вызов, опасности, проблемы, достойные моих талантов. А в нынешнем полете ничего этого нет: не надо принимать трудных решений, проходить на волосок от... все это может проделать и дитронит.

Талли снова кивнул. Дульсимер говорит, что полифемы считают работу бессмысленной, если она не сопряжена со значительным риском. Это отношение к работе было нелогичным, но кто и когда говорил, что полифемы логичны? В банке данных у Талли никакой информации о них не содержалось.

— Вы имеете в виду, что живете, лишь преодолевая трудности... и опасности?

— А как же! — Дульсимер откинулся в кресле и, развернувшись, вытянулся во всю длину. — Мы, полифемы — а я особенно, — храбрейшие и бесстрашнейшие существа во всей галактике. Дайте нам опасность, и мы проглотим ее залпом.

— Неужели? — Талли понадобилась микросекунда, чтобы переварить это странное утверждение. — И часто вы рискуете?

— Я? — Дульсимер крутанулся на кресле, чтобы оказаться лицом к Талли. Викиер не лучшая аудитория, но другой не было. — Позвольте рассказать вам, как я побил шмонсайских торгашей в их собственной игре, и оказался на волосок, вот такусенький... — он свел две верхние руки на доли дюйма, — от гибели. У меня с этими торгашами, понимаете ли, вышли некоторые разногласия по поводу радиоактивного груза, который по пути несколько... усох... Как я объяснил им, моей вины тут не было. Они успокоили меня, сказав, что такое может произойти с каждым. В любом случае у них для меня есть другая работа: отправиться на Политоп, заполнить трюм местным льдом и привезти его на Шмонсайд. Водяным льдом? «Совершенно верно, — сказали они. — Нам нужен только водяной лед с Политопа, и никакой другой. И еще вы заплатите большой штраф, если не доставите его вовремя».

Я должен был догадаться, что здесь какой-то подвох, когда читал соглашение, потому что упомянутый штраф включал мои руки и сканирующий глаз. Но я тысячи раз возил водяной лед, и с ним никогда не возникало проблем.

Как и положено цивилизованным существам, мы показали друг другу языки, и я направил «Поблажку» к Политопу.

Единственное, что они от меня скрыли — это то, что Политоп — мир, который привиделся космическому мантикору с Тристана в одном из его неудачных снов. Тамошняя вода, превращаясь в лед, не увеличивается в объеме, как повсюду, а уменьшается. К тому же большую часть года температура там минусовая, стало быть, когда поверхность океана охлаждается настолько, чтобы вода превратилась в лед, этот лед опускается на дно и лежит там.

Конечно, на Политопе хватало водяного льда, и набитый им корабль очень бы ценился... но весь этот лед находился под пятикилометровой толщей воды. Я проверил поверхность суши. На Политопе суши тоже хватало, но никакого водяного льда

на ней не было. Мне понадобилась подводная лодка. Но ближайший мир, где я мог бы ее достать, находился очень далеко. Я сорвал бы контракт задолго до того, как слетал бы туда и обратно. Что делать, мистер Талли? Что?

— Ну... — Талли задумался, но эта пауза с человеческой точки зрения была абсолютно незаметна. — Если бы я попал в подобную ситуацию...

— Знаю, сэр, вы понятия не имеете, что делать. Так я вам расскажу. Меньше чем в дневном переходе от Политопа находился мир с большими горными разработками. Я полетел туда, арендовал горнодобывающее оборудование, прилетел обратно и посадил «Поблажку» прямо на берег океана. Я прорыл наклонный туннель длиной в тридцать километров... и все время дрожал от ужаса, что он обвалится. Туннель шел под дном океана. А затем я прорыл его вверх, пока не добрался до водяного льда. Понимаете, я добыл его со дна, а затем затащил по туннелю на свой корабль. Я снялся с Политопа и вернулся с грузом на Шмонсайд за две минуты до истечения срока. Видели бы вы кислые мины этих торгашей, когда я появился! Они уже точили на меня ножи. — Дульсимер радостно откинулся в кресле. — А теперь скажите мне честно, сэр, довелось вам испытать что-либо подобное?

В.К. Талли вспомнил свою жизнь и прогнал ее алгоритмы через блок совпадений.

— Не совсем подобное. Но, возможно, сравнимое. В случае с зардалу.

— Зардалу? Вы встречали зардалу? Ну конечно. — Дульсимер изобразил гримасу, которая на тысяче планет рукава означала оскорбительную издевку. (В.К. Талли решил, что Дульсимер страдает по меньшей мере от несварения желудка.)

— Зардалу. Что ж, мистер Талли. — Полифем не чурался снисходительности, как показывало название его корабля. — Раз нам нечего делать, сэр, я полагаю, что вы можете рассказать мне об этом. Начинайте.

Дульсимер развалился в кресле и приготовился не доверять и скучать.

«Поблажка» преодолела последний сингулярный барьер. Они были внутри, и Дари могла разглядеть Дженизику, находившуюся всего в полумиллионе километров от них.

Она быстро просканировала ее поверхность в поисках маяка эмбриоскафа, сигналы которого с такого расстояния можно было легко поймать.

Но ничего не обнаружила. Это ее не насторожило. Каким бы быстрым ни было вхождение в атмосферу, каким бы сильным не оказался удар о поверхность планеты, маяк это разрушить не могло. Такие маяки рассчитаны на температуры в тысячи градусов и ускорения во много сотен раз больше стандартного.

Должно быть, эмбриоскаф находится на противоположной стороне планеты. Дженизия была рядом. Дари признала, что Дульсимер сработал великолепно. Кто сказал, что полифем может вести корабль только тогда, когда наглотаётся радиации?

Она вышла из наблюдательного отсека «Поблажки» и направилась в рубку, собираясь поздравить Дульсимера. Тот сидел в кресле пилота, но его спиральное тело свернулось так туго, что он уменьшился в размерах. Сканирующий глаз был втянут, а взгляд большого устремлен в бесконечность. В.К. Талли сидел рядом с ним.

— Мы прибыли, В.К. Эта планета снаружи — Дженизия. — Она склонилась, чтобы взглянуть в Дульсимера. — Что с ним такое? Ему плохо? Не перебрал ли он снова радиации, а?

— Ни кванта. — Талли передернул плечами, что означало на языке жестов недоумение. — Понятия не имею, что с ним стряслось. Мы просто разговаривали.

— Просто разговаривали? — Дари заметила, что к затылку Талли подсоединен кабель. — Вы уверены?

— Да... Смотрели кое-что. Дульсимер рассказал мне об одной из многочисленных авантур, которые ему довелось пережить. Мой опыт гораздо меньше, но я поведал ему о нашей встрече с зардалу на Ясности. И передал некоторые из моих воспоминаний на дисплейную систему «Поблажки» как бы от третьего лица, не участвующего непосредственно в событиях.

— Господи! Луис Ненда предупреждал нас... Дульсимер очень возбудим. Прокрутите снова эту запись, В.К. Дайте мне взглянуть, что вы смотрели.

— По правде говоря, очень немного.

Трехмерный дисплей в центре рубки ожил. Зал наполнился дюжиной огромных зардалу, наступавших на горстку людей, тщетно пытавшихся сдержать их обычными разрядника-

ми, которые, казалось, лишь слегка их жалили. В середине группы стоял В.К. Талли. Он неуклюже переминался с ноги на ногу, затем приблизился к одному из зардалу, чтобы по сильнее его обжечь. Но затем замешкался, и четыре щупальца толщиной с человеческую ногу схватили его и подняли в воздух.

— Талли, остановите здесь.

— Я объяснил Дульсимеру, — оправдываясь, произнес В.К. Талли, — что я чувствителен к состоянию моего тела, но не ощущаю боль так, как люди или полифемы. Это очень странно, однако когда я начинал рассказывать, у меня создалось впечатление, что он мне не верит. Его манера держаться выражала явный скептицизм. По-моему, именно в этот момент он поверил.

Дисплей продолжал показывать. Зардалу, преисполненный ярости, начал раздирать В.К. Талли на части. Сначала он оторвал руки, потом ноги, по одной. Наконец, он отшвырнул кровавый обрубок туловища в сторону. Черепная коробка Талли раскололась, отлетела и была раздавлена зардалу, как яичная скорлупа.

— Талли, Бога ради, прекратите! — Дари потянулась к руке андроида, и в этот момент изображение мигнуло и исчезло.

— Именно на этом месте я и прервал показ. — Талли завел руку за спину и отсоединил кабель. — А когда я взглянул на Дульсимера, он уже был в таком состоянии. Это обморок?

— Похоже. — Дари повела рукой перед глазом полифема. Зрачок не реагировал. — Он застыл от ужаса.

— Не понимаю. Полифемы наслаждаются опасностью. Он сам мне это сказал.

— Что ж, кажется, он насладился больше, чем смог вынести. — Дари наклонилась вперед и схватила полифема за хвост. — В.К., помогайте. Он нужен нам в рабочем состоянии, если мы хотим попасть на орбиту Дженизии и найти капитана Ребку и его отряд.

— Что вы собираетесь с ним сделать?

— Оттащить к реактору. Это единственное, что может быстро привести его в чувство — немножко его любимой радиации. — Дари начала поднимать полифема, потом остановилась. — Все это очень странно. Дульсимер запрограммировал выход на орбиту до того, как вы напугали его до полусмерти?

— Он ничего не программировал. Мы проходили сингулярности на автопилоте.

— Пусть так, но теперь мы на орбите захвата. Смотрите. — Экран дисплея над пультом управления перед Дари показывал Дженизию, причем гораздо ближе, чем когда они вынырнули из последней сферической сингулярности.

Талли покачал головой — он рассчитывал траектории почти мгновенно.

— Это совсем другая орбита.

— Вы уверены? А кажется очень похожей.

— Нет. — Талли выпустил из рук Дульсимера и выпрямился. — Мое почтение, профессор Лэнг, я полагаю, что есть более неоложное дело, нежели приведение Дульсимера в чувство. — Он кивнул в сторону дисплея, на экране которого быстро росла Дженизия. — Мы летим не по орбите захвата. Это орбита столкновения. Если мы не изменим курс, «Поблажка» врежется в Дженизию. Через семнадцать минут.

ГЛАВА 12

Как и большинство разумных существ рукава, Ж'мерлия, когда ему представился случай, прочитал во «Всеобщем каталоге живых существ (подкласс: разумные)» описание своего вида. Как и большинство других разумных существ, он нашел это описание весьма загадочным.

Описание физических характеристик взрослой мужской лотфианской особи нареканий не вызывало. Ж'мерлия мог посмотреть в зеркало и согласиться с каждым пунктом: похожее на трубчатый стебель тело, восемь беспрерывно шевелящихся ног, желтые фасетчатые глаза без век. Прекрасно. Здесь спорить не о чем. Огромные лингвистические способности. Несомненно. Но что его совершенно озадачило — так это описание умственной деятельности мужской лотфианской особи. «При столкновении с самкой способность самца к рациональному мышлению просто отключается... Считается, что этот же механизм работает, только в меньшей степени, когда лотфианин-самец контактирует с кекропийцами или другими разумными существами».

Неужели это правда? Ж'мерлия такого за собой не замечал... Но если это правда, то, возможно, он и не заметит? Не-

ужели его мышление меняется в зависимости от общества, в котором он находится? Когда он находился в присутствии Авар Х'сиал, что могло быть естественнее и правильнее, чем притормозить свои мыслительные процессы и желания в угоду ей? Она же его госпожа! И была ею с момента его выхода из куколки.

Вместе с тем он не мог отрицать, что, когда оставался один, без чьих-либо распоряжений, уровень его активности менялся. Он становился нервным, беспокойным, порывистым, не сосредоточенным, а ум его был в десятки раз активнее, чем требовалось для приятного самочувствия.

Как сейчас.

Он ведь умер. Он должен был умереть. Никто не мог проникнуть в середину неструктурированной сингулярности и выжить. Однако он не мог быть и мертвым. Разум его продолжал работать, переваривая сотни мыслей одновременно. Где он находится, почему он здесь, что случилось с эмбриоскафом? Выживут ли остальные? Узнают ли они когда-нибудь о нем? Как можно параллельно думать обо всех этих вещах? Тем более, способен ли на это мертвый мозг, находящийся в преддверии ада?

Вопрос был риторическим. Он, безусловно, находился в невесомости и, безусловно, не в преддверии ада. Во-первых, он дышал. Во-вторых, чувствовал боль. Его раздирало на части, и теперь он ощущал, как его тело снова собирается, атом за атомом. Зрение тоже к нему вернулось. Когда радужный хоровод вокруг него утих, Ж'мерлия обнаружил, что трепыхается посередине пустого замкнутого пространства. Его окружали миллионы сверкающих оранжевых точек, беспорядочно рассеянных в этом пространстве. Он осмотрелся и не нашел ничего, что могло бы послужить масштабом. Он помотал головой, пытаясь изменить угол зрения. Ничего. Все световые точки были на одинаковом расстоянии или же очень далеко.

Значит, он будет висеть здесь, в середине ничего, пока не умрет с голоду.

Ж'мерлия подобрал ножки, втянул стебельки глаз и медленно покружился в пространстве. Когда он это делал, то заметил едва уловимую перемену. Часть оранжевого сверкания заслонил крохотный кружок более ровного оранжевого света. Неотрывно глядя на него, Ж'мерлия видел, как неуклонно увеличивается появившийся диск.

Диск этот двигался к нему. И по мере того, как он приближался, Ж'мерлия понимал, что он во много раз больше его самого. Когда он остановился, то закрывал собой треть поля оранжевых точек. Его воронено-матовая поверхность рассеивала падающий свет, отливая серебром.

Раздался свистящий вздох, словно откуда-то вылетела струйка пара. На поверхности сферы появилась легкая рябь — как на громадной капле ртути. Она изменила форму и превратилась в искаженный эллипсоид. Из его вершины начала расти вверх серебряная ветвь, медленно превращаясь в цветок с пятью лепестками, который затем повернулся к Ж'мерлии чашечкой. Раскрытые пятиугольники выдвинулись вперед, а вниз свесился тонкий длинный хвост. Через пару минут безликий шар превратился в дьявола с рогами и хвостом и похожей на цветок головой, смотревшей прямо на Ж'мерлию.

Впервые с тех пор, как эмбриоскаф попал в сердце сингулярности, он почувствовал облегчение. Он мог не знать, где он, и как сюда попал, и что с ним случится. Но он знал природу того, что перед ним предстало, и довольно хорошо представлял, что делать дальше.

Он стоял лицом к лицу с разумным созданием Строителей, подобным Тому-Кто-Ждет на Жемчужине или Посреднику на Ясности. Чтобы начать с ним общаться, потребуется какое-то время... Те двое бездействовали более трех миллионов лет и, фигурально выражаясь, заржавели... но спустя некоторое время оба стали понимать язык тех, с кем встретились. Им понадобилось всего несколько фраз, чтобы дело пошло. Как только Ж'мерлия понял, что перед ним всего лишь машина, его разум, казалось, поднялся на ступеньку выше.

— Меня зовут Ж'мерлия, — проговорил он на обычном человеческом языке. Конечно, он мог бы воспользоваться лотфианским, или хайменоптским, или феромонной речью, но человеческий язык уже хорошо зарекомендовал себя при встречах с творениями Строителей.

Раздалось тихое шипение, будто начал закипать чайник. Голова-цветок задрожала. Казалось, она ждала большего.

— Я прибыл в эту систему со своими товарищами из дальнего уголка рукава. — Так ли это? Чем, собственно, была «эта система»?.. Он мог быть заброшен за десять миллионов световых лет от Дженизии или вообще в совершенно другую Вселенную. Правда, здешним воздухом вполне можно было ды-

шать, да и тело его осталось прежним. Существо перед ним, казалось, выжидало. — Мой корабль наткнулся на сингулярность. Я не понимаю, почему не погиб при этом. Где я нахожусь?

— Я-я... н-н-нахо-хо... Я н-нахожусь... Я нахожусь, — проговорил сиплый голос. — Где я нахожусь? Кто я такой?

Ж'мерлия ждал. Созданиям Строителей требовалось некоторое время, чтобы разогреться.

— Ж'мерлия? — наконец произнес хриплый голос.

— Да. Я лотфианин, с планеты Лотфи.

— Лотфианин. Это... это живое разумное существо? Вы являетесь... разумной органической формой?

— Да.

— Именно по этой причине вы не погибли. Сингулярность, которая вас обнаружила и захватила, — часть системы, за которую отвечаю я. Она функционирует автоматически, но сконструирована таким образом, чтобы не убивать органический разум. Ограничивать, да, но не убивать. Поэтому она перенесла вас сюда, в Полый Мир.

О чем это он?

Ж'мерлия уже решил, что взаимопонимание достигнуто, как вдруг собеседник озадачил его фразой: «Ограничивать, но не убивать». Может, Полый Мир — искусственный спутник Дженизии?

— Насколько велики ваши владения? В них входит планета, с которой я только что прибыл?

— Да. Истинная Родина тоже в моем ведении. Если бы вы не вошли в сингулярность, вас вернули бы туда, как возвращают все корабли с разумной органической жизнью, которые пытаются покинуть этот регион. Это входит в мои обязанности. Вы спрашиваете, кто я такой? Я вам отвечаю: я — Опекун.

— Опекун... чего?

— Истинной Родины, мира внутри сингулярностей. Закрытый мир, который... когда-нибудь... станет родным домом моих создателей, домом Строителей.

У Ж'мерлии снова пошла кругом голова. Опекун утверждает, что Дженизия должна стать домом Строителей. Но Ясности — огромному артефакту, находящемуся на расстоянии тридцати тысяч световых лет от плоскости галактики, также уготована подобная участь, если верить Посреднику. И даже маленький Тек-

тон в системе Мэндела считался родиной Строителей... несмотря на то что Дари Лэнг, знавшая о Строителях больше, чем кто-либо еще, настаивала на том, что они должны были развиваться на газовом гиганте, вроде Гаргантюа, и могли жить только там или в открытом космосе.

— Я чувствую какую-то неувязку, — продолжал Опекун, и по его телу побежали серебряные волны. — Вы говорите, что вы с планеты Лотфи. Означает ли это утверждение, что вы не с Истинной Родины? Что вы прибыли откуда-то еще?

— Да, я... вся наша группа прибыла издалека, из другой части рукава.

— Расскажите подробнее. Здесь какое-то недоразумение, хотя я не уверен без прямых доказательств.

Это был приказ, но Ж'мерлия сознавал, что не сумеет его выполнить. С чего бы начать? Со своего рождения, с того как он был приписан к Атвар Х'сиал как к госпоже, с их поездки на Тектон? Сможет ли Опекун по-настоящему его понять? Подобно другим созданиям Строителей, Опекун бездействовал миллионы лет.

Ж'мерлия вздохнул и начал рассказывать. Он говорил о родных мирах каждого члена их экспедиции, об их встрече в двойной системе Опала и Тектона во время максимального Летнего Прилива, об их прибытии на газовый гигант Гаргантюа, об их путешествии через Глаз Гаргантюа и систему транспортировки Строителей на Ясность, об их схватке с выжившими зардалу, которых освободил из стазиса созданный Строителями Посредник, о возвращении зардалу в рукав, а потом на Дженизию... Истинную Родину, как называл ее Опекун.

Ж'мерлия с несколькими спутниками последовали за уцелевшими зардалу. И в этот момент их корабль был подхвачен и посажен на Истинную Родину.

— Естественно, — сказал Опекун, когда Ж'мерлия наконец замолчал. — Система охраны Истинной Родины делает это с любым кораблем, который пытается покинуть кокон сингулярностей; это запрещено, за исключением тех случаев, когда находившийся в нем органический разум успешно прошел испытание. Истинная Родина — это планета-карантин под моей опекой. Не предполагалось, что органические разумные существа придут сюда сквозь все защитные сингулярности, а потом попытаются выйти отсюда.

— Но мои сотоварищи и сейчас там. Они в опасности или уже погибли.

— Если то, что вы рассказали мне, правда и соответствует некоторым определенным критериям, тогда я могу допустить возможность недоразумения. Хотите ли вы, чтобы это положение было исправлено и вашим сотоварищам помогли покинуть Истинную Родину?

— Хочу. — Даже привыкший раболепствовать Ж'мерлия ответил сейчас прямо: — Конечно, хочу.

— Приступим. Вы готовы?

— Я? — Ж'мерлия внезапно осознал свою беспомощность и никчемность. Он — бездарный некомпетентный идиот, который сидел сложа руки и допустил, чтобы эмбриоскаф был пойман аморфной сингулярностью. Дурак, который отправил побитого «шмеля» на «Эребус»... даже не упомянув в сообщении о судьбе капитана Ребки и остальных. Лотфианин-самец, природный раб, который пребывал на вершине блаженства, получая приказы от других. Он не соответствовал.

— Я не могу помочь. Я — ничто. Я — никто.

— Только вы можете помочь. Вы — органическое разумное существо, а вовсе не ничтожество. Вы — всемогущи. У вас много способностей. Вы должны их использовать.

— Я не знаю, как.

Но Опекун не слушал. В середине толстого серебряного тела образовалось овальное отверстие и Ж'мерлию потянуло в него зеленым световым лучом. Он открыл было рот, чтобы снова запротестовать и обнаружил, что не может вымолвить ни слова. Не может дышать. Не может думать. Его расчленило... нет размысливало в какой-то изощренной пытке.

Вхождение эмбриоскафа в аморфную сингулярность происходило не безболезненно, но это была физическая боль, физический распад, скручивание, растягивание, разрыв. Теперь происходило нечто такое, чего он никогда раньше не испытывал и о чем никогда не слышал. Душу Ж'мерлии разрывало на части, мозг раскололся, и они разбежались, кружась, в разные стороны Вселенной.

Он попытался закричать. И когда наконец ему это удалось, он услышал новый звук: дюжина Ж'мерлий кричали в мучительной агонии на всю Вселенную.

ГЛАВА 13

Зардалу размножились... быстро. Первая группа, освобожденная из стазиса на Ясности, состояла всего из четырнадцати особей. Сейчас Ханс Ребка, отступавший в здание вслед за Атвар Х'сиал, Луисом Нендой и Каллик, видел несколько десятков головоногих. И это были только самые крупные. А ведь где-то прячутся тысячи детенышей и юных особей!

Бежать вдоль полоски суши, которая вела к эмбриоскафу?

Невозможно. Путь преграждали зардалу, которых с каждой секундой становилось все больше.

Бежать в море?

Еще безнадежнее. Зардалу всегда описывали как сухопутных головоногих. Они и на суше были проворны и ловки, но, несомненно, не утратили господства над своей исконной водной стихией. Они были земноводными головоногими.

«Надо добавить этот нюанс к их описанию во «Всеобщем каталоге живых существ...» если посчастливится до этого дожить», — подумал Ребка. Он схватил Ненду за рубашку и шагнул через порог. Солнце почти село, и здание, в которое они вошли, поглотила тьма. Через десять шагов Ребка уже ничего не видел, следуя за Нендой, который наверняка держался за Атвар Х'сиал и Каллик. Кекропийка, единственная из всей компании, могла здесь видеть. Благодаря своему эхолокатору чувствовала себя в крошечной темноте так же привычно и свободно, как при ярком солнечном свете.

Но сколько времени она сможет выиграть, прежде чем зардалу принесут светильники и последуют за ними? В своих постройках зардалу знали каждый уголок. Может, стоило договориться о том, где встать для последней схватки?

— Ненда! — тихо произнес он. — Куда мы идем? Атвар Х'сиал знает, что делает?

Впереди раздалось хмыканье.

— Подожди секунду. — Затем, после паузы феромонного общения, карланец продолжил: — Ат говорит, что она не знает наверняка, но предпочитает поступить так, нежели быть растерзанной на куски. Она не видит конца этому дурацкому туннелю, — они уже полминуты спускались по ровной нисходящей спирали, — но согласна идти до конца. Мы уже прошли пять уровней залов и комнат. В первых трех обнаружили

признаки обитания зардалу, теперь она таких признаков не видит. Она считает, что, возможно, мы спустились ниже их основного ареала. Если бы эта проклятая лестница разветвлялась, мы бы сделали несколько обманных ходов и сбили их со следа. В этом и состоит план Ат. Она понимает, что вариант этот не Бог весть какой, но, может, у тебя есть другие предложения?

Ребка не ответил. Вряд ли его идеи могли помочь. Если зардалу пользуются лишь несколькими верхними подземными уровнями, как объяснить существование нижних? И сделаны ли они зардалу? Дженизия не единственная планета, на поверхности которой господствовал один вид существ, а под ней — совершенно другой. И они взаимодействовали лишь на одном-двух уровнях. Если Дженизия породила подземных существ, настолько сильных, чтобы перекрыть зардалу доступ вниз, то что же они сделают с беззащитными незрячими чужеземцами?

Ребка, все еще продолжая держаться за рубашку Луиса Ненды, попытался определить скорость спуска. Они миновали уже с десятков уровней, тьма сгустилась и стала теперь такой непроглядной, что глаза болели от напряжения.

Ему не терпелось оглядеться, хоть одним глазком, но не хотелось зажигать свет. Эволюция наградила зардалу высокочувствительным зрением — они замечали даже слабейшие отблески.

— Пора посмотреть по сторонам. — Луис Ненда остановился, и шепот его раздался неожиданно громко, прямо перед Ребкой. — Ат не слышит и не обоняет погони. Она считает, что мы спустились достаточно глубоко и можем немножко рискнуть посветить себе. Давай-ка глянем.

Пространство перед Ребкой наполнилось бледным белым светом. Луис Ненда, зажав между большим и указательным пальцами плоский осветительный диск, вращал его во всех направлениях.

Они стояли на нисходящем пандусе, похожем на винтовую лестницу без перил и центральной шахты, посреди зала с высоким потолком. Ненда последовательно осветил лучом отдаленные стены и обстановку, задерживая его то там, то тут на несколько секунд, затем присвистнул:

— Профессор Лэнг, примите наши извинения. Напрасно мы не выслушали вас.

Ханс Ребка, недоумевая, слушал Ненду. Они находились по меньшей мере в трехстах футах под землей. Все следы пребывания зардалу исчезли, обстановка отличалась от верхних уровней и была совершенно им незнакома. Он снова взгляделся в большую арку, которая поднималась под углом в 45 градусов почти до потолка, а затем изящно закруглялась к полу.

Почти к полу. Дальний ее конец заканчивался в футе от пола. Этот неожиданный и бессмысленный обрыв глаз стремился продлить до встречи с поверхностью. Но у края ее было пустое пространство. Сорок сантиметров ничего. Ребке захотелось подойти и провести рукой через этот проем, чтобы доказать его материальность. Усилие, поддерживающее этот конец арки, должно было быть огромным. И все остальное в зале выглядело таким же странным и непривычным. Так или нет?

Мозг работал уже автоматически. Существует единственная область, где органический разум всегда побеждает искусственный интеллект, и притом сильно опережая, — это распознавание образов. В.К. Талли, с его тактовой частотой в восемнадцать аттосекунд, смог бы произвести триллионы двоичных умножений в мгновение ока. Если бы он был сейчас здесь, он, вероятно, смог бы прийти к правильному заключению минут за пять. Луису Ненде и Атвар Х'сиал понадобилось несколько секунд благодаря опыту, накопленному за недели осмотра (и оценки для будущей продажи) массы новых технологий Строителей на Жемчужине и Ясности. Каллик, долгое время изучавшая артефакты Строителей, справилась почти так же быстро. Ханс Ребка, меньше знакомый с конструкциями Строителей, озадаченно стоял, наверное, полминуты. А потом у него в голове словно щелкнул переключатель... и он разозлился на свою тупость и медлительность.

Его реакция была понятна, но все же излишне эмоциональна. Влияние Строителей проявлялось скорее в отсутствии, чем в присутствии чего-либо, в стиле, а не в конкретных предметах. О нем свидетельствовало отсутствие явно выраженного пола и потолка, верха и низа, столь осязаемое всеми выросшими в гравитационном поле. Зал простирался далеко в стороны, его своды не поддерживали колонны, арки или стены. Он должен был бы давно обвалиться. И предметам на полу не хватало четких основания и вершины, они стояли как-то неловко, будто не предназначались для использования на планете. Теперь, когда Ребка всмотрелся в окружающую обстановку, он увидел слиш-

ком много незнакомых приборов и устройств, слишком много двенадцатигранников неизвестного назначения.

Свет погас как раз в тот момент, когда он пришел к этому заключению. Луис Ненда тихо выругался.

— Так и знал. Все хорошее быстро кончается. Держись.

— В чем дело? — Ребка протянул руку и снова схватился за рубашку.

— Гости. Направляются сюда. — Ненда уже двинулся. — Ат заглянула в туннель... она умеет заглядывать за некоторые углы... и увидела, что нас преследует стая зардалу. Может, это и не привычная площадка для их прогулок, но они не дадут нам отделаться так легко. Держись крепче и не сворачивай. Ат говорит, что со всех сторон нас окружает пропасть. Глубокая. Она не может нащупать дна.

Ребка взглянул вверх и назад. Пандус, по которому они спускались, представлял собой ажурную конструкцию, которая выглядела хрупкой, но ни на миллиметр не прогибалась под их весом. А высоко вверху, сквозь решетку открытой лестничной клетки Ребка увидел (или так ему показалось) слабые движущиеся огни.

Он встал ближе к Ненде. Вниз, вниз, вниз в полную темноту. Спустя минуту он принялся считать шаги. Дойдя до трех тысяч, он решил, что теперь ад будет ассоциироваться у него с бесконечным спуском в душном абсолютном мраке, и в этот момент кто-то коснулся его руки. Луис Ненда жестом остановил его.

— Не сходи с места и жди. Ат перенесет тебя.

Через что? Ребка услышал царапанье когтей. Полминуты спустя бледный луч осветительного диска прорезал мрак. Он был в руках у Ненды, стоявшего в десяти метрах от него и указывавшего вниз. Ребка проследил за лучом и содрогнулся. Между ним и источником света разверзлась пропасть, уходящая в бесконечность. Атвар Х'сиал возвышалась на его стороне. Не успел он шевельнуться, как кекропийка схватила его передними лапками, пригнулась и одним прыжком перемакнула через пропасть.

Она поставила Ребку в двух шагах от края и отступила. Он глубоко вздохнул. Небрежно кивнув, Ненда указал лучом в бездну.

— Ат говорит, что не нащупывает дна, а я не могу его увидеть. С тобой все в порядке?

— Справлюсь. Ты мог бы не включать диск, пока я не появлюсь на этой стороне.

— Но тогда Каллик ничего не увидит, — Ненда кивнул на другую сторону пропасти, где, зацепившись одной ногой за спиральную лестницу, свесилась вниз головой Каллик. — Зрение у нее лучше всех. Ну что, Каллик, есть что-нибудь?

— Ничего. — Она раскачалась и небрежно перелетела через десятиметровый просвет. — Если здесь и есть выход, то он на глубине как минимум десяти тысяч футов. — Она подобралась к самому краю и наклонилась, чтобы посмотреть вверх. — Но есть и хорошие новости. Зардалу больше не приближаются.

Хорошие новости. Ханс Ребка отошел от пропасти и облокотился на какую-то массивную конструкцию, доходившую ему до пояса. Хорошие новости — понятие относительное. Может быть, их не преследуют, но они все еще находятся глубоко под землей враждебного мира без воды и пищи. Они не могут вернуться тем же путем, которым пришли, потому что непременно встретятся с зардалу. У них нет ни малейшего представления о протяженности и топографии этих катакомб. И даже если, что весьма маловероятно, они смогут найти другой выход на поверхность, их шансы на то, что там их ждет эмбриоскаф, чтобы забрать с Дженизии, очень и очень малы. Или Ж'мерлия покинул планету, как было ему приказано, или зардалу его поймали и убили.

Каллик и Ненда все еще стояли на краю шахты. Ребка вздохнул и подошел к ним:

— Пойдемте. Пора хорошенько подумать. Что делать дальше?

Ненда отмахнулся от него и выключил осветительный диск.

— Подожди. — Его голос мягко прозвучал в темноте. — Каллик не видит больше света, и я тоже. Но Ат настаивает, что кто-то есть на дорожке... далеко вверху, но движется сюда. Быстро.

— Зардалу?

— Нет. Слишком мал. И один. Зардалу наверняка была бы целая свора.

— Может быть, это тот, кто нам нужен: кто-нибудь знакомый с этим местом. — Ребка уставился в темноту. Без света он совершенно не ориентировался, но ему казалось, что он слышит быстрый топоток по твердому полу спирального туннеля. — Как ты думаешь, сможет Атвар Х'сиал притаиться на той стороне и схватить этого незнакомца, когда он приблизится?

Наступила пауза феромонного контакта. Легкий шум приближался. Ребка услышал удивленное хмыканье Луиса Ненды, завершившееся смехом. Осветительный диск снова озарил зал.

— Ат может это сделать, — сказал Ненда, ухмыляясь, — но не хочет. Она только что разглядела нашего гостя. Догадайтесь, кто пожаловал к нам на обед?

Обеда не предвиделось... и это было частью их проблемы. Но Ребке не понадобилось гадать, кто идет. Ненда светил прямо вверх. Что-то выглянуло из-за края туннеля, глазные стебельки вытянулись на всю длину и встревоженные лимонно-желтые глаза отразили свет.

Раздались свист удовольствия Каллик и ответное облегченное уханье. Трубочатое тело Ж'мерлии перенеслось к ним через провал.

Лотфиане представляли собой одну из подчиненных рас рукава. Полезность их взрослых самцов в качестве переводчиков и рабов кекропийцев никогда не оспаривалась, потому что сами лотфиане этим вопросом не задавались: они первые провозгласили умственное и физическое превосходство кекропийцев.

Ханс Ребка придерживался другого мнения. Он считал, что лотфиане так же сообразительны, как любая другая раса рукава, и повторял это громко и часто.

Но теперь, слушая рассказ Ж'мерлии про то, каким образом тот оказался так глубоко внутри Дженизии, он готов был пересмотреть свои взгляды. Даже несмотря на не слишком нежное подталкивание Луиса Ненды и прямые приказы Атвар Х'сиал, Ж'мерлия не мог ничего связно объяснить.

Он сказал, что починил эмбриоскаф. Он поднялся на нем, чтобы проверить его герметичность. Он решил посадить корабль поближе к зданиям, которые обследовали Ханс Ребка и его группа. Он увидел их около зданий и спустился ниже. Он также увидел зардалу.

— Прекрасно, — сказал Луис Ненда. — А что случилось потом? И где теперь эмбриоскаф? Это же наш обратный билет.

— И почему ты сам вошел в здание? — добавил Ребка. — Ты должен был догадаться об опасности, раз увидел, что зардалу последовали за нами.

Бледно-лимонные глаза перебежали с одного допрашивающего на другого. Ж'мерлия молча покачал головой и ничего не сказал.

— Бесплезно, — проговорил Ненда. — Посмотрите на него. Сейчас он невменяем. Наверное, на него так подействовали зардалу. — Он отошел к большой круглой дыре и с отвращением сплюнул через край. — Пропади все пропадом. Что будем делать? Я мог бы съесть дохлую лошадь.

— Не говори о еде. От этого становится еще хуже. — Ребка подошел к Ненде, оставив Атвар Х'сиал и дальше пытаться Ж'мерлию. Озадаченная Каллик стояла рядом и внимательно наблюдала. Кекропийка могла читать не только слова, но и чувства, так что, может быть, они с хайменопткой добьются от него большего, чем люди.

— У нас есть выбор, — продолжал Ребка, — правда, небольшой. Мы можем подняться наверх, чтобы нас растерзали зардалу. Или же мы можем остаться здесь и умереть с голоду. Или миновать эту пещеру и посмотреть, нет ли там другого выхода наверх и наружу, — шепнул он на ухо Ненде.

— Здесь должен быть такой выход, — раздался за ними вежливый холодный голос. — Я имею в виду выход наверх и наружу. Рассуждая логически, должен быть.

Ханс Ребка и Луис Ненда одновременно обернулись, как фигуристы в парном катании.

— Эй, что за черт... — начал было Ненда и остановился на полуслове.

Ребка ничего не сказал, но хорошо понял Ненду.

«Эй» и «что за черт...» означало: «Эй! Лотфиане не подслушивают чужие разговоры и тем более не перебивают. И никогда не встают и не уходят от своей госпожи, когда она их спрашивает». Внезапная пауза в речи Ненды означала, что Ж'мерлия его очень беспокоит. То, что довелось испытать лотфианину по пути к ним, явно вызвало серьезное расстройство и полностью нарушило его привычки и порядок действий.

— Посмотрите, каким путем вы сюда пришли, — продолжал Ж'мерлия, не обращая внимания на слова Ненды. — Через здание на берегу и спускаясь по туннелю. А теперь взгляните на эти пещеры. — Он обвел гигантский зал передней лапкой. — Вряд ли логично считать, что все это обслуживается таким узким подходом и, более того, является конечной целью. Вы спросили, капитан Ребка, должны ли мы идти вверх, оставаться здесь или продвигаться через пещеру дальше. Логичный ответ на все ваши вопросы — нет. Мы должны идти

вниз. Мы обязаны идти вниз. Именно в этом направлении лежит наше спасение, если это вообще возможно.

Теперь самому Ребке хотелось произнести «эй» и «что за черт». Голос явно принадлежал Ж'мерлии, но четкость и решительность отражали такие черты характера лотфианина, с которыми ему никогда не приходилось сталкиваться. Возможно, именно это имели в виду исследователи, когда писали, что интеллект лотфиан в присутствии других мыслящих существ подавлен и остается в тени? Неужели Ж'мерлия всегда именно так думал наедине с самим собой? Если это так, то не преступно ли подпускать к нему людей? И если это так, как же Ж'мерлии удалось мыслить так ясно сейчас, когда вокруг столько разумных существ?

Ребка постарался отбросить эти вопросы. Сейчас, когда они заблудились, проголодались, мучились от жажды и почти отчаялись, было не важно, где и когда зародились у Ж'мерлии такие мысли.

— Есть ли у вас свет? — продолжал Ж'мерлия. — Я буду более чем счастлив стать вашим проводником.

Луис Ненда, не говоря ни слова, передал ему осветительный диск. Ж'мерлия перепрыгнул к спиральной дорожке и, не дожидаясь остальных, направился вниз. Каллик тоже перепрыгнула в какую-то долю секунды, но вместо того, чтобы последовать за Ж'мерлией, дождалась, пока Атвар Х'сиал переправит через провал сначала Луиса Ненду, а потом Ханса Ребку. Когда кекропийка двинулась вниз по спирали, Каллик задержалась, чтобы стать замыкающей группы.

— Хозяйин Ненда, — тихо произнесла она. — Я серьезно обеспокоена.

— Ты думаешь, что у Ж'мерлии ослабла пара заклепок в мозгах? Я тоже так считаю. Но в одном он прав... мы должны идти вниз, а не вверх или вбок.

— Здравомыслие или его отсутствие меня не тревожат. — Каллик еще сильнее отстала, чтобы увеличить расстояние между собой и Ж'мерлией. — Хозяйин Ненда, мой вид множество поколений служил зардалу вплоть до Великого Восстания. Хотя моя расовая память не сохранила каких-то особых сведений, но у меня врожденное знание поведенческих стереотипов зардалу. На Ясности вы уже познакомились с некоторыми их привычками: зардалу любят брать заложников. Они используют

их как предмет торговли или убивают в целях сурового назидания другим видам.

Ребка тоже отстал, чтобы послушать хайменоптку.

— Не тревожься, Каллик. Даже если зардалу нас захватят, Джулиан Грейвс и другие не будут нас выторговывать. По одной простой причине: я этого не позволю.

— Я беспокоюсь о другом. — Каллик говорила так, словно сама мысль о том, что кто-то посчитает ее стоящей торговли, была нелепой. — Ж'мерлия ведет себя настолько странно, что я начинаю задумываться: может, он уже захвачен зардалу? И сейчас, после того, как они промыли ему мозги, он просто выполняет их приказы.

ГЛАВА 14

Согласно заключению врачей Альянса, Джулиан Грейвс существовать не мог. Он был гигантской статистической флюктуацией, отклонением — одним на миллиард — в прекрасно выверенной медицинской технике. Другими словами, никто и ничем не мог ему помочь.

Началось это с невинной задачи: увеличения объема памяти. Каждому советнику необходимо знать историю, биологию и психологию каждого разумного или потенциально разумного вида рукава. Но такой объем данных превосходил возможности любого человека. И когда Джулиус Грейвс был избран в Совет, он оказался перед выбором: или же ему встроит высокоплотную неорганическую память, обременительную и тяжелую, или же он позволит врачам создать в себе мнемонического близнеца, вторую пару мозговых полушарий, выращенных из его собственной мозговой ткани и используемых только для хранения информации, которую в любой момент можно будет извлечь. Их внедряют ему в кору головного мозга с минимальным расширением черепной коробки. Большинство членов Совета предпочитали первый способ, особенно те, что пользовались экзоскелетом. Джулиус выбрал второй.

Процедура считалась стандартной и обыденной, хотя Джулиуса Грейвса предупредили, что взаимодействие с его мнемоническим близнецом посредством дополнительного мозолис-

того тела — процесс весьма деликатный. Он должен избегать физических стимулянтов, пока это взаимодействие будет налаживаться. Он с готовностью согласился.

Но чего он никак не мог ожидать, так это развития у мнемонического близнеца сознания и самосознания.

Но это произошло. В течение четырнадцати месяцев Джулиус Грейвс чувствовал себя на грани безумия: в нем развивалась личность Стивена Грейвса и подбрасывала свои мысли Джулиусу в форме воспоминаний... воспоминаний о событиях, которые с Джулиусом никогда не происходили.

Он чуть не сорвался, но в конце концов взаимодействие наладилось, и все успокоилось. Синтез полностью завершился. Обе личности приспособились друг к другу, и в результате ни одна из них не знала, у кого именно возникла та или иная мысль, у Джулиуса Грейвса или у Стивена. Они слились, сплывались в Джулиана Грейвса.

Теперь эти старые проблемы казались пустяками. В последнее время не было стычек или растерянности, позволявших даже предположить, что в этом лысом бугристом черепе когда-то помещались два различных человека...

...пока «Эребус» не вошел в Свертку Торвила, не полетел по орбите, уносившей его в мерцание концентрических сингулярностей, охранявших затерянный мир, Дженизию. И тогда старая проблема вновь заявила о себе.

Его мозг терзали противоречивые мысли. На любую идею приходилась еще одна, параллельная.

«Сделай Ханса Ребку руководителем группы, которая отправится в сингулярности, потому что он первоклассный пилот и опытный чрезвычайщик. Нет. Сделай главным Луиса Ненду, потому что благодаря наращению он может общаться и с людьми, и с кекропийцами, и с лотфианами и хайменоптами в то время, как Ребка может разговаривать с Атвар Х'сиал только через переводчика».

«Пошли через сингулярности эмбриоскаф: он быстрее и маневренней. Нет. Пошли «Поблажку», она медленнее, но гораздо лучше вооружена».

«Используй в качестве пилота Дульсимера: он лучше, чем Ханс Ребка. Нет. Он должен остаться на «Эребусе», чтобы гарантировать наш выход из Свертки. Нет. Весь смысл экспедиции в том, чтобы установить местонахождение Дженизии и

найти живых зардалу. Нет. Если экспедиция не вернется с какими-либо результатами, нет смысла вообще что-то искать».

Если бы эти мысли одолевали его по очереди, это было бы терпимо. Но это был поток одновременных мыслей, крикливо требовавших внимания к себе, воюющих друг с другом за власть.

Через несколько часов внутреннего конфликта Джулиус-Стивен-Джулиан Грейвс сошлись в одном: если такое положение сохранится, он будет хуже, чем бесполезен, он станет положительно опасен. Он примет решение, а мгновением позже перерешит или сделает что-то, мешающее его выполнить.

И все-таки он оставался организатором и номинальным руководителем экспедиции. Он не мог нагружать своими проблемами каждого и делать их средоточием общего внимания и тревоги. Они принадлежали только ему, и справляться с ними должен он сам.

Пусть другие исследуют сингулярности, а потом поглядят на Дженизию и зардалу. Он принесет больше пользы, если временно отстранится. Если он останется на «Эребусе» и не будет прикасаться к кнопкам управления, трудно представить, как он сможет навредить. А может, через несколько часов или дней его личности воссоединятся и он снова станет полезным.

С огромным облегчением он наблюдал за отправлением Дари Лэнг и второго отряда.

А несколько часов спустя понял, что радовался напрасно. Без отвлекающего присутствия остальных расщепление его личности становилось еще сильнее. Он не мог сосредоточиться ни на одной мысли, чтобы параллельно не возникла другая... несколько других. Это было даже хуже, чем в первые дни, потому что теперь за господство дрались несколько мыслей сразу. Его разум метался, беспорядочно перелетая с места на место, как встревоженная птица, и не мог найти пристанища. И когда мониторы показали, что какой-то объект ищет встречи с «Эребусом», всякие мысли о том, что корабль может оказаться уязвимым для зардалу, утонули в сознании того, что больше он не будет одинок. Присутствие другого существа — любого — поможет ему сосредоточиться.

Система управления «Эребуса» показывала, что прибывший причалил к одному из внешних доков среднего размера. Грейвс направился туда. В последнем узком коридоре, ведущем к докам, навстречу ему внезапно выпрямилась скорченная фигурка.

Он ахнул от удивления, а затем облегченно вздохнул:

— Ж'мерлия! А где остальные? Вы встретились с профессором Лэнг?

Эти вопросы возникали в его голове одновременно, в одну и ту же долю секунды. Но когда лотфианин покачал узкой головой и произнес: «Я один», — отдельные личности Грейвса испытали одно и то же чувство — разочарование. Ж'мерлия был самым зависимым в суждениях членом экспедиции. И он скорее всего будет как зеркало отражать мнения и мысли Грейвса, какими бы путанными и отрывистыми они ни казались.

— Я не встречался с профессором Лэнг, — продолжал Ж'мерлия. — А разве она покинула «Эребус»?

— Она, Дульсимер и В.К. Талли направились на поиски вашего судна. Их смутило, что вернувшийся «шмель» был поврежден и перепачкан грязью.

Грейвс поднес руку к голове. Ему становилось хуже, голос так же не подчинялся, как и мысли. Но Ж'мерлия лишь кивнул и, повернувшись, пошел вместе с Грейвсом обратно в рубку.

— Похоже, мы разминулись на пути через сферические сингулярности. Меня послали обратно сообщить вам, что все идет хорошо. Капитан Ребка с остальными высадились и подтвердили, что эта планета и есть знаменитый затерянный мир Дженизия. Она кажется тихой и уютной, без признаков опасности.

— Там нет зардалу?

Гигантским усилием Грейвс принудил свой раскаленный мозг задать один вопрос. От умственного усилия, потребовавшегося для того, чтобы сформулировать только одну мысль, у него чуть не лопнул череп. По крайней мере ощущение было именно такое.

— Мы не уверены. Когда я отправился, никаких следов их пребывания не было обнаружено. Но капитан Ребка решил высадиться только после того, как проведенный из космоса обстоятельный осмотр показал, что это будет безопасно.

Даже несмотря на состояние расколотого мозга Джулиана Грейвса, что-то в этом сообщении не складывалось воедино.

— Но ведь посыльный «шмель» был поврежден. Как это произошло? Почему он был перепачкан грязью? Почему вы бросили остальных на Дженизии без корабля и вернулись сюда один? Разве можно считать себя в безопасности, если на этой планете находятся зардалу?

Усаживаясь перед пультом управления «Эребуса», Грейвс проклинал себя. Ж'мерлия был слишком прямолинейным, и такой поток вопросов должен был безнадежно смутить его. Грейвс и сам растерялся. Откуда они взялись?

— Если не возражаете, я отвечу на ваши вопросы не по порядку. — Ж'мерлия сел, не дожидаясь приглашения, поднял свои лапки и стал загибать коготки. — Во-первых, я покинул Дженизию по приказу капитана Ребки. Он велел мне выйти на орбиту и запустить «шмеля». «Шмель» несколько пострадал и вымазался во время нашей посадки на Дженизию, как, впрочем, и эмбриоскаф. Но это не отразилось на его функционировании. Что же касается безопасности капитана Ребки и остальных, вам известно мое отношение к Атвар Х'сиал. Неужели я бросил бы ее в опасности, если бы не прямой приказ?

Что-то неладное творилось с Ж'мерлией. Грейвс понимал это. И что-то не то было в самих ответах. Как известно, лотфиане не лгут, но значит ли это, что они всегда говорят правду? Эти два утверждения вроде бы равноценны. Не так ли? Предположим, что этому лотфианину приказали солгать. Его собственное состояние не позволяло ему довести мысль до конца. Мозг раскалывался на части. Он потер руками глаза. Казалось, даже они пытались дать ему двойные зрительные образы. Ничего странного. Ведь зрительный нерв является составной частью рецепторов мозгового ствола.

Прикрыв глаза руками, он постарался сосредоточиться.

— Но почему вы вернулись? Почему не послали еще одного «шмеля»? А если там зардалу?..

— Советник Грейвс, эмбриоскаф не вооружен. Даже если бы я все еще оставался на Дженизии, он никак не сможет защитить отряд от каких бы то ни было зардалу. Это я знаю наверняка. Я вернулся, чтобы помочь вам провести «Эребус» через сингулярности. Не было никакой уверенности, что до вас дойдет посыльный с информацией о маршруте внутри барьера. Нам надо подготовиться к немедленному вылету и вывести «Эребус» на орбиту Дженизии.

Грейвс колебался. Ж'мерлия прав: эмбриоскаф беззащитен. Но взять и ввести «Эребус» в кокон сингулярностей...

А почему бы и нет? В любом случае почти вся их команда была уже там. Джулиан Грейвс отнял руки от глаз, почти готовый принудить свой мозг к восприятию этой мысли, и увидел, что Ж'мерлия не стал его дожидаться. Лотфианин уже работал

на пульте управления, вводя в компьютер сложную последовательность навигационных команд.

Когда программа была введена, Ж'мерлия передал управление полетом главному компьютеру «Эребуса» и, повернувшись, чтобы оказаться лицом к лицу с Грейвсом, сказал:

— Мы на пути туда. Через день, а может, и меньше, в зависимости от стохастических элементов нашего маршрута, мы увидим Дженизию. И в этой связи возникает новая проблема, которая меня очень тревожит. Допустим, что к тому времени, как мы доберемся до Дженизии, группа капитана Ребки или, может быть, группа профессора Лэнг действительно установит, что эта планета — родина зардалу. Что нам делать тогда? Не будет ли логичным забрать оттуда нашу группу в безопасное место и использовать весь арсенал «Эребуса», чтобы полностью уничтожить зардалу?

Грейвс решил, что ему повезло. Ему не надо задумываться над ответом на этот последний вопрос и мучить свой совокупный мозг, потому что он обдумал ответ на него задолго до этой минуты. Он размышлял над ним много дней, недель, месяцев. Да, зардалу кровожадные, жестокие и свирепые, в далеком прошлом они тиранили десятки разумных рас. Этого нельзя отрицать. Но Джулиус Грейвс долгие годы проработал в межвидовом Совете. Одной из главных задач Совета была защита любых видов, разумных, предразумных или имеющих потенциальную возможность стать таковыми. Мысль о геноциде признанного разумным вида показалась такой омерзительной, что его заташнило.

Гнев и отвращение позволили ему дать один-единственный ответ:

— Я не знаю, что именно мы сделаем, если отряды Ханса Ребки и Дари Лэнг обнаружат зардалу на Дженизии. Но могу твердо сказать вам, Ж'мерлия, чего мы точно не сделаем: мы не будем даже обсуждать намеренное массовое уничтожение любых видов, которые не угрожают нам (вам, мне или кому-то еще). Я не могу выразиться яснее.

Он не знал, как прореагирует на это Ж'мерлия. Это был уже не тот смиренный, послушный Ж'мерлия, к которому они привыкли, а решительный, четко мыслящий и инициативный лотфианин. Грейвс почти ожидал, что тот начнет спорить и колебаться, и боялся, что у него в нынешнем состоянии не хватит сил ему возражать.

Но Ж'мерлия, откинувшись в кресле, пристально изучал Грейвса своими бледными глазами.

— Вы умеете ясно излагать, советник, — произнес он, — и вы высказались достаточно ясно. Вы не будете преследовать, разрешать или соглашаться с истреблением разума. Я вас слышал.

Как бы подводя мысленную черту в каком-то долгом споре, Ж'мерлия несколько минут кивал головой. Затем поднялся с кресла и заспешил из рубки. Джулиан Грейвс глядел ему вслед широко открытыми глазами, озадаченный какими-то впечатлениями последних нескольких минут. Обдумывая происшедшее, он лишь засомневался, не сошел ли окончательно с ума, вообразив эту встречу.

Однако «Эребус», вне всяких сомнений, входил в область сингулярностей, область, охранявшую затерянный мир — самый знаменитый из всех Затерянных Миров — Дженизию, родной дом зардалу.

ЗАТЕРЯННЫЕ МИРЫ

Не секрет, что любой дурак может задать столько вопросов, что умнейшее существо галактики не сможет на них ответить. Да-да. Я говорю о Живущих Внизу, так называемых обитателях планет. И я говорю о Затерянных Мирах. Такое впечатление, что эти обитатели помешались на них.

«Капитан Слоун, — так всегда они начинают, вежливо-вежливо, — вы заявляете, что много путешествовали, — (и вы слышите в их голосе изрядную долю скептицизма). — Где же находится Дженизия, Затерянный Мир зардалу?»

«Не знаю», — отвечаю я.

А как насчет Петри, или мира сокровищ Джестина, или Небопада, или Примулы, или Паладина? Они прекрасно знают, что мой ответ будет таким же, потому что все эти миры — если они действительно существуют — потеряны, и все их следы исчезли в глубине веков.

Конечно, Живущим Внизу никогда и в голову не придет правиться самим и поискать. Гораздо лучше копаться в грязи и раздумывать об этом, а потом цепляться и надоедать людям, которые побродили по космосу и много чего повидали. По крайней мере столько, сколько можно увидеть.

Людям вроде меня.

«Что ж, капитан, — говорят они и становятся развязнее, — вы разговорчивы как погремушка, и готовы заболтать каждого, кто к вам прислушается. Но куда подевались Мидас, где дождем льется золото, или Радужный Риф, где восход зеленый, закат огненно-алый, а полдень лиловый? Эй! Что произошло с ними? Или с Шэмблом, или Грайзелем, или с Горем Путника? Они ведь были когда-то. А теперь их нет. Что вы на это ответите? Стыдно вам не знать».

Я запрещаю себе злиться (хотя это и нелегко). Я медленно свирепею и говорю:

«Ах, вы забыли про ветер».

Ветер? Это всегда их достает.

«Вот именно, — говорю я. — Вы забываете о Великом Галактическом Пассате. Он дует по всей галактике, подхватывает миры, когда-то расположенные рядом, и несет их, разводя все дальше и дальше друг от друга».

Они смотрят на меня свысока и говорят:

«Мы и слыхом не слыхали об этом вашем пассате».

«Что ж, — говорю я. — Возможно, что вы не слыхали и еще кое о чем. Некоторые называют его не Галактическим Пассатом, а Дифференциальным Вращением Галактики».

В этом месте мой собеседник обычно произносит «хм» или что-то еще столь же вразумительное. И мне приходится объяснять.

Наша Галактика представляет собой огромную спираль, ста тысяч световых лет в поперечнике. Она вращается в пространстве. Большинство тех, с кем я разговариваю, знают хотя бы это. Но она не похожа на обычное колесо, с жесткими спицами. Это колесо, где звезды, более близкие к центру Галактики, крутятся быстрее, чем те, что находятся дальше. Возьмем, к примеру, какую-нибудь звезду. Скажем, Солнце. И возьмем другой хорошо известный объект... скажем, Крабовидную туманность в созвездии Тельца, отстоящую на шесть тысяч световых лет дальше от центра Галактики, чем Солнце. Вы обнаружите, что Солнце движется вокруг центра Галактики на тридцать пять километров в секунду быстрее, чем Крабовидная туманность на ее периферии. Они расходятся, медленно, но верно, под влиянием Галактического Пассата. Причем ветер может дуть в обе стороны. Если вы отстанете, потому что находитесь дальше от центра, все, что вам нужно, — подлететь поближе к центру и подождать. Вскоре вы начнете сокращать разрыв, потому что теперь вы движетесь быстрее.

А как обстоят дела с Крабовидной туманностью? Спросите Живущих Внизу — тех, кто понял, о чем я говорю. Это природный объект, и ее нельзя перегнуть ближе или дальше, как корабль. Встретится ли она когда-нибудь с Солнечной системой?

«Разумеется, — говорю я. — Но это займет время. Краб приблизится к Солнцу через пару миллиардов лет».

И тогда они выпучивают глаза, если, конечно, у них имеются глаза, и восклицают:

«Два миллиарда лет! Да никого из нас и в помине уже не будет».

И я отвечаю им:

«Это так, но я не уверен, что и сам тогда буду. По правде говоря, бывают такие ночи, когда я сомневаюсь, доживу ли до утра».

Но вот в чем я действительно уверен: Живущие Внизу, как всегда, спрашивают не о том. По мне, гораздо интереснее знать не где Затерянные Миры, а где Затерявшиеся Исследователи. Что случилось с Агал Х'сейрин, хромой кекропийкой, которая по-

пыталась продеть нитку в Ушко Иголы? Мы получили от нее только одно сообщение и знаем, что она пережила проход сквозь Ушко... но она так никогда и не вернулась. Или куда делся Иниго М'тумбе после своей последней посадки на Ллэндайвере? Он тоже прислал сообщение — о «ярком плетеном воротнике», который собирался обследовать. А как вы объясните последний сигнал от Китайской Куколки Пасфарды, которая понеслась вдоль темного края Угольного Мешка с постоянным ускорением в 1g, направляясь, по ее словам, в бесконечность?

Вот чем надо интересоваться: людьми, а не глупыми Затерянными Мирами. Я хочу знать, что случилось с ними, моими товарищами-исследователями.

Я буду летать, пока когда-нибудь не узнаю. Пока когда-нибудь не узнаю все.

***«Горячий лед, теплое пиво, холодный уют
(в одиночку по Галактике)».***

Мемуары капитана А.У.Слоуна.

Примечание комментатора. Вскоре после завершения этого фрагмента, последнего в опубликованной книге, капитан Слоун пустился в путешествие по заливу Салинас; повторяя маршрут легендарного Иниго М'тумбе. Он так и не вернулся. В его последнем сообщении говорилось о таинственном змееподобном образовании, затмевавшем своим блеском звезды, которое приближалось к его кораблю. С тех пор о нем никто ничего не слышал.

Возможно, есть доля иронии в том, что капитан Слоун оказался самым знаменитым и самым разыскиваемым из всех Затерянных Исследователей.

ГЛАВА 15

«Поблажка», схваченная ослепительно желтым лучом, полностью управлявшим ее движением, устремилась к поверхности планеты по самоубийственной траектории. Попытки Дари Лэнг затормозить ничего не дали.

Ее спутники были хуже, чем бесполезны. Талли каждые несколько секунд уверенным и громким голосом докладывал их координаты и расчетную скорость столкновения, от чего ей хотелось завывать, а Дульсимер, «ас пилотажа», заявлявший, что опасность — это его хлеб, свернулся в стонущий зеленый комок.

— Я сейчас умру, — повторял он снова и снова. — Я сейчас умру. О нет, я не хочу умирать. — Семь секунд до столкновения, — жизнерадостно объявил Талли. — Скорость сближения постоянная, два километра в секунду. Прислушайтесь, как бьет в корпус ветер! Четыре секунды до столкновения. Три секунды. Две секунды. Одна секунда.

И корабль остановился. Внезапно. За одну секунду до удара он завис в шести футах от поверхности, без какого-либо торможения или толчка, или даже...

— Держитесь крепче! — крикнула Дари. — Невесомость.

Не чувствовалось даже притяжения планеты. Дульсимеровский корабль-разведчик падал лишь долю секунды, а затем шмякнулся на Дженизию так, что у Дари клацнули зубы. Дульсимер визжа покатился по полу.

— Скорость сближения — ноль, — объявил В.К. Талли. — «Поблажка» села. — Викир уютно устроился в кресле второго пилота, соединившись с банком данных и главным компьюте-

ром «Поблажки». — Все системы корабля работают нормально. Двигатели функционируют, корпус не поврежден.

Дари начала понимать, почему она, вероятно, навсегда погибла для академической жизни. Разумеется, в мире идей есть свои прелести. Но разве что-то может сравниться с изумительным ощущением «я жив», пришедшим после того, как абсолютно не сомневался в том, что сию секунду умрешь. Она глубоко вздохнула, казалось, впервые за вечность, и внимательно посмотрела на приборную панель. Не погибли, но, безусловно, сели на поверхность чужого мира. Возможно, враждебного. И... какая непростительная ошибка, Ребке надо было позаботиться заранее... ни одно орудие не готово к действию.

— В.К., дайте круговую защиту. И включите внешние дисплеи.

Экраны загорелись. Перед Дари впервые предстала Дженезия... Нельзя же считать знакомством стремительно набегавшую поверхность планеты, когда корабль несся вниз.

Но то, что предстало перед ней после недель мечтаний, вызвало не то чтобы разочарование, но показалось не слишком интересным. Никаких тебе чудовищ, огромных строевых, экзотических пейзажей. Корабль-разведчик покоился на площадке, покрытой блеклым серо-зеленым мхом, кое-где как бы присыпанным крохотными ярко-розовыми блестками. Полускрытые высокими султанами папоротников, торчали острые зубчатые камни. Верхушки растений гнулись и качались под сильным ветром. С другой стороны простиралась голубая водная гладь, сверкающая под лучами полуденного солнца. Только сейчас Дари услышала, что по корпусу корабля хлещет ветер.

Никто не знал, где опустился эмбриоскаф. Шансы на то, что два корабля окажутся в пределах видимости друг друга, на планете с сотнями миллионов квадратных километров суши, были ничтожно малы. Но Дари напомнила себе, что они не сели, а их посадили, и, судя по всему, то же самое произошло с Хансом Ребкой и эмбриоскафом.

— Воздух пригоден для дыхания, — сказал Талли. — Скафандры не понадобятся.

— У вас достаточно информации, чтобы рассчитать, где сел эмбриоскаф?

Вместо ответа В.К. Талли кивнул на один из экранов дисплея, который показывал то, что находилось позади «Поблаж-

ки». Длинный шрам рассекал мох, открывая черную почву. Но корабля видно не было.

Поставив увеличение на максимум, Дари оглядела горизонт. Никаких следов Ханса и его отряда. Не видно и зардалу и вообще каких-либо животных больше мыши. Кроме борозды, ничего не указывало на присутствие эмбриоскафа в пределах пяти тысяч километров от «Поблажки». И кроме того... право, как же она раньше не вспомнила, получше поздно, чем никогда... ведь «шмеля» можно было запустить только с орбиты. Так что, хотя корабль, возможно, здесь и садился, вряд ли он поблизости. Ребка и остальные, наверное, очень далеко. Что же ей делать дальше? Как поступили бы Ханс Ребка или Луис Ненда?

— Откройте люк, В.К. — Ей хотелось спокойно все обдумать. — Я собираюсь выйти наружу. Вы останетесь здесь. Следите за мной, но без команды не стреляйте. И не разговаривайте со мной, пока не сочтете, что появилась какая-то опасность.

Дари ступила на поверхность планеты. Ее ноги утонули в плотной упругой подушке мха. Яркие пятнышки вблизи оказались душистыми цветочками, которые на тоненьких, как волос, бледно-розовых стебельках выглядывали из низкой поросли. Головка каждого цветочка была повернута прямо к полуденному солнцу. Дари пошла вперед, чувствуя себя виноватой из-за того, что каждым шагом давила их нежную благоухающую красоту. Она спустилась к кромке воды, где кончался мох и ветер с моря гнал длинные с пенными гребнями волны на жемчужный песок. Она понаблюдала за игрой волн. В нескольких ярдах от нее берег кишел коричневыми ракообразными размером в дюйм, суетливо старавшимися не отстать от набегавших волн. Если этот район был типичным для Дженизии, то маловероятно, что эта прекрасная планета является родной самого страшного вида во всем рукаве.

— Профессор Лэнг. — Голос В.К. Талли в наушниках прервал ее размышления. — Можно мне говорить?

Дари вздохнула. Она еще не начала генерировать идеи, а ее уже отвлекали.

— Что вы хотите, В.К.?

— Я хочу проинформировать вас о показаниях сенсоров корабля-разведчика. Четыре органические жизненные формы гигантского размера... приближаются к вам. Однако их мес-

тоположение затрудняет предоставление их изображения или описания.

Дари это показалось бессмыслицей. Или корабельные сенсоры могли видеть, что приближается, или не могли.

— Где они, В.К.? Почему вы не можете передать изображение?

— Они в воде, примерно в сорока метрах от того места, где вы сидите. И они приближаются. Мы не можем получить изображение, потому что эти сенсоры не предназначены для обнаружения предметов под водой. Я нарушил ваши инструкции и заговорил с вами об этом, потому что, хотя оружие «Поблажки» приведено в боевую готовность, вы запретили стрелять без вашей команды. Но я думал, что вы захотите знать...

— Боже мой! — Дари вскочила на ноги и попятилась от набегающих волн. Каждый вздымаемый ветром гребешок стал головой огромного зверя. Она ясно услышала голос Ребки: «Внешность бывает обманчива».

— Хотя то, что вы сейчас произнесли, строго говоря, командой не назовешь, но если вы хотите, чтобы я выстрелил, я готов.

— Не стрелять. — Дари поспешила к «Поблажке». — Просто продолжайте наблюдение, — добавила она, обходя округлый корпус корабля и направляясь к люку, через который выходила. — Наблюдайте, а когда я снова окажусь внутри...

Некто, скорчившийся на серо-зеленом мху, неожиданно распрямился и длинным скользящим прыжком подлетел к ней. Она потрясенно ахнула, попыталась отскочить и, запнувшись, распласталась на мягком грунте. На нее смотрели глаза, такие же широко открытые и изумленные, как и ее собственные.

— Талли! — она почувствовала, что сердце колотится у нее прямо в горле. — Ради небес, почему вы не предупредили меня...

— Вы распорядились, — в голосе викера звучала оскорбленная невинность, — не разговаривать с вами, если только что-то не покажется мне опасным. Но ведь это всего лишь Ж'мерлия, живой и мирный. Мы же не считаем, что он опасен. Не так ли?

— Там были следы зардалу, — говорил Ж'мерлия. — Но когда капитан Ребка с остальными обошел здания, все они оказались пустыми.

Лотфианин вел их, а В.К. Талли и Дульсимер шли следом. Несколько минут в обнимку с главным реактором «Поблажки» наряду с заверениями Ж'мерлии, что все члены ранее высадившегося отряда живы и здоровы, совершили чудо. Полифем посветлел, яблочно-зеленая спираль его туловища расслабилась, и он бодро прыгал вместе со всеми на своем мускулистом хвосте.

Дари замыкала цепочку и никак не могла понять, почему ей так неуютно. Все было прекрасно. Но почему же ей так тревожно? Наверное, проснулось то самое шестое чувство, о котором Ребка говорил, что эту скрытую человеческую способность непременно следует развивать. Это был слабый внутренний голос, предупреждающий ее о чем-то... Ханс Ребка клялся, что этот голос никогда нельзя игнорировать. Дари усиленно вслушивалась. Системы защиты «Поблажки» были достаточно разумны, чтобы распознавать различные жизненные формы. Дари дала распоряжение впускать любые существа, подобные присутствующим в их отряде, но оставаться наглухо закрытым для существ, даже отдаленно напоминающих зардалу. Ж'мерлия сказал, что здания оказались пустыми, но кто знает, что творится на остальной территории?

Когда они приблизились к стоящим рядом пяти зданиям, Дари поняла, что они должны просматриваться оттуда, где приземлилась «Поблажка». Просто их странная форма, напоминающая природные скалы, делала их трудноразличимыми. Их построили из мелкозернистого песчаника, такого же цвета, как берег и скалы, и надо было подойти очень близко, чтобы распознать в них здания.

— Я вывел на орбиту эмбриоскаф и запустил «шмеля», чтобы он показал дорогу через сингулярности, — продолжал Ж'мерлия. — Остальные же находятся здесь.

— В этих зданиях? — Они уже прошли половину вдающейся в море косы, а Дари все еще не могла понять причину своего беспокойства.

— Конечно, я же не видел, чтобы они оттуда выходили.

Дари решила, что, наверное, ее сбивает с толку новая манера Ж'мерлии отвечать на вопросы. Раньше он самоуничижался до раболепия, теперь же держался хладнокровно и небрежно, говорил лаконично. Может быть, на него наконец подействовало освобождение. А они-то все гадали, когда же это проявится.

Ж'мерлия остановился у первого здания. Поведа бледно-желтыми глазами на коротких стебельках и указав передним суставом лапки на вход, он объявил:

— Они вошли туда.

И как будто в ответ на эти слова, что-то голубое мелькнуло в темной глубине здания. Обойдя Дульсимера и В.К. Талли, Дари вытянула шею и заглянула внутрь. В этот момент позади нее раздался вопль и что-то сильно ударило ее в спину. Ей удалось устоять на ногах и обернуться. Полифем буквально навалился на нее.

— Дульсимер! Олух неуклюжий, не делайте этого.

Но полифем стонал, бормотал и держался за нее всеми своими руками. Дари попыталась вырваться, не понимая, что с ним творится, пока внезапно, повернув голову, не увидела за Дульсимером и В.К. Талли на берегу...

Зардалу.

Зардалу всех форм и размеров, десятки их, еще покрытых каплями морской воды. Они перекрыли дорогу на суше и со всех сторон возвышались над поверхностью моря. Теперь она вдруг поняла происхождение голубого мелькания в здании за ее спиной.

Невозможно убежать, невозможно спрятаться. Впервые Дари позавидовала Дульсимеру. Хорошо бы сейчас самой застонать и разрыдаться.

Люди, кекропийцы... возможно, даже зардалу... могли питать иллюзии насчет того, будто в мире есть вещи поинтереснее, чем сбор информации. Возможно, некоторые из них даже верили в это. Но В.К. Талли знал, что они ошибаются... знал с абсолютной уверенностью, которой может обладать лишь компьютер.

Нет в мире ничего более увлекательного, чем сбор информации. Количество ее бесконечно, или почти бесконечно, и ограничивается только полной энтропией Вселенной. Она рассеяна и разнообразна. Она вечна и доступна для сбора в любом месте и в любое время. «И, возможно, лучше всего то, — подумал В.К. Талли, которого распирало от самодовольства настолько, насколько позволяли его контуры, — что никогда не знаешь, где она может пригодиться».

Сейчас он получил этому прекрасное подтверждение. На Миранде он выучил у Каллик язык, на котором она общалась

с зардалу. Этим древним наречием пользовались хайменопты, когда были рабами зардалу. Большинство жителей рукава возразили бы, что учить мертвый язык, на котором общались только с вымершей расой, пустая трата времени.

Но не будь этого, В.К. Талли не смог бы общаться, даже примитивнейшим образом с теми, кто взял его в плен.

К удивлению Талли, зардалу не разорвали четырех своих пленников на части в первые же минуты встречи.

Но решительно дали понять, кто хозяин положения. Талли, которого сбили с ног и перевернули вниз головой двумя чудовищными щупальцами, слышал вскрики Ж'мерлии и Дари Лэнг с одной стороны и горловой стон Дульсимера с другой. Но эти восклицания выдавали удивление и растерянность, но никак не боль. Самого Талли прижало к темно-синей, пахнущей аммиаком коже так, что нос его расплющился. Все еще продолжая висеть вверх ногами, он видел, что земля проносится мимо с невероятной скоростью. Спустя мгновение, прежде чем он успел сделать вдох, державший его зардалу погрузился в воду.

Талли преодолел рефлекс своего тела, которое хотело дышать. Держа рот закрытым, он с некоторым раздражением размышлял, что еще несколько минут, и ему снова понадобится другое тело, хотя его теперешнее было во многих отношениях почти как новенькое. И ему все сильнее хотелось вдохнуть воду, как бы ни старался он подавить это желание. Талли проклинал конструкторов, предусмотревших ограниченное взаимодействие компьютера и тела. Он великолепно бы сам со всем управился. «Не дыши, не дыши, не дыши», — изо всех сил приказывал он телу.

Однако побороть дыхательный рефлекс было нелегко. Его губы двигались... открывались... втягивали жидкость. Не дыши.

На половине глотка его быстро повернули на сто восемьдесят градусов и поставили на ноги.

Он закашлялся, выплюнул солоноватую воду и проморгался. Затем огляделся. Он стоял на краю мелкой перевернутой чаши, сорока или пятидесяти метров в диаметре, середина которой была приподнята и окружена серым кольцом парапета. Двумя щупальцами зардалу обхватил его, двумя другими держал Дульсимера, который кашлял и давился, нахлебавшись, по-видимому, воды. Стена пузыря была бледно-голубой. Тал-

ли решил, что она прозрачна и, поскольку они находились под водой, море окрашивало ее в свой цвет.

Дари Лэнг и Ж'мерлии нигде не было видно. Талли надеялся, что с ними все в порядке. Насколько он мог судить по тому, как с ним обращались, его не собирались убить или погнать... сразу. Но для этого еще было время.

И он мог вообразить множество неприятных вариантов.

Один из них, так сказать, находился прямо перед ним. На первый взгляд пространство между Талли и приподнятым центром зала было покрыто неровным бледно-абрикосовым ковром. Но этот ковер шевелился. В зале бурлило море крошечных головок, щелкающих острыми клювиками. Миниатюрные щупальца подергивались, переплетаясь с щупальцами соседей.

Они попали в подводный питомник зардалу. Быстрым сканированием он насчитал более десяти тысяч детенышей... это из четырнадцати-то, всего несколькими месяцами ранее. Зардалу размножаются быстро.

Он записывал эту сцену для возможного дальнейшего использования, когда зардалу поднял его и Дульсимера и легко понес вперед, через море мельтешащих оранжевых щупалец. Маленькие зардалу не собирались уступать дорогу, а лишь свирепо щелкали клювами на проходившего мимо взрослого. Толстые щупальца небрежными шлепками отшвыривали малышей с дороги.

Талли и Дульсимера уронили перед огромным зардалу, усевшимся на невысоком парапете внутреннего кольца чаши. Этот чужак был настоящим чудовищем, гораздо больше того, который их нес. Его толстую талию опоясывала разноцветная бахрома перепонок, испещренных узором из красных завитушек.

Узор казался знакомым. Талли пристальней взгляделся в самого зардалу. Удивительно! Он узнал это существо. Для большинства людей эти массивные темно-синие туловища, бугристые головы и свирепые клювы делали всех зардалу похожими друг на друга, но запасы памяти Талли были нечеловечески обширны.

Теперь наконец могла окупиться «бессмысленная» трата времени на мертвый язык.

— Можно мне говорить? — Талли употребил набор щелчков и свистков, которые он узнал от Каллик. — Мы с вами, оказывается, знакомы.

Стоявший за В.К. зардалу тут же толкнул его так, что он распластался на скользком полу, и что-то прорычал, пока великан перед ним дергался и извивался, как клубок перепутавшихся питонов.

— Вы разговариваете, — громадный зардалу наклонился вперед, издавая свистящие звуки через ротовое отверстие под жутким клювом, — на древнем языке полного подчинения. На этом языке говорят рабы, и только отвечая на команды. Наказание за неправильное использование этого языка — смерть.

— Но я не раб. Я говорю, когда хочу.

— Это невозможно. Рабы должны говорить на рабском языке; и только послушные существа могут разговаривать на нем. Наказание другим существам, которые говорят на рабском языке, — смерть. Вы принимаете полное рабство? Если нет, молодые готовы. У них хороший аппетит.

Это была хорошая логическая проблема: вопрос о нерабах, которые захотели воспользоваться языком рабов... но Талли подавил желание пуститься в рассуждения. Зардалу перед ним опустил мощное щупальце. Рядом с Талли, что-то бормоча, лежал ничком Дульсимер. Полифем ничего не мог понять из их разговора, но он видел вертикальное ротовое отверстие и загнутый зловещий клюв, который открывался достаточно широко, чтобы перекусить человека — или полифема! — пополам.

— Давайте сойдемся на том, что я могу разговаривать, и отложим вопрос о рабах, — предложил Талли. — Главное, что я вас знаю.

— Это невозможно. Как вы смеете лгать? Наказание за ложь — смерть.

Похоже, в мире зардалу многое каралось смертью.

— Это не невозможно. — Талли снова поднял голову, а его конвоир, молодой зардалу, снова пихнул его в грязь. — Вы участвовали в схватке на Ясности, большом сооружении Строителей. По правде говоря, именно вы схватили меня и разорвали в клочья.

Шарящее щупальце остановилось в нескольких дюймах от левой руки Талли.

— Верно, я был там. И поймал одного, вроде вас. Но я его убил.

— Нет, не убили. Вы оторвали мне руки, помните, сначала одну, потом вторую. — Талли поднял руки. — Потом вырвали

мне ноги. И отшвырнули меня, прямо на стенку коридора, так что я разбился. У меня откололась макушка, и от удара чуть не вышибло мозги. А кто-то из ваших сородичей растоптал крышку моего черепа...

Щупальце убралось назад. И когда Талли вновь приподнялся, его больше не толкали в грязь.

Огромный зардалу наклонился поближе.

— Вы смогли выжить после такого страшного расчленения?

— Конечно. — Талли встал и пошевелил пальцами. — Видите? Как новенький!

— Но боль... и вы, отказываясь признать статус раба, снова рискуете тем же. Неужели вы еще раз обречете себя на такие муки?

— Что ж, это моя слабость. Видите ли, мой тип существ не чувствует боли. Но, признаться, иногда для моего тела было бы лучше, если бы я ее чувствовал. Эй. Поставьте меня на пол.

Щупальца снова протянулись к ним. Одна пара подняла Талли, другая — Дульсимера. Большой зардалу повернулся и перебросил их через парапет, доходивший ему до пояса. Они пролетели восемь футов и с хлопаньем упали на вонючую кучу, которая спружинила под ними.

— Будете ждать здесь, пока мы вернемся. — Выпуклая голова нависла над парапетом, и на них уставились гигантские небесно-голубые глаза. — Вам не причинят вреда, пока я со своими товарищами не решу вашу судьбу. Если вы попытаетесь покинуть это место, наказание — смерть.

Темно-синяя голова исчезла. Талли попытался встать и дотянуться до края ямы, но удержаться на ногах было невозможно. Их бросили в месиво рыб, скатов, дергающихся морских огурцов и анемонов. В яме было ровно столько воды, чтобы все они оставались живыми.

— Дульсимер, вы гораздо выше меня, когда встаете в полный рост. Можете дотянуться до края?

— Но зардалу... — Большой глаз пугливо уставился на В.К. Талли.

— Они советуются, что с нами делать. — Талли передал Дульсимеру суть их разговора. — Не странно ли, — заключил он, — как внезапно изменилось их отношение?

— Вы уверены, что они ушли?

— Если бы вы могли дотянуться до края, вы бы сами увидели.

— Подождите минутку. — Дульсимер свернулся, оказавшись почти на корточках среди шевелящейся живности. Внезапно он выпрямился, как опущенная пружина, и взлетел на пятнадцать футов вверх.

— Вы правы, — произнес он, плюхнувшись обратно. — В зале пусто.

— Тогда выпрыгните совсем и помогите выбраться мне. Нам надо попытаться сбежать.

— Но мы же знаем, что дорога отсюда одна. Под водой. Мы наверняка утонем, или нас снова поймают.

— Здесь должен быть другой вход и выход.

— Откуда вы знаете?

— По законам логики. Воздух здесь свежий, значит, есть обмен с атмосферой. Давайте, Дульсимер, прыгайте. Полифем опять съежился.

— Я не уверен, что ваш план разумен. Они не причинят нам вреда, если мы согласимся с участью рабов. Но они пригрозили смертью, если мы попытаемся бежать. Почему бы нам не стать рабами? Возможно, через триста — четыреста лет, или раньше, нам подвернется возможность сбежать безопасным образом. Тем временем...

— Может быть, вы и правы, но я собираюсь приложить все силы, чтобы выбраться отсюда. — В.К. посмотрел вниз и пнул безобразного голубого рака с колючими ножками. — Я бы поверил зардалу, если бы они не оставили нас здесь, со своими запасами пищи...

— Запасами пищи?!

— ...а сами решают, что с нами сделать.

Но Дульсимер уже выпрыгнул из ямы, не дав Талли досказать.

Дари повезло больше — или меньше? — чем остальным. Ее также схватили и крепко держали, но поймавший ее зардалу остановился около построек из песчаника. Она видела, как остальных захватили и увлекли под воду, вероятно, на смерть. Когда через десять минут подошел ее черед, разум подсказал, что лучше умереть быстро. Но тело бунтовало. Когда зардалу двинулся к воде, она набрала в легкие побольше воздуха. Сырость и холод, удары бурлящей от огромной скорости погру-

жения воды. Она испугалась, но прежде, чем легкие сперло от недостатка кислорода, зардалу снова вынырнул.

Сухой, чистый воздух.

Дари почувствовала ветерок. Откинув волосы, она увидела, что находится в большом сводчатом зале. Сквозило из большого открытого цилиндра посередине. Зардалу поспешил в этом направлении. Дари услышала шум воздушных насосов, а затем по спиральной дорожке ее понесли вниз.

Они спускались все ниже и ниже. Слабый голубой свет зала померк вдаль. Дари ничего не видела, но услышала впереди шелканье и пересвист чужаков. Ее охватил безумный ужас, который может вызвать только полная темнота. Она так напряженно всматривалась в мрак, что, казалось, глаза начали кровоточить. Ничего. Она принялась бороться, пытаясь освободиться от крепких объятий щупальцев.

— Прекратите. — Голос, раздавшийся с расстояния в несколько футов, был ей знаком. — Это бесполезно, а дорога крутая. И если вас уронят, вы костей не соберете.

— Ж'мерлия! Откуда вы взялись? Вы можете здесь видеть?

— Немножко. Как и зардалу, я более чувствителен к слабому свету, чем люди. Кроме того, я могу разговаривать с зардалу, который меня держит. Мы направляемся по длинному спуску. Через полминуты вы тоже сможете видеть.

Полминуты. У Дари недели бывали короче. Зардалу двигался так плавно, что она почти не ощущала этого. Но Ж'мерлия был прав. Внизу появилось слабое свечение, и оно становилось все ярче.

В нескольких ярдах впереди она могла разглядеть широкую спину другого зардалу, от которой отражался свет.

Направление туннеля круто изменилось на противоположное. Они попали в комнату, по форме напоминающую каплю, растекающуюся от того места, где они стояли. Пол был из гладкого натечного стекла, темные лучи внутри него расходились у входа и снова сходились в дальнем конце, встречаясь с горизонтальным рядом круглых отверстий, напоминающих зрачки или радужки четырех громадных глаз. Перед отверстиями стоял длинный высокий стол. И за этим столом на раскинутых голубых щупальцах сидели четверо гигантских зардалу. Дари почувствовала перехватывающий дыхание запах аммиака и прогорклого жира.

Дари опустили на пол рядом с Ж'мерлией. Зардалу, которые их доставили, повернулись к входу. Они были заметно меньше сидевших за столом, и у них не было разукрашенной бахромы перепонок, опоясывающей туловище посередине.

Ближайший к Дари зардалу наклонился вперед. Открылось ротовое отверстие, и она услышала трель бессмысленных щелчков и посвистываний. Она не ответила, и из-за стола выскользнуло щупальце, угрожающе нависнув над ее головой. Она пригнулась. Слишком хорошо были видны большие, размером с тарелку, присоски в окружении коготков.

— Они приказывают вам говорить с ними так же, как другие, — перевел Ж'мерлия. — Не очень ясно, что это означает. Подождите минутку. Я попытаюсь быть вашим переводчиком.

Он пополз вперед, прижимаясь трубчатым телом к земле и широко раскинув восемь ног. Начался долгий обмен пощелкиваниями и нежными трелями. Через минуту щупальце убралось от Дари.

— Я разъяснил им, что вы не знаете их языка, — сказал Ж'мерлия. — А также рискнул назваться вашим рабом. Поэтому они считают вполне естественным, что я отвечаю, только побеседовав с вами, и служу всего лишь средством для передачи им ваших слов.

— Что они говорят, Ж'мерлия? Почему они не убили нас сразу?

— Одну минуту. — Снова последовал длительный обмен звуками, затем Ж'мерлия кивнул и обернулся к Дари. — Я понимаю их слова, но не мотивы. Они знают, что мы представители рас, очень сильных и влиятельных в этом рукаве, и на них произвело впечатление то, что наша компания сумела победить их на Ясности. Они, кажется, предлагают союз.

— Сделка? С зардалу? Чушь.

— Позвольте мне, по крайней мере, выслушать их.

Ж'мерлия снова пустился в непонятные переговоры. Несколько секунд спустя самый большой зардалу произнес длинную речь, во время которой Ж'мерлия только кивал головой. Наконец он замолчал, и Ж'мерлия обратился к Дари:

— Все вполне очевидно. Дженизия — родной мир зардалу, и четырнадцать выживших после выдворения с Ясности направились именно сюда. Здесь, как мы и опасались, они стали размножаться, чтобы снова войти в силу. Но теперь выяснилось, что, по непонятным для них причинам, они не могут

покинуть эту планету. Они видели, как наш корабль прилетел и улетел отсюда. И уверены, что мы знаем секрет, как появляться и исчезать с Дженизии по своему желанию.

Они говорят, что, если мы поможем им покинуть Дженизию и выбраться из Свертки Торвила, они предложат нам то, что не предлагали еще никому: статус их младших партнеров. Не равных, но гораздо выше, чем рабов. А если мы поможем им восстановить господство над мирами в этом рукаве, власть и богатство ждут нас.

— А если мы откажемся?

— Погибнем.

— Значит, они хотят, чтобы мы поверили им на слово? А если они передумают, как только узнают, как покинуть Дженизию?

Дари напомнила себе, что она понятия не имеет, какая сила посадила «Поблажку» на поверхность и как отсюда выбраться.

— В качестве доказательства того, что потом они не откажутся от своих обязательств, они согласны выделить какое-то количество заложников. Даже юных.

Дари вспомнила прожорливых детенышей зардалу и содрогнулась.

— Ж'мерлия, никогда и ни за какие коврижки я не соглашусь помогать зардалу вернуться в рукав. Слишком много столетий насилия и кровопролития предостерегают нас против этого. Мы не будем им помогать, даже если за это придется заплатить ценой жизни. Подожди минутку!

Ж'мерлия уже поворачивался к четверке зардалу. Дари схватила его:

— Ради Бога, не передавай им то, что я сейчас сказала. Скажи, скажи... что я очень заинтересована в их предложении, но сначала хотела бы получить доказательство их честных намерений... если в языке зардалу есть слова для таких понятий. Скажи им, чтобы В.К. Талли и Дульсимера привели сюда живыми и здоровыми. А также капитана Ребку и его спутников, если они еще живы.

Ж'мерлия кивнул и снова вступил в переговоры с зардалу, на этот раз более краткие. Самый большой зардалу начал яростно и беспорядочно махать всеми своими щупальцами, стуча по столу с силой, которая превратила бы человека в лепешку.

— Они отказываются? — спросила Дари.

— Нет. — Ж'мерлия махнул в сторону зардалу. — Это не от гнева, а от досады. Они не могут ничем подтвердить свое обещание. Талли и Дульсимера приведут сюда. Но другая группа сбежала от них в глубины Дженизии... и никто из зардалу понятия не имеет, где они сейчас.

ГЛАВА 16

— Двумя километрами ниже поверхности Дженизии раскинулся загадочный мир сообщающихся пещер и коридоров, пустот, перекрытых серебряными куполами и вымощенных хрусталем, высоких колонн, которые поднимались в произвольном направлении, и осыпанных звездной пылью полов.

Но пятью километрами ниже поверхности все становилось еще загадочней. Еще непостижимей.

Больше не было нужды идти или карабкаться с этажа на этаж, с места на место. Полотнища текучего света вспыхивали вертикально или горизонтально, или изгибались, уходя вдаль длинными розово-красными арками и коридорами неизвестного назначения. Каллик, тронув коготком один из рубиновых потоков света, сказала, что ощущает движущую силу и сопротивление нажиму. Когда она осмелилась сесть на одно из полотнищ, ее быстро и плавно пронесло на несколько сот ярдов, прежде чем ей удалось слезть. Она вернулась, взволнованно щебеча... и тут же снова уселась прокатиться. После ее третьей попытки все решили воспользоваться световой дорожкой вместо того, чтобы идти пешком.

Привычные законы сопротивления материалов внутри Дженизии тоже как будто не действовали. Полупрозрачные ткани, тонкие и нежные, как крыло бабочки, выдерживали, не прогибаясь ни на миллиметр, Атвар Х'сиал, а четырехдюймовые металлические пластины сплющивались, как желе, под легоньким Ж'мерлией. В одном зале пол состоял из семигранных плиток особой формы, которая создавала непериодичный и неповторяющийся узор. В другом зале плетеные полотенца из гексагональных нитей спускались с потолка в глубокие стоячие воды и продолжались под их гладью, странно искажаясь, так, что глаз отказывался следовать за ними дальше.

— По крайней мере эту воду можно пить, — сказал Луис Ненда. Он склонился, сложа руки ковшиком, над одной из луж. После нескольких секунд шумного глотания он выпрямился. — Какого цвета, по-вашему, эта вещь? — Он указал на предмет, похожий на круглый чеканный щит, висевший в со-рока ярдах от них.

— Желтого. — Ребка тоже остановился попить.

— Хорошо. А теперь гляньте на него как бы искоса, только периферийным зрением.

— Синий.

— Вот и я говорю. Вы ведь не влияете на предмет, когда смотрите на него. Ваши глаза вбирают фотоны, а не стреляют ими.

— Я это знаю, но Каллик вечно повторяет, что, согласно квантовой теории, наблюдатель влияет на наблюдаемую систему.

— Но это же другое дело... это на уровне атомов и электронов.

— Может быть. — Луис Ненда отвел взгляд от щита, потом так же быстро перевел его обратно. — Но я все равно сначала вижу голубое, а потом желтое. Я полагаю, что это невозможно, но щиту этого не объяснили. Если бы я знал, как эта штука работает, я бы заломил бешеную цену в галерее «Услада глаз» на Скордато. — Он снова наклонился над прудиком и наполнил фляжку. — Хотелось бы иметь к этой воде что-нибудь еще.

После того, как проблема с водой благополучно разрешилась, мысли людей все больше и больше обращались к пище. Каллик это не волновало — хайменопты могут замедлить свой обмен веществ и прожить пять месяцев без пищи и воды. Ж'мерлия и Атвар Х'сиал продержатся не меньше месяца.

— Остаемся мы с тобой, — сказал Ненда Хансу Ребке. — Хватит глазеть по сторонам, надо искать выход. Ты у нас главный. Командуй. Так можно бродить вечно.

Эта мысль преследовала Ребку последние четыре часа, с того момента, когда они наконец потеряли из виду зардалу.

— Я знаю, что мы должны сделать, но не знаю как, — ответил он и обвел рукой зал. — Если мы собираемся выбраться отсюда, нам нужен атлас дорог этого места, то есть нам необходимо понять, кто его построил. В одном я точно уверен — это не зардалу. Все совершенно не похоже на здания наверху.

— Я не знаю, кто это построил и с какой целью, — до сих пор Ж'мерлия лишь наблюдал и слушал с отрешенным видом. —

Кроме того, мы имеем дело с сооружением планетарных масштабов: объем этих залов — миллионы кубических километров. Но у меня созрел план, который приведет к встрече с существами, контролирующими и сохраняющими этот регион.

Ханс Ребка и Луис Ненда уставились на него. Ни один из них еще не привык к перемене, произошедшей с Ж'мерлией.

— По-моему, ты только что сказал, что не знаешь, как их найти, — проворчал Ненда.

— Верно. Однако должны быть способы вынудить кураторов подземелий Дженизии прийти к нам.

Лотфианин шагнул к двум дискам, похожим на гигантские шестерни, которые вращались на длинных темных призмах. Он поднял один из треугольных валиков и сунул его в узкую щель между дисками. Стены зала задрожали. Раздался отдаленный визг разрываемого сверхпрочного материала, и диски рывком остановились.

— Разрушения, — продолжал Ж'мерлия. — Необратимые разрушения. Возможно, многие компоненты этого оборудования самовосстанавливаются, но при огромных масштабах разрушений потребуются вмешательства внешней ремонтной службы. Здесь должны быть и система оповещения, и ремонтные механизмы. Отойдите. — Он приблизился к реке жидкого света и толкнул поддерживающую плиту, чтобы получилась заграда.

Полетели искры. Река взвизгнула, и свет расплескался, как расплавленное золото. Десятки машин в разных концах зала начали дымиться и светиться ярко-красным.

— Очень хорошо. — Ж'мерлия обернулся к остальным. — Я предлагаю, чтобы вы или помогли... или отошли и не мешали.

Луис Ненда присоединился к нему со вкусом и сноровкой опытного вандала. Он нашел прочную металлическую палку и пошел вдоль стены, круша прозрачные трубы со светящейся жидкостью. Сверкающие потоки побежали в разные стороны. Все, чего они касались, превращалось в дымящиеся руины. У противоположной стены Ж'мерлия выводил из строя вращающиеся механизмы. Каллик и Атвар Х'сиал в центре зала расправлялись с поддерживающими свод подпорками. Они отыскали наклонную, ничем не поддерживаемую платформу и навалились на нее вместе. словно карточный домик ряды балок рухнули.

Ханс Ребка самоустранился и наблюдал за возможными опасностями. Он поражался, как энергично и дружно их ма-

ленькая группа включилась в работу. Подземные устройства Дженизии не были рассчитаны на столь грубое вмешательство. В них использовались огромные, весьма тонко уравновешенные силы. И когда эта нежная балансировка нарушилась...

— Берегись, сзади! — вскрикнул Ребка. Маховое колесо в дальнем конце комнаты, с которого сняли всю нагрузку, принялось бешено крутиться. Жужжащий звук поднялся до визга, затем перешел в ультразвук и закончился страшным взрывом: колесо разлетелось вдребезги. Все попрытались, а затем снова взялись за дело.

Десять минут спустя зал превратился в развалины. Лишь кое-где еще содрогались шестеренки, да поднимались над лужами клубы пара.

— Очень хорошо, — спокойно произнес Ж'мерлия. — А теперь будем ждать.

«И надеяться, что владелец не слишком разозлится на хулиганов», — подумал Ханс Ребка, но ничего не сказал. Идея Ж'мерлии была дикой, но ведь ни у кого не нашлось лучшей.

Еще четверть часа слышался только треск медленно оседающих обломков. Первое доказательство того, что стратегия Ж'мерлии сработала, возникло с неожиданной стороны. Потолок зала осыпался метелью маленьких серых хлопьев. И внезапно его центр начал выпучиваться в их сторону, прямо над тем местом, где они стояли. Все бросились врассыпную. Но стойки и балки остались на своих местах, а выпуклость продолжала расти. Потолок раскрылся и стал днищем серебристого шара.

Когда контуры нового явления обрисовались достаточно ясно, Ханс Ребка почувствовал облегчение, смешанное с разочарованием. Он и раньше встречал разумные создания Строителей, на Жемчужине и Ясности. Но он не ожидал встретить нечто подобное здесь, и теперь подозревал, что никакой пользы от этого не будет. Эти творения, вероятно, не хотели причинить вред людям, но следование их собственным целям, как правило, приводило именно к такому результату. Хуже всего было то, что они бездействовали или работали в одиночестве в течение миллионов лет после ухода Строителей из этого рукава. Их обязанности казались довольно странными, «заржавевшими», слишком чуждыми... И тем, и другим, и третьим вместе. Общение с ними шло методом проб и ошибок, и у Ханса

Ребка создавалось впечатление, что лично он ошибался чаще, чем попадал в цель. Но лучше дьявол, которого знаешь, чем...

— Мы заблудились и нуждаемся в помощи. Наш отряд прибыл сюда издалека. — Как только это существо показалось целиком, Ребка принялся описывать их приключения. Пока он говорил, предмет перед ними начал свое привычное превращение из дрожащего ртутного шара в искаженный эллипсоид. Сверху выросла серебряная бахрома и раскрылась в обычный пятилепестковый цветок. Пятиугольные диски выдвинулись перед шаром, а длинный тонкий хвост свесился вниз. Головка цветка повернулась прямо к Ребке.

Он продолжал говорить, подозревая, что его слова пока еще не обрели смысл. Прежде чем начнется общение, должна проснуться лингвистическая система этого создания и на основе анализа определенного объема произнесенного освоить человеческую речь.

Ребка говорил еще несколько минут, затем замолчал. Этого вполне должно хватить. Наступило томительное ожидание. Наконец раздалось тихое шипение, сопровождаемое чем-то вроде вулканической отрыжки.

— Закипает! — проговорил Луис Ненда. Его руки и грудь покрылись маленькими волдырями от обрызгавшей его едкой жидкости, но он не обращал на них внимания. — Только очень медленно. Может, дать ему дозу слабительного...

— Ему нужно время для лингвистического анализа, — прервал его Ханс Ребка. — Когда он освоит человеческий язык, можешь говорить что угодно.

— ...заблудились... нуждаемся в помощи, — голос звучал так, словно кто-то разговаривал через трубку, наполненную водой, — ...прибыли... прибыли из... издалека...

Дрожащая поверхность продолжала возбужденно трепетать, а лепестки оглядывали дымящиеся развалины.

— Заблудились, но сейчас... здесь. Здесь с этими злобными варварами, учинившими такой... такой погром.

— Вот теперь мы влипли, — сказал Ненда феромонами, но так слабо, что уловить это смогла только Атвар Х'сиал. — Пора сменить пластинку. — И он громко обратился к созданию: — Кто ты такой и как тебя зовут?

Дрожание прекратилось. Лепестки повернулись в сторону Ненды.

— Имя?.. Имя... у меня нет имени. Мне не надо имени.
Я — Хранитель Мира.

— Этого мира? — спросил Ненда.

— Единственного значимого мира. Этого мира, будущего дома моих создателей.

— Строителей? — Ребка подумал, что существо сердится. Точнее, раздражено. Требовалось отвлечь его от картины разрушения. — Строители были вашими создателями?

— У моих творцов нет имени. Они сделали меня, так же как и этот мир. И моя обязанность — приспособить его к их нуждам и сохранить до их возвращения. Что я и делал с момента их ухода. — Голова снова обвела все вокруг. — Но теперь, урон здесь так...

— ...невелик, — произнес Ребка. — Это все можно восставновить. Но перед работой нас необходимо накормить.

— Органические вещества?

— Особые органические вещества. Пища.

— Но здесь нет органики. Возможно, на поверхности...

— Это было бы идеально. Вы можете это устроить?

— Не знаю. Следуйте за мной.

Серебряное тело повернулось и заскользило прочь из зала.

— Что ты об этом думаешь? — тихо спросил Ненда у Ханса Ребки, когда они двинулись следом за существом. — Будущий дом Строителей... Здесь? Чушь.

— Знаю. Дари Лэнг говорит, что Строители были обитателями открытого космоса или газовых гигантов. Это место ни то и ни другое. Но я верю в одно: Хранитель Мира, или как он там себя называет, трудился миллионы лет, готовя это место. Он действительно думает, что Строители появятся... точно так же Тот-Кто-Ждет верит, что Строители выберут Тектон и Жемчужину, а Посредник уверен, что они предпочтут Ясность. Помоему, они коллективно спятили, и ни один из них не знает, чего хотят Строители. — Он помолчал. — Ого! От нас что, ожидается попытка проделать это?

Существо достигло одного из широких туннелей, заполненного льющимся золотым светом. Хранитель Мира подплыл к нему и перескочил через порог. Раздался низкий жужжащий звук, и он с огромной скоростью унесся по изогнутому туннелю, исчезнув вдали.

— Торопитесь! — крикнул Ребка. — Иначе мы его потеряем.

Каллик и Ж'мерлия уже прыгали, Атвар Х'сиал и Ненда последовали за ними.

Ханс Ребка нырнул вперед и упал ничком на податливую золотую поверхность. В какое-то мгновение он подумал, что соскользнет на противоположную сторону, но тело словно прилипло, и его потащило вперед.

Спокойной эту езду назвать было нельзя. Неведомые силы подхлестывали Ребку все быстрее и быстрее, пока залы и комнаты не слились в сплошную полосу. Километры прямого коридора исчезали в мгновение ока. Затем дорожка изогнулась вверх, и кровь отхлынула от его головы, так что он почувствовал головокружение. Все его тело растягивало, как на дыбе, с силой во много раз превышающей гравитационную. Если его сбросит с этого светового транспортера, или он налетит на преграду...

Лента исчезла. Ханс Ребка внезапно стал свободно падать в темноте. Он ахнул и пролетел несколько метров, пока его не подхватило силовое поле, которое замедлило падение, словно теплая патока.

Он мягко опустился на четвереньки в зале, по сравнению с которым все виденное до сих пор на Дженизии, казалось карликовым. Сияющий потолок терялся в вышине, от стены до стены, надо полагать, не менее часа ходьбы. А яркая серебряная горошинка, устремившаяся к центру зала, по всей видимости, была Хранителем Мира.

Четыре точки, чуть больше мухи, двигались между Ребкой и созданием Строителей.

Он встал и поспешил за ними. С тех пор, как они проникли в Свертку Торвила, Джулиан Грейвс — организатор и руководитель экспедиции — стал пассивным наблюдателем, а когда эмбриоскаф заставили сесть, Ж'мерлия, словно компенсируя апатичного Джулиана Грейвса, внезапно превратился из ведомого в ведущего.

Даже законы природы в Свертке действовали по-другому. Кто знает, что может случиться в области многосвязного пространства-времени, дробного континуума и макроскопических квантовых эффектов? Он вспомнил о Дари и понадеялся, что с ней все в порядке. Если б только группе «Эребуса» хватило здравого смысла спокойно сидеть и ждать, а не рваться через сингулярности в безрассудной попытке прийти на помощь...

Хорошо хоть Атвар Х'сиал и Луис Ненда пока еще были предсказуемы. Когда Ребка приблизился к ним, они совершенно невозмутимо изучали окружающую обстановку. Судя по их позам, они вели феромонный разговор.

— Не договориться ли нам между собой до того, как мы снова начнем общаться с этим созданием? Если мы, конечно, уже не опоздали. — Ребка показал вперед, где Ж'мерлия и Каллик настигали Хранителя Мира. — Эти двое долго были вашими рабами. Не могли бы вы придержать их, пока мы не выйдем отсюда?

— Думаете, я не хочу! — прорычал Ненда. Такую искреннюю досаду мог изобразить только гениальный актер. — Мы с Ат только что говорили, что вы с Грейвсом наделали делов. Взяли двух прекрасных рабов и заморочили им голову всякой чепухой о свободе, правах и привилегиях. Всем, о чем ни тот, ни другой и слышать раньше не хотели. А теперь? Безнадежно испорчены. С Каллик еще терпимо, но Ат говорит, что Ж'мерлии она не может даже слова сказать. Он расхаживает повсюду как хозяин. Полюбуйся-ка на него! Интересно, о чем эта парочка сейчас воркует?

Лотфианин скорчился около создания Строителей. Каллик внезапно повернулась и со всех ног помчалась назад.

— Хозяин Ненда! — выдохнула хайменоптка, затормозив перед карланцем. — По-моему, хорошо бы вам с Атвар Х'сиал поспешить. Ж'мерлия ведет переговоры с Хранителем Мира. И его поведение я не могу назвать вполне разумным.

— Видишь?! — произнес Луис Ненда, сверкнув глазами, и тут же обеспокоенно добавил: — Поспешим.

— Все очень просто, — начал Ж'мерлия. Он заторопился им навстречу, оставив позади Хранителя Мира. — Зардалу имеют доступ ко всем уголкам Дженизии, на суше и на море, так как они возникли, став потом разумными. Но им запрещен вход в недра планеты. Представляете, Хранитель не знал об их экспансии по рукаву и последующем изгнании отовсюду, пока я не рассказал. Хранитель Мира может доставить нас в то место на поверхности, которое мы выберем. Но, очевидно, мы рискуем попасть в рабство или вообще погибнуть.

— Однако это не единственный вариант. Здесь, внутри планеты, существует станция транспортной сети Строителей. Если ехать на световых транспортерах, туда можно добраться в тече-

ние часа. Хранитель Мира заявляет, что меньше чем за день мы можем попасть в любой район Альянса, или Кекропийской Федерации, или Сообщества Зардалу. — Он понизил голос, хотя вряд ли его было слышно дальше нескольких футов. — Я считаю, что нам надо воспользоваться этой возможностью, пока Хранитель Мира не передумал. В его рассуждениях чувствуется что-то безумное. После погрома, который мы учинили в зале, он хочет поскорее от нас избавиться и, несомненно, зашлет нас к черту на кулички, хотим мы того или нет... но с глаз долой. Так что давайте полетим в безопасное место, пока можем.

Хансу Ребке это показалось очень соблазнительным, но лишь на долю секунды. Если они сейчас улетят, оставшиеся на «Эребусе» скорее всего решат, что у них неприятности, и, рискуя жизнями, попытаются их спасти. По крайней мере один должен остаться.

— Я никого не призываю в герои, — сказал он. — Если вы все хотите покинуть Дженизию по системе транспортировки Строителей — пожалуйста. Но я не могу. Я возвращаюсь на поверхность Дженизии.

Остальные промолчали, но еще до заявления Ребки между Луисом Нендой и Атвар Х'сиал произошел феромонный разговор.

«Меньше чем за день мы можем вернуться домой и спастись от зардалу».

«Да. Это прельщает. Но, Луис Ненда, поразмысли, в какое положение мы попадем, вернувшись в рукав. Без гроша, без рабов, без корабля, точь-в-точь, как на Миранде. А если мы останемся здесь, мы сможем отвоевать часть этих богатств... и превратиться в богачей. Хранитель Мира, может, и не очень здравомыслящий, но приборы делает изумительные».

«Поверь, Ат, я все знаю. Я не слепой».

Луис Ненда заметил, что Ж'мерлия придвинулся и внимательно вслушивается в их разговор. Лотфианин лучше понимал нюансы феромонной речи, чем Ненда. Тут ничего нельзя было поделать, да и особого значения это не имело. Преданность и подчинение Ж'мерлии своей кекропийской госпоже были абсолютными. Вряд ли он проболтается Ребке или другим.

«Здесь масса паразитических вещей, — продолжал Ненда. — По сравнению с ними добыча на Жемчужине просто берсийские безделушки. Я согласен, нам еще далеко до того, чтобы прибрать это к рукам, но сдаваться рано. Просто нам надо держаться Ребки».

«Согласна, — феромоны Атвар Х'сиал донесли оттенок подозрительности. — Однако я снова различаю за твоими словами эмоциональную заинтересованность. Поклянись, что ты останешься по честным коммерческим соображениям, а не из-за какого-то извращенного интереса к человеческой особи женского пола Дари Лэнг».

«Дай передохнуть, Ат, — нахмурился Ненда. — После всего того, что нам довелось вынести, ты должна бы знать меня лучше».

«Я слишком хорошо тебя знаю. Потому и беспокоюсь».

«Давай выбираться отсюда».

Ненда повернулся к Хансу Ребке.

— Мы с Ат все обсудили и считаем ошибкой сбежать и бросить Джулиана Грейвса, Талли, Дульсимера и... кого там еще... на произвол судьбы. — Он яростно сверкнул глазами на кекропийку. — Чтобы они не гадали, куда мы делись. Так что мы решили остаться с вами и попытаться счастья на поверхности Дженизии.

— Великолепно. Мне понадобится всевозможная помощь. Значит, остаются только Каллик и Ж'мерлия. — Ребка посмотрел на хайменоптку и лотфианина. — Ваши пожелания?

Они поглядели на него, как на ненормального.

— Естественно, мы отправимся следом за Атвар Х'сиал и хозяином Нендой, — сказала Каллик таким тоном, словно разговаривала с несмышленным ребенком. — Какие сомнения?

— Тогда у нас одна дорога, — произнес Ж'мерлия. — Вперед и вверх, в буквальном смысле слова. Я спрошу Хранителя Мира, как и когда мы сможем вернуться на поверхность Дженизии.

— И как можно ближе к эмбриоскафу, — напомнил Ребка.

— И подальше, насколько возможно, от зардалу, — добавил Луис Ненда. — И еще не забудь, Ж'мерлия, что мы с Ребкой сильно проголодались. Но нам хочется съесть обед, а не стать им.

ГЛАВА 17

Ж'мерлия был уверен, что умер.

Снова.

Он хотел умереть. И не так, как в прошлый раз, а навсегда.

Тогда он всего лишь нырнул в середину аморфной сингулярности, чего ни одно существо, органическое или неорганическое, выдержать не может.

Это привело к физическому расчленению: его тело растянулось и одновременно сжалось, пока не стало нитью субъядерных частиц, а затем потоком нейтрино и гамма-квантов. Конечно, задолго до этого он должен был погибнуть. Несомненно, конец малоприятный, но хорошо изученный и понятный.

Ибо то, чему он подвергся потом, оказалось гораздо хуже: умственное расчленение. Его мозг растащили, бережно отделили дольку от дольки, причем все это время он оставался в сознании и страдал. Затем из глубины его разобранного мозга извлекли все ясное и чистое и отправили выполнять множество таинственных и абстрактных работ. После этого остался обрубок, лишенный смысла и цели... рассеянный, нерешительный и неуверенный. И теперь эти жалкие останки допрашивали.

— Расскажите о человеке, которого вы называете Джулиан Грейвс... о хайменоптке, известной как Каллик... о кекропийке Атвар Х'сиал, — вопросы исходили от детища Строителей, Опекуна.

Ж'мерлия знал своего мучителя, но это не помогало. Разум его, начисто лишенный воли, должен был отвечать.

— Расскажите мне все, — продолжал допрашивающий, — о членах вашей группы. Я могу наблюдать нынешние действия, но прежде чем принять решение, я должен знать предысторию. Рассказывайте.

Ж'мерлия рассказывал все без утайки. То, чем он стал, не могло лгать или сопротивляться.

Но процесс этот не был односторонним, потому что по мере того, как он говорил, в пустоту неопределенности, которой являлся сейчас его разум, изливался поток информации от самого Опекуна. Ж'мерлия был неспособен проанализировать или понять то, что он получал. Только запомнить.

* * *

«Сколько нас? Вряд ли я могу сказать, хотя размышлял над этим с того времени, как впервые осознал себя. Я думал миллион лет. А более трех миллионов лет назад послал своих разведчиков в Великий Поиск, в рукав и за его пределы. Сначала в поисках контакта, а затем чтобы найти своих братьев.

Я потерпел неудачу. Я узнал, что нас сотни, а возможно, и тысячи. Но местонахождение каждого затрудняет ответ: лишь немногих из нас легко обнаружить. Некоторые покоятся в сердце звезд под защитой силовых полей. Другие окутаны спасительной оболочкой внутри планет, в ожидании какого-то неизвестного сигнала. Еще горстка так далеко продвинулась по рукаву, что все контакты утрачены.

Самые недоступные, вроде меня, обитают внутри сингулярных пространственно-временных оболочек. Возможно, есть и другие, в местах, куда мне не довелось заглянуть.

Не знаю. Потому что я бросил Великий Поиск. Не потому, что местонахождение каждого создания в конце концов не может быть обнаружено, а скорее из-за того, что сам поиск оказался бессмысленным. Я понял, что эта работа бесцельна.

Я думал найти собратьев, единомышленников, с которыми мы будем и дальше верно служить нашим творцам. Но нашел только безумие.

Есть существа одинакового со мной происхождения, устройства и даже внешнего вида. Кажется, наше общение должно было протекать легко и свободно. Отнюдь. Некоторые оказались аутистами: настолько ушли в свой собственный выдуманный мир, что никакого отклика от них невозможно было добиться. Многие зациклились на своей значимости, и изменить это мнение совершенно невозможно.

И очень неохотно я пришел к пугающему заключению. Единственное здравомыслящее создание — это я. Мне единственному удалось понять программу моих создателей, которых вы называете Строителями, и я один несу это бремя: хранить и защищать Истинную Родину до их возвращения.

Или, вернее, я и мой союзник. Потому что по странной иронии судьбы я обнаружил еще одно создание, которое понимает наше истинное предназначение... ближайшее ко мне физически. Оно находится внутри той же системы сингулярностей. Это существо, Хранитель Мира, сторожит и подготавливает

ливает Истинную Родину изнутри — так же, как я сторожу ее снаружи.

Когда Великий Поиск был прекращен, я понял, что нам с Хранителем Мира надо взваливать все на себя. Помощи ждать не от кого.

И два миллиона лет назад... мы начали».

Этот двусторонний поток струился независимо от воли Ж'мерлии, пока у него не осталось больше информации, чтобы отдавать, и сил, чтобы воспринимать новую. В конце обмена выдалось несколько минут покоя.

И тогда настала пора мучений и растерянности.

Боль во время разделения разума Ж'мерлии лишь казалась невыносимой. Он это понял, когда начался ужасающий процесс умственного слияния и коллапса.

ГЛАВА 18

В маленьком зале глубоко под поверхностью Дженизии, окруженная врагами, каждый из которых был достаточно проворен, чтобы поймать ее, если она попытается убежать, и достаточно силен, чтобы разорвать ее на части даже самыми маленькими своими щупальцами, на мягком и скользком полу сидела, скрестив ноги, Дари Лэнг и прикидывала расстановку сил. У нее есть:

а) Один полифем, слишком деморализованный и согласный на рабскую участь, если зардалу сохранят ему жизнь. Абсолютно трезвый Дульсимер, зеленый как огурец, являл собой жалкое зрелище. И ждать от него поступков, требующих хоть малой толики мужества, не приходилось. Более того, ему становилось все хуже. Большой глаз его совсем закрылся, а тело скрутилось в тугую спираль. Вывод: Дульсимер выбывает из игры.

б) Один вживленный компьютер, В.К. Талли, абсолютно бесстрашный, но и абсолютно логичный. Так как единственно логичной в этом положении была капитуляция, сомнительно, что на него можно положиться. Единственным его плюсом была способность разговаривать с зардалу и еще тот факт, что по непонятной причине некоторые из них испытывали к нему

даже какое-то уважение. Но до тех пор, пока не понадобится поговорить с зардалу, Талли не помощник.

в) Один лотфианин. Дари давно и достаточно знала Ж'мерлию, чтобы предсказать его поведение... однако на Дженизии он коренным образом изменился, став хладнокровным и решительным. И теперь трудно сказать, как он поведет себя в новых обстоятельствах. В данный момент он был неподвижен. ножки и глаза втянуты и прижаты к трубчатому телу. Значит, на Ж'мерлию тоже нельзя рассчитывать.

Что еще осталось? Для полноты картины следовало добавить:

г) Дари Лэнг. В недавнем прошлом (как давно это было!) профессор-исследователь с Врат Стражника. Специалист по созданиям Строителей. Неискушенная в руководстве, в боях и даже в уловках.

Да, Дари следовало признаться: она до смерти напугана и хочет, чтобы ее спасли, но шансы на то, что Ханс Ребка или кто-то другой прискачут с запада и увезут ее на свободу, слишком малы... Дари и трем ее спутникам придется рассчитывать только на себя.

И поскорее, потому что вожди зардалу должны вернуться за ответом.

Она встала и обошла комнату. Гладкие стекловидные стены. И такой же куполообразный потолок. Единственный выход охранялся двумя зардалу... не самыми большими и взрослыми, но способными справиться с ней и ее компаньонами. У любого из них хватало шупалец, чтобы удерживать четырех пленников, и еще оставались свободные. Они настороженно следили за каждым ее движением большими голубыми глазами.

Какое они имели право держать ее в плену и угрожать ей? Дари почувствовала первые признаки гнева. Вот и хорошо. Пусть растет и крепнет, пока она досадует, что не знает, где находится и сколько ей осталось до смерти или полного поражения. Вспомнился урок Ханса Ребки: «Озверей. Гнев прогоняет страх. Если ты достаточно разозлен, тебе плевать на смерть».

И когда тебе неминуемо грозит поражение, делай что-нибудь... не важно что... лишь бы изменить правила игры.

Она пересекла комнату и подошла к В.К. Талли.

— Вы можете разговаривать с зардалу? Не так ли?

— Могу. Но, пожалуй, не настолько хорошо, как Ж'мерлия.

— Предпочитаю вас в качестве переводчика. Я хочу, чтобы сейчас вы пошли со мной и объяснили этим двум чудищам, что Дульсимер умирает.

— Неужели? — Талли посмотрел на туго свернувшегося и наконец смолкшего полифема. — Я считал, что он струсил.

— Это потому, что полифемов нет в вашем банке данных. — (Сейчас некогда учить В.К. Талли маленьким хитростям и уловкам.) — Посмотрите на его окрас, он темный и тусклый. Если он не получит немедленно дозу жесткого излучения, то умрет. А если он умрет, то это сильно осложнит наши деловые взаимоотношения с зардалу. Можете объяснить им все это?

— Разумеется.

— И пока будете объяснять, попробуйте выудить хоть какие-то сведения о том, где мы находимся... насколько глубоко под землей, какой отсюда выход и тому подобное.

— Профессор Лэнг, я сделаю то, о чем вы просите. Но уверен, что этими данными они меня снабжать не будут.

— Все равно попытайтесь.

Дари последовала за Талли, когда андроид направился к зардалу-сторожам. Он поговорил с ними пару минут, указывая на Дульсимера, а потом на Дари. В конце концов один из зардалу приподнялся и быстро выскользнул из комнаты.

Талли обернулся к Дари.

— Еще глубже, в недрах планеты, есть источники радиации, которые могут обеспечить Дульсимера любым излучением. Они не хотят, чтобы Дульсимер умер, потому что он уже пообещал быть послушным рабом зардалу. Но до того, как они подпитают его радиацией, им необходимо заручиться одобрением старшего.

Источник радиации глубже. Это не то направление, которое им нужно.

— Вы спросили их, где мы?

— Безуспешно. С этими зардалу трудно разговаривать из-за того, что они боятся.

— Нас? — В Дари на мгновение шевельнулась надежда.

— Отнюдь. Они знают, что превосходят нас в скорости и силе. Эти сторожа боятся главного зардалу. Если они оплошают и не справятся со своими обязанностями, то будут наказаны...

— Можете не продолжать: смертью.

— Совершенно верно. — Талли недоуменно уставился на Дари. — Профессор Лэнг, почему вы хотели, чтобы я спросил зардалу о том, какие отсюда есть выходы? Ведь такие расспросы наверняка вызовут их подозрения.

Дари вздохнула. Возможно, на Миранде андроид считается удачной конструкцией, но ведь там нет опасностей и кровопролития.

— В.К., если мы не выберемся отсюда, то нам останется либо вступить в сделку с зардалу, предав тем самым людей и другие расы нашего рукава, или же не вступить в эту сделку, и нас разорвут на куски и скормят детенышам. Теперь ясно?

— Конечно. Однако... — казалось, Талли хотел продолжить, но ему помешало возвращение посланца. Второй зардалу подошел, чтобы поднять Дульсимера. Толчком шупальца он разбудил Ж'мерлию, а Дари и Талли приказал выйти из комнаты. Они спустились по широкой лестнице и зашагали вниз, все время находясь между двумя зардалу. Несколько минут спустя, пройдя по запутанным лабиринтам и поворотам и преодолев еще четыре темных туннеля, они вышли в длинный низкий зал, набитый каким-то оборудованием.

Зардалу, державший Дульсимера, обернулся и защелкал.

— Он спрашивает, что делать, — сказал викар. — Полагает, что вы хотите поместить Дульсимера туда, — он показал на массивное сооружение, стоявшее вплотную к одной из стен.

Дари подошла и осмотрела его. Нечто вроде реактора. По крайней мере должно им быть. Толщина защитного экрана говорила о том, что его излучение смертельно для людей и большинства других обычных организмов. Но к Дульсимеру привычные мерки не подходили. Какой уровень радиации выведет его из комы или, вернее, взбодрит?

Ей хотелось бы, чтобы облучение пробудило в нем уверенность в себе и отвагу, с которой он вел «Эребус» в глубины Свертки Торвила. А затем с его энегичной помощью они четверо, возможно, сумеют справиться с зардалу... конечно, не с двумя, а с одним, но это потребует некоторых тщательно подготовленных шагов. Нужная доза была первым шагом, но здесь приходилось полагаться на сметку и интуицию.

С одной стороны реактора находилась дверца, достаточно большая, чтобы протиснуться человеку или полифему. Дари приоткрыла ее. Когда зардалу не возразили и не отступили, она распахнула ее пошире.

Комнатка внутри служила чем-то вроде промежуточной зоны, в дальнем конце которой находилась закрытая дверь. За ней находилось помещение для дезактивации защитного снаряжения.

Она махнула зардалу.

— Положите его туда.

Для Дульсимера, даже туго свернувшегося, как сейчас, едва хватило места. Дари закрыла за полифемом дверь и почувствовала угрызения совести. Как она понимала, механизм дверей в целях безопасности позволял внешней двери открываться только при закрытой внутренней. Но внутренняя дверь открывалась снаружи. Это означало, что, пока Дари не закроет внутреннюю дверь, Дульсимер не сможет оттуда выйти при всем желании.

Она мысленно скрестила пальцы и тронула рычаг управления внутренней двери. Теперь Дульсимер облучался, независимо от уровня излучения реактора. А так как устройства его Дари не знала, то и не имела понятия, насколько велика полученная доза.

Сколько же времени ему можно там находиться?

Вдруг его убьют даже минуты? Передозировка всегда губительнее, нежели недобор. Зардалу просто стояли и смотрели. Они должны считать, что она делает все, как положено.

— Можно мне говорить? — В.К. Талли прервал ее в самый неподходящий момент. Рядом с ним стоял Ж'мерлия, бодрый, как ни в чем не бывало.

— Нет. Помолчите, В.К., я занята.

— Мое почтение, профессор Лэнг, — вмешался Ж'мерлия. — Я думаю, вам стоит выслушать его рассуждения.

— Я все еще размышляю, — продолжал Талли, не дожидаясь ответа Дари, которая только яростно обожгла их обоих взглядом. — Почему вы хотели, чтобы я спросил зардалу о выходе отсюда?

Дари огрызнулась.

— А как вы думаете? Или вам здесь так понравилось, что захотелось остаться навсегда? Так и случится, если мы будем сидеть сложа руки.

Она была готова сорвать зло на ком угодно. А Талли просто попал под горячую руку.

Он спокойно кивнул.

— Я понимаю ваше желание удалиться отсюда и побыстрее. Но это не ответ на мой вопрос. Ваша просьба меня все равно озадачивает, потому что мы знаем, куда нас отвели, когда захватили. У меня в памяти записана вся эта информация. А значит, нам уже известно, как выбраться на поверхность без посторонней помощи.

Дари пережила несколько мгновений безумной надежды, пока собственными рассуждениями не охладила свой пыл.

— Так не пойдет, В.К. Я верю, что вы хорошо помните дорогу, по которой пришли сюда, и, наверное, сможете вернуться по ней назад. Но первая часть пути лежит под водой, а море вокруг кишит зардалу. Даже если мы доберемся до этого последнего отрезка пути, в воде нас тут же поймают. Нас даже близко не подпустят к суше.

— Верно. Но... можно мне говорить? Я прекрасно сознаю, что бегство под водой неосуществимо, и никогда не предложил бы этого.

— Тогда что же, черт побери, вы предлагаете? — Угасшая так же мгновенно, как и возникла, надежда разозлила Дари еще больше. — Пробить туннель в скале? Прогрызть себе дорогу наверх?

— Я предлагаю вернуться той же дорогой, которой мы спустились до первого ряда воздушных насосов. А затем, следуя по воздуховодам за потоком воздуха, мы выйдем на поверхность.

Подача воздуха. Дари совсем рассвирепела... на этот раз на себя. Она же чувствовала ветерок и слышала легкое постукивание насосов еще в первом зале, куда ее приводили. Их здесь, наверное, сотни по всему лабиринту помещений. Логика подсказывала, что воздуховоды должны выходить на поверхность Дженизии.

— Талли, пусть отсохнет мой язык, если я еще хоть раз скажу гадость о викарах. Можете вертеть мной, как хотите. Приведите сюда зардалу, ладно? Того, матерого. Как можно быстрее.

Он поспешил к стражнику, а Дари тем временем поглядела на закрытую дверь реактора. Увлечшись разговорами с Талли и Ж'мерлией, она совершенно забыла о Дульсимере. Не сварился ли он насмерть? Ее успокоили неожиданно раздавшиеся изнутри громкие удары. Она закрыла внутреннюю дверь, но пока не приблизился большой зардалу, наружную дверь не открывала.

— Скажите ему, В.К., — проговорила она, — что нужно позвать старшего зардалу, того, с которым я разговаривала раньше. Передайте ему, что я готова сотрудничать на его условиях, но не хочу иметь дела ни с кем другим. А вы оба... приготовьтесь действовать быстро.

В дверь камеры реактора колотили все сильнее. Стук пережегался приглушенными воплями. Дари держала дверь закрытой, ожидая, пока зардалу уразумеет, чего от него хочет Талли.

В конце концов он направился к выходу, остановившись на пороге, чтобы обменяться свистом с остающимся сторожем. Этот зардалу придвинулся ближе и угрожающе помахал мощными щупальцами над головами Дари, Ж'мерлии и В.К. Талли.

Дари выждала еще тридцать бесконечных секунд, чтобы дать другому зардалу отойти подальше. Затем глубоко вдохнула и отперла наружную дверь в надежде, что счастье им улыбнулось и полифем получил нужную дозу радиации.

— Выходи, Дульсимер.

Ей не пришлось ничего открывать. Дверь вышибло из ее рук и со звоном ударило в стенку реактора.

Дульсимер вышел. Вернее, вышло нечто.

Вместо коренастого штопора огуречного цвета, надутого и молчаливого, который внесли в реактор несколько минут назад, вышла, точнее сказать, вынеслась девятифутровая струя сияющего яблочно-зеленого цвета, визжащая во всю мочь своего единственного легкого.

Оставшийся зардалу оказался прямо у него на пути. Дульсимер опрокинул его навзничь, не сбившись даже на дюйм со своего курса.

— Дульсимер! — завопила Дари. — Сюда. Следуй за нами... нам надо добраться до воздухопроводов. Дульсимер, ты меня слышишь?

— Ууу-ууу-шш! — завывал Дульсимер. В мгновение ока он облетел всю комнату, размахивая своим могучим хвостом.

— Бегите! — Дари толкнула В.К. Талли и Ж'мерлию к выходу и заторопилась туда сама, не отрывая глаз от Дульсимера. Зардалу, одуревший, но вполне дееспособный, снова встал и яростно замотал щупальцами. Он попытался схватить пролетавшего мимо полифема, но не смог. Тот ударился о реактор, отскочил, на секунду задержался у двери, словно раздумывая, не вернуться ли, а потом подпрыгнул до потолка, перевернулся посередине вниз головой и полетел в другом направлении.

— Дульсимер! — снова воскликнула Дари. Она замешкалась, и зардалу уже направился к ней. Больше ждать она не могла. — Беги к воздушным насосам!

— К насосу! — внезапно оказавшись рядом с Дари, крикнул Ж'мерлия. — Быстрее. Он там, дальше по туннелю.

Когда Ж'мерлия произносил это, мимо них со свистом промчался Дульсимер и стрелой рванул по коридору. Дари облегченно ахнула и побежала в ту же сторону. Добежав до громадных сопел воздушных насосов, она поняла, что Дульсимер проскочил мимо них. Дари услышала вдали его кудахтающий визг. А затем и он пропал.

— Внутрь, — крикнул Талли. Он забрался в воздуховод уже довольно далеко. — Если вы пролезете еще на несколько метров вглубь, щупальца вас уже не достанут. А сам воздуховод слишком узок для зардалу!

— Подождите секунду. Ж'мерлия отстает. — Дари, извиваясь, пробиралась вперед ногами в прямую секцию трубы. Протиснувшись поглубже, она подняла голову. Продвижение шло медленно, а зардалу быстро настигали их... слишком быстро. Она не успеет вовремя выбраться из зоны досягаемости щупальцев.

Но между Дари и зардалу находился Ж'мерлия, и он даже не попытался добраться до воздуховода. Вместо этого он побежал в сторону, отвлекая внимание зардалу на себя. Поднырнув под толстое щупальце, он скрылся из поля зрения Дари.

А потом вернулся. Когда Дари проталкивала себя все дальше, она увидела, как Ж'мерлия снова возник перед зардалу и замер.

Щупальца опустились, заключив Ж'мерлию со всех сторон в живую клетку. Присоски прилипли к трубчатому тельцу, и из ротового отверстия вырвался победоносный и злобный свист.

Щупальца с клацаньем сомкнулись. И в этот момент Ж'мерлия исчез.

Зардалу удивленно взвизгнул. Дари ахнула. Ж'мерлия не вырвался, не бежал... он просто исчез, растворился. Но времени раздумывать и удивляться не было. Зардалу продвигался вперед, а Дари еще находилась в опасной зоне.

Извиваясь, она ползла по сужающемуся туннелю. Цепкие кончики щупальцев блуждали, пытаясь схватить ее, касались волос, дотрагивались до головы и шеи. Дари застряла слишком сильно, чтобы двинуться.

А затем человеческая рука схватила ее за щиколотку и потянула внутрь. Она резко оттолкнулась, помогая В.К. Талли тянуть себя, и наконец скользнула по трубопроводу в последнем спасительном рывке. Зардалу тужился достать ее, но ему не хватало нескольких дюймов.

Измученная Дари лежала на полу воздуховода и судорожно старалась отдышаться. Дульсимер куда-то пропал...

Но, должно быть, находится в безопасности. Он мечется по коридорам и в таком состоянии неуязвим для зардалу. Ж'мерлия исчез еще более таинственно, в нарушение всех известных законов физики. Она все еще была глубоко под землей, на планете, поверхностью которой владели зардалу.

И все-таки Дари испытывала странное возбуждение. Не важно, что будет дальше, — они сделали по меньшей мере один шаг к свободе. И совершенно самостоятельно.

Путь на поверхность оказался неправдоподобно легким и безумно трудным.

Легким, потому что, следуя за воздушным потоком, они не могли ошибиться. Воздуховод, в который они вошли, забирал отработанный воздух из зала. Он должен был где-то слиться с другими трубопроводами и вывести их прямо на поверхность Дженизии. От них требовалось только настойчиво продолжать путь.

А трудным все это было потому, что схему трубопроводов они не знали. К тому же трубы не предназначались для прогулок людей. В некоторых местах они настолько сужались, что в них невозможно было двигаться. Тогда Дари и Талли возвращались к ближайшей развилке трубопроводов и отправлялись по другой ветке. В некоторых пересечениях трубопровод расширялся в целую комнату, достаточно большую, чтобы пропустить зардалу. Входить туда было небезопасно, и им снова приходилось возвращаться и искать другой путь.

Дари не сомневалась, что без В.К. Талли ни за что бы не выбралась. Он запоминал каждый поворот и каждый наклон туннеля, определяя их координаты относительно исходной точки путешествия, и следил за тем, чтобы отклонения маршрута не уводили их слишком далеко от нужного направления. Он то и дело успокаивал Дари, утверждая, что, несмотря на фальстарты и возвращения, они все-таки движутся вверх, а его внутренние часы утверждали, что, хотя они целую вечность шли, ползли, лезли по плохо освещенным проходам, прошло всегонавсего шесть часов с тех пор, как они сбежали от зардалу.

Время от времени они менялись местами. Дари как раз начала карабкаться на четвереньках по такому крутому и скользкому склону, когда заметила впереди какой-то мерцающий свет.

Остановившись, она обернулась к В.К. Талли.

— Мы выходим в другой зал, — прошептала она. — Не могу сказать, насколько он велик, но туннель расширяется и свет выглядит как-то по-другому. Возможно, здесь достаточно просторно для зардалу. Пойдем вперед или вернемся к последней развилке?

— Если здесь не видно и не слышно зардалу, я предпочел бы двигаться дальше. Это тело на грани истощения. Если мы остановимся, будет трудно снова продолжать путь без передышки.

Слова Талли вынудили Дари признать то, на что она старалась не обращать внимания: она падала от усталости. Руки она ободрала до крови, колени и лодыжки покрывали царапины, ей хотелось пить, а говорить пересохшими губами удавалось с трудом.

— Оставайтесь здесь. Я сама погляжу.

Она заставила себя проползти последние десять метров наклонного туннеля и добралась до плоского твердого пола. Прислушалась. Ничего. И видно тоже ничего не было, кроме светящейся полусферы потолка.

— Кажется, все в порядке, — прошептала она... и вдруг замерла. Футах в десяти от нее раздался тихий скребущий звук. Его сопровождал вздох и порыв воздуха, словно включился какой-то огромный воздушный насос.

Дари неподвижно застыла. Наконец она подняла голову к светящейся чаше потолка и тихо засмеялась.

— Что-то не так? — обеспокоенно прошептал В.К. Талли.

— Ничего. Ничегошеньки. — Дари поднялась во весь рост. — Выходите, Талли. Вы можете наконец отдохнуть. Мы на поверхности Дженизии. Чувствуете ветер? Сейчас ночь, а свечные вверху — кольцевые сингулярности.

Никогда в жизни Дари не ждала рассвета с таким нетерпением. Сорокадвухчасовой период обращения Дженизии растягивал ночь до бесконечности. Первые лучи окрашивали горизонт на востоке с ледяной медлительностью, и только через два часа Дари смогла разглядеть окрестности.

Они находились на плоской скалистой площадке в миле или чуть меньше от моря... Какое же облегчение принес его солоноватый влажный привкус пересохшему горлу!.. Между ними и водой была только каменистая осыпь и кустарник. Они легко могли добраться до берега. Но ночной бриз стих, и в

утренней тиши Дари увидела, как бурлит морская гладь, закручиваясь, вздымаясь и опадая. Она представила, как на мелководье резвятся зардалу. Картина казалась мирной, но только на первый взгляд.

Они с Талли выждали еще час, слизывая капли росы с вогнутых, как блюдце, листьев и маленьких углублений в камнях. Когда почти рассвело, Дари поднялась на самый высокий из ближних утесов и огляделась. Вдали, у кромки воды, она увидела блестящую точку.

По всей видимости, «Поблажка». На поверхности Дженизии просто больше нечему было так ярко блеснуть. Оставалось лишь добраться туда.

Проще всего было бы направиться к берегу и дойти до корабля вдоль кромки воды. Быстро, легко... и опасно. Дари не забыла свою последнюю прогулку по бережку, когда из моря вылезли морские чудовища. Может быть, кроме зардалу, на Дженизии водятся и другие, не менее опасные существа.

— Пойдем по скалам, — сказала она В.К. Талли. — Придется еще ползать.

Она двинулась через россыпь острых камней, заросли колючих папоротников и зубчатых сайкадов, по осыпающемуся под ногами щебню. С трудом преодолевая каждый метр, они пробирались параллельно береговой линии, оставаясь от нее в четверти мили. По мере того как солнце вставало все выше, в воздух поднимались тучи маленьких черных мошек, которые липли к их потным лицам и каждому незащищенному кусочку кожи.

Талли не жаловался. Дари с завистью вспомнила, что он мог контролировать свои неприятные ощущения. Если они начинали беспокоить его, он их просто выключал. О, если бы она могла сделать то же самое! Она продержалась еще четверть часа. В конце концов ей пришлось взять выше, где дорога была чуточку полегче. Перегнувшись через край скалы, она огляделась вокруг и подумала, что никогда в жизни не видела столь прекрасного зрелища. На сером мху их поджидал корабль.

— Еще пять минут, — обернувшись, прошептала она Талли. — До «Поблажки» нам осталось не больше ста ярдов. Мы подберемся к краю ровной площадки, затем передохнем в кустах. И когда наберемся сил, добежим до «Поблажки» на едином дыхании. Я займусь люками, а вы сразу же отправляйтесь в рубку и выводите нас в космос.

Они подкрались к тому месту, где кончались заросли, и приготовились бежать к кораблю. Дари низко согнулась, отмахиваясь от черных мошек. Они облепили ее лицо, лезли при каждом вдохе в нос и рот. Прикрыв лицо руками, она дышала сквозь импровизированный фильтр из собственных сомкнутых пальцев.

Еще минута, и все мучения уйдут в прошлое. Дари поднялась в полный рост и, обернувшись, кивнула В.К. Талли: «Тридцать секунд». Она представляла себе все до мельчайших подробностей: бросок через покрытую мхом площадку, быстрая проверка систем корабля, рев двигателей, чудесный звук мощного взлета... И кровожадные зардалу останутся лишь страшным сном. Эта картина уже стояла перед ее мысленным взором.

Бог мой! Эти звуки уже материализовались...

Дари повернулась. Она приготовилась крикнуть и, вдохнув в себя сотню крохотных мошек, закашлялась и зачихала. А «Поблажка», ее единственная надежда, единственный путь с этой ужасной планеты... с ревом поднялась и растаяла в розовом утреннем небе Дженизии.

ГЛАВА 19

Ханс Ребка сидел на округлой пирамидке, которой еще не доводилось служить сиденьем для человеческой задницы, и размышлял о везении.

Везет, как правило, не тебе, а кому-то другому. А вот невезение... Иногда можно осторожностью, наблюдательностью, хитростью, тяжким трудом избежать невезения и даже заставить других поверить в вашу счастливую звезду. Но сами-то вы все равно знаете разницу, хоть остальным она и не заметна.

Допустим, что случайно, для разнообразия, удача решила вам улыбнуться. Как встретите вы эту незнакомку? Можно, конечно, считать ее появление неизбежным, уповая на статистику, ибо удачные и неудачные события за достаточно долгое время в достаточно большом количестве случаев равновероятны. И приветствовать и радоваться, что наконец настал ваш черед. Или же все равно продолжать, как Ханс Ребка, слышать

тихий внутренний голос, предостерегающий против удачи-самозванки, которой не стоит доверять.

Эмбриоскаф поволокло к поверхности Дженизии и повредило при ударе. Можно назвать это невезением. Или, если вы рассуждаете, как Ханс Ребка, отсутствием должной осторожности. Затем зардалу загнали их в капкан и заставили отступить внутрь планеты. Снова невезение? Возможно.

Но затем, вопреки неизбежности, им удалось сбежать от зардалу, углубившись в недра Дженизии. Они повстречались с Хранителем Мира. И это создание Строителей при посредничестве Ж'мерлии согласилось без споров вернуть их в безопасное место на поверхности планеты. В место, откуда они смогут добраться до эмбриоскафа. А если бы они захотели, их бы отправили сразу на территорию Альянса.

Удача. Слишком много удачи, не переставая нашептывал Ребке внутренний голос, с тех пор как это произошло. Теперь он громко выражал свою тревогу.

Ребка оглядел квадратную комнату, освещенную мигающим светом столба голубой плазмы, взметнувшегося в ее центре. Хранитель Мира посоветовал им не приближаться к этой ревущей метровой толщины колонне, но предупреждение было излишним. Даже с тридцати метров Ребка ощущал жгучий жар.

Им велено ждать здесь... но сколько? Они так и не поели, воды в этой комнате тоже не было. Создания Строителей привыкли ждать миллионы лет, им не понять человеческих сроков. Один час уже прошел. Сколько пройдет еще?

Ж'мерлия, Каллик и Атвар Х'сиал разбрелись по разным углам комнаты... «Странно, — подумал Ребка, — когда Ж'мерлия не сидит в молчаливом обожании у панциря Атвар Х'сиал, он обычно дружески болтает с хайменопткой». Самым деятельным был Луис Ненда. Сейчас он бережно снимал крышку с прозрачного октаэдра, наполненного извивающимися черными нитями, который парил в паре футов от пола.

Ребка подошел к нему.

— Занят?

— Так, развлекаюсь. Коротая время. По-моему, они живые. — Ненда выпрямился и вопросительно поглядел на Ребку. — В чем дело?

Ребку не обидел холодный тон. Они оба не любили пустых разговоров.

— Я к тебе за помощью.

— Неужели? Да-а, это впервые. — Ненда почесал руку, на которой капли жгучей жидкости оставили волдыри. — Не знаю, чем могу быть полезен. Об этом месте ты знаешь ровно столько же, сколько и я.

— Мне нужно кое-что другое. — Ребка жестом пригласил Луиса Ненду следовать за собой и не заговорил, пока они не вышли из комнаты в коридор. Наконец он остановился и обернулся. — Я хочу, чтобы ты поработал моим переводчиком.

— Так далеко увести меня, чтобы сообщить это? Извини, с серебряными чайниками я говорю не лучше твоего.

— Я имею в виду не Хранителя Мира. Я хочу, чтобы ты переводил мои слова Атвар Х'сиал.

— Тогда попроси Ж'мерлию, а не меня. Несмотря на мое наращение, он говорит по-кекропийски несравненно лучше.

— Знаю. Но я не хочу привлекать Ж'мерлию. Я вообще не хочу пользоваться его услугами. Ты же видишь. Когда он был нашим посредником в переговорах с этим созданием, тебе его поведение не показалось странным?

— Это еще мягко сказано. Ты слышал, что сказала Каллик, когда Ж'мерлия свалился на нас? Она сказала, что, по ее мнению, зардалу промыли Ж'мерлии мозги. Ты к этому ведешь?

— Не совсем, — Ребка не считал, что зардалу поработали над мозгами лотфианина, но затруднялся дать какое-то объяснение. Все, что он знал, вернее, чувствовал, это какую-то неладность, которую невозможно объяснить тем, кто сам ее не ощутил. — Мне хотелось бы знать, что по этому поводу думает Атвар Х'сиал. Ж'мерлия много лет был ее рабом и переводчиком. Не знаю, могут ли лгать феромоны, но вдруг Атвар Х'сиал заметила в Ж'мерлии что-нибудь необычное.

— На кекропийском феромонном языке можно солгать, если ты им владеешь виртуозно. Знаешь, что говорят о кекропийцах мирмеконы Декантила? «Главное в кекропийцах — честность, искренность и цельность. Научившись симулировать эти качества, они смогут занять свое место в Федерации». Мне хотелось бы до такой степени знать кекропийский язык, чтобы не моргнув лгать на нем.

— Что ж, если кто-то и может понять перемену в Ж'мерлии, это, ручаюсь, Атвар Х'сиал. Об этом я и хочу ее расспросить.

— Подожди. Я сейчас ее приведу. — Направившись в комнату, Ненда задержался на пороге: — Хотя мне кажется, я знаю,

что она скажет. Она скажет, что не может больше разговаривать с Ж'мерлией, как раньше, здраво. Но тебе лучше услышать это своими ушами. Подожди здесь.

Когда огромная фигура кекропийки приблизилась к Ребке, Ненда уже задавал ей вопрос капитана. Она кивнула ему.

— Это верно, капитан, — перевел Ненда, — но на деле все гораздо тоньше. Я могу разговаривать с Ж'мерлией, и он отвечает мне и переводит, говоря от моего лица. И он говорит правду... по крайней мере я не чувствую, что он лжет. Но вместе с тем в его присутствии есть ощущение какой-то неполноты, как будто не Ж'мерлия стоит передо мной, а хорошее его подобие, выучившееся воспроизводить любое действие настоящего Ж'мерлии. И одновременно я знаю, что это тоже может быть обманом. Мою эхолокацию обмануть можно, но обоняние — никогда. Это действительно Ж'мерлия.

— Спроси Атвар Х'сиал, почему она до сих пор не поделилась своими мыслями с тобой или со мной, — продолжил Ребка.

Незрячая голова снова кивнула. Жесткие надкрылья поднялись и опустились.

— Поделиться чем? — перевел Ненда. — Атвар Х'сиал говорит, что ей претит поддерживать в других беспокойство на основе столь туманных и субъективных впечатлений.

Ребка знал это чувство.

— Скажи ей, что я ее понимаю. И еще скажи, что я хочу просить ее о дальнейшем сотрудничестве.

— Проси, — открытые желтые рожки были направлены на губы Ребки. У него создалось впечатление, и притом не впервые, что кекропийка понимает человеческую речь лучше, чем готова признать. Тот факт, что она «видела» эхолокацией, не исключал возможности того, что она также могла считывать одномерные звуковые возмущения, создаваемые человеческими голосовыми связками.

— Когда Хранитель Мира вернется, я не хочу продолжать переговоры с ним через Ж'мерлию, как в прошлый раз. Спроси Атвар Х'сиал, не может ли она приказать ему или убедить его — словом, что-нибудь предпринять, чтобы убрать его с дороги?

Ненда поднял руку.

— Я передал ей, но прибавлю от себя. Ты что, ждешь, что Ат будет больше доверять тебе, чем Ж'мерлии? С какой стати она должна это делать?

— Не должна. Ты тоже будешь здесь. Надеюсь, тебе она доверяет?

В ответ Ненда бросил на Ребку странный взгляд своих налитых кровью глаз.

— Да, уж. По большей части. Подожди-ка, Ат снова что-то говорит, — на какое-то время он замолчал, кивая кекропийке. — Ат согласна. Но у нее встречное предложение. Мы вернемся в зал, и ты задашь любые, какие захочешь, вопросы Ж'мерлии. При этом Ат будет выступать в роли детектора лжи. Очень трудно говорить по-человечески и одновременно контролировать свои феромоны. Ж'мерлии это будет не легче, чем мне.

— Пойдемте. — Ребка первым двинулся в освещенную полыханием плазменного столба комнату. Хранитель может вернуться и через несколько дней, и через несколько минут, а им необходимо выяснить все, что можно, о новом и странном Ж'мерлии.

С тех пор, как они покинули комнату, изменилось лишь одно: Ж'мерлия вылез из своего угла и теперь сидел скорчившись рядом с Каллик. Отчаянно жестикулируя четырьмя лапками, он что-то быстро говорил ей на ее языке, который Ребка не понимал. Когда Ребка подошел к ним, Атвар Х'сиал осталась у него за спиной. Глаза Ж'мерлии остановились сначала на Ребке, потом на его госпоже-кекропийке.

— Ж'мерлия. — Ханс Ребка, пытавшийся сообразить, какой вопрос даст быстрейший ответ, наконец решил: — Ж'мерлия, гдали вы нам или нет в каком-либо из своих утверждений?

Лучшего вопроса, чтобы вызвать эмоциональный всплеск, и не придумаешь. Лотфиане не лгут, особенно в присутствии своей госпожи. Любой ответ, кроме немедленного удивленного отрицания, звучал бы неестественно.

— Нет. — Слова были адресованы Ребке, а бледно-лимонные глаза устремились на Атвар Х'сиал. — Я не лгал.

Почему же такой однозначный ответ произносится столь неуверенно?

— Может, вы скрыли от нас что-нибудь важное?

Ж'мерлия выпрямился на своих восьми веретенообразных ножках и окаменел.

Луис Ненда автоматически двинулся и остановился между лотфианином и выходом из зала. Но Ж'мерлия туда и не взгля-

нул. Он протянул лапку в сторону Атвар Х'сиал и застонал, высоко и тонко.

А затем рванулся к пылающей колонне в середине комнаты.

Люди и кекропийка оказались слишком медлительны. Прежде чем они сдвинулись хотя бы на дюйм, Ж'мерлия уже был на полпути к сине-белому сияющему столбу. Только Каллик была достаточно проворной. Она бросилась за Ж'мерлией и догнала его у самого столба. Когда тот кинулся в его польхующую сердцевину, она протянула тонкую проволочную лапку и схватила его за ногу. Он рвался в ревуший столб. Лапку Каллик затягивало за ним. Последовала фиолетово-белая вспышка. И хайменоуптка отскочила метров на пятнадцать. Она шипела от боли и гнева: ей обожгло половину переднего сустава.

Ребка тоже был потрясен. Не из сочувствия к Каллик, потому что знал физическую выносливость хайменоуптов и их способность к регенерации. Но когда Ж'мерлия прыгнул в яркий столб, Ребка подумал, что столб может быть частью транспортной системы Строителей. Однако вид Каллик, нянчившей свою обожженную лапку, не соответствовал этому предположению. Луис Ненда уже присел около нее, чтобы перевязать рану плоской материи, оторванной от своей рубашки. При этом он пошелкивал и посвистывал, обращаясь к Каллик.

— Как же я не догадался. — Он выпрямился. — Я должен был понять, что происходит что-то неладное, когда мы вернулись и Ж'мерлия трещал как заведенный. Он рассказал Каллик кучу всего о лабиринтах коридоров, дороге в туннелях и не мог объяснить, откуда он все это знает. Она рассудила, что он, должно быть, узнал это раньше, когда встретился с Хранителем Мира, а может быть, еще раньше. Она говорит, что с ней все в порядке, и через несколько дней лапка будет как новенькая... Ну и что теперь? Ж'мерлия перед тем, как покончить с собой, сказал, что Хранитель Миров сюда не вернется. Если это так, то мы предоставлены самим себе. Что будем делать?

Это звучало вопросом, но Ханс Ребка слишком хорошо знал Ненду, чтобы истолковать его слова так примитивно.

Карланец, может, и был мошенником, но это не мешало оставаться ему человеком умным и жестким. Он знал, что выбора у них нет. Внизу не было ничего, что могло бы послужить им пищей. Если Хранитель Мира не вернется, надо попытаться самостоятельно выйти на поверхность.

— Вы запомнили все, что говорил вам Ж'мерлия? — После того, как Каллик кивнула, Ребка больше не колебался: — Ладно. Как только вы сможете идти, поведете нас наверх.

Каллик сразу же поднялась на здоровых семи ножках.

— На поверхность! — рассмеялся Ненда. — Вперед к зардалу и так далее? Пора побороться за себя.

Ханс Ребка кивнул. Он пристроился за хайменопткой, когда она встала и направилась к выходу из большой квадратной комнаты, где полыхал погребальный костер. За ним шел Луис Ненда.

Замыкала шествие Атвар Х'сиал. Ее надкрылья обвисли, хоботок спрятался в складках подбородка. С Хансом Ребкой она не разговаривала... не могла... но он был убежден, что она по-своему грустила о смерти Ж'мерлии, ее преданного спутника и — некогда — раба.

Может, эта дорога и вела наверх, но, судя по первым метрам, никто бы этого не сказал. Сначала Каллик повела их *вниз*, по комнатам, связанным друг с другом массивными дверьми, которые плотно закрывались за ними с чавкающим звуком. Ребка задержался и попробовал открыть дверь после того, как Атвар Х'сиал проскочила в нее, но не смог даже различить ее контуры. Куда бы ни привел их этот маршрут, путь назад был заказан. Он поспешил за остальными. Через десять минут они подошли еще к одному столбу голубой плазмы, вертикальному потоку жидкого света, уходящему в темноту. Каллик ткнула в него:

— Мы должны ехать на этом. Вверх. До конца.

До какого? Вспомнив о судьбе Ж'мерлии, Ребка заколебался. Но от огненного столба не исходило тепло, и Луис Ненда уже вышел вперед.

— Отойди, Каллик, — пробормотал он. — Другим тоже хочется побыть первыми.

Он вытащил из кармана карандаш и, протянув руку, осторожно коснулся его кончиком поверхности столба. Карандаш вырвало из его руки. Он подскочил вверх, да так быстро, что глаз почти не успел ничего заметить.

— Ну и тяга! — восхитился Луис Ненда. — И вроде негорячо. — Он дотронулся до голубого столба пальцем, и его руку резко потянуло вверх. Отдернув палец, он сунул его в рот. — Как будто в порядке. Совсем не жарко... просто сильно тянет.

Скажу так: или все, или ничего. Туда постепенно не влезешь. Разорвет пополам.

Он повернулся к колонне, но не успел и глазом моргнуть, как мимо него проскочила Каллик. Одним прыжком она оказалась в середине голубого столба и исчезла. За ней последовала Атвар Х'сиал, плотно прижавшая к телу надкрылья, чтобы они не выходили за пределы световой колонны.

Луис Ненда шагнул вперед, но в последний момент остановился:

— Как ты думаешь, сколько здесь «же»? Ускорение может убить не хуже огня.

— Понятия не имею. — Ребка подошел и встал рядом с ним. — Но, полагаю, мы это скоро узнаем. Или останемся здесь и умрем. — Жестом радушного хозяина он указал на столб. — Прошу.

— Благодарю, — и Ненда исчез, проглоченный вспышкой голубизны.

Ребка окинул все прощальным взглядом... может, последним в своей жизни. И прыгнул вперед. Мгновение небытия, слишком короткое и странное, чтобы назвать его болью, и вот он уже стоит на плоской поверхности. Он закачался, стараясь удержать равновесие. Непроницаемая темнота окружала его со всех сторон.

Он стал шарить вокруг... и ничего не ощутил.

— Есть тут кто-нибудь?

— Мы все здесь, — ответил голос Ненды.

— Где здесь? Вы что-нибудь видите?

— Ничегошеньки. Черно, как сердце политика. Но эхолокация у Ат работает отлично. Она говорит, что мы уже снаружи. На поверхности.

Во время этого разговора Ханс Ребка решил, что его первое впечатление было ошибочным. Яркая колонна света, когда он вошел в нее, запечатлелась на сетчатке, и только теперь глаза стали восстанавливать свою чувствительность. Запрокинув голову, он поглядел вверх и уловил смутные световые разводы, бледно-розового и ярко-синего цвета.

— Подождите минутку, — сказал он Ненде, — взгляните вверх. Там что-то светится. Если мы на поверхности, то здесь сейчас ночь. А над нами кольцевые сингулярности.

— Хорошо. Я тоже начинаю видеть... Ат их разглядеть не может, потому что они за пределами атмосферы.

Но зато она видит окрестности и советует двигаться очень осторожно. Вокруг каменистая осыпь. Можно переломать ноги.

Глаза Ребки еще не приспособились в темноте, но временная слепота уже почти прошла. Правда, особой разницы он не ощутил. Слабое сияние сингулярностей не позволяло разглядеть даже камни под ногами. Но увиденного было достаточно, чтобы не сомневаться: доставивший их сюда голубой столб исчез без следа. Как и двери, он сразу закрылся за ними. И Ребка испытал щемящее чувство одиночества. Атвар Х'сиал ночью видела так же хорошо, как днем, глаза Каллик также гораздо чувствительнее человеческих. Эти чужаки могли исследовать окружающую обстановку и обсуждать ее на своем языке с Луисом Нендой. Карланец понимал и кекропийскую, и хайменоптскую речь. При желании они могли вообще игнорировать Ребку.

Ирония судьбы. Когда Ханс Ребка впервые увидел, на какие жертвы пошел Луис Ненда, чтобы овладеть феромонной речью, он почувствовал отвращение к безобразным ямкам и нашлапкам на его груди. Теперь он, пожалуй, тоже не возражал бы иметь нечто подобное.

— Есть какие-нибудь признаки зардалу? — поинтересовался он.

— Ат чувствует их неподалеку. Может быть, в миле или двух отсюда.

— Если бы мы только сами знали, где находимся!

— Ат просит стоять спокойно. Она забирается на большой утес, чтобы оглядеться. Каллик лезет за ней.

Ребка напряг глаза, всматриваясь в темноту, но не увидел ни Атвар Х'сиал, ни Каллик, хотя до него донеслось приглушенное царапанье когтей. Оно естественно вписалось в тихий шорох растений и смутно знакомое отдаленное низкое урчание, доносившееся справа от Ребки. Оба звука заглушил Луис Ненда, буркнув:

— Мы выбрались. Ат говорит, что мы рядом с местом нашей посадки она видит мох и береговую линию, прямо внизу.

— А корабль? — Это был главный вопрос. Без корабля они станут добычей зардалу и могли бы с таким же успехом оставаться в недрах Дженизии. Судя по первому сообщению Ж'мерлии, он починил эмбриоскаф и посадил его поблизости от построек зардалу. Но потом его рассказы стали такими невня-

ными и беспорядочными, что ставили под сомнение всю предыдущую информацию.

— А эмбриоскаф, — повторил Ребка. — Атвар Х'сиал его не видит?

— Нет.

У Ребки упало сердце.

— Но самое непонятное, — продолжал Ненда, — что она видит другой корабль, большего размера, чем эмбриоскаф, и примерно на том же месте. — Он добавил несколько свистков и щелчков по-хайменоптски.

— Корабль зардалу? — спросил Ребка.

— Не знаю. Мы же не знаем, как они выглядят.

— Мое почтение, — заговорила Каллик, в первый раз с тех пор, как они выбрались на поверхность. Ее тихий голос раздавался откуда-то сверху. — Я тоже оглядела все кругом и внимательно выслушала описание Атвар Х'сиал, в сообщении хозяина Ненды. Этот корабль напоминает мне тот, на котором я никогда не летала, но с которым имела возможность хорошо ознакомиться во время нашего путешествия в Свертку.

— Что? — озадаченно спросил Луис Ненда. Приятно было сознавать, что он также ничего не понимает.

— Судя по очертаниям — это «Поблажка». У нее необычный вид. Мне кажется, произошло следующее. Члены нашей экспедиции, оставшиеся на «Эребусе», должно быть, получили со «шмелем» сообщение о безопасном маршруте через сингулярности и решили последовать за нами сюда. Дальним осмотром планеты они установили местонахождение эмбриоскафа и посадили «Поблажку» рядом с ним. Но нас там не оказалось, и не было никаких указаний на то, куда мы отправились и когда вернемся. Поэтому они оставили одного или двоих на корабле Дульсимера, с его тяжелым вооружением, в ожидании нашего предполагаемого возвращения. Остальные, наверное, вернулись в пространство на невооруженном эмбриоскафе, опасаясь встречи с зардалу. Если мое предположение верно, один или двое членов экспедиции сейчас поджидают нас на «Поблажке», а сам «Эребус» ждет на орбите Дженизии.

Версия Каллик была четкой, логичной и полной. И как большинство подобных версий, по мнению Ханса Ребки, не могла быть правильной. В реальном мире так ловко концы с концами не сходятся.

Но в настоящий момент истинность этой гипотезы ни капельки не влияла на то, что им предстояло сделать. Их даль-

нейшие действия предопределены некоторыми фактами, и эти факты отрицать невозможно. Занимался день... На небе уже появились проблески рассвета. Им нельзя оставаться на поверхности планеты, особенно около берега, когда взойдет солнце и зардалу станут активными. И самое главное: всего в нескольких сотнях ярдов находится корабль. Как он сюда попал и кто на нем находится, менее важно, чем то, что он здесь.

— Обсудим наши гипотезы... когда благополучно выберемся в космос. — Ребка огляделся. В свете занимающегося утра проступили окрестные утесы. Еще несколько минут, и они с Нендой смогут идти, не рискуя свернуть себе шею. Но к этому времени ему хотелось бы находиться поближе к кораблю. — Я знаю, что перебираться через скалы будет нелегко, но нам надо попытаться, пока еще темно. Я хочу, чтобы Атваар Х'сиал и Каллик стали поводьями мне и Ненде. Указывайте, куда ступать... переставляйте наши ноги, если понадобится. Помните, мы должны двигаться как можно бесшумнее, так что не ведите нас по осыпям. Но нам необходимо дойти до места, где начнутся мох и ил, до того, как рассветет по-настоящему.

Предутренний ветер стихал, плеск набегающих на берег волн почти смолк. Ханс Ребка двигался в абсолютном молчании, когда каждый шорох от упавшего камешка звучит, как гром, а посыпавшаяся из-под ног горстка земли кажется лавиной. Ему приходилось напоминать себе: человеческий слух не различит их шаги даже за несколько футов.

Наконец они добрались до места, где можно было забыть об осторожности: перед ними под светлеющим небом простирался ровный серо-зеленый мох, мягкий и пушистый. Им оставался всего один рывок к кораблю, пара сотен ярдов.

Ребка обернулся к хайменоптке, которая даже с поврежденной ногой двигалась раза в четыре быстрее человека.

— Каллик, когда достигнешь входного люка, забирайся внутрь, оставь его открытым и сразу готовь корабль к старту. Не вступай в спор или обсуждение с кем-либо на борту. Этим займемся позднее. Я хочу, чтобы к тому времени, когда я там появлюсь, мы были готовы взлететь. Понятно?

Хайменоптка кивнула.

— Тогда давай!

Каллик стрелой понеслась по мшистой площадке, от скорости ее ноги слились, как на смазанном снимке. Атваар Х'сиал, двигавшаяся удивительно быстро для своих габаритов, немного

от нее отстала. Кекропийка мчалась длинными скользящими скачками, последний из которых благополучно завершился в глубине люка. Луис Ненда оказался прекрасным спринтером, на последних сорока ярдах Ребка почти нагнал его, но до люка Ненда добрался первым.

Ребка вскочил за ним следом, обернулся, споткнувшись о комингс, и захлопнул входной люк.

— Все? — крикнул он. — Каллик, поднимай.

Круто повернувшись, он осмотрелся. В последние секунды пробега по моховой подушке его осенила вполне реальная мысль, которую он не хотел развивать из-за ее роковых последствий. Что, если «Поблажку» каким-то образом захватили зардалу и устроили засаду внутри? Слава Богу. Никаких признаков зардалу не было.

— Каллик, остановись и зависни на высоте триста метров. Я хочу поглядеть, нет ли зардалу.

Но маленькая хайменоптка указывала на контрольный дисплей, где перемигивались огоньки.

— Сигнал срочного вызова, капитан Ребка. Не этого корабля.

Ребка подскочил к пульту и оглядел панель.

— Это «Эребус». На стационарной орбите. Веди нас прямо к нему, Каллик. Грейвс не должен был лезть в сингулярность. Что же там стряслось?

Команда «зависнуть» была отменена, и начался быстрый подъем. Все глаза устремились на дисплей, на котором виднелась темная масса «Эребуса». Никто не поглядел на экран с уходящей вниз планетой. Никто не заметил уменьшающуюся фигурку Дари Лэнг, которая махала и кричала им вслед с залитой солнцем поверхности Дженизии.

ГЛАВА 20

Дари постигала все на собственном опыте. Нельзя предугадать заранее, сколько неудобств и трудностей может вынести человек, пока его не загонят в угол.

Черные мошки, забивавшие глаза, нос и уши; руки и ноги, дрожащие от усталости; голод и жажда — все это было ерундой

по сравнению с исчезновением «Поблажки», их единственной надежды на спасение с Дженизии.

Солнце поднималось все выше, а она сидела на плоском камне, полная отчаяния, постепенно перераставшего в раздражение, и, наконец, в ярость. Кто-то... кто-то из их отряда украл корабль прямо из-под носа у них с Талли. Теперь они безнадежно здесь застряли.

Кто мог это сделать? И как только Дари об этом подумала, ей все стало ясно: те, кто уцелел после первой высадки на Дженизию. Они прибыли сюда на эмбриоскафе, но того не оказалось на месте, когда они решили покинуть планету. Раз его не оказалось, они, должно быть, увидели в «Поблажке» единственный способ улететь с Дженизии. Но если она рассуждает верно, то как только они поймут, что оставили внизу людей, — наверняка вернутся. Ханс Ребка вернется за ней. И Луис Ненда тоже. Она в этом нисколько не сомневалась.

· Проблемой, и достаточно сложной, было то, как остаться в живых и на свободе до их прибытия. Но соблюсти эти условия на поверхности было довольно трудно. Когда она осторожно посмотрела сквозь укрывающие их заросли кустарников на берег, то увидела, что вода кишит какими-то живыми существами. То тут, то там из-под воды высовывалась синяя голова. Возможно, зардалу любили скалы и камни, где прятались они с Талли, меньше, чем воду, но они наверняка уже догадались, что беглецы воспользовались воздуховодами. И через час или два начнется систематический осмотр выходов воздухопроводов на поверхность. Протерев глаза, она переползла туда, где перед маленьким кустиком с крупными желтыми ягодами сидел В.К. Талли.

— В.К., нам надо вернуться. Снова в воздуховоды.

— Неужели? Мы же старались выбраться из них...

— Корабль за нами вернется. — Она старалась поверить в это. Она должна была верить. — Но на поверхности нам не выжить.

— Позвольте не согласиться с вами. — Талли взял гроздь желтых листьев, раздувшихся на кончиках в полудюймовые сморщенные шарики. — Они не очень хороши на человеческий вкус, но жизнь поддержать могут. В них много воды и кое-какие питательные вещества.

— Они могут оказаться ядовитыми.

— Нет, они не ядовиты... Я уже проглотил некоторое их количество.

«Скорее довольно значительное количество», — подумала Дари, когда он обратил на это ее внимание. Два или три кустика в их маленькой ложбинке были объедены.

— И хотя я вживленный компьютер, — продолжал Талли, — а не настоящий человек, иммунная система и реакции организма на яды у меня не отличаются от ваших. Я не почувствовал неприятных эффектов и уверен, что вы их тоже не почувствуете.

Логика подсказывала Дари, что Талли мог очень и очень ошибаться. Он сам управлял своей иммунной системой, а тело, в которое его поместили, выбрали так, чтобы избежать возможных аллергических реакций. Но хотя разум повторял ей все это, руки хватали ветку за веткой и отправляли в рот ягоды.

Талли, по-видимому, был прав. Они оказались слишком горькими и терпкими, чтобы доставить удовольствие, но были очень сочными. Сок живительной струйкой потек в ее горло, когда она раздавила ягоды зубами. Она сжевала больше дюжины, прежде чем смогла заставить себя остановиться и заговорить.

— Когда я говорила, что мы не можем здесь оставаться, я имела в виду не пищу, а зардалу.

Викер не ответил. Медленно приподнявшись, он взглянул на берег.

— Я их не вижу. Если они и есть поблизости, то, наверное, лишь в воде.

— Держу пари, они там не останутся. Воздуховод, по которому мы поднялись, более чем в миле отсюда, а есть ли ближе другие, мы не знаем. Если зардалу выйдут из моря между нами и воздуховодом, все кончено. Нам надо вернуться.

Талли уже обламывал целые ветки. Дари стала делать то же самое, одновременно поедая ягоды вместе с листьями. Талли хорошо придумал. На земле или под землей, им все равно требуется пища. Возможно, около выхода труб тоже растут кусты, но рисковать нельзя. Запаситься едой надо сейчас, хотя это и означало лишний груз. Она наломала целую охапку. Вторую руку надо оставить свободной, чтобы помогать себе в трудных местах. Затем она кивнула Талли.

— Пошли.

Прогулка до выхода воздуховода получилась на удивление легкой и скорой. При хорошем освещении неровная почва не

представляла трудностей. А сейчас все вокруг заливал ослепительный свет. Несколько раз Дари пришлось останавливаться и вытирать пот с лица и шеи. Вот еще одна причина, чтобы не оставаться на поверхности: полдень обещал быть невероятно жарким. Она повернулась и полезла в гору, с тревогой оглянувшись сквозь редкую поросль кустарников и деревьев на берег. Вода была спокойной. Из нее не поднимались нагоняющие страх темно-синие тела. Может, зардалу определенные часы проводят в море, а другие на суше? Она так мало знала о них и об этой планете.

Когда они почти подошли к воздуховоду, Дари увидела то, что скрыл от нее полумрак утра: поросли низкого кустарника, похожие на тот, ветки которого они несли с собой. Но ягоды на этом были посветлее, бледно-желтые. Она отломилла еще с десяток веток и прибавила их к своей ноше, одновременно набивая рот ягодами, чтобы утолить нарастающую жажду. Они оказались послаще и не такими терпкими. Возможно, к ним надо привыкнуть, а может, эти ягоды немного спелее.

Около входа Дари остановилась в нерешительности. Отверстие выглядело темным и негостеприимным, ход за ним круто шел вниз, в скалу. Единственным его достоинством была небольшая ширина: в него мог пролезть человек, а для зардалу этот проход был узковат. Да, это безопасность... если трактовать это слово столь нетрадиционно.

— Пойдемте, В.К. Нет смысла здесь торчать. — Она первой полезла внутрь, размышляя о том, что же делать дальше. Они не хотели забираться слишком далеко под землю на случай, если корабль вернется. Но им надо спрятаться так, чтобы зардалу не смогли вытащить их своими цепкими щупальцами.

Но что было им нужно на самом деле, она поняла, когда сделала первые шаги вниз... Нужно найти другой выход по соседству с местом посадки «Поблажки». Если можно в чем-нибудь не сомневаться при такой неразберихе, так это в том, что тот, кто вернется за ней, постарается сесть в той же точке, где и раньше.

— В.К., вы помните все повороты и изгибы, которые мы проходили по пути наверх?

— Конечно.

— Тогда я хочу, чтобы вы исследовали последние развилки перед выходом на поверхность и подумали, нет ли каких-то

ходов, которые вывели бы нас поближе к месту посадки «Поблажки».

— Я давно сделал это. Если продолжить направление воздухопроводов от тех развилок, которые мы видели, то трубопровод предпоследнего перекрестка выходит на поверхность в сотне ярдов от места, где взлетела «Поблажка». В миле отсюда.

Дари выругалась про себя. Можно что угодно говорить о сообразительности виков, но чего-то главного в них не хватает. В.К. Талли знал это наверняка уже несколько часов назад, но ему не пришло в голову, что такой важной информацией нужно немедленно поделиться с Дари.

Что ж, «пользуйся теми ресурсами, которые есть у тебя под руками. Не трать времени зря, страдая о том, чего у тебя нет». Еще одно из главных правил выживания Ханса Рибки. Память В.К. Талли, насколько Дари знала, была непогрешима.

— Ведите к этому перекрестку. Посмотрим, что получится.

Талли кивнул и зашагал вперед. Дари следовала за ним, держа в одной руке охапку веток и жуя на ходу ягоды. Спускаться было гораздо легче, чем подниматься. В это время дня солнечные лучи падали почти вдоль осевой линии входа, поэтому стеклянные стенки туннеля превратились в световую ловушку и, как воронка, направляли солнечный свет глубоко под землю. Даже в двухстах футах от входа можно было все видеть.

Именно тут их поджидало первое осложнение.

Талли остановился и обернулся к ней.

— Можно мне говорить?

Он мог и не говорить: Дари сразу все поняла. Туннель в этом месте расширялся в большую комнату с одним выходом, ведущим вниз, и тремя — вверх. Каждый из них мог впустить человека, но один из верхних коридоров был вполне подходящим для взрослого зардалу. Если они оставят это место и не найдут другого выхода, единственный их путь на поверхность будет заблокирован.

— Думаю, надо рискнуть, — начала было Дари. И тут пришел черед второго осложнения. Она почувствовала спазм в животе, как будто кто-то схватил ее внутренности и, потянув, связал в тугий узел. Она задохнулась. Ноги подкосились, и, медленно согнувшись, она села на жесткий пол комнаты.

— Талли! — позвала она, но больше не смогла выговорить ни слова. Вторая судорога, еще сильнее первой, скрутила ее

кишки, на лбу выступила испарина. Она опустила голову и тяжело задышала полуоткрытым ртом.

В.К. Талли подбежал и запрокинул ей голову. Одним пальцем он приподнял ее веко, затем раздвинул губы и осмотрел десны.

— Талли, — снова сказала Дари. Это было единственное слово, которое она смогла произнести. Боль накатывала на нее судорожными волнами. И каждая волна, отступая, уносила частичку ее силы.

— Не повезло, — тихо сказал Талли. Она старалась сосредоточиться, чтобы увидеть, что он делает. Викар подобрал выпавшую у нее из рук ветку и тщательно осмотрел ее. — Она почти такая же, как первая, но явно другого вида. — Раздавлив между пальцев бледно-желтую ягоду, он осторожно прикоснулся к ней языком и через мгновение кивнул: — Я так и думал. Похожие, но совершенно другие. В них содержится рвотное средней силы и какой-то неизвестный растительный яд. Не думаю, что он смертелен, но, по-моему, будет лучше, если вас вырвет. Может как-нибудь сделать это?

Дари сообразила это чуть раньше него. Ягоды, которые она съела, вылетели из нее в одной очистительной судороге желудка и пищевода. А потом, хотя все листья и ягоды уже вышли, желудок не знал, как прекратить эту муку. Ее сотрясала болезненная сухая рвота, вдвойне неприятная, потому что в желудке уже ничего не оставалось. Опираясь на пол обеими руками, сгорбившись, сидела она, жалкая и несчастная. Заболеть — уже плохо. Но заболеть по собственной глупости хуже вдвойне.

— Можно мне говорить?

Прошло несколько секунд, прежде чем она смогла кивнуть.

— Вам не надо сейчас стараться идти дальше, даже если почувствуете себя лучше. В этом нет никакой нужды. Вы можете подождать здесь, а я отправлюсь осматривать систему туннелей. Когда я вернусь, мы выработаем план действий. Согласны?

Дари пыталась избавиться от того, чего в ней уже не было. Она мучительно застонала, а затем чуть заметно кивнула.

— Очень хорошо. А на случай, если вам снова захочется пить, когда я уйду, оставляю вам это.

Талли положил ветку с листьями и ягодами из тех, что нес сам, на пол рядом с Дари. Она с ненавистью посмотрела на

них. Даже ради спасения своей жизни она не возьмет в рот ни одной. Но выговорить это у нее не было сил. Когда Талли направился к выходу в противоположном конце широкой комнаты, ее снова схватил приступ жестокой сухой рвоты.

Она легла ничком на прохладный стеклянный пол, прижалась к нему лбом, закрыла глаза и стала ждать. Пусть приходят зардалу и ловят ее. Не повезет, так не повезет. Ей было настолько плохо, что смерть казалась приятным освобождением от боли.

Она сама во всем виновата. Это отголоски ее счастливого детства на безопасной планете-саде. Никто в экспедиции не оказался бы таким тупицей, чтобы съесть... нажраться... непроверенной пищи.

И никто из их экспедиции не сдался бы так легко. Столько вынести и опустить руки? Так дело не пойдет. Если после всего этого она выживет, то не сможет больше смотреть в глаза Хансу Ребке. Дари вздохнула и, оторвав голову от пола, уперлась в него руками, стараясь поддержать свое тело. Она сделала нечеловеческое усилие и заставила себя ползти на четвереньках, не останавливаясь, пока не выбралась из комнаты в самый узкий из воздуховодов и не заползла в него метров на десять. Тут ей пришлось передохнуть. Тянувшая боль внутри стихала, но ноги были ледяными, а руки и лоб покрывал холодный липкий пот.

Она снова легла, на этот раз на спину, растерла руки, чтобы немного согреться, и засунула их поглубже в рукава. Тут же она погрузилась в странный полусон. Она понимала, что происходит, но ничего не могла с собой поделать. Яд, содержащийся в ягодах, должно быть, обладал еще и слабым наркотическим действием. Ну и хорошо. Может, ей необходимо отвлечься.

Мозг Дари, освобожденный от физических страданий, заработал и выхватил из кучи событий тот единственный факт, который сильнее всего беспокоил ее последние сорок восемь часов.

Не их пленение зардалу, не отсутствие сведений о судьбе Дульсимера, даже не взлет «Поблажки» в тот момент, когда они с Талли были близки к спасению...

Нет, самое большое беспокойство вызвало у нее исчезновение Ж'мерлии. Все остальное могло быть цепью совпаде-

ний, но исчезновение Ж'мерлии, когда он просто растворился в воздухе, для ученого с аналитическим складом ума, каковым считала себя Дари, являлось катастрофой. Это переворачивало ее представления о мире радикальным образом. Логика была здесь бессильна. Это не отвечало никакой физической модели мироздания, с которой ей приходилось сталкиваться. Она знала, что Свертка Торвила место странное. Но насколько? Даже если она полностью была артефактом Строителей (а она в этом не сомневалась), единственным ее отличием было наличие пространственно-временных аномалий. Но физические-то законы в ней не должны были отличаться от остальной Вселенной!

Тревога ее незаметно перешла границы логики. Абсолютно логичный викар тоже видел, как исчез Ж'мерлия, но на него это не произвело такого впечатления, как на Дари. Его знания ограничивались его банком данных. И он принял как данность, что за его пределами может быть все что угодно. Чего Талли не хватало, так это... (Дари пыталась заставить свой усталый мозг сформулировать ускользающую мысль)... умения, смоделировать поведение Вселенной. На это способны только органические разумные существа. Так же, как видеть сны и мечтать. О, если бы только все это оказалось сном!

Но не получалось. Пол был чертовски жестким. Дари окончательно проснулась, со стоном села и огляделась. В туннеле стало гораздо темнее. Она взглянула на часы, размышляя, сколько же она проспала. Неужели несколько часов? Оказалось, что всего тридцать минут. Она переползла обратно в большую комнату и увидела, что там тоже потемнело. Солнце передвинулось по небосводу совсем немного, но лучи его больше не били прямо в туннель.

В нескольких футах от Дари лежали ягоды, которые оставил Талли. Она поклялась никогда больше к ним не притрагиваться, но жажда была так велика, а привкус во рту такой мерзкий, что она сорвала несколько ягод и пожевала...

Эти были недовитыми... горькими и противными. Но ей так хотелось пить, что сок, казалось, сам потек в горло, впитываясь по дороге пересохшими тканями. Пустой желудок настойчиво заявлял о себе.

Она нарвала еще горсть, и в тот же момент услышала какой-то новый звук, донесшийся из широкого коридора в другом конце комнаты.

Сначала она решила, что это В.К. Талли, возвратившийся другой дорогой, но звук был мягкий, приглушенный, не похожий на звонкий стук подошв по твердому стеклянному полу.

Дари скинула ботинки и тихо отступила в глубь узкого туннеля, который вел на поверхность. Через пятнадцать ярдов она остановилась и оглянулась, всматриваясь в темноту. Поле ее зрения ограничивалось маленьким кусочком комнаты, но этого хватит, чтобы увидеть, если кто-то ее пересечет.

Раздался мягкий шорох упругих конечностей, и мимо отверстия скользнуло темное тело, перепоясанное светлым кружевом. Затем еще одно, и еще. Дари насчитала по меньшей мере дюжину матерых зардалу. Она услышала знакомое пощелкивание и посвистывание. Затем они, не прерывая разговора, обошли комнату и принялись ходить по ней туда-сюда. По-видимому, они обнаружили следы присутствия Дари: листья и ягоды, место, где ее так мучительно вырвало. Впервые с тех пор, как они с Талли бежали, зардалу получили неоспоримые доказательства их недавнего пребывания.

Она пересчитала их. Теперь их оказалось пятнадцать, хотя, чтобы справиться с двумя людьми, с лихвой хватило бы одного. Если В.К. Талли угораздит сейчас вернуться...

Она никак не может его предостеречь. Если она его окликнет, выдаст себя. Зардалу хорошо знакомы с системой воздуховодов, чтобы определить, в каком месте она выйдет на поверхность.

Пять минут. Десять. Зардалу молча уселись и ждали. Шансы, что В.К. Талли, вернувшись, очутится в их обществе, возрастали.

Дари начала подумывать, не стоит ли ей подобраться поближе к комнате. Тогда, увидев его приближение, она по крайней мере крикнет и посоревнуется с зардалу в гонках до поверхности. В это время в комнате возобновился оживленный щебет, возникло какое-то движение.

Она сделала четыре осторожных шажка вперед. Зардалу выходили из комнаты. Пятнадцать. Значит, ушли все. Если только она не ошиблась, считая сначала. На взгляд человека, взрослые зардалу в точности походили друг на друга. Отличие было лишь в размерах и особых узорах на их, плетеных опоясках.

Дари подождала, пока в комнате наступила тишина, и прокралась назад по трехфутовой трубе воздуховода. Надо как-то

предупредить Талли. Оставался единственный способ — предположив, что он вернется тем же путем, залезть в тот воздуховод. Если же по какой-то причине он предпочтет вернуться другой дорогой, что ж, тем хуже.

В большой комнате витал легкий аммиачный запах зардалу. Он напомнил ей присказку Луиса Ненды: «Если ты унюхал их, ручаюсь, они унюхали тебя». Ее собственные беды совершенно заслонили в памяти судьбу другого отряда. Теперь она задумалась о том, кто же мог забрать «Поблажку». Кто уцелел, а кто погиб? Неужели остальные вроде них с Талли мечутся до сих пор, как загнанные крысы, по вспомогательным системам жизнеобеспечения Дженизии?

День на поверхности планеты, наверное, был в разгаре. Солнце приближалось к зениту, еще сильнее удаляясь от оси воздуховода. Сейчас в комнате было гораздо темнее, чем раньше. Она едва различала отверстия трубопроводов на противоположной стороне. Перейдя на цыпочках комнату, она подошла к самому широкому воздуховоду и, готовая тут же пуститься со всех ног, заглянула в него, ожидая увидеть зардалу.

Ничего. Насколько она могла разглядеть, коридор уходил вдаль, темный и безмолвный. Однако она была уверена, что они вернутся: они ведь поняли, что она здесь.

Она отошла и теперь направлялась к третьему коридору, правому, по которому ушел Талли. Второй коридор, по его словам, сворачивал в том же направлении. Если он и вел на поверхность, то еще дальше от места, где стояла «Поблажка».

Дари не поглядела в круглое отверстие, а сразу ступила внутрь. Взрослому зардалу не удалось бы втиснуться глубже, чем на несколько футов в этот сужающийся проход.

Она сделала еще шаг. И сразу ее ударило воздушной волной. Она не успела повернуть головы. Краешком глаза она уловила какое-то движение, а затем ее крепко схватили сзади, подняли и крепко прижали к телу, под упругой кожей которого перекачивались мускулы.

Дари ахнула, содрогнулась и, лягнув схватившего ее, попыталась вывернуться, сожалея о том, что сняла свои крепкие тяжелые ботинки.

Она с удовлетворением услышала стон боли, а затем последовали скрипучие возгласы удивления и обиды. Дари внезапно уронила наземь. Она подняла глаза, одновременно осознав, что держат ее не щупальца, и узнав голос.

— Дульсимер!

Полифем сгорбился над ней, возбужденно размахивая всеми пятью ручками.

— Профессор Лэнг. Спасите меня! — Он плакал и дрожал, Дари почувствовала, как слезы величиной с гальку закапали на нее из главного глаза. — Я бежал и бежал, а они все не отставали. Я изнемог. Я им кричал, я их умолял, обещал, что буду самым лучшим, самым преданным рабом, какой только у них был... но они не слушали!

— Вы зря тратили силы и время. Они не понимают человеческого языка.

— Знаю. Но попытка не пытка. Профессор Лэнг, они хотят меня съесть! Пожалуйста, спасите меня.

Хорошенькая просьба! Особенно когда не знаешь, как спастись самому. Черт побери, где Талли? За это время можно три раза подняться на поверхность. А вдруг его поймали?..

Дульсимер становился все беспокойнее. Он вертел головой, вглядываясь в комнату за ее плечом.

— Я что-то слышу!

Дари задержала дыхание. Все, что она услышала, — это биение своего сердца.

— Вам показалось.

— Нет. Звук идет оттуда, — он поднял две верхние руки и указал ими в противоположных направлениях: одной на трубопровод, по которому Дари и Талли пришли с поверхности, а другой — на узкое отверстие, из которого вылез сам.

— Из которого?

— Из обоих.

Теперь Дари окончательно убедилась, что он это придумал. Во второе отверстие она едва могла втиснуться. Он пересек комнату и, перегнувшись, всматривался внутрь, головой заткнув вход в туннель.

— Это невозможно, — начала было Дари, но вдруг услышала какой-то звук: четкий, ясный звук шагов по воздуховоду, которым ушел Талли. Она узнала эти шаги.

— Все в порядке, — проговорила она. — Это В.К. Талли. Наконец-то! Теперь, слава Богу, мы можем выбраться отсюда.

— Я узнал дорогу получше, — сказал Талли, на корточках выбираясь из воздуховода, как раз вовремя, чтобы услышать последние слова Дари. Теперь он смотрел на скрученный што-

пором хвост полифема, торчащий из другой трубы. — Господи, вы нашли его. Как здорово, профессор Лэнг. Здравствуйте, Дульсимер.

Полифем, извиваясь, пятился из воздуховода, но на В.К. внимания не обратил. Он стонал и трясся еще сильнее.

— Я знал это, — объявил он. — Я же говорил вам, они идут. Их легионы.

— Но этого быть не может, — запротестовала Дари. — Посмотрите, какой узкий проход. Разве туда протиснется взрослый зардалу?

— Не взрослые. — Глаза Дульсимера дико вращались, а рот от страха растянулся в ухмылке. — Гораздо хуже. Детишки. Едоки, от крохотных младенцев до подростков. Достаточно малорослые, чтобы всюду следовать за нами. Эти трубопроводы ими кишмя кишат. Я видел их до этого, когда убегал, они постоянно голодные. Им не нужны рабы, и сделок они заключать не будут. Все, что им нужно, это еда. Они хотят мяса. Они хотят меня.

ГЛАВА 21

Ханс Ребка вызвал изображение «Эребуса» на экраны передних дисплеев. Казалось, эта громада брошена на произвол судьбы тысячи лет назад. Огромный корпус был изъеден звездной пылью. Наблюдательные отсеки, прозрачные стены которых были также поцарапаны микропесчинками, выпирали со всех сторон корабля, как старые слезящиеся глаза, затуманенные катарактой.

Единственным ответом на сигналы Ребки была мертвая тишина. Ханс выстрелил в «Эребус» дюжиной срочных вопросов, пока «Поблажка» выходила на их орбитальное свидание. Что случилось? В чем была проблема? Опасно или нет для «Поблажки» причалить и войти в док? Ответа не было. Корабль плыл в пространстве, как огромный мертвый зверь.

— Заводи нас туда. — Ребка терпеть не мог делать что-то вслепую, но выбора не было.

Каллик кивнула, и ее лапки запорхали по кнопкам. Стыковка корабля-разведчика и «Эребуса» произошла с рекорд-

ной скоростью и гораздо более мягко и плавно, чем сделал бы сам Ребка. Через несколько минут они уже оказались у входа во вспомогательный грузовой трюм.

— Швартуйся.

Пока «Поблажка» гасила инерцию и насосы наполняли причальный отсек воздухом, Ребка просматривал изображения на экранах. Все еще никаких признаков жизни. Правда, никаких признаков опасности у причала, но и никакой встречи после долгого ожидания. Это выглядело странно и необычно. Что бы ни случилось, но «Эребус», их единственная возможность вернуться домой, не должен оказаться покинутым.

Ребка повернулся, чтобы отдать приказ открыть люк, но его уже опередили. Ненда и Атвар Х'сиал сделали это, как только выравнялось давление, и сейчас плыли по коридору к рубке «Эребуса». Ребка последовал за ними, приказав Каллик развернуть корабль на тот случай, если им придется срочно ретироваться.

Первые коридоры выглядели пустынными, но это ничего не значило. Объем «Эребуса» настолько велик, что даже присутствие на борту тысячи людей не создало бы скученности. Главное — рубка, нервный центр корабля. В ней всегда должен кто-то дежурить.

И в каком-то смысле так и оказалось. Луис Ненда и Атвар Х'сиал спешили туда впереди Ребки. Когда он вошел в рубку, то увидел их у главного пульта, склонившимися над скорчившимся телом Джулиана Грейвса. Ладонями советник прикрывал глаза. Длинные тонкие пальцы покоились на выпуклом лбу. Ребка решил, что Грейвс потерял сознание, но затем увидел, как Луис Ненда что-то тихо ему говорит. Ребка подошел, когда Грейвс медленно опустил руки и скрестил их на груди. Выражение его лица все время менялось от спокойствия к страху, от страха к тревоге.

— Мы позаботимся о вас, — говорил Ненда. — Вы только расслабьтесь и расскажите, что случилось.

Джулиан Грейвс блеснул улыбкой и заговорил:

— Я не знаю. Я... мы... не могу... не можем думать. Слишком много мыслей.

Рот его неожиданно закрылся так, что клацнули зубы. Он отвернулся и отрешенно оглядел комнату.

— Слишком много чего? — Ненда передвинулся и встал так, чтобы Грейвс всюду натыкался на него взглядом.

Туманные глаза закатились.

— Слишком много... слишком много меня самого.

Ненда уставился на Ханса Ребку.

— Он это уже говорил? «Слишком много меня». Ты понял, что он хочет сказать?

— Понятия не имею. Но сообразил, почему посылается сигнал бедствия. Если он на дежурстве, то кораблем уж точно управлять не может. Погляди на него.

Грейвс снова скорчился, невнятно бормоча себе под нос:

— Спустись ниже, осмотри место высадки. Нет, нельзя спускаться, так безопаснее. Нет, вернемся через сингулярности назад, подождем там. Нет, надо покинуть Свертку... — С каждой новой оборванной фразой выражение его лица менялось от решимости к неуверенности, а затем к всеподавляющей тревоге.

Внезапно Ребка все понял. Грейвса разрывали совершенно различные мнения. Точнее, слияние Джулиуса Грейвса и его мнемонического близнеца Стивена в единую личность Джулиана Грейвса потерпело крах. Возродились старые противоречия двух самосознаний в одном и том же мозгу.

Но эту мысль тут же вытеснила более насыщенная забота.

— Почему он на дежурстве один? Остальным ведь должно быть ясно, что он не может принимать решения. — Склонившись над Джулианом Грейвсом, он взял его голову в свои руки и повернул лицом к себе, чтобы смотреть в глаза советнику. — Советник Грейвс, выслушайте меня. У меня к вам очень важный вопрос. Где все остальные?

— Остальные? — пробормотал Грейвс. Глаза его замигали, губы задрожали. Он кивнул, что понял. Ребка не сомневался, что так и будет. Однако казалось, что он не может выдавить из себя ответ.

— Остальные, — повторил Ребка. — Кто еще на борту «Эребуса»?

Грейвс начал подергиваться, так что жилы напряглись на тонкой шее. Невероятным усилием он собрался, крепко сжал зубы, затем со стоном выдавил:

— Единственный, кто сейчас... на борту «Эребуса»... это Ж'мерлия.

Ребка напрягся, получив этот тревожащий ответ, отпустил руку Грейвса и разочарованно буркнул. Грейвс, не подозревая о том, своими словами убедил Ребку в собственном безумии.

Ж'мерлия мертв. Ребка был свидетелем его гибели. Из всех, прибывших в Свертку, только Ж'мерлия категорически не мог находиться сейчас на борту «Эребуса».

— Это решает все. — Ребка придвинулся и встал рядом с Грейвсом. — Бедняга. Давайте унесем его, уложим отдохнуть и напоим успокоительным. Ему нужна медицинская помощь, но обеспечить ее могут лишь те люди, которые построили мнемонического близнеца. Они там, на Миранде, в тысяче световых лет отсюда. Я не знаю, как его лечить. Что же касается остальных, здесь, на борту... когда я их найду, то спущу с них семь шкур. Они никоим образом не должны были оставлять его в рубке одного... даже если он считается руководителем.

Ребка подвинулся еще ближе к Грейвсу и сделал знак Ненде, чтобы тот взял его под другую руку. Когда они его подняли, советник недоуменно перевел взгляд с одного на другого. Сопротивления он не оказывал, но идти без них не мог. У него хватало физической силы, но, казалось, его ноги не знали, в каком направлении двигаться. Ребка и Ненда повели его к двери. Атвар Х'сиал осталась в рубке. Правило номер один выживания в пространстве гласит: «Никогда не оставлять капитанский мостик пустым».

Они отвели Грейвса в корабельный лазарет, где Ребка дал ему легкое успокоительное и укутал защитной тканью. Он, казалось, уже впал в полубморочное состояние.

— Вряд ли это ему поможет, но по крайней мере здесь он не сможет причинить себе вреда, — произнес Ребка, пристегивая советника к койке какой-то хитрой сбруей. — И если он разберется в этих узлах, значит, его котелок заработал гораздо лучше.

Мужчины направились обратно в рубку. Они подошли к последнему участку коридора, когда с противоположной стороны услышали цокающие шаги Каллик.

— Вы развернули «Поблажку»? — спросил Ребка, не глядев на хайменоптку. Вместо ответа на человеческом языке Каллик разразилась высокочастотным свистом и щелкающей скороговоркой на хайменоптском. Луис Ненда сразу подскочил к ней. Он схватил маленькую хайменоптку и затряс.

— Что ты делаешь? — Ребка попятился. С хайменоптами так не поступают! Никому, кроме Луиса Ненды, такое не сошло бы с рук. Короткий черный мех Каллик, так хвалимый

неразумными охотниками, встал дыбом, а из нижнего конца округлого брюшка высунулся кончик ядовитого желтого жала.

Ненда и ухом не повел.

— Это необходимо для ее же блага. Видишь, она в шоке. Надо было вывести ее из него. — Он крепко стиснул гладкую круглую головку хайменоптки и разразился бурей щелкающих звуков. — Приказываю ей говорить по-человечески... это должно помочь. Стонать на чужом языке она не сумеет. Ну, давай, Каллик, говори, в чем дело?

— Я развернула к-корабль. — Каллик заговорила, но медленно и неуверенно, как будто человеческая речь была ей внове.

— Ладно. Что было потом?

— Я вышла из дока и пошла по коридору. А потом... потом...

— Ну, продолжай!

— Потом... — Жало спряталось в брюшко, но маленькое тельце в руках Ненды продолжало дрожать. — Потом я увидела Ж'мерлию. Он с-стоял прямо передо мной. В коридоре, ведущем к рубке.

— Каллик, ты же знаешь, что этого не может быть. Ж'мерлия умер на наших глазах. — Но взгляд Луиса Ненды говорил обратное. Они с Ребкой переглянулись. Невозможно?

Кто знает. Из двух независимых источников они услышали одно и то же.

— Это был Ж'мерлия. Несомненно. Его голос, его внешность. — Каллик успокаивалась. Ею, как существом в высшей степени рассудительным, любое нарушение логики воспринималось очень болезненно. Но рассказ на человеческом языке восстанавливал ее природную способность рассуждать. — Он стоял в двадцати метрах от меня.

Он меня окликнул, а затем сказал, чтобы я шла немедленно в рубку, так как Джулиан Грейвс нуждается в помощи. — Каллик замолчала и уставилась на Ребку. — Это ведь правда, не так ли? А потом я во все глаза глядела на него...

Она замолчала. Каждый глазок ее остекленел и словно расфокусировался. Ненда бросил ее на пол.

— Нечего снова впадать в столбняк. Давай же, Каллик, выкладывай все на чистоту и немедленно, а не то я из тебя кишки выпущу.

Каллик покачала головой.

— Я все скажу, хозяин Ненда, как вы велите. Пока я стояла и смотрела на него, он взял и исчез. Он не двигался: у меня

ведь реакция лучше, и я увидела бы его малейшее движение. Я не теряла сознания, даже на мгновение, хотя это было первым, что пришло мне в голову, потому что я в прыжке уже преодолела половину расстояния. Я прыгнула ему навстречу как раз, когда он исчез. Это не фокус или какой-то оптический эффект, ведь менее чем через секунду после его исчезновения я стояла на том же месте и почувствовала разницу в температуре пола. — Каллик осела, широко раскинув ножки. — Это действительно был он. Мой друг Ж'мерлия.

Ребка и Ненда уставились друг на друга.

— Знаешь, она ведь не врет, — пробормотал Ненда, по-видимому, убеждая скорее себя, нежели Ханса Ребку.

— Знаю. Я этого и боялся. Лучше бы она врала. — Ребка заставил себя не думать об открывающейся бездне невозможного и вернуться к тем вещам, с которыми мог справиться. — Именно это он и сказал, — он ткнул большим пальцем назад, показывая на лазарет, где лежал Джулиан Грейвс. — По его словам, только Ж'мерлия оставался с ним на «Эребусе».

— Точно. Но мы же ему не поверили. Нужно проверить, кто здесь есть. Ат может понюхать центральную воздушную разводку, и, если на корабле есть кто-то еще, она уловит даже следы. Подожди минутку. — Ненда поспешил в рубку.

Им не надо было развивать свои мысли вслух. Если на корабле нет никого, кроме Грейвса и Ж'мерлии, где же Дари и остальные? Почти наверняка на Дженизии. А это означает, что, взлетев с планеты, они бросили их там на произвол судьбы.

Ханс Ребка не стал дожидаться возвращения Ненды.

— Приведи хозяина Ненду на «Поблажку», как только он выйдет из рубки, — сказал он все еще распластанной на полу Каллик. Он не просил ее, а приказывал. Ему не нравилось обращаться с ней, как с рабыней, но сейчас был именно тот случай, когда цель оправдывала средства. Хайменоптка послушно кивнула, и Ребка поспешил на корабль-разведчик.

Каллик хорошо поработала в грузовом трюме. «Поблажка» ждала старта, запас энергии обеспечен, команды взлета введены. Корабль был готов к выходу в пространство. Ребка подошел к открытому входному люку. У него чесались руки тут же вылететь на Дженизию, но сначала он должен разобраться в том, что происходит на «Эребусе».

Луис Ненда вернулся не один. За ним следовала Атвар Х'сиал, передвигаясь по коридору скользящими двадцатиметровыми скачками.

— Не беспокойся, — ответил Ненда на невысказанный вопрос Ребки. — У пульта Каллик. Она не вполне тянет, но пару минут подежурить может.

— Что говорит Атвар Х'сиал?

— Согласна с Джулианом Грейвсом и Каллик. На борту нет и следа запаха кого бы то ни было... кроме Ж'мерлии, причем его запах выдыхается. Ат говорит, что он был здесь недавно и ушел. Мистика, честное слово. Если бы я был мнительным, это меня бы очень тяготило. — Ненда пролез в люк мимо Ребки и стал осматривать пульт управления. — Значит, ты уже готов?

— Готов?

— Отправиться обратно на Дженизию?

— Готов. Но ты не летишь.

— Спорим? Я лечу, или тебе придется крепко со мной схватиться.

Ребка открыл рот, чтобы возразить, и тут же передумал. Если Ненда чувствует опасность, зачем ему препятствовать? Хоть он лжец и мошенник, но его острый ум и крепкие руки не помешают. Кроме того, вся его жизнь служила подтверждением его живучести.

— Прекрасно. Забирайся и живее. Мы отправляемся.

Но карланец оглянулся через плечо на неуклюжую фигуру Атвар Х'сиал, маячившую за Хансом Ребкой у люка.

— Охо-хо. Я готов, капитан, но прежде мне надо перекинуться парой фраз с Ат.

«Луис Ненда, — феромонное послание звучало сильно и недвусмысленно, а обертоны его были преисполнены подозрением и укоризной. — Я вижу тебя насквозь. Мы в безопасности, но ты собираешься вернуться на Дженизию. Объяснись... или же потеряешь партнера».

«Здесь нечего объяснять. — Ненда вплотную подошел к кекропийке и присел под ее темно-красным панцирем. — Ат, подумай, Ребка все равно отправится туда, со мной или без меня. На Дженизии хватает вкуснятины, а Ребка слишком туп, чтобы взять ее, даже если представится случай. Кто-то должен отправиться с ним, чтобы поглядеть, что можно будет взять».

«Тогда я тоже полечу».

«Ты хочешь бросить здесь Грейвса и Каллик? У них на двоих нет и унции здравого смысла. Кто-то должен остаться присматривать, чтобы все крутилось гладко и ровно».

«Оставайся, а я полечу вместо тебя».

«Не сходи с ума. Вы с Ребкой не сможете и словом перемолвиться. Мне приходится лететь».

«Это из-за человеческой особи женского пола, Дари Лэнг. Ты стремишься прийти к ней на помощь, спасти».

«Спаси! Отнюдь. Я вообще не знаю, что значит это слово. Ат, у тебя просто навязчивая идея насчет этой женщины».

«У одного из нас, несомненно».

«Ну, только не у меня. — Ненда выскочил из-под панциря и направился к люку. — Ат, ты должна мне верить».

Кекропийка медленно уступила ему дорогу.

«У меня нет выбора. Однако я ставлю условие. Мы слишком долго ждали и отклонились от первоначальных целей. Я хочу, Луис Ненда, чтобы ты на этом самом месте пообещал, что если я сейчас останусь, то как только ты вернешься с Дженниси, мы захватим этот корабль для своих нужд. Безопасный выход из Свертки Торвила вполне возможен, по словам Дульсимера. Только вход в нее труден и опасен. Так что мы с тобой покинем «Эребус» на этом корабле и вернемся на Жемчужину, где найдем твой корабль «Все — мое». Мы и так долго откладывали».

«Эй, я скучаю по «Все — мое» так же, как и ты... даже больше. По рукам. Как только я вернусь, мы отправляемся в путь».

«Только вдвоем».

«Конечно. Иди, укладывайся. А я пошел, Ребка уже ждет меня». — Он оборвал феромонное сообщение, чтобы показать, что разговор окончен, и заспешил внутрь «Поблажки».

Ханс Ребка действительно ждал... но не Луиса Ненду. Он сидел у пульты управления и заново вводил программу взлета. Лицо его выражало неприкрытую досаду. Ненда шлепнулся в соседнее кресло.

— В чем дело? Давайте выбираться отсюда.

— Я только этого и хочу. Но кто-то меня не пускает. — Ребка кивнул на один из дисплеев. — Я пытаюсь открыть двери во внешний док. Но команда не выполняется.

— Если внешняя дверь не открывается, значит, шлюз в работе.

— Знаю. Но шлюз был пустым, когда мы прилетели. — Ребка переключился на камеру, которая следила за помещением шлюза. — Так как же он может быть сейчас занят?

Луис Ненда даже не пытался ответить. Под их взглядом закончили работу воздушные насосы. Во внешнем шлюзе давление сравнялось с внутренним, и теперь двери между ними могли наконец раздвинуться. Мужчины впились глазами в открывшуюся на дисплее картину.

— Это же эмбриоскаф, — проговорил Луис Ненда. — Как получилось, что он прибыл только сейчас? Где его носило? — И прежде, чем Ханс Ребка успел остановить его, Луис Ненда бросился к люку, открыл крышку и полетел в невесомости сквозь открытую дверь шлюза к кораблику.

Ребка следовал за ним несколько медленнее. Он тоже умел рассуждать логически, и выводы были почти однозначны. Он со своим отрядом прилетел на Дженизию в эмбриоскафе, но, вернувшись на место высадки, его не нашел. Им пришлось вернуться на «Поблажке». Отряд Дари Лэнг отправился на Дженизию на «Поблажке», но когда она им понадобилась, оказалось, что она улетела. Должно быть, им удалось обнаружить на Дженизии пропавший эмбриоскаф, и теперь они на нем вернулись.

Тайной оставалось появление Ж'мерлии. Он исчез в потоке светящейся голубой плазмы на Дженизии и появился на «Эребусе». Но как он попал сюда, если не на эмбриоскафе?

Луис Ненда уже отпирал входной люк корабля. Как только он открылся наполовину, Ненда стал протискиваться внутрь. Ребка не отставал от него ни на шаг, удивляясь в душе своим тревожным предчувствиям.

— Дари? — крикнул он. Если ее здесь нет... Но Луис Ненда уже обернулся к нему, красноречиво давая понять, что у него нет новостей, которых так жаждет Ханс Ребка.

— Это не Дари, — произнес Ненда. — На борту только одна персона. И надеюсь, что у тебя, капитан, найдется какое-нибудь объяснение, потому что у меня его нет.

Он посторонился, чтобы Ребка смог взглянуть на кресло пилота. Там болталось угловатое стебельчатое тело находящегося без сознания Ж'мерлии.

ГЛАВА 22

На теле Ж'мерлии Ханс Ребка не обнаружил никаких ран. Он своими глазами видел, как лотфианин бросился в ревуший столб плазмы, такой горячей, что подбежавшая за ним Каллик спалила ногу. Эта проволочная лапка только сейчас начала отрастать, а у Ж'мерлии на всем теле не было ни единого ожога.

Ребка и Луис Ненда перенесли Ж'мерлию на капитанский мостик «Эребуса». Там Атвар Х'сиал обследовала ультразвуком лежащего в беспмятстве лотфианина и подтвердила, что его внутренние органы также невидимы.

— И мозг, кажется, не поврежден, — сказала кекропийка Ненде. — Его обморок — загадка. Подозреваю, что причина скорее психологическая, а не физическая. Дайте-ка я проверю эту версию.

Она скорчилась около Ж'мерлии и начала посылать ему мощные возбуждающие импульсы феромонов. Ребка, для которого послание Атвар Х'сиал выглядело всего-навсего сложной комбинацией странных и едких запахов, еле сдерживался.

— Она может делать все, что пожелает, — сказал он Луису Ненде, — но я не собираюсь сидеть здесь и нюхать эту вонь. Мне надо отправляться на Дженизию. И мне безразлично, полетишь ты со мной или нет.

Ненда яростно поглядел на него, но ничего не сказал. Когда Ребка направился обратно к «Поблажке», Ненда двинулся за ним следом.

— Я скажу тебе одну вещь, — произнес он, когда они уже приготовились взлететь с «Эребуса». — Может, Ж'мерлия и не хочет просыпаться, но Ат говорит, что чувствует его сейчас лучше, чем в прошлый раз. Она говорит, что теперь он весь... здесь.

— Что это значит? — Ребка нацеливал корабль-разведчик точно в ту же точку на Дженизии, с которой недавно взлетал, и вполуха слушал Ненду. Вряд ли это было только вопросом пилотирования. Каждую минуту он ждал шафранного луча света, который пронзит небосвод и унесет их, хотя бы они того или нет, в какое-то случайное место на поверхности Дженизии. Пока этого не произошло, но им еще далеко до посадки. Он сбрасывал высоту так быстро, насколько мог осмелиться.

— Не понимаю. — Ненда не скрывал досады. — Я пытался заставить ее объяснить мне, что она имеет в виду, а она сказала, что такое не объясняют. Если, говорит, не чувствуешь разницы в Ж'мерлии, то не поймешь, даже если объяснить. — Он потер свою изрытую ямками и наростами грудь. — И это после всего того, что мне пришлось вытерпеть, чтобы болтать по-крепоийски!

Наконец «Поблажке» осталось две тысячи метров, и она быстро снижалась. На экранах уже появилась изогнутая береговая линия с узким мысом, глубоко врезающимся в голубую воду. На серо-зеленом ковре мха Ханс увидел темные борозды, оставленные при посадке эмбриоскафа и корабля-разведчика Дульсимера. Эти шрамы выглядели немного иначе по сравнению с прошлым разом. Но что произошло? Он не знал. Когда до поверхности осталось семьсот метров, он перешел на ручное управление и завис над местом их предыдущей посадки.

— Видишь что-нибудь? — Его взгляд упал на группу зданий, где они в первый раз попали в ловушку. Здесь ничего не изменилось. Вода была неподвижна. Луис Ненда внимательно осмотрел россыпь камней и кустарники в двухстах метрах от берега, заворчал и указал на что-то странное.

— Зардалу. Отсюда не понять, чем они занимаются.

Их были десятки. Они обступили кольцом темный провал на поверхности планеты. И непрерывно двигались. Ребка подвел «Поблажку» поближе и завис прямо над ними, так что экраны дисплея, показывающие, что делается внизу, с большим увеличением представили картину заданных темно-синих голов и уставившихся вверх небесно-голубых глаз.

— В основном взрослые. — Луис Ненда перешел к пульту управления оружием. — Ну-ка, дадим им жару!

— Осторожно! — предупредил Ребка. — Мы не знаем, кто может быть у них в середине.

— Не беспокойся. Я лишь немножко их встряхну. — Но Ненда выбрал частоту и интенсивность облучения, которые моментально сожгли бы человека. Он направил излучатель вниз, выбрав площадь поражения, которая перекрывала всю группу под ними. Реакция была мгновенной. Зардалу задергались и запрыгали от боли, а затем помчались по берегу, мотая голубыми щупальцами, чтобы спастись в воде.

Ненда повел излучателем вслед за ними, подстегивая отстающих.

— Их ведь не так легко убить? — заметил он задумчиво. Он обжег их лучом высокой интенсивности, и тем не менее все зардалу достигли воды и, заплыв подальше от берега, скрылись в глубине. — Крепкие, бродяги. Они просто глотают жесткое излучение. Они споются с Дульсимером в «Солнечном» на Затычке, хотя, может, и нет. Выдержать, они выдержат, но вряд ли им это понравится.

Последний зардалу исчез под водой. Ханс Ребка заколебался. Самая простая часть полета закончена. Что теперь? Могла ли «Поблажка» теперь садиться? Он на своей шкуре усвоил старую мудрость Круга Фемуса: «Только глупая цивилизация не сумеет защититься от собственного оружия. Проблемы начинаются, когда сталкиваешься с чужим».

Сообщество Зардалу когда-то охватывало тысячи миров. Они не могли бы удержать свое господство, если бы у них не было оружия.

Он подвел «Поблажку» к той проплешине во мху, которую она оставила в прошлый раз, и заставил корабль зависнуть над ней на высоте тридцати метров. Все оставалось спокойным, и он осторожно приземлился. Если Дари и те, кто уцелел из ее отряда, захотят бежать с Дженизии, логичнее для встречи места не придумаешь. А если никто не уцелел...

Эти мысли Ханс Ребка гнал прочь.

— Спокойно. Что-то происходит, — прервал его размышления грубый голос Ненды.

— Что именно?

— Не знаю. Но разве ты не ощущаешь этого? В корабле.

И Ханс Ребка почувствовал легкую дрожь поверхности планеты, каким-то образом передающуюся тонко сбалансированному устройству корабля. Ребка инстинктивно поднял корабль на пару футов, но больше ничего не успел сделать, потому что был захвачен новым поворотом событий.

Он следил за экранами, показывающими берег моря, но время от времени посматривал на дисплей, обращенные к суше. То, что он увидел там в эту минуту, наполнило его сильными и непривычными чувствами.

Он сразу же узнал их: облегчение и радость.

По неровному берегу к ним, спотыкаясь, бежала Дари Лэнг. За ней, качаясь, как пьяный матрос, спешил В.К. Талли. А за

ним, подгоняемый ордой карликовых абрикосово-розовых юных зардалу, стремящихся вцепиться зубами в его витой хвост, мчался несчастный огуречно-зеленый Дульсимер.

Судя по скорости, с которой бежали Дари и все остальные, они должны были достичь корабля через тридцать секунд. Это было замечательно, но теперь перед Ребкой стояли две проблемы. Зардалу быстро нагоняли беглецов и могли схватить их до того, как те доберутся до корабля. А содрогания «Поблажки» усиливались. Точно прицелиться, чтобы попасть только в зардалу, было невозможно.

Взлететь в целях собственной безопасности, когда Дари и ее спутники в нескольких секундах бега? Или дождаться их, рискуя кораблем?

Ханс Ребка положил палец на кнопку взлета. Им оставалось тридцать ярдов, может быть, всего десять секунд...

Корабль кренился. Ребка задержал дыхание.

Именно этот пронзительный возбужденный визг превратил для Дари «едоков» из странной теории в жуткую реальность.

Голоса детенышей и молодежи зардалу сильно отличались от шелканья и свиста их родителей. Они отражались от стенок туннеля за спиной Дульсимера, быстро нарастая. С таким звуковым сопровождением вопрос «как быть» превращался из трудного в простой и легкий.

— Талли, вы уверены, что знаете лучший путь на поверхность?

— Конечно. Я прошел его до конца и даже выходил на поверхность.

Можно мне говорить?

— Нет. Но можете идти.

Впервые, андроид не стал с ней спорить. Он начал поспешно карабкаться по крутому воздуховоду, используя укрепляющие его через каждые несколько шагов ребристые облучи как примитивные ступеньки.

Первые сорок шагов Дари удавалось не отставать от него, но затем ноги ее загудели от усталости, мышцы судорожно сжимались от напряжения. Даже для человека в отличной физической форме этот крутой подъем был труден. А у нее не было ни отдыха, ни нормальной еды, а последние несколько часов ее выворачивало наизнанку. Ей пришлось ос-

тановиться. Сердце готово было разорваться в груди, ноги свело судорогой.

Но вопли «едоков» становились все исступленнее. Молодник уже ворвался в трубопровод, по которому она карабкалась по пятам за ней лез Дульсимер. Он задыхался, со всхлипами хватал ртом воздух, все время прерывисто восклицая:

— Они меня сожрут. Они меня заживо сожрут. О, какой ужасный конец.

«Не только тебя, — раздраженно подумала Дари. — Меня они тоже хотят сожрать». Затем она вспомнила, что «раздражение следует обратить себе на пользу», превратив в злость или ярость.

Зардалу не получают Дари живой. Никогда. Она будет карабкаться к свету, пока не умрет от изнеможения. А тогда пусть забирают ее мертвое тело.

Сжав кулаки, она задвигалась быстрее, пока не уперлась в спину В.К. Талли. Он остановился в нескольких футах от выхода воздуховода и всматривался в ярко освещенную поверхность Дженизии.

— Давай, давай, иди! — Голос Дари звучал хрипло и еле слышно. Если Талли собирается стоять и разводить дискуссии...

— Но там... вверху... могут быть зардалу... Мне показалось, что я их слышу.

Талли так же изнемог, как и она. Дари не стала спорить, а просто протиснулась мимо него. Вображаемая опасность не шла ни в какое сравнение с реальными зардалу, настигавшими их. Она чуть не кувырком преодолела последние футы и на четвереньках выбралась на край трубы, ободрав и руки, и колени. После полумрака туннеля солнечный свет болезненно резанул по глазам.

Она заморгала и огляделась по сторонам. Рядом зардалу не было. Однако в носу у нее зашекотало от их аммиачного запаха. Талли прав: они были здесь. Но куда же они подевались?

Она встала и быстро осмотрела окрестности.

Талли был прав еще в одном. Они вышли неподалеку от места, где раньше садилась «Поблажка». Она поглядела в ту сторону и увидела самое чудесное зрелище в своей жизни.

Там стоял корабль, как будто никогда и не покидавший Дженизию. До него было рукой подать, и она видела открытый входной люк.

Ловушка?

Какая разница? Никакая новая опасность не могла сравниться с той, которая сейчас мчалась за ними по пятам. Талли и Дульсимер тоже выбрались из воздуховода. Талли подбирал большие камни и швырял их в отверстие трубы. Но проку от этого было мало. Пронзительный визг детенышей зардалу становился все громче и яростнее.

— Пошли. Камнями их не остановить. — И Дари побежала к кораблю по каменистой, поросшей низкими колючими кустиками местности. Она думала, что по мшистой площадке бежать будет легче, но когда достигла ее, получилось наоборот. Ей казалось, что она бежит сквозь какую-то вязкую среду. Море и берег впереди накренились и закачались в разные стороны, небо потемнело. Нет, она просто теряет равновесие от изнеможения.

Еще несколько секунд, несколько шагов. Быстрее. Зардалу нагоняли ее. Она не осмеливалась оглянуться, сосредоточив все внимание на корабле. Там должно быть оружие... почему же они не стреляют по детенышам зардалу? К черту пацифизм Джулиана Грейвса! Стреляйте, черт побери, стреляйте! Или зардалу так близко, что они боятся попасть в нее?

И тут она поняла, что с самим кораблем творится что-то неладное. Он поднялся на несколько футов над поверхностью, но вместо того, чтобы ровно зависнуть над ней, качался и содрогался. Что-то тянулось за ним из грязи.

Щупальца. Бледно-розовые щупальца гигантского подземного зардалу пытались схватить сорокаметровый корабль.

А затем Дари поняла свою ошибку. Это не зардалу. И не щупальца. А крошечные ароматные цветочки в сером мху. Она увидела их нежные, тонкие, как волосок, стебельки, когда впервые ступила на землю Дженизии. Но теперь они увеличились до чудовищных размеров и росли на глазах.

Наконец-то, в самый неподходящий момент, зардалу блеснули своими успехами в биоинженерии. Не успела Дари сделать три шага, как стебли толщиной в человеческое туловище выросли еще на три метра и закрутились вокруг корпуса «Поблажки». Корабль тянула к земле эта сеть вьюнков.

В четырех футах от земли в открытом люке стоял Луис Ненда. Он кричал Дари, показывая на розовые побеги, которые лезли в корабль. Она протянула вверх руку, он крепко

схватил ее и, подняв в воздух, втащил в корабль одним выворачивающим плечи рывком.

Она лежала пластом на твердом полу. Мгновением позже рядом с ней, задыхаясь и фыркая, очутился В.К. Талли. Дари подняла голову.

— Дульсимер! — ахнула она. Луису Ненде такую махину не поднять. Она попыталась встать на ноги, чтобы помочь, но силы покинули ее.

Послышался хриплый вопль, и мимо нее пролетело темно-зеленое тело. Завывающий Дульсимер влетел через люк прямо внутрь корабля. Она услышала упругий шлепок о металлический корпус и новый болезненный вопль.

— Посадка закончена. Подымай! — Ненда изо всех сил пинал розовый усик, который продолжал стремительно расти.

— Люк еще не закрыт, — раздался по интеркому голос Ребки, и в тот же момент Дари почувствовала, как корабль поднялся, стремясь разорвать пути.

— Знаю. — Ненда вытащил жуткого вида нож и принялся рубить усик, но лезвие отскакивало от него. — Я не могу оторвать эту проклятую штуку. Наддай поживее!

Внезапно Дари осознала весь ужас ситуации. Мощное вооружение «Поблажки» для ближнего боя совершенно не годилось.

Корабль-разведчик поднялся еще на несколько футов. Последовал рывок, и подъем прекратился. Весь корпус застонал от внезапного напряжения. И сразу же Дари почувствовала еще один рывок, вниз.

— Вряд ли это выход. — Ненда, свесившись из люка, колот что-то невидимое. — Мы поднялись метров на десять, но нас тянет вниз, а зардалу лезут вверх. Надо сильней оттолкнуться.

— Слышу вас, — донес интерком спокойный голос Ребки. — Но у нас небольшая проблема. Мы уже на полной тяге. А то, что нас держит, по-моему, еще и не начало стараться.

Корабль заскрипел, затрясся и опустился еще на несколько дюймов.

— Может, попробуем по-другому, капитан, — предложил Ненда. Если их с Ребкой и охватила паника, то они ее тщательно скрывали. — И если мы отсюда быстро не смоемся, — продолжал он тем же беззаботным тоном, — то придется принимать гостей. — Он раздавил тяжелым ботинком бледно-розовый усик и вышвырнул его из люка.

Снова раздался голос Ребки.

— Схватитесь за что-нибудь покрепче и держитесь. И отойдите подальше от люка.

Легко сказать. Ничего подходящего в пределах досягаемости в шлюзе не было. Дари и В.К. Талли быстро подползли к внутренней двери шлюза и втиснулись в нее.

— Теперь держитесь, — произнес Ребка.

Что он собирается делать? Если они уже на максимальной тяге, на что Ханс надеется?

— Я попробую раскатать нас и вырваться, — продолжал Ребка, словно отвечая на немой вопрос Дари. — Возможны неприятные ощущения.

Классическое преуменьшение. «Поблажку» стало бросать из стороны в сторону, с боку на бок. Пол под ногами Дари вставал на дыбы и, прежде чем она успевала как-то приспособиться к этому положению, кренился в обратную сторону. Незакрепленные вещи падали отовсюду. Летело все: от фонариков, до предметов одежды и замороженных продуктов. Дверцы шкафов явно не выдержали тряски.

— Не сработало. — Ненда проигнорировал приказ Ребки отойти от люка. Уцепившись за поручни, он перегнулся наружу, пиная и кромсая ножом лезущих внутрь зардалу. Забравшись снова в шлюз, он заговорил в интерком:

— Нас еще на полметра стащило вниз. Надо пробовать что-то еще, капитан... порезче.

— Осталось только одно, — ответил Ребка. — Мне очень не хочется это делать. Ненда, отойди от люка... на сей раз вас действительно встряхнет.

Луис Ненда выругался и, бросившись к внутренней двери, вжался в нее всем телом.

— Держите кишки, сейчас нас шмякнет.

Корабль упал камнем на поверхность Дженизии: Ханс Ребка отключил подъем. Обшивка корпуса застонала.

Сетка розовых усиков ослабла, придавленная весом «Поблажки», а кое-где даже порвавшаяся от внезапного падения корабля. Прежде чем эта живая ловушка успела снова сомкнуться вокруг корабля, Ребка включил максимальную тягу, и «Поблажка» рванулась вперед по серому мху.

Дари видела открытый люк. Розовые руки растений как ветром сдуло. Но теперь они неслись прямо на зазубренные

утесы в глубине суши, слишком стремительно, чтобы успеть остановиться.

Космические корабли не рассчитаны на подобные ударные нагрузки. Эта скала вспорет корпус словно консервный нож.

Как только они освободились от растений, Ханс Ребка снова включил полную тягу. «Поблажка» летела на скалы, одновременно набирая высоту.

Вверх, но слишком медленно. Как замороженная, Дари с ужасом ждала развития событий. Все висело на волоске. Их несло на самый высокий утес.

Раздался жуткий скрежет металла, скользящий удар по днищу... Затем Дари услышала странный звук. Луис Ненда смеялся.

Отцепившись от косяка внутренней двери шлюза, он пробрался к приоткрытому люку, легко балансируя на колеблющемся полу. Затем сильным движением захлопнул его.

И повернулся к Дари и В.К. Талли, которые все еще цеплялись за косяк. По крайней мере Дари держалась за него мертвой хваткой, порожденной безумным ужасом. Он поочередно поставил их на ноги.

— С вами все в порядке?

Дари кивнула, и в этот момент из шлюза раздался жалобный вопль.

— Со мной все в порядке. — Хотя момент был явно неподходящий, она не удержалась и спросила: — Вы смеялись. Над чем?

Он ухмыльнулся:

— Хотел доказать себе, что я еще не умер. — Покачав темноволосой головой, он добавил: — Шутка. Я смеялся над собой. Видите ли, когда на сей раз я отправился сюда, то сказал Атвар Х'сиал, что сыт по горло этими зардалу: все время на них нарываюсь, а когда возвращаюсь, ничего не могу предъявить в доказательство их существования. Так случилось на Ясности. Так случилось в предыдущий раз на Дженизии. И будь я проклят, если сейчас не произошло то же самое, хотя я поклялся себе в этот раз вернуться не с пустыми руками. И вот не схватил даже кончика щупальца. Разве что вы захотите вернуться и поискать чего-нибудь на память.

Дари содрогнулась при мысли об этом. Протянув руку, она коснулась его грязного плеча.

— Я знаю, что вы вернулись на Дженизию из-за меня.

— Это не моя идея, — хмуро произнес Ненда и отвел глаза. В глубине корабля продолжал стонать и вскрикивать Дульсимер. — Хотя, будь я сообразительней, — добавил он так тихо, что Дари усомнилась, правильно ли его расслышала, — я бы так и поступил.

Он отодвинулся от нее и направился к Дульсимеру.

— Пойду заткну глотку этому полифему, пока он не перебудил на корабле всех, кто хочет спать. Можно подумать, только он пострадал.

Дари последовала за ним в кают-компанию «Поблажки», за ней шел В.К. Талли. Ханс Ребка сидел у пульта управления. В нескольких футах от него на полу катался Дульсимер то ли в истерике, то ли в муках.

— Успокойте его, ладно? — попросил Ребка Луиса Ненду. Он подмигнул Дари и, когда она подошла и встала рядом, лицо его озарилось радостной улыбкой. — Как вам понравился взлет?

— Кошмар.

— Знаю. Но единственное, что может быть хуже плохого взлета, — не взлететь вообще. Теперь я больше всего боюсь этой царапины на корпусе, но думаю, что лететь в космосе с ней можно. — Он перевел взгляд с Дари туда, где Ненда и Талли склонились над стонущим Дульсимером. — Что-то вы его не затыкаете... он вопит еще громче.

— Точно. И, убей Бог, не знаю почему: выглядит он вполне прилично. — Ненда подхватил полифема, который пытался свернуться в плотный темно-зеленый клубок. — Успокойся, ты, здоровый зеленый трус. С тобой все в порядке.

— Мука, — всклипывал Дульсимер, — о, какая же боль!

— Где, говоришь, у тебя болит?

Пять ручонок дружно замахали, указывая на хвост. Ненда стал ощупывать Дульсимера.

— Здесь ничего, — пробормотал он и вдруг торжествующе завопил: — Держись! Ты прав, я ошибся. Удача! Грандиозная! Дульсимер, ты — чудо, ты сообразил ухватить его хвостом. Расслабься, теперь мне надо отцепить его от тебя.

— Нет!!! Он в меня вгрызся. — Дульсимер испустил свистящий вопль. — Не делайте этого.

— Уже сделал. — Луис Ненда низко наклонился над хвостом полифема и удовлетворенно хмыкнул. — Считай так, Дульсимер: у тебя с нами контракт, по которому тебе положено 12

процентов. Но, думаю, остальные поделятся с тобой своей прибылью.

И пока Дари смотрела на него в полной растерянности, Луис Ненда медленно выпрямился и поднял правую руку.

— Смотрите. Теперь они не скажут, что мы все выдумали.

Наконец и другие увидели, в чем дело. В пальцах Луиса Ненды, яростно дергаясь и стараясь укусить его крошечным, острым как бритва клювом, болталось бледно-абрикосовое существо: злобный детеныш зардалу.

ГЛАВА 23

Если бы Ханса Ребку спросили, не дав времени на размышления, сколько времени прошло между отлетом с «Эребуса» и возвращением на него с Дари и остальными, он сказал бы — пятнадцать—двадцать часов. Ну никак не меньше двенадцати! Поэтому он был потрясен, когда, заглянув в бортовой журнал «Поблажки» после швартовки к основному кораблю, увидел, что на это ушло меньше трех часов.

На борту «Эребуса», казалось, ничего не изменилось. Корабль плыл по той же высокой орбите, молчаливый и с виду безжизненный. Никто не встречал их, когда они вышли из шлюза.

Все они направились в рубку. Впереди шел Ребка. Они шли туда потому, что слишком устали, чтобы сделать что-то еще. Единственным исключением был Дульсимер. Полифем направился к ближайшему реактору с такой неуклонной целеустремленностью, словно окружающее для него просто не существовало.

— А, ладно, пусти его, — пробормотал Ненда на вопросительный взгляд Дари. — Взгляните на него хорошенько. Он ни на что не годен, пока не встряхнется порцией солнечного сока. Закрой за собой дверь этого поганого реактора, — крикнул он вслед Дульсимеру.

Они замыкали группу. Дари пила из всех кранов, мимо которых они проходили, и вскоре почувствовала себя перекачиваемым водяным шаром. Оба устали донельзя и тянулись за Ребкой, болтая ни о чем. Вернее, она устала до чертиков, а

Ненда о чем-то говорил, но Дари слишком плохо соображала, чтобы вникнуть. Он старался подвести ее к какому-то выводу, но все время ходил вокруг да около. Наконец она, похлопав его по руке, сказала:

— Луис, я сейчас совершенно ничего не соображаю. Он досадливо пробурчал:

— Но нам надо поговорить сейчас, Дари. Это, может быть, наш единственный шанс.

— Почему же единственный? Поговорим позже.

— Позже не выйдет. Знаете, как говорят кекропийцы: «Хуже нерешительности — только медлительность».

— Впервые слышу такое, — зевнула Дари. — Почему бы вам не подождать с разговорами до завтра? — Она еле переставляла ноги, смутно понимая, что ее ответ ему совсем не понравился.

Ненда держал под мышкой детеныша зардалу, который выглядывал оттуда яркими бойкими глазками и старался извернуться так, чтобы укусить его в грудь. Ненда вздохнул, укоризненно шлепнул зардалу по голове и заторопился, чтобы снова оказаться бок о бок с Дари. Свободной рукой он обнял ее за плечи, но больше за всю дорогу до рубки «Эребуса» не сказал ни слова.

Ханс Ребка находился там уже несколько минут. Он уставился в одну из ниш большого зала. Плечи его согнулись от усталости, но быстро распрямились, когда он увидел Ненду в обнимку с Дари.

Она хорошо знала это выражение его лица. Чтобы избежать споров, она высвободилась, поспешила к нише... и испытала одно из сильнейших потрясений в жизни. Там, над безжизненным телом Ж'мерлии сидела Атвар Х'сиал.

Ж'мерлия. Дари видела на Дженизии, как он исчез. А теперь он лежал здесь, в рубке, на полу!

— Ж'мерлия... — начала было она и тут же осеклась. Голова была словно набита ватой. Мысли путались.

— Ат говорит, что с Ж'мерлией все будет в порядке, — сказал Ненда, тоже подошедший к нише. — Она общается с ним. Он еще не пришел в сознание, но состояние его улучшается. Нам надо запастись терпением.

Ж'мерлия принялся стонать и что-то бормотать. Дари наклонилась поближе. Он говорил на языке, которого она не понимала. Она окинула взглядом присутствующих.

— Кто-нибудь знает, на каком языке он говорит?

— Знать-то знаем, — ответил ей В.К. Талли, — а вот понять не понимаем. Это родной язык Ж'мерлии, на котором говорят взрослые лотфиане-самцы. К несчастью, в центральном банке данных нет его словаря. Я подозреваю, что в этой экспедиции никто им не владеет.

— Но это не важно, — добавил Луис Ненда. — У него явно какая-то травма и он не может говорить на человеческом языке, но феромоны все прояснят. Атвар Х'сиал поймет все, что скажет Ж'мерлия, а я переведу вам. Она думает, что через несколько минут мы разберемся, в чем дело, но нам надо быть наготове. Каллик, переведи компьютер в режим записи.

Хайменоптка кивнула, и лапки ее забегали по кнопкам пульта управления. Судя по всему, она уже оправилась от встречи с исчезающим Ж'мерлией. Теперь, усевшись на ограждение пульта, она пристально уставилась на лотфианина и обеспокоенную Атвар Х'сиал.

Дари увидела, что Каллик пользуется только средними лапками. Одного переднего сустава у нее не хватало. Что с ним случилось? Никто не удосужился объяснить. Она перевела взгляд на Луиса Ненду. Его руки покрывали волдыри от химических ожогов. Этим двоим досталось, но и остальные выглядели не лучше: грязные, изможденные.

Дари, наверное, и сама так выглядела. А чувствовала себя и вовсе дряхлой, лет на тысячу.

Бессмысленность их усилий внезапно поразила ее. Невозможно представить, поглядев на эту горстку измученных и покалеченных рабов и авантюристов, что они чего-то достигнут, в чем-то разберутся, не говоря уж о том, чтобы проникнуть в тайны Дженизии, окруженной поясом сингулярностей.

Смех, да и только. Но смеяться ей не хотелось. И даже злиться она больше не могла. А тут она столкнулась еще с одной тайной: присутствие Ж'мерлии здесь и сейчас.

— Как мог он здесь оказаться? — Дари словно услышала себя со стороны, и указала на лотфианина. — Он был на Дженизии со мной и Талли. А потом исчез... растаял в воздухе.

Остальным тоже почему-то не хотелось смеяться.

— Ж'мерлия был еще на «Эребусе» с Джулианом Грейвсом, — со вздохом добавил Ханс Ребка. — И исчез здесь. Он входил в наш отряд на Дженизии. И оттуда тоже исчез. А несколько часов назад он прибыл сюда на эмбриоскафе без со-

знания. Не спрашивай меня, Дари, как это может быть. Теоретик у нас ты. Тебе и карты в руки.

Оптическая иллюзия, зеркала, магия. Мысли Дари разбежались.

— У меня нет объяснений. Это невозможно.

— Тогда подожди секунду, и, может быть, мы услышим самого Ж'мерлию. — Луис Ненда показал на Атвар Х'сиал. Складчатый хоботок кекропийки порхал над телом Ж'мерлии, касался бледно-лимонных глаз на коротких стебельках, ласкал чувствительные антенны на узкой головке.

В ответ на ее прикосновения тело Ж'мерлии подергивалось, он что-то бормотал. Дари и остальные воспринимали это как невнятицу. Внезапно заговорил Луис Ненда.

— Постараюсь повторить все дословно. — Он посадил детеныша зардалу в одно из кресел у пульта, где тот сразу же решительно впился в обивку многочисленными присосками и попробовал ее на вкус. — Ат будет спрашивать и в точности передавать его слова мне, а я так же точно вам. Приготовься, Каллик. Это может начаться в любую секунду.

Букет феромонов плотным облаком висел в воздухе, однако смысл послания был скрыт от большинства присутствующих.

— Я, Ж'мерлия, слышу и отвечаю, — заговорил Луис Ненда невыразительным глухим голосом. — Это началось на эмбриоскафе. Меня оставили чинить корабль, пока госпожа моя, Атвар Х'сиал, капитан Ребка и хозяин Ненда отправились изучать постройки зардалу. Я управился с ремонтом раньше срока и решил испытать эмбриоскаф в полете. Он прекрасно все проделал. Поэтому я полетел на нем к постройкам, где обнаружил множество зардалу, выходящих из моря...

В комнате слышалось только хриплое дыхание Ж'мерлии и грубый бесстрастный голос Ненды. Рассказ о том, как лотфианин бежал в космос от зардалу, после того, как они загнали экспедицию под землю, о непредвиденной встрече с аморфной сингулярностью, о невероятном спасении, о физических муках на краю этой сингулярности и о невероятном перемещении в Полюй Мир, напоминал захватывающий роман. Описание его пробуждения и встречи с Опекуном, вызвало общий интерес и оживленные комментарии.

— Смахивает на Хранителя Мира, — тихо произнес Ребка. — Ненда, не могла бы Атвар Х'сиал подробнее расспросить про это детище Строителей?

— Я могу попросить ее попытаться задать этот вопрос. Однако не думаю, что она может вступить с ним в диалог.

Продолжался монотонный рассказ о том, как Опекун посылал разведчиков для исследования рукава, о том, как укреплялась его вера в свое высокое предназначение — сохранить Дженизию до прихода Строителей. И, наконец... хоботок Атвар Х'сиал задергался, и голос Луиса Ненды дрогнул... Ж'мерлия заговорил о себе.

Мозг его раскололся на части, а тело выполняло множество назначений сразу.

Он был одновременно нигде и всюду: с Опекуном в Полном Мире, с Джулианом Грейвсом на «Эребусе», в обоих отрядах на поверхности Дженизии и в ее недрах. Он умирал в ревущей колонне плазмы, исчезал из цепких щупальцев зардалу, его допрашивал Опекун, а потом он, в свою очередь, задавал запрограммированные им вопросы Хранителю Мира. И, наконец, последняя и худшая мука: Ж'мерлия терял свои «я» и наступал коллапс.

Лотфианин лежал, как в колыбели, в четырех лапах Атвар Х'сиал. Когда Ненда произнес слово «коллапс», он сел и огляделся вокруг. Бледно-желтые глаза смотрели растерянно, но осмысленно.

— Коллапс, — повторил он на человеческом языке озадаченным тоном. — Когда коллапс закончился, Опекун сказал, что моя миссия выполнена. Я снова находился в Полном Мире, но он сказал мне, что я должен его покинуть. А теперь я опять на «Эребусе». Как я сюда попал?

Дари оглядела всех по очереди. У них был спокойный, можно сказать, уверенный вид. Хотя «объяснение» Ж'мерлии того, как он появлялся во многих местах одновременно и каким образом он мгновенно исчезал из них, по сути дела, ничего не объясняло.

Почему же только она так растеряна и встревожена? Неужели, кроме нее, никого не волнуют эти явления, нарушавшие физические законы? Всю жизнь она отрицала мистику и колдовство, стремясь найти всему разумное объяснение. Но теперь, столкнувшись лицом к лицу с вопиющим нарушением возможного, опровержением всего, во что верила... неужели она должна видеть в этом проявление совершенно новой физики, отличающейся коренным образом от всего ранее изученного?

Дари потеряла глаза. Она могла согласиться со многим, но не с этим. Но не получается ли так, что ее нетерпимость неприемлема для настоящего ученого? Она же всегда гордилась гибкостью своего мышления, отсутствием предвзятости, способностью строить теории на фактах, а не на предубеждениях...

В полном изнеможении она погрузилась в горестные размышления, переосмысливая свои привычные представления.

Когда Ж'мерлия заговорил за себя сам, Луис Ненда прекратил переводить. Пока внимание всей группы было приковано к лотфианину, он бочком подобрался к Атвар Х'сиал и посредством феромонов спросил:

«Как вообще-то Ж'мерлия? Я имею в виду, как у него с головой? Можешь сказать?»

Атвар Х'сиал осторожно отодвинулась от остальной группы, и Ненда отошел вместе с ней.

«Он на удивление нормален, — тихо сказала она. — Почти все его рассказы выглядят неправдоподобно, и вместе с тем нет никаких свидетельств того, что он лжет или сочиняет свою версию».

«Значит, теперь он сможет самостоятельно говорить? И отвечать на вопросы?»

«Думаю, да».

«Значит, самое время действовать. «Поблажка» заправлена горючим, и на ней никого нет. Наш план — убраться из Свертки. Мы можем сняться, пока все сидят и слушают его с открытым ртом. Пора вернуться на Жемчужину. — Он замолчал, и феромоны повеяли вопросом. — Если ты все еще хочешь покинуть экспедицию».

«Я не уверена, — Атвар Х'сиал была непривычно нерешительна. — Не рано ли? — Два желтых рожка повернулись к группе собравшихся вокруг Ж'мерлии, затем снова к Ненде. — Он производит впечатление нормального, но это может означать, что нарушения психики произошли на очень глубоком уровне. Сейчас не слишком хорошее время, чтобы оставлять его».

«Ты пытаешься мне сказать, что хочешь остаться здесь, пока не уверишься, что твой жук в порядке? Если это так, я не против отправиться в одиночку...»

«Этого я не говорила. Я помню, что перед твоей поездкой на Дженизию мы заключили сделку. Кекропийцы не бросают-

ся словами. Но я — госпожа Ж'мерлии с того самого момента, как он вышел из личинки. Так что, если ты хочешь остаться подольше...»

«Я тоже согласился на эту сделку. Если хочешь поменять условия договора, буду счастлив. Только не говори мне, что ты оставляешь здесь, если мы покинем этот корабль. Я оставляю здесь гораздо больше, чем ты. — Ненда увидел, как рупоры рожков Атвар Х'сиал обратились в сторону Дари Лэнг. — Пойми меня правильно, я так же близок с Каллик, как ты с Ж'мерлией, но я не беру ее с собой. — Он вздохнул. — Сделка есть сделка».

Атвар Х'сиал долго сканировала Ненду, Ж'мерлию и Дари Лэнг, потом кивнула.

«Мы оба будем страдать, но взять их с собой не можем. И если мы не отправимся сейчас, кто знает, когда нам повезет в следующий раз... Постараемся, чтобы разлука с Ж'мерлией, Каллик... или с кем-то еще, оказалась не очень долгой. Но если даже она затянется... короче, если решаемся ехать, то я предпочитаю сделать это незамедлительно».

Ненда кивнул. Кекропийка и карланец осторожно попятись к выходу из рубки. У двери они помедлили несколько секунд и долгим взглядом окинули зал. Наконец, как будто придя к молчаливому согласию, они повернулись и поспешили прочь.

Их уход остался незамеченным. Дари Лэнг была поглощена своими мыслями, а внимание всех остальных сосредоточилось на Ж'мерлии.

— В этом рукаве много разумных созданий Строителей, — говорил лотфианин. — По словам Опекуна, их сотни или тысячи, все в укромных местах, где никто не догадается их искать. Они общаются друг с другом на протяжении миллионов лет. Но Опекун и Хранитель Мира сомневаются в дееспособности и здравомыслии большинства из них. Они в один голос твердят, что именно в этом регионе, и только в нем будет истинный дом Строителей, когда они вернутся в этот рукав.

Несмотря на то что всю свою сознательную жизнь Дари была зачарована Строителями и их созданиями, артефактами, в этот момент первоочередным стало совсем другое.

— Ж'мерлия! — Она собралась с силами и попыталась все-таки выяснить то, что ее волновало. — Вы говорите, что находились здесь и одновременно на Дженизии. Но ведь этого не

может быть. Никто не может находиться сразу в двух местах. Как вы это объясните?

Бледно-желтые глаза закатились. Ж'мерлия покачал головой.

— Объяснить? Я ничего не могу объяснить. Я только знаю, что так было.

— А я знаю, что это невозможно.

— Это не может быть невозможным, потому что это произошло.

И, разумеется, этот довод оспорить было нельзя. Ж'мерлия выглядел невозмутимым и непреклонным. Дари с досадой смотрела на него.

Остальные молча глядели на них, пока, наконец, В.К. Талли не зашевелился и не повернулся к Дари:

— Можно мне говорить?

— Только по делу, — отрезала Дари. Она так устала, так запуталась... что выносить бесконечные рассуждения какого-то дурацкого андроида было выше ее сил.

— По-моему, то, что я хочу сообщить, в высшей степени относится к этому делу. Можно мне говорить?

— Ладно, давайте.

— Существо логичному, каким являюсь я, поведение органических разумных существ, вроде вас, часто кажется аномальным. Например, история человечества — разумных существ, которым в моем банке данных соответствует наибольший объем информации, избилует случаями веры людей в невозможное на основании неполных данных или отсутствия таковых. Они признавали существование множества разнообразных невероятных созданий: богов, демонов, фей, эльфов, амулетов, волшебных снадобий, проклятий, сглаза и ведьм.

— Талли, если вы собираетесь читать лекцию...

— Но в то же самое время люди и другие органические разумные существа часто не желают признавать предпосылки и следствия своих вполне достоверных научных теорий. — Талли в упор посмотрел на Дари. — Например, вы отвергаете основные принципы квантовой теории.

— Вовсе нет!

— Ах, значит, вы их признаете. Но, по-видимому, в несколько абстрактном смысле. На практическом уровне вы их отвергаете.

— Нет, не отвергаю, — от возмущения Дари даже забыла про свою апатию.

— Значит, вы принимаете за постулат то, что частица или система частиц, таких как электрон или протон, или ядро атома, могут находиться в «смешанном» квантовом состоянии. В сущности, они могут занимать несколько различных возможных положений одновременно. Например, электрон имеет два разрешенных направления вращения, но нельзя сказать что у него тот или другой спин, пока его не стали наблюдать. До этого момента, он может быть частично в одном, частично в другом из возможных спиновых состояний. Вы согласны?

— Это азы теории. И они хорошо подтверждаются экспериментально. Я, безусловно, с этим согласна. В чем дело, В.К.? Переходите ближе к делу.

— Я о нем и говорю. В этом суть, вся суть. Ведь это вы рассказали мне, что исследователи Свертки Торвила спокойно воспринимали факт мгновенного взаимообмена парных элементов Свертки как проявление квантовых эффектов. Свертка, говорили вы, обладает макроскопическими квантовыми состояниями беспрецедентного масштаба. Вы говорили мне об этом еще до того, как мы вошли в Свертку.

Затем мы полетели в нее. Пилотом был Дульсимер. Помните тот момент, когда движение корабля стало беспорядочным и прерывистым?

— Конечно, помню. На мгновение я подумала, что мы попали в микрогнездо пространственно-временных сингулярностей, но затем поняла, что это бессмыслица.

— И вы спросили капитана Ребку, что происходит. Так как у людей часто возникают проблемы, когда надо восстановить события, разрешите напомнить вам его слова: «Изменения постоянной Планка... большие. Мы скачем по квантовым состояниям локального континуума. Если такие макроскопические квантовые эффекты типичны для Свертки, нам придется нелегко. Квантовая механика в повседневной жизни! Не представляю, что из этого выйдет». Вы приняли его слова на веру. И в то же время отказываетесь думать о том, что это означает на практике. Как я уже говорил, органические разумные существа сами не верят в собственные научные теории.

В Свертке существуют крупномасштабные квантовые явления, и разумные создания Строителей научились ими пользоваться. — Талли указал на Ж'мерлию. — Он, как вы и я, состоит из частиц. Каждого из нас описывает вектор квантово-механического состояния... очень большой и сложный, но все равно

вектор единичного состояния. Разве не очевидно, что Ж'мерлия существовал в смешанном квантовом состоянии, когда одновременно пребывал здесь, в Полном Мире и еще в нескольких местах на Дженизии? И разве не ясно, что его полная волновая функция не редуцировалась и не «коллапсировала» к единичному состоянию... к единичному Ж'мерлии... пока он не вернулся сюда на эмбриоскафе?

Дари посмотрела на остальных и не увидела никакой реакции. Ей самой речь Талли показалась откровением. Они же молча проглотили все его слова.

— Но если с Ж'мерлией случилось именно это, то почему же всех нас миновала чаша сия?

— Я могу только строить домыслы. Очевидно, большую роль в этом сыграл Опекун. Если попадание в смешанное квантовое состояние органических разумных существ какой-то пограничный случай в Свертке, то есть происходит крайне редко или при специально созданных обстоятельствах, тогда, возможно, для этого нужен какой-то «пусковой механизм». Опекун знает, как его обеспечить. Возможно также, что Ж'мерлия от природы необычайно склонен к переходу в смешанное квантовое состояние.

— О Господи! — не выдержал Ханс Ребка. Он полулежал в кресле пилота и, казалось, дремал. Теперь он сел прямо. — Необычайно склонен к переходу в смешанное состояние. Талли прав. Это мы видели собственными глазами у Джулиана Грейвса, когда прибыли сюда. Две его личности на Миранде слились воедино, но мы всегда знали, что это равновесие очень хрупкое, готовое нарушиться в любой момент. Он уже был на грани, и понадобилось совсем немного. Неудивительно, когда он говорит, что больше не может думать! Неудивительно, что он послал сигнал бедствия. Его разум раскололся на кусочки... «Меня слишком много». Две личности в одном теле. — Я думаю точно так же.

Поскольку В.К. Талли не обладал ни эмоциями, ни комплексом неполноценности, это проявление удовольствия при словах Ребки в его поддержку было следствием искусного моделирования.

— А это значит, что не надо лечить советника. Он автоматически станет нормальным, как только мы покинем Свертку и снова вернемся туда, где макроскопические квантовые эффекты не проявляются.

— Тогда чего мы ждем? — Ханс Ребка окинул взглядом их группу. — Мы можем покинуть Свертку сию же минуту. У нас есть доказательство существования зардалу, за которыми мы сюда явились, — он кивнул в сторону детеныша сухопутного головоногого, старательно продолжавшего уничтожать сиденье кресла у пульта, — лучшее, которое только можно представить. Чем скорее мы отсюда уберемся, тем скорее Грейвс придет в себя. Что нас здесь еще держит?

В случае болезни Джулиана Грейвса руководителем становился Ребка. Чтобы покинуть Свертку, ему не требовалось одобрения других. Просто он давно понял, что решения, принятые с общего согласия, гарантируют больше содействия.

Машинально он поискал глазами Луиса Ненду как наиболее вероятного оппонента и заметил отсутствие его и Атвар Х'сиал как раз в тот момент, когда в зале появился Дульсимер.

На этот раз полифем получил точно нужную дозу. Кожа его стала чистой, ярко-зеленой, оба глаза, и большой и сканирующий, смотрели ясно и уверенно. Он изящно балансировал на свернутом хвосте. Словом, демонстрировал отличную форму.

И еще кипел от ярости.

— Ладно. — Он подскочил поближе и встал в центре группы. — Я на многое смотрел сквозь пальцы во время этой экспедиции. Я чуть не утонул, меня преследовали, я умирал с голоду, едва не лишился хвоста... ничего этого мой контракт не предусматривал. Я мирился со всем, терпеливо и храбро. Но это уже чересчур. — Губастый рот его искривился, а большой глаз сердито оглядел каждого. Голос поднялся до яростного вопля: — Где мой корабль? Что вы сделали с «Поблажкой»? Отвечайте немедленно!

Луис Ненда и Атвар Х'сиал задавали себе почти тот же самый вопрос. Они осторожно отчалили от «Эребуса», не включая тяги, чтобы никакими вспышками не привлечь внимания приборов большого корабля.

Через несколько минут полета с неработающими двигателями, Ненда снова оглядел все дисплеи. В компьютер уже заложена программа траектории выхода «Поблажки» из Свертки Торвила. Нажатие кнопки — и корабль помчится отсюда стрелой. В нескольких километрах от них, на фоне розового свечения кольцевых сингулярностей темнел бугристый силуэт «Эребу-

са». На Дженизию спустилась ночь, и ее широкие просторы погружались во тьму. Если зардалу и занимались там какой-то деятельностью, то они обладали ночным зрением или использовали собственные биоломинисцентные источники. Единственным внешним освещением было слабое сияние сингулярностей и чуть видный отраженный блеск полной луны, мерцающей высоко над «Поблажкой», слева от Луиса Ненды.

Он обернулся к сгорбившейся около него Атвар Х'сиал:

— Мы достаточно удалились. Пора прощаться с Дженизией. Там, внизу, много ценного, но если мы хоть чем-то похожи, ты будешь счастлива никогда больше не видеть этот рай. Готова в путь?

Кекропийка кивнула.

— Ладно, Жемчужина, мы идем к тебе. — Луис Ненда щелкнул тумблером и запустил заложенный в компьютер маршрут. Несколько секунд они плавно летели вверх и наружу, нацелившись на мерцающий блеск кольцевых сингулярностей.

А затем Ненда выругался и схватился за рычаги. «Поблажка» меняла курс и довольно заметно. Атвар Х'сиал, не видевшая экранов дисплея, вцепилась всеми шестью ногами в пол и послала отчаянный вопль феромонов:

— Луис! Что-то неладно. Я этого не программировала.

— Черт, конечно, нет! Это не то, чего мы хотели. — Ненда вырубил программу и пытался перейти на ручное управление. Бесплезно. Корабль на него не реагировал, упорно продолжая менять направление. — Мы летим не туда, и я ничего не могу с этим сделать.

— Выключи двигатели.

Ненда не отвечал. Он их уже выключил. На левом экране висела полая луна. Знакомый шафрановый луч взметнулся оттуда, каким-то образом видимый по всей длине, даже в вакууме космоса. Этот луч поймал «Поблажку» и теперь направлял ее.

— Луис! — снова повторила Атвар Х'сиал. — Тяга!

— Выключена.

— Но мы продолжаем ускоряться. Ты знаешь, куда мы летим?

Ненда убрал руки с бесполезного пульта и откинулся в кресле. На переднем экране показалась Дженизия, стремительно увеличиваясь. «Поблажка» устремлялась к ней.

— Я отлично знаю, куда мы направляемся, Ат, — вздохнул он. — И также уверен, что, когда я скажу куда, тебе это точно не понравится.

ГЛАВА 24

Определение реальности; смысл существования; природа Вселенной.

Философские теории рукава, касающиеся этих вопросов, отличались такой же многочисленностью и разнообразием, как и разумные существа, населяющие его. Они охватывали широкий спектр взглядов от обратного платонизма Тойфеля («существует то, что ты видишь, и, может быть, немножко больше»), через радикальный прагматизм космических мантикоров с Тристана («реально то, что я сочту таковым») и далее, к закону неделимости, по которому живет ульевая цивилизация мирмеконов Декантила («Вселенная есть единое целое, и бессмысленно говорить о функциях ее составных частей»).

Насчет своих взглядов Дари не сомневалась: Вселенная существует реально, а если кто-то думает иначе, пусть лечится у психиатра. То, что происходило сейчас, наверняка было объективной реальностью.

Но сможет ли понять эту реальность живое органическое существо, разум и логические способности которого подвержены воздействию бури гормонов, ферментов и прочей требухи?

Это был вопрос гораздо более тонкий. Сама Дари была склонна ответить на него отрицательно. Если для этого нужен хороший пример, достаточно было взглянуть на недавние события.

Возьмем вчерашний день. По возвращении на «Эребус» с Дженизии, объективная Вселенная представлялась ей местом старым, потрепанным и жалким, утомленное настоящее безрадостно тащилось в бесцельное будущее.

Ее укачали волны изнеможения, растерянности, гнева, сменившиеся, наконец, ленивым безразличием.

Ну а теперь? Днем позже? Двенадцать часов глубочайшего сна, и вот уже кровь играет в ее жилах. Она подкрепилась

трапезой, достойной великана, и обнаружила, что, пока она спала, Вселенная сильно изменилась. Сегодня она сверкала и переливалась огнями, как давно потерянные сокровища Джестина.

И она сама тоже светилась.

«Эребус» медленно и плавно выбирался из глубин Свертки Торвила. Дари сидела бок о бок с молчаливым Хансом Ребкой и любовалась открывающейся панорамой. Ребка был раскованнее, чем обычно. Наверное, этому способствовали расстилавшиеся перед ними красоты. Они менялись каждую секунду: то огненное дымчато-красное море, озаренное брызгами крутящегося фейерверка из крошечных спиральных галактик, которые кружились в миллион миллиардов раз быстрее, чем настоящие, а через мгновение все окутывал непроницаемый мрак, темнота, которую, кажется, можно было пощупать. В это время зрение сменилось осязанием. Корабль скользил сквозь бездну с прерывистыми содроганиями, заставлявшими тело Дари трепетать. Нечто невидимое ласкало ее кожу... изнутри, нежными и опытными, чувственными пальцами.

— Макроскопические квантовые состояния, — лениво заметил Ханс Ребка и махнул рукой в сторону броуновского движения на мониторе. — Но они становятся все меньше. Еще несколько минут, и мы придем к нормальному масштабу.

— М-м, — интеллектуальная часть Дари кивнула и попыталась принять умный вид. А все остальное, глупое, ухмыляясь, млело от наслаждения чувственными радостями мира. Просто непозволительно было, чтобы что-то доставляло такое удовольствие. Неужели он не чувствует того же, что она? Нет, у этого мужчины явно что-то не в порядке.

— Согласно дульсимеровскому маршруту, — продолжал Ребка, — это наша последняя встреча с макросостоянием. Еще несколько минут, и Грейвс придет в норму. Он уже чувствует себя лучше, просто из-за того, что владеет информацией о себе.

— Угу. — Если бы водить сюда, в эту часть Свертки, туристические корабли и останавливать их здесь на несколько часов, можно было бы сколотить целое состояние. Если бы кто-нибудь смог долго выдержать такое удивительное блаженство... И самой быть на этом корабле... в каждом полете...

— Эй! — Он уставился на нее. — Что это у тебя такой довольный вид? Я-то думал, что ты сегодня будешь в унынии, а у тебя рот до ушей.

— А-а... — Дари посмотрела ему в глаза и внесла поправку в свои размышления. Надо возить сюда туристов, а не туристов.

Но щекочущее ощущение внутри уже стихло, и она наконец смогла заговорить.

— А почему бы мне не улыбаться? Мы нашли зардалу, спаслись с Дженизии, и у нас с собой живой детеныш зардалу для доказательства Совету, мы на пути домой. Разве нечему радоваться?

— Нам — да. Грейвсу, Талли и мне. А тебе — нет.

— Ханс, ты что, снова собираешься пороть эту чушь насчет меня и Луиса Ненды... Он только пытался объяснить, что они собираются сделать с «Поблажкой». Я уверена, что именно это. А потом, когда я не стала слушать, он положил руку...

— Это не важно. Мы знаем, что случилось с «Поблажкой». Пока ты спала как убитая, Каллик обнаружила план полета в закрытом файле резервного компьютера «Эребуса». Ненда и Атвар Х'сиал направляются на Жемчужину за кораблем Ненды.

Дари на мгновение замолчала. Она надеялась в недалеком будущем тоже побывать на Жемчужине, но сейчас упоминать об этом не стоило.

— Ну, а если ты думаешь, что моя улыбка относится к Ненде...

— И думать об этом забыл.

Он думал, в этом-то Дари была уверена... Слишком уж быстро он ответил ей. Она начинала узнавать Ханса Ребку гораздо лучше, чем кого бы то ни было.

— Я не волнуюсь из-за тебя и Ненды или тебя и еще кого-либо. — Маска лени и равнодушия слетела с его лица. — Я беспокоюсь о тебе, и только о тебе. Ты ведь летела сюда не из-за головоногих. Я это знаю.

— Я хотела быть с тобой.

— Чепуха. Ну, может быть, немножко из-за этого, мне приятно так думать. Но главным образом ты хотела найти Строителей.

Да, она хотела именно этого! Трудно теперь припомнить, но он точно назвал побудительную причину ее отъезда с Врат Стража. Хотела она этого или нет, но он тоже начал узнавать ее лучше, чем кто-либо и когда-либо. Поток взаимопонимания тек в обе стороны, как в сообщающихся сосудах. Это длится

всего лишь год. Как же хорошо они будут знать друг друга через сто лет?

— И теперь, — продолжал он, — ты возвращаешься домой с пустыми руками.

— Чушь! У меня появился для размышлений новый артефакт. И какой! Свертка Торвила — создание Строителей, самое необычное из всех виденных нами.

— Может быть. Но я могу процитировать некоего профессора с Врат Стражника: «В моей жизни не было ничего интереснее артефактов Строителей... пока Строители были от нас скрыты. Но когда повидеешь разумные создания Строителей и поймешь, что появился шанс увидеть самих Строителей, прошлое уже не имеет значения. Никакому артефакту не сравниться с этим». Помнишь, кто это сказал?

Это был риторический вопрос. Дари предпочла промолчать. И снова поглядела на экраны. В черноте небес забрезжил слабый свет. Перед ними разворачивалось зрелище галактического рукава, настоящего, такого, каким он должен выглядеть, не искаженный ни полосами сингулярности, ни квантовой рябью, ни химерами Торвила. Должно быть, они были уже на выходе из Свертки.

— Но ты сейчас не ближе к Строителям, чем была год назад, — не унимался Ребка. — В каком-то смысле даже дальше. Когда на Жемчужине и на Ясности мы имели дело с созданиями Строителей, ты думала, что Тот-Кто-Ждет и Посредник знают ключ к истинным планам и намерениям Строителей. А теперь мы обнаружили, что Опекун и Хранитель Мира полностью согласны друг с другом, но вовсе не согласны с другими созданиями. Это путаница, это каша, и ты должна быть разочарованной и несчастной.

Дари совершенно не чувствовала себя ни несчастной, ни разочарованной. Да, у нее были вопросы, и не один десяток, но на этом стоит мир.

Она ласково улыбнулась Хансу Ребке... а может, она улыбалась этому теплomu ощущению в себе? Наверное, и тому, и другому.

— Конечно, Опекун и Хранитель Мира во всем согласны друг с другом. Чего же еще ждать от них, если они принадлежат к одной и той же системе. Они — единое создание, существующее в смешанном квантовом состоянии, совсем как Ж'мерлия. Но в их случае этот эффект действует постоянно. — Когда Ребка резко

повернулся и удивленно поглядел на нее сверху вниз, она продолжала: — Ханс, за последний год я больше узнала о Строителях и их созданиях, чем довелось кому-либо. И знаешь что? Каждый новый клочок информации запутывал все еще сильнее. Таким образом, встает главный вопрос: если все создания Строителей серьезны, деятельны, не способны лгать и если они заняты осуществлением планов своих создателей, почему же все так запутано?

Ее вопрос звучал так же риторически. И ее скорее расстроило бы, если бы Ханс Ребка попытался что-то сказать по этому поводу. Она решила опробовать на нем собственную гипотезу, которую она опишет, когда вернется на Врата Стражника. Их отъезд из научно-исследовательского института нельзя было назвать триумфальным. Она рассмеялась над собой. Триумфальным? Профессор Мерада ломал руки и стонал по поводу каталога артефактов, у Гленны Омар шея была намазана мазью от ожогов и перевязана, Кармина Голд рассылала возмущенные сообщения Совету Альянса... Нет, следующая статья, представленная Дари Лэнг, должна быть по-настоящему хорошей.

— Я скажу тебе, Ханс, почему мы растерялись. Создания Строителей обладают невероятной физической мощностью, это мы знаем на собственном опыте. И очень соблазнительно думать, что тот, кто обладает такой мощностью, должен знать, что делает. Я больше в это не верю. Во-первых, у всех них расходятся мнения, для чего они созданы. Как такое случилось? На это есть только один разумный ответ. Они противоречат друг другу, потому что каждое создание составило собственное представление о себе.

Наше предположение, что эти машины следуют четкой программе Строителей, — чепуха. Такой программы нет... А если она есть, создания о ней не знают.

По-моему, произошло вот что. Пять миллионов лет назад Строители взяли и исчезли. Машины остались на своих местах. Как и другие артефакты, они всего лишь останки, реликвии, забытые Строителями. Но есть одна тонкость: эти создания разумны. Они сидели и ждали обещанного возвращения своих творцов, придуманного или настоящего. И пока ждали, изобрели цель, чтобы оправдать свое существование. Каждое такое создание придумало свой Великий План Строителей, в котором главную роль отводило себе. Знакомая ситуация, да? Точь-в-точь, как у людей.

И вовсе не Строители решили, что Дженизия — это особая планета, на которой они когда-нибудь обоснуются насовсем. Чего ради? Они же зародились на газовом гиганте... зачем им забавный мирок Дженизии? Это Опекун решил, что его планета особая, и установил хитроумную карантинную систему, чтобы освободить пространство от тех, кто не сможет пройти его тест на этику. Судя по всему, мы его прошли, а зардалу оплошали. Все это довольно дико, но и другие разумные создания Строителей не лучше. Тот-Кто-Ждет считает уникальным Тектон, а Посредник уверен, что самое важное место — это Ясность. Ребка покачал головой.

— По-моему, ты неправа. Я думаю, что Строители все еще где-то рядом, но они не хотят, чтобы мы их искали. По-моему, они попытались заключить зардалу на Дженизии, но те сбежали и вышли из-под контроля. Великое Восстание позаботилось о зардалу, они больше не представляют угрозы. Но теперь Строителей тревожим мы. Вдруг и мы тоже выйдем из-под контроля? Мне кажется, Строители нас боятся.

Дари нахмурилась. Он, казалось, не понимал, что не должен прерывать логику будущей статьи, которая возникала на его глазах.

— Ханс, ты такой же самоуверенный, как и эти создания. Ты пытаешься представить дело так, чтобы показать нашу значимость. Ты хочешь, чтобы Строители считались с нами, и не можешь принять мысль о том, что мы им безразличны, что они не знают о нашем существовании. В их раскладе мы несущественны.

Она остановилась передохнуть, и он вставил вопрос:

— Ладно, если ты такая умная и компетентная, ответь: где Строители сейчас?

— Не знаю. Они могут быть где угодно: в центре галактики, за миллионы световых лет отсюда, в свободном космосе или вообще в каком-то ином месте, о котором мы ничего не знаем. Это не влияет на ход моих рассуждений.

— Хорошо. Допустим, они ушли. Какая роль уготована нам?

— Я уже сказала тебе. — Дари схватила его за руку. В статье этого, правда, не делают, но не важно. — Никакой! То есть абсолютно. Мы для Строителей совершенно не важны. Им все равно, что мы делаем. Они создали свои разумные творения и удалились. И артефакты им тоже не интересны. Это для нас

они нечто великое, а для них просто хлам, ящики, брошенные в пустом доме.

Строителей не интересуют ни люди, ни кекропийцы... никто в этом рукаве. Не интересен ты. Не интересна я. С этим трудно смириться, некоторые люди не примут этого никогда. Строители не враги нам. И не друзья. Мы им не дети, не пугающие наследники, они из нас не воспитывают соратников или спутников. Строители к нам равнодушны. Им все равно, гоняемся мы за ними или нет.

— Дари, ты так не считаешь. Если ты не будешь гоняться за ними, ты... предашь дело своей жизни.

— Эй, я не говорю, что я не гоняюсь за ними... а только, что им все равно, гоняюсь я или нет. Конечно, я гоняюсь! Их создания не могут последовать за ними. Но, возможно, это удастся нам. Мы не будем ждать предложений. Люди и кекропийцы, даже зардалу, настырные типы. Каждый год мы узнаем чуть больше о каком-то одном из артефактов или находим тропку, которая позволяет проникнуть чуть дальше внутрь другого. Со временем мы поймем все. И узнаем, куда ушли Строители, и когда-нибудь отправимся за ними. Сейчас им все равно, что мы делаем или что собой представляем. Но, возможно, они изменят свое отношение к нам, когда мы узнаем, где их искать, и последуем за ними. Говоря это, Дари проверяла справедливость своих доводов. Можно ли публиковать их как вызов, как «безумную» идею? Возможно... ее научная репутация сыграет ей на руку. Поверят ли в них? Никоим образом. Для таких людей, как профессор Мерада, нужны факты. Доказательства. Документы. Ссылки на авторитеты. Без них ее статья будет считаться свидетельством того, что Дари Лэнг свихнулась. Она станет институтской сумасшедшей, и общество нормальных людей будет ей заказано навсегда. Разве только она очень хорошо подготовится.

Ох, какая же это должна быть подготовка!

Ей придется проанализировать современное состояние науки об артефактах. Теоретическую часть она сможет сделать, не покидая Врат Стражника. Еще она могла описать Свертку Торвила и предложить убедительные свидетельства того, что она является артефактом беспрецедентных размеров и сложности. Она могла бы организовать и организует еще одну экспедицию сюда. Но что касается остального...

Она снова принялась излагать Ребке эту программу действий. Им понадобятся новые контакты с разумными созданиями Строителей. Несомненно, на Жемчужине и на Ясности. После того как найдется способ совершить скачок на тридцать тысяч световых лет из галактической плоскости. Естественно, им придется вернуться в Свертку и получше понять сущность этого смешанного квантового состояния — Опекун — Хранитель Мира. Применение макроскопических квантовых состояний открывало бездну возможностей, и это тоже нельзя проигнорировать. Конечно, им придется с помощью Опекуна выследить другие создания и пообщаться с ними достаточно долго, чтобы понять их назначение. Возможно, людям и кекропийцам, а также другим органическим разумным существам придется стать новыми лидерами этих созданий, найти им новую область деятельности, которая не противоречила бы их программе. И еще им придется вернуться на Дженизию, чтобы обуздать зардалу. Джулиан Грейвс обязательно настоит на этом, что бы ни говорили другие.

Ханс Ребка слушал. Через какое-то время он глубоко вздохнул. Казалось, Дари не создавала, что она предлагает. Она считала, что намечает план научных исследований. На самом деле это выливалось в нечто другое: долгосрочную программу развития целого рукава. Она на десятилетия вовлечет в работу все органические и неорганические разумные существа... Целые поколения столетиями будут работать не покладая рук. Даже если она и заблуждается насчет Строителей, а Ханс считал, что так оно и есть, она все равно расписывает чудовищный по грандиозности проект.

Но это ее не пугало. Он внимательно всмотрелся в ее вдохновенное лицо. Она рвалась к работе.

Можно ли ее осуществить? Он не знал. Но понимал только одно: так гладко, как кажется Дари, в реальной жизни не бывает. И еще он знал, что ни за что не станет отговаривать ее от этой попытки.

Какая же участь уготована ему? И где его место?

Ханс Ребка наклонился и взял руки Дари в свои. Она как будто не заметила этого, продолжая говорить, обрисовывать, формулировать.

Он ошибался. Неприятности не кончились, когда «Эребус» благополучно выбрался из Свертки Торвила. Неприятности только начинались.

ЭПИЛОГ

— А вот и они.

Луис Ненда угрюмо прищурился на открытую равнину, безжизненный вид которой нарушался в одном месте перекрученными зарослями мха, выросшими до сверхгигантских размеров. Ночь почти спустилась на Дженизию. Несмотря на все его усилия, «Поблажка», притормозив, опустилась в удлиненной тени тех самых построек из песчаника — в том самом месте, где они впервые убегали от зардалу.

— Оружие готово. — Или Атвар Х'сиал была абсолютно спокойна, или же ее искусство испускания феромонов превосходило возможности Ненды. — Однако поскольку группа лишь частично попадает в зону огня, полный успех сомнителен. С твоего согласия я воздержусь стрелять, пока они не применят свою обычную стратегию массового нападения. Тогда мы сможем уничтожить гораздо больше особей.

— Ладно. Если только они не выкинут еще какой-нибудь из своих проклятых ботанических фокусов. При первых же признаках выжигай их... без всяких обсуждений.

Боковые амбразуры «Поблажки» были открыты, чтобы дать Атвар Х'сиал возможность кругового обзора местности. Меркнущий свет дня не мешал ей, она сидела у пульта управления оружием. Луис Ненда находился рядом, в кресле пилота. Он переделал один из дисплеев, чтобы смотреть прямо вниз. При первых же признаках разрастания каких-то побегов под ними, он поднимет «Поблажку» и поведет ее параллельно поверх-

ности земли. Возможно, им не удастся улететь с Дженизи, но они могут попытаться обогнуть ее на бреющем полете.

Зардалу выплывали из глубин один за другим и замирали в нескольких метрах от берега. Луис Ненда насчитал тридцать чудовищ, а потом бросил. Число роли не играло. Одного, если он доберется до корабля, вполне хватит.

Вечерний свет поблескивал на огромных темно-синих головах. Судя по ним, среди этих зардалу были четыре самых крупных, каких только доводилось видеть Луису Ненде. Размерами они вдвое превосходили тех, что гонялись за ними в подземельях Дженизи. Должно быть, они входили в число тех четырнадцати прародителей, которые содержались в стази-се на Ясности.

Ненда уже один раз столкнулся с ними и знал их силу.

— Приготовься.

Первый зардалу прошлепал по мелководью и встал, раскинув щупальца на берегу. Он находился так близко от Ненды, что тот видел ритмичное пульсирование толстого тела при наземном дыхании.

— Я готова, Луис. Но я предпочитаю в качестве цели большую толпу. Одного недостаточно. Вдобавок?..

Феромоны повисли в воздухе затаженным вопросом: Луис Ненда в разъяснениях не нуждался. Взрослый зардалу, выпрямившись, может пролететь сорок метров, отделяющие корабль от берега, за несколько секунд. Но этот зардалу не выпрямлялся. Пока остальные стояли в воде и ждали, этот прошлепал вперед, как расплющенная морская звезда: щупальца вытянуты горизонтально в разные стороны, голова повернута к кораблю. Через несколько секунд он собрал свои гибкие ноги в тугий пучок, обращенный к морю, и стал медленно отталкиваться, направляясь к «Поблажке». Голова его была приподнята лишь настолько, чтобы видеть корабль.

— Двенадцать метров, — сказала Атвар Х'сиал, касаясь кнопки. — По-моему, пора.

— Подожди еще секундочку. — Луис Ненда подался вперед, чтобы посмотреть в иллюминатор, обращенный к морю. — Если это то, что я думаю...

Зардалу остановился. Длинная вертикальная щель под клювом открылась, и из нее раздались странные вздохи и шелкающий свист.

— Мы обращаемся с просьбой, — слова звучали, как неуклюжая попытка говорить на хайменоптском. — Мы просим, чтобы вы нас выслушали.

— Что он там говорит, *Луис? — Атвар Х'сиал смогла уловить звуковой поток, но не могла его понять. — Стреляю.

— Пока не надо. Держи лапку на кнопке, но не жми без моего сигнала. Может, мы еще проживем. По-моему, оно хочет пообщаться. — Ненда перешел на примитивный хайменоптский. — Я слышу тебя, зардалу. Говори коротко и просто.

— Я говорю за всех зардалу, новорожденных и старых, — толстые щупальца извивались, шлепая по мшистой поверхности, но торс сохранял согбенное положение. — Это трудно произнести, и поэтому я прошу вас набраться терпения. С тех пор как мы вернулись сюда, мы узнали, что до нашего пробуждения мы, несколько уцелевших, пребывали во сне много тысячелетий. За это время многое изменилось. В прошлом, во время своих странствий по рукаву мы мало контактировали с людьми и их большими рабами, — голубые глаза обратились к Атвар Х'сиал.

Ненда переводил эту речь кекропийке, но последнюю фразу благоразумно пропустил. Он не хотел, чтобы посол превратился в облачко дыма.

Лежащий ниц зардалу подвинулся ближе.

— Но теперь мы повстречались с вами четырежды: один раз на Ясности, и три раза в этом мире. И каждый раз вы казались беспомощными. Мы были уверены... мы знали... что вы не сможете избежать смерти или рабства. Но каждый раз вы легко обводили нас вокруг пальца, нанося нам ущерб. Более того, со времени нашего возвращения в этот мир, мы не можем его покинуть. А вы приходите и уходите из него по своему желанию.

— Чертовски верно! («Как бы мне хотелось, чтобы это было так», — добавил он про себя.) Мы делаем, что хотим, и здесь, и повсюду.

— Луис, что оно говорит? — Легкое прикосновение лапы Атвар Х'сиал, и зардалу взлетит стружкой дыма. — Оно приближается. Стрелять?

— Расслабься, Ат. По-моему, я начинаю входить во вкус. Ты только глянь! Оно совсем пресмыкается!

— Ты уверен?

— Да. Оно разговаривает на рабском языке Сообщества Зардалу. Мне довелось достаточно пресмыкаться самому, чтобы узнать признаки этого. Посмотри на его язык!

Длинный толстый пурпурный язык высунулся из ротового отверстия зардалу и растянулся по берегу на четыре фута. Ненда сделал три шага вперед и остановился в нескольких дюймах от языка. Свирепо поглядев в большие голубые глаза, он объявил:

— Ладно. Ваша компания наконец-то поняла то, что мы знали всегда. Вы — скопище жалких слизняков, и мы можем в любое время расправиться с вами. Но что вы предлагаете?

Язык убрался внутрь рта.

— Пе... перемирие?

— Забудьте.

— Тогда... капитуляция. На любых условиях, которые вы потребуете. Но чтобы вы нами руководили, направляли нас и научили думать и действовать. И помогли нам покинуть эту планету, когда мы этого захотим. В ответ мы согласны дать вам...

— Об этом не беспокойтесь. Мы решим, что потребовать взамен. У нас уже есть некоторые соображения. — Язык снова высунулся. Ненда твердо поставил на него свой ботинок. — Если только мы решим принять ваше предложение.

— Мы? — Так как его язык почти не мог двигаться, речь зардалу звучала невнятно.

— Да. Мы. Естественно, принимая такое серьезное решение, мне надо посоветоваться с моим партнером. — Ненда показал рукой на Атвар Х'сиал и увидел ужас в выпученных голубых глазах зардалу. Его огромное тело задергалось, и булькающие извинения понеслись из ротового отверстия.

Ненда ни на миллиметр не убрал ногу, но задумчиво кивнул.

— Знаю. Она может так взбеситься, что ее назвали рабыней, что превратит тебя в горсточку пепла.

— Хозяин...

— Но я человек добрый. — Ненда убрал ногу с языка зардалу, повернулся и небрежно направился к «Поблажке». — Оставайся на месте, пока я попробую замолвить за тебя словечко, — бросил он через плечо. — Может, тебе и повезет.

СОДЕРЖАНИЕ

Летний Прилив	5
Расхождение	251
Выход за пределы	515

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:**

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10,
тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1,
Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Шеффилд Чарлз
Летний Прилив
Расхождение
Выход за пределы

Цикл «Наследие Вселенной»

Фантастические романы

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

«Наследие Вселенной»

История о землянах, исследующих разбросанные по всей Галактике артефакты древней и загадочной цивилизации Строителей — артефакты, размеры которых превышают наше разумение и значение которых мы пока еще не в силах осознать.

История катастроф и невероятных приключений!..

История мужества, отваги и силы духа!..

Летний Прилив
Расхождение
Выход за пределы
Схождение

ISBN 5-17-022005

9 785170 22005